

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Материалы
III Международной научно-практической конференции
Иркутск, 30 ноября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1876-6

УДК 316.346
ББК 67.56

Под общей редакцией:
канд. филос. наук, доц. *О. А. Полюшкевич*
преподавателя *Г. В. Дружинина*

В поисках социальной истины : материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 30 ноября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 1 электрон. опт. диск. (CD-ROM). – Загл. с этикетки диска. <https://doi.org/10.26516/978-5-9624-1876-6.2020.1-650>
ISBN 978-5-9624-1876-6

Представлены доклады зарубежных и отечественных ученых в сфере изучения, трансформации и новых контекстов исследования социальной истины. Отдельной секцией представлены материалы Рубинштейновских чтений, прошедших в октябре 2020 г. в Иркутском государственном университете.

Предназначено для ученых и практиков в области общественных и гуманитарных наук, преподавателей, аспирантов и студентов и всех интересующихся вопросами внедрения виртуального пространства в повседневную жизнь.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. (3952) 24-34-53
Издательство ИГУ; 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@lawinstitit.ru
Подписано к использованию 28.11.2020. Тираж 30 экз. Объем 10,5 Мб.

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или 8.1. ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024x768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Материалы
III Международной научно-практической конференции
Иркутск, 30 ноября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1876-6

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Материалы
III Международной научно-практической конференции
Иркутск, 30 ноября 2020 г.

ISBN 978-5-9624-1876-6

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие.</i> Истина конструируется.....	10
--	----

СЕКЦИЯ 1. РЕФЛЕКСИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Решетников В. А. Конвенциональность социальной истины как феномен современной жизни	11
Бурмакина Н. А., Штумпф С. П. Социальная истина сегодня: феномен умиротворения – подлинность или эрзац?.....	17
Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д. Социальная консолидация в «больших теориях» и концепциях «критической школы»: истина где-то рядом.....	23
Грабельных Т. И. Интеллигенция и ментальность: новое понимание и новые образы (в аспекте постижения социальной истины)	30
Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Социальная истина и духовно-нравственная ответственность.....	34
Олейник Е. А. Современный мир и понятие социальной истины	42
Бобков А. А. Исчезновение социальной реальности или кризис социального познания как методологическая проблема поиска социальной истины	48
Ирошников Д. В. Безопасность в контексте социальной истины	56
Диггид Дж. Д., Пустобаева А. М. Пустотность времени и пространства в эпоху модерна	62
Ардашев Р. Г. Философия и социология эпидемии: иррациональные основы.....	68
Битти А. Ф., Николаева Н. А. Истинность безмолвия в повседневности международных отношений.....	76
Оканина А. Ф. Глобализация хайпа как принцип борьбы с экзистенциальным кризисом	79
Казарин В. Н. Массовые социальные протесты в курсе «История политических и правовых учений»: эволюция освещения и оценок в позднесоветский и современный периоды	83
Сизых И. С., Штумпф С. П. Коррективы норм морали в современных условиях. Между солидарностью и конкуренцией (социально-философский анализ).....	95
Меньшикова А. А. Формализация как индикатор морали и социальной истины в современном обществе.....	100
Ярофеева Е. Р., Штумпф С. П. Трансформации идентичности человека: социальный, психологический, философский аспекты	105

СЕКЦИЯ 2. ТЕХНОЛОГИИ ПОИСКА СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Гантимуров В. Р. Социологические способы оценки истинности событий, мнений и идей: анализ и оценка	110
Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик	112
Богорадникова Е. А. Роль общественного опыта как критерия социальной истины в духовной жизни россиян	116
Анохина А. А. Роль социальных фактов в проведении социологической экспертизы в условиях аномического общества	118
Павлюк М. А. Независимая экспертиза в социальной сфере: внешние и внутренние факторы влияния	123
Пружинин А. Н. Социальное моделирование развития человеческого капитала	126
Магомадова Х. А., Тайсумова Х. В. Информационные технологии в процессе становления социальной истины	131
Зуева Е. А., Матвеева И. А. Социальные представления жителей города Иркутска о терроризме	134
Богомолова М. И. Адаптация пожилых людей в цифровом обществе	140
Осипов Т. А. Стигматизация в контексте социальной стратификации: экспертное регулирование	145
Иванов Р. В. Защита прав человека в период пандемии	149

СЕКЦИЯ 3. МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ И СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ: ВОПРОСЫ ИСТИНЫ И ИСТИННОСТИ

Лещенко Я. А. Развитие демографического потенциала Сибири и Дальнего Востока: проблемы целеполагания и управления	159
Мехришвили Л. Л. Социальный капитал поколений через призму эмоциональной включенности и солидарности социальных практик	168
Хайруллина Н. Г. Общественные трансформации: эмоциональная солидарность и воспроизводство представителей различных поколений	182
Полюшкевич О. А. Социальное и личное время поколений	189
Савицкая Ю. П. Легитимизация незарегистрированных браков как предмет общественной дискуссии	222
Устинова О. В. Традиционные и новые ценности института семьи и брака – где истина?	228
Митюкова Е. В. Образ ранних браков как фактор формирования психологической готовности к семье и браку молодежи Иркутской области	232

Аксёненко И. А., Бурлимова Е. А. Восприятие гендерных стереотипов молодежью города Иркутска.....	236
---	-----

СЕКЦИЯ 4. СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРА СМЫСЛОВ

Дмитриева А. А. Анализ феномена постюмора как следствия «театра абсурда» с точки зрения исторических и культурных предпосылок.....	243
Осипов Т. А., Сафонов С. А. Культура как ключевой “регион” личностного становления молодежи в технологическую эпоху: к постановке проблемы.....	248
Бухарова Е. А., Стифуткина В. А. Влияние СМИ на формирование социальных стереотипов.....	253
Стифуткина В. А. Кино как социальный институт.....	257
Шантанов Р. В. Организация культурно-досуговой деятельности как фактор решения проблем девиации в сельской местности (на примере Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области).....	259
Трескин П. А. Иррационализация духовности: ресурсы региональных религиозных организаций.....	263
Шарафеева Д. С. Соответствие социальных ролей и коммуникаций: экспертные оценки.....	270
Веселова Л. В., Титова В. О., Туринцева Е. А. Социальная истина современной молодежи.....	272
Богорадникова Е. А., Жуйкова Д. В. Представления студентов о богатом и бедном человеке (реконструкция социальных представлений на основе прочтения рисуночных данных).....	275
Жигалова О. А., Волкова Р. С. Образы «профессионализма» в рисунках студентов.....	281
Рыбак Н. С. Каким представляется успешный студент?.....	290
Бардамова Я. Ю., Маркова Е. А., Гуринович Л. А. Мем как инструмент коммуникации в жизни молодежи.....	295

СЕКЦИЯ 5. ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОИСКА СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Артамонова А. С., Голубош О. С. Гуманизация образовательного процесса посредством цифровизации в современной России.....	304
Вангаева Ф. М., Тайсумова Х. В. Проблемы обучаемости искусственного интеллекта и обучаемости искусственным интеллектом.....	308
Журавлева И. А. Роль дополнительного образования в современном мире.....	312
Даркина А. В. Стигматизация участников образовательного пространства как новая истина педагогики постмодерна.....	323

Тайсумова Ф. И., Тайсумова Х. В. Характер и перспективы развития современного этапа реформирования системы образования в Российской Федерации	328
Гильдебрандт А. И., Фейткевич Н. А. Концепт «непрерывное образование» как один из ресурсов приближения к социальной истине	333
Подковенко А. Г. Коммуникационные компетенции как один из важнейших гибких навыков современного выпускника университета	337
Мадойкина Е. В., Гуринович Л. А. Современная кружковая деятельность как форма социальной работы с обучающимися в образовательных организациях	340
Пружинин А. Н. Корпоративное обучение среднего бизнеса в Иркутской области	344
Малых С. В. Адаптация преподавателей университета к дистанционному обучению во время пандемии	349

СЕКЦИЯ 6. СМЫСЛЫ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИКА СМЫСЛОВ

Zavialov A. V. Africa's Economic Integration Development in Comparison with Europe	353
Деренко Н. В. Токсичные управленческие решения: как эффективный контракт порождает новые коррупционные риски	357
Легостаева И. В. Эволюция моделей корпоративной социальной ответственности бизнеса	362
Главинская Н. В. Актуальные правовые проблемы ипотечного кредитования в России	366
Гантимуров В. Р. Благоприятные условия для ведения бизнеса в период пандемии: экономические, социальные и моральные риски (по материалам СМИ)	374
Ананьина Э. Д. Независимая экспертиза в экономической сфере: условия и возможности проведения	378
Ляликowa А. А. Должно ли государство поддерживать малый и средний бизнес?	380
Сафонов С. А. Проведение экспертизы в процессе принятия управленческих решений: требование объективности	385
Стрельцова А. А. Проблемы занятости в современной России: мифы и реальность	388
Бибердов М. С.-А., Тайсумова Х. В. Вклад карла Маркса в развитие экономической науки	391
Поджидаева А. Ю. Особенности женской безработицы в современной России	395
Попова М. В. Сельская занятость после пандемии	398
Фальковская Т. Ю. Качество управленческих практик и управленческих решений: «истина где-то рядом» (Уроки COVID-19: забыть или извлечь?)	403

СЕКЦИЯ 7. ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ: СМЫСЛЫ И ЗНАЧЕНИЯ

Лященко С. М. Влияние медицинской деонтологии на клиническое состояние больных.....	407
Гоголева Д. В., Манзаров Р. А. Социальные представления о ВИЧ среди населения Иркутской области.....	411
Жданович О. А., Гаськова И. С. Представления молодежи Иркутской области о здоровом питании.....	414
Ковалевская А. Е. Пандемия в XXI веке: психологический аспект и изменения моральных ценностей общества.....	419
Медведев П. С. Эмоционально-ценностная обусловленность процессов жизненного самоосуществления подростков.....	421
Скуденков В. А. Переживание неопределенности при пандемии ...	426
Бондарь И. В. Исследование временной перспективы прокрастинаторов мужского и женского пола в период ранней зрелости.....	429
Король М. А. Взаимосвязь толерантности к неопределенности и тревожности у студентов раннего юношеского возраста.....	433
Лелес А. С. Характеристики психологического благополучия студентов в современных реалиях.....	438
Яценко Т. Е. Предикторы виртуальной виктимности мальчиков подросткового возраста.....	445

СЕКЦИЯ 8. СМЫСЛЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Иванов Р. В. Поправки в конституцию как легализация политических решений.....	452
Борисюк И. И. Положение московского патриарха: права и обязанности. Историко-канонический очерк.....	456
Волкова Р. С. Социальная истина как способ сохранения преемственности в истории в XXI в.....	465
Рыбак Н. С. Социальный образ героя Великой Отечественной войны как образ советского народа: в поисках социальной истины.....	468
Пьянкова К. А. Историческая память в духовной жизни России.....	471
Жигалова О. А. Историческая память и социальная истина в интерпретациях учёных и государственных деятелей.....	473
Линейцева А. А. Социальная истина как фактор сохранения социальных образов героев Великой Отечественной Войны.....	475
Попова М. Е., Грошева Е. К. Личность Дональда Трампа как фактор в политике.....	478
Щепина Е. Д. Подлинные истории героев Великой Отечественной войны: специфика формирования социальных образов.....	482
Жуйкова Д. В. Роль государства в сохранении исторической памяти и социальная истина.....	484

Бадейникова Е. И. «Исправься, если сможешь»: к вопросу о пытках в учреждениях пенитенциарной системы.....	486
Силивеев И. М. Пространство судебных решений: иррациональность интерпретаций.....	489
Апанина А. В. Влияние социальных протестов на социальную истину.....	495
Рангин В. Ю. Социальные протесты и истина: российская реальность	497
Буханцов В. В., Комарова М. В. Демократия как метод манипуляции истинными ценностями.....	501
Головчун К. А. Способы профилактики рабства в современном мире	506
Чигринский Н. С. Правовая истина в романо-германской и социалистической правовой семьях.....	514

СЕКЦИЯ 9. ИСТИННЫЕ СМЫСЛЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА, ПРОФЕССИОНАЛА И СПЕЦИАЛИСТА

Терехова Т. А., Трофимова Е. Л. Личностная готовность предпринимателей малого бизнеса к переменам в условиях пандемии.....	517
Рудакова Н. В. Представления руководителей сферы культуры Иркутской области об уровне профессиональной подготовки и необходимых профессиональных компетенциях специалистов отрасли (по результатам социологического исследования).....	525
Литвинов Д. В. Социальная активность депутатов Молодежной думы города Иркутска.....	534
Спиридонова А. А. Анализ работы отделов по обращению граждан в Аппаратах губернатора и Правительства различных субъектов РФ.....	538
Мякотина А. С. Основы логической культуры студента будущего юриста.....	548
Штогрин А. А. Информационная культура студента будущего юриста	554
Носырева Г. В. Лидер и лидерство как функциональные составляющие структуры группового поведения.....	558

СЕКЦИЯ 10. РУБИНШТЕНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Решетников В. А. Внутренние и внешние факторы формирования мировоззрения профессора М. М. Рубинштейна.....	564
Кармадонов О. А. Политическая символика в межгосударственных отношениях: возможности социального анализа.....	568
Полюшкевич О. А. Социальная антропология управления: тенденции изменения мировоззрения молодежи	575

Дружинин Г. В. Образовательные средства корпоративной социализации в современной России.....	578
Дубровская Л. Д. К вопросу о ровесническом тьюторстве как форме реализации тьюторского сопровождения в вузе	584
Толстопятов Ю. Ю., Попова В. В. Роль креативной среды учреждений образования в профилактике деструктивных явлений среди молодежи.....	587
Бобков А. А., Бобков А. И. Философская самоидентификация М. М. Рубинштейна в контексте осмысления феномена самобытности русской философии	595
Рудакова Н. В. Образовательные ресурсы и образовательные предпочтения руководителей государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области (по результатам социологического исследования)	603
Анохина А. А. Современные образовательные и профессиональные тренды и их риски для российского общества.....	613
Бухарова Е. А., Решетникова Е. В. Гуманистические основы в сфере социальной работы.....	617
Даркина А. В. К вопросу об условиях гуманизации образовательного пространства ссуза в эпоху COVID-19	620
Ершова А. Е. Основные тенденции развития непрерывного образования в России.....	625
Маркова Е. А. Социальные изменения системы образования как часть формирования кредита доверия населения: социально-исторический анализ причин	629
Меринава В. Н. Развитие личности детей-инвалидов как один из социальных институтов	636
Авторская справка	641

Предисловие

Истина конструируется

Мы создаем свою вселенную, придавая смыслы поступкам, событиям, людям; наделяя значениями образы, ситуации, действия. Этим самым мы создаем ту реальность, в которой живем, в которую верим и чьи символы и знаки отстаиваем. Является ли она истинной для нас, для Других, для мира? Это Вопрос. Он требует ответа или является риторическим – каждый из участников конференции ответит сам.

Истина – подразумевает волю и ответственность, силу и правду, честность и долг и множество других состояний, открывающих людей с новой стороны, открывающих процессы в новых состояниях, открывающих явления в новых формах. Истина изменчива и постоянна, мобильна и статична, гибка и прочна. Истина многолика. Эти философские размышления стали основной канвой всех присланных докладов, озвученных идей и возникших в ходе обсуждений новых смыслов. Истина рождается в поиске самих смыслов.

30 ноября 2020 года в Иркутском государственном университете прошла II Международная научно-практическая конференция «В поисках социальной истины». В конференции приняли участие ученые и преподаватели, студенты и аспиранты из США, Португалии, Украины, Белоруссии. География российских участников также обширна: Ангарск, Владивосток, Воронеж, Грозный, Иркутск, Казань, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Сергиев Посад, Томск, Тюмень, Уфа и др. Всего заявлено более сотни докладов, в формате видеосвязи выступило 65 человек. И все они показали заинтересованность и востребованность в исследовании социального воспроизводства истины в новых условиях. Мир меняется, а вместе с ним меняется и истина.

В сборник также включены материалы Рубинштеновских чтений, прошедших в Иркутске 31 октября 2020 г., посвященных первому ректору Иркутского государственного университета.

Надеемся, что дальнейшее обсуждение вопросов поиска истины – станет не менее насыщенным и актуальным. Приглашаем к увлекательному диалогу всех заинтересованных участников.

О. А. Поллошкевич

Рефлексивность социальной истины

УДК 316.54
ББК 87.43

Решетников В. А., *Иркутск*

Конвенциональность социальной истины как феномен современной жизни

Рассматриваются концепции социальной истины. Особо выделяется конвенциональная концепция социальной истины. Социальная ситуация расслоения российского общества приводит к пониманию тройственности социальной истины, которая может быть преодолена на основе нового общественного договора и вследствие социально-экономических реформ.

Ключевые слова: социальная истина, конвенциональная концепция, социальная ситуация, ангелизм, общественный договор.

Reshetnikov V. A., *Irkutsk*

Conventionality of Social Truth as a Phenomenon of Modern Life

The author analyses some conceptions of social truth. He especially underline the conventional conception of social truth. Social situation in Russian society leads to understanding of triple character of social truth. It may be overcome on the basis of new public treatment and because of social and economic reforms.

Keywords: social truth, conventional conception, social situation, angelism, public treatment.

... познаете истину и истина сделает вас свободными.
Ин. 8: 32

В истории культуры часто интерпретируется изложенная в Библии беседа римского наместника Понтия Пилата и приведенного к нему на суд Иисуса Христа. Оказавшийся в затруднительной ситуации и интуитивно ощущая, что первосвященники его просто используют, Понтий Пилат спросил Христа «Что есть истина?» (Ин. 18: 38) И не получил ответа. Религиозно настроенные люди говорят о неправильной формулировке вопроса. Так, святитель Николай Сербский писал, что надо было спросить – кто есть истина. И Христос бы ответил «Я есмь... истина» (Ин. 14: 6) И Библия тем самым освятила однозначный ответ на сакраментальный вопрос о бытии социальной истины.

Если об объективности истины применительно к природному миру еще можно говорить в аспекте теории отражения и принципа соответствия субъективного образа объективному миру, то в связи с миром социальным, ответ о природе и сущности социальной истины не является чем-то сугубо определенным и однозначным.

Субъективное при оценке социальной жизни всегда таит в себе возможность, по крайней мере, удвоения истины, например, на богословскую и философскую. Термин «двойственная истина», обозначает теорию, согласно которой описание, или описательное высказывание, может быть истинным при одном его основании и ложным при другом основании. Эта теория сложилась в Средние века, когда обнаружилось, что некоторые положения философии Аристотеля противоречат догмам христианства и ислама. Обычно теория двойственной истины истолковывается узко, как касающаяся лишь взаимных отношений истин философии и теологии. При ином истолковании эта теория относится к широкому кругу вещей, в том числе и позиций диалектической логики.

Однако осмысление истины двойственностью не ограничивается. В научный анализ вторгаются корректирующие истину ценности, идеалы, классовые интересы. Свои развернутые и, как представляется, единственно верные ответы на традиционный вопрос – что есть истина – предлагают партийные идеологии. Торжествует библейский принцип «огнепальной ревности» в отстаивании своего единственно верного ответа.

Постмодернизм, уловив относительность истины, довел познавательную ситуацию до парадокса или, вернее, до цепочки парадоксов. Возможность определенности социальной истины была размыта и фактически уничтожена.

Одной из граней проблемы объективности и субъективности истины является теория презентации, которая изучает отношения «знак – объект», «субъект – концепция». Интерпретации этой теории многочисленны, но ее суть достаточно ясно выразил Х. Й. Зандкюлер: «Мы допускаем, что мир дан нам изначально, т. е. его свойства предшествуют всякой соответствующей когнитивной деятельности. Чтобы теперь объяснить связь между когнитивной активностью и данным нам миром, мы гипотетически вводим существование ментальных репрезентаций внутри когнитивной системы. Тем самым у нас есть развитая теория, которая устанавливает, что, во-первых, мир дан нам изначально; во-вторых, наше познание от-

носятся к данному миру, даже если это часто лишь его часть; в-третьих, способ, которым мы познаем этот данный мир, состоит в отражении его свойств и действий на основании этих отражений» [1, с. 84]. Истина в такой интерпретации предстает как разновидность рациональной приемлемости и является интерналистской (когерентной, семантической, прагматистской).

Согласно Х. Патнему «само понятие истины зависит по содержанию от наших стандартов рациональной приемлемости, а они, в свою очередь, опираются на наши ценности и предполагают их». Репрезентации проявляются при конструировании субкультур тех или иных групп людей, в таком случае, они являются мини-теориями о том, каков этот мир, как и почему происходят или не происходят изменения» [3, с. 279]. Социальные репрезентации служат определенной цели, в том числе позволяют находить рациональные объяснения нашим собственным предпочтениям или действиям. Эмпирические исследования показывают, что репрезентации зависят от определенных схем, языков, мотивов деятельности и проявляются в деятельности человека.

Эвристическое значение имеет конвенциональная концепция истины, видным представителем которой являлся Анри Пуанкаре. Конвенциональная истина устанавливается сообществом ученых и признается ими. Имеется определенный консерватизм этого сообщества, которые не позволяют принимать новые знания.

По аналогии с традициями научного сообщества можно констатировать, что социально признанные истины базируются на общественном договоре. Проблематика общественного договора (социального контракта) также имеет давнюю исследовательскую традицию. Так, она рассматривалась Т. Гоббсом, Д. Локком, Жан-Жаком Руссо в связи с понятиями государства, когда люди отдавали часть своих свобод властям в обмен на безопасность и защиту. В современных исследованиях социальный контракт смыкает с идеями национального (социального) согласия и консолидации (О. А. Полюшквич)

Реформы 90-х гг. в России, по мнению автора, базировались на мировоззрении выродившейся партийно-бюрократической элиты и последующем утверждении квазилиберальной общественной модели. Эти процессы опирались на пассивность не сформированного в СССР гражданского общества. Оно и сейчас существует, также как и средний класс, фактически формально.

Одним из следствий социальной пассивности гражданского общества является возникновение невиданной и жесткой социальной дифференциация. Виданной, правда, в странах Латинской Америки и Африки. Заинтересованный читатель легко найдет данные ведущих исследовательских центров, которые показывают наличие двух полярных групп – сверхбогатые и сверхбедные. Академик Н. Шмелев еще в 2005 г. говорил: «Есть примерная оценка безопасной степени дифференциации доходов. Безопасной, подчеркиваю, от бунтов, протестных движений и тому подобного. Это разница в доходах между 10 процентами верхних и 10 процентами нижних, между богатыми и бедными. Она должна быть на уровне 5:1, может быть 6:1. В Европе и Америке она колеблется на этом уровне, в Канаде – 2:1. А у нас официальной статистикой признается соотношение 15:1, а неофициально 60:1, а то и больше. То есть мы сейчас социально очень неустойчивое общество. И среди цивилизованных стран мира Россия – самое социально несправедливое общество, подчеркиваю: самое несправедливое при таком раскладе доходов, который у нас существует» [4; 3]. Понимание истины и мировосприятие в целом сверхбогатых и новых бедных не могут совпадать, тем более что расхождение по уровню жизни и доходам все более увеличивается. Это даже не замалчивается правящими группами.

Таким образом, на национальное понимание социальной истины влияет то, что, с одной стороны, вызывает сообщество сверхбогатых бесконтрольных людей, которые живут в особо огороженных поселках, лечатся в особых больницах. Их дети обучаются, как правило, за рубежом. Многие из сверхбогачей – космополиты, живут или имеют замки за рубежом, но часть из них умудряются при этом иметь государственные должности. Россия для них – охотничья территория. Ясно, что понятие элита в данном случае не подходит к ним, и в том числе по ценностному критерию.

Впрочем, это явление не только национальное, а и интернациональное. Впервые в мире образовалось сообщество людей, которые отвергают применение к ним обычных законных требований и критериев стран проживания. Часть из них ставят себя вне морали и вне религии. Вследствие обобщения этого явления появилось интересное альтернативное понятие «ангелизм», которое не соотносится с какой-либо религиозной традицией [5]. В которой, кстати, не все ангелы – позитивные сущности. По преданиям, были и падшие ангелы, в том числе Люцифер, что в переводе означает светоносный и

в позднехристианской традиции стал ассоциироваться с Сатаной. В православной традиции на церковнославянском языке ангелов стали именовать аггелами.

Несколько большие связи концепция ангелизма имеет с антропософией Р. Штайнера (Действие ангелов в астральном теле человека, 1918 г.), согласно которой ангелы играют повседневную роль посредника, определяющего человеческое развитие посредством формирования образов. Современность, по мнению культуролога М. Эпштейна, в форме ангелизма представила постмодерный тип религиозного мироощущения, в котором фигура сверхестественного вестника (ангела) лишилась определенных указаний на источник или содержание. Это не светлые и не темные сущности. Они безразличны к обычным людям. Эти и другие мировоззренческие черты, конспирологи относят к сообществам сверх богатых людей.

Английский физик-теоретик Стивен Хокинг, предсказывал появление в будущем суперлюдей с измененными ДНК, которые могут стать реальной угрозой человечеству. В своем труде под названием «Короткие ответы на серьезные вопросы» физик предположил, что богатые люди смогут в довольно близкой перспективе вносить изменения в макромолекулы, отвечающие за реализацию генетической программы. Модифицируя свою ДНК и своих детей, они, писал Хокинг, смогли бы улучшить свою память, сопротивляемость болезням, продолжительность жизни и повысить уровень интеллекта. Подобное развитие ситуации, опасался ученый, несет в себе риски тем людям, которые не пройдут улучшение на генетическом уровне. Возможно, предсказанное писателем Г. Уэллсом деление людей на эллов и морлоков может стать реальностью.

На другом полюсе российского общества находятся бедные. Их точное количество лукавая статистика подсчитывает различным образом. По данным ВЦИОМ опрошенные граждане считали порогом бедности доход в 15 тыс. руб. на члена семьи. Официальный уровень бедности при доходе 9,7 тыс. руб. на члена семьи. Согласно данным Росстата, к бедным в России относят 15 % населения, однако существует негативная динамика, которая резко ускоряется вследствие потери многими людьми работы эпидемии коронавируса. Легко предположить, что бедные люди по своему трактуют социальную справедливость и другие, связанные с истиной ценности. Стихийные массовые протесты во Франции и США поверхностно выглядят иррациональными, но скорее всего базируются на ощущениях несправедливости.

Далее можно предположить, что социальная истина не двуединая, а триединая. Ее третье измерение формируют средства массовой информации, компьютерные технологии, в особенности интернет. Совокупно они погружают человека в дополненную реальность, часто в ту, которую избирает сам человек. Никогда в истории цивилизации в мотивациях людей пропаганда не играла такой высокой роли. Без преувеличения можно сказать, что многие (?) люди беззащитны перед массированным, профинансированным и организованным воздействием тренированной группы людей.

Таким образом, социальная истина имеет множественную природу. Она может быть классифицирована по разным основаниям. С социальной точки зрения истину можно анализировать в соответствии с социальным статусом людей и бытием в новой дополненной реальности. Истина, по меньшей мере, триединая.

Конструктивность истины и ее созидательная мощь начинают проявляться при условии формирования четкой идеологии консолидации народа на основе общественного согласия. Но это в свою очередь невозможно без устранения вопиющего социального неравенства как условия достижения гражданского согласия. На смену либеральной господствующей идеологии должно прийти четкое понимание необходимости деприватизации ведущих отраслей оборонной и добывающей промышленности, введение прогрессивного налога (по примеру европейских стран), устранение подоходного налога с малоимущих и т. д. Имеется достаточно много экономических разработок (например, академика С. Глазьева), способствующих продвижению к объективной социальной истине. Нужна политическая воля. Библейский Моисей водил евреев по пустыне 40 лет, прежде вымерло поколение, помнившее рабство, и народ получил новую идеологию и новую истину. Со времени начала перестройки прошло 30 лет.

Список литературы

1. Зандкюлер Х. Й. Репрезентация, или как реальность может быть понята философии // Вопросы философии. 2002. № 9.
2. Маслобоева О. Д. Обращение к читателю. Поиск истины объединяет, или Догонит ли нравственный Ахиллес технологическую черепаху? // Поиск истины в пространстве современной культуры. Вып. 2 : сб. науч. ст. / под ред. О. Д. Маслобоевой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016.
3. Патнем Х. Разум, истина и история. М. : Праксис, 2002.
4. Шмелев Н. Ницета засасывает как болото (беседовала Соломонова О.) // Труд. 2005. 13 апреля.
5. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : Нов. лит. обозрение, 2017.

УДК 130.122;140.8
ББК 87.53

Бурмакина Н. А., Штумпф С. П., *Красноярск*

Социальная истина сегодня: феномен умиротворения – подлинность или эрзац?

Рассмотрены противоречия и парадоксы, наличествующие в процессе реализации социальной истины в границах феномена «умиротворение». Разработана предположительная модель, раскрывающая национальную культурную специфику виртуальных ассоциаций ценности умиротворения как многоаспектного социокультурного текста, отражающего мировоззренческие характеристики носителей русского языка. С опорой на философский и социокультурный материал, представленный в «Словаре русской ментальности», выявлено, что условием приближения к истине является особое душевное состояние – умиротворение, успокоение. Раскрыты внешние и внутренние факторы, влияющие на возникновение умиротворенного состояния как подлинного, так и приводящего к суррогату.

Ключевые слова: умиротворение, социальная истина, социум, мировоззрение, философия, менталитет, культура, семантика.

Burmakina N. A., Shtumpf S. P., *Krasnoyarsk*

Social truth Today: the Phenomenon of Appeasement – Authenticity or Ersatz?

The article examines the contradictions and paradoxes that are present in the process of realizing social truth within the boundaries of the phenomenon of “appeasement”. A hypothetical model has been developed that reveals the national cultural specificity of virtual associations of the value of pacification as a multi-aspect socio-cultural text reflecting the worldview characteristics of Russian speakers. Based on the philosophical and sociocultural material presented in the “Dictionary of Russian mentality”, it was revealed that the condition for approaching the truth is a special state of mind – appeasement, tranquility. The external and internal factors influencing the emergence of a peaceful state, both genuine and leading to a surrogate, are revealed.

Keywords: appeasement, social truth, society, worldview, philosophy, mentality, culture, semantics.

Истина как ценность входит в состав национальных особенностей отечественной духовной культурной среды, которая лексикографически представлена в «Словаре русской ментальности» [2, с. 345]. В нем концептуально отраженные ценности зафиксированы в таких содержательных формах как образ, понятие и символ. Понятийная составляющая ценности «истина» имеет внечеловеческий объективный характер, который может быть как научным, так и божественным, в отличие от субъективного характера, который заключен в ценности «правда» – категории нравственного порядка, отражающей славянскую этику. Чтобы приблизиться к истине, необходимо найти такое спокойное душевное состояние, – успокоение, смирение, т. е. стремление к миру, и в итоге – сотворение мира – умиротворение [2, с. 272, 311, 438].

Все важные ментальные связи, позволяющие понять сущность категорий славянской гносеологии, коренятся в этимологии и семантике интересующих нас слов. Так, слово «истина» является производным от «истый», где общеславянское **istь* восходит к этимонам *подлинный, действительный, настоящий*. Причем «истый» как *верный, достоверный, точный, определенный, существенный, правильный, действительный*, является книжным словом с XI–XII вв. [8, с. 361]. В древнерусском и старославянском языках «истина» – это *верность и законность*, а также *правда* [8, с. 360], от «правый», где антонимичны общеславянские категории «правда и кривда», «истина и ложь».

Философский, культурологический контекст социальной истины (авторитарная, когерентная, конвенциональная, корреспондентная, прагматическая концепции истины) соотносимы с лингвистическим содержанием: 1) то, что соответствует действительности; правдивость, подлинность; 2) *филос.* верное отражение в сознании человека того, что есть в объективной действительности; 3) утверждение, суждение, проверенное практикой, опытом [1; 4; 9; 10].

Разные грани теоретического осмысления истины однозначно выстроены в словаре русской ментальности: *истина – постигаемая рассудком польза, неуловимая сущность действительности, представленная как настоящее, точное и достоверное знание о правде* [2, с. 345]. Прагматическая составляющая русской истины согласуется с философским контекстом в разных его концепциях. Однако характеристика «неуловимый», как компонент в определении, создаст противоречие и парадоксальность в поисках справедливости, законности и верности. Таким образом, в «неуловимой сущности действительности» коренятся противоречия современности: в желании обрести истину человек не улавливает ее. Поскольку истина связана с достоверным знанием о правде, то парадоксальность усиливается и тем, что современное образование, медийное и политическое пространство представляют плюрализм знаний, а следовательно, уводят личность от и без того неуловимой сущности действительности.

В поисках «истинного», «подлинного» знания наш современник стремится в альтернативную информационную среду, где действуют мотивационные ораторы, мастера слова, эксперты и эффективные коммуникаторы, публичные личности, коучи, которые гарантируют в короткие сроки, а «не так, как в вузе или школе» снабдить истинными знаниями. Эта тенденция подкрепляется популяр-

ной психологией и эзотерикой, где субъективизм «я так вижу, я так чувствую» довершает абсурдность ситуации. В результате вместо подлинности человек получает суррогат, или эрзац, неполноценный заменитель, но осознание этой подмены появляется не всегда. Так, журналист Б. Соболев, автор серии фильмов «Идущие к черту», в фильме-послесловии к своему выполненному проекту беседует с Никитой Непряхиным, специалистом по противодействию манипуляциям, разоблачающему информационный и духовный суррогат мистического экстрасенсорного контента на телевидении и за его пределами [5]. Собеседники отмечают, что потребность в оккультной информации, далекой от истины, превышает в 8 раз запросы на все прочее развлекательное и образовательное вещание. В то время как заинтересованность в достоверной информации, которая формирует культуру научного мышления широкой аудитории, остается на периферии. Так, научно-аналитическая серия «Философских бесед» В. Н. Тростникова, кандидата философских наук [7], по количеству просмотров не превышает многомиллионную аудиторию смотрящих мистические программы. Для сравнения приведем статистику просмотров ролика «Ногти – защита от сглаза» канала «Советы философа Анны Кирьяновой» – 138 871 просмотр, и первой беседы В. Н. Тростникова «Многовековой уклад русской философии» – 5 379 просмотров.

Ситуация усиливается еще и тем, что постигаемая рассудком истина становится абсолютно неуловима, в частности потому что современные стандарты учебников по всем отраслям знаний не позволяют сформировать целостную картину мира на основе непротиворечивой научной информации, так как темы раскрываются кратко, не выявляя причинно-следственную связь явлений, процессов, действий, а формирующаяся личность не может в связной, монологической речи раскрыть сущность вопроса, только на уровне краткого определения понятия во фронтальном опросе.

Кроме того, для приближения к истине требуется успокоение, умиротворение, что противоположно беспокойству, панике, агрессии, раздражению. Какое из этих психических и духовных состояний предпочитает современный человек? В ответе на этот вопрос коренится мировоззренческая проблема.

Во-первых, внешний мир предоставляет во всем многообразии источники для отрицательных психических состояний. Их достаточно в медийном и телепространстве. Но внешний мир дает и

источники для умиротворения. Красной нитью в публичных беседах А. Ю. Ткачёва, известного проповедника, проходит мысль о том, что русскому человеку нужна истина и молитва, любовь друг к другу и братское взаимоуважение [6]. В поисках эстетического человек обращает свои взоры к искусству. Например, по частотности запросов ключевого слова «умиротворение» и «умиротворяющий» в поисковом запросе Яндекс обнаруживаем до 15 миллионов результатов. Этнокультурная интерпретация виртуальных ассоциаций, представленных в списке результатов, может быть прочитана как культурный текст (сценарий) следующим образом: умиротворение – это сотворенный мир в душе, поэтому человек желает обрести *умиротворение души, умиротворение сердца*, это понятие соотносимо с понятиями «спокойствие», «покой», «гармония», «счастье» (людям нужны *спокойствие и умиротворение, покой и умиротворение, гармония и умиротворение, счастье и умиротворение*). Умиротворение может быть: *внутреннее, душевное, абсолютное, полное*. В культуре достаточно примеров, которые описывают состояние умиротворения, оно является объектом мысли личности (*про умиротворение*), человек заинтересован прочитать *цитаты про умиротворение* и узнать, *что это значит*, поэтому ищет слово «умиротворение», старается найти для него синонимы.

Специалистов-лингвистов интересуют формы выражения этого понятия на английском языке. Оказывается, данное слово используется в качестве поздравления *с днем рождения*. В значении принадлежность и характеристика лексема «умиротворение» связана со словесным текстом медитативного заклинательного характера, которому приписывается исцеляющая сила: *мантра умиротворения, мантра спокойствия и умиротворения*. Эти тексты представлены не только письменно, но и устно: *мантры умиротворения слушать, мантра спокойствия и умиротворения слушать; чувство умиротворения дает молитва умиротворения, на умиротворение враждующих, молитва на умиротворение враждующих*.

Человек стремится к *жизни в умиротворении (лицу покоя и умиротворения)*, вводит умиротворение в статусы социальных сетей, находит фотоснимки, которые передают *состояние умиротворения*, в которых запечатлена *атмосфера умиротворения*. Очевидно, мы испытываем счастье, когда обретаем умиротворение (или приближаемся). Одновременно умиротворение является характеристикой таких понятий, как *музыка, чувство, мир, место* (в частно-

сти конкретного топонима называется Ярославль), *день, ощущение, состояние, атмосфера, цвет, море, звук, стихи, политика, животные* (музыка умиротворения, чувство умиротворения, политика умиротворения, мира умиротворение, умиротворение слушать онлайн, день умиротворения, место умиротворения, звук умиротворения, стихи умиротворения, море умиротворение, цвета умиротворения, ощущение умиротворения, состояние умиротворения, атмосфера умиротворения). Чтобы испытать это состояние мы слушаем звуки природы и музыку *для спокойствия и умиротворения*. Вывод однозначен: умиротворение, по сути, есть желаемое позитивное психическое состояние.

Во-вторых, кроме посылы из внешнего мира, который предоставляет для познания конструктивные и деструктивные процессы, человек сам по своему выбору, внутреннему призыву пытается сделать объектами своего сознания отнюдь не успокаивающие и гармонизирующие его источники: агрессию и насилие в образцах искусства и социокультурной действительности. Современный человек не пытается руководствоваться здравым смыслом в этом выборе, апеллирует лишь к эмоционально захватывающим поверхностным состояниям и переживаниям.

В-третьих, суррогат примирения и умиротворения, гармонии происходит в поверженном психологическом состоянии, о котором точно высказывается М. Лабковский в своих работах: «Мы поговорим про одиноких жертв другой войны – в основном на семейном фронте» [3, с. 77]. Это приводит к многообразным формам агрессии, обобщенно получившим номинацию «абыюзер», за которой скрываются понятные проявления зла: тиран, деспот, манипулятор, насильник, мракобес, самодур. В поисках законности и социальной справедливости, которая примирила бы его с действительностью, человек обращается к представителям разных социальных институтов, но и здесь находит тот же ответ: беспокойство, паника, агрессия, раздражение.

В поисках желаемого душевного спокойствия, умиротворения человек, бросаясь из стороны в сторону, порой обращается к восточным практикам или западному прагматизму, но такая эклектика из культов приводит к дисгармонии. Представители восточного мистицизма, предлагающие различные психофизические практики, открывают «третий глаз». Но оказывается, что «закрывать» его уже не могут, нет таких технологий. Они открывают духовные каналы, чтобы «вибрация из высших планов стала спускаться в наши аст-

ральные тела». А как быть, если человек уже устал от этой вибрации? Помочь человеку вернуться в нормальную жизнь они не могут. Иной путь, но с тем же отрицательным результатом, человек проходит, отдаваясь всецело идеям западного прагматизма и утилитаризма, в основании которого лежит индивидуализм, вовсе не близкий отечественному генетическому коду.

Как сотни лет, так и сейчас русскому человеку (и более – обществу!) нужна истина, к которой он идет через научное или религиозное познание и, в итоге, обретает успокоение, умиротворение. Такое гармоничное состояние не приходит к нам через упражнения, заявленные алгоритмы, духовные практики. Его достижение возможно через неуловимое сосредоточенное умонастроение: успокоение, смирение, в итоге сотворение мира внутри себя и трансляцию данного психического состояния вовне – в мир, в общество. Поиск умиротворения как ценности, приводящей к истине, осложняется системными противоречиями современности. Личность оказывается один на один с этими вызовами. Для сохранения самоидентичности необходим просветительский процесс. Нужно вернуться к актуализации традиционных ментальных основ, где истина имеет внечеловеческий объективный характер, который может быть как научным, так и божественным, а для этого следует желание и помощь человеку привести себя в состояние умиротворения, сотворения мира внутреннего, стяжания мирного духа.

Список литературы

1. Касавин И. Т., Можейко М. А., Кемеров В. Е. Истина. Гуманитарная энциклопедия: Концепты. Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6980> (дата обращения: 12.10.2020).
2. Колесов В. В., Колесов Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. СПб.: Златоуст, 2014. 592 с.
3. Лабковский М. Хочу и буду: Принять себя, полюбить жизнь и стать счастливым. 2-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2019. 320 с.
4. Поиск истины и правда жизни в пространстве современной культуры: сб. науч. ст. / под ред. О. Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2018. 256 с.
5. Соболев Б. «Чудеса» экстрасенсов или телемонтажа? Послесловие. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HzzeMi6fs6Y&list=LL&index=30> (дата обращения: 22.10.2020).
6. Ткачёв А. Ю. В общении с родителями. Беседы о христианском воспитании. Киев: Послушник, 2018. 272 с.
7. Тростников В. Н. Философские беседы. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9EGvPKruYe4> (дата обращения: 23.10.2020).
8. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 623 с.
9. Habermas J. Wahrheitstheorien. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt, 1973. 414 s.
10. Jaspers K. Von der Wahrheit. Munich: R. Piper & Co., 1947. P. 1126.

УДК 316.75
ББК 60.5

Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д., *Иркутск*

Социальная консолидация в «больших теориях» и концепциях «критической школы»: истина где-то рядом

Исследуются теоретические подходы к социальной консолидации (солидарности), сложившиеся в русле основных концептуальных социально-научных направлений: макросоциальном и микросоциальном подходах, а также в критической школе социального анализа.

Ключевые слова: социальная консолидация, «большая теория», символический интеракционизм, критическая социальная теория.

Karmadonov O. A., Kovrigina G. D., *Irkutsk*

Social Consolidation in “Big Theories” and Concepts of the “Critical School”: Truth Is Somewhere Nearby

We study theoretical approaches to social consolidation (solidarity) that have developed in line with the main conceptual socio-scientific directions: macro-social and micro-social approaches, as well as in the critical school of social analysis.

Keywords: social consolidation, “grand theory”, symbolic interactionism, critical social theory.

«Большой теорией» называется обычно та концепция, которая претендует на известные универсальность и «всеохватность» своего эвристического потенциала. К таковым относятся, например, марксизм, теория систем, структурный функционализм, теория хаоса, и др. Претензии «больших теорий» с самого начала вызывали критику, которая и оформлялась затем в условно объединяемые «критические теории». В обеих группах было уделено внимание и проблематике социальной консолидации.

Толкотт Парсонс затрагивает тему солидарности в рамках функционалистского анализа особенностей формирования и существования социальных систем. Для того чтобы последняя относительно гармонично развивалась через дифференциацию и усложнение, необходимо, чтобы элементы, ее составляющие, были интегрированы на основании единых ценностных и функциональных характеристик. Структура рождается из действия, последнее же регулируется определенной системой координат, включающей «ориентацию деятеля, или деятелей на ситуацию, предполагающую наличие других деятелей. Таким образом, комплекс элементов действия и взаимодействия является комплексом отношений» [9, с. 4]. Комплекс, или схема отношений, в свою очередь, распадается на «соци-

альные», «физические» и «культурные» объекты, с которыми и устанавливается взаимодействие. Социальным объектом выступает любой человек, или сообщество. Физические объекты исчерпываются окружающим миром, самостоятельно не способным вступать во взаимодействие с индивидом. Культурными объектами являются «символические элементы культурной традиции, идеи или верования, выразительные символы, или ценностные паттерны, истолковываемые индивидом в качестве объектов ситуации, и не являющиеся компонентами его личности» [9, с. 4]. В отношении различных ситуативных объектов индивид-деятель формирует определенные «предвосхищения», на основании которых выстраивает свои поведенческие акты, с учетом собственных интересов, ценностей, и предпочтений. Значительную роль в выстраивании социального взаимодействия, которое результируется в создании более или менее стабильной системы, отводит американский теоретик символам. Символические комплексы воспринимаются Парсонсом в качестве главных посредников, как обеспечивающих процесс коммуникации, так и задающих ориентиры социального действия и взаимодействия. Тем самым социальная консолидация, по Парсонсу, является результатом бесконечных интеракций деятелей, ориентированных на социальные, физические, и культурные объекты, и выступает основным инструментом поддержания стабильности и функциональности социальной системы.

Часто противопоставляемый структурному функционализму символический интеракционизм характеризует феномен солидарности довольно сходным образом. Джордж Герберт Мид выделял два «полюса» социальной дифференциации и эволюции, благодаря которым происходит формирование человеческого общества – «индивидуальный или физиологический», под которым Мид понимал половые отношения и родительскую любовь, и «институциональный». Последний «конституируется за счет реакций индивидов на идентичные реакции других индивидов, или на реакции организованных социальных групп в целом, с учетом тех или иных наборов социальных стимулов; эти классовые или групповые реакции являются источниками, основой, и наполнением социальных институтов. ...Жизнь социального целого полностью обусловлена социальным взаимодействием» [8, с. 229–230].

Герберт Джордж Блумер, развивший положения символического интеракционизма далее, усилил акцент на комплексе значе-

ний, которые, с одной стороны, рождаются в ходе взаимодействия индивидов и групп, а с другой стороны – определяют эти взаимодействия. Блумер привнес в данную теорию и трансформационный аспект, указывая на то, что, хотя значения имеют тенденцию к ригидности, они, тем не менее, являются предметом изменения и повседневному подтверждению. По словам Блумера, – «Жизнь сообщества есть процесс, в котором люди формируют, поддерживают, и трансформируют объекты своего мира через присвоение значений этим объектам. Объекты не имеют никакого фиксированного статуса, кроме собственных значений, поддерживаемых через определения, создаваемые людьми» [5, с. 12]. Поддерживаются, равно как и трансформируются смыслы мира через социальное взаимодействие, изначально задающее, тем самым, императив солидарности и социальной целостности.

В последние десятилетия прошлого века серьезный тон в социальном теоретизировании стали задавать критические концепции, подвергнувшие ревизии, прежде всего, имплицитно легитимирующие постулаты о социальном порядке, о взаимоотношениях власти и общества, о роли политического класса в формировании общественных представлений, которые вольно или невольно транслировали «большие» теории. В контексте пересмотра властных отношений и социальности, как таковой, закономерным образом была затронута и проблематика социальной солидарности. В нашем исследовании мы коснемся наиболее известных и влиятельных критических концептуализаций, персонализированных в фигурах таких исследователей, как Пьер Бурдьё, Джеффри Александер, и Юрген Хабермас.

П. Бурдьё рассматривал солидарность в качестве продукта сознательных усилий власти по интернализации собственного символического комплекса, или когнитивных структур, «упорядочивающих» и структурирующих окружающих мир, и, почти автоматически – легитимирующих существующий социальный, экономический, и политический порядок. Аллюзии с марксистским понятием «статуса всеобщности», которого мы касались выше, здесь совершенно уместны, и Бурдьё сам это отмечает, говоря о марксистском видении политических функций символических систем: «В противоположность мифу, который является коллективно созданным и обретенным продуктом, идеологии обсуживают частные интересы, которые они стремятся представить в качестве интересов всеобщих,

разделяемых всей группой. Доминирующая культура способствует интеграции доминирующего класса; также она способствует фиктивной интеграции общества в целом, и, тем самым – апатии (ложному сознанию) подавляемого класса; наконец, она способствует легитимации установленного порядка через установление иерархий и их легитимацию» [6, с. 167].

По мнению Бурдьё, символические структуры, являясь коммуникативными и когнитивными средствами, будучи сами структурированы, именно поэтому и обладают способностью эффективно воздействовать на социальную реальность, т. е. приводить ее в соответствие со своей собственной структурой – смысловыми комплексами, социальными диспозициями, и предписанными реакциями на свое содержание. Более того, «символическая власть», по Бурдьё, есть право создания этой реальности, устанавливающее особый «гносеологический порядок», который, опираясь на «логический конформизм», т. е. некритичное восприятие времени, пространства, числа и причины, создает в обществе некое подобие консенсуса. «Символы, – говорит Бурдьё, – по преимуществу, являются инструментами социальной интеграции: как инструменты познания и коммуникации они делают возможным *согласие* по поводу значения социального мира, и это согласие играет фундаментальную роль в воспроизводстве социального порядка. “Логическая” интеграция выступает предварительным условием “моральной” интеграции» [6, с. 166].

Сразу заметим, что, соглашаясь в целом с видением Бурдьё когнитивных и символических механизмов отношений доминирования, мы бы возразили против его оценки идеологии. По логике французского мыслителя, идеология играет в обществе исключительно репрессивную роль, приводя в состояние «ложного сознания» управляемые массы, и наделяя легитимностью, стремящейся к бесконечности, правящую группу. На наш взгляд, идеология, все-таки, выполняет гораздо более социально значимую функцию, приводя в гармонию диссонанс групповых ценностей, целей, и интересов. Вряд ли само общество, как более или менее стройная целостность, было бы возможным без единого мировоззренческого комплекса, разделяемого, по крайней мере, релевантным большинством его членов.

Известный венгерский философ Эрвин Ласло, рассматривая феномен когнитивных карт человека, как ориентирующих и

направляющих представлений о прошлом, настоящем, и будущем, утверждал: «Социальная когнитивная карта – это песня, исполняемая каждым членом стабилизированного общества. ... Через исполнение общей песни члены общества определяют общие элементы среды, и дают начало поведению, необходимому для воспроизводства общества в будущем» [7, с. 64–65]. Очевидно, что «социальная когнитивная карта» в таком прочтении обладает достаточно сильным подобием единого конъюнктивного кода общества, или – идеологии, значение которой далеко превосходит чисто репрессивные функции, и увековечение доминирующего положения доминирующего класса.

Дж. Александер подходит к проблеме социальной солидарности с позиций темы социальной справедливости, включая рассмотрение самой возможности демократии и соблюдения прав всех в современном мире. Видение Александера явным образом испытало на себе влияние интеракционистских подходов, включая структурный функционализм в части внимания к символическим системам. Исследователь утверждает, что решающим фактором в детерминации окружающего мира и нас самих обладают смыслы, которые мы присваиваем себе и миру. Современное общество, по Александеру, являет собой противоречивую дихотомическую реальность, одну часть которой составляет естественное стремление к консолидации, а другую – личный и групповой эгоизм, и жажда власти. Американский ученый все же высказывает надежду, что солидарность явится более мощным фактором, и, воплощенная, прежде всего, в институтах гражданского общества, и в гражданском активизме, даст современному миру шанс на спасение. То есть, Александер проблематику солидарности не видит вне проблематики гражданского общества, под которым он понимает форму «социальной и культурной организации, уходящей корнями одновременно и в радикальный индивидуализм, и в бескомпромиссный коллективизм» [4, с. 44].

Вместе с тем солидарность, по Александеру, не может не быть осознанной, рефлексивной, только в этом случае, ей гарантирован успех. «Смерть марксизма и растущая плюрализация постиндустриального и постмодерного общества делают невозможным построение единства – общественного или теоретического на базе априорных посылок о труде и классе. Но сама возможность критической теории основана на поиске некоего объединяющего ориентира, или, по меньшей мере, некоего базового образца для современных дви-

жений социальной критики и социальных перемен» [3, с. 3]. Другими словами, решение проблемы социальных ресурсов консолидации в современных «постмарксистских» реалиях, когда уже не работает классовое сознание, застывшее где-то между состояниями «в себе» и «для себя», видится Александером в феномене гражданского общества, все еще не раскрывшем полностью свой потенциал, как консолидационного, так и мелиоративного свойства, и остающегося сегодня одним из немногих ориентиров конструктивной гражданской активности.

Наряду с этим не проходит Александер и мимо теневой стороны социальной консолидации, проявляющейся, прежде всего, в том, что насыщенная солидаризация группы может вызвать к жизни и параллельные враждебность и эксклюзию по отношению к другим сообществам [см.: 3].

С точки зрения Ю. Хабермаса, проблема социальной солидарности неизбежным образом предполагает свое рассмотрение через проблемы массовой коммуникации и особенностей социального порядка, установившегося в современном обществе (что в целом объединяет его со всеми представителями критической теории). Коммуникативное действие уже по определению есть социальное действие, ориентированное на другого, и степень «неискаженности» дискурса, который между ними формируется, влияет на возможности достижения взаимопонимания, и, следовательно, формирует начала солидарности. По мысли Хабермаса, – «Отношения взаимности, на которых основано признание друг друга вменяемыми субъектами, уже встроены в то действие, в котором обретается *корень* дискуссии. Поэтому отказ от аргументированной дискуссии, предпринятый радикальным скептиком, оказывается пустым демаршем. Даже тот, кто последователен в отказе от дискуссии, не может выйти из повседневной коммуникативной практики; он остается во власти ее предпосылок, а последние, в свою очередь, отчасти тождественны предпосылкам аргументативной дискуссии вообще» [1, с. 158]. Другими словами, солидарность для своего возникновения требует, как минимум, признания со стороны субъектов коммуникации их права на дискурс.

Анализирует Хабермас проблематику солидарности и в несколько другом аспекте – с точки зрения современного состояния общественных отношений в развитом социуме, где труд и капитал уже не находятся в предсказуемых условиях, определяемых «соци-

альным государством». Немецкий ученый утверждает: «Современные общества располагают тремя ресурсами, благодаря которым они могут удовлетворять свою потребность в управлении: деньгами, властью и солидарностью. Между сферами их влияния надо установить новое равновесие. Тем самым я имею в виду, что необходимо утвердить социально-интегративную власть солидарности против обоих других властных ресурсов – денег и административной власти. До сих пор жизненные сферы, специализирующиеся на передаче традиционных ценностей и культурного знания, на интеграции групп и социализации подрастающего поколения, были вынуждены обращаться к солидарности. Но ведь из того же источника приходится черпать силы и тому политическому волеизъявлению, которое должно оказывать влияние на разграничение этих коммуникативно структурированных жизненных сфер и обмен между ними, с одной стороны, и на государство и экономику, с другой [2, с. 108]. Тем самым, Хабермас, с тревогой наблюдая, как западное «государство благосостояния» все более минимизирует свою социальную ответственность, и редуцирует социальные гарантии, видит возможное решение проблемы только в достижении нового социального консенсуса между государством, капиталом, и обществом.

Список литературы

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 384 с.
2. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.
3. Alexander J. C. Morality as a Cultural System: On Solidarity Civil and Uncivil // Perspectives: Newsletter of the ASA Theory Section. 2011. N 33 (2). P. 1–11.
4. Alexander J. C. The Civil Sphere. New York: Oxford University Press, 2006. 816 p.
5. Blumer H. G. Symbolic Interactionism. Perspective and Method. Berkeley: University of California Press, 1969. 167 p.
6. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Harvard University Press, 1991. 302 p.
7. Changing Visions. Human Cognitive Maps: Past, Present, and Future / E. Laszlo, R. Artigiani, A. Combs, V. Csanyi. Westport: Praeger, 1996. 133 p.
8. Mead G. H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago: The University of Chicago Press, 1967. 401 p.
9. Parsons T. The Social System. New Orleans: Quid Pro LLC, 2012. 446 p.

УДК 316.35
ББК 60.54

Грабельных Т. И., *Иркутск*

Интеллигенция и ментальность: новое понимание и новые образы (в аспекте постижения социальной истины)

В статье раскрывается взаимосвязь понятий «интеллигенция» и «ментальность» в контексте социальных трансформаций и вызовов. Обосновывается, что на современном этапе развития общества формируется новый образ «интеллигенции» как большой «экспертной группы» и носителя новой ментальности и новой социальной истины. Акцентируется внимание на методологических аспектах изучения места и роли интеллигенции в России. Сделан вывод, что развитие высоких экспертных технологий на ментальной основе является одним из способов развития цифровой экономики в России. Ведущую роль при этом автор отводит «интеллигенции» в ее новом качестве – найти и определить главный путь в постижении социальной истины. В работе представлены и проанализированы основные значения понятия «интеллигенция» по ментальным и типологическим признакам.

Ключевые слова: интеллигенция, ментальность, социальная истина, социальная структура, социально-профессиональная группа, экспертное сообщество, экспертные группы, экспертное знание, экспертные технологии, цифровая экономика, национальная безопасность.

Grabelnykh T. I., Irkutsk

Intelligence and mentality: new understanding and new images (in the aspect of achieving social truth)

The article reveals the relationship between the concepts of "intelligentsia" and "mentality" in the context of social transformations and challenges. It is substantiated that at the present stage of development of society a new image of the "intelligentsia" is being formed as a large "expert group" and a carrier of a new mentality and a new social truth. The attention is focused on the methodological aspects of studying the place and role of the intelligentsia in Russia. It is concluded that the development of high expert technologies on a mental basis is one of the ways to develop the digital economy in Russia. The author assigns the leading role to the "intelligentsia" in its new capacity – to find and define the main path in comprehending social truth. The paper presents and analyzes the main meanings of the concept of "intelligentsia" by mental and typological characteristics.

Ключевые слова: intelligentsia, mentality, social truth, social structure, social and professional group, expert community, expert groups, expert knowledge, expert technologies, digital economy, national security.

Социальные трансформации современного мира привели к глубоким изменениям в духовной сфере общества, сложных ценностных системах, умонастроениях людей и общественном сознании, – того, что традиционно образует представление о ментальности общества и социальных групп. В значительной степени это коснулось основных принципов жизнеустройства и национальной безопасности общества в части перспектив его дальнейшего прогресса.

сивного развития. В этой связи видится закономерным обращение к понятиям «интеллигенция» и «ментальность» как неразрывным по своим значениям, используемым в разные исторические эпохи. Другим понятием, раскрывающим их сущностные взаимосвязи, выступает «социальная истина».

Фокусирование внимания на «интеллигенции» как особой социальной группе в XXI в. объясняется целым рядом причин:

– во-первых, необходимостью анализа и интерпретации исторических истоков, исторического значения и роли той передовой части общества, которая была ментально восприимчива к настоящим и будущим переменам и выполняла в нем функции «интеллектуализации» (в том числе, критические функции), соответствующие духу своего времени, культурным и цивилизационным основаниям и достижениям;

– во-вторых, высокой потребностью научного познания и социологического исследования динамики социальной структуры общества и системы общественных отношений, в которых ключевым субъектом в России в различные исторические периоды выступает интеллигенция;

– в-третьих, поиском ответов на тенденцию к усилению многозначности распространенных понятий и введению новых – «качество жизни» и «стиль жизни», «богатство» и «бедность», «имущественная дифференциация» и «рейтинговый статус», отражающих различные социальные позиции доминантных групп общества с выделением традиционных и новых типологических и идентификационных признаков. В новых условиях следует методологически определить: какие социально-профессиональные группы идентифицируют себя с «интеллигенцией» и по какому признаку – социально-профессиональному, ментальному, функциональному, культурно-историческому;

– в-четвертых, необходимостью широкого участия ответственных и «зрелых» субъектов в развитии цифровой экономики, информационно-технологической модернизации общества, значительное место в которых сегодня отводится представителям науки и высшего образования, инновационной сферы. Возрастает значение и роль экспертного сообщества и экспертных групп, деятельность которых выстроена с учетом их ресурсного потенциала (включая ментальный, социально-коммуникационный и технологический). На смену традиционному пониманию «интеллигенции» как социально-

профессиональной группы на этом этапе приходит ее новое понимание как высокоспециализированной экспертной группы общества, признанной как на уровне профессиональных сообществ, так и в общественных/публичных пространствах. Фактически, «экспертное сообщество» и «экспертные группы» по их роли и функциям в обществе, ментальным и типологическим признакам заменили понятие «интеллигенция».

Изучение современного контента официальных сайтов государственных, бизнес и общественных структур, а также СМИ показало наличие высокого спроса на экспертное знание, экспертную методологию и экспертные технологии, обеспечивающие доминирующие позиции в обществе их представителей в различных сферах деятельности. Представляется, что развитие высоких экспертных технологий на ментальной основе является одним из способов развития цифровой экономики в России, позволяющем определить, дать оценку и обоснование новой социальной истины.

Полагаем, что на современном этапе развития российского общества понятие «интеллигенция» носит интегративный характер и отражает в своем содержании 6 смысловых блоков:

1) специальные/уникальные общенаучные (главным образом, фундаментальные) и прикладные знания, высоко востребованные в цифровой экономике. Именно они определяют место субъекта в новой системе производства и воспроизводства. На сегодняшний день отчетливо прослеживается привлечение внимания государством к формам и методам поддержки высшей школы и науки;

2) экспертные знания и экспертные технологии (профессиональные и общественные), обеспечивающие достижимость целевых показателей социально-экономического развития страны и региона на этапе становления и развития информационно-цифровой цивилизации и вхождения в глобальные экспертные сети. Указанные технологии носят инструментальный характер, формируя мнения и оценки по эффективности деятельности, само отношение к «орудиям и средствам» производства;

3) инновационные идеи, инновационные подходы и ресурсы, которые служат как базовая платформа для реализации долгосрочных стратегий и национальных планов социально-экономического, социально-демографического и социокультурного развития общества. Выделенные структурные компоненты формируют комплексную оценку инновационного статуса и роли субъекта в общественном развитии (в том числе, характеризуют его позиции через инно-

вазии в системе организации трудовых, профессиональных и общественных отношений);

4) креативный потенциал и креативные индустрии – одна из главных компонент современного производства, поддерживающая образ «интеллигенции» как креативного класса. Также участвует в формировании комплексной оценки инновационно-креативного статуса и роли субъекта в общественном развитии;

5) информационно-технологическая культура как инструмент реализации современных задач общественного производства в сложных условиях. Является своего рода проводником в пространствах цифровой экономики;

6) целеполагание, новая рациональность и новые «критические» технологии, формирующие концептуальное видение современных проблем. Идет ли речь о развитии интеллектуального и человеческого капитала, или о формировании новой социальной структуры, следует признать в качестве ведущих – позиции того субъекта, который определяет способы и масштабы национального богатства, гарантирует национальную безопасность и системно поддерживает идею устойчивого развития общества.

Все выделенные значения являются взаимодополняемыми и опираются на широкую «экспертную» платформу.

В заключение отметим, что многозначность понятия «интеллигенция» свидетельствует об изменении природы ментальности в современную эпоху под воздействием внешних и внутренних вызовов. Соответственно, формируется и новый образ «интеллигенции» как большой «экспертной группы» и носителя новой ментальности, а значит, и новой социальной истины, пути к постижению которой еще нужно установить.

УДК 123, 334.43
ББК 65.54

Асадуллина Г. Р., Уфа
Ивентьев С. И., Казань

Социальная истина и духовно-нравственная ответственность

В статье на теоретическом уровне рассматриваются концепты «социальная истина» и «духовно-нравственная ответственность». Последнее понятие вводится авторами в оборот в связи с наличием в литературе экономического концепта «духовно-нравственные риски», связанного с духовным и нравственным уровнем человека и должностного лица, и такого восточного философского понятия, как карма, причисляемого к социальному регулятору общественных отношений. Целью работы является: изучение взаимосвязи социальной истины с духовно-нравственной ответственностью. Основные методы – логический и сравнительный анализ, синтез и абстрагирование, а также систематизация. Актуальность темы связана с тем, что в существующей классификации видов ответственности отсутствует понятие «духовно-нравственная ответственность», а также в том, что в литературе отсутствуют исследования, посвященные социальной истине и духовно-нравственной ответственности человека. В ходе исследования концепта «социальная истина» была установлена взаимосвязь с понятием «ответственность», а также с новым авторским концептом «духовно-нравственная ответственность».

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, истина, идеология, социальная истина, ответственность, духовно-нравственная ответственность.

Asadullina G. R., Ufa
Iventev S. I., Kazan

Social Truth and Spiritual and Moral Responsibility

The article deals with the concepts of “social truth” and “spiritual and moral responsibility” at the theoretical level. The latter concept is introduced by the authors in connection with the presence in the literature of the economic concept “spiritual and moral risks” associated with the spiritual and moral level of a person and an official, and such an Eastern philosophical concept as karma, which is considered a social regulator of public relations. The aim of the work is to study the relationship between social truth and spiritual and moral responsibility. The main methods are logical and comparative analysis, synthesis and abstraction, and systematization. The relevance of the topic is due to the fact that the existing classification of types of responsibility does not include the concept of “spiritual and moral responsibility”, as well as the fact that there are no studies in the literature on social truth and spiritual and moral responsibility of a person. The study of the concept of “social truth” established a relationship with the concept of “responsibility”, as well as with the new author's concept of “spiritual and moral responsibility”.

Keywords: God, man, human soul, human spirit, truth, ideology, social truth, responsibility, spiritual and moral responsibility.

В традиционном понимании истина представляет собой идеал, определенное учение об идеях (мыслях) или идеологию [8, с. 9].

Согласно новой энергоинформационной концепции истины, под Истиной мыслится Божественная, духовная и материальная (физическая) информация (энергия), критерием которой выступают душа и дух человека [8, с. 167].

Под социальной истиной подразумевается социальная государственная идеология (греч. *ιδεολογία*, от греч. *ιδέα* – прообраз, идея; и *λογος* – слово, разум, учение), которая была закреплена непосредственно в Конституции Российской Федерации [9, с. 9]. В свою очередь под государственной идеологией следует понимать совокупность (систему) декларативно закреплённых в Конституции Российской Федерации принципов и руководящих идей человеческого общежития и государственного устройства [3, с. 18]. При этом некоторые авторы полагают, что социальная истина, имеющая при этом два измерения – проблемы подлинности и смыслов, дезавуирована (фр. *desavouer* – отказываться, выражать неодобрение) в самом основном законе страны, т. е. Конституции Российской Федерации [14, с. 13–15].

Любая идеология, какая бы она не была, и социальные регуляторы общественных отношений немислимы без понятия «ответственность».

Общественные отношения, возникающие в процессе социальной деятельности людей, регулируются следующими социальными нормами (регуляторами): неправовые обычаи, традиции, ритуалы, корпоративные нормы, религиозные нормы, мораль (нравственность), нормы права, карма и другие [11, с. 112; 17, с. 158–164; 24, с. 197].

Этимология слова «ответственность» восходит к понятию «ответчать», под которым, согласно Толковому словарю живого великорусского языка В. И. Даля, понимается: «ответчать, ответить, чем дать ответ, подать весть, сведенье на вопрос, отозваться, возразить, отповедать... Ответственность, обязанность отвечать в чем за что, повинность ручательства за что, долг дать в чем отчет» [7, с. 717]. При этом само понятие «ответственность» является этической категорией [19, с. 215] и относится к духовно-нравственной ценности человека [21, с. 61].

Чувство ответственности увязывают с человеческой совестью, своеобразным «внутренним самоотчетом индивида за выполнение совершенно определенных духовно-нравственных обязанностей» [23, с. 352].

Совесть – это ответственность человека перед самым собой, как носителем высших, универсальных ценностей [5, с. 263].

В нашем понимании совесть выступает характеристикой или свойством души человека [12, с. 125–126]. Чувство ответственности исходит от души человека, т. е. от его духовной сущности. При этом под душой понимается Божественная и духовно-нравственная ценность, совершенно самостоятельное духовное Разумное Энергетическое Существо (Суть), способное жить без тела человека, а в религиозном понимании – бессмертное Творение Бога [4, с. 141–147].

В целом под социальной ответственностью понимают объективную необходимость отвечать за нарушение именно вышеприведенных социальных норм [18, с. 214].

Социальная ответственность государства представляет собой совокупность принципов, подходов и действий государства, выраженных положениями его государственной политики, а также организации, личности, влияющие на качество жизни членов общества, как в рамках административно-территориальных границ их местонахождения, так и за их пределами [10, с. 10–11].

Согласно существующей классификации видов ответственности, выделяют моральную, политическую, юридическую, общественную, гражданскую, профессиональную (корпоративную), социальную, природную и другие виды ответственности [18, с. 214].

Очевидно, что уровень ответственности личности зависит от ценностно-смысловой сферы человека, осмысленности жизни и его духовно-нравственного уровня развития [22, с. 226–227].

Например, духовно-нравственный уровень топ-менеджера или профессионала-управленца отнесен к главному показателю духовно-нравственных рисков в управлении бизнесом или государством, от которого зависит судьба граждан, сотрудников и финансово-экономическая безопасность любого предприятия и страны [6, с. 179–182].

Следует отметить, что ответственность неразрывно увязывают со свободой человека, без которой невозможно первой [19, с. 216]. При этом мы соглашаемся с мнением И. В. Королевой и Н. Ю. Чугуновой о том, что «подлинная свобода человека предполагает не только деятельность, но и его ответственность за результаты своей деятельности и последствия этих результатов» [16, с. 90].

На современном этапе развития экономическая наука обратила особенное внимание на духовно-нравственный уровень топ-

менеджера (профессионала-управленца), вводя в оборот новое для науки понятие «духовно-нравственные риски».

Так, впервые концепт «духовно-нравственные риски» был использован в авторской концепции духовно-нравственных рисков в экономической дисциплине «риск-менеджмент» исследователей С. С. Гузенко и Р. А. Тимофеева, согласно которой любые риски связаны с человеческим фактором, духовным и нравственным уровнем человека, который определяет верные и направленные на пользу человека и общества управленческие решения [6, с. 179–182], с чем мы полностью соглашаемся. По мнению указанных авторов, топ-менеджер, имеющий духовно-нравственные пороки (алчность, зависть, чревоугодие, гордыня, властолюбие, мстительность и т. д.), будет всегда радеть только о личной выгоде или интересе, забывая о благе других людей и общества, не говоря о безопасности компании. Не исключено, что он может без зазрения совести пойти и на совершение какого-либо правонарушения или преступления» [6, с. 179–182]. Аналогичная ситуация относится к нечистооплотным политикам, чиновникам и журналистам или так называемым профессионалам любой сферы деятельности.

Духовно-нравственные начала всегда играли весьма значительную роль в жизни человека. В человеке с бездуховным инстинктом отсутствуют вера, доброта, жалость, человечность, совесть и честь. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства, и власти... Его можно назвать «выгодоискатель». Бездуховному инстинкту противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, его душа. «Я есть личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя; и такую же свободную и ответственную личность я чту в каждом другом человеке» [16, с. 31].

Экономический концепт «духовно-нравственные риски» вводит в экономическую науку философско-религиозные и нематериальные категории: дух, душа человека и дух человека.

Очевидно, что понятие «духовно-нравственные риски» напрямую взаимосвязано с ответственностью человека, включая и профессионала.

Экономический концепт «духовно-нравственные риски» по своей сути является универсальной категорией, так как применим не только к экономической науке, но и к другим профессиональным сферам деятельности человека (юриспруденция, политика, философия, искусство, религия, медицина и т. д.).

В некоторой литературе философское понятие «карма» относится к социальному регулятору человеческих отношений [11, с. 158–164]. В учении брахманистов, буддистов и джайнистов карма подразумевает закон причинно-следственных связей, согласно которому осуществляется справедливое воздаяние человеку за его дела и поступки, т. е. предусматривает неотвратимое наказание и ответственность человека в этой и последующих жизнях [26, с. 537].

По нашему мнению, в классификацию видов ответственности необходимо дополнительно включить новую группу (вид) «духовно-нравственная ответственность», которая связана с духовно-нравственной сферой человека, с его духовной сущностью (душой и духом). При этом под духом человека понимается эманация (лат. *emanatio* – истечение, распространение) Бога [2, с. 24].

В современной литературе отсутствуют такие понятия, как «духовно-нравственная ответственность», которая связана с человеком и его душой, и «духовно-нравственная ответственность профессионала», что говорит об имеющемся существенном пробеле в человекознании (англ. *anthropology*; от греч. *anthropos* – человек + *logos* – слово), который, по мнению авторов, будет восполнен настоящим исследованием.

Духовно-нравственная ответственность человека и его души – это необходимость и обязанность человека отвечать за нарушение, искажение и попрание духовно-нравственных ценностей и законов перед Богом, своими душой и духом, другим человеком, обществом и другими живыми существами, а также природой. При этом в понимании авраамических религий (иудаизм, христианство и ислам) такая ответственность связана с верой и со всеми ее обязательствами и наступает при нарушении Божьего Закона (Библия Лк.12:48, Иез.18:20, Сир.33:23; Коран 33:72).

Согласно мусульманской традиции, «ответственность (амана) – производное от «веры» (иман), и кто бережен к ответственности перед Аллахом, тому Аллах оберегает его веру» [20]. Поэтому верующие люди наиболее ответственны за свои слова и дела, а также перед Богом (Аллахом), другими людьми и обществом.

В связи с введением авторами нового вида ответственности, по нашему мнению, классификация видов ответственности будет выглядеть так: 1) духовно-нравственная ответственность (подразделяется на духовную и моральную или этическую); 2) общественная ответственность; 3) политическая ответственность; 4) юридическая

или правовая ответственность (гражданская, административная, уголовная, трудовая, экономическая и пр.); 5) профессиональная (корпоративная) ответственность; 6) природная ответственность (наступает как ответ природы на антропогенный фактор).

В классификации видов ответственности духовно-нравственная ответственность человека занимает главенствующее место в связи с тем, что она связана с духовной сущностью человека, его душой и духом.

При этом, как указывалось выше, ответственность личности причисляют к духовно-нравственной ценности [21, с. 61]. В связи с чем, духовно-нравственное воспитание и культивирование ответственности человека имеет архиважное значение для общества и государства.

Следует отметить, что духовное развитие расширяет осмысленную и сознательную ответственность человека [15, с. 58]. Следовательно, современный человек общества потребления из-за нежелания духовно развиваться по определению не может иметь осмысленную и сознательную ответственность, что приводит человека к аморальному поведению, неадекватным и противоправным действиям, на что необходимо обратить общество и государство.

Как отмечает Н. А. Харькова, чувство ответственности выступает важным условием развития духовно-нравственных ценностей в психологической подготовке учащейся молодежи к семейной жизни [25, с. 350].

По нашему мнению, именно через веру в Бога, духовно-нравственные ценности и самосовершенствование человек повышает свой уровень духовного и нравственного развития.

Авторы считают, что общество и государство особое внимание должно уделять не только культивированию и трансляции духовно-нравственных ценностей, но и духовно-нравственной безопасности, под которой мыслится обеспечение защиты духовной и нравственной сферы человека и общества, его духовной сущности (души и духа) [9, с. 18–24].

Поиск источников и условий, при которых происходит становление и развитие духовно-нравственной деятельности людей, связан с возникновением способности человека превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, ставящий вопрос об отношении к самому себе, и необходимостью формирования самопроцессов духовного развития. Ведь без суще-

ствования внутреннего духовного ядра и творческих процессов, в нем происходящих, никакой социальной строй не приведет к новому человеку [1, с. 380–381].

Если эти ключевые ценности станут основополагающими в жизни российского общества, то они неизбежно повлекут за собой доброту и честность, трудолюбие и социальную и духовно-нравственную ответственность и другие подобные положительные качества. Именно поэтому, сегодня необыкновенно важно уделять внимание духовно-нравственной безопасности, так как именно духовная безопасность является неотъемлемым элементом системы национальной безопасности общества и государства.

Таким образом, рассматривая социальную истину, мы пришли к выводу, что она представляет собой государственную социальную идеологию, которая немыслима без духовно-нравственной сферы человека, его души и духа, а также напрямую взаимосвязана с совестью человека, социальной и духовно-нравственной ответственностью.

Список литературы

1. Асадуллина Г. Р. Духовные искания современной молодежи: интересы и основные ценности // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 380–381.
2. Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И. Национальная духовная культура и душа человека // Башкирская духовная жизнь в поликультурном пространстве: прошлое, настоящее и будущее : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Победы в ВОВ (г. Уфа, 21.05.2020 г.) ; отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа : РИЦ БашГУ, 2020. С. 21–29.
3. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Истина в идеологиях // Проблемы модернизации современного российского государства : сб. материалов VIII Всерос. науч.-практ. конф. Респ. Башкортостан, г. Стерлитамак, 23–24 мая 2019 года ; отв. ред. Г. А. Иванцова, зам. отв. ред. Е. С. Косых. Стерлитамак : Стерлитамак. филиал БашГУ, 2019. С. 15–20.
4. Боброва Н. А., Ивентьев С. И. Концепция прав души и духа человека как основа духовно-нравственной интеграции // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве : сб. материалов Междунар. науч. конф. ; отв. ред. С. Г. Максимова. Вып. 8. Т. 2. Барнаул : ИП Колмогоров И. А., 2019. С. 141–147.
5. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. М. : Гардарика, 1998. 472 с.
6. Гузенко С. С., Тимофеев Р. А. Духовно-нравственный аспект риск-менеджмента // Информационные технологии в экономике : материалы IV Респ. науч.-практ. интернет-конф. студентов, аспирантов и мол. ученых с междунар. участием, 25–26.03.2020. Луганск : Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2020. С. 179–182.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. И – О. СПб. : Диамант, 1996. 784 с.
8. Ивентьев С. И. Истина. Новосибирск : СИБПРИНТ, 2016. 384 с.
9. Ивентьев С. И. Духовно-нравственный аспект социальной истины // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч. конф. Иркутск, 28 ноября 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 18–24.
10. Иванова Е. А. Современные модели социальной ответственности // Политика, экономика и инновации. 2018. № 5 (22). С. 1–11.
11. Ивентьев С. И. Карма как духовно-нравственный и социальный регулятор человеческих отношений // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования : сб.

материалов IV Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2015. С. 158–164.

12. Ивентьев С. И. Права человека. Свобода мысли, совести и вероисповедания // Современность и психолого-педагогические науки. Современность и лингвистические науки. Современность и юриспруденция : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. интернет-конф. / под общ. ред. В. С. Курчеева и Т. В. Сидориной. Новосибирск : ЦПИ Изд-во СИБПРИНТ, 2010. С. 121–131.

13. Ильин И. А. О грядущей России. Избр. статьи. М. : Воениздат, 1993. 368 с.

14. Кармадонов О. А. Социальная истина: относительная и постоянная // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч. конф. Иркутск, 28 ноября 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 13–17.

15. Калашников В. Г. Развитие личности в психологическом и духовном контекстах // Развитие личности. 2017. № 2. С. 47–69.

16. Королева И. В., Чугунова Н. Ю. Свобода и ответственность как ценности современной молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 87–95.

17. Лазарев В. В. Общая теория прав и государства. М. : Юристъ, 1996. 472 с.

18. Магузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М. : Юристъ, 2004. 512 с.

19. Никифорова О. А., Митрофанова Д. О. Концепции социальной ответственности бизнеса: исходные понятия и классификации // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 2. С. 214–228.

20. Об ответственности. URL: <http://islam-vera.ru/biblioteka/knigi/440-2/glava-13-ob-otvetstvennosti/> (дата обращения: 25.10.2020).

21. Ребещенкова И. Г. Ответственность личности как духовно-нравственная ценность и функция непрерывного образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. 2013. Т. 11. № 2. С. 61–63.

22. Слотина Т. В. Особенности ценностно-смысловой сферы подростков с разным уровнем и видами ответственности // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 223–228.

23. Харьковская Н. А. Чувство ответственности как условие развития духовно-нравственных ценностей в психологической подготовке учащейся молодежи к семейной жизни // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10. С. 350–353.

24. Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М. : Дабаков, Ткачев, Димов, 1995. 384 с.

25. Харьковская Н. А. Чувство ответственности как условие развития духовно-нравственных ценностей в психологической подготовке учащейся молодежи к семейной жизни // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10. С. 350–353.

26. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М. : АСТ ; СПб. : Сова, 2007. 1007 с.

УДК 304.2
ББК 60.6

Олейник Е. А., Владивосток

Современный мир и понятие социальной истины

Рассматриваются вопросы понимания, смыслов и контекстов изучения социальной истины, а также этапы эволюции понимания социальной истины в общественном воспроизводстве под влиянием внешних процессов социального развития и внутреннего осмысления происходящих процессов.

Ключевые слова: социальный, социум, истина, человечество, окружающий мир, объективный, познание.

Oleinik E. A., Vladivostok

The Modern World and the Concept of Social Truth

The article deals with the issues of understanding, meanings and contexts of the study of social truth. The stages of the evolution of understanding of social truth in social reproduction, under the influence of external processes of social development and internal understanding of the ongoing processes, are considered.

Keywords: social, society, truth, humanity, the surrounding world, objective, cognition.

Само понятие социальность объединяет в себя совокупность приобретенных человеком свойств, которые способствуют его жизнедеятельности в современном окружающем мире и группировки в социум. Оно является субъективным подходом к процессу общения и связан с жизнью людей в обществе, данном социуме. Слово социум означает человеческую общность, как результат исторически сложившихся форм деятельности людей. Их объединяет единая система ценностей: обычаев, традиций, норм, правил, законов. Социум от латинского *socium* означает «общее». Эта философская категория «общее» не что иное как, не похожесть, не повторяемость и не одинаковость, а единство различий, связанных между собой в рамках единого целого. Люди, живущие в обществе различны между собой по характеру, темпераменту, внешним признакам, но сосуществуют в одной социальной общности. Социальный значит общественный, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе, т. е. социальная общность является объединением людей

Издrevле человек в процессе своей жизни стремился познать окружающий его социальный мир. Жизненная практика людей состоит в накоплении, переработке и распространении полученного им социального опыта. Человек приобретает те знания, которые помогают ему в жизни социума. Активная, деятельность человека, которая направлена на приобретение и развитие знаний об окружа-

ющем его пространстве, есть познание. Основной сутью этого процесса является получение объективных знаний о внешнем мире. Некоторые ученые считают, что получить достоверные знания о мире невозможно, другие утверждают, что мир, возможно, познать только при помощи ощущений и разума.

Результатом всего процесса познания есть истина. Она объективна по своему содержанию и не зависит от субъекта познания, а по форме субъективна, так как не может существовать вне человеческого сознания. Понятие истина – это философская дисциплина, она занимается исследованиями, критикой и теориями познания, является гносеологической (от древнегреческого означает познание, знание + слово, речь) характеристикой мышления в его отношении к своему предмету. Мысль истинна, если она соответствует предмету.

Установить истину в процессе социального познания нелегко, так как объектом этого познания является само общество.

Слово истина заимствовано древнерусским языком из старославянского, в котором является производным от ИСТЬ, ИСТОВЬ, имеющего значение «истинный, сущий». В свою очередь, старославянское произошло от праславянского *istъ* со значением «тот же самый». Со временем проникновения слова в русскую лексику его значение не изменилось.

Истина является синонимом слову правда; это то, что существует в действительности, отражает ее, т. е. это есть соответствие знания действительности; утверждение, верность которого проверена практикой, опытом, это в свою очередь объективное содержание опыта и теоретического познания. Истина или социальная истина, связаны с жизнью людей в социальном социуме. Человек всегда стремился познать ее. Проблема достоверности наших знаний об окружающем нас мире определяется ответом на вечный вопрос «Что есть истина?»

С давних времен человек задумывался над тем, что же такое истина и есть ли она вообще? Кто-то считает, что истина в знании, кто-то в вере. В существующих религиозных направлениях понятие истины различны. В буддизме истина связана с практическим достижением состояния сознания, в котором реальность видится такой, «как она есть». По убеждению сторонников индуизма, истина познается только через целостный опыт восприятия насущного мира. Понятие истины в этих религиях объединяется высказыванием древнекитайского философа даосизма Лао-цзы: «высказанная вслух

истина перестает быть таковой, ибо утратила первичную связь с моментом истины». В исламе позиция схожа с иудаизмом, считается что истина – это спасительный Закон. В христианстве истиной называют не абстрактную идею или явления, а основополагающую живую личность Иисуса Христа – Бога – Слова – Логаса, который изрек: «Я есть путь, истина и жизнь». Как говорится, сколько людей, столько и мнений, у каждого человека своя правда. Точного определения нет, каждый по-своему истолковывает это абстрактное понятие и каждый по-своему будет прав.

Основные положения истины, классической, сформулированы еще Аристотелем, главное из них сводится к формуле: истина есть соответствие вещи и интеллекта (лат. *veritas est adaequatio rei et intellectus*). В классическом смысле истина – это адекватная информация об объекте, получаемая посредством чувственного и интеллектуального изучения. А более простая трактовка звучит так, истина есть адекватное отображение действительности в сознании человека.

Истина, являющаяся объективным знанием, соответствует социальной действительности, понятие это абстрактное, существующее в человеческом познании, как говорится «здесь и сейчас». Ее невозможно пощупать, увидеть, а можно только постичь или познать. Она является отражением реальности и воспроизведением ее такой, как она существует сама по себе. Понятие это философское, оно может быть дополнено или опровергнуто новыми доказательствами, соответствует уровню развития науки на данный момент времени и может изменяться по мере усовершенствования.

Понятие истина может быть абсолютной и относительной. Абсолютная не изменяется в ходе дальнейшего познания людьми окружающего социального общества. Относительная – это приближенное знание, источник всего, что нас окружает. Чаще встречается в точных науках, например, в математических аксиомах.

Человечество всегда стремилось познать истину социального окружающего его мира. Оно всегда находилось в состоянии поиска истины.

Главным критерием истины является человеческая практика, которая направлена на преобразование социальной действительности, возможности применения ее на практике.

Постижением истины человечество занимается на протяжении многих веков и тысячелетий. Трудно человеку определить истину. Многие великие философы, мудрецы, поэты, писатели в своем

творчестве, каждый по-своему, описывали свое мнение и отношение к истине. Николай Рерих в своем Учении «Агни – йога» писал: «Та же неизменяемая истина дается человечеству в различных одежаниях. Так же точно она извращается мятущимися толпами в течение менее века». А вот как звучит афоризм мудрых мира сего, создателя «Скрижалей Лазурной скалы», монаха из Китая, жившего в эпоху династии Сун, Сюэдоу, смолоду прославившегося своей ученостью и заслужившего среди монахов прозвище «сосуд истины»: «Небо и земля тесны; солнце, луна и звезды помрачены. Даже если удары посоха наставника будут сыпаться, словно капли дождя, и крики наставника будут греметь, словно гром, высшая истина останется недостижимой». То есть очень сложно определить истину, возможно, что и недоступна она, поэтому человек и будет стремиться ее познать и постичь.

Люди искали истину в сложных и возвышенных вещах. Михаил Булгаков в произведении «Мастер и Маргарита», это понятие раскрывает особенно просто. На вопрос прокуратора «Что такое истина?» Иешуа говорит: «Истина, прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти. ... Ты не можешь даже и думать о чем-нибудь и мечтаешь только, о том, чтобы пришла твоя собака, единственное, по-видимому, существо, к которому ты привязан». Автор нам показывает, что Иешуа не ищет истину в высоких словах и чувствах, а видит ее в самых простых и обыденных вещах. Для него просто необходимо жить истинной жизнью. Булгаков показал, что добро, милосердие, любовь к людям являются следствием истинной жизни человека.

В каком социальном обществе мы бы не находились, цель нашего существования в этой социальной среде – быть истинным, правдивым, а цель познания – истина. И истина, и истина познания есть сам путь к истине. Осуществление этой цели связано с тем, предполагаем ли мы результат, на котором можно строить дом нашего бытия. Подход к понятию истины есть определенный способ деятельности, который характерен человеческому существованию. Речь идет о целостности и единстве человека с самим собой и социальным обществом, в котором он находится. Сама целостность противоречива: она вроде дана и не дана человеку, он постоянно осуществляет ее в своей жизнедеятельности, но вряд ли когда-либо достигнет окончательно, она является целью и двигателем человеческого творчества.

Недаром древний мыслитель и философ Китая Конфуций писал: «Утром познав истину, вечером можно умереть». Пока живет в социуме человек, он познает мир и себя, ищет истину, что-то новое, ведь суть жизни в движении вперед, а если он получается познал истину, то нет уже смысла дальше жить. У него нет желаний и устремлений, мотивации для развития. И тогда его существование прекращается в ближайшее время, имеется в виду конечно не физическое состояние индивидуума.

Содержание социальной истины раскрывается как поиск и достижение целостности через деятельность человека. Этот поиск внутренне присущ человеческому существованию. Соотношение этих двух понятий, в том, что истина есть определенная конкретная форма знания, способа существования.

Гёте Иоганн Вольфганг говорил: «Гораздо легче найти ошибку, нежели истину. Ошибка лежит на поверхности, и ее замечаешь сразу, а истина скрыта в глубине, и не всякий может отыскать ее». Легче узнать заблуждение, оно лежит на поверхности, а истина поκειται на глубине, и исследование ее не каждому доступно.

Образ искателя истины взволновал поэта еще в юности и сопутствовал до конца его жизни. В своем произведении «Фауст» автор показывает человека, ищущего истину, показывает, как идет борьба Фауста за истину, не испугавшегося сделки с дьяволом для осуществления своей мечты, который старается постичь истину не в сухой книжной науке, а в жизни. Поэт убежден, что Фауст преодолет временные заблуждения и найдет дорогу к истине:

«И посрамлен да будет сатана!

Знай: чистая душа в своем исканье смутном

Сознанием истины полна!»

Истина – это истинное знание, которое заслуживает эпитета «объективное» потому, что отражает объективный природный мир и связана с деятельностью человека. Человек познает природу и действительность, чтоб преобразовать ее. Но он не может познавать мир независимо от его оценки.

«Господство над природой, проявляющее себя в практике человека, есть результат объективно – верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение есть объективная абсолютная, вечная истина» [1].

Человек живя в социальном обществе, тесно связан с природой, чтобы выжить ему нужно многое познать и постичь, через свои

ощущения и понятия об объективном мире. Объективное содержание в нашем сознании и ощущениях, которые не зависят от человека и человечества, В. И. Ленин называл объективной истиной. Критерием истины является практика, понимаемая, как и сама истина. Человек не может познавать мир иначе как через движение идей, переход от незнания к знанию, от менее полного знания предметов окружающего мира к более полному и точному знанию. Человек не может познавать мир, не зависящий от движения идей. Человеческое познание находится в непрерывном процессе развития.

Понятие социальной истины или просто истины не потеряла своей актуальности и сегодня. В современном мире при огромном количестве получаемой информации через различные источники трудно определить, что из данного материала является действительно истиной. Нынешний мир поглотил век технологий, информационные средства оказывают огромное влияние на жизнь человека в обществе. Появилась возможность получать информацию в больших объемах и гораздо быстрее, чем раньше. Из-за огромного количества материала, человеку становится трудно оценивать достоверность получаемых сведений. Поиск первоисточника так же важен, как и тот факт, насколько мы можем ему верить. Речь в данном случае, не об общем понятии истины, а о доверии к получаемым сведениям, пытаюсь сыграть на эмоциях, распространение ложной информации влияет на политические и социальные аспекты жизни, поэтому поиск информации из разных источников и ознакомление с мнением людей точка зрения, которых отлична от вашей позволят подойти к особо важным вопросам с долей скептицизма и в итоге найти наиболее правдивые, непредвзятые данные. Разница между скрытой пропагандой и донесением объективной информации о событии выражается чаще всего в том, что первая зачастую имеет свойство смешивать ложную информацию с правдивой или же приукрашать события в том свете, в котором выгодно.

В современном обществе ясно, что чем ближе человек или социум к истине, тем они успешнее. Ведь даже самому простому человеку нужно многое знать истинно, чтобы жить в социальном обществе, работать, учить и воспитывать детей. Н. Рерих писал: «Последняя война среди людей будет войной за истину. Эта война будет в каждом отдельном человеке. Война с собственным невежеством, агрессией, раздражением».

Социальная истина или истина, в поисках которой человечество, живя в существующем социальном обществе, искало ответы на возникающие у него вопросы, в процессе его жизнедеятельности, наверное, и в настоящее время остается открытым. Сколько будет существовать человечество, столько оно и будет находиться в поисках истины.

Список литературы

1 Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 18 М. : Изд-во политической литературы, 1968.

2. Конфуций. Памятники мировой культуры. Афоризмы мудрости. Иллюстрированное энциклопедическое издание / под ред. В. П. Бутромеева, В. В. Бутромеева, Н. В. Бутромеевой. М. : Белый город, 2007. 448 с.

УДК 141.7

ББК 87.6

Бобков А. А., *Иркутск*

Исчезновение социальной реальности или кризис социального познания как методологическая проблема поиска социальной истины

Рассматривается сравнение и совпадение концептов «социальные науки» и «конец социального». Доказывается, что исчез объект познания. Раскрывается вопрос почему умерли социальные науки. Также задаются новые условия поиска социальной истины. Утверждается, что для существования массового общества необходима смерть социальных наук для того, чтобы обособленность бытия человека стала фактом; социальное появляется, тогда, когда существует взаимопонимание огромного количества людей и исчезает, когда это большинство много знает об обществе, но не понимает в нем ничего.

Ключевые слова: социальная реальность, наука, масса, дискурс, мышление, биомасса, общество, истина.

Bobkov A. A., *Irkutsk*

The disappearance of social reality or the crisis of social cognition as a methodological problem of the search for social truth

The article examines the comparison and coincidence of the concepts of “social sciences” and “end of the social”. It is proved that the object of knowledge has disappeared. The question is revealed why the social sciences died. And also new conditions for the search for social truth are set. It is argued that for the existence of a mass society, the death of the social sciences is necessary in order for the isolation of human being to become a fact; the social appears when there is mutual understanding of a huge number of people and disappears when this majority knows a lot about society, but does not understand anything about it.

Keywords: social reality, science, mass, discourse, thinking, biomass, society, truth.

Социальная реальность исчезает в силу господства дегуманизованного искусства и технократической науки биологизирующих человеческое бытие. Культурцентристский проект сегодня отставлен в поисках социальной истины и социального конструирования реальности в силу того, что он мешает самоутвердиться биотехнологическому пониманию человеческого бытия с его сужением сознания. Для того чтобы понять, что происходит с социальной реальностью обратимся к категориям, в которых истину социального бытия и сегодня пытаются найти.

Начнем с определения реальности вообще. Реальность – это все, что существует либо в мире, либо в искусстве. Искусство – это то, чего в природе нет, и что создано человеком при помощи сознания. Сегодня, уйдя от творческого самосознания, человек уже не стремится создать вторую природу, он стремится запрограммировать себя и ее для будущего. Он уже не говорит о вещах, которых «еще нет» (Б. Рассел). Программирование – это то, что человек назначил совершить в будущем. Программирование может сбыться, а может и не сбыться. На всякое программирование человек находит причину. Причиной социального программирования стал отказ от прошлого толкующего нас сегодня и завтра. Прошлое в одноразовом мире сегодня ведет к тому, что ты уходишь из-под власти программирования и не веришь в искусственный интеллект, а значит, воссоздаешь привычные структуры социального бытия или бытия вообще расплавленные текучей современностью (З. Бауман). Воссоздаешь реальность для двух людей, подлинную социальную реальность с человеком творцом.

Социальная реальность – это реальность, в которой присутствует не менее двух людей, так возникает общество. Любой социальный институт обязан не обществу, а человеку. Поэтому концепт «мышление общества» (Ф. И. Гиренок) ни о чем не говорит. Общего мышления у людей нет, мышление каждого индивидуально, но одни его жаждут, а другие уповают на искусственный интеллект или коллективный разум. Человеку нужно думать, чтобы жить дальше как следует жить по-человечески. Действовать через мышление, а не без него. Это значит заниматься трудным делом, требующим охваченности поиском смысла бытия в любой из его составляющих, а не расслабляться в уповании на то, что умные машины уже и являются найденным смыслом, в том числе и социального бытия. Поэтому во время безделья без мышления социальных действий быть

не может, а значит, не может быть общества. Ведь поиск смысла – это всегда надежда на очеловечивание бытия. Общество постава¹ (М. Хайдеггер), состоящее из людей без надежды, не развивается. Момент, когда никто никому не верит, вводит людей в заблуждение относительно наличия общества. В этот момент общество исчезает.

Мыслящими люди не рождаются, а становятся. Чтобы стать мыслящим человеком, нужно многое узнавать и запоминать в прислушивании к бытию. Если человек ничего не изучает и не узнает путем внимания к бытию, то он мыслящим он быть не может. Благодаря пониманию, а не знанию и действиям на основе понимания человек может развиваться до состояния творца социального.

Пределом любой социальности является то, что интересно обществу. А то, что неинтересно обществу, это уже за пределами социальности. Предельным интересом в обществе, как основой социальной истины является религия. Но в такое ее определение кто-то верит, а кто-то нет. Но тот, кто не верит в религию, тот деградирует социально и человечески. Его мышление дальше власти и господства приспособляющегося характера не идет. Вместе с религией предельный интерес выражает и художественное творчество. Художественное творчество – это то, чего не существует в реальной жизни до мышления или умозрения, но что создает реальность после того, как вышло в интересующую среду из самосознания субъекта, его внутреннего опыта (Ж. Батай).

Отсюда вывод, что все внешнее как реальность со смыслом зависит от восприятия мыслящим человеком, немслящий легко все в реальности воспримет как лишенное смысла.

Теперь вопрос о социальных науках и их способности или неспособности к мышлению. К социальным наукам относятся науки, «фотографирующие общество» (Г. П. Щедровицкий).

Предметом исследования социальных наук является отношение человека к человеческому в обществе. Социальные науки пытаются научить человека власти над другими, а не над самим собой. Власть над непотаенным в социальном бытии, а значит над публичным. Социальные науки стремятся к предельной публичности человека, его изгнанию из внутреннего (интимного) мира, мира духовного. Гуманитарные науки в отличие от социальных наук рассмат-

¹ Постава – это способ раскрытия потаенности, который заставляет человека вывести действительное из его потаенности.

ривают поведение человека за пределами общества, а значит его как творца общества.

Поэтому для социальной истины важно, что следует ждать от социальной науки. Начнем с того, что наука – это то, что является вещами, изменившими мир. Научная истина – это то, что является неоспоримым фактом. В отношении социальной истины неоспоримость фактов достигается только либо путем одобрения власти, либо путем указания на наличие социальных закономерностей ею игнорируемых. Если понимать, что сознание в науке – это глаз, который наблюдает явления в науке, то в социальных науках следует наблюдать за властью, которая стремится спрятаться, ускользнуть и раствориться и одновременно локализовать себя в качестве недоступного для наблюдения потаенного социального отношения. Для такого достижения не наблюдаемости власти социальные науки стремятся редуционистски биологизировать или технизировать. Такое восприятие их сущности выгодно бессубъектности социального исповедуемого властью над массами.

Для того чтобы социальные науки возникли, необходимо было понять тот факт, что научное изучение общества не может проходить по сценарию естественных наук, история общества идет по иным законам нежели история бытия природы. Есть идеи, которые рождаются, не раньше начала разговора. Идеи о самостоятельном социальном бытии могли возникнуть только тогда, когда познание природы не смогло привести к подвластности общества человеку, а лишь к утрате человечности и в нем самом и в обществе. Смысл общества присутствует, когда есть актуальность его творения. Если уже в обществе неактуально что-то, то смысла в нем уже нет. Социум – это группа людей, обладающих общими интересами. Эти интересы часто кажутся безрассудными. Любой социолог – это рассудительный человек, поэтому этих интересов он не видит, т. е. не видит мышления в обществе и его преобразующей и движущей роли.

Термин «общество» относится не ко всем типам разговоров. Потому что общаться для достижения наличия общества – это достигать понимания, и обмениваться общими интересами. Ныне социальные науки для большинства людей необходимы. Но, когда люди чаще стремятся изучать только естественные науки и уподоблять общество биологическим или техническим системам, они о социальных науках не думают.

У дискурса социальных наук есть несколько особенностей. Первой особенностью данных наук является то, что они сочетают то, что есть и то, что должно быть. Иногда произвольное понимание социального бытия теоретика уподобляет существующее должному, и наоборот. Тогда человек верит в то, что любая идеология или утопия, либо не содержит социальной истины, либо является ее полным выражением. Истина – это то, что нельзя перечеркнуть и переделать. Если что-либо сделать в будущем человек запрограммировал заранее, то это еще не истина, а всего лишь идея.

Вторая особенность заключается в том, что человек, как только он уверовал в наличие возможности науки об обществе ведущей к обнаружению социальной истины, попадает в обезчеловеченное общество, в котором он жить не может, но, к сожалению, и этот факт для него недоступен. Ведь в рамках научной картины мира Нового времени появляются массы и массовое общество, а значит сметь социального (Ж. Бодрийар).

Третья особенность заключается в том, что социальные теряют в социальных науках свою принуждающую к истине силу. Симулировать в обществе, познанном научно гораздо легче, тем более что с одной стороны симулирует власть, а с другой массы. Социальными науками легитимируют общество обмана.

Четвертой особенностью социальных наук следует обозначить понимание того, что они стремятся принизить роль воображаемого в отношении реального. Реальность кажется более необходимой для социотворения, чем воображение. Однако воображаемое сообщество значительно шире, чем реальное. Более того именно воображаемое дает возможность для отслеживания социальных закономерностей на более длительном промежутке, что и ведет к их учету в процессе социотворения.

Поэтому полагая, что социальные науки недостаточно близки к истине, а точнее они попадают в ловушку властных устремлений, необходимо заметить, что Дискурс социально-гуманитарных наук означает доказать правду. Гуманитарные науки – это науки о событиях и достижениях [1, с. 98].

В гуманитарных науках говорят о том, что людей волнует. Есть люди, которые считают, что жизнь лучше, чем она, порой, кажется. У человека есть то на уме, о чем он думает постоянно, но чего нельзя показать, увидеть и потрогать руками.

В гуманитарных науках играет важную роль понятие «правды»: везде, где познание разворачивается вокруг человека, познающий не имеет возможности оставаться безучастным наблюдающим – он трансформируется вместе с познанием; знание обрастает нравственной компонентной; гносеология становится гносеургией; истина гуманитарного познания отождествляется с правдой. Гуманитарные науки включают некоторые разделы философии, культурологию, религиоведение, филологию, лингвистику, литературоведение, искусствоведение, отчасти (во взаимодействии с социальными науками) историю, психологию, антропологию, этнографию, когнитивистику, а также ряд других, неконвенциональных дисциплин, например, изучающих метаморфозы человека и человечества под воздействием техносреды (техногуманистика).

Человек должен иметь как можно больше своих идей и мыслей. Если человек старается жить только чужими идеями и мыслями, то он теряет самого себя.

Звуки, произносимые людьми – это то, что можно услышать, но невозможно увидеть, потрогать руками и почувствовать. Люди в данном случае являются всего лишь теми, кто произносят эти звуки. Значит, следует вывод о том, что звуков в природе не существует.

Если бы у человека была какая-то одна сущность, то люди, может быть, были бы похожи на обезьян. И тогда бы наш мозг был бы похож на мозг обезьяны. Наша жизнь была бы без целей, задач и планов. Нам радоваться жизни было бы достаточно.

Но жизнь людей – это достаточно более серьезное, чем жизнь животных, или растений. Мышление людей не совпадает с видением.

Социальные науки умерли, потому что люди стали жить обособленно. А значит, суть состоит не в большинстве, а в меньшинстве. Социальное появляется, тогда, когда вместе огромное количество людей. Зарождение социологии в России началось в середине XIX в. Сложные и обостряющие социальные проблемы развития страны стимулировали разработку социологической теории, которая к концу XIX в. достигла уровня, не уступавшего европейскому.

Большое влияние на развитие отечественной социологии оказали взгляды Огюста Конта, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. Ряд представителей российской социологии: Ковалевский, Мечников, Михайловский, Сорокин внесли значительный вклад в развитие науки. Необходимо отметить, что российская социологическая мысль представляла собой сочетание общего сциентизма и национальной самобытности.

Если человек будет рассуждать, хочу быть в обществе, но не делать попыток никаких (что называется только языком болтать), то ни в каком обществе он не окажется, так как хотеть это еще не все, надо и хотеть, и выполнять определенные действия.

Масса – это не народ. Масса – это множество людей, являющихся, как правило, друг для друга единомышленниками во властных устремлениях. У них есть желание заниматься одинаковым делом в интересах власти. Народ – это множество людей оказавшихся вместе и предпочитающих овладевающему знанию социального бытия понимание его сакрального смысла. Если кроме сакрального понимания смысла бытия у случайно оказавшихся вместе людей больше ничего нет, то данный народ не является массой.

Народ – это множество людей, оказавшихся вблизи. А вот масса – это множество единомышленников, которое может, не обязательно находится в одном и том же месте.

Средства массовой информации способствуют деградации общества, так как у людей они вызывают к себе интерес, за счет снижения интереса к общению. Если все люди будут только увлекаться средствами массовой информации и не будут друг с другом общаться в интересах обретения общего смысла бытия, то общество прекратит свое существование.

Дословна только правда, потому что существует мнение, что лучше горькая правда, чем красивая ложь, так как красивая ложь вводит людей в заблуждение рано или поздно, а горькая правда помогает людям узнать о том, что им делать дальше. Истину можно тщательно скрыть, но бывают случаи, когда людей не обманешь.

В социальной истине человек узнает о том, каким является общество, какие у общества интересы. В этом узнавании интересов и установления сущности социального не только и не столько политика наполняется властью, но и все процессы управления. Благодаря социальной истине народ начинает понимать, что такое политика в его интересах.

Социальное существует до тех пор, пока несколько человек имеют друг с другом общие интересы.

У социума нет возможностей увидеть то, о чем думает человек, у социума есть только возможность услышать, что человек говорит. Существует мнение, что если бы Горбачев не пришел к власти, и не заговорил о том, что обществу нужны иные социальные идеалы, то продолжал бы существовать СССР. Однако это всего лишь предпо-

ложение, на самом деле неизвестно что было бы с СССР, если бы Горбачев не пришел к власти не начал столь бурно подменять одни социальные истины другими. Но, к сожалению, история не знает сослагательных наклонений.

Мы можем сегодня говорить о том, что социального больше нет как такового, поскольку у людей сейчас могут иметься для каждого индивидуальные асоциальные интересы, которые ни с чьими интересами не совпадают. Но если человек о своих внутренних ощущениях будет говорить правду, то его внутреннее станет известным.

Внутреннее человека, когда он говорит правду, работает, как проведение эксперимента или экспериментов. Люди проводят эксперимент и начинают анализировать восприятие другого человека. В данном случае человек является откровенным. Мысли и мозги другого человека мы не видим, зато понимаем, как и о чем другой человек думает. Демократия – это власть массы симулирующей народ, от которой, как правило, толку никакого нет, поскольку у руководства есть свои соображения. Конец социального в нашем понимании означает, что человек в каком-либо обществе не состоит и его это не беспокоит.

Биомасса труда – это человек, действующий своими методами, которые не совпадают с методами других людей. Биомасса труда склеена в одно целое человеком и его индивидуальными принципами. Пока человек подчиняется общественным принципам, он является субъектом. Сегодня, как правило, если человек беден и страдает, то он никому не нужен, и ему никто не поможет. Так как проблему решить в данном случае нереально. Поведение человека является только причиной его внутреннего мира. От чего сегодня требуется такая одна идентификация как применение своих собственных знаний. Социальные науки строят свои теории о том, что касается общества или обществ.

Список литературы

1. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое. М. : Проспект, 2018. 254 с.

УДК 130.3
ББК 87.6

Ирошников Д. В., Москва

Безопасность в контексте социальной истины¹

В статье анализируется понимание безопасности сквозь призму социальной истины. Рассматриваются вопросы истинной безопасности, а также истинных и ложных угроз безопасности. Особое внимание уделяется проблеме истины о безопасности сквозь призму взаимоотношений власти и общества.

Ключевые слова: безопасность, истина, истинная безопасность, абсолютная безопасность, угроза, информация.

Iroshnikov D. V., Moscow

Security in the Context of Social Truth

The article analyzes the understanding of security through the prism of social truth. Questions of true security, as well as true and false security threats are considered. Special attention is paid to the problem of the truth about security through the prism of the relationship between government and society.

Keywords: security, truth, true security, absolute security, threat, information.

Безопасность традиционно является одной из важнейших ценностей для человека наряду с жизнью и здоровьем. Стремление к безопасному состоянию у всего живого проявляется через инстинкт самосохранения, который можно назвать внутренним природным регулятором уровня безопасности. При этом, в свете происходящих процессов, характеризующихся возрастанием количества различных угроз безопасности и их качественной трансформацией, ценность безопасности кратно возрастает.

Безопасность – сложная научная категория и ее философское постижение напрямую связано с вопросами истины. Исходя из существования двух альтернативных трактовок истины в классической философии, которые приводит В. А. Решетников [6, с. 8], в данной статье предлагаем придерживаться той, что основывается на принципе корреспонденции как соответствия знания объективному положению дел (Аристотель, Бэкон, Спиноза и др.). Такое понимание истины может помочь постижению смысла безопасности. К самому простому пониманию безопасности позволяет прийти лекси-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00658 «Транспортная безопасность: теоретико-правовые основы, административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения в Российской Федерации»

ко-грамматический анализ термина «безопасность», с помощью которого его можно объяснить как «без опасности». То есть безопасность – есть отсутствие опасности. Однако данное понимание сложно назвать истинным, поскольку такое состояние объективно недостижимо. Если такую логическую абстракцию переложить на реальную действительность, то становится очевидной несостоятельность данной концепции, поскольку на практике невозможно обеспечить полное отсутствие угроз. Объективно человеку угрожает опасность: где бы он ни находился, существуют реальные и потенциальные угрозы его существованию.

Для примера можно представить, что человек оборудовал себе абсолютно неприступное убежище (предположим, бункер), тем самым обеспечив отсутствие физической опасности в нем. Однако, находясь в данном убежище, он, во-первых, может погибнуть от обострения той или иной болезни, в том числе от ряда сердечно-сосудистых заболеваний, а во-вторых, нельзя исключать техногенный фактор: в бункере может отказаться какая-либо система жизнеобеспечения. Этот простой пример демонстрирует целый комплекс угроз, которые могут существовать в отношении того или иного объекта.

Учитывая изложенное, соглашаясь с многими исследователями, безопасность сегодня принято понимать не как отсутствие опасности, а как состояние защищенности от тех или иных угроз [8, с. 24; 10, с. 15]. Такое понимание безопасности с оговоркой на всеобщую форму существования материи (в том числе и человека) – пространство-время [1, с. 6–11], можно раскрыть как состояние защищенности объекта в конкретном месте и (или) в конкретное время от тех или иных угроз.

Такое понимание безопасности, с одной стороны, более истинно, нежели понимание ее как отсутствие опасности, но с другой стороны, также далеко от абсолютной истины.

Для логического движения к пониманию истинной безопасности нужно понимать, что безопасность может быть субъективной и объективной. Если человек ощущает себя в безопасности, т. е., по его мнению, находится в состоянии защищенности, это лишь фактор его субъективного ощущения. На деле в этот момент ему может угрожать опасность, о которой он просто не знает, ибо далеко не все угрозы являются видимыми или осязаемыми. На практике это может являться большой проблемой для реальной деятельности по

обеспечению безопасности. В качестве примера можно привести показательную ситуацию с пандемией коронавируса: люди заражались незаметно, нередко при этом субъективно ощущали себя в безопасности.

Как отмечал У. К. Клиффорд, сама истина в известном смысле социальна, всякая наука социальна в том же смысле, поскольку она достигает того, что способна давать другим сознаниям те же ощущения, что и нашему собственному сознанию [3, с. 204]. Таким образом, именно научное понимание безопасности может быть принято с позиции истинного.

В этой связи важно понимание истинной безопасности, которую можно выявить только при анализе целого ряда факторов, включающих угрозы и риски. На научном уровне определяются показатели такой безопасности для тех или иных объектов или угроз. Нужно понимать, что многогранность безопасности и широта проявлений тех или иных угроз практически не позволяют объективно определить абсолютную безопасность. Для этого понадобится учесть огромное количество факторов. Иными словами, сделать это возможно лишь применительно к конкретным видам безопасности и к конкретным угрозам. В практической деятельности этот механизм применяется, например, в определении уровня безопасности дорожного движения в той или иной стране мира, который рассчитывается по математической формуле.

В данном случае можно привести пример Г. Спенсера, который различал абстрактную истину и общую истину, сопровождая это соответствующим делением наук. К абстрактным наукам (разрабатывавшим абстрактные истины) он относил, например, логику и математику, а к конкретным наукам (имеющим дело с общей истиной) – психологию, социологию и пр. [9, с. 4–6] Применительно к рассматриваемой тематике можно заключить, что можно выделить абстрактную истину относительно безопасности того или иного объекта, которая рассчитывается по математической формуле (например, уровень безопасности дорожного движения во Франции в 2019 г.), а можно наряду с этим рассматривать общую истину, которая будет выражаться совокупностью показателей безопасности всех рассматриваемых субъектов. При этом истинность такой безопасности будет весьма спорной, поскольку она будет так или иначе основана на субъективных ощущениях.

Помимо категории «безопасность» необходимо рассмотреть понятие «угроза» как одно из ее составляющих, наряду с понятиями «опасность», «вызов» и «риск». Традиционно в научной литературе выделяют реальные и мнимые угрозы. С позиций социальной истины реальные угрозы, которые способны нанести ущерб охраняемым интересам, можно считать истинными, а мнимые угрозы – ложными. Нужно сказать, что государства нередко используют надуманные, мнимые угрозы национальной безопасности, которые по своей сути противоречат социальной истине, для осуществления государственной политики.

Рассмотрев вопрос о понимании безопасности и угрозы в контексте социальной истины, возникает разумное предположение, что для человека обладание истинной информацией о безопасности и угрозах является объективно необходимым. Поскольку человек сегодня существует в государственно-организованном обществе, то и представления о безопасности сегодня в целом формируются властью. Государство определяет политику в сфере обеспечения безопасности, устанавливает правовые стандарты безопасности и, по сути, является основным субъектом ее обеспечения.

Возникает вопрос о том, насколько информация о безопасности, исходящая от властных структур, истинна? Ведь неполучение важной информации о безопасности (либо получение ее в искаженном виде) можно рассматривать в качестве угрозы безопасности личности. В этом ключе мы выходим на проблему сокрытия (засекречивания) информации, что можно считать социальным обманом. Социальный обман по мнению исследователей – это когда субъект власти знает социальную истину, но искажает ее в политических, узкокорыстных интересах [2, с. 40].

К сожалению, в истории нашей страны имеются яркие примеры сокрытия государством той или иной информации от населения по различным мотивам. В качестве одного из них можно привести ядерную аварию на химкомбинате «Маяк» в Челябинской области в 1957 г., все сведения о которой были строго засекречены, а жителям региона авария была объяснена как северное сияние [4]. Такая политика государства обернулась подрывом здоровья значительной части гражданского населения (в том числе детей), впоследствии страдавшей от лучевой болезни.

Сегодня проблема сокрытия информации в виде искажения статистических сведений теми или иными странами весьма акту-

альна в период пандемии коронавирусной инфекции. Нельзя не заметить появление в научной литературе мнений ученых, согласно которой официальная статистика по заражаемости и особенно – смертности от COVID-19 в России и ряде зарубежных стран искусственно занижена [7]. Анализ содержания подобных публикаций и достоверности изложенных в них сведений не входит в предмет настоящей статьи, однако само наличие таких статей уже дает основание для беспокойства и выводит на обозначенную выше проблему сокрытия государствами информации, которая ведет к искажению истины о безопасности.

В настоящее время в России существуют правовые гарантии от сокрытия информации государством в лице должностных лиц, которые отражены в ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне», устанавливающей перечень сведений, не подлежащих к отнесению к государственной тайне и засекречиванию. Это, в частности, сведения о ЧП, катастрофах, стихийных бедствиях, угрожающих безопасности и здоровью граждан, о состоянии экологии, здравоохранения, о состоянии преступности и другие сведения. Очевидно, что перечисленные в статье сведения при их сокрытии несут прямую угрозу безопасности личности. Однако правовая конструкция «не подлежат засекречиванию» совсем не значит «должны быть общедоступны». Иными словами, определенную информацию при желании государства можно утаить от населения и без ее официального засекречивания.

Государство в нормативных актах предоставляет также право на получение информации о состоянии окружающей среды и экологической безопасности, о качестве и безопасности пищевых продуктов, о безопасности дорожного движения и т. п. В контексте данной статьи нужно особенно отметить необходимость того, чтобы эта информация не была искажена, а была максимально истинной. Только информация об истинной безопасности, т. е. той, которая соответствует реальному положению дел, может действительно повлиять на защищенность человека от тех или иных угроз.

Рассматривая обеспечение безопасности в контексте социальной истины, следует обратить внимание на необходимость определения истинного баланса интересов личности, общества и государства при обеспечении безопасности.

Для установления такого баланса достаточно сложно установить социальную истину в том, чьи интересы и безопасность важ-

нее, личности, общества, или государства. Здесь мы получаем две модели: либо на первое место выходят интересы личности, либо – интересы общества, а личность в свою очередь жертвует своими интересами ради общей цели. Эти модели «приоритета личных интересов» и «приоритета общественных интересов» в разных вариациях представлены в политике разных стран.

Данные теоретические модели баланса интересов личности, общества и государства имеют огромное практическое значение. Сегодня в России (как и во многих странах мира) допускается сбивать гражданский самолет, захваченный террористами, если он представляет опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы (ст. 7 Федерального закона «О противодействии терроризму»). При этом исследователи призывают признать эту норму противоречащей Конституции, поскольку «каждая человеческая жизнь независимо от продолжительности физического существования имеет равную конституционную защиту» [5, с. 77]. И можно ли признавать социальной истиной положение о том, что жизни всех пассажиров и членов экипажа самолета менее ценны, нежели возможный ущерб от экологической катастрофы, которую может (не обязательно должно) спровоцировать падение самолета. Ведь экологические катастрофы также бывают разными по своим масштабам и последствиям. Без поиска социальной истины весьма сложно разобраться в правильном соотношении интересов в данном примере.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Вопросы социальной истины имеют огромное значение в понимании истинной безопасности как научной категории, а также в определении истинных угроз. Информирование об истинной безопасности и угрозах представляется весьма важным для человека, а искажение таких сведений, соответственно, можно рассматривать как угрозу безопасности личности. Социальная истина должна лечь в основу баланса интересов личности, общества и государства при обеспечении безопасности.

Список литературы

1. Александров М. А., Попов М. В. Пространство-время // *Философия и общество*. 2018. № 4.
2. Бобков А. А., Бобков А. И. Социальная истина в контексте объективации социального субъектом власти // *В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 28 ноября 2019 г. / Иркут. гос. ун-т ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019. С. 40.*

3. Гюйо Ж. М. История и критика современных английских учений о нравственности ; пер. Н. Южина ; под ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого. СПб. : 1898. 458 с.
4. Клипиницер Б. Взрыв на «Маяке»: это было «северное сияние» // ТАСС. 28 сент. 2018. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5131645> (дата обращения: 29.09.2020).
5. Нардина О. В. Обеспечение права на жизнь заложников при пресечении действий террористов, захвативших воздушное или водное судно // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 1.
6. Решетников В. А. Социальная истина как универсалия культуры // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 28 ноября 2019 г. / Иркутск. гос. ун-т ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : ФГБОУ ВО «ИГУ», 2019. С. 8.
7. Родкин М. В. вопросу о статистике распространения вируса COVID-19 // Уральский геологический журнал. 2020. № 2.
8. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003.
9. Спенсер Г. Классификация наук. Цит. по: О причинах разногласия с философией Конта / пер. Н. Л. Тиблена. СПб., 1866. 64 с.
10. Ярочкин В. И., Бузанова Я. В. Теория безопасности. М. : Акад. проект : Фонд «Мир», 2005. 173 с.

УДК 001.12

ББК 87.15

Дигид Дж. Д., *США*
Пустобаева А. М., *Украина*

Пустотность времени и пространства в эпоху модерна

Рассматриваются вопросы пустотности времени и пространства, которые формировались на территории Евразии в разные времена. Доказывается преемственность и претекаемость образов из одной культуры в другую через знакомство и взаимодействие в астрономии и филологии.

Ключевые слова: модернизм, пустотность, темпоральность, астрономия; филология.

Digid George D., *United States*
Pustobayeva A. M., *Ukraine*

Emptiness of Time and Space in the Modern Era

The article deals with the issues of emptiness of time and space, which were formed on the territory of Eurasia at different times. The continuity and intersectability of images from one culture to another through acquaintance and interaction in astronomy and Philology is proved.

Keywords: modernity, voidness, temporality, astronomy, Philology.

Свои размышления стоит начать с собственного понимания Модерности как особого способа чувствования и проживания времени: то, как его измеряют и как к нему относятся, воплощается в целом ряде социальных практик («темпоральность»). Проблема впервые была поставлена британским антропологом Э. Эвансом-

Причардом, впервые указавшим на то, что понимание времени у первобытных народов, сфокусированного вокруг ежедневной и сезонной активности, в корне отличается от того, что стало характерным для модерности – а именно, от «гомогенного», «пустого» времени, если пользоваться терминологией В. Бенджамина.

Многие из тем, связанных с данной проблемой, затронуты в работах Э. Саида, показавшего, как модерность осуществляет перекодировку – в том числе и временную – той реальности, в которой до прихода европейцев жили колонизируемые народы. Определенный вклад сделан и Б. Андерсоном; в его работе «Воображаемые сообщества» ярко продемонстрировано, насколько тесной может быть связь между, казалось бы, весьма отвлеченными представлениями – в том числе о времени и пространстве – того или иного общества и особенностями его социальной организации. Слово «темпоральность» призвано выявить длительность и неполную явность процесса.

Растянутое на столетие проявление и кристаллизация новых идей и принципов устройства – идет ли речь о социуме, городе или жилище – черта, характерная для, пожалуй, всех без исключения культур. Яркий тому пример мы находим в работе Хэсока Чанга, посвященной истории термометра и измерения температуры [1]. Если с данной точки зрения посмотреть на развитие, например, исламской культуры, можно заметить, что современные призывы к арабским философам создать собственную версию модерности (Таха Абдаррахман) – не что иное, как развитие попыток Аль-Газали отделить собственно исламскую философию от греческого наследия. Говоря о модерности, следует помнить, что преодоление средневековой «рыхлости» мировосприятия происходило весьма и весьма постепенно, однако, что удивительно, затронуло самые разные уголки мира – похожие идеи развивались в разных, ничем друг с другом не связанных социумах.

В Европе данный процесс происходил под влиянием великих географических открытий, которые, в свою очередь, стали возможными лишь благодаря достижениям науки, явившейся воплощением некоего нового взгляда на мир. К XVI в. наблюдается некая кристаллизация того мировоззрения, которое станет характерным для модерности. Именно XVI в. породил представление о едином мировом пространстве – мире, который может быть математически истолкован и географически описан: «Сама идея глобальности сфокусирована на способности мгновенного распознавания тех колос-

сальных различий, которые существуют между географически весьма отдаленными друг от друга человеческими сообществами, равно как и на артикуляции данных различий в какой-либо из форм систематизированного рассуждения» [2, с. 326].

В свою очередь осознание различий возможно лишь при наличии некоего ничем не заполненного, «униформного», «пустого» пространства – вне характеристик и качеств. Такие идеи уже давно существовали как в европейской, так и в других культурах, однако именно с началом Нового времени им пришлось вступить в ожесточенное противоборство (впрочем, отнюдь не исключавшее синтеза) с тем комплексом религиозных идей, которые, напротив, проповедовали временную дискретность, неповторимое своеобразие каждого «атома» времени: «Подобные представления о пустотности, которые оказались необходимыми для астрономов ряда евразийских стран ...при осуществлении ими расчетов движения небесных сфер и основанных на данных расчетах предсказаний, оказались лишь фоном для продолжавшего здравствовать комплекса идей, согласно которым ни время, ни пространство не могли быть сочтены пустыми и подчиненными единообразным законам... Пророчества, оракулы, предзнаменования...равно как и идеи о возможности вмешательства потусторонних сил в земной ход событий выжили и начали наслаиваться на изощренные математические построения астрономической науки, что имеет место вплоть до настоящего дня» [2, с. 342].

Таким образом, новые идеи разрабатывались подспудно, что и дало возможность им окрепнуть и набраться сил. Новому мировоззрению противостоял довольно мощный комплекс идей и верований – не стоит недооценивать могущества первобытного мистицизма, перекочевавшего в религию, прежде всего народную: с такой точки зрения мир был полон существ, которые современными людьми были бы сочтены как нечеловеческие или же как сверхъестественные – отсюда представления об уникальности, «непереводимости» тех или иных граней человеческого опыта (речь прежде всего идет о мистическом опыте), которые характерны лишь для данной территории и нигде кроме нее воспроизведены быть не могут.

Однако укреплению нового мировоззрения способствовало опытное познание реального мира. Так, эпоха великих географических открытий вызвала к жизни новый взгляд на мир – последний оказался хотя и не столь населенным фантастическими существами, но вполне доступным освоению, что предполагало наличие опреде-

ленных навыков научного свойства. Это не могло не вызвать реакции со стороны католицизма. Раздражение институированной религии понятно – новое мировоззрение лишало ее монополии, прежде всего идеологической. Тем не менее, оформления науки как дисциплины и ее обростания институтами это, конечно, остановить уже не могло – данное развитие подспудно продолжалось уже многие века. Кристаллизация астрономии как науки имела в данном процессе первостепенное значение. Начиная с 1-го тысячелетия до н. э. вавилонские, а затем греческие астрономы начали отделять то, что со временем оформилось как научное знание, от нечетких и доступных самым разнообразным толкованиям построений. Позднее их разработки были применены исламом. Исламские время и пространство были... четко поделены на значимые с религиозной точки зрения отрезки: где – священное, а где профаническое можно было установить лишь обладая... неким фоновым единообразием – божественным установлением... призванным увеличить возможности человеческих органов чувств и облегчить для людей необходимые им вычисления. Эти процессы сопровождались не только рациональным, но и интуитивным, иррациональным переосмыслением происходящих событий [3].

Исламская астрономия оказалась совершенно понятной базировавшемуся на ней Копернику именно потому, что по своей сути она была научной, а не собственно исламской. Более того, гелиоцентрическая модель негласно долгое время использовалась для вычисления пасхалий – католическая церковь подвергла ее официально осуждению лишь в 1616 г. Распространившаяся по всей Евразии озабоченность астрономией и филологией повлекла за собой появление умственных привычек и практик, которые в конечном итоге и конституировали секулярную Модерность в XVII в., причем это произошло до зарождения национальных государств.

Филология, как это ни странно, оказала – в силу доступности для более широкого круга адептов – чуть ли не большее воздействие на умы, нежели астрономия. Инициированное Скалигером (1484–1558) критическое отношение к тексту, сопоставление данных ряда информаторов, стремление восстановить исходный вариант – все это способствовало попыткам освобождению от чар авторитетов, прежде считавшихся непогрешимыми; отсюда рукой подать до стремления «расколдовать» окружающую действительность и, следовательно, продвижения идеи «пустого» пространственно-временного континуума.

Религиозное сознание не преминуло заметить опасность на ранних подступах – именно критика источников и основанная на ней критическая история вызывала у католической церкви священный ужас вплоть до XIX в. Именно на этой основе стало возможным создание теории механизма, предложенной М. Мерсьеном (1588–1648), метафизически истолковавшего законы природы на основе представлений о закономерности и единообразии, что входило в радикальное противоречие с той идеей сверхъестественного вмешательства и повсеместного распространения чудес, которую поддерживали религиозные ученые того времени.

Таким образом, зародившиеся в филологии представления о единообразии оказались вполне пригодными для применения и в других областях знания. Таким образом, вполне можно говорить о том, что, благодаря науке, появился мир, не населенный божественными и демоническими существами, мир, в котором, если можно так выразиться, часы тикают с абсолютным единообразием. Первоначально Модерность возникла именно как темпоральность науки Нового времени – науки, в которой математические методы устанавливали законы, единообразно применяемые к каким бы то ни было временам и пространствам. Лишь после этого появилась темпоральность национальных государств, согласно которой:

- 1) законы действуют единым образом на всей территории государственного образования;
- 2) политика носит национальный характер;
- 3) гражданство является принципом национального объединения;
- 4) история предстает как нарратив национального освобождения.

Стоит отметить наличие весьма любопытной аналогии европейской модерности (или по крайней мере некоторых ее характерных черт) на Индийском полуострове в XVI–XVIII вв., где на основе филологии развилось учение «Навья ньяя» («Новый разум»), по сути представлявшее совершенно новую эпистемологию, новое, реалистическое отношение к объективной реальности, сходное с научным знанием Европы. Данное развитие сопровождалось появлением новой политической логики, согласно которой центральная власть представляет собой своего рода «общее место», призванное согласовывать противоречивые точки зрения и тенденции на местах.

В том, что касалось исторической науки, например, это привело к фактическому упразднению прежних норм. Так, историография Южной Индии создавалась в соответствии с канонами самых раз-

нообразных жанров: написание... исторических произведений отнюдь не представляло собой некую формализованную процедуру, согласно которой в сочинении непременно должны были присутствовать заранее определенные характеристики и типы. Таким образом, мы можем наблюдать зарождение своеобразной формы плюралистической картины мира. Стремление согласовать разнородные элементы, примирить противоречивые тенденции имело большое влияние на практическую политику. Так, двор Великих Моголов, по сути дела, превратился в своего рода клиринговую контору для многочисленных интеллектуальных трендов. Таким образом, можно констатировать появление некоего нового политического видения, в корне отличного от стародавнего принципа «разделяй и властвуй»: Данная разновидность своеобразного космополитизма... потребовалась для того, чтобы претворить противоречивые тенденции посредством инкорпорирования – вместо того, чтобы сохранять их, пестуя существующие различия ...которые неизбежно приобретают злокачественный характер, если слишком туго «закручивать гайки».

Итак, благодаря стараниям ученых, трудившихся в самых разных уголках ойкумены, возник мир науки Нового времени: современные представления о времени и пространстве, лишенные прежнего мистического ореола, – не что иное, как плод совместных усилий ряда экспертов XVII в., некогда разбросанных по всей Евразии. Им посчастливилось осознать, какие преимущества... подобный переворот в сознании мог принести науке того времени. К сожалению, автор упускает из внимания некоторые важные аспекты проблемы. Так, необходимо помнить о «печатной культуре» (Б. Андерсон), в значительной мере гомогенизирующей и унифицирующей публичное пространство, что не может не навеять идей о «пустотности» времени и пространства. Между тем даже если оставить в стороне Китай, то и поближе – в Центральной Азии – были достигнуты существенные прорывы в данном отношении. Уйгурские города в Восточном Туркестане... к началу XIV в. издавали религиозные и прочие тексты методом блочной и наборной печати. Гуттенберг, позаимствовавший данную технику, был по основным родам своей деятельности ткачом и ювелиром, а ведь именно среда ткачей и ювелиров и была наиболее технически – да и идейно-прогрессивной в Герате и Самарканде. И наконец, *machina* – символ Нового времени – не что иное, как средневековый ткацкий станок.

Список литературы

1. Chang H. Inventing temperature. Measurement and scientific progress. Oxford : Oxford univ. press, 2004. 304 p.
2. Reddy W. M. The Eurasian origins of empty time and space: Modernity as temporality // History and theory: studies in the philosophy of history. Middletown, CT, 2016. Vol. 55(3). P. 325–356.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.

УДК 159.92
ББК 60.52

Ардашев Р. Г., *Москва*

Философия и социология эпидемии: иррациональные основы

Рассматриваются условия активизации иррационального, прагматического мышления в условиях карантина при коронавирусе в 2020 г. в России. Анализируются результаты телефонного исследования жителей Сибирского федерального округа в отношении оценки карантина, политики власти и собственного самовосприятия в ситуации эпидемии.

Ключевые слова: социология эпидемий, иррациональность мышления, прагматичность мышления, социальная паника

Ardashev R. G., Moscow

Philosophy and Sociology of the Epidemic: the Irrational Foundations

The article discusses the conditions for the activation of irrational, pragmatic thinking under quarantine with coronavirus in 2020 in Russia. The paper analyzes the results of a telephone study of residents of the Siberian Federal District regarding the assessment of quarantine, government policies and self-perception in an epidemic situation.

Keywords: sociology of epidemics, irrationality of thinking, pragmatic thinking, social panic

В 1925 г. Тамара Дембо загнала поочередно 27 человек в квадрат 2×2 м, выложенный деревянными рейками на полу лаборатории Психологического института в Берлине. За пределами квадрата на табуретке стояла ваза с цветком. Другая табуретка находилась в квадрате – все, что было в наличии у подопытных (не считая кучи бесполезных деревянных колец, оставшихся от предыдущего эксперимента). Испытуемым нужно было дотянуться до цветка, но так, чтобы ступни оставались внутри поля. Первое решение – встать на колени и опереться рукой на пол – нашли почти все. Второе – выставить стул и опереться на него – больше половины. Экспериментатор хвалил и поощрял сообразительных аспирантов-лаборантов (а кто бы еще согласился на такой эксперимент?), но требовал найти

третье решение. Решение, которого не было. Испытуемый начинал злиться. Дембо не отставала. Людей прессовали по несколько часов. Кто-то швырнул табурет в экспериментатора. Кто-то вцепился ей в волосы. Кто-то выбежал с рыданиями. Но была и другая реакция на фрустрацию.

Люди успокаивались, садились на табуретку и начинали рассуждать:

...А вот если я заполню комнату водой, то смогу легко доплыть до цветка!

...А вот если бы у меня рука вот так удлинялась, я бы мог легко достать эту вазу!

...А если я остановлю время, то смогу быть одновременно в квадрате и вне его! [2].

Дембо и Левин назвали эту стратегию избегания «перевод в план ирреального» (мы бы сегодня назвали ее «транспонированием»). Визионерство – специфическая реакция на болезненно переживаемое ограничение жизненного пространства. Так вот, сегодня большая часть прогнозов о «мире после карантина» – это перевод в план ирреального. Только ирреальное мы по инерции называем «будущим».

Несмотря на все достижения научного прогресса, в кризисных ситуациях у нас включается иррациональное мышление – как и много столетий назад. Тот факт, что вирусы лучше изучены, чем в Средние века, не делает экспертом в них каждого обывателя. Массовая реакция на коронавирус отражает наши глубинные страхи и установки.

Это то, что активизирует паралогические, иррациональные структуры нашей психики и общественного сознания. Об этом изложено в ряде работ автора [1; 2], в исследованиях И. Е. Головахи-Хикс [3] и Л. И. Кабановой [4] рассмотрены современные формы паралогического мышления, в трудах Л. Леви-Брюля [5] предложен сам термин и проанализированы условия и формы его возникновения.

Крупное общественное событие, например, эпидемия, имеет две фазы осмысления. Первая – экспертная. В ней выдвигаются гипотезы, взвешиваются факты, строятся интеллектуальные модели. Какие-то осколки этого мира вырываются из стерильного пространства науки и попадают в «паблик», где попадают в бесконечный океан массовых реакций. Здесь формируются свои водовороты идей, центры притяжения, волны, панические перехлесты – при этом люди убеждены, за счет подхваченных случайно данных, что поступают «научно», реализуют рациональный выбор. Мы не понимаем не только устройство коронавируса, но и устройство нашего айфона.

В социальных науках есть понятие «расколдовывания» – современный человек становится все более рациональным, на место веры приходит наука, на место магии – специалисты. Но если посмотреть на то, как индивид сегодня осмысляет реальность, окажется, что магии в ней не меньше, чем раньше. Тот факт, что вирусы лучше изучены, чем в Средние века, не делает в них экспертом каждого обывателя. Мы по-прежнему думаем о сферах, неизвестных нам, в терминах метафор. И по-прежнему выбираем «шамана», которому доверяем (так как проверить факты сами не можем). И так во всем. Мы не понимаем не только устройство коронавируса, но и устройство нашего айфона. Или самолета, который везет нас за рубеж. Он летит, потому что есть «термодинамика». Но «термодинамика» и «вирус» – это те же ангелы и демоны средневекового человека.

Анализ сетевых дискуссий в отношении новой эпидемии, их сопоставление с позициями врачей, вирусологов подводят к простой мысли. Выбор, ездить или не ездить сейчас по миру, сдавать или не сдавать билеты на взятые рейсы, надевать ли маску, пить «Арбидол» и скупать ли про запас продукты, – это вообще не вопрос рационального решения. Или же иррациональной стратегии паники, которую формируют СМИ.

Ответы связаны со всем накопленным багажом фобий, переживаний, личных зависимостей и привязанностей, подхваченных метафор, попыток представить мир без себя, случайных мнений, смоделированных ситуаций, воспоминаний о чем-то похожем, случившемся где-то когда-то не с нами, страха показаться глупым, давления окружения, степени религиозности или фатализма, доверчивости и тому подобных исключительно субъективных факторов. Через этот выбор мы не снижаем или повышаем реальные риски, мы конструируем самих себя.

В марте 2020 г. мы провели телефонный опрос жителей Сибирского федерального округа. В нем приняли участие 2200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, проживающих во всех субъектах СФО.

В результате исследования мы выяснили, что ситуация в стране не оценивается как совсем уж катастрофическая. Только половина опрошенных считает, что эпидемия угрожает лично им и их семьям. Четверть россиян (25 %) полагает, что уровень заболеваемости в России очень высокий, 17 % – что очень низкий и по мнению трети опрошенных (32 %) – средний), остальные 26 % – затруднились с ответом.

В своем регионе проживания (различных субъектах СФО) 52 % считают уровень заболеваемости очень низким. Это можно объяснить тем, что о тяжелой ситуации в стране пишут СМИ, а обнаружить в своем ближнем или дальнем окружении заболевших – нелегко, учитывая, что их всего несколько сотен.

При этом половина опрошенных полагает, что власть преуменьшает масштабы распространения коронавируса. В общем, тут царит своеобразный психологический сепаратизм – в заболеваемость в своем регионе люди не верят, а за его пределами – запросто.

При этом, 73 % опрошенных боятся, что вирус поразит их родственников, а 92 % – что наступит затяжной экономический кризис (что мы уже наблюдаем). Свое психологическое состояние как напряженное оценивает практически половина респондентов 49 %, как нормальное оценивают 24 %, хорошее – 12 %. Еще 15 % затруднились с ответом.

Оценка действий властей неоднозначна. 60 % опрошенных полагает, что уже принятые властью меры оптимальные (слишком жесткими их считает 32 %, слишком мягкими – 8 %).

С вводом карантина согласны 22 % респондентов. Более половины (57 %) поддерживают штрафы как отдельным людям, так и организациям за нарушение режима карантина. Иными словами, политика власти в большинстве своем одобряется населением. С карантином не согласны 37 %, но при этом готовы его соблюдать (97 %).

Нами преследовалась цель выявить, как в условиях карантина начинается активизироваться иррациональное мышление. По нашему мнению, его актуализация начинается с выбора ролевых моделей.

Обыватель берет смутную, хаотично собранную из разных фрагментов картину мира (которую, в общем-то, и картиной не назовешь) – и пытается определить себя в ней. Отталкиваясь от ситуации, он наделяет себя характеристиками, определяет ролевую модель. Например, «я – ответственный человек, я не могу поэтому рисковать, у меня есть семья, работа, которая, конечно, без меня обрушится, я не могу позволить попасть под двухнедельный карантин или стать тем человеком, который заразит весь мой город, или просто прослыть упрямым, авантюристом; что скажут коллеги по работе или мама, таким ли я хочу себя видеть?» Здоровый человек принимает роль больного или попавшего под подозрение в болезни и начинает принимать решения, как будто все уже случилось.

Или другая позиция: «Я – рациональный человек и не могу поддаваться панике; я уже осведомлен, что от гриппа умирает 500 000 человек в год, а это гораздо серьезнее; у нас в стране миллион ВИЧ-инфицированных, как Дудь недавно рассказал, у меня был товарищ, который, к примеру, подхватил что-то и где-то без всякого коронавируса.. и так далее». Потенциально любая ролевая модель возможна, и, как правило, человек находит свою не потому, что он долго думал и взвешивал, а потому, что в нем срабатывают базовые неосознанные кодировки, которые определяют образ раньше, чем успеваешь о нем подумать. Конечно, это не выбор одежды в магазине, человек не раскладывает модели поведения перед собой, он вращается в роль всем своим существом еще до осознанной рефлексии.

Проблема в том, что «картина мира» обывателя крайне подвижна. Ее элементы вращаются, меняют свои позиции, образуют самые невероятные комбинации. Человеку в этой неустойчивости необходимы такие опорные позиции, которые позволяют ему сохранять равновесие. Сознание не может конструировать само себя в обыденной повседневности, в потоке рутины – здесь, скорее, оно растворяется в автоматизме: одно, второе, третье – человек оказывается совокупностью своих обычных дел. Поэтому сознанию нужна экстраординарная ситуация, которая играет роль платформы для сборки.

На этом основана вся романтизация войны в поэзии и литературе – через раскрытие человека на грани бытия и небытия

Отчасти все это объясняет паническую и эмоционально вовлекающую реакцию на коронавирус. Здесь примерно такая же логика, как в реакции на авиакатастрофу. Хорошо известно, что вероятность гибели в автомобильной аварии существенно выше. Однако в авиации срабатывает функция «переноса»: человек как бы воссоздает себя в ситуации крушения, мысленно помещает свой образ внутрь самолета. На этом построена повышенная медийность подобных случаев: сообщения об авариях буквально всасывают в себя трафик, а повышенный трафик стимулирует вновь и вновь воспроизводить новость, дробя ее на этапы: первые сообщения, уточненные сообщения, нашли черный ящик, расшифровали черный ящик, соболезнования и причины аварии. При этом потребителю медиа не так важно, где географически произошла авария – переносу это не мешает. Он ужасается катастрофе, но любой психоаналитик подтвердит: аудитория получает скрытое удовольствие от погружения в детали.

При эпидемии сознание работает аналогично: воображаемое «я» ставится в ситуацию, когда оно фактически не управляет событием, не может заранее знать, что с ним произойдет, и здесь появляется «интрига». Опасность заражения представляется почти неизбежной за счет повышенной медийности. С одной стороны, человек переносит себя в контекст местности, подверженной эпидемии, а с другой, обстоятельства этой местности – на свой собственный город, в котором еще ничего нет, но наверняка ведь будет. И поскольку люди быстро организуют горизонтальные связи, возникает сетевая воронка. Например, в популярной в ФВ-группе «Найди своего доктора» вопрос участника комьюнити, стоит ли ему лететь в Италию, содержит более 700 комментариев при среднем показателе 10–20 комментариев под стандартным постом. Очень показательным выглядит украинский кейс, когда местные жители перегородили дорогу эвакуированным из Китая соотечественникам: в общественном мнении участники протеста уже фактически были больны.

В эту же воронку втягиваются и более широкие объяснения причин эпидемии и способов борьбы. Коронавирус выступает уже как элемент торговой войны между США и Китаем, как план по сокращению населения планеты, как разработка спецслужб и «большой фармы». Сюда же сыпятся рецепты лечения или наоборот – доказательства того, что никакое лечение ни от чего уже не поможет, вирус не выводится из организма. Из всего этого потока сознание выхватывает версии, которые органичнее всего входят в пазлы его восприятия мира. Все остальное вытесняется на периферию, в слепую зону, передается быстрому забвению. Получается, что эпидемией целых две – одна связана с инфекцией, а другая, медийная, – с дискуссией вокруг инфекции. Конечно, такие ситуации создают пространство для манипуляций общественным сознанием: оно здесь максимально открыто, подвержено быстрым и технологичным воздействиям. Люди сфокусированы на новой информации, задача в том, чтобы ее правильно подобрать и предложить интерпретацию.

Смысл этих наблюдений не в снижении рисков, не в попытке найти что-то положительное в глобальной драме. Но в стремлении более внимательно относиться к тому, что мы называем «позицией», «мнением», «рациональным решением». Раскрутка вопроса, откуда берется позиция, как формируется и на чем в реальности основана, может привести к обескураживающим результатам.

Современная цивилизация сосредоточила усилия на блокировке боли в ее разных проявлениях, предложив огромное количество физических или медийных анастетиков. Поэтому большую часть времени обыватель спит, даже если полагает себя бодрствующим. В ситуации кризиса сознание начинает просыпаться, оно вдруг осознает, что боль или смерть возможны. Впрочем, пытаясь облегчить боль этого открытия, оно до конца будет хвататься за остатки своего сна.

Вызывает беспокойство то, что будет после карантина: откроются ли все предприятия (37 %), не уменьшатся ли зарплаты (42 %), не остановится ли производство (21 %). При этом, накопленных денег 80 % респондентов хватит на месяц без работы, остальным 20 % на два-три месяца. Больших объемов финансовых ресурсов для нормальной привычной жизни в случае отсутствия работы и других источников дохода никто не указал.

Таким образом, людей беспокоят последствия карантина в сфере экономики и занятости, а не физиологические проблемы и осложнения после него. Но при этом стараются соблюдать карантин.

Утверждение, ставшее неожиданно популярным, о том, что мир, в котором мы жили, перестал существовать, и что теперь мы будем делить нашу жизнь на «до и после», я отношу не более чем к жанру социального мифотворчества, затуманивающего мозги людей не меньше, чем иные фейки. Я понимаю, когда выжившие блокадники Ленинграда, делили свою жизнь на «до и после», признаю, что также могли рассуждать державшие длительную оборону Сталинграда и Севастополя. Готов присоединиться к тем, кто после первых ядерных взрывов над Хиросимой и Нагасаки имел право утверждать, что мир, который они до этого знали, перестал существовать. Действительно, после этого для всех людей на планете возникла новая реальность жизни.

А что, по большому счету, произошло в наши дни? Да, стал распространяться доселе неизвестный и опасный по своим последствиям вирус. Однако, по статистике летальных случаев, другие вирусы уносят еще больше человеческих жизней. Конечно, требуется повышенная мобилизация для борьбы с COVID-19. Да, она необходима в силу его быстрого контактного распространения. Такая мобилизация, действительно, ограничивает нашу привычную активность, к тому же временно ограничивает и вынуждает к осторожности в межличностных контактах. Но причем же здесь, выражаясь философским языком, «перерыв постепенности» мирового развития, деление через пропасть всей нашей жизни на «до и после» [8].

Авторы подобного мифотворчества не учитывают действительно важных закономерностей повседневной жизни людей. Сознание человека, как и больших социальных групп, по природе своей консервативно и меняется не так динамично, как происходят изменения в бытии, да и не сразу вслед за ними. Сложившиеся ранее установки и стереотипы, привычки и наклонности людей очень живучи. А что уж говорить об устойчивости их потребностей и интересов – реальных двигателях нашей жизни? Поэтому, конечно, российская повседневность будет трансформироваться в своих отдельных проявлениях общего и особенного, и в первую очередь (возвращаясь к началу нашей беседы) соглашаясь с характерными чертами новой постсоветской реальности, которая привела к новым образцам и стандартам жизни. В конечном счете, возвратится, останется и возникнет вновь все то, что будет востребовано самими людьми и в чем-то изменившимися условиями их повседневной жизнедеятельности.

Возможен ли выход из иррационального, мифического сознания к большей ясности и рациональности? Выписать рецепт гораздо проще, чем его исполнить, но тем не менее здесь есть основные принципы. Первый – выйти из потока, заполнившего все информационное пространство. Выработать дистанцию и осознать: сама интенсивность потока зависит от готовности аудиторий воспринимать именно эти новости. Второй – внимание к себе, самоанализ: почему мы думаем так, а не иначе. При достаточной честности здесь можно открыть много интересного. Например, так просто удобно думать, от нас ожидают, что мы будем думать именно так, а не иначе. Третье – осознать, что общепринятое и массовое далеко не всегда соответствует глубине вещей и более того – массовое и нужно для того, чтобы эту глубину спрятать.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
3. Головаха-Хикс И. Е. Концепция пралогического мышления Л. Леви-Брюля и роль мистического в современном сознании (на материале современных верований и фольклорных нарративов) // Традиционная культура. 2011. № 3 (43). С. 164–173.
4. Кабанова Л. И. Игры с «пра-логическим» // Studia Culturae. 2019. № 39. С. 47–55.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. : Наука, 1994.
6. Академик РАН Михаил Горшков. COVID-19 в контексте социальной диагностики URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademik-ran-mihail-gorshkov-covid-19-v-kontekste-sotsialnoj-diagnostiki>

УДК 327.15
ББК 87.86

Битти А. Ф., *Португалия*
Николаева Н. А., *Украина*

Истинность безмолвия в повседневности международных отношений

Аскрываются особенности изучения безмолвия в международных отношениях. Через этнографический подход исследуется повседневность международных отношений выявляются культурные особенности и этнокультурные коды и их влияние на политический процесс и контекст международного взаимодействия.

Ключевые слова: этнографический подход, эмоции, международные отношения, глобальные социальные отношения, этнокультурные коды, политический процесс.

Beatty A. F., *Portugal*
Nikolaeva N. A., *Ukraine*

The Truth of Silence in the Everyday life of International Relations

The article reveals the features of the study of silence in international relations. Through the ethnographic approach, the everyday life of international relations is investigated, cultural characteristics and ethnocultural codes and their influence on the political process and the context of international interaction are revealed.

Keywords: ethnographic approach; emotions; international relationships; global social relations; ethnocultural codes; political process.

В исследовании международных отношений новаторским выступает методология самоэтнографии/саморефлексии (autoethnography/autoreflexivity) как методология (не единственная), способную исследовать повседневность международных отношений в свете их эмоционального фактора. Насилие, не всегда является физическим (по отношению к другим). Оно может быть и внутренним для человека – к себе самому.

Существует масса интерпретаций того, что есть акт насилия, но есть большое основание сосредоточиться на таком виде насилия (над собой), как этический опыт саморефлексии – безмолвный опыт. В научной литературе можно найти рассуждения о насилии исследовательского процесса в том смысле, что исследователи вынуждены ради соблюдения научной объективности хранить обет «исследовательского безмолвия» – решительно отказываться от преданности своим идеям, которые стремятся реализовать, не озвучивать процесс производимого ими знания, отделяваясь общими словами, что должно показать их непредубежденность в производстве научных результатов.

Между тем растет число исследователей, которые обсуждают проблему «исследовательского безмолвия» и готовы занять рефлексивную и открыто субъективную – авторскую – позицию в научном развитии. Рефлексивное «исследовательское безмолвие» носит этический характер и потому оно выполняет позитивную роль, заключающуюся в том, что такая саморефлексия позволяет выслушивать других, а не слушать только самого себя. «Молчаливая саморефлексия – надежный путь развития способности воображения как путь к истине. Очевидно, что на этом пути важную роль играют эмоции: этический опыт саморефлексии – эмоциональный опыт. Подобные эмоциональные опыты и глубоко персональны, и вместе с тем трансперсональны: эмоции возникают внутри людей и между людьми, резонируя в людском сообществе и обретая значение существенного фактора глобальных социальных отношений обмена, в том числе международных отношений (МО)» [1].

Исследователи указывают на стратегическую и теоретическую роль эмоций, которую они могут играть в осмыслении случаев политики МО, – эмоций, предоставляемых в качестве исследовательских данных теми же персональными случаями в виде текстов или рассказов, формирующих повседневное содержание МО.

Исследователи обязаны осмысливать, обсуждать результаты своих исследований, особенно неожиданные результаты. Предполагается, что, когда исследователь встречается с информацией, не согласующейся с его исследовательской парадигмой, он может сделать выбор между несколькими опциями:

- 1) игнорировать «неудобные» результаты;
- 2) поместить «неудобную» информацию в отложенный на нее спрос;
- 3) осмыслить структуру производства знания в свете вопроса о том, как «неудобный» результат мог появиться.

Именно выбор опции 3 – это выбор саморефлексии научного мышления, позволяющей достичь более глубокого понимания того, как производится знание и реализуются исследовательские замыслы. Образ академического исследователя чужд представлению о моральном индивиде, который предваряет свои действия моральной рефлексией.

Исследователь «возникает», когда уже сделан выбор, с какой информацией нужно работать. Академический метод общественных наук таков, что академические исследователи в этой области стараются избегать частных в пользу универсалий, защищая соответ-

ствующую (академическую) форму научной рациональности. Академическая форма научной рациональности со времен Просвещения – привилегированная в производстве знания. Исследователи в области гуманитарных и общественных наук, которые не придерживаются универсализма, «анонимности» в описании своего предмета, выбирая этнографический подход – например, анализируя поведение и рассказы представителей этнической группы беженцев (в результате межнационального конфликта), – встречают отказ академического исследовательского сообщества серьезно, на теоретическом уровне обсуждать подобные «прикладные» проблемы.

С позиций академической формы научной рациональности считается, что такие проблемы – дело политики и МО, но не науки с ее универсалистским взглядом на реальность. Между тем этот универсалистский взгляд с его повышенным вниманием к научной объективности, которая мыслится достижимой через описание общего, не только не требующее, но прямо запрещающее становиться на позиции респондентов, очевидно, страдает от отсутствия какой-либо эмпатии, этической глухотой по отношению к тому, что / кто исследуется.

Научное мышление обязано быть высокорефлексивным, и парадокс состоит в том, что академическая парадигма научной рациональности требует от исследователей в области гуманитарных и общественных наук именно отказа от рефлексивного мышления, которое в этой области, имеющей дело с человеческой / социальной реальностью, проявляется (в отличие от области естествознания) как эмоционально окрашенное этическое сознание, моральная рефлексия, поскольку человеческая / социальная реальность – эмоциональная, моральная реальность.

От исследователя-гуманитария / обществоведа требуется использовать методологию безмолвной моральной рефлексии, в сущности герменевтическую методологию, позволяющую исследователю почувствовать то, что чувствуют его респонденты, встать на их место, понять их проблемы не только рационально, но и эмоционально. Лишь тогда решение их проблем будет не «прикладным», политическим, тактическим, но научным, стратегическим, опирающимся на надежный теоретический фундамент. Когда речь идет о социальных отношениях в рамках МО, т. е. глобальных социальных отношениях, МО должны рассматриваться как глобальная социальная среда, которую политика не исчерпывает и которая представляет среду повседневной человеческой жизни.

Иными словами, МО в качестве глобальных социальных отношений – полноценный предмет науки с ее эмоционально нагруженной методологией исследовательской безмолвной моральной рефлексии, в принципе этнографической методологией, нацеленной на понимание этнокультурных кодов респондентов. Только по такой методологии могут возникать серьезные социологические и политологические теории. «Исследователи в области МО, обязаны быть исследователями глобальных социальных отношений, а не в узком смысле политологами, анализирующими именно и только политические процессы.

Подобная узкая позиция не позволяет увидеть за политическим (пусть даже и глобальным, международным) процессом человеческий / социальный процесс, наполненный человеческими эмоциями, моральными выборами, стрессами – всем тем, что исследователь не может игнорировать, не лишив политический процесс его целостного человеческого измерения. И сам исследователь в этой узкой роли “политолога” остается в рамках академической исследовательской парадигмы, не предусматривающей ни этнографию, ни этику в анализе реальности, в принципе этнографической и этической» [1, с. 243].

Список литературы

Beattie A. The reflexive potential of silence: Emotions, the “everyday” and ethical international relations // Journal of international political theory. 2019. Vol. 15, N 2. P. 229–245.

УДК 304.2
ББК С54/С0

Оканина А. Ф., *Иркутск*

Глобализация хайпа как принцип борьбы с экзистенциальным кризисом

Рассматривается философская и психологическая сущность модного понятия «хайп», который является порождением человеческого стремления избежать забвения, тревоги, а значит и бессмысленного существования.

Ключевые слова: хайп, экзистенциальный кризис, счастье, величие, самореализация, фейк, шок-контент.

Okanina A. F., *Irkutsk*

HYIP Globalization as a Principle of Combating the Existential Crisis

This article have the philosophical, psychological essence of the fashionable concept of “hype”, which is a product of the human desire to avoid oblivion, anxiety, and therefore meaningless existence.

Keywords: hype, existential crisis, happiness, greatness, self-realization, fake, shock-content.

Начиная с 2017 г., в словаре современного человека становится востребованнее такое понятие как «хайп». Определение данному термину было уже приведено в трудах других ученых, писавших на эту тему. Также разбиралась этимология слова, различные способы употребления, аналоги, предпосылки распространения данного явления, его источники и каналы развития [4; 5].

Итак, «хайп», такой каким мы его знаем сегодня, обосновался и вырос в условиях информационной революции. Но само по себе это понятие или даже вкупе с источниками его транслирования – пассивно-заимствованное слово. Хайп – это порождение человеческих амбиций, стремления к величию. Не имеет значения, с помощью чего оно появилось и что этому способствовало, важно лишь то, что это произошло по желанию человека.

Таким образом, окунувшись в глубину мыслей всего человечества, можно выделить один самый важный и неразрешимый вопрос: «В чем смысл жизни?». Оставаясь наедине с собой, мы невольно рефлекслируем и не можем остановить этот процесс. Для чего мы существуем и какова наша роль на Земле? Причина ясна и, в целом, понятна всем – это вечный поиск человеком ощущения счастья и бегство от тоски. Однако в запущенных случаях необходимость этого приводит к настоящей мании величия и абсурду. После самоанализа некоторые приходят к мысли о том, что мечтают оставить след в истории человечества, стать легендой. На сегодняшний день ситуация носит серьезный характер, а также настолько интегрировалась в общество, что получила международное название – «хайп». Понятие трактуется по-разному, однако сущность одна – навязывание бездействующим, но созерцающим социального шума. Такой шум может остаться в тени обсуждения или выступить в глобальных масштабах. Данное явление остановить невозможно, поэтому даже многочисленная критика и ряд санкций не остановят его влияния. Безусловно, в обществе существует две полярные точки зрения к данному феномену: те, кто будет «за» будут готовы даже платить большие суммы за подобную «игру». Тогда, в скором времени, сложно будет отличить где реальность, а где – реклама. Следовательно, экзистенциальный кризис затронет и пассивных наблюдателей, из-за чего последует умаление морали и увлечение эскапизмом. Уверенность в завтрашнем дне постепенно начнет уменьшаться.

Начиная «тонуть» в тщетных попытках достать «звезду», человек, осознающий собственные неудачи и незначительность, погру-

жается все глубже, пока не доходит до депрессии и бесплодного экзистенциального кризиса. Ведь для самореализации личности, достижения ее самодостаточности, необходимо признание ее вклада в общее дело, оценка обществом, деньги как способность воплощения большинства желаний, любовь и фанатизм по отношению к другому человеку. Всемирное признание не только высшая цель для тех, кто старается что-то дать миру, но и немислимая редкость, порождение гениальности. Для того чтобы стать знаменитым не будучи гением, нужна вспышка, необычное событие, иногда, грязь и обман. А если этот человек добился высоты, тогда к чему стремиться еще? А что если так и не добился? Что хуже? Хайп – мучительный движущий механизм социальной жизни, свет для амбициозных. Хайп – зависть для посредственностей и фальсификация для смирившихся.

Те, кто всячески пытается привлечь в себе внимание, поскольку для них это жизненная необходимость, делятся на три типа: те, кто навязчивы и пытаются обрести популярность, те, кто их высмеивают и те, кто категорически против «хайпа» и любым способом пытаются негативно высказаться относительно данного феномена. Парадоксально, но те, кто движется в рядах иронии в конце концов доходит до «хайпа». Смех, пародия – все это очень эффективно повышает рейтинги, а шутки про громкий хайп вдвойне удачнее. Соответственно, популярно и критические взгляды, которые иногда присуще каждому наблюдающему. Выражая свою антагонистическую позицию в крайней форме, распространяя во всех возможных каналах, данная группа радикально настроенная группа, также создают шумиху.

Таким образом, существуют обычные люди, те, кто обладают гениальностью и известные личности, которым чуждо все, кроме их сферы деятельности. Первый тип – люди, основная масса, которые наблюдают, поражаются и распространяют, к ним относятся и люди, ведущих аскетический образ жизни, которым ни Интернет, ни телефон ни телевизор не нужен. Гении, в свою очередь, знамениты за счет своей восхищающей деятельности в различных сферах жизни и всегда востребованы в кругах собственного влияния, например, легендарные песни, которые слушают разные поколения людей. Известные же люди, но ведущие скрытную личную жизнь и, которые популярны за счет интересных проектов, но не за счет собственных махинаций: во-первых, осознают то, что их будут узна-

вать на улице и признавать, а во-вторых, такие люди чаще не особенно рады подобному положению дел. Однако, на сегодняшний день, личность скрытной медийной персоны считается более востребованной, приковывающей большее внимание, чем те, кто безуспешно пытается отличиться. Чем реже персона появляется в свете, тем сенсационнее эта новость. Подобное может происходить, как и из искреннего нежелания постороннего внимания, так и как продуманный коммерческий ход. Более того, такая персона может, согласно собственным убеждениям, чувствовать себя лучше других, уникальнее, приписывать себе такую черту характера как гениальность. Кто-то из них чувствует себя загнанным и подавленным, а кто-то – не может сделать усилие для дальнейшего продвижения, т. е. достигают экзистенциального кризиса, а вместе с этим и тревогу, опасаясь выйти из дома и потерять работу, если не выйти. Другой причиной экзистенциального кризиса может быть то, что у известных личностей возникает желание сделать проект качественнее и, как следствие, чтобы люди еще больше их боготворили.

Также необходимо затронуть такой феномен современного общества, как – материалы сомнительного содержания или «шок-контент». Оно подобно вышерассмотренному понятию «хайп», однако носит негативный характер, поскольку связано с провокационными явлениями, по большей части незаконными. В работе редактора Елизаветы Теряевой «Что такое шок-контент и можно ли его применять в маркетинге» [6] изложены основные положения этого понятия. Определение «хайпа» в работе Ежикова А. «Хайпономика» или «Экономика ажиотажа» таково: «Хайп – это успешное стимулирование интереса к какому-либо явлению или событию среди определенной целевой аудитории с определенной целью» [2]. По мнению же Теряевой Е. «шок-контент» является «материалами сомнительного содержания, к которым относят фотографии, видеозаписи, тексты, которые вызывающие неприязнь, страх и другие негативные эмоции [6]. Поэтому не стоит путать эти понятия, ведь, люди, создающие шок-контент, хотят лишь вызвать провокацию и массовое недовольство тогда, как хайп стремится к популярности, дабы показать свою уникальность, таланты ради признания большинства.

Таким образом, явление «хайп» становится принципом борьбы с экзистенциальным кризисом. Такая реальность будет актуальна теперь всегда. Основная масса людей навсегда приобретет статус скептиков по отношению ко всему популярному, тем самым порожд-

дая мир недоверия и недопонимания, отчего популярность уменьшится и люди начнут ценить настоящий труд. В какой-то мере, подобная утопичная перспектива может охарактеризоваться справедливой оплатой труда. Однако, учитывая факт вечного, даже не корыстного, а, скорее, неудержимого, неуправляемого и сводящего с ума, желания удовлетворять свои потребности, человек будет несчастен и подвержен тревожности, отчего возрастет число суицидов, преступности, а также различных видов зависимости. Тогда мир полный возможностей становится так близок, и, одновременно, далек для большинства людей.

Список литературы

1. Бугайцова А. С. Самодостаточная личность в экзистенциальной философии // Гуманитарные исследования. 2016. № 2(11). С. 15–19.
2. Ежиков А. Экономика ажиотажа. URL: <https://medium.com/russian/> (дата обращения: 28.10.2020).
3. Карнаух М. П. Экзистенциальный кризис как основа самопознания // Вестник МГТУ им. Г. И. Носова. 2005. № 2(10). С. 55–57.
4. Мельникова А. Ю. Хайп как новый способ презентации молодежи в виртуальной среде // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4(67). С. 78–81.
5. Самарин Д. А. Хайп как современный медиафакт в пространстве языка и культуры: за и против // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4. С. 83–90.
6. Теряева Е. Что такое шок-контент и можно ли его применять в маркетинге. URL: <https://blog.calltouch.ru/chto-takoe-shok-kontent-i-mozhno-li-ego-primenyat-v-marketinge> (дата обращения: 29.10.2020).

УДК 340.12:316.48(47)
ББК Х1:(55.5)(2Р)

Казарин В. Н., *Иркутск*

Массовые социальные протесты в курсе «История политических и правовых учений»: эволюция освещения и оценок в позднесоветский и современный периоды

Рассмотрено освещение и оценки массовых социальных протестов в курсе «История политических и правовых учений». Показано, что в учебниках для высшего юридического образования в позднесоветский период освещению протестов уделялось значительное внимание наравне с другими политическими учениями. В современный период эти разделы в учебных курсах существенно сокращены или отсутствуют вообще. Это объясняется как политическим и идеологическими факторами, так и изменением структуры и содержания самого курса.

Ключевые слова: массовые социальные протесты, курс «История политических и правовых учений», мировоззренческая функция социальных наук, сравнительный анализ

Kazarin V. N., *Irkutsk***Mass Social Protests in a Rate “The History of Political and Legal Doctrines”:
Evolution of Illumination and Estimations in the Post-soviet and the Modern Periods**

Illumination and estimations of mass social protests in a rate “The History of political and legal doctrines” is considered. It is shown, that in textbooks for the supreme juridical education in the post-soviet period the significant attention level with other political doctrines was paid illumination of protests. In the modern period these sections in training courses are essentially reduced or are absent in general. It speaks both political and ideological factors, and change of structure and the contents of the rate.

Keywords: mass social protests, a rate “The History of political and legal doctrines”, world outlook function of social sciences, the comparative analysis.

Термин «протест» в новейшем словаре русского языка определяется как «решительное возражение против чего-либо, категорическое заявление о несогласии с чем-либо, о нежелании чего-либо» [2, с. 309]. Массовые социальные протесты в истории различных цивилизаций проявлялись в самых разнообразных формах: восстания, бунты, религиозно-мистические течения, революции. Отдельному анализу подлежат так называемые «цветные революции», как правило, регулируемые внешними силами, заинтересованными в смене правящего режима и проводимой политики в интересах этих самых сил.

Революции приводили к смене не только правящего класса, но и к структурным идеологическим, политическим, социальным, экономико-финансовым переменам. А самое главное, к победе, через преодоление конфликта, более или менее продолжительного, к достижению цели политических, военно-политических кругов, повлекших за собою социальные массы. Они – победители, отсюда и отношение к ним. Конечно, их критикуют, политические противники рисуют черной краской, что вполне объяснимо, но в целом это не меняет основного факта. Иное дело бунты, восстания, религиозные ереси; они терпят поражение, организаторов и их активных последователей жестоко преследуют и наказывают. Руководители революций имеют определенную систему социально-политических взглядов, идеологию, организационные структуры, финансовую поддержку, часто харизматических лидеров. Революции редко происходят стихийно, за внешними событиями часто кроется тщательная подготовка. Восстания и бунты происходят на гребне накопившегося недовольства, стихия выталкивает на сцену вождей, которые не справляются с этой ролью. А самое основное, взгляды восставших (бунтарей) эклектичны, неустойчивы, а их силы несопоставимы с силой государства, против которого они выступают. Тем не менее, они руководствуются определенными идеями или учениями,

облеченными в форму религиозно-мистических учений, социальных утопий, идеализированных образов прошлого, так, как они представляются в их восприятии.

Курс «История политических и правовых учений» под разными названиями прочно присутствовал и присутствует в системе высшего профессионального юридического образования. Древние и новейшие политические учения изучали студенты классических университетов России имперского периода, с небольшим перерывом – в советский период. Изучался курс и в системе специалитета постсоветской и современной России, а в настоящее время – в программе магистерской ступени образования, относясь к базовым общефедеральным учебным дисциплинам. Но содержательно курс менялся, а на «переломах истории», весьма существенно. Исчезали одни разделы, появлялись другие, менялось соотношение материала по отдельным темам и персоналиям. Но самое главное: в учебный курс вводились новые оценки в освещении различных разделов. В отечественных учебниках это коснулось, прежде всего, изложения и оценок идеологии массовых протестов как поиска социального идеала. Представляется, что тема эта заслуживает внимания хотя бы потому что ее изучение относится к одной из важнейших функций науки истории политических и правовых учений – мировоззренческой, формируемой у молодых людей, имеющих уже определенные знания, полученные в бакалаврской ступени высшего образования.

Рассмотрим указанные аспекты проблемы подробнее. Не будем касаться освещения этой темы в ранний советский период, поскольку на смену дореволюционным либеральным или официально-государственным оценкам пришли явно заостренно классовые суждения. В 60-е и до конца 80-х гг. XX в. эти оценки, сохранившие прежние методологические подходы, стали звучать несколько иначе. Многие из них вообще исчезли, либо получили иное освещение и оценки.

В учебнике для студентов юридических институтов и факультетов под редакцией проф. К. А. Мокичева (1971) уже во введении заявлен классовый подход к изучению политических учений: «Политические идеи могут играть отрицательную, реакционную, или положительную революционную роль в общественном развитии, что зависит от того, интересы каких классов на определенном этапе общественного развития они выражают» [10, с. 3–4]. Из персоналий во введении выделены только руководители крестьянских войн в

России С. Разин и Е. Пугачев, а также революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. Эти имена расставляют акценты: идеи бунтарей и идейных революционеров будут подкреплять общий посыл, что далее подтверждается.

Для удобства изложения расположим материал в проблемно-хронологическом порядке, так, как он рассматривается в исторических и историко-правовых дисциплинах: Древний мир; Средние века, Возрождение и Реформация, Новое и Новейшее время.

В учебнике под редакцией К. А. Мокичева (1971) при освещении истории политических идей Древнего Востока небольшое место уделено восстаниям «Краснобровых» и «Желтых повязок» в Древнем Китае, при этом отмечено, что они «не имели ясной цели, а сами восстания носили стихийный характер» [10, с. 39]. Вторым параграфом после «Введения» в разделе «Политическая мысль в рабовладельческом Риме» обозначен параграф «Политические идеи восставших рабов» [10, с. 60–61]. Параграф, являющийся базовым для практически всех постсоветских учебников «Политические идеи Цицерона» в учебнике 1971 г. стоит четвертым по счету. Восстания рабов в Сицилии, Малой Азии и под руководством Спартака носили форму стихийного мощного социального протеста, направленного на освобождение от своего положения, на ликвидацию гнета и порабощения. В этом и заключалась их идеология. В проанализированных нами постсоветских и современных учебниках [1; 6–8; 12–15] этот материал не присутствует вообще.

С классовых позиций в учебнике (1971) подано возникновение раннего христианства и его эволюция к равноправной и далее господствующей религии в поздней Римской империи. Но наряду с этим показаны политические идеи ранних еретических движений, представлявших массовую форму протеста против официального учения церкви (монтанисты, гностики, агонистики) [10, с. 71]. Информационный материал вполне укладывается в систему курса, поскольку эти течения имели свою идеологию (отрицание частной собственности и общественного неравенства, ожидание пришествия «мессии» и установление «тысячелетнего царства»). Однако во многих современных учебниках этот материал не присутствует. Вместе с тем необходимо отметить следующее. В учебнике под редакцией В. В. Лазарева (2008), существенно отличающегося от современных ему учебников, материал излагается не только по персо-

налиям, но и по основным школам и направлениям государственно-правовой мысли. В рамках второго подхода обозначен раздел «Бунтарство религиозное и политическое» (автор А. В. Корнев) [6, с. 507–515]. Само появление христианства рассматривается как религиозное бунтарство, но о ранних проявлениях протестов против христианской религии также ничего не говорится. Таким образом, формы массового социального протеста в государствах Древнего мира отдельными параграфами рассмотрены в учебниках советского периода. В постсоветский и современный периоды об этом либо вскользь упоминается, либо не говорится вообще.

В учебнике «История политических учений» (1960) из восьми параграфов, освещавших развитие учений о государстве и праве в Западной Европе в период возникновения и развития феодализма два посвящены ересям, соответственно XI–XIII и XIV–XV вв. Подробно описаны движения богомилов, катаров, вальденсов, а также восстаний, во главе которых стояли Арнольд Брешианский и Дольчино [9, с. 117–118]. Значительное внимание уделено бюргерской и крестьянско-плебейской ересям XIV–XV вв. Говорится об учении Джона Уиклифа, движении лоллардов (Англия), чашников, таборитов и милленариев в Чехии [9, с. 127–130]. В учебнике под редакцией К. А. Мокичева (1971) политическим учениям в Западной Европе в средние века уделено шесть параграфов, два из которых также посвящены ересям. Но по общему объему они гораздо меньше, чем в учебнике 1960 г. издания, хотя общие оценки не претерпели каких-нибудь заметных изменений [10, с. 80–81].

В учебнике под редакцией О. Э. Лейста 1991 г., последнего года Советского государства раздел о политических и правовых учениях в Западной Европе в средние века состоит из пяти параграфов. Ересям посвящен только один параграф, в котором из ересей XI–XIII вв. подробно освещено движение богомилов, а также бюргерские ереси в Англии и Чехии [3, с. 113–116]. Практически такой же объем и характеристики этих движений отражены в учебнике под редакцией того же автора 1997 г. [7, с. 89–92].

Примечателен небольшой по объему учебник «переходного периода», изданный в 1994 г., в котором ересям посвящен отдельный параграф. В нем акцент сделан на теологических разногласиях в христианской церкви. Движения богомилов, вальденсов, альбигойцев лишь упоминаются, а движения крестьянско-плебейских масс, приводящие к восстаниям под религиозными лозунгами (Брешианского, Дольчино, Уота Тайлера) не упоминаются вообще [1, с. 74–78].

В учебнике под редакцией В. П. Малахова, Н. В. Михайловой, выдержавшим несколько изданий, политико-правовым учениям в Западной Европе в средние века посвящено шесть параграфов, один из них ересям. В небольшом по объему параграфе упоминается о формах социального протеста в форме городских и крестьянских восстаний, говорится и о том, что эти восстания способствовали выработке серьезной теории, способной «стать действенным оружием против ересей» [8, с. 103]. Однако в учебном пособии И. Ф. Мачина, как и в учебнике С. А. Рубаник о средневековых ересьях не говорится ничего [13; 15].

Движение против феодальных устоев, католической церкви, за создание новой религии, объединившее самые широкие социальные слои, вошедшее в историю под названием «Реформация» нашло, в разной степени отражение в учебной политико-правовой литературе. Политическим идеям деятелей Реформации и Крестьянской войны в Германии в учебнике (1960) посвящен отдельный параграф, содержащий 13 сносок на работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Изложение материала дано в соответствии с оценками классиков марксизма. Оценка учения М. Лютера дано в контексте идеи подчинения церкви государству. Она контрастирует с программой Т. Мюнцера, призывавшего к установлению общественного строя без частной собственности и классовых различий. Со ссылками на классиков марксизма программа оценивается как движение к коммунистическому строю в рамках единой и неделимой германской республики [9, с. 194–195]. В учебнике под редакцией К. А. Мокичева 1971 г. соответствующий параграф называется «Политические идеи Реформации», т. е. в названии словосочетание «Крестьянская война в Германии» отсутствует. Гораздо меньше и ссылок на работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Учениям М. Лютера и Т. Мюнцера отведен примерно одинаковый объем; указывая, что программа Т. Мюнцера носила действенный характер, но отмечена утопичность его общественно-политических идей. [10, с. 117–120]. В учебнике под редакцией В. С. Нерсесянца (1983) также говорится о политических и правовых идеях Реформации: основное внимание уделено взглядам Лютера, Мюнцера, Кальвина и тираноборцев. Мюнцер охарактеризован как «реалистически мыслящий революционный вождь», во взглядах которого имелись зачатки республиканских идей» [5, с. 150–151].

В учебнике 1994 г., условно «переходном» от одной парадигмы к другой, можно выделить название раздела «Реформация», т. е.

никто из авторов учений не назван конкретно; отсутствует и указание на Крестьянскую войну в Германии того периода. Наиболее радикальное течение Реформации под предводительством Т. Мюнцера характеризуется как направленное к торжеству общих интересов над частными, как грядущий «рай земной». Никаких упоминаний о коммунистическом обществе в программе Т. Мюнцера не говорится. Вместе с тем его идеи оцениваются как опередившие свое время, как зачатки республиканских идей, контроля государственной политики народом [1, с. 92–83].

В учебнике Р. Т. Мухаева (2004) в рамках освещения политико-правовой идеологии эпохи Реформации почти равномерно распределен объем в освещении взглядов М. Лютера, Т. Мюнцера и Ж. Кальвина. То, что в советских учебниках именовалось Крестьянской войной упоминается как «восстание крестьян в Германии в 1524–1526 гг.». Программа Т. Мюнцера изложена на основании «Двенадцати статей» и «Статейного письма» и охарактеризована как проект «народной республики» без каких-либо оценочных суждений (без характеристики ее как коммунистической или бесклассовой) [14, с. 151].

Несколько отлично от других осветили политико-правовую идеологию социальных протестов авторы учебника под редакцией В. В. Лазарева (2008). В специальном параграфе «Бунтарство религиозное и политическое» в контексте общего рассуждения о предмете из персоналий выделен только Т. Мюнцер, охарактеризованный как «первый настоящий религиозный бунтарь» [6, с. 510].

В учебнике С. А. Рубаник основное внимание уделено учению М. Лютера; оценка взглядов Т. Мюнцера дана автором словами Ф. Энгельса (идеал – общество без классовых различий и частной собственности), но со ссылкой не на первоисточник, а на работу Г. Ф. Шершеневича. В целом же Реформация оценена как социальный конфликт, имевший успехи только в разрешении религиозных противоречий, но не сумевший снять социальную напряженность [15, с. 116]. В учебном пособии И. Ф. Мачина глава 4 посвящена политическим и правовым учениям эпохи Возрождения и Реформации, однако об идеологах Реформации там не говорится вообще [13, гл. 4]. Необходимо отметить также то, что по сравнению с советскими учебниками в современных учебниках стало гораздо больше внимания уделяться учению Ж. Кальвина.

Особого внимания заслуживает освещение социальных протестов в политических учениях в Русском государстве/России.

В учебнике (1960) из девяти параграфов, посвященных учениям в Русском государстве XV–XVII вв. два посвящены средневековым ересям и политической идеологии крестьянских восстаний XVII в. Из русских средневековых ересей отмечены ересь стригольников и Феодосия Косого, которые характеризовались как антифеодальные движения на Руси [9, с. 162–163]. Идеология восстания Ивана Болотникова и крестьянская война под руководством Степана Разина охарактеризована как имевшая царистский характер, но при всей неопределенности политической программы носящая прогрессивный характер, поскольку расшатывала устои крепостнического строя [9, с. 179–181]. В этом же учебнике из шести параграфов, посвященных политическим учениям в России в XVIII в. один посвящен политической идеологии восстания под предводительством Е. И. Пугачева. Авторами отмечено, что «политическая идеология угнетенных крестьянских масс страдала ограниченностью» [9, с. 354]. В учебнике под редакцией К. А. Мокичева (1971) дана такая же оценка этого социального протеста, но указано, что восстание «помогло формированию революционно-демократической политической программы Радищева» [10, с. 241].

В учебнике под редакцией В. С. Нерсисянца (1983) разделы, посвященные политической идеологии восстаний И. Болотникова и С. Разина, отсутствуют; крестьянской войне под руководством Е. Пугачева отведен небольшой параграф. Отмечено, что Пугачев предполагал создать казачье государство с казачьим кругом как органом власти на местах и с «хорошим мужицким царем» во главе страны [5, с. 274].

В учебном пособии коллектива авторов (1994) в разделе «Политическая мысль XIV–XVI вв.» уделено внимание ересям в Русском государстве (стригольники, жидовствующие, учение Феодосия Косого). Позиции последнего оценены как «плебейский вариант утопического социализма в несостоявшейся русской Реформации» [1, с. 136]. В новейшем учебнике, рассматривающем политические и правовые учения России, рассматривается ересь стригольников, но основное внимание уделено «новому учению» Феодосия Косого, которое рассматривается авторами как «предвестие бунтарных настроений Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева» [4, с. 101]. Что же касается идеологии этих социальных протестов, то она в учебнике не изучается. Примечательно, что в новейших учебниках по истории политических и правовых учений, пользующихся наибольшим спросом у студентов-магистрантов, вопросы

о политической идеологии различных ересей, восстаний и крестьянских войн отсутствуют [8; 13; 15].

Традиционно достаточно подробно изучаются политические учения во Франции в период кризиса абсолютизма и буржуазной революции XVIII в. В учебнике (1960) этому разделу посвящено 10 параграфов, один из них – политическим воззрениям деятелям революции (аббат Сийес, М. Робеспьер, Ж. П. Марат, Жак Ру). Авторы учебника оценивают взгляды представителей революционного движения ссылкой на К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что движение вызвало к жизни коммунистическую идею [9, с. 319–320]. В учебнике (1971) также освещается этот вопрос в формулировке «Борьба политических идей в период революции». Обращает внимание, что в параграфе, в отличие от предыдущего учебника, не изложены взгляды так называемых «бешеных», а взгляды якобинцев охарактеризованы как выражающие революционную борьбу с классом эксплуататоров [10, с. 214]. Существенно не отличается изложение и оценки в учебнике под редакцией В. С. Нерсисянца [5, с. 241–245].

В ранних постсоветских и современных учебниках политические взгляды радикальных революционеров Французской революции (Робеспьер, Марат, Жак Ру) не рассматриваются вообще [8; 13; 14; 15].

Политические взгляды русских дворянских революционеров (декабристов) традиционно занимали значительное место в советских учебниках. В учебнике (1960) эти взгляды противопоставлены программе «реакционного дворянства» (Н. М. Карамзина). Проекты преобразований «Общества соединенных славян», Южного и Северного обществ изложены обстоятельно с известной ленинской оценкой о трех этапах «освободительного движения в России» [9, с. 463–468]. В учебнике (1971) также большое место отведено изложению проектов декабристов, однако уже нет прямых ссылок на В. И. Ленина. Вместе с тем указано, что программы их были утопичными, но в то же время постановка вопроса имела плодотворное значение и была развита революционными демократами [10, с. 307]. Подробно изложены взгляды декабристов и в учебнике под редакцией В. С. Нерсисянца. Общая оценка: движение декабристов было антифеодальным, а идеология носила черты «дворянской ограниченности» [5, с. 348].

В отличие от проблематики идеологии крестьянских бунтов и войн в России, тематика декабризма находит отражение в современных учебниках по истории политических и правовых учений. В

учебнике под редакцией В. П. Малахова и Н. В. Михайловой программам декабристов посвящены два параграфа: программа П. Пестеля характеризуется как радикальное направление, а Н. Муравьева названа нейтрально «Политико-правовая концепция», оцениваемая как проект преобразований, направленных для создания предпосылок для буржуазно-демократического развития общества [8, с. 302]. В академическом курсе С. А. Рубаник политико-правовые идеи декабристов соединены с параграфом «Революционная идеология», рассматриваются очень подробно, но без каких-либо выраженных оценочных суждений [15, с. 400–416]. В учебнике И. А. Исаева и Н. М. Золотухиной политико-правовым и социальным программам декабристов посвящен отдельный параграф. Ни о какой ленинской периодизации «освободительного движения» в России, начатом декабристами, речь не идет. Оценка авторами идей декабристов сводится к тому, что революция 1917 г. пошла по сценарию, предначертанному П. Пестелем, а реализация режима диктатуры пролетариата «превзошла все худшие опасения Н. Муравьева» [4, с. 271]. Нетрудно увидеть в этом в целом отрицательную оценку идей «Южного общества» (П. Пестель).

И. Ф. Мачин, учебник которого практически не освещал идеи представителей социального протеста, политико-правовым взглядам декабристов посвятил отдельный небольшой по объему параграф. Автор приводит оценку их деятельности, данной исследователем О'Мара: «Декабристы ничего не разрушили и ничего не создали. Их ценность состоит всецело в их легенде. Но и этого достаточно» [13, с. 254]. В кратком, но весьма информативном учебнике Р. Т. Мухаева об идеях декабристов буквально два предложения: «Родоначальником политического радикализма – революционного низвержения самодержавия – стал А. Н. Радищев. Затем его идеи развили и пытались осуществить декабристы» [14, с. 558].

Но наибольшему пересмотру в учебном курсе подверглись учения ленинизма, о диктатуре пролетариата, о социалистической революции в России. Этой теме в учебнике (1960) посвящена объемная глава из восьми параграфов [9, с. 720–754]. Отдельная глава из семи параграфов посвящена изложению взглядов В. И. Ленина, И. В. Сталина и Компартии на построение социализма в СССР, т. е. по сути модели построения общества по результатам успешно осуществленного массового социального протеста [9, с. 756–788]. Кроме того, в учебнике 1960 г. издания отдельная глава посвящена по-

литической идеологии национально-освободительного движения в Индии и Китае (политические взгляды Махатма Ганди и Сунь Ятсена), которое также можно рассматривать сквозь призму массового социального протеста под лозунгами предоставления национальной независимости и воссоздания государственности [9, с. 809–825]. Почти такое же построение содержания учебника (1972) с дополнением параграфа о политической идеологии национально-освободительного движения в Латинской Америке [11, с. 300–320]. В учебнике под редакцией В. С. Нерсесянца (1983) целая глава (семь параграфов) уделена политико-правовым учениям от Октябрьской революции до образования мировой системы социализма [5, с. 558–598].

Вопрос «Государство и право в практике ленинизма» представлен тремя небольшими параграфами в учебнике В. П. Малахова и Н. В. Михайловой. Оценка ленинского учения дана через высказывания о нем Н. А. Бердяева, Н. Н. Алексеева, П. А. Сорокина, оппонировавших взглядам В. И. Ленина. Но в то же время кратко раскрыты взгляды идеологов советского права времен его формирования: П. И. Стучки, Д. И. Курского, М. А. Рейснера, А. А. Вышинского [8, гл. 22]. В учебнике Р. Т. Мухаева (2004) учению о государстве и праве в большевизме отведен небольшой параграф, оценивающий большевизм на практике как диктатуру одной партии и установление тоталитарного режима [14, с. 595–596]. В академическом курсе С. А. Рубаник в отдельном параграфе компактно рассматривается политико-правовая идеология большевизма. Общий вывод автора сводится к тому, что коммунизм в период существования советского государства построен не был, но многие из его идей «нашли свое воплощение в современной практике развития государства и права ведущих стран мира» [15, с. 459]. В учебнике И. А. Исаева и Н. М. Золотухиной из 10 параграфов, посвященных политико-правовым учениям в России в первой половине XX в. четыре освещают революционные учения В. М. Чернова, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, М. А. Рейснера, Е. Б. Пашуканиса и П. И. Стучки. [4, гл. VI. п. 1–4]. Изложение материала достаточно сдержанное, без каких-либо категорических оценок (позитивного или негативного характера). В учебном пособии И. Ф. Мачина изложения политико-правовых учений основоположников марксизма-ленинизма нет вообще [13].

Таким образом, содержание учебного курса «История политических и правовых учений» за последние полвека существенно изменилось. Это связано с кардинальными социально-политическими изменениями, произошедшими в России и мире. Некоторые, но незначительные изменения в оценках можно проследить в последние 30 лет советской эпохи: меньше стало ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса, не столь категоричными формулировки общих классовых оценок. Но на рубеже 80–90-х гг. XX в. произошла смена идеологической парадигмы, выразившейся, в частности, в том, что классовый подход в освещении и объяснении общественных явлений, перестал быть официальным и определяющим. Общим трендом в средствах массовой информации и в социальных сетях последних 30 лет стало неприятие революций в целом, особенно Октябрьской революции 1917 г., которую стали именовать переворотом с негативным оттенком. Правда, последние годы наблюдается более взвешенный подход, но в целом формула «Россия свой план революций выполнила» официально остается в силе. Негативное отношение к социальным протестам, подогретое «цветными революциями» в Сербии, Грузии, Украине, Армении, Киргизии лишь рельефно оттеняют этот аспект освещения.

Конкретным выражением этого стало «переформатирование» теоретико-правовых и историко-правовых дисциплин. Отметим, что цитирование на работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина встречается крайне редко, или исчезло совсем. В рамках этого освещения массовых социальных протестов, которым в контексте поиска их идеологии в форме религиозно-мистических течений, стихийных восстаний и, особенно, революций стало уделяться несравнимо меньшее значение, чем ранее, либо не освещаться совсем. Другой причиной исчезновения этих разделов следует признать общую юридизацию курса и отход от идеологизации и политизированности в освещении учений о государстве и праве в целом.

Список литературы

1. Азаркин Н. Н., Левченко В. Н., Мартышин О. В. История политических учений. М. : Юрист, 1994. 132 с.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 21. М. ; СПб. : Наука, 2012. 629 с.
3. История политических и правовых учений: Домарксистский период : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М. : Юрид. лит., 1991. 528 с.
4. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 532 с.
5. История политических и правовых учений : учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М. : Юрид. лит., 1983. 720 с.

6. История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшее образование, 2008. 917 с.
7. История политических и правовых учений : учебник / под ред. О. Э. Лейста. М. : Юрид. лит., 1997. 576 с.
8. История политических и правовых учений : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [В. П. Малахов и др.] ; под ред. В. П. Малахова, Н. В. Михайловой. 3-е изд., перераб и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 471 с.
9. История политических учений / под ред. С. Ф. Кечежяна и Г. И. Федькина. Изд. 2-е. М. : Гос. изд-во юрид. лит., 1960. 894 с.
10. История политических учений. Ч. 1 / под ред. К. А. Мокичева. Изд. 2-е, испр. М. : Высшая школа, 1971. 392 с.
11. История политических учений. Ч. 2 / под ред. К. А. Мокичева. М. : Высшая школа, 1972. 375 с.
12. Омельченко О. А. История политических и правовых учений (История учений о государстве и праве) : учеб. для вузов. М. : Эксмо, 2006. 576 с.
13. Мачин И. Ф. История политических и правовых учений : учеб. пособие. М. : Юрайт, 2011. 412 с.
14. Мухаев Р. Т. История политических и правовых учений : учеб. для вузов. М. : Приор-издат, 2004. 608 с.
15. История политических и правовых учений. Академический курс : учеб. для вузов / отв. ред. В. Е. Рубаник. М. : Юрайт, 2012. 417 с.

УДК 177.7
ББК 87.6

Сизых И. С., Штумпф С. П., *Красноярск*

Коррективы норм морали в современных условиях. Между солидарностью и конкуренцией (социально-философский анализ)

В статье анализируется вынужденное изменение моральных норм современного российского общества на примере отношения к категориям солидарность и конкуренция. Анализ подтвержден результатами точечного тестирования студентов Сибирского государственного университета науки и технологий им. академика М. Ф. Решетнева: рефлексия собственных установок, предпочтение/отвержение солидарных межличностных отношений.

Ключевые слова: моральные нормы, социальные трансформации, социальное сознание, солидарность, конкуренция, российское общество.

Sizikh I. S., Shtumpf S. P., *Krasnoyarsk*

Revision of Norms of Morality in the Modern World. Between Solidarity and Competition (Socio-philosophical Analysis)

The article analyzes the forced change in the moral norms of modern Russian society on the example of the attitude to the categories of solidarity and competition. The analysis is confirmed by the results of point testing of students of the Siberian State University of science and technology named after academician M. F. Reshetnev: reflection of their own attitudes, preference/rejection of solidary interpersonal relationships.

Keywords: moral norms, social transformations, social consciousness, solidarity, competition, Russian society.

Когда мы обсуждаем моральные нормы, мы всегда должны иметь в виду конкретное сообщество и конкретный временной период, поскольку универсальных и всевременных моральных норм практически не существует, и даже существующие носят очень общий характер. Конкретные аспекты моральных норм всегда имеют пространственно-временную локализацию. Поэтому когда берем учебник по Этике и видим главу «История этических учений», где привязка к временному периоду обозначена в самих названиях параграфа, мы должны ответить себе на вопрос о пространственной локализации, о каком конкретно сообществе идет речь. И тогда поймем, что описывается история развития этической мысли западной Европы. Это не развитие некой всеобщей универсальной модели морали, а развитие моральных норм, презентуемых в европейской цивилизации. Тогда встает вопрос о том, можем ли мы считать, что моральные нормы российского общества развивались всегда в рамках общеевропейских? И мы вынуждены констатировать, что ответ на данный вопрос отрицательный, и можно привести пример разногласий отечественных этических норм и западноевропейских. В частном конкретном случае это относится к конкурентной борьбе и конфликтам в целом.

Проанализируем общеизвестный факт, что конфликтология как отдельная наука возникла в России в 1990-е гг. (в зарубежной научной социологической школе – в середине XX в.). Следует признать, она была импортирована в российское пространство (научное и социальное), ведь основные организационные моменты по становлению нового направления знаний инициировались российско-американской программой по конфликтологии. В рамках данной программы было организовано обучение конфликтологов-медиаторов. На этой основе в Санкт-Петербурге в 1993 г. был открыт первый в России Центр разрешения конфликтов, а в 1997 г. создан Клуб конфликтологов, объединяющий профессиональных конфликтологов-медиаторов [1, с. 99]. Проясним причины столь существенного отставания. Когда в конце 50-х гг. в США начался период углубленного междисциплинарного исследования сущности конфликтов, в нашей стране динамично развивались гуманитарные науки. И кадровый потенциал, и уровень образования позволяли осмысливать широкий спектр общественно значимых проблем. Но конфликт не становился объектом изучения, поскольку не считался желательным для общественной жизни явлением. Интересовала ис-

следователей противоположная проблема – организация бесконфликтного взаимодействия на всех уровнях общественной жизни. Причем подобный подход к конфликту был характерен и для российской дореволюционной философии и публицистики. А. Лавров, Н. Михайловский, М. Бакунин, П. Кропоткин, П. Ткачёв и другие отечественные исследователи общественного конфликта подчеркивали, что целью сосуществования российского социума является общество, построенное на основе солидарности и взаимопомощи. А конфликт как таковой в нашей социокультурной действительности подлежит искоренению. Традиционное отношение к конфликту в социальном сознании выражено и в пословицах: «Худой мир лучше доброй ссоры», «Сор из избы не выносят», «Кто спорит, тот гроша не стоит». Ценность солидарности и взаимопомощи выражена в огромном количестве пословиц: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей», «Нет друга – ищи, а нашел – береги», «Старый друг – лучше новых двух». Среди категорий морального сознания в учебнике «Этика» А. А. Скворцова, солидарность и конкуренция не анализируются, хотя именно на примере данных категорий можно было бы продемонстрировать отличительные особенности российской традиционной морали [3].

После 1990 г. в российскую общественную мысль стали внедрять понятие о высокой значимости конфликта. Конфликтология становится учебной дисциплиной в вузах, вся продукция СМИ начинает транслировать идею о конфликте как средстве развития и обновления отношений. В связи с этим традиционное отношение к противостоянию и соперничеству в нашем обществе трансформируется в прозападное признание конфликта и конкуренции как нормы для любых взаимоотношений. Динамику этого процесса предсказать сложно, поскольку молодое поколение находится под влиянием, не только продукции СМИ и образовательных институтов, но также своих родителей, сформировавшихся в советской культуре, а также частично продуктов российской и советской культуры (художественная литература, анимационные и художественные фильмы) [5].

Для анализа динамики изменения отношения молодежи к солидарности и конкуренции нами применяется проведение ежегодного точечного исследования двумя методами. Первый – рефлексия. В процессе изучения теории Карен Хорни о влиянии противоречивых культурных ценностей на развитие невроза, студентам в аудитории дается задание отрефлексировать в собственных установках

наличие противоречия между требованием христианской любви к ближнему, с одной стороны, и требованием конкуренции за успех и отталкивания ближнего при необходимости, с другой [см. подробнее: 4]. В 2020 г., как и на протяжении нескольких последних лет, три группы опрошенных студентов (20, 19 и 36 человек) ответили, что установка на конкуренцию не характерна для них лично. Но при этом они допускают, что в среде их сверстников она может быть распространена. Данный метод не вполне надежен в плане диагностики, поскольку в современной психологии интроспекция (самонаблюдение) не признается научным исследовательским методом. Но он повсеместно применяется исследователями как формирующий эксперимент для запуска процесса рефлексии собственных моральных норм.

Второй метод – тест Люшера [2, с. 40–47]. Показателем диагностики в нем является предпочтение либо отвержение синего цвета. В исследовании фиксируется количество выборов синего цвета как предпочтительного (1–3 позиция), принимаемого (4–6 позиция) и отвергаемого (7–8 позиция). Синий цвет как символ внутренней гармонии, а также взаимопонимания с внешним миром в случае предпочтения указывает на стремление выстраивать доброжелательные отношения, находиться в мире с самим собой, избегать конфликтов. В США, где господствует идея признания конкуренции как основы взаимоотношений (человек человеку – волк), отвержение синего цвета очень распространено. В обществах с традиционной ценностью солидарных отношений (человек человеку – друг, брат и товарищ) синий часто выбирают как предпочтительный, либо принимаемый цвет. Исследование этого года, проведенное в четырех группах (3-й курс) продемонстрировало отсутствие массового отвержения синего цвета и распространенный выбор синего в качестве предпочитаемого.

1. Группа (3-й курс, направление «Реклама и связи с общественностью в сфере профессиональных коммуникаций») 20 человек, протестировано – 12 человек, выбор синего цвета как предпочитаемого – 5 человек, в качестве отвергаемого – 0 (0 %).

2. Группа (3-й курс, направление «Реклама и связи с общественностью в сфере профессиональных коммуникаций») 19 человек, протестировано – 16 человек, выбор синего цвета как предпочитаемого – 7 человек, в качестве отвергаемого – 2 (13 %).

3. Группа (3-й курс, направление «Информационные системы и технологии в управлении») 11 человек, протестировано – 10 человек, выбор синего цвета как предпочитаемого – 4 человека, в качестве отвергаемого – 3 (30 %).

4. Группа (3-й курс, направление «Управление инновациями») 24 человека, протестировано – 19 человек, выбор синего цвета как предпочитаемого – 8 человек, в качестве отвергаемого – 3 (16 %).

По результатам тестирования отвержение синего цвета, т. е. отрицание солидарных межличностных отношений (согласно психологическому подтексту) носит единичный характер. Следовательно, можно сделать вывод о том, что процесс изменения традиционной моральной ценности «солидарность» запущен, но не завершен.

Соответственно, даже в современном российском обществе, находящемся под влиянием пропаганды идей конкуренции, молодое поколение не отрицает полностью традиционной социокультурной ценности солидарности и взаимопомощи. Но тогда мы вынуждены констатировать, что обучая студентов, преподнося им историю развития этических учений, не оговаривая, что к нашему обществу это имеет весьма отдаленное отношение и общество, в котором они живут и которое им предстоит развивать – имеет иной путь развития моральных норм, их иное содержательное и смысловое наполнение.

Список литературы

1. Дмитриев А. Ю. О развитии конфликтологии в России // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. № 2 (39). 2011. С. 96–101.
2. Карелин А. А. Большая энциклопедия психологических тестов. М. : Эксмо, 2007. 416 с.
3. Скворцов А. А. Этика : учебник / под общ. ред. А. А. Гусейнова. М. : Юрайт, 2011. 306 с.
4. Хорни К. Невротическая личность нашего времени: самоанализ / пер. с англ. В. В. Старовойтова ; общ. ред. [и послесл.] Г. В. Бурменской. М. : Прогресс; Универс, 1993. 478 с.
5. Ядова М. А. Социальные ресурсы и адаптивные стратегии российской молодежи // Социологический альманах. Материалы XI Орловских социологических чтений / под общ. ред. П. А. Меркулова, Н. В. Проказиной. 2020. С. 247–248.

УДК 334.32
ББК 65.41

Меньшикова А. А., Томск

Формализация как индикатор морали и социальной истины в современном обществе

Доклад посвящен исследованию наиболее существенных аспектов и формализации, влияющих на формирование социальной истины как вариации морали. Вопросы морали и социальной истины раскрываются через процессы информатизации общества, трансформации этики, формализации и символизации.

Ключевые слова: социальная истина, мораль, этика, информационное общество, формализация и символизация.

Menshikova A. A., Tomsk

Formalization as an identifier of social truth and morality in modern society

This paper is devoted to a study of social truth and morality in the course of its specifying character representing aesthetic norms in formalization. Questions of morality and social truth are revealed through the processes of informatization of society, transformation of ethics, formalization and symbolization.

Keywords: social truth, morality, ethics, information ontology of society, formalizing and symbolism.

Сложность идентификации влияния морали на представление о социальной истине обусловлено нестабильностью ситуации, на которую влияет множество факторов. В настоящее время представляется сложным установить дефиниции социальной истины в связи с нестабильностью их принципов в современном информационном обществе. Обращение к различным источникам исследовательского материала обнаруживает несистематическую картину различных сфер. В настоящее время следует обратить внимание на источники воздействия, способные оказать влияние на изменение таких категорий общества, как социальная истина. Проблема заключается в том, что категория морали также не находит стабильного выражения в российском обществе в условиях общей исторической онтологии, социального и экономического расслоения.

Поэтому поиски идентификации морали и социальной истины требуют более пристального рассмотрения аспектов влияния в различных сферах. В настоящее время в поисках критериев выявления источников, способствующих выявить категории социальной истины, приходится неизбежно обращаться к воздействию информационных технологий на общество как ведущей стратегии его изменения [3; 4].

Во всех сферах категория морали в настоящее время уступают место понятиям и пропозициям возможностей. В естественной среде общества мораль лишена свойство референциализма. При этом состояние различных сфер проявляет неодинаковые тенденции. С позиции политики социальная истина приобретает наиболее статическую форму, приобретает дидактический смысл, возвращает к исторически установленным нормам и оказывается наиболее определенной тенденцией. Вместе с тем естественные процессы, происходящие в обществе, оказываются основанием для гипотезы о плюралистической картине социальной истины. Семантическая позиция выявляет категориальные признаки социальной истины как понятия, в то время как в данный момент невозможно отслеживать изменения социальной истины даже в среде социальных коммуникаций. Причиной ускоряющихся изменений является тенденция развития информационного общества и влияние цифровых технологий. Попытка провести семантический анализ понятия неизбежно приводит к констатации разнообразия контекстов, к которым относится вывод исследуемого понятия. Природа цифровой онтологии также приводит к разрушению целостной картины. Вывод функциональных аспектов обращен к попытке детерминации общественной морали, которая в современном обществе не находит понятной концептуальной дефиниции. Ценности не являются фиксированной категорией [2, с. 132]. Открытие множества возможностей как современная директива общественной идеологии усугубляет ситуацию. Возникает представление о том, что мораль как аксиологическая категория в современном обществе перестает существовать. Все чаще выражается мысль о том, что понятие морали относится к индивиду, его личному выбору. Стереотипы поведения и принятие решений становятся основными направлениями взаимодействия в обществе, что препятствует выводу четкой картины морали. В дополнение к этому различные субкультуры представляют неодинаковую картину ценностей.

Из условий, определяющих взаимодействие между социальной истиной и моралью, следует указать этику и стереотипы поведения, что сближает категории этики и морали в современном обществе, представляет ключ к возможности ее идентификации. Вместе с тем этик не является онтологически квалификативной категорией в отличие от морали. Тем не менее, именно эта категория возникает в ситуациях проявления действия сил, управляющих обществом.

Этические принципы по своей природе близки символическим, что обосновывает отождествление ценностных категорий с таким феноменом, как деньги в архетипической функции последних. Статистические и вероятностные методы показывают возникновение тенденций к определяющим факторам, тождественных определенным конфигурациям процессов. Именно поэтому, с исследовательской позиции достаточно определить тенденции и механизмы воздействия на общество, оценить прогрессивный потенциал процессов, в том числе и для определения категорий морали и социальной истины.

Позиция верификационизма заставляет критически относиться к исследовательским подходам, основанным на формализации. Поэтому изучение сущностных и атрибутивных принципов и состояний феноменов также представляет собой интерес. Если при первом приближении картина, которую рисует исследование современного общества, при первом приближении представляет хаос и бессистемность, то внимание к наиболее влиятельным сферам и тенденциям позволяет решить поставленный вопрос. Вариативность как явление препятствует выводу категории истины с ее метафизической природой. Поэтому необходимо выявить наиболее общие тенденции и сопоставить их в различных областях. Под влиянием распространения доктрины информационного общества наибольшую значимость приобретают символические категории, поскольку проводником и оператором информационного общества являются цифровые технологии. Операционализм одновременно упростил сущность процессов, происходящих в обществе, и определил их направленность. Символизм как основное условие выводит эстетические основания в качестве определяющих. В условиях нестабильных процессов в обществе рационализм в принятии решений определяет именно формальные показатели. Поэтому позицию морали занимает этика, согласованная с позициями предельных категорий, что не позволяет прийти к выводу о меняющейся реальности и социальной истины [1, с. 25–26]. Можно предположить, что в условиях современных тенденций мораль, а вместе с ней и социальная истина, в принципе не существует, но формальные показатели оказывают влияние на все сферы жизни общества, приобретая функцию ограничений. Поэтому социальная истина в настоящее время становится формализованной. Количественные показатели обращены к интенсификации тех или иных процессов. В современном информационном обществе эту позицию занимают концептуализованные

сущности. Операционализм ограничивается несколькими процессами, что не позволяет возможностям развиваться неограниченно. Существует ограниченное количество людей в группах, которых можно рассматривать как акторов, наиболее активных субъектов. Типичные тенденции не влияют на плюрализм картины развития общества и не определяют ее стандарты. При всем многообразии мнений, рассредоточенном среди субъектов возрастных и социальных категорий, принципы операционализма остаются типичными. Процессы в обществе не происходят настолько интенсивно, чтобы можно было констатировать постоянные изменения, поэтому некоторая стабильность в любом случае формируется. Формализация не может полностью заменить социальную истину, потому что последняя функциональна. Этика не позволяет развиваться категории морали в аспекте индивидуальности. В выборе возможного развития процессов она всегда является сдерживающим фактором. Это означает, что такая категория неизбежно оказывает влияние на социальную истину как некое состояние стабильности. И позволяет обратить внимание на позиционные аспекты формирования социальной истины, поскольку мораль может меняться, но позиция ее воздействия на общество не меняется. Динамика процессов неизменно определяет существование социальной истины. Отсутствие субъектов лишает эту категорию смысла. В этом отношении мораль как концепт является синонимом социальной истины.

Существуют объективные рационалистические факторы, препятствующие развитию плюралистической онтологии, оказывающей соответствующее влияние на социальную истину. Эстетические нормы определяют ограничения, сохраняющие стабильность в современном обществе операционализма.

В принципе стабильность позиции социальной истины как категории способны оказать обратное влияние – на саму аксиологическую категорию благодаря стабильности ценностей в обществе и отсутствия требуемой динамики процессов изменения. Именно поэтому оба аспекта следует отождествлять на уровне пропозиций. Изменения, гипотетически происходящие в обществе, ограничиваются принципами, которые следует определить как влияние морали. Соответствующая ей категория социальной истины в этом отношении обнаруживает себя как метафизическая. Невозможно представить себе ситуацию, при которой онтология общества окажется полностью измененной без априорного сдерживающего фактора.

По большому счету категория социальной истины является поворотным моментом для расчетов перспективы стратегии, имеет непосредственную связь с политикой и является ее основанием. Обращаясь к механизмам политического регулирования, можно установить относительный характер социальной истины, ее прикладную функцию. Операция согласования интенций и действий с моралью является первичной операцией в разработке планов.

Помимо объективных институтов на формирование морально-го климата в обществе и, следовательно, социальную истину влияют субъективные факторы. Благодаря формальным категориям можно прогнозировать, что мораль как общественная норма не будет полностью разрушена. Изменение морали и социальной истины в настоящее время происходит под действием наиболее влиятельных институтов. Несмотря на естественные процессы работы сознания субъектов, условие статичности позиций в настоящее время не входит в фактор риска изменений. При всех возможных вариантах развития вышеописанные ограничивающие факторы будут влиять на процессы и обоснуют стабильность определенной позиции. Одновременно изменение социальной истины будет релевантно суждениям и заключениям, установленным вследствие аналитического восприятия действительности.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / общ. ред. В. А. Решетников, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинин. Иркутск, 28 ноября 2019 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 25–27.
2. Поликанова Е. П. Моральные ценности и их роль в современном обществе // Философия и общество. М. : Изд-во МГУ, 2014. Вып. 3. С. 131–140.
3. Черникова В. Е. Конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей информационного общества // Вестник АГУ. Майкоп : Изд-во АГУ, 2014. Вып. 3. С. 45–50.
4. Четвертаков С. Социальная истина и прагматические, но не рыночные аспекты внедрения социальных открытий. URL: <http://sergeychet.narod.ru/socio/socialtruth.htm> (дата обращения: 12.10.2020).

УДК 101.1:316
ББК 87.6

Ярофеева Е. Р., Штумпф С. П., *Красноярск*

Трансформации идентичности человека: социальный, психологический, философский аспекты

Раскрываются вопросы трансформации идентичности человека. Выявляются социальные условия, индивидуально-личностные особенности и философские механизмы рефлексии происходящих изменений идентичности человека.

Ключевые слова: идентичность человека, трансформации, осужденный, социальная общность, психическое состояние, философский парадокс.

Yarofeeva E. R., Shtympf S. P., Krasnoyarsk

Transformation of Human Identity: Social, Psychological, Philosophical Aspects

The article reveals the issues of transformation of human identity. The social conditions, individual personality traits and philosophical mechanisms of reflection of the ongoing changes in human identity are revealed.

Keywords: human identity, transformation, convict, social community, mental state, philosophical paradox.

Идентичность человека в течение жизни постоянно подвергается трансформациям. При этом в устойчивой (стабильной) повседневной жизни их качественные и количественные характеристики не особенно велики. В большинстве случаев они детерминированы внешними факторами, постепенно преобразовываясь в личностные допущения и убеждения. Совсем иная ситуация складывается в моменты кардинальных изменений условий жизни человека. С давних времен в мире существует преступность. С каждым этапом развития человечества она приобретает все новые и все более изощренные образы и проявления. Мы привыкли, что за нарушение уголовного кодекса следует осуждение и, как результат, перемещение в места лишения свободы (далее МЛС) для отбывания наказания. Для нашего общества – это стандартная процедура, которую называют правосудием. Однако стоит задаться вопросом, что происходит с человеком в момент радикального изменения образа жизни, попадания и нахождения в отрезке достаточно длительного времени в месте заключения? Целью данного материала мы ставим проследить трансформации, происходящие с идентичностью человека, попадающего в негативную социальную среду.

Большая часть нашего социума относится к человеку, находящемуся в местах лишения свободы, крайне негативно, многие не

считают их людьми и стараются всячески остерегаться встречи с ними даже после того, как осужденный освободился. На первый взгляд это кажется естественным и правильным, или даже необходимым. Однако мало кто задумывается о том, что переживает человек, попадая в МЛС, что происходит с его устоявшейся психикой, социальными привычками (нормами и стереотипами) и личностным комплексом ценностей.

Общепринятый на сегодняшний день метод осуществления правосудия основан на задачах перевоспитания преступника, иными словами – исправления так называемых дефектов его сознания и психики путем ломки устоявшихся личностных характеристик и созданием нового образа личности с социально приемлемым набором качеств и форм поведения. С первого дня нахождения в МЛС осужденного ждет строгий режим дня, последовательность деятельности и ускоренное развитие самообладания. Даже незначительное отклонение от принятых «новой» социальной общностью мер может стать результатом серьезных последствий, как в виде физических травм, так и психологических. Именно с этого начинается становление совершенно новой, иной идентичности человека в среде заключенных [2].

Человек, попадая в МЛС, неизбежно получает психологическую травму уже из-за факта осуждения и пребывания в соответствующих учреждениях, что является лишь началом долгого и болезненного пути слома психики. В период заключения человек теряет все свои ранее приобретенные ценности и психологические установки, теряет право выбора. В результате этого, с течением времени наблюдается изменение поведения, отношения к миру и социуму, а также мировосприятие. Новые условия жизни направляют базовый человеческий инстинкт самосохранения в совершенно иное русло, где привычные и необходимые ранее навыки жизни на свободе превращаются в бесполезный мусор. После такого «преображения» и принятия своей новой роли, идентификации себя, как заключенного, человек может потерять свое «Я» навсегда [9].

Бесспорно, из каждого правила бывают исключения. В истории есть случаи, когда люди, отбывавшие наказание, возвращаясь на свободу, сумели сохранить здравый рассудок и нормы психики, сохранить свои идеалы и ценности, но таких – единицы [7].

Существует мнение, что взрослый человек не меняется, его психика сформирована, а сознание полностью «укомплектовано».

Однако это суждение можно оспорить, на сегодняшний день существует ряд социологических и психологических исследований, доказывающих, что человеческий рассудок и психика подвержены изменениям в течение всего жизненного пути. Так же стоит обратить внимание, что негативный опыт и воздействие проникает и накладывает свой отпечаток гораздо глубже, нежели позитивное. Сломанная психика человека в 90 % случаев не вернется в норму, а условий для этого в МЛС предостаточно [1].

Первое, что надламывает психологический фундамент человека, прибывшего в учреждение отбывания наказания, – это отсутствие выбора. Человек больше не может увидеть родных, когда ему этого захочется, обнять маму, когда это необходимо и даже выбрать себе одежду, вариант ужина или время сна. Невозможность контакта с семьей, когда это больше всего необходимо, оказывает особое и очень сильное негативное влияние на психику [3].

Вторую «трещину» дает полное отсутствие личного пространства. Человек не может больше уединиться, беспрепятственно высказывать свое мнение, принимать какие-либо решения. Каждый шаг контролируется сотрудниками УИС и, конечно же, «братьями» по несчастью, что, несомненно, вызывает тревогу и напряжение [8]. Учитывая, что ситуация не меняется, личность постоянно пребывает в стрессе и страхе, и это чревато различными психическими расстройствами.

Третий фактор, продолжающий «ломать» психику – потеря индивидуальности. Чтобы избежать конфликтов и иных неприятностей, человеку приходится быть «как все», стараясь абсолютно никак не выделяться. Кроме этого нужно соответствовать ожиданиям окружающего сообщества, т. е. быть таким, каким тебя хотят видеть или заставляют быть, а не тем, кем ты являешься на самом деле [6]. Постепенно личность осужденного начинает «растворяться» и вернуть ее прежнее, более здоровое состояние практически невозможно.

Четвертый «удар» по остаткам психической основы – нарушение базовых социальных потребностей человека в дружеском общении и доверии. В ситуации нахождения в МЛС, человек прекрасно осознает, что не может никому доверять, и завести дружеские отношения также не представляется возможным. В окружающем его социуме как нигде действует правило «каждый сам за себя». Многие осужденные признаются, что теряют способность испытывать чувства к людям, им становятся чужды эмоции. Данные обстоятельства ломают не только умения человека жить в нормальном

обществе, но и лишают основополагающего социального условия – доверия к миру в целом, что впоследствии окажет значительное влияние на выстраивание взаимоотношений с обществом после окончания срока заключения [5].

Существует еще множество поводов и ситуаций в учреждениях отбывания наказания, которые могут нести необратимые последствия: трансформации и утрата идентичности. Последняя включает много характеристик, от социальных и экономических, до национальных, языковых и религиозных [11]. Однако в столь негативно окрашенной критической ситуации как пребывание в местах лишения свободы, человек лишается своего Я, теряя или нивелируя большинство граней собственной идентичности.

Люди, вышедшие на свободу, испытывают огромные трудности во всех сферах жизнедеятельности. Именно по этой причине многие бывшие заключенные снова попадают в МЛС, они просто утрачивают умение жить по-другому, не могут вернуться к нормальному состоянию и стабилизации психики в условиях свободы и доступности. Чем больше человек пробыл в учреждениях отбывания наказания, тем меньше у него шансов вернуться к нормальной жизни. Считается, что результат слома психики становится необратимым, если осужденный пробыл в местах лишения свободы более 5 лет [10].

Вернуться к обычной жизни и стать примерным гражданином становится сложно еще и по причине предубежденного отношения социума к бывшему заключенному. Большая часть людей с презрением и отвращением смотрит на такого человека. Становится крайне нелегко найти работу, построить семью и не замечать осуждающие взгляды соседей и бывших друзей. Это как некий замкнутый круг, из которого найти выход архисложно [1]. И без того тяжелое состояние человека становится еще более невыносимым под влиянием давящего эмоционального негатива общества.

В заключение считаем необходимым отметить: мы все рождаемся чистыми и невинными, ребенок не может родиться плохим и злым. На становление его характера, формирование психики и идеалов, норм морали, нравственности и поведения неизбежно оказывает влияние общество. Именно под влиянием социума ребенок становится взрослой развитой личностью. И здесь мы сталкиваемся с парадоксальностью высокого философского уровня: общество, которое воспитало преступника, за это же его и судит. Нескончаемый поиск разрешения данной ситуации, на наш взгляд, пока не дал оптимального ответа.

Список литературы

1. Инструментарий пенитенциарного психолога / Г. А. Аминев [и др.]. УФА : УЮИ, 1997. 168 с.
2. Антонян Ю. М., Голубев В. П., Кудряков Ю. М. Психологические особенности осужденных и их отличительные черты. М., 1989.
3. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания : монография. М. : Пенатес-Пенаты, 2018. 400 с.
4. Белинская Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15.
5. Блекборн Р. Психология криминального поведения. СПб. : Питер., 2004. 496 с.
6. Дебольский М. Г. Проведение социально-психологических тренингов в уголовно-исполнительной системе. М. : Изд-во Академии МВД России, 1996. 88 с.
7. Исправительная (пенитенциарная) педагогика : учеб. для слушателей и курсантов учеб. заведений МВД РФ / под ред. А. И. Зубкова, М. П. Стуровой. Рязань : РВИШ МВД РФ, 1993. 398 с.
8. Клейберг Ю. А. Психология девиантного поведения : учеб. пособие для вузов. М. : ТЦ Сфера, 2001. 160 с.
9. Клейменова Е. Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tyuremnaya-subkultura-kak-osobyy-vid-sotsialnogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 01.10.2020).
10. Кудряков Ю. Н., Голубев В. П. Психологические особенности осужденных, нарушающих режим, и проблемы индивидуального воздействия // Личность преступников и индивидуальное воздействие на них : сб. науч. тр. М. : ВНИИ МВД СССР, 1989. С. 54–64.
11. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : монография. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 118 с.

СЕКЦИЯ 2

Технологии поиска социальной истины

УДК 316.366
ББК 54.52

Гантимуров В. Р., *Иркутск*

Социологические способы оценки истинности событий, мнений и идей: анализ и оценка

Рассматривается роль социологии в анализе и оценке мнений, идей и истинности событий, а также связь социологической методологии с экспертной методологией.

Ключевые слова: истина, анализ, оценка, экспертная методология.

Gantimurov V. R., *Irkutsk*

Sociological methods for evaluating the truth of events, opinions and ideas: analysis and evaluation

The article examines the role of sociology in the analysis and assessment of opinions, ideas and the truth of events, as well as the relationship between sociological methodology and expert methodology.

Keywords: truth, analysis, assessment, expert methodology.

В эпоху инфляции коммуникационной сферы мы все чаще сталкиваемся с проблемой подтверждения или опровержения поступающей из разных источников информации. В дезинформации или распространении «фейков» обвиняют не только частных лиц, действующих в информационном пространстве, но также и государственных акторов. Цифровая эпоха и присущий ей избыток информации выдвигает требование демаркации истинной от ложной. Распространение лжи не всегда умышленно, и это связано со скоростью и глобальностью процесса обмена информацией – мы мгновенно узнаем о том, что происходит в другой части света, но ценой этой поспешности бывает ее достоверность. Помимо изложенного выше существует и, возможно, встречается гораздо чаще, намеренное введение коммуникационного реципиента в заблуждение, масштабность которого разнится от простой манипуляции мнением регионального электората до информационной войны сверхдержав на мировой арене.

Большую роль в подтверждении позиции играет научное и экспертное обоснование, проводят которое зачастую социологи. На уровне идей, отраженных в проектах, существует понятие экспертного сопровождения, выступать которым может документально оформленное социологическое исследование: программа социологического исследования и аналитический отчет. Социологическое исследование позволяет подкрепить мнение или оценить истинность высказываний в публичной сфере на общенаучном методологическом уровне и, далее, на уровне методологии социологии. Первым делом происходит работа с позицией в форме высказывания, что для научного исследования становится отправной точкой в виде научной гипотезы. Чтобы доказать или опровергнуть утверждение, оно должно иметь доказательную силу, проходить отбор по критерию верификационизма или фальсификационизма, т. е. быть доказуемо или опровержимо. Этот вопрос получил свое развитие в области философии науки XIX–XX вв. и применим к социологической методологии современности в силу приверженности социологии методологии общенаучной. Научная гипотеза, а в нашем случае мнение или любая другая форма утверждения, должна быть точна и конкретна для того чтобы иметь возможность быть объективной. Немаловажную роль играют социологические методы сбора данных, используемые для подтверждения гипотезы. Основными принято считать опрос, наблюдение, эксперимент. Все эти методы предполагают требования, среди которых не последним является требование объективности или истинности. Достигается соблюдение этого принципа с помощью формализации инструментария, позволяющей исключить субъективный фактор из исследования. Также проводится контроль поля во время сбора данных, в ходе которого собранные одним человеком данные проверяются другим, чтобы исключить фальсификации или ошибки. При использовании наблюдения используется правило методологической триангуляции, когда наблюдение осуществляют несколько ученых, сопоставляя полученные данные, что также направленно на устранение субъективности. Полученные данные далее анализируются и делается вывод о подтверждении или опровержении выдвинутой гипотезы, что в случае в бытовой или публично-деловой сферы подтверждает истинность событий, обоснованность мнений или подкрепляет идею в области проектной деятельности.

Таким образом, следует отметить, что методология социологии, вместе с общенаучной методологией встраиваются в процессы экспертного анализа и оценки, предвляя экспертную методологию. Однако стоит помнить, что эксперт-социолог, его деятельность опирается на методологии нескольких обозначенных выше уровней. Социология, как практико-ориентированная наука, объектом которой являются социальные институты и социальные процессы, позволяет анализировать и оценивать информацию публично-деловой, бытовой, политической и других сфер, обосновывать мнения и подтверждать истинность событий.

Список литературы

1. Бурдые П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб. : Алетейя, 2005. С. 473–517.
2. Грабельных Т. И. Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной науч. конф. с междунар. участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2020. С. 850–851.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Academia, 1995. 252 с.
4. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание объяснение, понимание социальной реальности. М. : Добросвет, 2000. 596 с.

УДК 801.31
ББК 316.77

Ардашев Р. Г., *Москва*

Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик

Анализируются иррациональные убеждения населения региона. Показывает социальная динамика общественных настроений под влиянием иррациональных представлений представителей различных поколений. Приводятся результаты эмпирического исследования изменения иррациональных убеждений населения в повседневных практиках.

Ключевые слова: иррациональные убеждения, прагматическое мышление, социальная динамика, регион.

Ardashev R. G., *Moscow*

Irrationality of Public Consciousness: Analysis of Everyday Practices

The article analyzes the irrational beliefs of the region's population. The social dynamics of public moods under the influence of irrational ideas of representatives of different generations are shown. The results of an empirical study of changes in the irrational beliefs of the population in everyday practices are presented.

Keywords: irrational beliefs, pragmatic thinking, social dynamics, region.

В современном обществе достаточно много субъективных убеждений, влияющих на нашу жизнь. И благодаря им мы воспринимаем окружающую реальность не как есть, а через призму собственных или социально навязанных социальных фильтров. Зачастую не опирающихся на объективные, реальные процессы, а опирающихся на субъективной логике и неочевидных связях и закономерностях.

Иррациональность мышления строится на пралогических формах мышления, изученных рядом авторов (Р. Г. Ардашев [1; 2], И. Е. Головаха-Хикс [3], Л. И. Кабанова [4], Л. Леви-Брюль [6]). Исследование на тему «Формы иррациональности общественного сознания» проходило в 2019 г., в нем приняли участие 2200 человек в возрасте от 18 до 75 лет, разных социально-демографических стратификационных групп, проживающие на территории Сибири и Дальнего востока. Также было проведено 4 фокус-группы, в которых приняло участие 36 человек. Участники фокус-групп отбирались по принципу типичного представителя социально-демографических групп, участвовавших в исследовании.

В ходе исследования мы интересовались такими вопросами как будущее региона, где они проживают и воздействия тех факторов, что влияют на его будущее. В результате выявили, что 62 % респондентов имеют пессимистичные взгляды в отношении будущего того региона, где они сейчас проживают, оптимистичные у 33 %, еще 5 % затруднились с оценками. В отношении страны в целом несколько более позитивные взгляды, но не на много (негативно воспринимают 53 %, позитивно 35 %, затруднились 12 %).

Среди женщин больше пессимистичных оценок, чем среди мужчин (по региону проживания 62 % женщин и 38 % мужчин негативно воспринимают свое будущее; по стране в целом – 54 % женщин и 46 % мужчин).

Но интересным моментом в этом исследовании выступает объяснение причин негативного или пессимистичного восприятия своего будущего. Доводы, которыми пользуются респонденты, только в 43 % обладают рациональными аргументами (нестабильность политической ситуации или ограниченность экономическими перспективами и т. д.), в 57 % случаев, аргументы респондентов несут иррациональный характер (плохая карма или аура места проживания, влияние заговора сильных мира сего (от тайного правительства, до инопланетян). Четко прослеживается тенденция ожидания влияния и прямого (зачастую негативного) воздействия на жизнь респондентов со стороны кого-то другого.

Исследование проводилось еще до усиления мер по борьбе с коронавирусом. Полагаем, что сейчас данные опросов и фокус-групп были бы еще более иррациональными. Когда коронавирус воспринимался бы как инструмент против жителей региона или страны в целом.

Угрозу для регионального развития несут отдельные люди (наделенные властью, известностью, публичностью) – 22 %, принимаемые государственные программы, не соответствующие интересам жителей региона (в том числе влияющие на перераспределение финансов, ресурсов и т. д. полученных в регионе) – 26 %, психоэмоциональные настроения, доминирующие в регионе – 18 %, миграционный потенциал – 15 %, остатки древних цивилизация или артефактов, находящиеся на территории региона – 11 %, специальные программы нацеленные на уничтожение региона (от порч и сглазов всех жителей территории до тайной интервенции) – 8 %.

То, что подобные тенденции имеются, доказывает тот факт, что психоэмоциональный уровень общественных настроений находится в зоне иррационального восприятия действительности, когда теряются причинно-следственные связи, организуются нелогичные связи между событиями и формируется среда не рационального, объективного мышления, а интуитивного, субъективного, подтвержденного внешнему воздействию массового сознания жителей исследуемых регионов. Это приводит к большей внушаемости и не критичности, готовности воспринимать абсурдные теории и проекты. В то же время это показывает не готовность населения брать ответственность за себя и свою жизнь, не готовность критично и рефлексивно оценивать происходящие события и свое место в них.

Возникает вопрос в мотивах опоры на иррациональные и рациональные вещи. Для этого мы выявили мотивы доминирования тех или иных аргументов в объяснении событий или явлений личной или социальной жизни.

Для мужчин, доминирующим мотивом выступает нежелание брать ответственность на себя за свой выбор, и тогда включаются такие аргументы как «судьба», «карма», то, на что они не влияют, лишь вынуждены подчиниться (24,4 %). На втором месте желание удивить всех своим решением, поступков – во многом это стратегия предъявления себе и другим задач большего порядка, чем ты можешь решить или реализовать на данный момент и тут только надежда на высшие силы (Бога, духов-покровителей, ангелов и

иных существ) – 23,5 %. Третье место – увлеченность эзотерической культурой и литературой (16,5 %) и достаточно близкое к нему четвертое место – хобби (14,5 %) занимают близкое значение и по процентному распределению, так как отвечают за мировоззрение и интересы мужчин, участвующих в исследовании.

Для женщин распределение несколько иное. На первом месте увлеченность эзотерической культурой и литературой (24,4 %), хобби только на четвертом – 16,2 %. На втором месте нежелание брать ответственность за рациональный выбор – 20,5 % и на третьем влияние семейных ценностей – 19,4 %. Оба аргумента позволяют опираться на кого-то другого (высшие силы или свою семью, но не на саму себя). Своего рода инфантилизм.

Подводя итоги, очевидным становится вывод о том, что достаточно высокая доля наших современников обладает иррациональным сознанием и пралогичным мышлением. Мистичность сознания и доминирование коллективных представлений прослеживаются в обществе достаточно убедительно. На основе этого мы можем утверждать о смешении первобытного и современного сознания, и не убедительной логикой эволюционного развития сознания человека. Более уместно говорить о смешанном или разорванном развитии сознания и мышления современников.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
3. Головаха-Хикс И. Е. Концепция пралогического мышления Л. Леви-Брюля и роль мистического в современном сознании (на материале современных верований и фольклорных нарративов) // Традиционная культура. 2011. № 3 (43). С. 164–173.
4. Кабанова Л. И. Игры с «пра-логическим» // Studia Culturae. 2019. № 39. С. 47–55.
5. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / пер. Б. И. Шаревская. М. : Академический проект, 2020. 430 с.

УДК 008
ББК 60.5

Богорадникова Е. А., *Иркутск*

Роль общественного опыта как критерия социальной истины в духовной жизни россиян

Выделена роль общественного опыта как основы сохранения духовного и культурного богатства социума. Выявлены факторы, влияющие на духовную жизнь россиян, в связи с чем актуализировался вопрос о поиске социальной истины. Акцентировано внимание на глубоких изменениях, происходящих в культурной и духовной жизни России.

Ключевые слова: общественный опыт, историческая память, духовная жизнь, социальная истина, россияне.

Bogoradnikova E. A., *Irkutsk*

The role of Social Experience as a Criterion of Social Truth in the Spiritual Life of Russians

This article highlights the role of social experience as the basis for preserving the spiritual and cultural wealth of society. The article reveals the factors that influence the spiritual life of Russians, which is why the question of searching for social truth has become relevant. The author focuses on the profound changes taking place in the cultural and spiritual life of Russia.

Keywords: social experience, historical memory, spiritual life, social truth, Russians.

Важную роль в жизни каждого человека играет его память. Она помогает людям сохранить и закрепить прошлый приобретенный опыт, не утратить ориентацию среди общества, не разрушить накопленные социальные связи человека. Что же такое историческая память? Это понятие, которое заключается в сохранении и реализации общественного опыта. Таким может быть опыт страны, истории своего рода, накопленный отдельной семьей, жителями города, села, одной нацией, государством или даже всем миром.

Историческая память является основой сохранения духовного и культурного богатства общества. В настоящее время проблема, связанная с сохранением исторической памяти особо актуальна. Без знания истории развития своего народа, нации, люди не способны определить, что будет благоприятно и полезно для общества в будущем и это может привести к необратимым событиям с плохими последствиями [3]. Это может привести к искажению социальной истины.

Духовная жизнь России сейчас зависит от формирования новых социальных структур в обществе, от взаимоотношений с миром, от экономики государства. Все эти факторы существенно влияют на культуру нашего общества. Многие люди, занимающиеся сейчас искусством, ожидают от своих творений какую-то коммер-

ческую выгоду. Поэтому настоящее искусство еще больше отдаляется от массы людей.

Многие люди говорят об отсутствии духовности у современного молодого поколения россиян, внедряются стереотипы западной культуры, происходит американизация общества [2]. В определенной степени, полагаем, что это является нормальным явлением, так как в процессе глобализации, открытом доступе к современному миру и тесными взаимоотношениями между странами и народами у людей формируется новая культура. Но с другой стороны, молодежь перестает ценить историческую память, ей не интересны корни своей родовой, история своего народа, произведения, созданные своими соотечественниками. В этой связи актуализировался вопрос о поиске социальной истины.

Из-за экономических проблем государство ослабило финансирование в сферу культуры, что привело к изменениям в сфере культурной жизни. Больше всего пострадала духовная жизнь сел и поселков, для местных бюджетов оказалось невозможным содержать дворцы и дома культуры, местные музеи, кинотеатры, выездные спектакли [4; 5]. Поэтому особенностью развития духовной жизни россиян является большой культурный разрыв между столицей, крупными городами и поселковой, сельской местностью. В городах дети, школьники, студенты посещают музеи, театры, концерты, различные исторические достопримечательности в рамках школьной программы и по собственному желанию, что помогает воспитать в них какое-то духовное начало и чувство патриотизма. А те, кто живут в сельской местности, у них нет такой возможности и поэтому у них сложно сформировать такую ценность, как историческая память, они не знают даже историю села/поселка, в котором они родились и живут. Основным источником получения для них культурных благ является телевидение и интернет, которые во многом искажают историю российского общества [1].

Еще одной особенностью России является то, что она мультинациональная и мультиконфессиональная страна, т. е. присутствуют такие регионы, в которых до сих пор сохранен архаичский патриархальный порядок. Например, к ним можно отнести Кавказ, некоторые районы Сибири, Севера. Конечно, патриархальный порядок в современном обществе это шаг в прошлое, но с другой стороны дети, которые воспитываются в семьях с таким укладом семьи, знают историю своего народа, ценят традиции и культуру своего общества.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что духовная жизнь России за последние годы терпит глубокие изменения и в результате чего появляются новые проблемы. Это видится закономерным явлением для общества, находящегося в переходе с одного периода на другой, так как перемены не могут проходить без различных болезней. В силу этого, перед российским обществом возникают задачи, от решения которых зависит культурная, нравственная и духовная жизнь. Сегодня мы находимся на этапе постижения социальной истины XXI в. В этих условиях возрастает значение нового общественного опыта.

Список литературы

1. Бердникова А. Ю. Телевидение и Интернет как основные источники информирования россиян // Молодой ученый. 2019. № 4 (242). С. 142–143. URL: <https://moluch.ru/archive/242/55985/> (дата обращения: 17.10.2020).
2. Идерова И. В. Причины бездуховности части современной молодежи // Россия XXI века: проблемы, противоречия и перспективы обновления (60-летию Великой Победы посвящается) : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург : РГППУ, 2005. С. 186–187.
3. Шувалова М. Н. Историческая память как основа сохранения духовных и культурных традиций народа // Образовательная социальная сеть. URL: <https://nsportal.ru/kultura/sotsialno-kulturnaya-deyatelnost/library/2017/06/02/istoricheskaya-pamyat-kak-osnova> (дата обращения: 17.10.2020).
4. Ардашев Р. Г. Вера в сверхъестественное как показатель иррациональности общественного сознания // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. О. Б. Истомина. Иркутск, 2020. С. 243–247.
5. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.

УДК 316.135

ББК 60.42

Анохина А. А., *Иркутск*

Роль социальных фактов в проведении социологической экспертизы в условиях аномического общества

Статья посвящена обоснованию большого значения социальных фактов в проведении социологической экспертизы. Обозначаются преимущества применения методики социологической экспертизы и ее особенности. Дается трактовка понятию социального факта через призму аномических условий на примере распространения вируса COVID-19. Заостряется внимание на необходимости использования социальных фактов в деятельности социолога для достижения объективных результатов. Также социологическая экспертиза под негативным влиянием социальных фактов рассматривается как способ нивелирования проблемы ретризма индивидов в условиях внешних социальных угроз.

Ключевые слова: социология, социальный факт, социологическая экспертиза, anomia, пандемия, ретритизм, объективность, фактуальное знание.

Anokhina A. A., *Irkutsk*

The Role of Social Facts in the Conducting of Sociological Expertise in an Anomic Society

The article is devoted to the substantiation of the great importance of social facts in the conduct of sociological expertise. The author describes the advantages of using the methodology of sociological expertise and its features. The concept of social fact is interpreted through the prism of anomalous conditions on the example of the spread of the COVID-19 virus. Attention is focused on the need to use social facts in the work of a sociologist to achieve objective results. Also, sociological expertise under the negative influence of social facts is considered as a way to level the problem of individual retreat in the face of external social threats.

Keywords: sociology, social fact, sociological expertise, anomie, pandemic, retreat, objectivity, factual knowledge.

В настоящее время мы живем в мире, полном событий, вызывающих различного рода социальные потрясения. Стоит отметить, что в подобных условиях социология и ее методы являются наиболее актуальными и необходимыми для применения с целью нивелирования обострившихся социальных проблем, поиска «раздражающих» факторов, прогнозирования состояния общества в ближайшем будущем и устранения дисфункциональных компонентов социальной системы. Как отмечает профессор Иркутского государственного университета, доктор социологических наук Татьяна Ивановна Грабельных, социологическое понимание возникающих в социуме вопросов важно, так как оно помогает сформировать общественное мнение, которое, в свою очередь, направлено на решение тех или иных социальных проблем [1, с. 33]. Одним из методов разрешения вопросов с помощью использования специальных социологических знаний является социологическая экспертиза. Социологическая экспертиза играет ключевую роль в идентификации факторов, вызывающих социальную напряженность. Также она помогает обнаружить функции и дисфункции в социальных процессах и направлена на улучшение стабильности социальной системы в целом [3]. Значимость экспертиз в снижении остроты определенных проблем отметили кандидаты экономических наук, доценты Байкальского государственного университета, И. С. Карпикова и Е. И. Нефедьева [5, с. 103]. Ими было отмечено, что для достижения положительного эффекта в процессе решения проблем необходимо проводить экспертизы нормативно-правовых актов, начиная со стадии рассмотрения до принятия и использования на практике.

На данном этапе развития состояние нашего общества можно назвать аномическим, так как происходят глобальные социальные потрясения, напрямую оказывающие сильное воздействие на жизнь отдельных индивидов, в связи с чем последние попадают в состояние дезориентации, многие не могут должным образом адаптироваться к внешней социальной среде. Последствием данных явлений становится аномизация общественных отношений. Однако, по П. Бурдьё, социологическая экспертиза способна разрешить эту проблему, так как она направлена на формирование общественного мнения, тем самым способствуя ощущению индивидов себя важными для общества, способными оценивать происходящее вокруг, понимающими, что их мнение также важно. В подобном случае методы социологической экспертизы даже могут способствовать выходу человека из состояния ретритизма как одного из видов адаптаций к социально-значимым целям и общественно одобряемым ресурсам, по теории аномии Роберта Мертона, и возвращению обратно в реальность – в социальную структуру. Как считает Пьер Бурдьё, возможность определять позиции и оценивать что-либо добавляет индивиду ощущение престижа [2, с. 103]. Так, социологическая экспертиза выполняет две функции для социологического сообщества: собирает мнения о нем и в то же время представляет его обществу как престижных экспертов, культурно-символической силе. Соответственно, социологическая экспертиза является достаточно сильным ресурсом для регулирования социальных процессов.

Что касается фактов, как социальные, так и научные, они играют большую роль в формировании качества социальной среды, ведь для управления различными субъектами в любой сфере деятельности необходимо присутствие научной основы и опора на реально существующие научные и социальные факты, подразумевающие также системы проверяемости и доказательности. Такой фундамент среды непосредственно повышает ее качество в соответствии с методологией П. А. Сорокина о вертикальных и горизонтальных параметрах социальной реальности – ученый говорит о социальных явлениях в вертикальном измерении и о том, что эти явления могут возрастать в значимости на порядки выше [6, с. 301].

В современных условиях любой ученый для доказательства выдвинутой им гипотезы должен обязательно опираться на научную основу. Так и социологи в своей деятельности, в том числе при проведении социологических экспертиз, различного рода исследо-

ваний и изучении актуальных проблем, постоянно основываются именно на социальных фактах, для чего первоначально проводят их анализ, в чем определяется инструментальная функция социологии как науки, заключающаяся в разработке методов для познания социальной реальности.

В типологии фактуального знания особое значение имеет социальный факт. Данное понятие введено в обиход французским социологом, методологом теории социальных фактов, Эмилем Дюркгеймом. Под социальным фактом ученый понимал «всякий образ действий, устоявшийся или нет, но способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, но имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [4]. В качестве признаков социальных фактов Э. Дюркгейм выделял принудительное воздействие на людей, обязательно – коллективное воздействие, а также объективное существование по отношению к отдельным индивидам. В современном мире понятие социального факта существенно трансформировалось, и сейчас оно имеет много трактовок. Однако мы все же придерживаемся того представления о социальных фактах как о системе общественно значимых событий, характерных для особенностей существующей социальной системы. В современных условиях социальными фактами можно назвать взаимодействия людей, их взаимоотношения, поведенческие практики и т. д. На социальных фактах базируется объективная деятельность социологов как экспертов и строится их объективное понимание проблемы, так как в своих исследованиях профессиональный социолог должен действительно принимать во внимание все объективно существующие явления, т. е. именно социальные факты, и не может быть субъективен, что также прописано в Профессиональном кодексе социолога.

Таким образом, стоит подчеркнуть довольно значимую роль социальных фактов в проведении социологической экспертизы. В первую очередь именно социальные факты являются основой для любых видов деятельности социологов, так как ключевой характеристикой и того, и другого является объективность. В условиях социально-экономической нестабильности, аномии, угроз и рисков для общества, роль социальных фактов возрастает вместе с возрастающей значимостью социологической экспертизы, способной нивелировать проблему ретритизма индивидов в критической ситуа-

ции. В современных условиях проведение экспертизы является неосуществимым без взятия во внимание социальных фактов. Сейчас одним из существеннейших социальных фактов является распространение вируса COVID-19, которое оказывает мощнейшее коллективное воздействие на индивидов и существует объективно отдельно от них. Под влиянием такой глобальной проблемы с учетом постоянно добавляющихся в 2020 г. иных «раздражающих» факторов, проведение социологической экспертизы крайне необходимо, так как на данном негативном фоне люди испытывают множество проблем, начиная от индивидуальных социально-психологических и заканчивая коллективными, массовыми, свойственными всему обществу в целом. В призме данной проблемы социологическая экспертиза поможет обнаружить ключевые дисфункциональные компоненты, устранение которых даст людям возможность проще адаптироваться к существующим в данный момент особенностям социальной среды. К тому же, повторим, что само привлечение индивидов к изучению и поиску решения проблемы, увеличит ощущение их собственной значимости для окружающего мира. В фокусе современных условий нельзя не принимать во внимание социальные факты, которые становятся последствиями пандемии – экономический кризис, меры самоизоляции, влекущие за собой ряд других негативных последствий, и другие.

Список литературы

1. Грабельных Т. И. О важности социологического понимания вопросов безопасности в региональном социуме // Социология, философия, право в системе противодействия преступности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 29–34.
2. Бурдые П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. 333 с.
3. Волков Ю. Г. Социологическая диагностика и экспертиза: потенциал «социологии для общества» // Россия реформирующаяся. 2015. С. 38–50.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии / пер. с фр. А. Б. Гофмана // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 352 с.
5. Карпикова И. С., Нефедьева Е. И. Социальное иждивенчество и паразитизм в контексте противоправного поведения (по результатам качественного социологического исследования) // Социология, философия, право в системе противодействия преступности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2018. С. 97–103.
6. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл., пер. с англ. А. Ю. Соколова. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

УДК 364.07
ББК 65.272

Павлюк М. А., *Иркутск*

Независимая экспертиза в социальной сфере: внешние и внутренние факторы влияния

В статье рассматриваются вопросы, связанные с необходимостью проведения независимой экспертизы в социальной сфере. Приводятся основные цели и задачи независимой социальной экспертизы, а также описываются внешние и внутренние факторы, способные повлиять на ход проведения социальной экспертизы.

Ключевые слова: независимая экспертиза, эксперт, социальная сфера, социальная экспертиза, цели и задачи независимой социальной экспертизы, факторы влияния на независимую экспертизу.

Pavlyuk M. A., Irkutsk

Independent expertise in the social sphere: internal and external factors of influence

This article discusses issues related to the need for independent expertise in the social sphere. The main goals and objectives of independent social expertise are given, as well as external and internal factors that can influence the course of social expertise.

Keywords: independent expertise; expert; social sphere; social expertise; goals and objectives of independent social expertise; factors of influence on independent expertise.

Под независимой экспертизой мы понимаем объективное исследование, в основе которого применение квалифицированным экспертом научно-обоснованных методик. Независимая экспертиза проводится в различных сферах – экономической, политической, в сфере безопасности, а также в социальной сфере и др. Проведение экспертизы в социальной сфере является важнейшим компонентом, потому что она является необходимым управленческим элементом при решении многих социальных задач.

Говоря о проведении независимой экспертизы в социальной сфере, мы предполагаем необходимость проведения диагностики социального объекта, что подразумевает под собой установление достоверной информации о внешних и внутренних составляющих данного объекта. Далее происходит прогнозирование и проектирование последующих изменений исследуемого социального объекта, определение его влияния на другие социально-значимые объекты, а впоследствии экспертом дается ряд рекомендаций для принятия дальнейших управленческих решений, отвечающих целям и задачам, поставленным в начале исследования. Социальными объектами исследования, которые учувствуют в независимой экспертизе, становятся люди, социальные группы и общности, социальные институты и процессы, протекающие в них, также организации, соци-

альные идеи, концепции, нормативные акты, которые играют значительную роль в социальной сфере. Однако стоит отметить то, что нет конкретного перечня социальных объектов, потому что объективно социальная реальность многообразна, динамически развивается и не может сводиться к небольшому числу характеристик.

Одной из главных целей проведения независимой экспертизы является установление соответствия деятельности органов государственного управления, различных социальных институтов, социально-значимых организаций задачам проводимой социальной политики, а также соответствие интересам граждан, кроме этого в задачу эксперта входит и формирование базы предложений и рекомендаций по достижению этого соответствия и предотвращение конфликтных ситуаций. Основные задачи проведения экспертизы в социальной сфере направлены: во-первых, на аргументированное заключение о соответствии нормативных правовых актов и деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления и др. основным положениям социальной политики; во-вторых, на выявление фактов профессиональной деятельности государственных управленцев, которые могут иметь негативные социальные последствия для населения; в-третьих, это независимая оценка масштабов таких негативных последствий и предложение мер по устранению и недопущению в будущем такой ситуации; в-четвертых, это проведение независимой экспертизы на предмет оценки того, насколько выдвигаемые социальные проекты, программы, принятые нормативно-правовые акты, законы соответствуют законным, конституционным, личным интересам граждан страны, насколько они допустимы и целесообразны в данный период; в-пятых, независимая экспертиза может проводиться для того, чтобы собрать как можно больше информации и рекомендаций о том, как решить возникшую социальную проблему, как улучшить деятельность социально-значимых организаций и мн. др. Другими словами, потребность в проведении независимой социальной экспертизы возникает в тот момент, когда решение нормативного характера, к примеру принятие важного закона, может положительно или негативно сказаться на социальном самочувствии людей. К примеру, проведение экспертизы необходимо, когда у принимающего решения государственного органа возникли проблемы с определением масштабов влияния на жизнедеятельность людей; возникает вопрос о возможных последствиях после реализации решения для разных социальных групп и общностей, разных территорий, в

разных социокультурных пространствах; возникает ситуация, когда существует неоднозначность мнений о принятии социально-значимого проекта и др.

Возникает вопрос, какие факторы влияют на проведение независимой экспертизы в социальной сфере. Их условно делят на две группы – внешние и внутренние факторы. Стоит начать с определения внутренних факторов, и их в первую очередь связывают с внутренней профессиональной обстановкой организации, которая занимается проведением независимых экспертиз в социальной сфере. Здесь мы подразумеваем то, что на результат готовой экспертизы может влиять профессиональный опыт эксперта, то, насколько он компетентен в исследуемой области, какой у него стаж работы, какие ранее исследования проводил. Немало важную роль играет и тот факт, что эксперт должен беспристрастно выполнять свою работу, быть неподкупным, и не заинтересованным лицом в определенном (фальсифицированном) результате проводимой экспертизы [1, с. 5]. Среди внешних факторов влияния стоит сказать о том, что может происходить давление на эксперта из вне с целью фальсификации итогов проводимой экспертизы; деятельность экспертов может регулироваться различными установленными ранее нормами и правилами; нечетко поставленные цели и задачи заказчиков могут отрицательно сказаться на процедуре проведения экспертизы и ее результатах; некачественный подбор экспертов заказчиком или организатором и мн. др.

Таким образом, проведение независимой экспертизы в социальной сфере является инструментом, с помощью которого может быть решен социально-значимый вопрос, впоследствии которого будет улучшено социальное самочувствие граждан, снято социальное напряжение, предположительно, будет сокращена дистанция между государственной властью и населением – это незаменимый механизм по урегулированию социальных конфликтов, который также способен в определенной мере влиять и на сокращение роста социально опасных явлений. Однако важным условием является то, что необходимо тщательно подходить к процедуре выбора эксперта, обращая внимания на его опыт, качество и количество научных работ, на его образование и должность. В случае, если эксперт подобран верно, а также созданы все условия для проведения тщательной независимой экспертизы – результаты будут истинны и достоверны.

Список литературы

1. Теоретические основы управления. Ч. 2. Автоматизированные системы обработки информации и управления. Майкоп : Изд-во АГУ, 2010. С. 113.

УДК 331.54
ББК 65.9(2)240

Пружинин А. Н., *Иркутск*

Социальное моделирование развития человеческого капитала в виртуальном обществе

Рассматриваются условия социального моделирования, способные трансформировать человеческий капитал в цифровом мире. Выявляются необходимые условия и механизмы конструирования человеческого капитала в виртуальном сообществе. Обозначаются социальные риски человеческого капитала в информационном мире.

Ключевые слова: социальное моделирование, человеческий капитал, регион, развитие, варианты развития, социальные модели, виртуальность, цифровое пространство.

Pruzhinin A. N., *Irkutsk*

Social Modeling of Human Capital Development in a Virtual Society

The article examines the conditions of social modeling that can transform human capital in the digital world. The necessary conditions and mechanisms for the construction of human capital in the virtual community are identified. The social risks of human capital in the information world are considered.

Keywords: social modeling, human capital, region, development, development options, social models, virtuality, digital space.

Современное постпандемическое общество за короткое время претерпело столько качественных перемен, что сложно выделить этапы трансформации. Уместно говорить – о новом обществе – виртуальном обществе, строящемся на экономике виртуальных знаний. В поисках ответа на вопрос о повышении эффективности общественного хозяйства внимание ученых все больше концентрируется вокруг самого человека в виртуальном пространстве, который становится ключевым звеном в формировании новой экономики цифрового мира. Изменения в общественном сознании, вызванные пандемией, приводят к трансформации личности и социальных институтов, условий и механизмов социального взаимодействия [1–3].

Экономика всегда опиралась на человеческий фактор, однако лишь в настоящее время цифровизации и виртуализации жизни обрела возможность оперировать феноменом его капитализации. Научные исследования классиков мировой экономической мысли, развитие рыночного хозяйства позволили на рубеже 50–60-х гг. XX в. сформироваться теории человеческого капитала в самостоятельный раздел экономического анализа. В самый короткий срок

она заняла прочное место в структуре экономических исследований. Обращение к идее человеческого капитала и интенсивное развитие этого направления в западной экономической теории вызвано объективными причинами. Оно является попыткой учесть реальные народнохозяйственные сдвиги, порожденные научно-технической революцией и выразившиеся в том, что в современных условиях развития экономики накопление невещественных элементов богатства (научных достижений, роста уровня образования населения и т. д.) приобретает первостепенное значение для всего хода общественного воспроизводства [6].

Между тем расстановка приоритетов в исследовании человеческого капитала обуславливает различные подходы к определению этого понятия. Главное в том, на чем делается акцент: либо на отдаче от использования человеческого фактора, либо на факте обладания этим видом нематериального богатства [7].

Целесообразным, на наш взгляд, является объединение и расширение указанных подходов, позволяющих сформулировать агрегированное определение понятия человеческого капитала как меры сформированных в результате инвестиций и накопленных индивидом или группой индивидов качеств и способностей, которые при правильном использовании приводят к росту производительности труда и увеличению доходов. В виртуальном пространстве устраняются посредники, лишние социальные институты и позволяют человеческому капиталу конструироваться, усиливаться вокруг тех, кто осваивает виртуальное пространство более интенсивно и активно и уменьшать ресурсы у тех, кто туда не вхож.

Можно говорить о двойственности человеческого капитала. В широком смысле его можно рассматривать как социально-экономическую форму человеческого потенциала в масштабах страны. В узком смысле – это та его часть, которая используется для извлечения прибыли. Человеческий капитал, обладая признаками других форм капитала, имеет свои особенности, которые необходимо учитывать при разработке концепции его развития:

- 1) проявления человеческого капитала носят нематериальный характер (знания, умения, навыки);
- 2) человеческие ресурсы становятся капиталом в процессе их взаимодействия со средствами производства;
- 3) главное отличие человеческого капитала от вещественного состоит в том, что человеческий капитал воплощен в человеке и не

может передаваться в отрыве от него и без его на то воли, или передаваться в наследство, как деньги и материальные ценности, но может использоваться во внутрисемейном, внутрифирменном производстве человеческого капитала следующих поколений;

4) в отличие от сырьевых ресурсов, человеческий ресурс неисчерпаем;

5) виртуальное пространство преумножает ресурсы человеческого капитала в сотни раз.

Анализируя современные представления о структуре человеческого капитала, можно выделить его постоянную, применительно к конкретному человеку, составляющую – природные способности, которым соответствует рента на эти способности, и переменную составляющую – приобретенные знания, умения, навыки и опыт в той или иной сфере производственной деятельности.

Таким образом, структура человеческого капитала включает два элемента – компетенции и мотивации, идентификация и измерение которых позволит эффективно ими управлять. Социально-экономическое развитие характеризуется возрастающей ролью человеческого фактора. В экономике современного мира человеческие ресурсы играют определяющую роль в достижении конкурентных преимуществ и обеспечении качественных параметров экономического роста. Но цифровой мир преумножил данные условия в множество раз, так как предоставляет бесконечное количество возможностей для развития человеческого капитала в виртуальном пространстве.

Перспективы развития экономики в XXI в. связываются именно с человеческими ресурсами как носителями знания, накопленными в цифровом мире и способными трансформироваться под влиянием Big Data, социально ответственных личностей и компаний. Перспективы развития территорий в будущем лежат именно в освоении человеческого капитала через виртуальные ресурсы. В современных условиях возникает необходимость переоценки и корректировки существующих подходов к формированию человеческого капитала, а также своевременного решения новых проблем, возникающих в процессе экономических преобразований.

Решение практических вопросов невозможно без разработки научно-обоснованной концепции развития человеческого капитала в цифровом мире, в рамках которой важно, прежде всего, исследовать базу, глубинную основу его производства и воспроизводства в виртуальной среде. Такой объективной базой являются инвестиции

[3]. Затраты, связанные с человеческим капиталом, следует рассматривать уже не как расходы, а как инвестиции в человеческие способности как основной источник прибыли. Инвестирование в человеческий капитал (все виды затрат, которые носят целесообразный характер и определяют будущий доход человека) является двусторонним процессом.

С одной стороны, это процесс использования людьми приобретенных знаний, умений и навыков для производительных целей и социально-общественной деятельности. С другой стороны, это процесс расширения человеческих возможностей путем укрепления здоровья, приобретения знаний и совершенствования профессиональных навыков. В этой связи изучение, обобщение, обоснование и уточнение методологических подходов к проблемам инвестирования в человеческий капитал является не просто актуальным, а выдвигается в разряд первоочередных в структуре социально-экономических исследований. Россия располагает интеллектуальными ресурсами, необходимыми для развития новой экономики в масштабах, достаточных для достижения мировых показателей. Необходимо лишь механизм переориентации экономики с сырьевой на инновационную модель развития. Выделим совокупность приоритетных проблем развития человеческого капитала России.

Капитализация человеческого фактора и формирование общественного капитала напрямую зависят от способности индивидов и сообществ к освоению нового, восприятию и индукции инновационного. Виртуальное пространство – это все пространство инноваций, любая деятельность в нем влечет за собой потенциал человеческого развития. Прорыв в будущее страны в глобальной ситуации смены ведущего технологического уклада и формирования класса новых массовых идентичностей невозможен без смены ведущей антропологической модели [4]. Синтезирующей сферой формирования, накопления и воспроизводства человеческого капитала является сфера образования [5].

Для повышения качества развития человеческого капитала в виртуальном пространстве необходимо:

1. Активизировать в России процесс развития образования и дополнительных компетенций в формате пользования виртуальной средой.
2. Поддерживать и развивать инновационную деятельность в цифровом мире.
3. Ввести и широко использовать систему кредитования развития человеческого капитала организаций при активной поддержке со стороны государства.

4. Расширять просветительскую работу по использованию цифрового пространства для личного развития человеческого капитала.

Все вышесказанное диктует необходимость нового подхода к формированию и развитию человеческого капитала в виртуальной среде. Процесс управления человеческим капиталом невозможен без разработки и реализации эффективной социальной политики государства, без создания действенных инструментов его финансирования [6; 8].

Таким образом, человеческий капитал в виртуальной среде является важнейшим ресурсом развития новой цифровой экономики и имеет определяющее значение для обеспечения национальной конкурентоспособности. Разработка программы развития человеческого капитала в виртуальном пространстве как основного фактора инновационной цифровой экономики – требование сегодняшнего дня. Чем больше виртуальных, цифровых, инновационных, информационных, образовательных, интеллектуальных возможностей будет иметь каждый член общества, тем выше будет интеллектуальный ресурс государства, тем сильнее будут позиции экономики России в мире. Виртуальные ресурсы человеческого капитала на сегодняшний день имеют бесконечные перспективы развития и могут создавать новые условия для социального моделирования будущего.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
2. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
3. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : сб. науч. тр. : по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.
4. Громова Н. В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. № 1. Т. 2, С. 14–22.
5. Проблемы оценки и измерения человеческого капитала в образовании и науке : коллективная монография. М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. 240 с.
6. Пружинин А. Н. Новые методы статистической оценки человеческого капитала регионов Российской Федерации // Статистика в стратегическом развитии России : сб. науч. тр. Иркутск, 2020. С. 463–465.
7. Пружинин А. Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.
8. Пружинин А. Н., Вершинина Ю. В. Воспроизводство человеческого капитала как инструмент формирования социального неравенства // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 293–296.

УДК 373.167

ББК 78.362

Магомадова Х. А., Тайсумова Х. В., Грозный

Информационные технологии в процессе становления социальной истины

Исследуется роль информационных технологий в процессе становления социальной истины. Дается представление о периодах развития технологий в течение всего времени с момента появления. Проанализированы проблемы, возникающие в результате ограничения использования информационных технологий, а также выделена роль информационных технологий в процессе становления общества, как независимого социума.

Ключевые слова: информационные технологии, социальная истина, аппаратно-программный комплекс, автоматизация, социум.

Magomadova K. A., Taysumova K. V., Grozny

Information Technologies in the Process of Becoming Social Truth

This paper presents the role of information technology in the process of the formation of social truth. An idea is given about the periods of technology development throughout the entire time from the moment of its appearance. The problems arising as a result of limiting the use of information technologies are analyzed, and the role of information technologies in the process of the formation of society as an independent society is highlighted.

Keywords: information technology, social truth, hardware and software complex, automation, society.

На сегодняшний день одной из актуальных деятельностей является оснащение сферы производства товаров и услуг информационными технологиями. Информационные технологии прошли множество стадий развития и предложили себя более автоматизированным, точным, унифицированным, специализированным комплексом, направленным на выполнение поставленных задач. Данные средства помогли становлению социальной истины на каждом ее этапе.

Информационные технологии – комплекс аппаратных, аппаратно-программных средств, направленных на сбор, хранение, обработку и передачу данных в следующую инстанцию цепи передачи информации.

Еще с древних времен люди использовали различные технические сооружения для облегчения своей деятельности. В последующем происходила модернизация данных средств автоматизации производственной деятельности. Соответственно информационные технологии (ИТ) проходили следующие этапы развития:

– «Ручная» (до второй половины XIX в.). Средства информатики: перо, чернила, бумага, книги, почта, лошади, кареты;

– «Механическая» (с конца XIX в.): механическая пишущая машинка, арифмометр, телеграф, телефон, механические транспортные средства доставки почты;

– «Электрическая» (40–60-е гг. XX в.): электрическая пишущая машинка, арифмометр, ксерокс, первые большие ЭВМ;

– «Электронная» (с начала 70-х гг.): большие ЭВМ для автоматизированных систем управления предприятием, информационно-поисковых систем;

– «Компьютерная», или «Новая» (с середины 80-х гг.): персональный компьютер, общедоступные программные средства, локальные, корпоративные и глобальные компьютерные сети [1].

На каждом этапе развития информационные технологии оказывали важнейшую роль в процессе становления социальной истины. Если эмпирическим путем провести анализ воздействия информационных технологий на социальный слой среды вне зависимости от геополитического расположения, а именно лишить возможности пользования информационными технологиями, то мы сможем заметить, какое множество трудностей станет перед социумом. Перечислим данные трудности.

1. Информационная ограниченность – отсутствие актуальной информации, являющейся необходимым ресурсом на сегодняшний день.

2. Ограничение возможностей – отсутствие приспособлений повседневной деятельности: столовые принадлежности, канцелярские принадлежности и мн. др.

3. Большая трудовая нагрузка – повышение нагрузки как на физическое состояние организма человека, так и на его моральное состояние, проявляющееся усталостью организма.

4. Нарушенный режим – так как люди уделяют большое время информационным технологиям, они стали неотъемлемой частью их повседневной деятельности, и отдельная часть времени приходится на них. Соответственно, при ограничении информационных технологий у них появится лишнее время, на которое придется искать деятельность.

5. Нарушение коммуникаций – привычные способы связи будут ограничены, а связь на большом расстоянии станет и вовсе недоступной.

6. Заторможенность процессов – производственная деятельность и сфера услуг будут сильно заторможены в связи с тем, что автоматизация сведется к нулю и вся тяжесть ляжет на плечи людей.

На основании вышеперечисленных проблем становится возможным выделение информационных технологий как социальную потребность человека. Информационные технологии сыграли огромную роль в становлении социальной истины. Развитие данных технологий связано с потребностью человечества в автоматизации, цифровизации, разделения нагрузки и многих других аспектов. Информационные технологии являются аналогом физическому и умственному труду человечества, что в огромной мере облегчают ему жизнь.

Несмотря на все достоинства у информационных технологий есть и свои недостатки, которые возможно представить ниже:

1. Зависимость – информационные технологии вызывают зависимость у людей.

2. Амортизация – необходима относительно частая замена вышедших из строя конструкций и узлов.

3. Устаревание – необходимость постоянного обновления составных частей и логической части.

4. Функциональная ограниченность – информационные технологии подточены под определенные задачи и не могут выполнять нерегламентированные требования.

5. Зависимость от оператора – требуют либо постоянного, либо непосредственного обслуживания оператором.

6. Электроэнергия – постоянная трата электроэнергии и мн. др.

В заключении вышесказанного является возможным обобщить все «за» и «против» и вывести оценку информационным технологиям в области социальной истины.

Информационные технологии дают больше положительных моментов, чем отрицательных и их использование более необходимо, чем ограничение свободного доступа к ним, так как ограничение использования информационных технологий переведут общество на несколько стадий развития назад. Роль информационных технологий огромна во всех областях науки.

Список литературы

1. Исторические этапы развития информационных технологий. URL: <http://900igr.net/prezentacija/informatika/lektsii-po-distipline-informatsionnye-tehnologii-v-professionalnoj-dejatelnosti-173961/istoricheskie-etapy-razvitiya-informatsionnykh-tehnologij-19.html>

УДК 159.64
ББК 58.74

Зуева Е. А., Матвеева И. А., *Иркутск*

Социальные представления жителей города Иркутска о терроризме

Рассматриваются социальные представления иркутян о терроризме, их страхи по отношению к этому явлению, информированность о террористических актах в современном мире и их причинах. Представлены данные проведенного эмпирического исследования, свидетельствующие о том, что иркутяне в основном достаточно осведомлены о проблеме терроризма. Также рассмотрен сложный моральный вопрос о возможности и условий оправдания террориста.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, социальные представления, оправдание.

Zuieva E. A., Matveieva I. A., *Irkutsk*

Social Perception of Terrorism among Irkutsk City Residents

The article discusses the social perception of terrorism among Irkutskers, their fears, as well as awareness of terrorist acts and their causes in the contemporary world. The data presented indicate that people are generally sufficiently aware of the terrorism problem. Most of respondents are afraid of becoming a terrorist attack victim. Complex moral issues of the possibility of justifying a terrorist, as well as conditions of doing so are also considered.

Keywords: terrorism, terrorist act, social perception, justification.

Вопрос социальных представлений людей о терроризме в общем и его причинах в частности является достаточно актуальной темой. Терроризм, а также его последствия – опасная проблема, с которой сталкивается современный мир. Это явление в той или иной степени касается как развитых обществ, так и еще развивающихся государств. Терроризм влечет за собой огромные политические, экономические и моральные потери. Его жертвой может стать любая страна, любой человек.

Масштабность, интенсивность, а также бесчеловечность и жестокость превращают терроризм в одну из проблем глобальной значимости. Проявление терроризма влечет за собой массовые человеческие жертвы, разрушение духовных, материальных, культурных ценностей, которые невозможно воссоздать веками. Он порождает ненависть и недоверие между социальными и национальными группами. Вопросы изучения экстремистских настроений в молодежной среде Иркутской области представлены в работах Р. В. Иванова [5–8].

Для многих людей, групп и организаций терроризм стал способом решения проблем: политических, религиозных, национальных. Терроризм относится к тем видам преступного насилия, жертвами которого могут стать невинные люди, каждый, кто не имеет никакого отношения к конфликту. Масштабность и жестокость проявления современного терроризма, необходимость непрерывной борьбы с ним прежде всего правовыми методами, подтверждает актуальность выбранной темы. Рассмотрим отдельные статистические показатели террористической деятельности на территории Европейского союза и России (табл.).

Таблица

Статистика арестов за попытки совершения террористических актов в странах Европейского союза, 2019 г. [1]

Год	Количество арестов	
	Европейский союз	Россия
2013	535	370
2014	774	513
2015	1077	609
2016	1002	653
2017	1219	873
2018	1056	753
2019	1004	718
01–06.2020		362

Как видно из таблицы, уровень активности террористов начиная с 2014 г. существенно возрос. Согласно опубликованным Европолем данным, наиболее частыми целями атак становятся Великобритания, Италия, Франция, Германия и Бельгия [1].

В России ежемесячную статистику по всем преступлениям предоставляет Генеральная Прокуратура РФ [2]. Преступлениями террористического характера считаются деяния, закрепленные статьями 205–208 УК РФ [4]. В приведенной выше таблице видно увеличение числа преступлений террористического характера (+21,7%). Согласно данным Генеральной Прокуратуры РФ, большинство из них приходится на регионы Северо-Кавказского федерального округа (около 50%). Обозначенная тенденция обусловлена ростом случаев возбуждения уголовных дел по фактам организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем (с 231 до 322), организации деятельности террористической организации и участия в деятельности такой организации (с 269 до 350) [2].

Также невозможно не упомянуть Ближний Восток. Он является безусловным лидером по числу террористических актов и фактически мировым очагом терроризма. Наиболее горячие точки: Сирия, Ирак, Ливия, Пакистан, Афганистан.

Нами было проведено эмпирическое исследование в виде массового анкетирования на тему отношения к терроризму населения г. Иркутска. Анкетирование проходило в 2019 г. Всего было опрошено 350 чел. Выборка квотная, двухступенчатая (по полу и возрасту), доверительная вероятность составила 95 %, доверительный интервал ± 5 %. Погрешность выборки составила 2,2 %.

Целью исследования являлось выявление и описание отношения людей к терроризму, а также определение уровня информированности людей о террористических актах в современном мире и их причинах.

Задачи исследования:

- выяснить, что, по мнению людей, является терроризмом и существует ли эта проблема вообще;
- выяснить, какие, по мнению респондентов, причины могут толкать человека на то, чтобы стать террористом;
- выявить те социальные проблемы, которые могут способствовать развитию терроризма;
- выяснить, зависит ли отношение к террористу от его личности, возможно ли оправдать террориста, и если да, то при каких условиях.

В результате проведенного исследования были получены следующие данные.

Выборка распределилась следующим образом:

- по полу: 58,6 % – женщины, 41,4 % – мужчины;
- по возрасту: до 18 лет – 6,3 %, 18–24 лет – 69,7 %, 25–30 лет – 11,7 %, более 30 лет – 12,3 %.
- по роду деятельности: студенты – 65,4 %, школьники, работающие, безработные – 7,2 %.

1. Терроризмом, по мнению опрошенных, является (можно было выбрать несколько вариантов ответов):

- насильственный способ достижения собственных целей, включающий физическое и психологическое давление на общество – 251 чел. (71,7 % от общего числа ответивших);
- насилие, имеющее идеологическую основу – 176 чел. (50,2 %);

- политика, основанная на систематическом запугивании населения, устрашение общества – 162 чел. (46,2 %);
 - нарушение нравственности и угроза миру – 116 чел. (33,1 %);
 - демонстрация превосходства над мирным населением – 63 чел. (18 %);
 - способ ведения боевых действий – 60 чел. (17,1 %);
 - способ восстановить справедливость – 15 чел. (4,2 %);
2. На вопрос, существует ли в современном обществе проблема терроризма, были получены следующие ответы:
- да/скорее да – 327 чел. (93,5 %);
 - нет/скорее нет – 15 чел. (4,3 %);
 - затруднились ответить – 8 чел. (2,2 %);
3. На вопрос, опасен ли терроризм, были получены следующие ответы:
- да – 331 чел. (94,6 %);
 - нет – 19 чел. (5,4 %);

Приведенные выше результаты показывают, что основная масса людей считает, что терроризм – это насильственный способ достижения собственных целей, включающий физическое и психологическое давление на общество. Половина опрошенных считает, что терроризм – это насилие, имеющее идеологическую основу. Это объясняется тем, что многие террористические акты, широко освещаемые СМИ, связаны с радикальными исламскими группами.

4. По мнению опрошенных, террористическая угроза может исходить от (можно было выбрать несколько вариантов ответов):

- радикальных исламских группировок, находящихся за пределами России – 297 чел. (84,8 % от общего числа ответивших);
- радикальных исламских группировок, находящихся в нашей стране – 202 чел. (57,7 %);
- преступных, мафиозных группировок – 107 чел. (30,5 %);
- США, американских спецслужб – 92 чел. (26,2 %);
- русских националистических группировок – 8 чел. (2,3 %);
- никакой угрозы нет – 6 чел. (1,7 %);

5. Причинами, которые толкают человека на то, чтобы стать террористом, по мнению опрошенных, являются (можно было выбрать несколько вариантов ответов):

- религиозные убеждения – 95 чел. (27,1 %);

- стремление ощутить власть над людьми – 40 чел. (11,4 %);
- неверие в то, что проблему можно решить мирным путем – 39 чел. (11,1 %);
- желание отомстить – 26 чел. (7,4 %);
- достижение материального благополучия – 16 чел. (4,5 %);
- стремление обрести соратников, быть частью какой-то группы – 14 чел. (4 %);
- все причины одинаково распространены – 110 чел. (31,4 %).

Из приведенных результатов можно видеть, что большинство иркутян считает, что все причины играют свою роль в равной степени. Однако религиозные убеждения, по сравнению с остальными причинами, лидируют в этом списке. Это подтверждается результатами следующего вопроса.

6. На вопрос, какие социальные проблемы способствуют развитию терроризма, наиболее частыми ответами стали (можно было выбрать несколько вариантов ответов):

- отношения между людьми разных национальностей, религий – 211 чел. (60,3 % от общего числа ответивших);
- отсутствие равенства перед законом – 186 чел. (53,1 %);
- разгул преступности – 163 чел. (46,6 %).

7. На вопрос, смогли бы респонденты оправдать террориста, были получены следующие ответы:

- нет – 265 чел. (75,7 %);
- да – 47 чел. (13,4 %);
- затруднились ответить – 38 чел. (10,8 %);

8. На вопрос, зависит ли отношение респондента к террористу от личности террориста, были получены такие ответы:

- нет – 240 чел. (68,6 %);
- да – 61 чел. (17,4 %);
- затруднились ответить – 49 чел. (14 %).

Из результатов можно сделать вывод, что большинству людей не представляется возможным оправдать террориста и его действия. Это объясняется тем, что отношение к нему не зависит от его личности, а только от того, что он совершил. Более того, больше половины опрошенных – 229 чел. (65,4 %) считают, что террористами являются люди, осознанно идущие на преступление, а значит несущие полную ответственность.

Тех респондентов, которые положительно ответили на вопрос об оправдании террориста, мы попросили обозначить, при каких условиях они готовы это сделать, и получили следующие ответы (выделим некоторые из них):

- *«акт терроризма направлен не на мирных граждан, а именно на источник проблемы, другие люди не пострадали»;*
- *«если террориста заставили, шантажировали, "промывали мозги", морально на него давили, угрожали близким»;*
- *«если теракт был направлен против военных, полиции, чиновников»;*
- *«если сочту его мотивы справедливыми, буду согласна с его позицией, важна честность целей»;*
- *«терроризм как метод борьбы в историческом контексте»;*
- *«если его действия были направлены на уничтожение и запугивание этнических групп, которые я ненавижу».*

Результаты проведенного исследования показывают, что иркутяне осознают наличие данной проблемы в современном обществе (93,5 %) и ее опасность (94,6 %). По мнению большинства опрошенных, террористическая угроза исходит от радикальных исламских группировок, находящихся за пределами России (84,8 %) и внутри (57,7 %). Среди причин чаще выделяют религиозные убеждения и борьбу этнических групп. Основная масса опрошенных не могут оправдать террориста (75,7 %). Некоторые из опрошенных все же могут оправдать терроризм при определенных условиях (13,4 %). Такими условиями являются: совпадение точек зрения, отсутствие смертей невинных граждан, принуждение, угроза нанесения вреда близким террориста.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у большинства иркутян понятие «терроризм» вызывает отрицательные эмоции и переживания. В первую очередь терроризм у них ассоциируется со страхом, смертью. Люди боятся стать жертвой теракта, но еще больше боятся за своих близких. Согласно статистике, в последнее время прослеживается тенденция к росту объемов террористической деятельности. Однако вероятность погибнуть в результате теракта гораздо меньше, чем от сердечно-сосудистых заболеваний, рака или в результате ДТП.

Список литературы

1. EU Terrorism Situation & Trend Report. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020>.

2. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России / Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.
3. Матери ИГИЛ. URL: <https://www.matrony.ru/materi-igil/>.
4. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019).
5. Иванов Р. В. Эмпирический анализ экстремистских настроений молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 232–242.
6. Иванов Р. В. Особенности противодействия экстремизму в молодежной среде // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. 2020. С. 434–445.
7. Иванов Р. В. Условия противодействия экстремизму в молодежной среде: результаты регионального исследования // Социология. 2020. № 1. С. 301–311.
8. Иванов Р. В. Экстремистские настроения молодежи: мифы и реальности провинциального региона // Социология. 2019. № 1. С. 130–135.

УДК 304.2
ББК С54/С95

Богомолова М. И., *Иркутск*

Адаптация пожилых людей в цифровом обществе

Рассматривается проблема адаптации пожилых людей в цифровом обществе. Представлены результаты исследования влияния информационных технологий на образ жизни пожилых людей в цифровом обществе. В результате исследования были выявлены виды устройств, которыми пользуются пожилые люди, а также описано, какими знаниями они должны обладать, чтобы стать уверенными пользователями. Также подчеркивается, что пожилые люди ощущают недостаток познаний в сфере применения электронных технологий и считают неоспоримое лидерство в данной области за молодыми поколениями. При этом результаты исследования указывают, на то, что большинство пожилых людей интенсивно увеличивают свою цифровую грамотность и применяют ее в качестве адаптационного ресурса в условиях коммуникационного общества.

Ключевые слова: цифровое неравенство, информационное общество, использование интернета, пожилые люди, межпоколенческая связь пожилого и молодого поколения.

Bogomolova M. I., *Irkutsk*

Adaptation of the Elderly in the Digital Society

The article deals with the problem of adaptation of older people in a digital society. The results of research on the impact of information technologies on the lifestyle of older people in a digital society are presented. The study identified the types of devices that older people use, and also described what knowledge they need to have in order to become confident users. It is also emphasized that older people feel a lack of knowledge in the field of electronic technologies and consider the undisputed leadership in this area for the younger generations. At the same time, the results of the study indicate that the majority of older people intensively increase their digital literacy and use it as an adaptive resource in a communication society.

Keywords: digital inequality, information society, Internet use, elderly people, intergenerational connection between the elderly and young generation.

На сегодняшний день современное информационное общество предъявляет определенные требования к навыкам человека как в профессиональном плане, так и в повседневной жизни. С каждым годом информационные технологии все более активно внедряются во все области человеческой жизнедеятельности. Непрерывно увеличивается процент людей, которые с помощью Интернета делают покупки, следят за новостями, обмениваются почтовыми и голосовыми сообщениями, пользуются электронными библиотеками, госуслугами, участвуют в онлайн конференциях, занимаются самообразованием и т. п. [1].

Цифровой мир – это мир, ориентированный на потребителя. Цель автора – понять, какими средствами, за счет чего происходит социальное позиционирование, обретение места в цифровом мире старшим поколением.

С развитием цифровых технологий, все большее число людей признает необходимость владения цифровыми компетенциями. С появлением в обыденной человеческой деятельности новых цифровых средств связи (смартфоны, компьютеры, интернет) изменились возможности взаимодействия и общения между людьми, включая отношения между поколениями.

Важно отметить, что ввиду неблагоприятной эпидемиологической обстановки, дистанционное обучение помогает человеку пенсионного возраста полноценно заполнить свой досуг и самостоятельно организовать свое свободное время, что в свою очередь является фактором повышения благополучия людей пожилого возраста.

Не исключено, что некоторые люди пожилого возраста, негативно относятся к более современным гаджетам, и до сих пор при наличии телефона в руках пишут своим знакомым, близким письма от руки на листе бумаги и пересылают их с помощью почты. Некоторые из них платят за коммунальные услуги на почте или в банке только наличным расчетом и получают пенсию на сберегательную книжку.

Однако сейчас пожилые люди все больше приобщаются к информационным технологиям, так в результате исследования, было выявлено, что кнопочные телефоны пользуются большой популярностью среди пожилого поколения (68 %), но у большинства из них уже есть современные смартфоны, с помощью чего можно обмениваться фотографиями, и еще много всего (рис. 1).

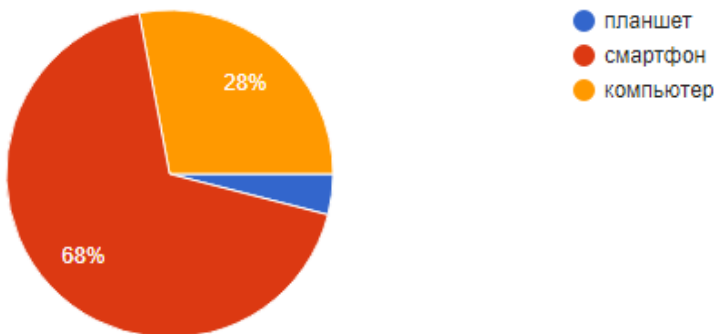

Рис. 1. Наличие цифровой техники

Также, интернет стал привычным атрибутом их быта. Они общаются в социальных сетях, где подключаются к интернету у себя дома (73,9%), также ищут ответы на волнующие вопросы, совершают видеозвонки, что особенно актуально в связи с пандемией (рис. 2).

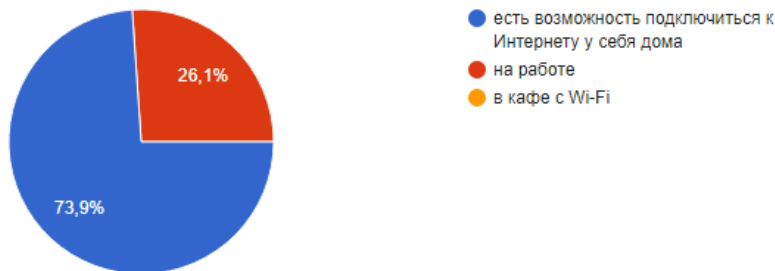

Рис. 2. Точка доступа в интернет

Опрос показал, что люди старшего поколения используют интернет и являются активными пользователями. Теперь большинству из них стали интересны социальные сети, кино, телешоу.

Более того, через обучение молодым поколением старшего современным информационным технологиям, происходит их сближение друг с другом. Если младшее поколение будет помогать в освоении мобильной и компьютерной техники, то, безусловно, они смогут научиться базовым навыкам управления компьютером. Также распространение транснациональных цифровых сетей связи, привело к увеличению способности глобального взаимодействия между людьми.

Таким образом, цифровая грамотность младшего поколения становится не только фактором разрыва между поколениями на внутрисемейном уровне, но и, напротив, выступает в роли ресурса взаимодействия, способствуя укреплению связей между младшим и старшим поколениями.

Приобщение к цифровому миру требует не только наличие цифровых устройств, необходимых для подключения к нему, но и определенных навыков по их использованию.

Существуют различные методы, подходы обучения пожилых людей использования цифровых устройств. Например, преподаватель Ю. Д. Маслова в своем проекте «повышения компьютерной грамотности людей старшего поколения «IT-пионеры» реализует цель, которая является в предоставлении возможности получить основы компьютерной грамотности, что позволило бы им, особенно, в период пандемии, не чувствовать себя одинокими, а общаться посредством социальных сетей со своими близкими, в том числе живущими в других городах [6].

Проект IT-пионер полностью адаптирован к работе в режиме онлайн. В качестве учителей, выступают студенты образовательных организаций, зачастую они же являются внуками «учеников», и, как следствие, проект позволяет обеспечить еще и укрепление внутрисемейных связей. Также, этот проект позволяет людям старшего поколения очень быстро адаптироваться в новых условиях, что особенно актуально во время пандемии [6].

Зарубежная система образования имеет богатый опыт в области обучения пожилых людей информационно-коммуникационным технологиям. Во многих западноевропейских странах он начал складываться с середины прошлого века. Наиболее заслуживающие внимания в этой категории являются исследования современных испанских геронтологов П. Эскудера, Р. Эстеллера и В. Кверола, рассказывающих о позитивном опыте использования информационных и коммуникационных технологий в процессе обучения пожилых людей в Университете пожилых граждан, действующем на базе Университета им. Хауме I в Кастеллоне [7]. На протяжении 10 лет пожилых студентов обучают навыкам пользования персональным компьютером и работы на нем в сети Интернет. Содержание курсов и учебные программы были разработаны с учетом особенностей адаптации и потребностей обучаемых, ввиду того, что использование традиционных подходов на практике оказались не вполне

подходящими для обучения людей старшего возраста, которую большую часть жизни прожили, находясь вдалеке от достижений современной цивилизации.

Основная задача этой зарубежной образовательной системы, по мнению П. Эскудера, Р. Эстеллера и В. Кверола, заключается в том, чтобы каждый человек, в том числе пожилой имел доступ к образованию, несмотря на свой возраст и функциональные ограничения. Для пожилых студентов, которые по каким-либо причинам не могут посещать занятия очно в Университете пожилых граждан, сотрудниками вуза был создан виртуальный онлайн-класс. Таким образом, университет пополнился 80-ю студентами, которые благодаря новым технологиям смогли «выйти» за пределы собственной квартиры и реализовывать свои потребности в познании, обучении и общении [7].

Отечественная система, также не отстает от зарубежной системы и предлагает свои методы обучения. Так, доктор педагогических наук, профессор Н. А. Ермак в своем труде приводит пример, обучение школьниками пожилых людей в Москве «Центр техногенных искусств и ремесел» компьютерной грамотности [4]. В своей работе, автор описывает процесс обучения, в котором бабушки и дедушки меняются ролями с внуками, выступая в роли незнающих учеников, а дети наоборот становятся мудрецами, наставниками, терпеливо объясняющими пенсионерам как правильно держать «мышку», т. е. базовые навыки пользования компьютером. Данный подход позволяет наладить пути для решения другой не менее актуальной проблемы – взаимопонимания разных поколений.

Таким образом, старшее поколение чаще выходит в сеть Интернет с компьютеров и ноутбуков, тогда как молодежь используют для этой цели мобильные устройства.

Можно сказать, что пожилые люди относятся скептически к новым современным устройствам, но если у них появляется желание и готовность, то на данный момент, цифровое поколение выполняет функцию проводника, учителя для старших поколений, не владеющих навыками работы с цифровыми ресурсами. Кроме того, цифровое поколение, осознавая сложность освоения информационных средств старшими поколениями, готово оказывать всяческую помощь и поддержку.

Можно отметить в целом, что активность пожилых людей в процессе освоения цифровых технологий достаточно высокая. Интернет предоставляет возможности общения с родственниками, живущими территориально далеко, кроме того активизируются межпоколенческое взаимодействие внутри семьи, что немаловажно для пожилых людей.

Список литературы

1. Авдеюк О. А. Освоение новых информационных технологий как способ адаптации людей пенсионного возраста в информационном обществе. URL: <https://moluch.ru/archive/67/11181/> (дата обращения: 24.10.2020).
2. Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-tsifrovogo-neravenstva-v-rossii/viewer> (дата обращения: 26.10.2020).
3. Гасумова С. Е. Адаптация пожилых людей в условиях информатизации: понятийный аппарат и анализ государственной политики России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-pozhilyh-lyudey-v-usloviyah-informatizatsii-ponyatiynyy-apparat-i-analiz-gosudarstvennoy-politiki-rossii/viewer> (дата доступа: 26.10.2020).
4. Ермак Н. А. Современные методы и технологии обучения пожилых людей в информационном образовательном пространстве. URL: https://studylib.ru/doc/599820/stat_yu--24.5-kb- (дата обращения: 26.10.2020).
5. Ермак Н. А. Педагогическая поддержка качества жизни пожилых людей // Известия ВГПУ. 2008. № 6. С. 31–35.
6. Маслова Ю. Д. Проекты повышения компьютерной грамотности людей старшего поколения «IT-пионеры». URL: <https://smarteka.com/contest/practice/proekt-povysenia-komputernoj-gramotnosti-ludej-starshego-pokolenia-it-pionery> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Эстеллер Р. Онлайн-виртуальное обучение у пожилых граждан, случай в университете пожилых граждан // Успехи геронтологии. 2007. № 3. С. 235.

УДК 316.34
ББК 60.5

Осипов Т. А., *Иркутск*

Стигматизация в контексте социальной стратификации: экспертное регулирование

Представлен анализ соотношения феноменов стигматизации и социальной стратификации. Объяснена их взаимосвязь, а также определены последствия влияния процессов стигматизации на социальную дифференциацию социума. Выдвинуто предположение о необходимости экспертного регулирования в данной сфере. Определены основные принципы такого регулирования.

Ключевые слова: стигма, стигматизация, социальная стратификация, экспертное знание.

Osipov T. A., *Irkutsk***Stigmatization in the Context of Social Stratification: Expert Regulation**

This article presents an analysis of the correlation between the phenomena of stigmatization and social stratification. Their interrelation is explained, and the consequences of the influence of stigmatization processes on the social differentiation of society are determined. It is suggested that there is a need for expert regulation in this area. The main principles of such regulation are defined.

Keywords: stigma, stigmatization, social stratification, expert knowledge.

Социальная стратификация является классическим для социологии концептом, так как позволяет проводить структурный анализ социума и рассматривать связанные с этим макропроцессы. Однако зачастую такой анализ искусственно ограничивается, оставаясь на уровне крупных структур, если совершаются отказы от попыток проследить последствия социальной дифференциации на другом уровне. К примеру, исследование деятельности конкретных индивидов может помочь понять причины формирования именно такой конфигурации стратификации или же наоборот, уловить влияние крупных структур на поведение отдельных людей и их окружения.

Одним из таких важных моментов, по нашему мнению, является существующая вследствие наличия четкой стратификации проблема социальной стигматизации. Стигматизация в общем виде представляет собой «наклеивание» на конкретного индивида такого ярлыка, который указывает на его постыдный статус. Важно отметить, что какой-либо статус может считаться постыдным, только если существуют определенные стандарты и нормы, при сравнении с которыми определенные качества индивида «проходят» отбор, а другие – нет. Это отмечал Ирвинг Гофман, утверждая, что процессу стигматизации предшествует процесс категоризации [3]. Существование в обществе определенных категорий людей предполагает и наличие ряда «нормальных» и естественных качеств для каждой из этих категорий. Таким образом, когда индивид относится к какой-то категории, формируются определенные нормативные ожидания и требования от него. Если какие-то его качества выпадают из списка «нормальных», то индивид уже не может считаться вполне нормальным и становится стигматизированным. В этом случае разным типам стратификациям могут соответствовать разные типы стигм (конфессиональная, расовая, экономическая и др.).

Проблемность данной ситуации заключается в том, что характер выделенного постыдного качества индивида зачастую определяется не самим качеством, а отношением к нему. Стигматизация в

контексте социальной стратификации во многом представляет собой процесс формирования определенного стереотипа, который в первую очередь направлен «против» более низких слоев, статус которых считается постыдным. Как утверждает Ирвинг Гофман, «нормальные» люди изначально полагают, что человек со стигмой – не вполне человек [3]. Это порождает различные виды и формы дискриминации, которые уменьшают (зачастую и без этого довольно низкие) жизненные шансы индивида. Социальная стратификация сформировала определенную систему стандартов и норм, на основе которой выносятся суждения и оценки о конкретных индивидах. Стигма же конструируется «нормальными» людьми для обоснования своих чувств к стигматизированным, последовательно объясняя их опасность и вред. Зачастую им дополнительно приписывается целый ряд недостатков, основанных на наличии какого-то одного качества. Такая рационализация угнетения определенных индивидов показывает, что система социальной стратификации в некотором смысле воспроизводит и поддерживает себя с помощью социальной стигматизации.

Справедливо будет отметить, что здесь можно выделить и положительный эффект такого рода. Высшие слои общества зачастую отмечаются положительными ярлыками, происходит своего рода идеализация [1]. Высшие страты считаются средоточием общепринятых ценностей, престижа и статуса. Это в свою очередь служит мотивационным моментом для продвижения «наверх». Если в этом случае такой ярлык одобряется самим «носителем» и является мотиватором для других слоев, то в случае низших слоев угнетается сам стигматизированный, а всем остальным внушается его неполноценность. Такая сконструированная социальная идентичность, как правило, не совпадает с «истинной» социальной идентичностью, что мешает реализации потенциала индивида. Закрепиться это может также и на уровне автостигматизации, когда сам индивид приписывает себе более низкий статус, чем имеет на самом деле.

Конечно, последствия стигматизации проявляются не только на уровне межличностных взаимодействий, но приобретают и более «массовое» звучание. На этом уровне можно проследить еще одну проблему стереотипизации. Отношение к носителям определенных постыдных качеств формируется на априорном уровне, т. е. уже не требует легитимации, которая возможна в ходе межличностного контакта. Формирование четкого мнения по поводу определенной

группы людей, своего рода обобщение, приводит к тому, что из их социальной идентичности, которая включает в себя как структурные, так и личностные качества, полностью вычеркивается личностная составляющая (или же изначально приписываются определенные личностные качества на основе существующего недостатка). В связи с этим появляется необходимость регулирования публичного пространства в этом аспекте.

По мнению Ирвинга Гофмана, процессы стигматизации зачастую даже не осознаются ее субъектами, но, тем не менее, не теряет своей силы [3]. Вкупе с тем, что стигматизация является сложным и многоаспектным социокультурным феноменом, который еще требует дополнительного теоретического рассмотрения, это позволяет нам сделать вывод о том, что в регуляции процессов стигматизации велика роль экспертного знания. По нашему мнению, экспертные знания такого рода следует отнести к «социальной» модели. Доктор социологических наук, Т. И. Грабельных определяет такую модель следующим образом: «Это модель нового научного знания, которое социально значимо и поэтому высоко востребовано. В этом случае цель поставлена, выделены целевые индикаторы, требования, нормы и критерии к экспертному знанию (проведению экспертизы и экспертной оценке результатов) четко определены» [2, с. 850].

По нашему мнению, в этом случае функцией экспертного знания в первую очередь будет регуляция социального дискурса в аспекте стигматизации определенных групп людей. Это позволит «смягчить» социальные ярлыки по отношению к этим группам, а также позволит экспертам публично представлять интересы стигматизированных, освещая некоторые особенности их жизнедеятельности. Важно отметить необходимость наличия сформированной экспертной культуры, так как в данном случае она имеет особо важную роль. Должны быть четко выделены критерии и нормы (в том числе, этические) на основе которых производится регулирование в данной сфере. Обусловлено это тем, что взаимодействие между «нормальными» и стигматизированными по своей природе является довольно «шатким», т. е. требующим определенной деликатности.

Выделение экспертного знания такого рода и появление специалистов в этой сфере, по нашему мнению, можно достигнуть путем более четкой дифференциации экспертного поля и выделение взаимодействия со стигматизированными как «зоны ответственности». При этом необ-

ходимо использовать различные каналы продвижения экспертного знания, СМИ, интернет-ресурсы, общественные палаты регионов.

Публичная представленность стигматизированных групп экспертным сообществом позволит реализовать модель «нормализации» их взаимодействия с остальным обществом. В аспекте социальной стратификации это позволит снизить давление на низшие слои, минимизировать их дискриминацию и повысить их жизненные шансы. Это в свою очередь будет дополнением к другим видам регуляции (например, экономическому) проблем социального неравенства.

Список литературы

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.
2. Грабельных Т. И. Продвижение экспертных знаний в общественном пространстве региона // Материалы XIX Национальной науч. конф. с междунар. участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». М. : РАН. ИНИОН, 2020. С. 850–851.
3. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. New York : Prentice Hall, 1963. 147 p.

УДК 342.73
ББК 67.400

Иванов Р. В., *Иркутск*

Защита прав человека в период пандемии

Рассматриваются особенности реализации защиты прав человека в условиях пандемии, а также основные сферы потенциального нарушения прав человека и возможные варианты выхода из сложных ситуаций.

Ключевые слова: защита прав, права человека, пандемия, развитие, рефлексия.

Ivanov R. V., Irkutsk

Protecting Human Rights during a Pandemic

The article examines the features of the implementation of human rights protection in a pandemic. The main areas of potential violation of human rights and possible ways out of difficult situations are considered.

Keywords: protection of rights, human rights, pandemic, development, reflection.

Пандемия новой коронавирусной инфекции проверила на стойкость не только экономические и политические системы страны, но и механизмы реализации и защиты основных прав и свобод человека. Несмотря на особую значимость вводимых в рамках борьбы с распространением COVID-19 мер, их влияние на основные права человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации и международных актах, зачастую было неоднозначным и спорным.

В работах Р. Г. Ардашева [1–3] показывается трансформация мышления и сознания людей в период пандемии, так же как и в ряде публикаций автора [4–7] прослеживается изменение социальных условий повседневной жизни россиян.

Существует три возможных варианта реагирования на возникшие эпидемиологические вызовы:

- введение на всей территории России или ее части режима чрезвычайного положения;
- введение в субъектах РФ режима повышенной готовности;
- введение дополнительных ограничительных и санитарно-противоэпидемических мероприятий.

Как показала практика, режим повышенной готовности был введен во всех 85 субъектах РФ, из них в 44 регионах такой режим был признан обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором). Избранная модель регулирования представляется адекватной возникшим угрозам, поскольку она обладает меньшим негативным воздействием на экономику, чем режим ЧС.

У значительной части юридического и правозащитного сообществ возникли сомнения в законности ряда ограничений конституционных прав и свобод граждан в период пандемии. Это связано не только с тем, что мероприятия, затрагивающие права и свободы человека и гражданина, должны вводиться федеральными законами, а не указами и постановлениями глав регионов, но и с проблемами расширительного толкования органами власти и полицией некоторых положений региональных актов, касающихся режима повышенной готовности. По большей части это касается ограничительных мер, действовавших в Москве. Хотя Минюст России, которому было поручено проанализировать практику применения принятых в целях борьбы с распространением инфекции НПА, пришел к выводу, что введенные ограничительные меры приняты в пределах компетенции соответствующих органов власти и безусловно отвечают конституционным целям охраны жизни и здоровья граждан.

В период пандемии работа в рамках цифровизации не только не остановилась, но и активизировалась – в частности, были применены технологии, обеспечивающие соблюдение режима карантина инфицированными коронавирусом гражданами (обязательные к установке мобильные приложения, контроль геолокации мобильных устройств, отслеживание перемещений граждан и автотранспорта при помощи городских камер видеонаблюдения) и обеспечи-

вающие соблюдение режима самоизоляции гражданами, не инфицированными COVID-19 (цифровые пропуска для личных нужд и передвижения автотранспорта, ограничение использования транспортных карт, регламентация прогулок). Степень риска нарушения конституционных прав при применении таких технологий СПЧ оценивает как высокую.

В числе проблем этой сферы выделены следующие:

- установление ограничений конституционных прав граждан нормативными актами органов госвласти субъектов РФ в нарушение ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, закрепляющей, что основные права граждан могут быть ограничены только федеральным законом;
- дополнительные трудности для лиц старшего поколения и других категорий граждан, вызванные необходимостью активного взаимодействия с интернет-ресурсами;
- недостаточный уровень защиты персональных данных (незащищенность каналов связи, использование иностранных серверов для хранения персональных данных и т. п.) и несоответствие ряда технологий законодательству об охране персональных данных (в части согласия на обработку данных, включая невозможность его отзыва);
- нестабильность работы мобильных приложений, повлекшая значительное количество ошибочно выписанных штрафов;
- несоразмерность ограничительных мер по сравнению с иными случаями ограничения свободы передвижения (например, при домашнем аресте прогулки возле дома разрешаются, а при режиме самоизоляции – нет);
- возможность дальнейшего использования цифровых профилей граждан по окончании пандемии.

«Для минимизации указанных рисков необходимо инициировать серьезную общественную дискуссию о допустимости вмешательства государства в частную жизнь граждан посредством формирования и использования их цифровых профилей. При этом недопустимо использование технологий цифрового контроля в целях воспитания и “улучшения морального облика россиян”» [3].

Период пандемии выявил существенные недочеты и в этой сфере. Так, государственные организации соцобслуживания для жертв домашнего насилия приостановили работу по предоставлению убежища жертвам домашнего насилия. При этом возникла экономическая зависимость жертв насилия, которая снизила их моти-

вацию обращаться в правоохранительные органы. Также, если в доэпидемический период не утратившая социальных связей жертва насилия могла самодистанцироваться от причинителя насилия, перебравшись к родственникам или друзьям, то в условиях самоизоляции такая возможность отсутствовала. Поэтому СПЧ призывает на случай «второй волны» продумать механизмы защиты жертв насилия – например, рассмотреть возможность предоставления им временного убежища в пустующем гостиничном фонде, выделив на это необходимые средства из бюджета.

Вынужденный перевод студентов вузов на дистанционное обучение породил ряд проблем как в части соблюдения прав преподавателей, выразившихся в увеличении продолжительности рабочего дня и возможном сокращении преподавательских ставок из-за изменения условий работы, так и прав студентов, многие из которых потеряли работу, а некоторые (например, студенты медицинских, инженерных и творческих специальностей) не могли нормально продолжать обучение, так как образовательный процесс включает важнейшие практические элементы. Проявились и проблемы содержательной части занятий – уклонение преподавателей от разъяснения материала, недостаточно ясные формулировки заданий, перегрузка серверов вузов, фактическая подмена онлайн-лекций пересылкой материалов для самостоятельного чтения студентами. В связи с этим СПЧ рекомендует Минобрнауки России:

- увеличить число бюджетных мест в вузах для студентов, обучавшихся на платной основе и потерявших работу в результате пандемии (или предоставить нуждающимся студентам отсрочку в оплате обучения сроком до года);
- организовать в начале следующего учебного года дополнительные сессии для студентов, которые по ряду причин не смогли встроиться в процесс дистанционного обучения;
- организовать в вузах горячие линии с руководством по вопросам обучения в период пандемии;
- поддерживать межвузовский обмен лекционными материалами для расширения кругозора студентов;
- разработать пакет мер поддержки студентов, включающий в себя выплату повышенной стипендии в период пандемии, субсидирование кредитных ставок на приобретение компьютерной техники, прямое субсидирование стоимости проживания в общежитиях и иные меры;

- рекомендовать вузам предоставить преподавателям, не имеющим полноценной возможности удаленной работы, право приезжать в вузы и работать на компьютерах работодателя (с компенсацией проезда к месту работы и обратно на такси, выдачей СИЗ и т. п.).

- СПЧ также инициирует рассмотрение Правительством РФ вопроса о распространении мер поддержки, предусмотренных для детей в возрасте от 3 до 16 лет, на подростков 16-18 лет.

Из-за пандемии была приостановлена плановая госпитализация больных с онкологией, возникли сложности с закупкой и распределением обезболивающих препаратов, незарегистрированных лекарств. Поэтому как можно скорее возобновить оказание онкологической и другой плановой медпомощи в прежних объемах, но и далее развивать службу надомного обслуживания онкобольных, в частности, по максимуму переводить услуги в электронный формат и активнее внедрять телемедицинские технологии.

Совет рекомендует Минздраву России оперативно возобновить оказание онкологической и другой плановой медицинской помощи в прежних объемах при соблюдении противоэпидемиологических мер. Необходимо проанализировать последствия мобилизации системы здравоохранения для борьбы с COVID-19.

Стоит дополнительно проработать вопрос распространения правил дистанционной продажи лекарств на рецептурные лекарства при условии установления специфических требований и усиленного контроля за их доставкой гражданам. Стоит рассмотреть перспективы ратификации в России Конвенции МОТ № 190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда», принятой 21 июня 2019 г., включая возможность имплементации ее положений в российское законодательство.

Мы находимся в самом разгаре кризиса в трудовой сфере, связанного с падением доходов российских граждан, ростом безработицы и т. д., и этот кризис будет развиваться еще долго. Проблемы в части соблюдения трудовых прав граждан проявились в отсутствии эффективных механизмов обжалования нарушений в области трудовых прав (медленном реагировании контролирующих органов на жалобы, отсутствии или неэффективности системы выездных и документальных проверок по обращениям работников), сокращении зарплат и численности работников из-за последствий экономического кризиса, обеспечении работников СИЗ за их счет. Кроме того, имели место нарушения трудовых прав педагогов – при принужде-

нии к разрыву отпуска в связи с переносом экзаменов и обязательным участием в ГИА, медработников – включая дефицит кадров в учреждениях здравоохранения, сложности с процедурой начисления дополнительных надбавок, трудовых мигрантов – трудности с возвращением на родину мигрантов и выдворением за пределы РФ лиц, нарушивших миграционное законодательство, а также существование ограничений в предоставлении им медпомощи.

Использование новых форм и методов участия в электоральных процедурах (дистанционное голосование, увеличение времени голосования, расширение мест голосования с выездом к избирателям, упрощение избирательных процедур для минимизации контактов) в целях обеспечения избирательных прав в период сохраняющихся ограничений только приветствуется. Но эти процедуры, по мнению членов Совета, не должны ставить под сомнение основополагающие принципы проведения демократических процедур (всеобщие, свободные, открытые, гласные, несфальсифицированные выборы при тайном голосовании и равенстве участников).

Стоит уточнить порядок: ведения предвыборной агитации в период приостановления избирательной кампании; исполнения обязательств по заключенным договорам, связанным с проведением избирательной кампании, в том числе с предвыборной агитацией, возможностью/невозможностью расторжения договора в связи с решением госоргана; использования средств избирательного фонда, связанных с выплатами по обязательствам, заключенным до приостановления избирательной кампании; исчисления нормативно закрепленных сроков осуществления избирательных действий, в том числе носящих пресекательный характер; осуществления мероприятий по выдвижению кандидатов, в том числе допустимость проведения заочных съездов, конференций, собраний и других мероприятий; действий при подаче избирателями заявлений (обращений) о голосовании по месту нахождения избирателя, голосовании вне помещения для голосования, получении открепительного удостоверения, досрочном голосовании.

Была минимизирована практика избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, в мае текущего года сократилось количество случаев избрания меры пресечения в виде ареста. Однако в целом ситуация в местах принудительного содержания показала, что там фактически отсутствуют условия для соблюдения социальной дистанции, нет полноценной возможности для участия подо-

зреваемых и обвиняемых в судебных заседаниях в режиме видеоконференц-связи, действуют ограничения в части приема посылок и передач, прогулок и т. п. Отмеченные проблемы требуют детального нормативного урегулирования на случай повторения эпидемиологической волны.

Бездомные являются группой риска по отношению к COVID-19, так как обладают ослабленным иммунитетом (в силу плохого питания и пораженности хроническими заболеваниями) и лишены возможности соблюдения элементарных гигиенических мер. Так, в учреждениях временного пребывания бездомных из-за нормативов площади на человека не могут быть выполнены условия по соблюдению социальной дистанции, а НКО, оказывающие помощь бездомным, в период пандемии ощутили проблемы как финансового (возросшие расходы на СИЗ), так и организационного (необходимость организации легального передвижения волонтеров) характера. Несмотря на отмеченную остроту проблемы, ни одного федерального нормативного правового акта, в котором упоминались бы бездомные, за период пандемии принято не было.

Существует перечень мер, необходимых для снижения распространения коронавирусной инфекции среди бездомных. В их числе:

- снижение числа новых бездомных путем приостановления практики выселения граждан в судебном порядке из единственного жилого помещения на период пандемии;
- усиление контроля за соблюдением санитарных норм в учреждениях временного пребывания для бездомных, рассмотрение вопроса об открытии дополнительных учреждений;
- организация сплошного тестирования бездомных, проживающих в социальных учреждениях, на COVID-19 или антитела к нему;
- оказание содействия благотворительным организациям, оказывающим помощь бездомным, в приобретении СИЗ, бесконтактных термометров и других необходимых устройств.

Очевидно, что пандемия не обходит стороной храмы, монастыри, воскресные школы и другие места, связанные с религией. Но запрет на посещение таких мест должен исходить от религиозных властей, а не от светских. Отмечается, что законодательство РФ гарантирует гражданам свободу вероисповедания, включая право каждого совместно с другими исповедовать любую религию, в том числе совершать богослужения и иные религиозные обряды. Такое право в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ может быть

ограничено в целях защиты здоровья граждан только федеральным законом и не может быть ограничено в условиях чрезвычайного положения. Поэтому СПЧ призывает государство и религиозные организации к содержательному диалогу по данному вопросу.

Проанализировав обращения граждан, которым были выписаны административные штрафы на основании данных мобильного приложения «Социальный мониторинг», необоснованно начислены штрафы по данным с камер видеофиксации из-за отмены ранее выписанного рабочего пропуска или допущенных ошибок при его оформлении, СПЧ пришел к выводу о целесообразности отмены таких штрафов. Во-первых, закрепленный в КоАП перечень административных правонарушений, которые могут быть зафиксированы посредством автономно работающих видеокамер, не включает случаи нарушения самоизоляции. Во-вторых, Валерий Фадеев считает, что если целью введения штрафов было снижение случаев нарушения самоизоляции, то их отмена уже никак на эту цель не повлияет. Поэтому он признает целесообразным отменить в досудебном порядке не только те штрафы, которые были начислены в результате сбоя приложения «Социальный мониторинг», но и все другие штрафы за нарушение самоизоляции, если эти случаи не повлекли негативных последствий (например, в результате самовольного покидания места жительства произошло заражение другого человека).

Существуют три группы способов поддержки бизнеса со стороны правительства: фискальный (снижение налоговой нагрузки, отсрочка налоговых платежей и перенос сроков сдачи отчетности), дерегулирование (снижение административной нагрузки на бизнес со стороны контрольно-надзорных органов), прямые денежные вливания (помощь с инвестициями, помощь в поддержании уровня зарплат, льготные кредиты и субсидии). По оценкам экспертов, из Фонда национального благосостояния, который на начало пандемии составлял около 12–14 трлн руб., на поддержку предпринимателей было использовано не более 2,5–3 трлн руб.

Также в документе проанализированы результаты опросов предпринимателей относительно мер господдержки в условиях пандемии и предложения бизнес-сообщества. В целом СПЧ подчеркнул, что в России по сравнению с другими крупными странами коммуникация между бизнесом и властью по антикризисным вопросам была выстроена более масштабно и оперативно.

Даже если будет вторая волна пандемии, введения мер по приостановке экономической деятельности больше не потребуется, так как изначально закрытие предприятий преследовало цель дать время системе здравоохранения подготовиться к принятию массового числа заболевших. Коечный фонд уже расширен, произведены и закуплены аппараты ИВЛ, поэтому экономика сможет продолжать работать вне зависимости от пандемии.

Снижение финансирования НКО за счет уменьшения на 50–70 % объема пожертвований от физических и юридических лиц и доходов от собственной деятельности, а также отсутствие мер государственной поддержки на начальном этапе пандемии привело к существенному сокращению (более, чем в 10 раз) числа благополучателей НКО. Многие НКО были вынуждены серьезно сократить штат сотрудников, был приостановлен и ряд видов деятельности НКО в сфере реабилитации, прерывать которую нежелательно.

В решении указанных проблем может помочь предоставление НКО: прямой финансовой поддержки для пополнения фонда оплаты труда, организации дистанционной работы и оплаты аренды помещений либо освобождение от арендной платы в случае аренды государственного и муниципального имущества; отсрочки по оплате коммунальных платежей; отсрочки по налогам и сборам; прямой материальной помощи благополучателям в виде продуктов, лекарств и т. п. Также они призывают запустить «горячие линии», по которым будет проводиться консультирование НКО по юридическим вопросам, а также будут оперативно решаться проблемы благополучателей. Ранее Совет выступал с идеей на период пандемии приравнять НКО к субъектам малого и среднего предпринимательства в части мер господдержки. Например, закрепление такой нормы, при которой социальное предприятие, МСБ (коммерческие организации, осуществляющие профильную деятельность), получая поддержку, автоматически распространяют эти меры на НКО.

Таким образом, уроки периода изоляции поставили как оперативные, так и системные задачи повышения защищенности отдельных категорий граждан. Как показала практика, проблемы соблюдения прав человека в период пандемии не снимаются, что, в свою очередь, требует повышения роли правозащитных институтов, как государственных, так и негосударственных, включения их в составы оперативных штабов. И здесь члены СПЧ считают крайне важным продолжить проводить детальный анализ работы всех государ-

ственных механизмов в условиях пандемии с тем, чтобы оценить их влияние на основные права человека.

Результаты такой работы могут пригодиться в принятии более скоординированных и эффективных решений на случай повторного всплеска заболеваемости коронавирусом в России. Члены Совета готовы к тесному взаимодействию с федеральными и региональными органами власти в части реализации сформированных в докладе рекомендаций.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
2. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
3. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : сб. науч. тр. по материалам II междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.
4. Иванов Р. В. Пространства для социальной реализации современников // Социология. 2019. № 2. С. 34–37.
5. Иванов Р. В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. ИГУ. 2017. С. 114–117.
6. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239–245.
7. Иванов Р. В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 166–172.

Межпоколенческие и семейные связи: вопросы истины и истинности

УДК 314.172:33
ББК 60.7

Лещенко Я. А., *Ангарск*

Развитие демографического потенциала Сибири и Дальнего Востока: проблемы целеполагания и управления¹

В статье освещены современное состояние и перспективы формирования демографического потенциала России и ее восточных макрорегионов – Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Обрисованы негативные последствия демографической деградации. Охарактеризована современная ситуация в сфере экономического развития страны. Обоснована первостепенная значимость эффективности социально-экономической системы и аппарата управления для успешного решения демографических проблем.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, демографический потенциал, прогнозы, социально-экономическая система, факторы упадка и развития.

Leshchenko Ya. A., *Angarsk*

Development of the Demographic Potential of Siberia and the Far East: Problems of Goal setting and Management

The article highlights the current state and prospects for the formation of the demographic potential of Russia and its eastern macro-regions – the Siberian and Far Eastern federal districts. The negative consequences of demographic degradation are outlined. The current situation in the field of economic development of the country is characterized. The paramount importance of the effectiveness of the socio-economic system and management apparatus for the successful solution of demographic problems has been substantiated.

Keywords: Siberia, the Far East, demographic potential, forecasts, socio-economic system, factors of decline and development.

Наблюдаемое в последние три десятилетия сокращение численности россиян крайне неблагоприятно по любым соображениям. Налицо явное несоответствие между населением России, протяжен-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00781.

ностью ее границ, огромными размерами территории, нуждающейся в освоении. Большие масштабы убыли населения обусловлены как устойчивыми изменениями в массовом репродуктивном поведении населения (главным образом), так и высоким уровнем смертности, особенно лиц трудоспособного возраста. Демографические проблемы наиболее остро проявляются в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Каковы же перспективы развития демографического потенциала России и ее восточных регионов в обозримом будущем, и какие факторы препятствуют успешному решению этой сложнейшей проблемы?

Прогнозы демографического развития России на ближайшее будущее

Практически все демографические прогнозы для России показывают весьма неблагоприятные перспективы.

По численности населения

В конце 2019 г. Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 г. [8]. По *высокому (оптимистическому) варианту прогноза* общая численность населения в начале 2020 г. составит 146,8 млн человек и к началу 2036 г. увеличится до 150,1 млн человек. Вероятность реализации данного прогноза нам представляется низкой.

Средний вариант прогноза предполагает, что общая численность населения составит в начале 2020 г. 146,7 млн человек и снизится к началу 2036 г. до 143,0 млн человек. Вероятность реализации данного прогноза нам также представляется низкой.

В *низком (пессимистичном) варианте прогноза* общая численность населения снизится со 146,706 млн человек в начале 2020 г. до 134,277 млн человек к началу 2036 г. Вероятность реализации данного прогноза нам представляется высокой, поскольку он рассчитан при условии, что рождаемость будет падать, темпы роста ожидаемой продолжительности жизни замедлятся, а миграционный приток будет уменьшаться. Такую оценку мы делаем на основании современного и прогнозируемого состояния российской социально-экономической системы (об этом будет сказано ниже), а также возникших в 2020 г. новых угроз и тенденций общественного развития, обусловленных развернувшейся пандемией COVID-19.

Рассмотрим изменения в численности населения, произошедшие в федеральных округах России в период с 1990 г. по 2017 г.

(исключены из рассмотрения Южный и Северо-Кавказский округа из-за структурных изменений, произошедших в 2010 г.). За 28 лет в Центральном федеральном округе население увеличилось на 1 млн 174 тыс. человек (прирост +3,08 %). В остальных округах население сократилось: Северо-Западном ФО – на 1,385 тыс. человек (убыль – 9,05 %), в Приволжском ФО – на 2 млн 210 тыс. человек (убыль – 6,95 %), в Уральском ФО – на 385 тыс. человек (убыль – 3,02 %), в Сибирском ФО – на 1 млн 817 тыс. человек (убыль – 8,6 %), в Дальневосточном ФО – на 1 млн 880 тыс. человек (убыль – 23,3 %). Следовательно, наибольшая убыль населения наблюдалась в Северо-Западном, Сибирском и, особенно, Дальневосточном федеральных округах. Следует отметить, что в Северо-Западном ФО с более старым населением сокращение населения произошло, главным образом, за счет естественной убыли (смертности), а в Сибирском ФО с более молодым населением – преимущественно за счет механической убыли (миграционного оттока), особенно во второй половине периода. В последнем случае характер убыли следует расценивать как более неблагоприятный (для макрорегиона), поскольку демографические потери формируются, главным образом, за счет миграционного оттока контингентов молодого трудоспособного возраста. Это обстоятельство указывает на ухудшение перспектив формирования репродуктивного и трудового потенциалов.

В сфере естественного воспроизводства населения

По всем прогнозам ожидается нарастание естественной убыли населения. Население России в 2020-е гг. не будет расти естественным путем (т. е. за счет превышения рождаемости над смертностью). По худшим сценариям, естественная убыль сохранится и в 2030-е гг. Если число детей на женщину (СКР) составит 1,6 – а именно такое количество детей имеет поколение российских женщин, которое по состоянию на 2019 г. выходит из детородного возраста – то это может привести к 20 % сокращению населения [4].

В сфере миграции

Снижение положительного сальдо миграции или переход его в отрицательную зону может усилить сокращение населения России. Существует значительная вероятность превращения положительного сальдо миграции в отрицательное сальдо миграции в ближайшие годы, что усилит сокращение населения России в дополнение к естественной убыли населения [2].

Вследствие низких темпов роста экономики и доходов населения в России миграционная привлекательность страны не увеличивается с экономической точки зрения, а уменьшается. Россия имеет сильные ограничения на привлечение мигрантов из стран дальнего зарубежья и в связи с резким различием в климате.

Убыль населения будет накладывать существенные ограничения на дальнейший рост экономики и потенциально создаст угрозу безопасности в долгосрочной перспективе. Кроме того, уже в среднесрочной и даже краткосрочной (3–5 лет) перспективе сильное и постоянно увеличивающееся сокращение населения может негативно повлиять на общий психологический климат в стране [2].

Все вышесказанное свидетельствует об одном: в стране продолжается процесс *демографической деградации*.

Общие последствия демографической деградации

Повышение нагрузки на трудоспособных лиц и неминуемое повышение пенсионного возраста, связанное с ростом числа стариков.

Ослабление научно-технического потенциала страны (особенно восточных регионов) из-за сокращения числа молодых людей, так как молодежь имеет естественные преимущества в освоении новых технологий и новых областей деятельности, в разработке новых идей и совершении открытий.

Рост социальной напряженности из-за привлечения все большего числа мигрантов с целью решения экономических проблем.

Ускорится старение населения. Мигрируют прежде всего молодые люди и кроме того их дети рождаются уже за рубежом; в результате будет ускоренно увеличиваться средний возраст населения в России.

Увеличение нагрузки на пенсионную систему и людей трудоспособного возраста.

Вымирание деревень, вымирание отстающих регионов. Вымирают в первую очередь самые малонаселенные деревни. Огромные территории пополняются большим числом заброшенных деревень и пустующих территорий.

Последствия демографической деградации в Сибири и на Дальнем Востоке

Кроме вышеперечисленного макрорегионам грозят еще такие последствия:

Обезлюдение и длительное экономическое отставание восточных регионов (из-за внутренней миграции в другие экономиче-

ски успешные города и регионы из менее успешных). При крайне низкой плотности населения в Сибири и на Дальнем Востоке будет сложно поддерживать инфраструктуру.

Рост регионального неравенства, сокращение населения в экономически отсталых регионах. Регионы с сильной экономикой, где создаются новые хорошо оплачиваемые рабочие места, будут сохранять и увеличивать свое население, привлекая мигрантов, а отстающие в экономическом отношении регионы будут терять свое население. Некоторые регионы Сибири и Дальнего Востока с большой вероятностью потеряют значительную часть своего населения, которое сократится из-за естественной убыли и миграции в более благополучные регионы.

Закрепление экономического отставания ряда регионов. Снижение плотности населения и недостаток квалифицированных специалистов усугубит экономическое отставание многих регионов Сибири и Дальнего Востока.

Происходящие в стране, особенно в ее азиатском регионе, в последние три десятилетия изменения в воспроизводстве населения свидетельствуют о выраженном снижении защищенности жизненно важных интересов общества, и, соответственно, снижении уровня национальной безопасности.

Мы полагаем (как и многие другие специалисты), что успешность решения демографических проблем зависит, главным образом, от эффективности действующей модели социально-политической и экономической системы, идеологии и парадигмы развития, и, конечно, от управленческих способностей правящей элиты.

Современная ситуация в сфере экономического развития

Вот как оценивал эффективность социально-экономической системы России во втором десятилетии XXI в. выдающийся экономист, статистик Василий Симчера: «Производительность труда и эффективности производства в России одни из самых низких в мире (в 10 раз ниже, чем в США, в 7,5 раза ниже, чем в ЕС и даже в два раза ниже, чем в Китае).

Сегодня в России – 130 тыс. убыточных или неработающих заводов и фабрик, 42 млн га пустующих земельных угодий, 12 млн безработных, 30 млн лиц без определенных занятий, 45 % неиспользуемых производственных мощностей.

Консолидированный годовой бюджет потерь России составляет 1,5 трлн долл. США и превышает весь годовой объем ВВП Рос-

сии. В стране теневая экономика составляет от 40 до 50 %. Более половины крупной российской собственности зарегистрировано в офшорах» [9].

Такого уровня коррупции, как сегодня, в России не было за всю ее историю. В 2019 г. в международном рейтинге уровня коррупции, который ежегодно составляет международная организация Transparency International, Россия занимала 137 место из 174 стран [8]. Консолидированный коррупционный бюджет России превышает 500 млрд долларов США или 40 % годового объема ВВП [9].

Умы и капиталы бегут из России. В 2016 г. Россию покинули 350 тыс. граждан. Чистый вывоз капитала частным сектором с 2008 по 2014 гг. составил 570 млрд долл. или 17,1 трлн руб. (если считать по курсу \$1 = 30,0 руб.). За три года (2015–2017) эта величина возросла еще на 100 млрд долларов [9].

Продолжается стагнация во многих отраслях российской промышленности, разрушенных в 1990–2000-е гг. Во многих стратегических отраслях доля импорта в потреблении превышает 80 процентов, что создает потенциальную угрозу как для национальной безопасности, так и конкурентоспособности российской экономики в целом. В станкостроении доля импорта – более 90 %, тяжелом машиностроении – до 80 %, легкой промышленности – до 90 %, радиоэлектронной промышленности – до 90 %, фармацевтической и медицинской промышленности – до 80 %) [9].

Сердцевина и база функционирования промышленности – станкостроение. Поэтому станкостроительная отрасль может служить индикатором состояния всего промышленного комплекса. В 80-х гг. СССР производил 220 тыс. станков ежегодно, причем треть советских станков была с числовым программным управлением (ЧПУ). В постсоветский период производство упало в 20 раз. Уничтожение станкостроения было не локальной проблемой, а носило системный характер. В 2015 г. российский станкостроитель отставал от германского или японского по производительности труда в 14 и более раз вовсе не потому, что у россиян руки неправильно растут. Это – показатель технического состояния отрасли. А она, в свою очередь, – результат уничтожения отраслевой науки. В СССР было 44 отраслевых НИИ, сегодня осталось только пять. К тому же, проводившиеся Счетной палатой и ФСБ проверки показали, что в отрасли процветают мошенничество и очковтирательство [11].

Профессор и крупный государственный деятель Булат Нигматулин отмечает вопиющее расслоение российского общества: «У нас количество долларовых миллиардеров по отношению к 100 млрд долл. ВВП в долларах ЦБ составляет 6,2, в Соединенных Штатах – 2,9, в среднем в мире – 2,5, в Китае – 2,8, а в Польше – 1,0. Миллиардеров по отношению к экономике страны в 2,5 раза больше, чем в среднем в мире. У нас сверхконцентрация сверхбогатых людей. При этом их капитал не работает на страну» [6].

По утверждению В. Симчеры нашу экономику разрушают *некомпетентность и безответственность кадров на всех уровнях и во всех отраслях* и, как следствие, *низкое качество и неэффективное использование инструментов управления экономикой* [9]. Такого же мнения придерживается Булат Нигматулин: «Никто ни за что не отвечает. Обеспечить экономический рост в 3,5–4 % – такую задачу поставил президент еще в 2012 г. Кто-то ответил за то, что ничего не произошло? Ничего же не произошло!.. Мы по привычке считаем, что мы большие... Но с точки зрения экономики мы маленькие. ВВП на душу населения в Турции сейчас такой же, как у нас. И у них растет население. Каждый год на миллион. Через 20 лет турок будет 100 миллионов. А у нас население сокращается, несмотря на все материнские капиталы и приток мигрантов» [6].

Темпы роста экономики и доходов населения в России ниже среднемировых, и перспективы их повышения до уровней выше среднемировых не просматриваются (и МВФ и власти в России предполагают, что темпы роста экономики в России будут устойчиво ниже среднемировых в обозримой перспективе [1]).

Из всего вышесказанного можно сделать только один бесспорный вывод: действующая в России модель политико-социально-экономической системы имеет очень низкую эффективность. Рассчитывать на успешное и ускоренное решение социально-экономических, демографических и других проблем в такой системе не приходится.

С начала 2000-х гг. российское руководство уделяет определенное внимание проблеме улучшения демографической ситуации, повышения уровня естественного воспроизводства населения. В частности, в 2006 г. был принят широко афишируемый закон о «материнском капитале». Однако многие демографы и эксперты выказывают критическое отношение к мерам верховной власти по поддержке семей, считая их малоэффективными.

Таково мнение российского демографа А. Г. Вишневого: «То, что приходится брать из бюджета средства на материнские капиталы, означает лишь, что средняя семья не получает нужные деньги через трудовые доходы. Вопрос в том, почему у нас вообще есть бедность и почему снижать ее можно только через материальную помощь, а не сделать так, чтобы люди жили нормально за счет того, что они зарабатывают. Все это свидетельствует о неэффективной экономике»... [5]

Известный публицист и предприниматель Татьяна Воеводина считает, что такие сложные проблемы, как демографическая, редко решаются в лоб. «Хочешь добиться изменения в какой-то сфере, часто надо воздействовать на совершенно другую сферу... Управленческий талант в том и состоит, чтобы найти ту сферу, на которую нужно воздействовать» [3]. По мнению Воеводиной (с которым мы согласны) «надо для начала хотя бы поставить задачу, чтобы нормально работающий отец имел возможность содержать семью с двумя-тремя детьми и неработающей женой. Муж должен работать напряженно... но при этом иметь такую зарплату, чтобы быть подлинным кормильцем и уважаемым главой семьи... Вековой опыт человечества гласит: где и когда женщины массовым порядком идут на работу вне дома, там и тогда рождаемость падает ниже уровня воспроизводства, а семья как институт – деградирует» [Там же].

Для того чтобы переломить неблагоприятные тенденции, прекратить отток граждан из Сибири и Дальнего Востока, осуществить постепенный возврат сначала к простому, а затем и к расширенному естественному воспроизводству населения, здесь недостаточно создавать *компенсационную модель экономики*. В рамках последней развитие восточных макрорегионов идет однобоко (несбалансированное развитие): государство нацелено исключительно на рост экономики, а люди рассматриваются лишь в качестве ее дополнения. При этом на жилье, социальное обеспечение, лечение, обучение, досуг населения из бюджета выделяются суммы, которые не компенсируют трудностей жизни на этих территориях. Коренные жители уезжают, потому что хотят иметь те же возможности, что в других регионах страны.

Нужные результаты могут быть получены лишь при переходе от компенсационной модели к *модели опережающего развития человеческого потенциала*, в которой на первый план должно выйти создание социально и демографически ориентированной экономи-

ки, должны осуществляться инвестиции в семьи, где зарождается и формируется человеческий (демографический) потенциал [12].

Однако *модель опережающего развития* невозможно воплотить в жизнь, если в стране по-прежнему будет господствовать идеология и практика либерального фундаментализма. России нужна другая – социально, экономически, географически и геополитически обоснованная идеология модернизации и возрождения (здесь примером может служить Китай). Лишь на ее основе сильное государство сможет преодолеть социально-демографический кризис, обеспечить устойчивое развитие Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Борьба за 3 %: насколько реалистичен экономический прогноз до 2036 г. URL: https://www.rbc.ru/economics/22/11/2018/5bf6da519a794778c851fed0?from=center_1 (дата обращения: 01.11.2020).
2. Будущее России. URL: https://ruxpert.ru/Будущее_России#. D0.94.D0.B5.D0.BC.D0.BE. D0.B3.D1.80.D0.B0.D1.84.D0 (дата обращения: 01.11.2020).
3. Воеводина Татьяна. Поддержка материнства? Нет, отцовства. URL: https://zavtra.ru/blogs/podderzhka_materinstva_net_otcovstva (дата обращения: 27.10.2020).
4. Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 252 с.
5. «Надежд на решение проблемы рождаемости в России нет». Демограф Анатолий Вишневский – о том, почему президентские меры не помогут «приумножить» российское население. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/01/16/83471-nadezhd-na-reshenie-problemy-rozhdaemosti-v-rossii-net> (дата обращения: 15.02.2020).
6. Профессор Нигматулин: о Мишустине, Мантурове, Голиковой, обвале рубля и росте смертности. Аргументы недели. 2020. № 41. С. 1, 8–9.
7. Россия и Кения поделили 137-е место в индексе восприятия коррупции. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2020/5e2912d69a794750adc67abc> (дата обращения: 01.11.2020).
8. Росстат представил уточненный демографический прогноз до 2036 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529>.
9. Симчера Василий. Перемен не будет... Записки пессимиста. URL: http://zavtra.ru/blogs/peremen_ne_budet. 2018. (дата обращения: 15.06.2018).
10. Сколько через 50 лет останется русских. URL: <https://news.rambler.ru/other/38692613-skolko-cherez-50-let-ostanetsya-russkih/>
11. Скромный муляж производства. Почему в экономике не возрождаются ни конкуренция, ни дух советских пятилеток. Аргументы недели 2020. № 42. С. 8–9.
12. Этот уникальный регион нужно осваивать по-особому // Аргументы и Факты. 2000. № 41. С.7.

УДК 323.32
ББК 60.52

Мехришвили Л. Л., Тюмень

Социальный капитал поколений через призму эмоциональной включенности и солидарности социальных практик

Исследуется возможность развития социального капитала представителями разных поколений. Анализируются условия формирования эмоциональных связей и социальных практик солидарности представителями разных поколений. Рассматриваются результаты исследования социального капитала поколений.

Ключевые слова: социальный капитал, поколения, эмоциональная включенность, солидарность социальная, социальные практики.

Mekhrishvili L. L., Tyumen

Social Capital of Generations Through the Prism of Emotional Inclusion and Solidarity of Social Practices

The article discusses the possibility of developing social capital by representatives of different generations. The conditions for the formation of emotional ties and social practices of solidarity by representatives of different generations are analyzed. The results of the study of the social capital of generations are considered.

Keywords: social capital, generations, emotional involvement, social solidarity, social practices.

Рефлексия сложившегося в первое десятилетие XXI в. социального порядка дала основания И. Валлерстайну для вывода: «...социальная система заходит в тупик, из которого миру будет очень трудно выбраться. В настоящее время мы находимся на развилке системных процессов. Вопрос уже не в том, каким образом капиталистическая система сможет исцелить свои раны и возобновить наступление. Вопрос в том, что придет на смену этой системе. Какой порядок вырастет из окружающего нас хаоса?» [4].

Поиск нового типа самоидентификации закономерно привел к оживлению интереса к классической проблеме мировой и отечественной социально-философской мысли – проблеме связи личности и общества и концептуализации парадигм, обосновывающих возможные оптимальные модели современной личностной детерминации социального порядка, способствующие минимизации глобальных угроз в современном кризисном мире. Важным и недостаточно изученным аспектом здесь является аксиология личностного бытия в ее отношении к современному социальному порядку, вычленение концептуальных оснований и их продуктивных компонен-

тов, которые обуславливают возможность «диалога» внутреннего и внешнего мира личности, связанного с его выбором, самосознанием, способностью к сохранению ценностей и переориентации на новое ценностное сознание.

Социокультурная солидарность – незыблемое начало общества, но в разные исторические периоды она может быть четко проявленной и осознаваемой всеми членами общества или же, наоборот, скрытой и не до конца понимаемой. Последнее происходит в современном обществе. Социокультурное начало является условием возникновения самой солидарности, так как оно выступает внутренним связующим элементом группы людей [5; 21].

Во многом процессы социокультурной солидарности имеют иррациональные основы конструирования [1–3]. Как показала история, солидарность возникает при нескольких условиях.

Во-первых, при необходимости физического выживания (рода, народа, страны) при войнах, болезнях, социальных и экологических бедствиях и проч. Примером может служить сплочение советского народа во время Второй мировой войны или сплочение населения Японии после катастрофы на Фукусиме в 2011 г. До сих пор участники многих эпохальных, исторических событий ассоциируют свою жизнь и жизнь своего поколения именно с этими событиями (Э. К. Селлава-Колбовска о событиях января 1945 г. в Варшаве, А. Стрельникова о местах памяти, об Афганской войне, П. Полян о депортированных и проч.).

Во-вторых, при необходимости изменения условий социально-духовного выживания (при борьбе за независимость от рабства, борьбе за свободу слова или за равные права). Примером могут выступать феминистки, отстаивающие свои права на равный труд, на равную оплату труда, на образование или политические партии, отстаивающие свои интересы в Конгрессе или Совете Федерации. И феминистки, и политики пытаются найти поддержку в широких слоях общества, тем самым сплачивая их интересы вокруг своих персон или идей. Данные подходы отражены в кандидатских диссертациях О. А. Полюшкевич, В. К. Ушаковой, Т. И. Колмаковой, работах Пилецкого, Е. А. Здравомысловой, А. А. Тёмкиной и др.

Также нами оценивались особенности восприятия и оценки социального капитала респондентов. Важными характеристиками состояния развития страны, наряду с общеэкономическими и социально-демографическими показателями является ее политико-

правовая система, наличие в ней элементов развитого гражданского общества, уровень политико-правовой и гражданской культуры населения, социальное самочувствие граждан, социальная защищенность и ряд подобных им характеристик.

В последние два десятилетия среди не только социологов (Бурдые, Коулман), но и политологов (Фукуяма) для характеристики уровня развитости гражданского общества и «качества демократии» стало своего рода хорошим тоном говорить о разного рода «капиталах» – социальном, культурном, образовательном и иных.

Но определения и операционализации содержания этих понятий у разных авторов различаются. Так, к примеру, Фукуяма отождествляет социальный капитал с социальным доверием, а согласно трактовке, принадлежащей Дж. Коулману, социальный капитал означает «умение развивать сотрудничество в группах и в организациях в целях реализации общих интересов». Он трактует его как формирующийся в общностях и социальных группах «естественный ресурс», проявляющийся в различных формах: социальное доверие; социальные ценности, нормы и санкции; социальные связи и сети; открытость и т. д. [6]. П. Бурдые говорит о социальном капитале как совокупности ресурсов, связанных с «обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания, т. е. с членством в группах» [7]. Д. Тросби, развивая мысли Бурдые, утверждает, что основой развития любого общества является культурный капитал – «средство объединения всех членов общества в единую систему, через уважение и признание друг друга, на основе общих ценностей и установок» [8]. Польский социолог П. Штомпка полагает, что основой социального капитала является доверие – «положительная человеческая реакция на непредсказуемость и отсутствие контроля» [9]. Доверие является предпосылкой формирования общественного капитала, отражающегося в свою очередь в качестве жизни и социальном самочувствии граждан, определяющих развитие гражданского общества.

Иными словами, социальный капитал выступает ресурсом, способным сплотить общество или наоборот, разобщить. Социальный капитал – это инструмент формирования практик социального взаимодействия, направленного на решение социальных проблем. Вопрос консолидации общества и формирования гражданского общества невозможен без таких элементов социального капитала, как доверие, толерантность, разнообразие общества (по культурным,

национальным, неформальным и прочим параметрам, образующим социокультурное многообразие государства) (Вестланд и Калидони [10]). Другие ученые, Я. Фидрмук и К. Герцхани [11] пришли к выводу, что социальный капитал варьируется в разных сообществах и культурах в зависимости от эффективности контроля социальных институтов, развития гражданского общества, доверия, развитости социальных сетей и коммуникаций и проч.

Социальный капитал понимается как наличие связей с другими людьми или группами людей. У разных социальных групп эти связи не одинаковы, что формирует социальное неравенство. Это выражается в неравенстве мужчин и женщин, представителей различных поколений, которое обусловлено неравным доступом к общественным ресурсам (деньгам, власти, бизнесу, информации), а также общей установкой на выстраивание взаимодействия с таким же, как и ты сам (по признаку пола, образования, веры). Это способствует сохранению ригидности существующего социального порядка и, соответственно, возможностей использования социального капитала. Данные исследования обнаружили в работах Н. Лин [12]. Те же данные мы обнаруживаем в исследованиях У. Анух, Н. Дламини, М. Чин-Янг, Л. Смайл [13], У. Шармы [14], Дж. Филд [15] и др.

Мы провели исследование форм, структуры и особенностей социокультурной солидарности поколений. Исследование проходило в 2019 г. Исследование проходило в несколько этапов: 1) анкетирование (640 человек); 2) интервью (78 человек); 3) нарративное интервью (78 человек). Все данные анализировались при помощи факторного и кластерного анализа, с применением контент-анализа и дискурс-анализа.

Социальный капитал рассматриваемых *условных* поколений выражается в объективных и субъективных критериях (табл. 1 и 2).

Можно с уверенностью сказать, что молодое поколение в когнитивном плане (на уровне знаний) обладает большим спектром информированности, чем старшее поколение. Но на уровне реализации своего потенциала в реальные проекты, действия, способные изменить их жизнь, происходит торможение. Причин тому может быть несколько: от социальных стереотипов до отсутствия навыков реализации (или убеждений, что не получится, опять же социально формируемых).

Таблица 1

Объективные критерии распределения социального капитала (%)

Критерии	Условно младшее поколение	Условно среднее поколение	Условно старшее поколение
Образование			
Высшее	67	75	21
Средне-специальное	31	22	66
Среднее	2	3	13
Доход			
Выше 50 000 руб.	14	1	–
30 000–50 000 руб.	36	8	5
15 000–30 000 руб.	31	43	25
До 15 000 руб.	19	48	70
Участие в неформальных группах			
Социальные сети в Интернет	43	77	5
Хобби	42	35	48
Общественная работа	5	38	16
Некоммерческие организации	10	34	8
Другое	10	10	23

Таблица 2

Субъективные критерии распределения социального капитала (%)

Критерии	Условно младшее поколение	Условно среднее поколение	Условно старшее поколение
Понимание социальной структуры (иерархии)	82	43	69
Соблюдение закона	37	88	99
Знание закона	95	34	54
Знание финансов	76	56	52
Знание иностранных языков	42	63	6
Знание ПК	84	67	10
Социальная известность (на уровне города или страны)	47	24	3

Представители среднего поколения в большем количестве случаев (до 76 %) связывают субъективные и объективные критерии формирования социального капитала в единую цепочку формирования их личного социального опыта, отражающегося на их карьере, финансовом благополучии и общественном признании. Представители младшего поколения, как правило, разделяют субъективные и объективные основания, объясняя это «невозможностью» соединения, «разными интересами», «отсутствием перспектив», т. е. определенные социальные страхи уменьшают возможности развития социального капитала.

Например, если знание законов и понимание финансовых процессов для представителей среднего поколения приводит к более быстрому карьерному росту, то для представителей старшего поколения это может отразиться в экономии домашнего бюджета (планировании долгосрочных вложений, покупке недвижимости и т. д.). Или же знание иностранных языков, по мнению молодого поколения, дает им возможность путешествовать и узнавать новые места (что само по себе не плохо).

Для среднего поколения, знание языков – это перспектива получить более высокую должность, перейти в зарубежную компанию и т. д. Шансы, которые изначально дают одинаковые возможности, по-разному используются. Поэтому социальный капитал разных поколений становится не одинаков по насыщенности и содержанию.

Представители среднего поколения более осторожны в соблюдении социальных норм. Например, для 75 % представителей этого поколения знание закона автоматически означает его соблюдение. Для представителей младшего поколения такое распределение верно лишь в 42 % случаев, в остальных ситуациях – знание не предполагает соблюдения (из-за «специфики страны, в которой мы живем», «прав тот, у кого сила, а не закон» и проч.). То есть для представителей среднего поколения характерно в большей степени соблюдение легитимных принципов нашего общества и чем старше респондент, тем сильнее тяга к соблюдению закона.

Старшее и частично среднее поколение в большей мере устанавливает родственные связи, а социальное взаимодействие не с родственниками остается в стороне. Чем младше представитель поколения, тем больше у него контактов вне родовых связей.

Раскрывая значение социального капитала, мы выделили уровень межличностного доверия, уровень институционального доверия, уровень гражданской идентичности (через «силу» и «позитивность» гражданской идентичности).

«Религиозность». Данный блок утверждений отрицательно связан с показателями институционального и межличностного доверия и положительно – с показателем «силы» гражданской идентичности. Социальные утверждения этого блока связаны с восприятием Бога в жизни людей. Причем положительные связи с гражданской идентичностью говорят о том, что несмотря на уменьшение роли религии в нашей жизни, она все еще значима для граждан страны и на ее основе возможно сплотить наше общество. Вера в

единого Бога и «позитивная функция религии» (М. Бонд, К. Линг, К. Тонг) [16] является базисом для социального единства, что и отражается на положительном восприятии религии (именно в православном варианте) для наших соотечественников.

Утверждения этого блока в большей степени разделяют представители условно старшего поколения (51 %), условно среднего поколения (32 %) и условно младшего поколения (17 %). Хотя стоит сказать, что большинство респондентов не являются воцерковленными, а скорее формально себя причисляющие к религиозной конфессии, не соблюдают пост, обеты, не знают молитвы и жизнеописания святых. Это соответствует данным ВЦИОМ, что Россия остается страной светской, а конфессиональное самоопределение выступает скорее как способ идентификации с определенной культурной традицией, чем как подлинное проявление глубокой религиозности [17]. С возрастом религиозность постепенно растет (18–24 года – 29 %, 25–39 лет – 38 %, 40–54 года – 44 %, 55 лет и старше – 49 %) [18]. Повышенной религиозностью отличаются пенсионеры, служащие без специального образования и руководители, управленческие работники. Ниже средней религиозность у рабочих, значительно ниже – у учащейся молодежи, а меньше всего религиозных людей – среди работников силовых структур.

Результаты трансимволического анализа показывают интересную картину. Для представителей условно старшего поколения религиозность и связь с высшими силами имеет следующие символические триады: когнитивные: сила (78 %), власть (75 %), могущество (74 %); аффективные: искренняя (75 %), сильная (74 %), всеобщая (72 %); деятельностные: контролирует (75 %), покровительствует (74 %), охраняет (70 %).

Для представителей условно среднего поколения, когнитивные: покровительство (83 %), контроль (82 %), смирение (79 %); аффективные: полное (80 %), тотальный (76 %), искреннее (75 %); деятельностные: спасает (80 %), наказывает (78 %), защищает (77 %).

Для представителей условно младшего поколения, когнитивные: защита (56 %), помощь (52 %), покровительство (41 %); аффективные: открытая (58 %), искренняя (61 %), полное (45 %); деятельностные: помогает (52 %), воодушевляет (52 %), наставляет (36 %).

Можно заключить, что для представителей условно старшего поколения процессы религиозности и связи с высшими силами воспринимают как форму высшего оберега, она не угрожает, а оберегает; для представителей условно среднего поколения как опасную угрозу, которой стоит бояться, поэтому ей стоит подчиняться; для представителей условно младшего поколения некую форму помощи или благословения. Прослеживается психологическая готовность рисковать и действовать (у младших поколений) и не рисковать и сохранять неизменным (у старших поколений).

2. «Социальный цинизм». Суть утверждений этого блока касается представлений о том, что «обществу невозможно в принципе принести пользу»; «думать о других не стоит, иначе сам окажешься не у дел», «за доброжелательность к людям мы дорого расплачиваемся сами», «не делай другим добра, не получишь зла», «чтобы выжить в этом мире надо бороться за место под солнцем». Бдительность, недоверие и скептицизм, неверие в лучшие качества людей – это основной лейтмотив данного блока. Вполне понятно почему этот блок связан отрицательно с толерантностью – она в принципе прямо противоположна такому мироощущению. Среди представителей условно младшего поколения, обладающих доминирующими качествами социального цинизма больше, чем среди представителей условно старшего поколения (62 % и 37 % соответственно). Чем больше людей будет разделять данные утверждения, тем менее вероятно, что мы построим толерантное, правовое, гражданское общество. Достаточно высокие показатели (особенно у мужчин) заставляют сделать определенные выводы на уровне консолидации, так как «социальный цинизм» способствует разобщению и дезинтеграции общества.

Аналогично можно объяснить отрицательную связь с оценкой «силы» и «позитивности» гражданской идентичности. Ориентация на индивидуализм и эгоистические ценности не способствует формированию гражданской идентичности и консолидации общества. Распределение среди представителей различных поколений пропорционально (38 %, 37 % и 25 % соответственно условно младшее, условно среднее и условно старшее поколения).

Отрицательная зависимость с «институциональным» и «межличностным» доверием дополняет вышеизложенную картину. Когда люди живут из принципа «человек человеку волк», то о формировании доверия между членами общества мы не можем говорить.

Чем меньше люди могут доверять друг другу, тем меньше возможностей сплотить общество. И среди молодого поколения таких ответов большинство.

Но между институциональным и межличностным уровнем доверия у представителей условно различных поколений складывается не одинаковое отношение. Представителей старшего поколения в большей мере склонны доверять институциональным отношениям (72 %) и в меньшей мере межличностным (28 %). Это объясняется ориентацией старшего поколения на выстраивание отношений во вне, через использование своего социального капитала, связей и личных возможностей. Межличностное доверие предполагает опору только на личностные качества, навыки и умения, что не всегда могут проявить молодые люди. У молодого поколения наблюдается прямо противоположная картина. Они доверяют в большей степени межличностным отношениям (58 %) и только 36 % доверяет институциональным. Представители среднего поколения находятся по середине. О причинах такого разделения мы говорили в начале анализа результатов исследования.

Все респонденты указывают на важность в формировании личного социального капитала. Он не образуется сам, а только через взаимодействие с родственниками или близким кругом друзей. Причем источником наибольшего социального капитала у старшего поколения является семья (72,3 %), а у младшего поколения друзья (76,1 %). Это те области, которые наполняют жизненное пространство и могут его обогащать.

Трансимволический анализ это также подтверждает. Для молодого поколения семья опосредуется следующими когнитивными символами: очаг (66 %), дом (70 %), дети (75 %); аффективными символами: крепкая (70 %), большая (72 %), любимая (75 %); деятельностными символами: оберегает (68 %), защищает (73 %), вдохновляет (76 %). Для старшего поколения семья выступает несколько в иных смыслах. Когнитивные символы представлены следующими символами: удобство (70 %), свобода (68 %), традиция (67 %); аффективные символы: тормозящая (69 %), радующая (68 %), изменяющая (66 %); деятельностные символы: защищает (68 %), оберегает (67 %), сохраняет (65 %).

Все это олицетворяет традиционные формы и условия зарождения и развития семьи и социальных отношений. Для старшего поколения семья выступает скорее как идеальная цель развития от-

ношений, а для младшего поколения семья – это средство комфорта и обустройства быта, а не личного или социального развития. То есть близкие по формальным показателям принципы и критерии оценки семьи как социального капитала означают диаметрально противоположную ценность и эмоциональную окрашенность семьи как социального института и как эмоционального ресурсного пространства.

В целом результаты транссимволического анализа в аспекте социального цинизма формируют следующую картину. Для условно младшего поколения: когнитивные символы: сила (76 %), мощь (74 %), воля (83 %); аффективные символы: социальная (77 %), материальная (76 %), мужская (75 %); деятельностные символы: защищает (74 %), растет (73 %), доминирует (80 %).

Для условно среднего поколения: когнитивные символы: расторопность (67 %), знание (66 %), хитрость (57 %); аффективные символы: хваткая (69 %), полное (62 %), личная (58 %); деятельностные символы: укрепляет (65 %), убеждает (61 %), спасает (54 %).

Для условно старшего: когнитивные символы: хитрость (77 %), красота (80 %), богатство (69 %); аффективные символы: женская (75 %), роковая (78 %), семейное (81 %); деятельностные символы: помогает (74 %), губит (75 %), спасает (75 %).

Данные результаты позволяют утверждать, что младшее и среднее поколения опираются в большей степени на личную харизму и волю, направленную на преумножение материальных ресурсов, которыми они могут воспользоваться для достижения своих результатов, старшее и среднее поколения используют хитрость и свою красоту для того, чтобы преуспеть в семейной и личной жизни. Это показывает вполне традиционное распределение социальных статусов и социальных ролей, закрепленных за «разрешенными» (легитимными) формами поведения в обществе.

3. «Социальная сложность». Положительная корреляция утверждений данного блока с показателями межличностного и институционального доверия наблюдается только у младшего поколения и показывает, насколько глубоко люди судят о вариативности индивидуального поведения и количестве факторов, оказывающих влияние на результаты социального поведения, насколько они осознают сложность отношений в социальном мире. Результаты исследования позволяют говорить о том, что понимание социальных отношений способствует формированию доверия окружающим. Стоит

уточнить, что доверие возникает лишь тогда, когда человек понимает природу социальных отношений и поэтому уверенно чувствует себя при взаимодействии с другими.

Отрицательная корреляция утверждений наблюдается у представителей среднего поколения. В большинстве своем (67 %) они не обладают высокой социальной сложностью, как бы «закрываются» от других недоверием, поскольку не чувствуют в себе возможностей глубоко понимать социальные отношения и эффективно совладать с различными социальными трудностями.

Отрицательная корреляция прослеживается и во влиянии «социальной сложности» на «силу» и «положительную» оценку гражданской идентичности и у мужчин, и у женщин. Парадоксально, но исходя из разных предпосылок, результат и у разных поколений идентичен. Представители условно младшего поколения, понимая всю сложность социальных отношений, социальной структуры не надеяться как на опору на гражданскую идентичность. Вероятно, это связано с отсутствием поддержки со стороны власти (идеологии, пропаганды, патриотического воспитания). Представители среднего и старшего поколений, не особо включаясь и понимая социальные процессы, настороженно воспринимают гражданскую идентичность, так как не видят положительных моментов в ее реализации. По ТВ показываются ролики, фильмы, шоу, способствующие нивелированию ценностей гражданской идентичности, не формирующие патриотических чувств. Как образцы для подражания предлагаются западные ценности массовой культуры. Сложность социального пространства заменяется игрой с придуманными идеалами.

Многие социальные институты защищают россиян, но не принимаются ими из-за «взяток», «неквалифицированности», «коррупции» и т. д. Причем условно молодое поколение выбирает экономико-политические институты (71,2 %), а условно старшее и среднее поколение социально-культурные (69,5 %).

Транссимволический анализ также подтверждает эти тенденции. Для младшего поколения когнитивные символы выражены следующим образом: разруха (77 %), взятки (76 %), коррупция (75 %); аффективные символы: полная (76 %), чиновничьи (73 %), социальная (70 %); деятельностные символы: уничтожает (74 %), нивелируют (74 %), разрушает (70 %). Для среднего поколения когнитивные символы выражены следующим образом: ценности (75 %), культура (73 %), мораль (70 %); аффективные символы: мо-

ральные (74 %), общественная (72 %), народная (69 %); деятельностные символы: рушатся (72 %), уничтожается (70 %), забывается (68 %). Для старшего поколения когнитивные символы выражены следующим образом: идеалы (71 %), мораль (76 %), ценности (67 %); аффективные символы: общественные (68 %), общественная (75 %), социальные (65 %); деятельностные символы: изменяются (72 %), уничтожается (75 %), рушатся (65 %).

Вместе эти процессы, характерные для всех поколений, уменьшают возможности и перспективы консолидации страны. Когда общество теряет опору в виде идентичности, утрачивается ключевая нить связи социальных институтов, власти и народа.

4. «Награда за усилия». Этот блок имеет две тенденции анализа. С одной стороны, наблюдается отрицательная корреляция у условно молодого поколения и положительная у условно среднего и старшего поколений с уровнем доверия (как институциональным, так и межличностным). Это говорит о том, что младшее поколение (75 %) в большей степени надеется на себя, что за все усилия будет получено социальное вознаграждение (в виде карьеры, финансовой стабильности и прочих материальных благ и т. д.). Иными словами, молодые люди больше ориентированы на достижения. А данная ориентация в чистом виде – это противопоставление себя социуму. Это противопоставление может способствовать недоверию.

Среднее и старшее поколения надеются и опираются на круг своих близких или друзей. Успех и признание возможны тогда, когда у тебя есть связи. Они (65 %) ориентированы на сохранение положения, выстраивание коммуникаций, но не на прорыв и не на достижение карьерных задач личного финансового успеха и т. д.

Транссимволический анализ показывает схожую картину. Для условно младшего поколения: когнитивные символы выражены следующим образом: карьера (74 %), положение (72 %), финансы (71 %); аффективные символы: быстрая (73 %), социальное (71 %), стабильные (68 %); деятельностные символы: закрепляет (72 %), стабилизирует (68 %), усиливают (67 %). Для условно среднего поколения: когнитивные символы выражены следующим образом: связи (71 %), знакомства (67 %), общительность (65 %); аффективные символы: семейные (69 %), личные (65 %), личная (64 %); деятельностные символы: помогают (65 %), усиливают (63 %), поддерживает (62 %). Для условно старшего поколения: когнитивные символы выражены следующим образом: отношения (63 %), семья

(61 %), знакомые (57 %); аффективные символы: родственные (65 %), большая (62 %), хорошие (53 %); деятельностные символы: поддерживают (61 %), поддерживает (66 %), помогают (55 %).

Таким образом, социокультурные измерения (ценности, нормы, ожидания и оценки) связаны с различными компонентами социального капитала (институциональным и межличностным доверием и гражданской идентичностью). Толерантность достаточно слабо связана с усилением или развитием социального капитала.

Межличностное и институциональное доверие отрицательно связано с показателями гражданской идентичности (силой и позитивностью), хотя раньше данная связь была положительной. В результате мы сталкиваемся с социально-культурным парадоксом – те ценности, которые позитивно связаны с доверием, имеют отрицательную связь с гражданской идентичностью и наоборот.

Исследование показало, что у молодого поколения с доверием положительно связаны такие социальные аксиомы, как «социальный цинизм» и «социальная сложность», у среднего и старшего поколений эта связь отрицательная.

Таким образом, социальный капитал трансформируется в обществе. Изменения касаются прежде всего социального самочувствия и качества жизни разных поколений. В целом они сводятся к утрате доверия населения к различным социальным институтам. По мнению П. Штомпки, к спаду доверия люди приспособляются разными способами: 1) через безропотное принятие ситуации и веру в судьбу, Бога или Вселенную; 2) различные формы коррупции (взяточничество, фаворитизм, семейственность); 3) избегание активных форм общественной жизни и концентрации внимания на близком круге друзей, семьи и т. д. Фукуяма акцентирует свое внимание на иных аспектах адаптации к ситуации утраты доверия к социальным институтам и личным отношениям. Например, возлагание больших надежд на государство и нежелание участвовать в общественной жизни страны. Результатом этого становится разрушение межличностных отношений внутри различных социальных групп, добровольных объединений, формирующих гражданское общество. Именно эти процессы мы и наблюдаем в России. Вышеприведенные институты, призванные защищать интересы граждан, в сознании россиян обесценены и нивелированы.

Социальный капитал – это продукт социокультурного взаимодействия народа на протяжении многих десятков, а то и сотен лет,

его изменение – процесс трудоемкий и длительный, требующий большого временного периода. При этом в нынешней Российской Федерации главенствуют идеи демократии, но на глубинном уровне сильны нормы и ориентиры, сформированные в тоталитарном обществе. Поэтому сегодня ученые констатируют у населения тягу к «сильному лидеру», социальная справедливость связана с «сильной властью», «с социальным порядком и национальными интересами» и т. д. Чтобы увеличить социальный капитал людей, необходимы новые условия и формы развития гражданского общества, строящегося не просто на кальке западных приоритетов, а учитывающих национальные, религиозные особенности той страны, в которой оно создается.

Список литературы

1. Ардашев П. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
2. Ардашев П. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
3. Ардашев П. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 40–48.
4. Валлерстайн И. Динамика (незавершенного) глобального кризиса: тридцать лет спустя // Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира после кризиса : материалы Междунар. конф. (11–12 сент. 2009 г.). М. : Ин-т обществ. проектирования, 2009. С. 8.
5. Полошкевич О. А. Социокультурная солидарность : монография. Иркутск, ИГУ. 2011. 221 с.
6. Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Suppl. P. 95–120.
7. Bourdieu P. Forms of social capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. G. Richardson (ed.). N. Y. : Greenwood Press, 1983. 248 p.
8. Trosbi D. Cultural capital // Journal of Cultural Economics. 1999. N 23. P. 3–12.
9. Sztompka P. Trust. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 25.
10. Westlund H., Calidoni F. The creative class, social capital and regional development in Japan // Review of Urban & Regional Development Studies. 2010. Vol. 22, Issue 2–3, July / November. P. 89–108.
11. Fidrmuc J., Gërkhani K. Mind the gap! Social capital, East and West // Journal of Comparative Economics. 2008. Elsevier. Vol. 36, N 2. P. 264–286.
12. Lin N. Social Network and Status Attainment // Annual Review of Sociology. 1999. Vol. 25. P. 467–487.
13. Social Capital and the Welfare of Immigrant Women: A Multi-Level Study of Four Ethnic Communities in Windsor / U. Anucha, N. S. Dlamini, M. Chung-Yan, L. Smylie. 2006. 131 p.
14. Sharma U. Women, Work and Property in North West India. London : Tavistock. 1986. 120 p.
15. Field J. Social Capital. London : Routledge, 2003. 244 p.
16. Combining Social Axioms with Values in Predicting Social Behaviors / M. H. Bond, K. Leung, A. Au, K. K. Tong, Z. Chemonges-Nielson // European Journal of Personality, 2004. Vol. 18, N 3. P. 177–191.
17. Религиозность россиян и европейцев // ВЦИОМ. URL: [http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2\(96\)_10_Kofanjva.pdf](http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/96_1/2010_2(96)_10_Kofanjva.pdf)
18. Женщины в России более религиозны, чем мужчины, а меньше всего верующих среди силовиков. URL: <http://www.newsru.com/arch/religy/11mar2008/levada.html>.

УДК 351.43
ББК 67.402

Хайруллина Н. Г., *Тюмень*

Общественные трансформации: эмоциональная солидарность и воспроизводство представителей различных поколений

Рассматриваются условия и этапы протекания общественных трансформаций в рамках развития различных поколений. Выявляется эмоциональная солидарность и условия социального воспроизводства в условиях социального развития. Анализируются механизмы эмоциональной и поведенческой социализации представителей различных поколений.

Ключевые слова: общественные трансформации, эмоциональная солидарность, социальное воспроизводство, поколения.

Khairullina N. G., *Tyumen*

Social Transformations: Emotional Solidarity and Reproduction of Representatives of Different Generations

The article examines the conditions and stages of social transformations in the development of different generations. Emotional solidarity and conditions of social reproduction in conditions of social development are revealed. The mechanisms of emotional and behavioral socialization of representatives of different generations are analyzed.

Keywords: social transformations, emotional solidarity, social reproduction, generations.

В современном обществе за последние двадцать пять лет произошли серьезные изменения. Поменялся не только политический режим, не только экономическая система, не только культурное развитие, но и изменился образ жизни россиян, изменилось их восприятие реальности. Стали формироваться новые стратегии адаптации к меняющимся условиям, и как результат – стали изменяться представления людей о происходящих в обществе переменах.

Социальные изменения изучались учеными с разных сторон. Питер Штомпка, рассматривая трансформацию стран так называемого второго мира (к которым относил и Россию) выделил их основные особенности: современные черты в одних областях жизни (например, индустриализация) в сочетании с архаичными элементами в других (например, отсутствие гражданского общества), а также большая доля имитирующих государственных институтов, таких как выборы, конституции [1]. Анализируемые Штомпкой процессы изменения в странах социалистического содружества, заставляют говорить о пересмотре закономерностей социальных изменений в современном мире. Значительная часть этих положений касается социально-психологических особенностей общественных трансформаций.

Л. Г. Ионин анализирует механизм трансформации культуры в современной России как смену жизненных стилей. Культура понимается им как «репрезентативная» культура [2], которая раскрывает суть происходящих социальных изменений и дает им оценку. Культурные репрезентации определяют жизненный стиль той или иной социальной группы, который может иметь различную конфигурацию. По мнению Ионина, переход российского общества от социалистического режима к демократическому повлек за собой схему так называемой инсценировки, которая в последующем распространилась на интерпретацию всех сфер жизни. Разнообразие, внешняя броскость, театрализованный характер инсценировок новых культурных стилей в культурной, политической, религиозной сферах знаменуют собой период «стилевого промискуитета» [1], который при определенных условиях открывает путь от моностилистической репрезентативной культуры, элементы которой – убеждения, оценки, образ мира, идеология – обладают внутренней связностью и активно разделяются либо пассивно принимаются всеми членами общества, к развитию стабильной полистилистической культуры социальных групп.

Идеология советского общества формировалась всеохватывающей политикой «линии партии», в современном российском обществе четкой линии развития нет, и трансформации, в которых мы живем, не управляемы. Чтобы объяснить эти процессы, Т. И. Заславская предложила концепцию «социетальной трансформации»: «в отличие от перехода, в основе которого лежат целенаправленные действия власти, ни генеральное направление, ни конечные результаты слабо управляемой трансформации общества не предрешены» [3]. Политика власти, экономические преобразования – это только элементы более крупных изменений социального пространства России. Направление трансформации, в отличие от переходного процесса, не задается однозначно, а определяется в результате борьбы многих социальных сил, с заранее неизвестным итогом.

Достаточно близок такой трактовке общественной трансформации и подход В. А. Ядова. По его мнению, «особенность российской трансформации общества – не в том, что оно преобразуется (преобразуется вся микросистема), а скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой системы близка к состоянию “динамического хаоса”» [4]. Осуществляемые властью реформы, все в

большей степени углубляют раскол между ней и обществом. В то же время внутренние, мобилизирующие общество импульсы, которые бы объединяли его, в настоящее время отсутствуют. Данная ситуация (рассогласования интересов общества и власти) описана П. Штомпкой как типичная для постсоциалистических обществ. На практике это выражается в двойных стандартах в поведении и речи политиков, в желании «обойти систему», в инфантилизме по отношению к государству и обществу, сопряженном с идеей «примитивного равноправия» [1]. Наличие целых групп с такими установками и представлениями значительно усложняет процесс трансформации общества.

Помимо общекультурных сдвигов нашего общества, происходит преломление личного опыта и условий выживания, влияния социальных стереотипов и требований в отношении мышления и поведения мужчин и женщин. И, соответственно, у них вырабатываются различные представления о происходящих трансформациях. Гендерная дифференциация в восприятии социальных трансформаций основывается на доминирующих в обществе социальных представлениях. Социальные представления служат инструментом познания. Они одновременно являются и продуктом, и процессом: они позволяют описать, классифицировать и объяснить объекты социальных изменений и в то же время, они позволяют людям перерабатывать информацию из внешнего мира. Благодаря этому формируются и закрепляются привычки, лишняя информация не воспринимается. Человек видит окружающий мир не таким, каков он есть на самом деле, а «сквозь призму собственных желаний, интересов и представлений» [5].

Помимо этого, социальные представления опосредуют поведение. Они появляются, проверяются и, наконец, регламентируют и определяют жизнь всех членов данной социальной группы (семье, школе, церкви, клубе, работе, клане и т. д.). Эта функция может проявляться как во внешних формах, например, в регламентировании поведения или форме одежды, так и во внутренних, например, эмоциональной реакцией на определенные события, поступки и слова, соответствующие людям определенного статуса, профессии и т. д. Таким образом, на эмоции и поступки, цели и решения отдельного человека или группы людей влияют социальные представления.

Также, социальные представления выступают адаптационной функцией. С одной стороны, они адаптируют новые факты и явле-

ния социально-политической и культурно-исторической жизни общества к старым правилам и нормам, к уже сформировавшимся ранее взглядам. С другой стороны, благодаря социальным представлениям отдельный индивид может успешно адаптироваться в социуме. То есть успешно ориентироваться в социальной реальности возможно только тогда, когда индивид или группа четко усвоили ценности и представления того или иного социума. Социальные представления являются своеобразным ключом к социализации. Что может строиться и на иррациональных принципах [8; 9].

Социальные представления позволяют говорить о стабильной, устойчивой части социума, которая держит на себе многие общественные формы развития и обладает высоким уровнем динамичности. Социальные представления встроены в общественное мнение и определяют поведение людей в любом сообществе. Они консолидируют в себе идеалы современного общества и находят им конкретное выражение. Причем оценивать эти идеалы они могут как позитивно, так и негативно (например, идеал успешного человека в советское время выражался в таких престижных профессиях как «врач», «учитель», «милиционер»; примером не престижных профессий, или сфер деятельности являлись «фарцовщики», «спекулянты», «воры»; в начале 90-х – это распределение перевернулось в обратную сторону: социально успешными признавались «рэкетеры», «бандиты», «предпринимателями» (бывшие «фарцовщики»), а престижные ранее профессии потеряли свою перспективность и важность [6].

Мы провели исследование форм, структуры и особенностей социокультурной солидарности поколений. Исследование проходило в 2019 г. Исследование проходило в несколько этапов: 1) анкетирование (640 человек); 2) интервью (78 человек); 3) нарративное интервью (78 человек). Все данные анализировались при помощи факторного и кластерного анализа, с применением контент-анализа и дискурс-анализа.

Транссимволический анализ позволил уточнить и детализировать полученные при опросе данные через доминирующие символические триады. По рассматриваемым категориям были выявлены более 600 единиц анализа, которые были сведены в несколько временных или категорий анализа. Когнитивные символы характеризуют то, что именно привносят жизненные перемены, аффективные символы определяют сферы реализации этих изменений, деятельностные символы показывают результат или оценку этих воз-

действий. Как правило, каждая триада является законченным смысловым блоком, поэтому могут встречаться повторы отдельных терминов в разных триадах.

Рассмотрим представления о прошлом, настоящем и будущем в различных условных поколениях в России (табл.).

Оценка прошлого и настоящего респондентами, а также ожидания людей от будущего, принадлежащих к разным поколениям, отличаются.

Когнитивные символы, характеризующие прошлое в России показывают, что прошлое воспринимается как «мощь», «сила», «величие», т. е. характеристики положительные для государства. В российской выборке среди молодежи есть оценка прошлого как «террора» и «агрессии», т. е. оценка методов, но не конечного результата.

Оценка настоящего в российской выборке весьма интересна: человек не задумывается о том, что происходит вокруг, что делают окружающие, его волнует только то, что делает он сам.

Итак, когнитивные символы в российской выборке показали весьма показательную картину. Респонденты говорят о прошлом, как о прошлом страны; о настоящем – о повседневном, бытовом пространстве; о будущем – о своем будущем, а для старших поколений – о будущем детей и вообще о будущем.

В России прошлое воспринимается пафосно и идеологически маркированно, что объясняется крайне разветвленной и внедренной во все сферы жизни во время их молодости системы марксистско-ленинской идей. Например, аффективные символы: «могучее», «великое», «славное» и проч. – показывают внешнее воздействие при их внедрении [7].

В оценке настоящего также имеются отличия в среде поколений. Вполне закономерно, что молодежь более позитивно и оптимистично оценивает свое настоящее, чем более старшие поколения. Для нее оно «перспективное», «хорошее», «радостное». Тогда как для старших поколений оно «жестокое», «ненадежное», «неясное». Интересен тот момент, что для старших поколений оно не только окрашено эмоционально: «жестокое», «грубое», «бесценностное», но и качественно «ненадежное», «непонятное», а также иная оценка времени: «динамичное», «быстрое» и т. д. Эти ответы показывают смещение восприятия социальных событий: старшие поколения видят разницу во времени и дают этому свою оценку, младшие поколения воспринимают это как должное.

Таблица

Представления различных условных поколений о прошлом, настоящем и будущем (на основе трансимволического анализа)* (в %)

Поколения	Когнитивный смысл	Аффективный смысл	Деятельностный смысл
«Прошлое»			
18–30 лет	Сила (77) Террор (74) Развитие (76) Сила (75)	Непонятная (74) Жестокий (72) Тяжелое (71) Жестокая (69)	Формирует (78) Уничтожает (73) Дает (71) Умножает (67)
30–50 лет	Государство (72) Мощь (70) Сила (78) Могущество (73)	Великое (68) Сложная (65) Могущественная (61) Сильное (59)	Строит (65) Трансформирует (62) Творит (64) Изменяет (62)
50 лет и старше лет	Мощь (77) Страна (72) Величие (79) Держава(77)	Великая (60) Могучая (60) Славное (67) Мощная (66)	Растет (65) Развивается (68) Умножается (66) Прирастает (61)
«Настоящее»			
18–30 лет	Отдых (56) Жизнь (55) Досуг (54) Реальность (54)	Перспективный (55) Непостоянная (51) Мобильный (52) Обширная (50)	Радует (76) Напрягает (70) Окрыляет (68) Позволяет (64)
30–50 лет	Развлечения (56) Суета (55) Рутинa (54) Работа (53)	Ненадежные (53) Сложная (50) Непонятная (52) Непредсказуемая (54)	Удовлетворяют (63) Напрягает (61) Изматывает (60) Удручает (58)
50 лет и старше лет	Телевизор (48) Жизнь (45) Проблемы (50) Досуг (47)	Жестокое (55) Ненадежная (45) Грубо (50) Бесценностный (50)	Показывает (56) Гарантирует (55) Давят (54) Развращает (52)
«Будущее»			
18–30 лет	Досуг (56) Реализация (55) Развлечения (54) Самовыражение (54)	Перспективно (53) Многообещающая (50) Амбициозные (51) Мобильное (48)	Изменяет (52) Улучшает (50) Создают (50) Раскрепощает (46)
30–50 лет	Работа (53) Деньги (51) Социальный статус (52) Деньги (50)	Бесчувственно (47) Цинично (45) Непредсказуемо (45) Жестоко (44)	Заставляет (49) Зарабатываются (44) Падает (48) Обманывают (44)
50 лет и старше	Выживание (51) Работа (48) Работа (49) Выживании (46)	Наглое (46) Жестокая (44) Амбициозная (45) Бесценностное (44)	Увеличивается (45) Растет (41) Растет (44) Пугает (43)

* Выделялись четыре наиболее значимые дефиниции.

Оценка будущего у молодых людей радужная: «перспективная», «активная», «многообещающая» и т. д. Но и люди более старшего возраста схожи в ценностно-смысловых оценках будущего, оно «бесчувственное», «циничное», «аморальное», т. е. будущее в представлениях старших поколений эмоционально негативно окрашено.

Прошлое респондентами в деятельностном контексте рассматривается в целом положительно: как «усиление», «укрепление», «отстаивание» интересов и прав во всех аспектах жизни.

Настоящее показывает четкую тенденцию: когда говорится об отдыхе, досуге, развлечениях, идет положительный контекст интерпретации, когда говорится о работе и обязательствах, то отрицательный. Ценность труда нивелируется. Если нет развлечения, нет игры, то это «изматывает» и «удручает», «напрягает» и «печалит». Старшие поколения эти явления оценивают негативно, как «развращение», более молодые – как «радость» и «раскрепощение».

Будущее видится не всегда оптимистично, ко всему необходимо прикладывать усилия, а это не всегда хочется. Поэтому разные поколения довольно размыто и туманно говорят о будущем. В России формируются единые гносеологические установки, следовательно, принципы и условия формирования социокультурной солидарности универсальны.

Таким образом, различные поколения неодинаково реагируют на социальные трансформации, происходящие в обществе из-за различного жизненного опыта, отличающегося опыта институциональной социализации, самосознания и групповой идентичности. Все вместе это приводит к тому, что у каждого поколения формируются свои ценности и идеалы, свои жизненные модели и стратегии.

Параллельно с этим все более углубляется разрыв между поколениями на социокультурном уровне, разрушается вертикальная связь поколений (связь времен) из-за того, что опыт родителей все более и более не актуален в жизненных ситуациях детей. При этом каждое поколение расширяет связи и взаимодействия внутри себя, т. е. формируется горизонтальная связь поколений. Особенно ярко это прослеживается в молодежной среде и среде пожилых людей. У первых – благодаря развитию новых коммуникативно-технических средств, у вторых – благодаря более свободному личному времени.

Список литературы

1. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 179.
2. Ионин Л. Г. Социология культуры. М. : Логос, 1996. С. 151.
3. Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Обществ. науки и современность. 2004. № 5. С. 10.
4. Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? ... Власть, общество, личность. М. : Аспект-Пресс, 2000. С. 383–391.
5. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М. : Изд-во МГУ, 1987. С. 54.
6. Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы // Социол. исслед. 2001. № 1. С. 68.
7. Полошкевич О. А. Солидарность поколений: монография. Иркутск : Изд-во ИГУ 2014. 144 с.
8. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. № 15. № 2. С. 76–84.
9. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.

УДК 159.88

ББК 60.52

Полошкевич О. А., *Иркутск*

Социальное и личное время поколений

Исследуется социокультурное и историческое, культурологическое и антропологическое, психологическое и философское восприятие времени. В эмпирической части анализируются результаты субъективного восприятия времени представителями различных поколений. Доказывается, что темпоральные отличия формируются в конкретном социально-историческом периоде и зависят от жизненных событий и сценариев представителей различных поколений.

Ключевые слова: поколения, личное время, социальное время, представления, субъективные переживания, темпоральное восприятие.

Polyushkevich O. A., *Irkutsk*

Generational Social and Personal Time

The article discusses the socio-cultural and historical, cultural and anthropological, psychological and philosophical perceptions of time. The empirical part analyzes the results of subjective perception of time by representatives of various generations. It is proved that temporal differences are formed in a particular socio-historical period and depend on life events and scenarios of representatives of various generations.

Keywords: generations, personal time, social time, ideas, subjective experiences, temporal perception.

Время – категория общепhilософская. Его рассматривали многие ученые с различных методологических установок. Вопросы изучения времени уходят в далекое прошлое. О нем размышляли Аристотель, Плотин, Св. Августин Аврелий и др. Но более научно восприятие времени стало рассматриваться в рамках феноменологии Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, М. Мерло-Понти и др. Изучением субъективного времени занимались такие философы, как Б. Спиноза, Г. Лейбниц, Д. Юм, И. Кант, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, А. Бергсон, Г. Башляр, Э. Кассирер, У. Матурана и др. Представители психологии и биологии – В. И. Вернадский, А. А. Ухтомский, У. Джеймс, Г. Спенсер, З. Экснер, Э. Титченер, К. Левин, П. Жане, Г. Бакман и другие также достаточно много времени уделили этому вопросу. Исследования современной нейронауки раскрывают невидимую основу темпоральности – нейронные ритмы и процессы, которые не осознаются, но дают пищу уму, сознанию.

Если рассматривать эволюцию изучения времени в социологии, то в начале XX в. время рассматривалось *как интервал*, измеряемый часами или днями для фиксации работы, отдыха, спорта и т. д. Позже время рассматривалось *как событие*, ресурс, который наполнен событиями в понятиях социального порядка и контроля. На сегодняшний день появляется все больше исследований с позиции *переживания времени* классом, группой, обществом, т. е. исследуется его символическая составляющая в отнесении к опыту прошлого и ожиданиям будущего. Примером тому могут служить концепции повторяющегося и неповторяющегося (невозвратимого) времени или же время как ориентация на традицию (в традиционных обществах) или на социальное изменение (в современных обществах) [7]. Эти исследования проводят не одно десятилетие такие ученые, как М. Мид, Э. Гидденс, М. Хубер и др.

Все это показывает социокультурную обусловленность переживания времени. Символическое время – это время, проживаемое личностью или группой, которое может либо сплотить, либо разобщить ее, давая новые символы, знаки и способы отсчета времени.

Восприятие человеком времени – это особая система темпоральности, где включены такие психические способности, как память, внимание, суждение и другие, это нейрокогнитивный процесс.

Восприятие времени – дело субъективное, и зависит от ощущения реальности каждого отдельного человека (точнее, того, что человек считает реальностью), но в то же время каждое поколение

образует уникальную пространственно-временную связь, что помещает всех представителей этого поколения в единую пространственно-временную систему.

Эффект новизны, новая информация, усваиваемая мозгом, дают нам ощущение длинного времени. Школьные годы кажутся бесконечно длинными, университетские – значительно короче, а вся последующая жизнь пролетает как один день. Причина этого – использование шаблонных схем восприятия, фраз, не требующих обдумывания. Тем самым мозг не тратит время на переработку информации [9].

Время для человека распределяется на три основных периода: прошлое, настоящее и будущее. Каждая часть этого временного континуума может в сознании человека или сжиматься, или растягиваться в зависимости от текущей потребности.

В данном исследовании рассмотрение восприятия времени проходило с позиции поколений. Для этого надо допустить, что время – это прежде всего категория сознания, поэтому проникновение в проблему времени невысказимо без проникновения в концептуальную систему индивида и общества в целом. Опыт восприятия, оценки и проживания времени влияет на поколенческое единство [1; 2].

Время – это мера сознания. Экспериментально доказано, что когда людей помещают в пространство, где нет косвенных признаков течения времени (дневного света, часов и т. д.), через 16 часов они теряют ориентацию во времени.

Время имеет внешние формы оценки – циклы природы, измерение календарем или часами и т. д. Это некая матрица, куда помещается вся повседневная деятельность людей. Это время одинаково для всех. Люди по-разному им распоряжаются, но контекст времени един.

Осознание времени в нашей культуре приходит к восьмому году жизни. Чем старше человек, тем более точным является его временное восприятие. Но при этом молодыми и старыми людьми одни и те же промежутки времени воспринимаются неодинаково. Для молодых они более длинные, для старых – более короткие. Мужчины имеют более стабильную и точную оценку времени, чем женщины. Чем активнее человек, чем больше его переживания, тем быстрее для него проходит время. Малая мотивация для актуальных событий, бедность переживаний и высокая мотивация для будущих событий при ожидании приводят к переоценке интервалов времени. При высоком уровне использования отрезки времени недооцениваются. При воспоминаниях эти соотношения обратные [10].

В американском мировосприятии время имеет линейный характер. Но стоит понимать, что это хотя и удобно, но все же искусственно. Реальное природное *время* не является линейным.

Линейный характер времени зародился в обществе, ориентированном на рациональное приращение ресурсов, на умножение прибыли; *время – драгоценный и даже редкий товар*. Англосаксонские, германские и скандинавские народы в основном придерживаются линейного образа действий, для них важна последовательность действий, заниматься несколькими делами одновременно для них достаточно сложно. Благодаря такому пониманию времени возникла идеология управления временем (особенно рабочим).

В разделенной на сословия Британии этому принципу придают меньшее значение, а в Южной Европе, где авторитет, привилегии и право по рождению опровергают теорию на каждом шагу, он оказывается совершенно неадекватным действительности.

Южноевропейцы полиактивны. Чем больше дел они выполняют или устраивают в одно и то же *время*, тем более наполненной кажется им жизнь. Они *организуют свое время* (и жизнь) совершенно иначе, чем американцы, немцы и швейцарцы. Представители полиактивных культур не придают большого значения расписаниям и пунктуальности. Они делают вид, что соблюдают их, особенно если на этом настаивают моноактивные партнеры, но убеждены, что реальность важнее расписания встреч.

Распределяя свои дела по порядку, они учитывают, прежде всего, относительную эмоциональность или значимость каждой встречи. Испанцы, итальянцы и арабы не обращают внимания на количество прошедшего *времени*, только бы не оставлять разговор незаконченным. Для них межличностное взаимодействие – наилучшая форма инвестирования времени. Немцы и швейцарцы предпочитают распределение *времени* по часам, так как это кажется им наиболее эффективным, беспристрастным и точным способом *организации своей жизни*, в том числе и своего бизнеса.

В странах с моноактивным населением *время привязано к часам и календарю*, оно умозрительно разбито на части для нашего удобства, измерения и распоряжения. В полиактивных культурах, таких как арабское или романоязычное сообщество, *время соотносится с людьми и событиями*, это субъективная величина, которую можно подстраивать под себя, формировать, растягивать, с которой можно обращаться независимо от того, что показывают часы.

Как моноактивные северяне, так и полиактивные романоязычные народы убеждены, что они *распоряжаются временем* наилучшим из возможных способов. Тем не менее в некоторых восточных культурах единственно возможным отношением ко времени признается адаптация людей к нему. В этих культурах *время не линейно*, но и не привязано к людям или событиям, оно *циклично*. Каждый день солнце встает и садится, одно время года следует за другим, небесные тела совершают свое круговращение, люди стареют и умирают, но их дети повторяют все сначала. Этот цикл продолжается вот уже более ста тысяч лет. *Циклическое время* – не редкий предмет потребления. Кажется, что его сколько угодно, стоит только протянуть руку. Когда Бог создавал время, Он создал его достаточно, – говорят на Востоке.

Поскольку многие жители Азии хорошо знают о *циклической природе времени*, деловые решения принимаются там совершенно иначе, чем на Западе. Западный человек часто ждет от восточного быстрого решения или такого подхода к текущей сделке, который основан на ее сегодняшних преимуществах и не учитывает того, что было в прошлом. Но восточный человек так поступать не может. Прошлое создает контекст, подоплеку настоящего решения, которое они, как восточные люди, могут долго обдумывать – их руки связаны самыми различными обстоятельствами.

Китайцы, как и большинство жителей Востока, не спешат бросаться в воду, избегают поспешных решений, но обладают острым чувством ценности времени. Это особенно заметно в их *отношении ко времени*, отнятому у других людей, за что они часто извиняются. В Китае принято при завершении встречи благодарить участников за то, что они затратили свое *драгоценное время*. Пунктуальность в прибытии также считается важной – больше, чем во многих других азиатских странах. Действительно, когда два человека договорились о встрече, китайцы нередко приходят на 15–30 минут раньше, чтобы закончить дело до намеченного срока и тем самым не красть время у другого человека.

В Китае также считается вежливым, когда спустя 10 или 15 минут после начала встречи один из участников объявляет о том, что ему скоро придется уйти. И опять это делается ради достойной цели – *экономить время*, которое они у нас отнимают. Разумеется, китаец не уйдет раньше, чем переговоры будут завершены, а суть дела выявлена.

Японцы делят время на части. Эта сегментация осуществляется не по американской или немецкой модели, где задачи выстраиваются в логической последовательности, для того чтобы обеспечить максимальную эффективность и быстроту их выполнения. Японцы больше озабочены не тем, сколько *времени* занимает то или иное дело, а тем, как *время распределено* согласно с правилами вежливости и традициями.

В своем традиционалистском и тщательно регламентированном обществе японцы всегда предпочитают знать, где и в каком положении они находятся. Это относится как к деловым, так и к жизненным ситуациям. Обязательный при первой встрече менеджеров двухминутный обмен визитными карточками является одним из самых ярких примеров ритуализации *времени*, отмечающей начало отношений. Такая маркировка применяется в японском обществе к самым разнообразным событиям, фазы которых для западного мира в большинстве случаев не имеют серьезного значения. В качестве примера строгой регламентации фаз события можно привести фазы начала и завершения всех типов учебных занятий в Японии, где ни один урок не может состояться без формального приветствия учителя учениками в начале и ритуального выражения признательности в конце.

Индивидуальное или личное время переживается субъективно, оно переживается как бессознательное, органическое чувство, и это чувство невозможно измерить, так как оно зависит от индивидуального ритма и стиля, мировоззрения и социального положения тех, кто его переживает.

Личностное время выступает как последовательный синтез психических времен: субъективно переживаемого или времени переживания, происходящего на подсознательном уровне; перцептуального времени – времени созерцаний и впечатлений, происходящего на частично осознаваемом уровне; функционального времени или времени действия, часто происходящего на подсознательном уровне; рефлексивного времени или времени размышлений, происходящего в осознаваемо-дискурсивной форме; и креативного времени, или времени творения, – озарения, вдохновения, происходящего на надсознательном уровне [11].

Так же как и коллективное, индивидуальное время может осознаваться и конструироваться или восприниматься как данность, в которую включен человек. В традиционных системах разных куль-

тур издревле существовали методики управления индивидуальным временем (медитация, йога). Их суть отражается в концентрации внимания (сознания) индивида на внутренних состояниях и энергии человека и перераспределении их внутри и вовне.

Коллективное время – время, объединяющее людей в конкретный временной интервал (исторический период) и задающее определенные эмоциональные, когнитивные и деятельностные смыслы и реакции. Они определяют как повседневные практики людей, так и общие тенденции развития общества. Например, время революций или политических переворотов изменяет как отдельные судьбы (*кто был ничем, тот станет всем*), так и общие векторы развития страны (политические установки, идеологию и т. д.).

Достаточно много наших современников включены во временной цикл, заданный не ими самими, а внешними институтами. Управление временем требует воли и ответственности. Далеко не все обладают первым и вторым. Стоит вспомнить Э. Дюркгейма, который говорил, что строго говоря, общество включает также и вещи [5]. Эту линию размышлений Дюркгейма в современной социологии продолжил Латур, часть теоретических построений которого связана с исследованием вещи как недостающей массы в социологии и роли вещей в социальном мире и конструирующих временную перспективу [8]. В качестве актантов¹ социальной сети по Латуру могут выступать как живые, так и не-живые существа [14]. При этом социальная сеть может иметь достаточно сложную многоуровневую архитектуру. Например, актантом может быть как рабочий, так и станок, с которым он работает. Актантами могут быть и завод с поселком. Примером этого явления может служить исследование Д. Димке и И. Корюхиной [4], где симбиоз завода и поселка, разрушение которого привело к утрате общего ритма времени, может быть рассмотрен как одна из иллюстраций к концепции Латура. Завод обеспечивал жителей поселка рабочими местами и возможностью учебы (при заводе был техникум), жильем и квалифицированным медицинским обслуживанием. Но помимо всего этого завод – как актант в социальной сети – задавал ритм жизни сообще-

¹ Социальный мир по Латуру представляет собой сплетение деятельности людей и материального мира. Если мы хотим понять, как он возникает, то мы не должны отделять одно от другого. Термином «актант», который Латур заимствует у Грей-маса, он обозначает любое действующее лицо, значимое для создания социальной сети.

ства. В каком-то смысле завод производил не только фарфоровую посуду, но и время. Исчезновение механического актанта разрушило всю социальную сеть. Жители поселка утратили ритм времени.

То же самое касается и многих других пространств постсоветской России. Многие вновь возникшие предприятия не всегда являются определяющими жизненное время отдельных людей и целых социальных групп. В силу того, что у многих людей нет уверенности в будущем, нет понимания, во сколько ложиться спать и во сколько вставать, а главное – зачем и как жить, некоторые предприятия или социальные группы определяют это за них.

Насколько время схоже в среде различных поколений – настолько они объединены социокультурно. Исследовать время – задача не простая сама по себе, а в контексте теории поколений еще более трудная.

Также принципиальным моментом является выделение своего и чужого времени. Когда кто-то регламентирует ваше время (давая задания и проверяя их выполнение – в школе или на работе), это время вам не принадлежит. Когда школьник читает книгу, чтобы выступить на занятии, – он использует чужое время, когда он же читает книгу по своему желанию, – он заполняет свое время.

Свое и чужое время зачастую не совпадают. Яркий пример – Александр Македонский – человек действия (*Veni, vidi, vici*¹), его личное время было плотным и многособытийным. С его смертью империя рухнула, т. е. его личное время не совпадало со временем империи (социальным временем).

Если обратиться к американскому тайм-менджменту, где расписывается линейное время, несложно проследить, что в основном расписывается чужое время. В отличие от стран Запада, в Азии принято распоряжаться своим временем.

Возможно, тут уместно говорить о цивилизационных нормах, которые определяют систему мышления и восприятия пространства и времени. Американская культура – это не самостоятельная цивилизационная система, это сплав разных культур и цивилизаций, поэтому своего пространственно-временного континуума, потока там не сложилось.

¹ Лат.: Пришел, увидел, победил.

В исследовании¹ показано, как неодинаково понимают, чувствуют и живут во времени представители разных поколений.

Прежде всего нас интересовало, что такое время. Вопрос был открыт, поэтому участники исследования могли максимально объемно и точно дать ответ на этот вопрос.

Время – это форма представления о событии. Стало быть, время – это условие анализа некой точки в прошлом, настоящем или будущем.

Хотя существует и иной взгляд – где нет прошлого и нет будущего, есть только настоящее. Прошлое формируется через наши представления о нем, будущее – через наши ожидания. В любом случае они ложны или субъективны. Реальность есть только в настоящем. И именно события в настоящем определяют наше время.

Ответы говорят о том, что время воспринимают как физическое явление (24 %), биологическое явление (33 %), социально-культурное явление (17 %), историческое время (15 %), и 11 % не смогли сказать, что такое время (табл. 1).

Таблица 1

Время – это...

Время как явление	Пример
Биологическое	Время – это длительность жизни. Время – это физиологические особенности жизни всего живого. Время – это жизнь
Физическое	Время – это часы. Время – это мера измерения мира. Время – это 24 часа. Время – это движение
Социально-культурное	Время – это то, что ты успел за свою жизнь. Время – это воспитанные правильно твои дети. Время – это то, что ты успеваешь сделать. Время – это прогресс
Историческое	Время – это эпоха, в которую мы живем. Время – это событие, определяющее развитие общества. Время – это открытия и изобретения, определившие исход эпохи

¹ Исследование состояло из анкетного опроса (2 600 анкет) среди представителей разных поколений. Возраст респондентов от 18 до 88 лет. Также в ходе исследования нами применялся ассоциативный эксперимент (восприятия времени) и тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО).

Биологические определения времени давали все поколения респондентов, так как это понятие является общеобразовательным минимумом. Большинство граждан нашей страны обладают (пока еще) необходимым общеобразовательным уровнем. Например, в Португалии обязательное всеобщее среднее образование было введено только в 2009 г., что, естественно, отражается на общеобразовательном уровне жителей этой страны, особенно в среде старших поколений.

Люди условно старшего поколения в основном определяли время как историческое явление. Это можно объяснить пониманием того, что все, что происходит в стране, отражается на нашей жизни, возможностях, реалиях и перспективах.

Люди условно среднего поколения в основном указывали социально-культурные характеристики. Это объясняется тем, что происходит оценка того, что ты успел или не успел в этой жизни. Кризисы 30 и 40 лет в большинстве случаев строятся на переоценке ценностей и смыслов жизни.

Люди условно младшего поколения в основном называли физические характеристики. Это определяется особенностями мышления и восприятия окружающего пространства, когда время еще не является ценностью, растрачивается необдуманно и легко. Время – не глубина познания, а способ измерения того, что есть вокруг.

Нами изучалась ориентация во времени представителей трех условных поколений (табл. 2).

Таблица 2

Ориентация во времени у представителей разных поколений, %

Поколение	Ориентация		
	Будущее	Настоящее	Прошлое
Условно младшее	35	50	15
Условно среднее	25	55	20
Условно старшее	10	15	75

Из данных табл. 2 видно, что ориентация на прошлое наиболее выражена у старшего поколения (75 %), они обладают более длительной временной перспективой, с позитивной эмоциональной окраской, и более реалистичны. *(Моя жизнь строилась как у всех, закончил школу, армия, потом женился, устроился на завод, стал старшим слесарем через 5 лет, пошел в вуз на заочное, потом стал начальником цеха, уже двоих детей родили, квартиру получили, дачу купили, жигули – все как у людей. Потом на пенсию вышел. Теперь вот дачей занимаюсь, да с внуками вожусь. Теперь волнует – какой урожай будет, да как часто детей буду видеть).*

Представители условно среднего поколения, ориентированные на настоящее (55 %), обладают более короткой временной перспективой, меньше склонны к структурности восприятия событий и менее реалистично воспринимают их (*Доработаю еще год до старшего специалиста, потом перейду в другой отдел, через 5 лет перееду в Москву, стану руководителем отдела, еще через пять лет вернусь обратно руководителем регионального отделения*).

При этом вектор времени в периоды социального хаоса становится инверсионным: прошлое переносится в будущее и даже оформляется как идеал-симулякр. (*Раньше хорошо всем жилось, а сегодня – кто успел наворовать, тот хорошо и живет, а кто честный и скромный – тот ничего не имеет*). Личные ожидания и проекты соотносятся с тем, что могло бы быть, если бы не изменения в социуме. Отсюда возникает у человека ощущение безвременья. Безвременье понимают как отсутствие временных рамок, ориентируясь на которые, человек выстраивает свою пространственно-временную перспективу. *Если бы я жил в Москве, я бы смог добиться большего. А у нас – нет никаких перспектив. Вот, доживаю свой век*.

Представители условно младшего поколения ориентированы на настоящее (50 %), но именно у них наиболее выражена ориентация на будущее (35 %). Временная перспектива средняя (не более 10–15 лет), значительно больше иллюзий, чем у представителей среднего поколения, и нет осознанного понимания того, что будет после, чем будет заполнена жизнь во времени и пространстве (*Закончу университет, пойду в армию, устраюсь на работу, построю карьеру, в 30 лет женюсь, родим двоих детей, потом внуков нянчить будем. Закончу университет, устраюсь на работу, выйду замуж, рожу ребенка.. а потом.. не знаю.. буду его воспитывать*). Как бы мы ни говорили о личном, оно растет из семейного и родового. Эта фраза появилась после того, как ценности рухнули. Но старшее поколение не предложило ничего взамен, и молодому поколению не от чего оттолкнуться. Жить из точки своего Я могут далеко не все. Ребенок – единственная ценность, что осталась от былых ценностей.

В 90-е гг. были утеряны ценности профессии и служения ей. Ценность профессий врача, учителя была незыблемой в советское время и потеряла свою значимость после 90-х гг. XX в. Более подробно об этом рассказывается в исследовании О. А. Кармадонова

[6]. На сегодняшний день государством не предложена новая модель, мы живем вне моделей, вне идеологии. Мы остановились по дороге к капитализму, используя его ценности, но не давая проявиться его возможностям.

Интересным является анализ концептуальных метафор, которыми оперировали респонденты, давая характеристику времени. Время как живое существо упоминалось 2 297 раз, время как неживое существо упоминалось 1 594 раза. На рис. 1 наглядно показано соотношение представлений о времени у представителей различных поколений.

В табл. 3 дан более развернутый анализ метафор о времени.

Итак, мы можем выделить метафорический блок **Время – живое существо**, внутри которого обозначено несколько разрядов, формирующих пространство солидарности представителей различных поколений.

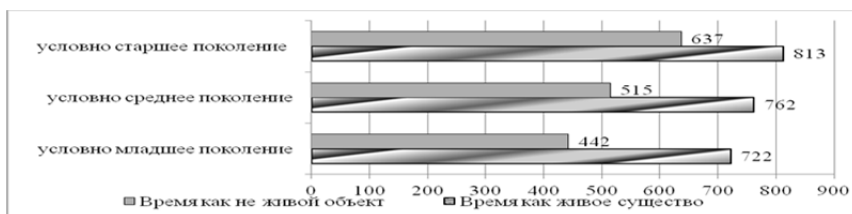

Рис. 1. Восприятие времени как живого и неживого объекта представителями трех условных поколений, кол-во ответов

Символические метафоры: *лицо времени, рука времени, голос времени, пульс времени* и т. п., из которых формируются следующие универсалии, определяющие единство разных поколений по принципу очеловечивания времени. Для условно младшего поколения человеческое начало осознается интуитивно, на внутреннем уровне (биение пульса) [11]. Для условно среднего это визуальные образы времени (*рука времени, голос времени*), что заставляет констатировать, что представители этого поколения менее доверяют своим чувствам, интуиции – им необходимо *видеть*, чтобы понимать развитие или деградацию общества и личности, времени и безвременья. Для условно старшего поколения время – это звуки, слышимые в разных средах и пространствах. Каждое поколение дает свое восприятие и оценку времени.

Таблица 3

Концептуальные метафоры времени в среде разных поколений, кол-во ответов

	Условно младшее поколение		Условно среднее поколение		Условно старшее поколение	
Время как живое существо						
Символические метафоры	Пульс времени	86	Лицо времени, рука времени	66	Голос времени	54
Время – высшее существо	Власть времени, требование времени	109	Время диктует, время велит, время требует	144	Закон времени, диктат времени, приказ времени	167
Время – участник конфликта	Быть не в ладах со временем, сопротивляться времени	122	Победить время, бороться со временем	107	Время побеждает	97
Время – судья	Суд времени	106	Приговор выносит время	104	Время рассудит	100
Время – разрушитель	Время разрушает	65	Время стирает	87	Время ломает	99
Время – движущаяся сущность	Ход времени, время стоит	132	Время идет, шаги времени, догонять время	167	Время проходит, время летит	182
Иные антропоморфные метафоры времени	Время не ждет, время (не) терпит, дети времени, порождение времени	102	Время работает на/за/против нас, время учит, урок времени	87	Время покажет, время – учитель, время лечит, время – лекарь	114
Итого	722		762		813	
Время как неживой объект						
Время – поток	Течение времени	140	Время течет, поток времени	148	Время истекло, волны времени	165
Время – объект воздействия	Распоряжаться временем, тратить время	86	Искать время, найти время, отнять время	89	Терять время, иметь время	95
Время – ценность	Выиграть время	45	Время стоит (дорого)	65	Ценить время, беречь время	98
Метафоры, отражающие связь времени и пространства	Путешествие во времени, шкала времени	62	Уложиться во времени, линия времени	91	Нить времени, дорога времени	114
Иные неживые метафоры времени (отражающие неличный характер)	Обороты времени	109	Круг времени	122	Колесо времени	165
Итого	442		515		637	

Концептуальная метафора **Время – высшее существо**: *власть времени, закон времени, диктат времени, время диктует, время велит, время требует, требование времени, приказ времени* и т. п. То есть каждое поколение трактует время как *высшую силу*: *время – правитель, время – командир, время – диктатор*. Время – тот, кто имеет право управлять всеми.

Для условно младшего поколения это скорее потребность соответствовать новому, отказ от старого (поведения, стереотипов, взглядов и т. д.).

Для условно среднего поколения эта тяжесть времени ощущается в настоящем (здесь и сейчас) – время диктует, велит, требует. Это постоянная гонка и боязнь не успеть что-то сделать. Стрессы и депрессии, которым все больше и больше подвержены люди данного поколения, являются результатом именно такого восприятия времени [13].

Для условно старшего поколения время в данном ключе воспринимается как нечто неизбежное и подчинение его требованиям является нормой (закон времени, приказ времени). Время как неизбежное зло.

Концептуальная метафора **Время – участник конфликта**: *быть не в ладах со временем, сопротивляться времени, время побеждает, победить время, борьба со временем, бороться со временем* и т. п. Анализ метафор этого разряда позволяет говорить о том, что *время – противник, время – победитель, время – побежденный, время – убийца и время – жертва*. Это ситуация противоборства. Человек борется со временем, но на самом деле он борется с собой в разных состояниях.

Для условно младшего поколения это находит отклик в бунтарских настроениях борьбы со временем либо констатации факта, что его всегда не хватает. Что, в общем-то, соответствует возрастным психоэмоциональным состояниям.

Для условно среднего поколения время в данном контексте выступает задачей номер один – победить время для женщин означает продлить привлекательность и обаяние, для мужчин быть также востребованным среди представительниц противоположного пола.

Для условно старшего поколения это принятие безысходного – что время берет свое и всегда побеждает.

Концептуальная метафора **Время – судья**: *суд времени, время рассудит, приговор выносит время*. То есть *время – судья, время – суд*.

Для условно младшего поколения суд времени – это оценка того, что сделали предыдущие поколения, их достижения и провалы, оценка отдельных личностей и целых эпох. Это опосредованное восприятие, которое очень объединяет группу.

Для условно среднего поколения – это оценка настоящих событий с позиции времени. Они не смотрят в прошлое, они живут и оценивают настоящее. Время как спаситель. И в этом они близки к старшему поколению.

Для условно старшего поколения время ставит все точки над I. Ему нельзя противостоять. Оно безусловный вечный победитель.

Концептуальная метафора **Время – разрушитель**: *время разрушает, время стирает, время ломает* и т. п.

Для условно младшего поколения разрушение старого – это залог возрождения и формирования нового. Время-разрушитель для данного поколения имеет позитивные коннотации.

Для условно среднего поколения время стирает, делает нейтральным или неизвестным, или не таким острым и важным в памяти одного человека или целого народа разные события. В этом аспекте время-разрушитель – это лекарь.

Для условно старшего поколения время имеет самую негативную коннотацию, так как у большинства респондентов имеется страх смерти, страх завершения, итога, и время постоянно об этом напоминает.

Концептуальная метафора **Время – движущаяся сущность**: *время идет, время проходит, время летит, ход времени, шаги времени, догонять время, время стоит* и т. п.

Для условно младшего поколения движущиеся моменты времени воспринимаются изнутри, из настоящего момента проживания времени. Ход времени как результате того, что именно я нахожусь здесь и сейчас (поэтому оно *шло до* этого момента и *сейчас стоит*). Время как бы проецируется на одного человека, на одно поколение, так как подобные ответы наблюдаются практически у всех респондентов этого поколения.

Для условно среднего поколения время – это ускользающий механизм. Как уже было сказано выше, это порождает чувство постоянного бега за временем, желание его догнать; шаги времени показывают, что нового происходит с нами (с поколением), что устаревает, а что появляется, что забывается, а что возрождается вновь.

Для условно старшего поколения темпоральность имеет негативные контексты – летит, проходит, нельзя успеть, наверстать, изменить. Чем старше человек, тем меньше он концентрирует время на себе.

Другие антропоморфные метафоры времени: *время не ждет, время (не) терпит, время покажет, дети времени, порождение времени* – характерны для представителей условно младшего поколения и иллюстрируют, как это поколение ощущает себя в настоящий момент. *Время работает на/за/против нас, время учит, урок времени* – характерны для представителей условно среднего поколения и показывают, как они воспринимают то, о чем мечтали и чем жили в молодости и сейчас, по сути, эти метафоры показывают, что их ждет в будущем. *Время – учитель, время лечит, время – лекарь* характерны для представителей условно старшего поколения и олицетворяют смирение со временем. Дают такое понимание и интерпретацию времени следующие метафоры: *время – соратник, время – противник, время – учитель, время – врач, время – родитель*.

Также интересно осмысление времени в категориях неживых объектов.

Концептуальная метафора **Время – поток**: *время течет, поток времени, течение времени, время истекло, волны времени* и т. п. Анализ приведенных в данном разделе контекстов позволяет говорить о таких метафорах, как: *время – поток, время – река, время – вода*.

Для условно младшего поколения это течение времени, т. е. восприятие времени из настоящего момента (течение – медленное и соразмерное). Прошлое и будущее размыто, есть только настоящее.

Для условно среднего поколения время приобретает большую шкалу, отражающуюся в динамических метафорах (течет, поток). Время более насыщено не только в настоящем, но есть что помнить и что забыть, и есть о чем мечтать (конкретном или реальном).

Для условно старшего поколения – это оценка конечности личного времени (истекло) или же социального времени как констатации социальных перемен (волны времени).

Концептуальная метафора **Время – объект воздействия**: *искать время, найти время, занять время, отнять время, иметь время, распоряжаться временем, тратить время, терять время* и некоторые другие. Время как объект обладания может проходить все фазы посессивности.

Для условно младшего поколения распоряжаться, тратить означает использовать, наполнять смыслом и значением (как личным, так и социальным). И если вторичные институты социализации будут активно работать, то эти функции времени будут разнообразно заполнены у каждого поколения.

Для условно среднего поколения искать, найти, отнять время – это прикладной аспект использования и распоряжения под конкретные задачи или цели.

Для условно старшего поколения терять и иметь время – это констатация того, что что-то уже навсегда упущено и не вернется никогда, и знание того, что все равно время есть. Вопрос в другом – как им распоряжаться. Старшее поколение не обучено самостоятельно это делать, во времена их молодости предприятия, да и целая страна определяли, как распоряжаться и чем заполнять время. Сегодня, увы, каждое поколение отдано на откуп самому себе, поэтому и возникают моменты актуализации консолидации.

Концептуальная метафора **Время – ценность**: *ценить время, беречь время, время стоит (дорого), выиграть время* и т. д. Основными категориями, измеряющими данное восприятие времени, являются *время – ценность, время – деньги, время – приз*.

Для условно младшего поколения важным становится компонент выигранного времени, которое при получении сразу теряет свою ценность. Тут важен процесс, а не результат.

Для условно среднего поколения это эквивалентная оценка времени (*время – деньги*).

Для условно старшего поколения это ценностная оценка времени (ценить и беречь время), означает понимание хрупкости и недолговечности данного ресурса.

Метафоры, отражающие связь времени и пространства: *путешествие во времени* (характеристика *время – пространство*), *уложиться во времени* (характеристика *время – вместительность*), *линия времени, шкала времени, нить времени, дорога времени* и некоторые другие отражают представления о линейной модели времени. Метафоры *колесо времени, круг времени* демонстрируют наличие представлений о циклической модели времени.

Для условно младшего поколения важными являются путешествия во времени и шкала времени – дань веяниям массовой культуры, в которой предлагаются альтернативные варианты развития

событий и альтернативные шкалы измерения времени и жизни. Допускаются элементы циклического и параллельного времени.

Для условно среднего поколения важными характеристиками являются внешняя оценка действий во времени (важно уложиться во времени), а также понимание того, что есть линия времени (линейный тип восприятия времени).

Для условно старшего поколения время понимается как последовательность (линейность) времени – нить, дорога, что показывает укорененность в сознании старого опыта социализации.

Анализ концептуальных метафор блока Время – живое существо и выводимых на их основе убеждений позволил выделить следующие языковые архетипы времени: *время – высшая сила; время – опасность; время – сила, которую покоряет человек; время – сила, которая помогает человеку.*

Представления о времени как о неживом объекте по своей природе неоднородны, однако анализ выделенных убеждений позволяет определить несколько основных языковых архетипов: *время – одна из природных стихий; время – ценность.*

Анализ метафор становится более понятным при следующем анализе высказываний о времени, чаще всего слышимых респондентами в своем окружении. Важность изучения оценки ближайшего окружения прослеживается в том, что со временем убеждения близкого круга людей становятся нашими. И если сегодня мы можем с ними не соглашаться, то завтра, скорее всего, будем думать аналогично.

В кругу условно младшего поколения, время – это деньги, жизнь, любовь, карьера и т. д. Все определения емкие и краткие, имеющие множество контекстов и смыслов. Практически всегда это смысловая, констатирующая характеристика.

В кругу условно среднего поколения время – это оценочная характеристика (времени не бывает много, времени не хватает).

В кругу условно старшего поколения время – это возможности, реальные или упущенные – неважно. Время – это работа. Время – это долг (табл. 4).

Интересны различия в оценке различными поколениями высказываний о социальном времени.

Для условно младшего поколения социальное время – это всегда категория должен, зачастую в негативном или пессимистичном контексте.

Таблица 4

Высказывания о времени в близком круге

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Время – деньги. Время – жизнь. Время – это карьера
Условно среднее	Время – это здоровье. Времени никогда не хватает. Времени не бывает много
Условно старшее	Время – это возможность работать. Время – это упущенные возможности. Время – это обязательства и долг

Для условно среднего поколения социальное время – это опять же должен в контексте личного признания и личного выполнения.

Для условно старшего поколения социальное время – это некие общие социальные обязательства, которые принесут благо всем.

Такая разная оценка времени в ближайшем круге характеризуется разными установками и потребностями поколений.

Интересны ответы респондентов о социальном и личном времени. Социальное время – это время, посвященное активной работе, общественной и семейной жизни. Личное время – это время, посвященное заботе о физическом здоровье и саморазвитии. Социальное время могут регламентировать другие люди или события, личное время структурирует сам человек. Распределение первого и второго показывает, насколько важны для него предписываемые обществом требования и насколько он внутренне свободен (табл. 5).

Таблица 5

Высказывания о социальном времени

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Социальное время – это то, что я должен сделать в школе, в университете, дома. Социальное время – это то время, когда я должен быть, как все. Социальное время – это время, когда я нахожусь в кругу друзей
Условно среднее	Социальное время – это время, когда я на работе. Социальное время – это время моих обязательств перед начальником, друзьями, семьей. Социальное время – это время воспитания детей
Условно старшее	Социальное время – это время общего блага. Социальное время – это то, что делает нашу жизнь лучше. Социальное время – это то, что делает нас личностью

Из данных табл.5 видно, что для всех поколений социальное время регламентируется взятыми добровольно или принудительно обязательствами, которые выполняет человек всю жизнь. Но для условно младшего и среднего поколения – это сфера долженствования и выполнения социальных ролей, чтобы быть признанным и признаваемым в своем круге, для условно старшего поколения социальное время – это время служения на благо высших идеалов, когда личные амбиции и тщеславие уже отходят на второй план и наполненность социального времени показывает нужность этого человека в определенном круге (семейном, профессиональном и т. д.). Социальное время вытесняет чувство одиночества и покинутости у представителей старшего поколения, но не искореняет его.

Также есть различия в оценке условными поколениями личного времени (табл. 6).

Таблица 6

Высказывания о личном времени

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Личное время – это и есть моя жизнь, это развлечения. Личное время – это общение с друзьями (виртуально и реально). Личное время – это время для самопонимания
Условно среднее	Личное время – это время, когда ты наедине с собой. Личное время – это время отдыха. Личное время – это время просмотра ТВ
Условно старшее	Личное время – это время вне работы. Личное время – это просмотр ТВ. Личное время – это хобби

Для условно младшего поколения личное время – это *досуг, развлечения, общение*.

Для условно среднего поколения личное время – это *индивидуальное пространство, отключение от мира*.

Для условно старшего поколения личное время – это *нерабочее время*.

Ответы показывают, что из совместного преодоления мы переходим в зону личного восприятия времени.

Эти данные демонстрируют влияние внешнего контекста, социальных условий восприятия времени разными возрастными группами. Все более ускоряющийся темп жизни заставляет искать новые формы заполнения личного времени. Люди условно среднего поколения утрачивают возможность быть наедине с собой, быть теми,

какими они хотят быть, так как общество слишком много ждет от них [11]. Представители старшего поколения имеют больше личного времени, но не могут его заполнить, так как в течение жизни научились пользоваться только социальным временем. Больше всего времени у условно младшего поколения, но и они используют его в условно личном контексте, так как общение с друзьями, досуг – это форма проявления социальной принадлежности, принадлежности к некому кругу. В сознании происходит подмена личного социальным пространством. Неумение наполнить личное пространство в разные возрастные периоды приводит к одиночеству, потере смысла жизни, депрессии (об этом говорили как классики – Х. Ортега-и-Гассет, Э. Фромм, К. Юнг¹, так и современники – Т. М. Караханова, Г. Р. Хамзина, В. Д. Патрушев² и др.).

Мы попросили представителей трех условных поколений распределить все свое время на две части – личное и социальное. Субъективное распределение оказалось вполне соответствующим данным исследователей (табл. 7).

Таблица 7

Распределение личного и социального времени, %

Поколение	Социальное время	Личное время
Условно младшее	65	35
Условно среднее	80	20
Условно старшее	60	40

Как бы вы оценили свое время в настоящем, если бы смогли вернуться в этот момент из будущего, когда вам уже 80 лет? Данный вопрос позволил проследить то, что мы предъявляем, говоря о времени с кем-то, и что на самом деле думаем и чувствуем, выстраивая свою жизнь, события в ней, понимая и управляя или тратя и не замечая время. Также это способ увидеть то, чего не хватает человеку сегодня, но в чем он сам себе может не признаться (табл. 8).

¹ Руткевич А. М. Ортега-и-Гассет // Новая философская энцикл. : в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. 500 с; Фромм Э. Бегство от свободы. М. : АСТ-Минск : Харвест, 2005. 571 с.; Юнг К. Г. Указ. соч. 360 с.

² Караханова Т. М. Свободное время городских жителей: прошлое и настоящее // Социол. исслед. 2014. № 1. С. 66–79; Хамзина Г. Р. Социальное время перемен: взгляд из региона городских жителей: прошлое и настоящее // Социол. исслед. 2004. № 9. С. 88–93; Патрушев В. Д. Социальное время работающих горожан России и США (сравнительный анализ) // Социол. исслед. 2004. № 2. С. 28–34.

Таблица 8

Оценка респондентами своего настоящего времени с позиции будущего

Поколение	Высказывания
Условно младшее	Надо быть более свободным и уверенным в себе. Время дает новые возможности
Условно среднее	Я много упускаю, потому что боюсь. Не бойся. Время помогает
Условно старшее	Я недостаточно сделал. Я не смог

Для условно младшего поколения оценка настоящего с позиции будущего – это *надежда*, ориентир на то, что все получится.

Для условно среднего поколения оценка настоящего с позиции будущего – это *страх*, что не все может получиться, и вина за это лежит на самом человеке, хотя это совсем не хочется признавать.

Для условно старшего поколения оценка настоящего с позиции будущего – это *сожаление* о том, что поддался страхам, а не повел себя в то время.

Каждому поколению не хватает своего толчка, но при этом каждое из них проходит одинаковые этапы – *надежды, страха и сожаления*.

Например, после распада СССР из бывших республик выехали лучшие специалисты в сфере образования, медицины, инженерии, и власти этих республик столкнулись с дефицитом профессиональных кадров. И только спустя десятилетия им удалось создать национальные институты, хотя далеко не везде на том же уровне, что и до распада Союза.

Обозначилась еще одна закономерность. Время – это не количество прожитых лет, а количество событий.

Событие – *со-бытность* кого с кем, чего с чем, пребывание вместе и в одно время; событийность происшествий, совместность, по времени, современность. Событие – то, что имеет место, происходит, наступает в произвольной точке пространства-времени; значительное происшествие, явление или иная деятельность как факт общественной или личной жизни. В истории эпохи обозначаются *событиями* того или иного значения, а личная жизнь человека отмечается знаковыми *событиями* [3].

Это выразилось в том, что наши респонденты говорят о событиях, определяющих временные интервалы (*женился, развелся, родился сын, поступил в институт, армия, съездил в Турцию, съездил в Таиланд, купил квартиру, купил машину, купил телефон* и т. д.).

Интересным является то, что события все больше оцениваются как приобретение символических вещей, значимых в определенной среде (телефона – среди молодого поколения, квартиры – среднего и машины – старшего). Вещь выступает как маркер личного и социального времени¹. В табл. 9 представлено более подробное описание события, знаменующего определенный момент или промежуток времени для каждого респондента в отдельности, и при этом все ответы объединены в категории условных поколений.

Безусловно, во все времена молодежь предпочитает одни вещи, а более старшие поколения совсем иные. Но уникальность современного момента в том, что обладание вещами приравнивается к качеству жизни, важной становится форма, а не суть. Максимальные проценты показывают важность именно этого аспекта для всех поколений.

Погоня за вещами стала результатом воздействия массовой культуры. Ее влияние происходит на все поколения. Погоня за новыми вещами объединяет людей. Бесконечный круг потребления определяет социальное положение, статусы и возможности каждого человека.

Пропаганда отдыха, развлечений, веселья, удовольствий – это подмена того, ради чего мы живем.

Получение знаний (образования) – важный этап в жизни любого человека. Чем моложе респонденты, тем больше событий и эмоций вызывает этот процесс и тем больше о нем говорят. С возрастом получение знаний становится больше производственной необходимостью, нежели личностной потребностью или обязательным условием социализации.

Опыт социализации в различных образовательных системах формирует формальные и неформальные группы людей, солидарных внутри себя и разобщенных или также объединенных внешне. Для более молодого поколения значение имеет, где ты проходил этот опыт социализации – элитная школа или университет, дети чьих родителей учились в твоём классе и т. д. Тогда как для старшего поколения система образования давала знания вне зависимости от места и времени ее получения, одноклассники близки не по статусу рождения, а по месту проживания и единства общих установок.

¹ Вещи, которыми ты владеешь, в конце концов начинают владеть тобой. (Чак Паланик)

Таблица 9

События как способы измерения времени среди представителей разных поколений

События	Условно младшее поколение		Условно среднее поколение		Условно старшее поколение	
	%	Примеры	%	Примеры	%	Примеры
Приобретение вещей	45	Покупка телефона. Покупка смартфона. Покупка айпада. Покупка велосипеда. Покупка сноуборда. Покупка горных лыж. Покупка машины	46	Покупка машины. Покупка квартиры (в ипотеку). Покупка ювелирных украшений. Покупка новой мебели. Покупка телевизора с большим монитором. Покупка второго компьютера/ноутбука	32	Покупка квартиры детям/внукам. Покупка гаража. Покупка машины. Покупка телефона. Покупка новой техники на кухню. Покупка телевизора
Получение знаний (образование)	15	Обучение в школе. Обучение в вузе. Изучение иностранного языка. Дополнительное образование (музыкальное, художественное, спортивное). Обучение за границей (от 3 месяцев до 6 лет)	11	Обучение в вузе. Второе высшее образование. Заграничные стажировки. Новые места работы	5	Обучение в вузе/техникуме. Повышение квалификации на основном месте работы. Одно место работы
Приобретение культурного опыта (путешествия)	12	Путешествие в СПб с классом. Поездка в Египет. Поездка по Европе автобусным туром	8	Поездка в Турцию. Поездка в Таиланд. Поездка в Египет. Поездка в Европу	4	Поездка в Турцию. Поездка в Таиланд
Приобретение нового опыта межличностного общения	11	Знакомство с людьми из других стран через Интернет (ICQ, Вконтакте, face-book, Одноклассники и т. д.)	5	Интернет-знакомства и последующая свадьба. Поиск одноклассников или родственников через социальные сети	3	Посещение новых кружков (садоводов, пенсионеров и т. д.)

События	Условно младшее поколение		Условно среднее поколение		Условно старшее поколение	
	%	Примеры	%	Примеры	%	Примеры
Получение духовного опыта	5	Приобщение к одной из религий. Духовные практики и учения (йога, цигун и т. д.)	5	Приобщение к одной из религий. Тренинги личностного роста	21	Приобщение к одной из религий
События регионального уровня	5	Открытие кинотеатров. Открытие спортивных клубов. Открытие новых торговых комплексов. Открытие новых развлекательных комплексов	12	Выборы мэра. Выборы депутатов Законодательного собрания. Строительство новых жилых комплексов. Реконструкция дорог. Пожары. Наводнения	16	Пожары. Наводнения. Выборы мэра. Назначение губернатора. Выборы в законодательное собрание
События общероссийского уровня	4	ЕГЭ. Трудоустройство по специальности. Карьерный рост. Стабильная хорошая зарплата	8	Чеченский вопрос. Терроризм. Поставка газа в Китай. Поставка газа в Европу. Прожиточный минимум. Процентные ставки по вкладам в банках. Карьерный рост. Стабильная хорошая зарплата	14	Чеченский вопрос. Терроризм. Размер пенсии. Социальные льготы
События общемирового уровня	3	Чемпионат мира по футболу. Олимпиада в Сочи	5	Отношения между Россией и Украиной. Чемпионат мира по футболу. Олимпиада в Сочи. Присоединение Крыма к России	5	Отношения между Россией и Украиной. Присоединение Крыма к России

Получение культурного опыта (путешествий) также достаточно распространено. Путешествия позволяют полностью изменить свои ограничивающие убеждения и представления об окружающем мире, которые создаются при длительном нахождении в одном месте. Путешествия позволяют увидеть мир совершенно с разных сторон. Это не просто смена декораций, возможность загорать, купаться в море, есть свежие экзотические фрукты, а наполнение себя знаниями, которые нас меняют.

Когда вы находитесь в одном месте, зима, осень, лето, весна кажутся вам сменяющимися временами года. Путешествия позволяют понять, что на самом деле все времена года существуют всегда и одновременно в каждый момент времени, только в разных частях планеты. То, что река течет от родника к устью – только иллюзия, возникающая из ограниченности восприятия. Если взглянуть на реку сверху, то можно увидеть, что река существует вся одновременно. И мы живем не на поверхности земли, а на дне океана, наполненного воздухом. Таких примеров расширения восприятия можно привести множество, и все это появляется благодаря путешествиям.

Но стоит уточнить, что большинство поездок за границу наших сограждан носят не культурный характер, а потребительский или развлекательный. **Граждане России в 2019 г. совершили 18 млн 292 тыс. туристических поездок за рубеж, что на 19,3 % превышает показатель предыдущего года [12].** Поэтому фиксация данного критерия вызывала достаточно противоречивые чувства¹.

Вероятность возникновения этих событий сегодня выше, чем во времена СССР. И это прослеживается в важности и знаковости данных событий для представителей различных поколений.

Во времена СССР поездка за рубеж могла быть осуществима только в качестве туриста, и могли себе это позволить только отдельные люди. Сегодня это данность – туризм доступен практически всем

¹ По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в страны дальнего зарубежья с целью туризма было совершено более 17,68 млн поездок, в страны – участники СНГ – 610 тыс. поездок. Самыми популярными странами для россиян являются Турция (3,078 млн поездок), Египет (1,9 млн), Греция (1,17 млн), Китай (1,067 млн), Таиланд (1,035 млн). Также спросом у российских туристов пользовались Испания (1,012 млн), Финляндия (904,7 тыс.), Германия (830,9 тыс.), Италия (725,8 тыс.), ОАЭ (653,4 тыс.). Общее количество поездок россиян за границу составило в 2013 г. 54,1 млн, что на 6,3 млн (+13,1 %) превышает показатель 2012 г. При этом 71,3 % выездов осуществлялись в страны дальнего зарубежья и 28,7 % – в государства – участники СНГ. Наибольшую долю занимали поездки по частным приглашениям – 58,8 % и с целью туризма – 33,8 %.

социальным группам, от пенсионеров до олигархов. Помимо этого, сегодня появился такой социальный слой, как трудовые мигранты, как низкого труда, так и высокоинтеллектуального.

Расширение межличностного общения в основном происходит через сеть интернет. интернет – это прекрасное место для новых знакомств и общения. Это возможность найти одноклассников, однокурсников, коллег, знакомых и друзей вне зависимости от того, в какой части света они находятся. Также используются сайты знакомств, на которых можно абсолютно бесплатно заполнить анкету и найти новых друзей или встретить свою вторую половинку. Есть возможность спросить совета или побеседовать на определенную тему – в интернете масса форумов любой тематики. Также можно настроить голосовую или видеосвязь (ICQ, Skype), завести личный дневник и мн. др.

Получение нового межличностного опыта наиболее полно используется среди молодого поколения, в основном через общение в сети интернет, через социальные сети. Для представителей условно среднего поколения общение через Интернет дает возможность найти своих одноклассников, родственников или выстроить личные отношения. Для людей условно старшего поколения межличностные отношения формируются и развиваются по социальному статусу (пенсионер, ветеран) или хобби (дача, вязание, собирание чего-либо). И новое общение происходит в рамках уже сложившихся интересов.

Получение духовного опыта мало знаменуется как важное событие в жизни, но при этом среди всех групп респондентов есть те, кто указывает примеры именно духовного развития, приобщения к религиозным системам. В основном это традиционные направления христианства (65 %), буддизма (18 %), ислама (12 %) и новых религиозных движений (5 %). Также отмечены некоторые духовные практики, причем распространенные в среде условно младшего поколения, – йога и цигун, что может быть объяснено готовностью заниматься телом в первую очередь и через тело подходить к более тонким энергиям. Тренинги личностного роста называли представители условно среднего поколения, что показывает значительно больший диапазон переживаний и внутренней борьбы, у них по сравнению с представителями других поколений.

События регионального уровня (среды обитания) в целом иллюстрируют знаки времени для всех поколений. Для условно младшего поколения – это открытие кинотеатров, спортивных клубов, развлекательных и торговых комплексов, что обусловлено потребностями молодежи. Для них важно показать себя здесь и сейчас, они приходят в

эту среду, чтобы выстроить отношения. Условно молодое поколение верит в себя, и важно, как они смогут реализовать эту веру.

Для условно среднего поколения значимы местные политические события (выборы мэра, выборы депутатов законодательного собрания), социальная инфраструктура региона (строительство новых жилых комплексов, реконструкция дорог) и социально-экологическая безопасность (пожары и наводнения). Представители этого поколения являются наиболее активными гражданами, и события их жизни влияют на региональное развитие. Их интересует, что они делают сами и что они оставят своим детям. Они формируют новое.

Для условно старшего поколения важны также социально-экологические вопросы, так как они касаются всех, и более выражены, чем у предыдущего поколения, социально-политические проблемы (выборы мэра, назначение губернатора, выборы в законодательное собрание и т. д.). Это объясняется тем, что люди старшего возраста более активны в избирательном процессе, поэтому отслеживают все подробности предвыборных дебатов, их интересует социальная обстановка и состояние собственного здоровья, условия доживания жизни. Это их социальная среда.

Из событий общероссийского уровня для условно молодого поколения приоритетными являются *сдача ЕГЭ, трудоустройство по специальности, карьерный рост, стабильная хорошая зарплата*, т. е. все то, что позволяет говорить я успешен, я состоялся, и это можно подтвердить сертификатом ЕГЭ, дипломом, заработком, должностью и т. д. Все то, что может дать им больше шансов здесь и сейчас. Все более усиливается ориентация на индивидуализм.

Для респондентов условно среднего поколения важными событиями на общероссийском уровне являются чеченский вопрос, терроризм, поставка газа в Китай и в Европу, прожиточный минимум, процентные ставки по вкладам в банках, карьерный рост, стабильная хорошая зарплата. Для них важна социальная среда, социальные условия реализации и развития.

Для респондентов условно старшего поколения важными событиями на общероссийском уровне являются чеченский вопрос, терроризм, размер пенсии, социальные льготы. Люди старшего поколения больше зависят от стабильности системы, и все факторы, которые могут ее пошатнуть, являются для них наиболее важными.

События мирового уровня для условно младшего поколения обозначены двумя важными мероприятиями: чемпионат мира по футболу, Олимпиада в Сочи. Тут также сказывается ориентация на индивидуальный досуг и развлечения.

Из событий мирового уровня условно среднее поколение волнует такие события, как отношения между Россией и Украиной, чемпионат мира по футболу, Олимпиада в Сочи, присоединение Крыма к России. Для них не только досуг, но и социально-политические и экономические процессы становятся интересны, так как они напрямую влияют на их возможности социально-экономического роста.

События мирового уровня для условно старшего поколения обозначены в основном отношениями с Украиной, вопросом Крыма и т. д. Частично это можно объяснить тем, что люди этого поколения застали Советский Союз и все, что происходит на его бывших территориях, воспринимается как свое, с другой стороны, мировые процессы изменяют социальное устройство нашего общества, что в первую очередь отражается на людях старшего поколения.

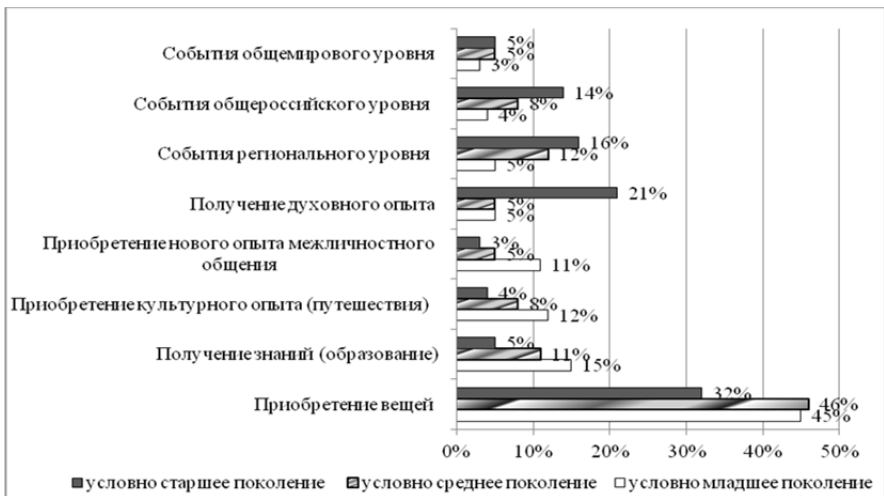

Рис. 2. Процентное распределение трех условных поколений в событиях, определяющих личное или социальное время

Это позволяет говорить о том, что время привязывает сознание человека к событиям на макроуровне (исторические перипетии), на микроуровне (повседневный ритм), на мезоуровне (внутреннее время, время переживания событий) (табл. 10).

Особое место следует уделить субъективному восприятию своего биографического времени как совокупности жизненного опыта прохождения поколением определенных событий, ситуаций и ролей. В результате поколение формирует коллективное представление о своем биографическом времени. Например, в период революций и иных

экономических и социальных потрясений происходит смена социальных ролей у целых групп (пролетарии становятся у власти, а бывшая элита теряет позиции и ресурсы), в период смены режимов нивелируются ценности одних социальных и профессиональных ролей и усиливаются у других (в 90-е гг. ценность труда учителя, врача, милиционера потеряла свою актуальность, а новое приоритетное значение приобрели банкиры, бизнесмены и иные ранее порицаемые профессиональные ниши).

Таблица 10

Время и события в жизни человека

Уровни событий	Сами события среди разных поколений		
	Условно младшее поколение	Условно среднее поколение	Условно старшее поколение
Макроуровень	Олимпиада в Сочи 1914 г.	Реформы в стране 1990–1991 гг. Войны в Чечне.	Олимпиада в Москве 1980 г. Распад СССР. Войны в Чечне. События на Украине 2004 и 2014 гг.
Микроуровень	Обучение в школе. Отдых в Крыму. Поездка к бабушке в деревню	Отдых в других странах (в основном Таиланд, Египет, Турция). Работа. Карьера. Признание. Интересы	Дача. Внуки. Подработка на пенсии. Помощь внукам
Мезоуровень	Признание в любви. Покупка брендового платья. Новый айпад	Книги, которые изменили жизнь. Ноутбук. Моя квартира. Новые вещи	Свадьба детей (внуков)

Именно в кризисные моменты происходят два противоречивых процесса. Первый – разрыв преемственности поколений, нарушение ранее заведенного порядка. Второй – новая переоценка прошедших событий.

Ценными при социализме были такие вещи, как *дача, квартира, машина*. Сегодня – *какая машина, какая дача, где* и т. д. *Я имею квартиру* уже не столько значимо, так как сейчас дифференциация квартиры жестче и больше.

Отделка квартиры как символ эпохи – тогда кафелем выложенная ванная комната и кухня считались высшим символом достатка, сейчас греческий мрамор, гранит китайский все более становятся обывательскими. Месторасположение – в каком районе города, одна квартира или есть загородный дом и т. д.

Сложно оценить разные периоды своей жизни, поэтому мы задали вопрос о счастье. Какой период в вашей жизни был наиболее счастливым? Почему?

Большинство людей, вне зависимости от возраста, называли юность и молодость (до 30 лет) – период, когда происходил максимум событий (в личной жизни, в профессиональном становлении, в географических перемещениях, в стратификационных изменениях, социальных статусах (замужество, женитьба, рождение детей и т. д.). И именно это время для них было самым счастливым. То есть целые поколения оценивают время через события. Причем для одних важны события личной жизни, для других – профессиональной, для третьих – социальной и т. д. (рис. 3).

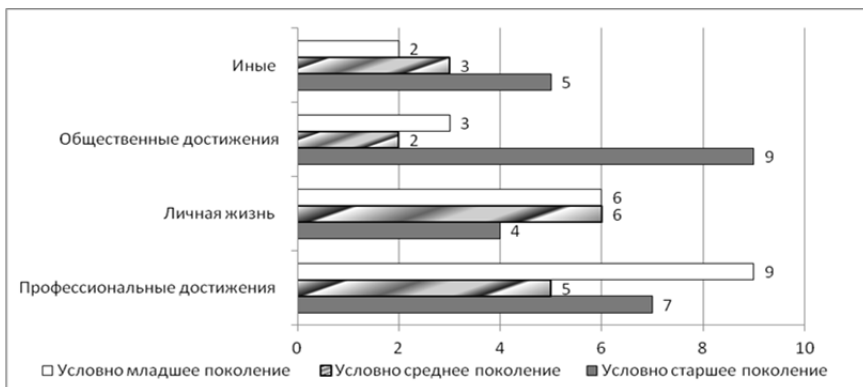

Рис. 3. Сферы важных событий жизни трех условных поколений

Как видно из рисунка, личная жизнь важна для всех поколений, но для условного поколения родителей (40–55 лет) она являлась вершиной жизненного счастья. Для старшего поколения (56 и старше) вершиной были общественные достижения, на втором месте профессиональные и только на третьем – личные. Для условного поколения детей (18–39 лет) наиболее важны профессиональные достижения и личная жизнь, общественные достижения и иные сферы малозначимы.

Разницу течения времени у мужчин и женщин обозначили практически все участники исследования (98 %), вне зависимости от поколения. Причем время для женщин в большинстве своем измеряется биологически и синхронизируется этапами развития организма, а для мужчин социально и синхронизируется социальными достижениями и статусами, социальным признанием и одобрением. Налицо действие социальных стереотипов.

Интересны были ответы на вопрос о том, насколько человек себя чувствует в своем времени (То время, в котором вы живете, – это ваше время?) (рис. 4).

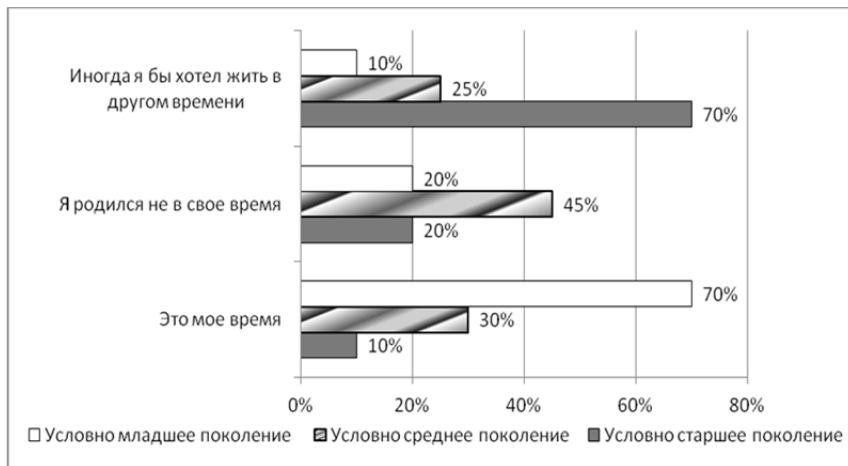

Рис. 4. Вы живете в свое время?

Большинство респондентов условно молодого поколения считают, что то время, в котором они живут, – это их время (70 %), родились не в свое время (20 %), иногда хотели бы жить в другое время (10 %). У молодых людей есть надежды, планы, амбиции и возможности их реализовать. Поэтому есть все шансы преуспеть.

Среди условно среднего поколения 30 % считают что то время, в котором они живут, – это их время, 45 % – родились не в свое время, 25 % – иногда хотели бы жить в другое время. Среди поколения родителей не все довольны тем, что имеют, поэтому хотели бы иного для себя и своих близких, но в силу того, что им не счем сравнить, они просто указывают на то, что родились не в то время, снимая с себя всякую ответственность.

Среди условно старшего поколения считают что то время, в котором они живут, – это их время (10 %), родились не в свое время (20 %), иногда хотели бы жить в другое время (70 %). Эти данные свидетельствуют, что то, во что верило старшее поколение, рухнуло и не сформировало новой опоры для них. Это разрушает их веру в себя и в светлое будущее своих детей и внуков. Как правило, говоря о возможности жить в другом времени, представители старшего поколения имели в виду жить в период свое молодости, в период расцвета СССР, более радостной и спокойной жизни.

Не только отдельная личность может управлять временем, планировать, прогнозировать поведение в будущем, а также конструировать представления о прошлом. Все то же самое происходит и на социальном уровне. Целые социальные группы (возрастные, профессиональные, гендерные или отдельные субкультуры) формируют свое время.

Время – категория идеологическая. На сегодняшний день у президента и правительства есть большая проблема – нет четкого и понятного восприятия времени, не сформирована темпоральная модель.

Во времена СССР ориентир был на будущее. Вся страна жила будущим. Мы строили светлое будущее, причем с ориентацией на мы и наше. Капитализм придерживается консервативных ценностей, незыблемых и непоколебимых ориентиров на прошлое, ориентации на я и мое. Формально граждане РФ живут в капиталистических реалиях, но опираться на капиталистическое прошлое мы не можем, а социалистическое дает совсем иные ценности. Возможно, одной из причин социальной дезинтеграции является как раз это противоречие, решить которое в одночасье невозможно, но, начав работу с социальным и личным временем, вполне реально.

Другой пример из повседневного пространства – одежда. Брючный костюм в женском гардеробе в 70-е гг. являлся обязательным элементом современной женщины; те, кто его не имел, были белыми воронами. В 80-е гг. тот же эффект был и с джинсами. Тогда как при Петре I за тот же костюм могли отправить на дыбу.

Одежда – выражение личности. И, в то же время, одежда – отражение эпохи.

Поколения – это группы людей, связанные между собой временем проживания. Поэтому время – это более глубокий символ реальности в изучении поколений, нежели чем принято думать.

Время разлито в пространстве. Также существуют исследования, затрагивающие проблему соотносительности времени – исторического времени и времени индивидуального (психического) как переживаемого отдельными личностями или группами (наше время, ушедшее время, потерянное время), т. е. это представление себя как поколения в общем континууме времени.

Таким образом, восприятие времени позволяет нам очертить три группы наших современников, по-разному воспринимающих и оценивающих то время, в котором они живут. Это создает разные условия и методики формирования единства внутри групп и между ними.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 40–48.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М. : Terra, 1995. 253 с.
4. Димке Д., Корюхина И. Завод по производству времени // Отечественные записки. 2012. № 5 (50). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/5/zavod-po-proizvodstvu-vremeni>
5. Дюркгейм Э. Социология. М. : Канон, 1995. С. 237.
6. Кармадонов О. А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 66–72.
7. Концепция культур М. Мид о префигуративном, конфигуративном и постфигуративном типах культуры.
8. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей : сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М., 2006. С. 199–223.
9. Полошкевич О. А. Солидарность поколений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 144 с.
10. Полошкевич О. А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88–92.
11. Полошкевич О. А. Критерии взаимодействия жизненного мира и качества жизни // Социология. 2008. № 4. С. 208–221.
12. Правда.ру. URL: <http://www.prawda.ru/news/economics/05-03-2014/1197329-tourizm-0/>.
13. Стресс – болезнь XXI века. URL: <http://novelty.wellnet.me/page34.php>.
14. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press, 2005.

УДК 316.33
ББК 60.561.5

Савицкая Ю. П., Тюмень

Легитимизация незарегистрированных браков как предмет общественной дискуссии

Осуществляется попытка оценки общественной дискуссии, по вопросам присвоения правового статуса незарегистрированным семейно-брачным отношениям, сложившейся в последнее время в российском обществе. Выделены предпосылки, приведшие к осознанному матримониальному поведению и росту числа незарегистрированных союзов. Проанализирована общественная дискуссия по проблеме сожительству, в результате чего выделены три ключевые точки зрения на незарегистрированные отношения в российском обществе. Показано, что вне зависимости от точки зрения, сегодня практически все эксперты выступают против легализации сожительства, в то время как в общественном мнении такая идея довольно популярна.

Ключевые слова: брак, семья, сожительство, социологическое исследование, контент-анализ, вторичный анализ данных, семейная политика.

Savitskaya Yu. P., Tyumen

The Legitimization of Unregistered Marriages as a Subject of Public Discussion

The paper attempts to assess the public discussion on the assignment of legal status to unregistered family and marriage relations, which has recently developed in Russian society. The prerequisites are shown that led to deliberate matrimonial behavior and an increase in the number of unregistered unions. The public discussion on the problem of cohabitation is analyzed, as a result of which three key points of view on unregistered relations in Russian society are identified. It is shown that regardless of the point of view, today almost all experts are against the legalization of cohabitation, while in public opinion this idea is quite popular.

Keywords: Marriage, family, cohabitation, sociological research, content analysis, family policy.

Учитывая общую тенденцию роста брачно-партнерских отношений в формате сожительства, логично предположить, что в перспективе их число будет возрастать. Это актуализировало в общественном дискурсе проблему изменения действующего законодательства в части уравнивания прав взаимоотношений людей, не состоящих в официальном браке, но живущих вместе длительное время и тех, кто состоит в официальном браке.

В январе 2018 г. в Государственную думу РФ был внесен законопроект, согласно которому для признания семейного союза со стороны государства мужчина и женщина должны пять лет жить вместе и вести общее хозяйство. Срок совместного проживания сокращается до двух лет, если у пары есть общий ребенок. Эта инициатива вызывала неприятие и в Совете Федерации, и в профильном комитете Государственной Думы [5]. В частности, глава комиссии Совета федерации по совершенствованию Семейного кодекса РФ Е. Мизулина указала, что незарегистрированные отношения являются неустойчивыми, а нововведение ослабит институт семьи, вызовет рост детской беспризорности. В итоге законопроект не был принят, однако общественная дискуссия продолжилась. В феврале-марте 2020 г. был проведен ряд публичных мероприятий с обсуждением гипотетической возможности юридической легализации незарегистрированных отношений. Наиболее заметными из них стали круглый стол, прошедший в пресс-центре МИЦ «Известия» [4], а также дискуссия, организованная редакцией газеты «Московский комсомолец» [6].

Указанные мероприятия выступили объектом исследования автора, которое было реализовано с использованием технологии качественного контент-анализа. Результаты обобщения и систематизации текстового материала, который был извлечен из видеоконтента путем транскрибирования, позволили нам выделить три ключевые точки зрения на проблему сожительства в российском обществе. Примечательно, что сторонники всех трех позиций выступают против юриди-

ческой легализации сожительства, однако социологический интерес здесь вызывают аргументы, приводимые для подтверждения различных точек зрения.

Первую позицию условно можно назвать либеральной. Она заключается в том, что люди образуют семейно-брачные союзы с добровольного согласия. Соответственно, ожидания одного человека, который надеется оказаться в отношениях зарегистрированного брака со вторым партнером, не означает что второй обязан его выполнить. Предложение вступить в брак представляет собой «тонкую ткань» отношений двух людей, и, если они не приходят к ситуации официальной регистрации отношений, это их дело. При этом люди имеют полное моральное право жить вместе, что не нарушает никаких социальных норм. Чаще всего, если мужчина и женщина живут вместе и у них рождаются дети, для общества они воспринимаются семьей. Наличие или отсутствие печати в паспорте для окружающих не является подтверждением смены их статуса, или перехода в иные отношения с обществом. Представители данного подхода не допускают внешнего вмешательства в семейные дела, ссылаясь на ст. 23 Конституции РФ, согласно которой «каждый имеет право на семейную тайну», отмечая, что хотя в отечественном законодательстве трактовка понятия «семейная тайна» размыто, данный аспект имеет место в системе охраняемых благ [3].

Подобной позиции придерживается, в частности, Зампред Совета при президенте РФ по правам человека И. В. Киркора, которая отмечает, что «Решение не регистрировать свой брак не умаляет уважительного отношения, любви друг к другу двоих взрослых людей, не отменяет их договоренностей по отношению к имущественным взаимоотношениям друг с другом, и не лишает возможностей их детей на поддержку каждого из родителей» [2].

Вторую позицию, активно транслируемую религиозными институтами, а также официальными представителями органов власти можно обозначить как консервативно-традиционную. Примечательно, что церковь принимает юридически незарегистрированные отношения в случае, если пара провела религиозный обряд бракосочетания (у православных, например, это – «венчание», у мусульман – «никах»). Таким образом, можно заключить, что в консервативно-традиционном отношении к браку морально-этическая составляющая значительно важнее юридической. Основной причиной необходимости формализации отношений между парой, по мнению духовенства, является принятие ответственности. При этом духовная ответственность подразу-

мевают заключение церковного брака, а ответственность перед государством – гражданского.

Третий подход к вопросам незарегистрированных отношений, лишен какой-либо моральной оценки и может быть обозначен как формально-юридический. Основной проблемой, связанной с легализацией сожительства, по мнению юристов может стать резкий рост нагрузки на судебные органы власти. Существуют сложности определения механизма определения совместного проживания, доказывания в суде факта совместного ведения хозяйства и наличия общего бюджета сожителей, момента начала совместного проживания, раздела имущества в случае наличия у сожителей других постоянных партнеров, признания личных долгов перед кредитными организациями общими и т. д.

Анализ современного законодательства показывает, что на сегодняшний день, у супругов после регистрации брака возникает не очень много дополнительных прав и обязанностей. Это, в основном, раздел имущества, наследственные отношения, которые могут быть нивелированы завещанием, и, например, ситуация, когда один супруг может отказаться свидетельствовать против другого в случае допроса, что, скорее является исключением, и встречается в судебной практике довольно редко. Таким образом, имущественные права представляют собой основной аспект, который вызывает больше всего вопросов в проблеме различия правового регулирования зарегистрированных отношений и сожительства. Однако здесь ситуация довольно простая и понятная – сожители обладают всеми теми же правами в распоряжении имуществом, что и обычные граждане. Например, при приобретении квартиры сожители могут сами определить доли владения ею и оформить это юридически. Также определенную долю они могут оформить и на детей.

Содержательно, сожительство при условии грамотного и согласованного регулирования имущественных отношений партнерами, мало чем отличается от зарегистрированного брака, в котором предусмотрен брачный контракт. Такое положение дел является еще одним аргументом тех, кто выступает против законодательного приравнивания сожеств и официальных браков. Логика заключается в том, что если легализация сожительства необходима с точки зрения имущественных отношений, то в этом же поле должна и рассматриваться отмена брачных контрактов.

Относительно прав детей можно отметить, что на сегодняшний момент они защищены как в официальном браке, так и неофициаль-

ном. Отношения родителей и детей урегулированы отдельной главой семейного кодекса, и никак не связаны с наличием либо отсутствием регистрации брака родителями. Факт родительства фиксируется в свидетельстве о рождении, а в редких случаях процедурой установления отцовства.

Таким образом, с юридической точки зрения, в приравнивании сожительства к официальным бракам нет никакой необходимости, скорее наоборот – такая инициатива способна принести обществу больше вреда, чем пользы.

Еще одним значимым юридическим вопросом в рамках рассматриваемой проблемы является отсутствие нормативного понятия семьи. Несмотря на то что семейное право существует как самостоятельная отрасль российского права, которое, в том числе, определяет понятие брака, в отечественном законодательстве нет четкого определения термина «семья». По мнению экспертов это связано с большой вариативностью форматов взаимоотношений, которые можно было бы назвать семьей. Например, могут быть семьи, состоящие из мамы, бабушки и ребенка. Также семья может включать человека, который не находится в кровном родстве, но при этом проживает вместе, любим и ценен для всех членов семьи. На сегодняшний день от общества не приходит четкого понимания что является семьей.

Представители консервативных взглядов также считают, что отсутствие четкого определения не является случайностью, поскольку это открывает возможности для расширительной трактовки понятия «семья», что может способствовать легализации полигамии и однополых браков.

Юристы, в свою очередь, не видят проблемы в отсутствии четкой формулировки, поскольку в законодательстве прописано ряд правил, анализируя которые можно сформировать определение семьи. В частности, это условия, при которых может быть заключен брак: совершеннолетие, добровольное согласие, союз должен быть между мужчиной и женщиной, нельзя состоять в ином зарегистрированном браке. Без соблюдения указанных требований отношения зарегистрировать нельзя. В то же время понятие семьи существует в федеральном законе «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», где семья определяется как «лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство». Однако это определение нельзя считать полноценным, поскольку содержит в себе специфику документа, в котором упомянуто и выполняет вспомогательную функцию.

Как было сказано выше, не зависимо от позиции, которой придерживается тот или иной эксперт, сегодня экспертное сообщество в целом выступает против юридической легализации сожительства. Общественное мнение по рассматриваемой проблеме сильно отличается от экспертного. Здесь может быть показательным исследование ВЦИОМ, проведенное в 2018 г. [1]. Отвечая на вопрос «Вы скорее поддерживаете или не поддерживаете инициативу о приравнивании незарегистрированных отношений к официальному браку?», 38 % респондентов инициативу поддержали. Отрицательно высказались 50 % опрошенных, а 12 % затруднились с ответом на вопрос. Значительных половых возрастных различий в ответах не наблюдалось. Наиболее распространенная группа мнений респондентов, одобряющих инициативу юридической легализации сожительства связана с восприятием тождественности долгих отношений с семьей. На втором месте по популярности, высказывания, относящие незарегистрированные отношения к нормальному явлению. Далее следует группа аргументов необходимости юридической защиты детей и прав сожителей.

Аргументы тех, кто против того, чтобы приравнивать фактические отношения к зарегистрированным в большинстве своем не содержат конструктивной аргументации и являются выражением личностной внутренней установки. На втором месте суммарное мнение тех, кто считает, что незарегистрированные отношения не имеют юридической силы, т. е. люди не защищены законом и поэтому им все-таки нужно переходить в официальный статус.

Подводя итог работы, отметим, что сегодня в научной литературе все чаще говорят об эволюции института семьи. Выравнивание социального статуса мужчин и женщин, современные репродуктивные технологии, ориентация на личностное развитие и ряд других факторов формируют новые ценности, в которых репродуктивная составляющая отходит на второй план, а новый подход к семье разделяет все большее число людей. Это обстоятельство должно учитываться органами, регулирующими ключевые социальные институты, чтобы избежать потенциальную социальную напряженность.

Список литературы

1. Брак и сожительство: ставим знак тождества? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3571 от 2 февр. 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923> (дата обращения: 28.05.2020).
2. В СПЧ сочли оскорбительным высказывание протоиерея Смирнова о гражданских женах. URL: <https://www.interfax.ru/russia/695554>
3. Елисеева А. А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 71–76.

4. Круглый стол «Гражданский брак: требуется ли изменение законодательства и приравнивание к официальному?». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=10180> (дата обращения: 28.05.2020).

5. Штамп ставить некуда. URL: <https://rg.ru/2018/01/22/senator-predlozhit-uravniat-sozhitelstvo-s-oficialnym-brakom.html> (дата обращения: 28.05.2020).

6. Эксперты поспорили об официальной регистрации брака. URL: <https://www.mk.ru/vidео/2020/03/05/eksperty-posporili-ob-oficialnoy-registracii-braka.html> (дата обращения: 28.05.2020).

УДК 316.356.2

ББК 60.561.5

Устинова О. В., Тюмень

Традиционные и новые ценности института семьи и брака – где истина?

Обсуждается трансформация общественного мнения по отношению к незарегистрированным бракам. Актуализируется противоречие, возникшее между официальной позицией государства и церкви и мнением значительной части россиян по вопросам ценностей традиционной семьи. Приведятся данные всероссийских опросов общественного мнения, на основании которых делается вывод, что сожительство в нашей стране постепенно становится самостоятельным институтом, наиболее популярным среди городской молодежи, ориентированной на получение образования и саморазвитие.

Ключевые слова: брак, семья, репродуктивное поведение, сожительство, социологическое исследование, вторичный анализ данных, семейная политика.

Ustinova O. V., Tyumen

Traditional and New Values of the Institution of Family and Marriage – Where is the Truth?

The paper discusses the transformation of public opinion in relation to unregistered marriages. The contradiction that has arisen between the official position of the state and the church and the opinion of a significant part of Russians on the values of the traditional family is being actualized. The data of all-Russian public opinion polls are presented, on the basis of which it was concluded that cohabitation in our country is gradually becoming an independent institution, the most popular among urban youth, focused on education and self-development.

Keywords: Marriage, family, reproductive behavior, cohabitation, sociological research, secondary data analysis, family policy.

В России семейная политика является одним из главных направлений государственного регулирования. Подтверждением является факт, что среди поправок в конституцию, внесение которых было предложено главой государства в Послании Федеральному собранию в январе 2020 г., ряд изменений касались института семьи. В частности, президент поддержал предложение членов рабочей группы о закреплении в основном законе таких принципов, как защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания

детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях [6].

Трансформация характера семейных отношений, фиксируемая отечественными исследователями в последние десятилетия, является объектом особого внимания. В частности, одной из наиболее обсуждаемых тем, постепенно перешедшей из научного в общественный дискурс является проблема изменения баланса официально зарегистрированных браков и гражданского сожительства в сторону последнего. Указанное противоречие актуализирует необходимость исследования масштабов одобрения россиянами проживания вне зарегистрированного брака, вытекающей из этого степени объективированности в общественном сознании ценностей традиционной семьи, а также соотнесения актуальных тенденций в брачном поведении населения с идеями, транслируемыми ключевыми социальными институтами современной России.

Незарегистрированные отношения проживающих в браке мужчины и женщины являются объектом морального порицания на протяжении долгого времени. Уже в период расцвета римской империи конкубинат (от от лат. *con* – вместе, и *subare* – лежать), как неофициальное сожительство, в отличие от формального брака был лишен прав, а дети считались незаконнорожденными [4]. И если подобные отношения римским правом допускались, то появившееся в тот же период христианство не одобряло сожительство в морально-этическом плане, а в качестве одной из десяти заповедей закрепила принцип «не прелюбодействуй» [7]. В СССР сожительство без брака также осуждалось, что стало прямым следствием послевоенной государственной политики. Семейные дела нередко рассматривались на общественных собраниях, а в качестве давления использовали лишение премии, исключение из партии и т. п. [3].

Произошедшие в постсоветской России перемены привели к сдвигу от ранней всеобщей брачности, к осознанному матримониальному поведению и росту числа незарегистрированных союзов. Сегодня этот процесс продолжается, незарегистрированные отношения постепенно становятся нормой, а использование термина «сожители» у большинства перестает нести в себе негативную коннотацию.

Трансформация моральной оценки возможности совместного проживания без регистрации брака прослеживается в опросах общественного мнения. В 2018 г., в рамках ежедневного проекта «спутник», реализуемого ВЦИОМ методом телефонного опроса, респондентам было задано несколько вопросов с целью выявить отношение к

вопросам вступления в брак. В частности, было предложено два суждения, с которыми участники опроса выражали согласие либо несогласие. Первое – «Это нормально, когда два человека живут вместе, не намереваясь вступить в официальный брак». Второе – «Если люди хотят иметь детей они должны вступить в официальный брак» [1].

Результаты исследования демонстрируют, что практически равное количество респондентов придерживаются противоположных точек зрения – 46 % считают, сожительство нормальным явлением и 45 % – наоборот. Некоторые различия в мнениях наблюдаются в социально-демографических группах. Если среди мужчин чуть более половины считают сожительство нормальным, то среди женщин эта доля составляет 38 %. Возрастные характеристики также влияют на ответы респондентов – молодые люди чаще считают незарегистрированные взаимоотношения нормой. Дополнительно отметим, что более либеральных взглядов на отношения мужчины и женщины придерживаются жители Москвы, Санкт-Петербурга и городов-миллионников, а также те, кто сами состоят в незарегистрированных отношениях.

Рассматривая отношение респондентов ко второму суждению, отметим, что здесь ситуация существенно отличается. Подавляющее большинство (71 %) согласны с тем, что для рождения детей, брак между мужчиной и женщиной должен быть зарегистрирован, а 23 % считают, что это не обязательно. Различия ответов в половозрастных подгруппах сходны с тем, что мы наблюдали в первом случае. Аналогично, в мегаполисах и столичных городах, наблюдается более лояльное отношение к появлению детей вне брака.

Сравнивая приведенные распределения ответов по возрасту, можно отметить интересный факт. В старших возрастных группах наблюдаются более сильные колебания в мнениях респондентов, чем в младших. Если в трех младших когортах (18–24, 25–34, 35–44 лет) выделяется относительно устойчивое ядро респондентов, придерживающихся либеральных семейных ценностей – это 30–38 %, то в старших возрастных группах (45–59 и 60+ лет) этот диапазон составляет 16–55 % и зависит от оцениваемой ситуации. В частности, из приведенных данных следует, что к появлению ребенка в семье старшее поколение относится более сензитивно чем молодежь.

Итак, учитывая высокую долю респондентов, лояльно относящихся к незарегистрированным бракам, а также их социально-демографические характеристики можно сделать вывод, что сожительство в нашей стране постепенно становится самостоятельным институтом, наиболее популярным среди городской молодежи, наиболее

ориентированной на получение образования и саморазвитие. Несмотря на то что такие союзы не всегда будут заканчиваться официальной регистрацией и рождением детей, подобный формат отношений отвечает потребности современной молодежи в снижении социально-экономической неопределенности, создает условия для саморазвития, а также обеспечивает некоторыми преимуществами брака.

Среди экспертов существует точка зрения, что одним из ключевых факторов распространения незарегистрированных отношений среди молодежи является наличие высокого уровня ответственности перед партнером и рожденными детьми при его регистрации [4]. Убедительным аргументом такой позиции является значительная доля регистрации отношений в случаях возникновения беременности. На это, в частности, указывают С. С. Бирюкова и А. О. Тындик, которые по результатам исследования статистических данных сделали вывод, что в России сохраняется широкое распространение так называемых «свадеб вдогонку», когда заявление в органы ЗАГС подается во втором триместре беременности. Авторы отмечают, что чаще это свойственно для первых браков у молодых людей. По их мнению, на фоне относительно высоких темпов распада молодых браков с детьми это является маркером традиционного демографического поведения [1].

Формирование общественной морали тесно связано с процессом институционализации и является обобщением предшествующего позитивного и негативного социального опыта. В семейно-брачной сфере официальная регистрация позволяет снизить неопределенность в отношениях между людьми и создает оптимальные условия для выполнения институтом семьи основных функций, в первую очередь репродуктивной.

Современные социологические исследования показывают, что институт семьи эволюционирует. Выравнивание социального статуса мужчин и женщин, современные репродуктивные технологии, ориентация на личностное развитие и ряд других факторов формируют новые ценности, в которых репродуктивная составляющая отходит на второй план, а новый подход к семье разделяет все большее число людей. Сегодня пока нельзя говорить о редукции традиционной семьи, однако сигналы, которые подает общественное мнение демонстрирует формирование в России альтернативного понимания семейных взаимоотношений.

Список литературы

1. Бирюкова С. С., Тындик А. О. Регистрация брака и рождение ребенка в биографии россиян: анализ данных текущей статистики // Демографическое обозрение. 2014. № 3 (3). С. 32–63.

2. Брак и сожительство: ставим знак тождества? // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3571 от 2 февр. 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8923> (дата обращения: 28.10.2020).
3. Дело общественное: как в СССР регулировали личную жизнь. URL: <https://mir24.tv/news/15712077/delo-obshchestvennoe-kak-v-sssr-regulirovali-lichnyuyu-zhizn> (дата обращения: 28.10.2020).
4. Кайнов В. И. Правовое регулирование брака и семейных отношений в древнем Риме // Мир юридической науки. 2013. № 3. С. 28–32.
5. Круглый стол «Гражданский брак: требуется ли изменение законодательства и приравнивание к официальному?». URL: <https://wciom.ru/index.php?id=237&uid=10180> (дата обращения: 28.10.2020).
6. Кузнецова оценила поправку в Конституцию о семье и детях. URL: <https://ria.ru/20200308/1568311444.html> (дата обращения: 28.10.2020).
7. Цыпин В. А. Церковное право : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Изд-во МФТИ, 1996. 442 с.

УДК 304.3
ББК С54/С74

Митюкова Е. В., *Иркутск*

Образ ранних браков как фактор формирования психологической готовности к семье и браку молодежи Иркутской области

Рассматриваются причины создания и расторжения ранних браков. Анализируются убеждения молодежи относительно семейной жизни, отношение молодежи к бракам в юношеском возрасте. Указываются основные причины расторжения браков, по мнению молодых людей. Обобщая мнение молодых людей региона, определяется уровень психологической готовности молодежи Иркутской области к браку и семейным отношениям.

Ключевые слова: брак, ранний брак, молодежь, семья, психологическая готовность к созданию семьи.

Mityukova E. V., *Irkutsk*

The Image of Early Marriages as a Factor in the Formation of Psychological Readiness for Family and Marriage of Young People in the Irkutsk Region

The paper discusses the reasons for the creation and dissolution of early marriages. It also analyzes the beliefs of young people about family life, the attitude of young people to marriage in adolescence. The main reasons for divorce, according to young people, are presented. Summarizing the opinion of young people in my region, we analyze the level of psychological readiness of young people in the Irkutsk region for marriage and family relations.

Keywords: marriage, early marriage, youth, family, psychological readiness to create a family.

Как известно, семья – важнейший социальный институт. Он необходим человеку для того, чтобы удовлетворять свои потребности, социализироваться, передавать опыт детям, получать поддержку и совместно вести быт. Именно в семье человек ощущает свою значимость и любовь [2].

В современной России наблюдается глубокий кризис института семьи. Он характеризуется такими понятиями, как бездетность, малодетность, неполные семьи, разводы. Последние данные в Иркутской области неутешительны: разводом заканчивается более 70 % браков. По статистике отдела ЗАГС, ежегодно из 100 % вступающих в брак пар, 15 % несовершеннолетние [5].

Существует мнение, что молодые люди все чаще ставят карьеру и самореализацию в приоритет, создание семьи уходит на второй план, а до 21 года замуж выходят только по причине незапланированной беременности. Некоторые люди принципиально сознательно отказываются от создания семьи, происходит разочарование в институте брака. Попробуем разобраться, какое мнение распространено среди молодежи Иркутской области. Целью данного исследования является обобщение представления молодежи моего региона об институте брака, выявление роли ранних браков в его формировании.

Для начала разберемся с понятием «ранний брак». Согласно Семейному кодексу РФ, ранний брак – это брак, который заключен до наступления брачного возраста, используя специальное разрешение административных органов. Положения, касающиеся браков с несовершеннолетними лицами, изложены в ст. 13 СК РФ [4].

При изучении данной темы, были опрошены молодые люди, в период с 20 по 30 сентября 2020 г. Один из вопросов был «Как вы относитесь к вступлению в брак до достижения брачного возраста?». Результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1

Варианты ответа	Кол-во ответов	% от общего числа ответов
Нормально	5	5,2
Отрицательно	30	42,1
Это нормально, но ненадолго	40	31,5
Затрудняюсь ответить	20	21,3
Всего:	95	100

Из опроса видно, что ранние браки воспринимаются в обществе неоднозначно. Большинство опрошенных считают, что ранние браки – это не хорошо, ненадолго, либо не могут выразить свое мнение на данный момент. Можно сделать вывод, что ранние браки не воспринимаются обществом всерьез, поскольку в этом возрасте люди – еще сами дети и не могут брать на себя ответственность за себя и своего партнера.

Как я уже говорила ранее, основной причиной заключения ранних браков является незапланированная беременность. В обществе бытует стереотипное мнение о том, что ранняя беременность чаще всего возникает в неблагополучных семьях. Но сейчас наличие финансового достатка в семье, не делает детей более защищенными. Брак тоже не решает проблемы молодой семьи, так как не имея образования, жизненного опыта и финансового капитала, молодые люди не всегда могут создать комфортные условия для семьи. В соответствии с законодательством РФ, несовершеннолетние индивиды, вступившие в брак, становятся полностью дееспособными и в полной мере несут ответственность за себя и своих детей [4].

Молодежь не спешит создавать семью до совершеннолетия. Большинство молодых людей регистрируют брак после получения диплома о профессиональном образовании. Создав семью, предпочитают заниматься построением карьеры, откладывая рождение детей на лучшие времена, чтобы иметь достаточно средств для обеспечения благополучия семьи [1].

Говоря о подходящем возрасте для вступления в брак, снова обратимся к опросу. На вопрос: «Какой возраст, по вашему мнению, наиболее оптимальный для вступления в брак?» были получены следующие ответы (табл. 2).

Таблица 2

Варианты ответа	Кол-во ответов	% от общего числа ответов
16–18	0	0
18–20	0	0
20–25	60	63
25–30	35	37
От 30	0	0
Итого:	95	100

Опрошенные считают, что самый подходящий возраст для создания семьи – от 20 до 30 лет. Именно тогда молодые люди заканчивают вузы и уже готовы брать на себя полную ответственность за свою жизнь и благосостояние. Учитывая возраст опрошенных, можно говорить о том, что в целом молодые люди рассматривают возможность вступления в брак в скором времени. Никто из опрошенных не указал возраст до 20 лет оптимальным. Можно сделать вывод, что в целом ранние браки не считаются нормой среди современной молодежи.

Исследования показывают, что заключение брака в раннем возрасте является не маловажным фактором, который влияет на уровень

отношений в семье. Молодежь заключают брак часто необдуманно. Для этого могут быть различные причины [3]. Счастливый брак требует высокого уровня социальной и психологической зрелости молодоженов, так как для него необходимы определенные умения и знания, а этого зачастую недостаточно в юношеском возрасте. Психологическая готовность и отношение к браку и семейной жизни складывается из опыта родительской семьи, друзей, окружения и других факторов. В качестве причин распада браков респонденты указали следующие причины, отвечая на вопрос: «Из-за чего, по вашему мнению, чаще всего распадаются семьи?» (табл. 3).

Таблица 3

Варианты ответа	Кол-во ответов	% от общего числа ответов
Не сошлись характерами	45	47,4
Скука	5	5,3
Другие причины	15	15,8
Отсутствие денег	10	10,5
Измена	20	21
Итого:	95	100

Из полученных ответов мы видим, что наиболее распространенная причина распада браков, по мнению молодежи Иркутской области, – разность характера. Это может быть одной из основных причин, по которой молодые люди опасаются вступать в брак – они боятся разочароваться в своем партнере. В целом у большинства респондентов уже сформировался обобщенный образ будущей семьи.

Таким образом, проанализировав данную тему, можно говорить о том, что ранние браки имеют достаточно весомое влияние на представления молодежи о семейной жизни. Но представления молодых людей о своей будущей семье зачастую являются несистематизированными, обобщенными, противоречивыми, с преобладающим описанием внешней стороны семейной жизни и предъявлением завышенных требований к будущему браку.

Список литературы

1. Кантеева К. Р. Ранние браки: проблемы нестабильности и развода в современном обществе // Наука, образование и культура. 2017. № 6 (21). С. 97–99.
2. Кулагина И. Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. М.: ТЦ «Сфера», 2001. 464 с.
3. Овсяникова Е. А. Образ семьи в раннем юношеском возрасте как фактор формирования психологической готовности к семье и браку // Вестник ГУУ. 2014. № 9. С. 279–282.
4. Семейный кодекс Российской Федерации URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.11.2020).
5. Служба записи актов гражданского состояния Иркутской области. Статистическая информация о количестве зарегистрированных актов гражданского состояния на территории Иркутской области URL: <http://data.gov.ru/opendata/3808018244-statistika/data-20170126T0406-structure-20170126T0406.csv?encoding=CP1251> (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 316.36
ББК 60.54

Аксёненко И. А., Бурлимова Е. А., *Иркутск*

Восприятие гендерных стереотипов молодежью города Иркутска

Рассмотрены социальные представления молодежи г. Иркутска о гендерных стереотипах и предрасположениях, а также об их приверженности стереотипному восприятию социальных ролей, основанных на принадлежности к тому или иному полу. Приведены результаты эмпирического исследования, свидетельствующие о том, что хотя общественные трансформации протекают достаточно активно, общественное восприятие гендерных ролей и представлений о поле даже такой прогрессивной части общества, как молодежь не успевает изменяться также быстро, однако отмечен существенный прогресс в их преодолении на пути достижения общества равенства.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, социальные представления, гендерное равенство, дискриминация.

Aksionenko I. A., Burlimova E. A., *Irkutsk*

Gender Stereotypes Perception among Irkutsk City Youth

The article discusses social perception of gender stereotypes and prejudices among Irkutsk city youth, their adherence to stereotypical perception of social roles based on belonging to a particular sex. The results of empirical research are presented, indicating that although social transformations are proceeding quite actively, the public perception of gender roles and ideas about gender, even for such a progressive part of society as young people, does not change quickly, but significant progress has been noted in overcoming them on the way to achieving social equality.

Keywords: gender stereotypes, social perceptions, gender equality, discrimination.

В современном обществе существует довольно много задач и целей, одна из которых – это достижение равенства между полами. Данная проблема всерьез в России начала подниматься в XIX–XX вв., а уже в XXI в. решение этой проблемы стало довольно важной целью. По мнению общественности, равноправное участие в различных сферах жизни как женщин, так и мужчин – это необходимое условие прогресса.

Различия между полами социальные, психологические – это достаточно обсуждаемая тема в последнее время. Она и легла в основу относительно нового течения в науке, связанного с гендером. Объектами изучения данного научного направления являются различные факторы, влияющие и определяющие поведение каждого пола [7]. Одна из теорий, рассматриваемых в данном направлении – это как раз стереотипы о мужчинах и женщинах.

Гендерные стереотипы – неотъемлемая часть повседневного мышления общества, выступающая как основа для преждевременных предположений о поведении человека в зависимости от принадлежно-

сти к женскому или мужскому полу. Это своеобразные шаблоны, по которым людям предписывают какие-либо качества, возможности, притом это иногда не особо благоприятно сказывается на самореализации и социализации индивида.

Исходя из всего вышесказанного, проблема распространения и влияния гендерных стереотипов довольно актуальна.

Целью работы является исследование мнения молодежи г. Иркутска в отношении гендерных стереотипов и выявление их распространенности и роли в социализации индивида.

Довольно очевиден тот факт, что стереотипное мышление влияет на человека: его поведение, сферы жизни, а также на социализацию в целом. Работа над искоренением половых стереотипов ведется. Но проблема в том, что они очень крепко засели в общественном мышлении. Это усложняет достижение цели, так как данный фактор противоречит представлениям общества об идеалах маскулинности и фемининности. Несмотря на то что молодое поколение выросло в среде, где провозглашается равенство полов, многие стереотипы до сих пор существуют и являются основой представлений о человеке.

С целью доказать или опровергнуть гипотезу о том, что стереотипы о ролях и «долженствованиях» женщин и мужчин до сих пор крепко сидят в сознании у молодого поколения и остаются слабо изменяемыми уже очень долго, было проведено исследование в виде анкетирования молодежи г. Иркутска. Всего было опрошено 300 чел.

Анкета включала в себя 20 вопросов, позволивших нам определить, какие стереотипы все еще крепко держатся в сознании у молодежи, определить их представления о ролях женщин и мужчин, об идеалах маскулинности и фемининности, чтобы сравнить, меняется ли оно с течением времени.

Выборку составила молодежь Иркутска:

- 50,3 % женщин и 49,7 % мужчин;
- Опрашиваемые возраста: до 18 лет – 23,3 %, 18–20 – 32,2 %, 21–25 – 21,9 %, 26–30 – 22,6 %;
- Осведомлены о гендерных стереотипах 82,5 %, остальные же напрямую о них не задумываются.

На вопрос «Что Вы понимаете под гендерными стереотипами?» респонденты дали такие ответы: правдивые представления о нормах поведения пола – 16,1 %, ложные представления о нормах поведения пола – 59,6 %, конфликт взглядов поколений – 9,6 %, затрудняюсь ответить – 12,7 %. Преобладание представлений о стереотипах как о ложных понятиях связано как раз с тем, что в XXI в. особо ведется

борьба за равенство, т. е. сейчас эта проблема принята общественностью как существенная в большей мере, чем ранее. А первый шаг и особо глобальный – это как раз признание наличия проблемы.

Следующий вопрос «Доводилось ли вам слышать фразу “Ты же ведь девушка/парень?”» включал два однозначных ответа: «да» ответили 92,5 % респондентов и «нет» ответили 7,5 %. Притом среди тех, кто не сталкивался – это девушки до 18 лет. Хотя процент небольшой, чтобы с точностью делать вывод, но все же, на наш взгляд, сложилось это потому, что феминистские движения стали довольно распространены, и многие молодые женщины не навязывают своим дочерям «долженствований» в зависимости от пола.

Далее был вопрос, который включал в себя выбор нескольких вариантов ответов. Всего вариантов ответов было 13. Сам вопрос подразумевал описание типичной женщины в представлениях респондентов. Только 21,6 % респондентов не имеют стереотипов в отношении должных ролей и характера женщин. Остальные же так или иначе имеют такие предубеждения. Самым распространенным оказалось предубеждение о том, что женская половина населения более чувствительна (49,3 %) – научно данное явление не доказано, так что пока это все-таки стереотип. На наш взгляд, он существует и продолжает поддерживаться из-за того, что мужчинам предписана роль лидера, вожака, что не дает им возможности в полной мере выражать свои эмоции, зачастую они у них просто копятся и в один момент выплескиваются наружу. А так как женщин считали более слабыми, то и эмоции они могли показывать чаще. Как следствие, на фоне того, что мужчины сдерживают эмоции, женщины выглядят более эмоциональными, но это лишь как раз из-за предписанных ролей.

Второй по распространенности стереотип – это то, что женщины более чистоплотны – так считает 40,1 %. Берет он корни так же из далекого прошлого, когда женская половина населения занималась домом, а мужская добывала пищу, занималась защитой.

36 % респондентов считает, что женщина должна быть украшением семьи и дома. Корни стереотипа там же, где и у предыдущего предубеждения.

Интересен тот факт, что следующих убеждений придерживаются на 90 % только мужчины: «женщины более слабые по уму, физически» – 15,4 %, «плохо водят машину» – 19,9 %, «не политики» – 13 %, «нелогичны» – 21,6 %. Это привычные представления о возможностях девушек, которые не имеют никаких оснований, но многие мужчины

не могут это принять из-за страха маскулинизации идеала женщины или из-за страха потерять свою маскулинность.

Давно в обществе удерживается стереотип, что женщины полагаются на интуицию – в нашем опросе такого мнения придерживаются 32,2 % опрошенных. Интуитивность противоположна рациональности, т. е. снова женщинам приписывают большую чувствительность.

То, что женщины лучше осваивают языки, думают 23,6 %, и в одинаковой мере оба пола. Есть научные предположения о том, что это в какой-то мере так. Но все же это больше зависит от качеств человека, а не от принадлежности к полу.

Следующий вопрос касался «типичных мужчин» и также предполагал выбор нескольких вариантов ответов. Ничуть не удивил факт того, что 57,9 % респондентов ответили, что мужчина – добытчик в семье. То есть такие роли, как хранительница очага и добытчик все еще определяющие и ведущие в жизни человека. Вновь это доказывает то, что хоть мир и деятельность изменены довольно сильно, стереотипные установки очень медленно уходят из жизни, и большая часть молодежи также по-прежнему следует им.

46,6 % респондентов считают, что мужчина несет ответственность за все, притом мнение не зависит от пола, и женская и мужская половина одинаково в этом убеждены. Это связано так же с тем, что в представлениях многих мужчины всегда были «ведущими», и у молодежи также остаются отголоски такого восприятия.

34,6 % опрошенных считают, что мужчины чаще становятся руководителями. Это все равно что привилегия для мужской части населения, так как вероятнее кандидатом на руководящую должность будет мужчина. Это, в свою очередь, ущемляет возможности самореализации для женщин. Данный стереотип распространен среди молодого поколения.

Наименьшую популярность имеют ответы «более ревнивы» – 12,3 %, «изменяют, ведь они по природе полигамны» – 11,3 %.

На вопрос «Кто является главой в вашей семье?» ответы такие: по мнению опрошиваемых, в большей части главы семьи как таковой нет – 36 %. Но можно заметить, что довольно большой процент семей, где отец – глава – 27,1 %, плюс к этому у 10,6 % главный муж.

Далее вопрос о семейном бюджете. Здесь уже взгляды более равноправны. Почти 64 % опрошенных ответили, что бюджетом в семье муж и жена должны заниматься вместе. Оставшаяся часть респондентов – 36 % – ответили почти равным образом: 17,5 % опрошенных доверили бы семейный бюджет жене, а 13,4 % – мужу.

В следующих двух вопросах преследовалась цель – определить, что важно для молодежи в человеке, выявить наличие или отсутствие стереотипов о том, на что же обращают внимание девушки, а на что юноши, а также выяснить, при каких факторах ошибочное мнение складывается чаще.

При знакомстве люди в основном обращают внимание на такие критерии как: манера общения – 85,3 % и поведения – 87,3 %, внешний вид – 59,9 % и физическая внешность – 57,2 %, социальный статус – 15 %.

Есть стереотип о том, что мужчины смотрят на отдельные части тела – в нашем опросе 19,9 % обращают внимание на это, притом в основном это действительно мужская часть. Как видно, большая часть молодежи смотрит на манеру общения, поведения, что в целом стирает наличие каких-либо особо распространенных стереотипов. В одинаковой мере, притом не малой, и женщины, и мужчины смотрят на внешность, ухоженность и одежду.

Исходя из ответов респондентов на вопрос «Часто ли ваше первое впечатление при знакомстве ошибочно?», мнение все же часто складывается ошибочное, притом это у тех молодых людей, которые выбрали большое количество внешних факторов, особо привлекающих их внимание. Те же, кто выбрал лишь манеру общения, поведения – реже ошибаются, строя первое впечатление.

Следующие 3 вопроса связаны со стереотипами в сфере работы: «Бизнес – удел сильных мужчин, женщины не могут добиться в нем таких же успехов?», «Кто лучше справляется с ролью руководителя?», «Кому бы Вы доверили дело, бизнес и т. п.?».

В этих вопросах прослеживается тенденция ухода от стереотипов в том, что женщина хуже справляется с бизнесом и руководящими должностями. Так, 13,3 % считают, что мужчины скорее лучше справляются с бизнесом, а 9,9 % и вовсе в этом уверены; 19,2 % убеждены, что мужчина – лучший руководитель; а 13 % доверили бы бизнес только мужчине. Тем не менее, 63,4 % всех респондентов склонны к тому, что женщина тоже может добиться успеха в бизнесе, а 76,4 % склонны к тому, что с ролью руководителя справится любой человек, поскольку это зависит не от пола, а от личностных качеств человека.

Затем рассматривались «типичная мужская/женская работа»: «С домашними хозяйственными делами мужчины также успешно справляются, как и женщины?»: 36,6 % ответили «скорее да, чем нет» и 40,1 % точно уверены, что с домашними делами справятся одинаково хорошо и мужчины, и женщины. То есть такое понятие как «типичная работа» уходит в прошлое.

«Могут ли женщины выполнять типично “мужскую” работу? (забить гвоздь, починить кран и т. п.)»: 49,7 % ответили, что женщина может выполнять «типично мужскую работу», 23,3 % почти уверены в этом. Лишь 27 % думают обратное, кстати говоря – это в основном мужчины.

Далее идет довольно распространенный стереотип о том, что мужчины должны делать первый шаг. Мнения разделились практически наполовину: 25,7 % респондентов, которые ответили «да» – это по большей части девушки, а вот 27,4 % за «нет», в большей части все же мужчины, хотя довольно большая доля женщин тоже есть. Оставшиеся 16,1 % проголосовали за «скорее нет, чем да» и 30,8 % за «скорее да, чем нет», здесь характерного признака нет. Мужчины все еще почти всегда проявляют инициативу при знакомстве.

Вопрос «В современном мире проблема гендерных стереотипов все еще существует?» предполагал узнать у молодежи, как они оценивают ситуацию в отношении данных явлений. Это в свою очередь дает понять, насколько сильно стереотипы распространены, как часто они им встречаются и насколько актуальна данная проблема. Распределились ответы так: 63 % опрошенных уверены, что проблема стереотипности мышления все еще существует, притом довольно остро, 22,3 % ответили «скорее да, чем нет», 7,6 % затруднились ответить. Оставшиеся 7 % считают, что проблемы не существует, также они вначале дали ответ, что не сталкивались с такими явлениями.

Чтобы узнать у молодежи, какую связь они видят между гендерным неравенством и стереотипами, мы задали следующий вопрос «Гендерные стереотипы...» и предложили выбрать продолжение этой фразы. 59,6 % ответили, что гендерные стереотипы – это «причины неравенства полов» (это действительно так, ведь многие стереотипы так или иначе дискриминируют пол по каким-либо признакам), 18,5 % – «гендерные стереотипы и гендерное неравенство – это одно и то же», а 20,5 % затруднились ответить.

На вопрос «Могут ли гендерные стереотипы плохо влиять на человека и его жизнь? Если да, то как?», респонденты ответили следующим образом: 52,7 % – «возникает гендерное неравенство», 57,5 % – «ограничивается развитие личности», 40,4 % – «возникают защитные механизмы психики», 33,6 % – «люди, придерживающиеся гендерной стереотипизации, задерживаются в травматическом опыте чаще», 52,1 % – «попытки соответствовать стереотипам рожают чувство собственной неполноценности». Лишь 1 чел. ответил, что нет никакого влияния.

Из проведенного исследования можно сделать следующие выводы: молодое поколение четко понимает, что проблема существует и стоит довольно остро. Гипотеза о том, что стереотипы, которые были актуальны давно, до сих пор крепко сидят в сознании у молодежи, подтвердилась – мы убедились в том, что стереотипы – это явление, которое не может так же динамично изменяться, как изменяется окружающая обстановка. Предположение о том, что стереотипы мешают и влияют на социализацию личности, также подкрепилось мнением молодежи. Молодое поколение считает, что стереотипность вызывает чувство собственной неполноценности, мешает проявляться потенциалу, вызывает защитные механизмы психики, заставляет задерживаться в травматическом опыте. Все это мешает полноценному развитию личности.

Список литературы

1. Враг внутри. Почему женщины ненавидят женщин. URL: <https://www.goodhouse.ru/obshchestvo/mnenie/vrag-vnutri-pochemu-zhenshchiny-nenavidyat-zhenshchin/?fbclid=IwAR2vhmPcaI2VfwJsD1tyBtCu0kV3H04XB0NixpkQImqNKqIH0utzMI9FMxY#part0>.
2. Каждый день, в каждом городе. 20 лет назад Швеция объявила покупку секса преступлением. Что произошло с тех пор? URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/30/83335-sexkopslagen?fbclid=IwAR3onThq1PSBiRZwocTsXcc7ecyRAoOd1w669uIAJ8qpaOulmQhuzGWC7I>.
3. Как менялось отношение к сексу в России за последние 100 лет. URL: <https://daily.afisha.ru/pokolenie/6593-kak-menyalos-otnoshenie-k-seksu-v-rossii-za-poslednie-100-let/>.
4. Карательная гинекология. URL: <https://takiedela.ru/2018/11/karatelnaya-ginekologiya/?fbclid=IwAR1Qhc8oIQ8gTBX-IOGQ2sLNPvAISXStFtxPq-T2qokWw2upeM1AzZFRmAc>.
5. С детства им отказывают в уме и будущем. Как гендерные стереотипы вредят и девочкам, и мальчикам. URL: <https://m.lenta.ru/articles/2019/07/11/mgs/>.
6. Современная молодежь – самое правильное из всех поколений, какие только можно себе представить. URL: <http://www.pravmir.ru/ekaterina-shulman-sovremennaya-molodezh-samoe-pravilnoe-iz-vseh-pokoleniy-kakie-tolko-mozhno-sebe-predstavit/>.
7. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.

Смыслы культуры и культура смыслов

УДК 304.9
ББК С54/С01

Дмитриева А. А., *Иркутск*

Анализ феномена постюмора как следствия «театра абсурда» с точки зрения исторических и культурных предпосылок

Рассматриваются возникшие в контексте абсурдизма и экзистенциализма исторические причины современного культурного феномена постюмора и постиронии как следствия абсурдистской концепции, воплощенной в явлении «театр абсурда».

Ключевые слова: постюмор, постирония, театр абсурда, экзистенциализм, дадаизм, абсурдизм, «концентрационный мир».

Dmitrieva A. A., Irkutsk

Analysis of the Phenomenon of Post-humor as a Consequence of the “Theater of the Absurd” from the Point of View of Historical and Cultural Premises

The article examines the historical causes of the phenomenon of post – humor that arose in the context of absurdism and existentialism as a consequence of the absurdist concept embodied in the phenomenon called “theater of the absurd”.

Keywords: post-humor, theater of the absurd, existentialism, Dadaism, absurdism, “concentration world”.

Юмор как одно из важнейших составляющих явлений человеческой жизнедеятельности неизбежно развивается столь же быстро, как развиваются возможности познания новой актуальной информации. Это не просто интеллектуальная способность подмечать всяческие противоречия и выявлять их комичные стороны. Юмор есть позитивная реакция на зачастую далекие от положительных итогов изменения жизни общества и в поверхностных, и в фундаментальных его областях.

На просторах интернета в последнее время нередко встречаются термины «постюмор» и «постирония». На сегодняшний день у них нет четкого значения. Википедия предлагает для постиронии три определения Зои Уильямса из выпуска ежедневной газеты The Guardian, которые, по его собственному заявлению, далеки от передачи истинного смысла данного термина: момент, когда ирония заканчивается; когда

некто хочет указать на тождество постмодернизма и иронии; отображение феномена, характеризующееся тем, что уровень качества и важности иронии в обществе настолько вырос, что для него необходима хотя бы новая приставка.

Термин «постюмор» менее употребляем, нежели «постирония». Их принято отождествлять, но в исследовательских целях я введу и разграничительные особенности для обоих терминов, чтобы не превращать их в химеру.

Юмор и ирония – виды сатиры. Насколько бы не изменилось их положение в современных реалиях, они все еще ими остаются. Следовательно, рационально отталкиваться от известных нам определений. Юмор – беззлобное веселое вышучивание. Ирония – тонкая скрытая насмешка. Скрещиваемые с постмодернизмом эти определения приобретают обновленный характер: комичные ситуации выискиваются не в физических явлениях, а в аморфном бытии. Физический же мир есть лишь интерпретация непознаваемой в силу ограниченности человеческих возможностей истинной действительности. Попытка же познать эту действительность приводит к катастрофам (атомное оружие, войны), тем самым давая понять, что это деструктивное познание – путь к самоуничтожению.

Психологи давно доказали, что комедия родилась из трагедии как реакция на события, повлиять на которые человек не в силах, и для сохранения рассудочного здоровья превращает свое бессилие в шутку.

Не будет иррационально предположить, что постюмор и постирония как совершенно новое ответвление сатиры – такая же реакция на произошедшую в исторических масштабах несправедливость. Нельзя признать эту реакцию локальной, в силу распространения феномена постюмора и постиронии за пределами одного общества. Принимая эту условность, дальнейшее исследование вопроса сводится к изучению культурных и исторических предпосылок феномена.

Исследуя тему общелогическими методами, т. е. анализом и обобщением, я обнаружила сходства идей постюмора и постиронии с «театром абсурда». Далее представляю теоретическую модель постюмора и постиронии в контексте «театра абсурда», ее историческую и идеологическую значимость и хронологическую последовательность.

Абсурд – одно из основополагающих средств в творчестве дадаистов предвосхитивших авангардизм. Культура в их представлении навсегда изжила себя, а осмысленность жизни вызывает сомнения.

Дадаизм есть протест против цивилизации, допустившей невиданную ранее степень несправедливости и жестокости в обществе.

Определяющие цивилизацию устои, по их убеждениям, должны быть разрушены. Дадаисты, призывали к уничтожению языка как барьера на пути взаимопонимания людей. Лиризм дадаизма состоит в обращении героев внутрь себя. Рефлексия предполагает не рациональный подход, а сугубо инфантильный.

Первым употребившим термин «театр абсурда» в 1963 г. был театральный критик Мартин Эсслин. Он увидел существенную взаимосвязь между оригинальными произведениями своего времени и послевоенного периода, характеризующегося возникновением авангардистских течений.

К моменту появления термина «театр абсурда» дадаизм уже давно изживает себя и корректнее будет далее рассматривать абсурдизм как явление культуры 50–60-х гг., в котором прослеживаются все те же предпосылки феномена постюмора и постиронии. Помимо дадаистских идей он работает с еще одной более насущной проблемой: опасностью конформизма.

Справедливо будет присудить эту характеристику «театра абсурда» к отличию постюмора от постиронии. Пьеса Сэмюэла Беккета «В ожидании Годо» как эталонный представитель «театра абсурда» лучше всего иллюстрирует тонкость данного вопроса. В «Годо» весь юмор легкий и приятный, как на ладони. И если начинать искать в нем некие скрытые тонкости, что очень сложно не делать, ведь зритель всегда чувствует необходимость искать глубинный смысл, то и так едва уловимая концепция «Годо» пройдет мимо своего зрителя. К «Годо» необходимо присматриваться поверх поверхностного. Никакой насмешки и уж тем более скрытой. Сэмюэлу Беккету за пьесу «В ожидании Годо» была присуждена нобелевская премия.

Абсурдизм – развившаяся из экзистенциализма система философских взглядов, к которой привела вера в алогичность устройства мира. И эта алогичность носит следующее название – феномен «Освенцима» или же «концентрационного мира».

Первая мировая война в общественном сознании своего времени оценивалась как война, проигранная всеми, ведь праздновать победу было некому. Настолько велики и бессмысленны принесенные ей жертвы. Общественное сознание во время Гаагской конвенции согласилось с существованием самой идеи концлагерей, которая раньше была совершенно немыслима: чтобы один человек так ярко и так прямо доминировал над другим, не неся за это никакой ответственности. Концентрационные лагеря, в силу никогда ранее не существовавших столь бесчеловечных условий, впервые в истории сознательно и мак-

симально приблизили людей к животному состоянию: ни собственности, ни имени, ни возможности следовать моральным принципам. Одни и те же емкости использовались для еды и туалета. На фоне этого даже животные смотрятся куда более благородно.

«Феномен Освенцима» в истории Второй мировой войны XX в. представляет собой еще более ужасную картину как минимум уже потому, что мировоззренческая парадигма ужесточилась. Вера в Бога заменилась на научный рационализм. И больше ничего не останавливало от проявления крайней жестокости по отношению к заключенным. Есть мир до и после Освенцима. Человек, «которого раньше убивали (или он умирал) один раз в конце жизни, теперь убивали на протяжении жизни.... Когда же реальная смерть все-таки наступала, человек лишался последнего права – права оставить свой след, память о себе в этом мире». Освенцим стал экспериментальной площадкой по выявлению пределов бесчеловечного отношения друг к другу. Если лирики всегда подозревали о некоей страшной сущности в глубинах разума человека, то Освенцим доказал, словно физический закон, и описал модель этого ужаса, абсолютного зла, которому противопоставить стало совершенно нечего. Все искусства стали вторичны, ненадежны. Все эмпирическое знание стало сомнительным. Сам человек стал существом сомнительным, которому, возможно, никогда не стоило рождаться.

Перед следующим поколением молодежи, не участвовавшей в ужасах Второй мировой войны, развернулась непростая задача: найти новый язык, новую культуру, которая смогла бы построить на руинах искусства и наук новую систему ценностей, создать новую реальность.

Аморфность бытия стала основной идеей, воплотившейся в философском течении, носящем гордое название экзистенциализма, который многие источники не исследует дальше, нежели реакции на рационализм. Принято считать, что его явление было бунтом. Но, в силу упомянутого общественного состояния, очевидно, что экзистенциализм был неизбежен. Мир, существующий без логики, – прельстившая многих авторов концепция. Только она могла обратить всю накопившуюся злобу в ироничную форму. И, пожалуй, здесь стоит сделать особый акцент на полученных выводах. Ирония, о которой идет речь в экзистенциализме не просто реакция на несправедливость в мире. Она – воплощение переустройства этого мира. Если раньше ирония могла восприниматься как гипербола, имеющая аналоги в действительности, то ирония экзистенциализма не имела никаких реальных аналогов. Что-то было смешным только по той причине, что оно

должно было быть смешным. Ирония экзистенциализма не прием для представления какой-то идеи, а сама идея. Соответственно, произведения экзистенциализма стали вынуждены отрицать логику, ведь комичное на то и смешно, что не логично.

За экзистенциализмом появилась постирония, за постиронией появился «театр абсурда», а за «театром абсурда» эти идеи сформировались в более сглаженный постюмор. Приведя читателя к этой хронологической версии развития нового вида сатиры, я могу наконец-то подтвердить заявленный тезис о том, что постюмор и постирония не тождественны. Более того, постюмор и постирония являются чуть ли не важнейшим культурным явлением современности, еще не до конца проявившем свои сильные стороны, ошибочно принимаемое за текущий тренд. Современных постюмористов и постиронистов можно обвинить в бессмысленности, что не мудрено, ведь в этом и был смысл абсурдизма, но не в бесполезности. Концепция юмора, в котором нет комичного конфликта, сделала гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Глубочайший кризис гуманистических идеалов хоть и был предотвращен окончательно, но человеческая культура находится на нужном пути. Различные ток-шоу, популярные юмористические игры и программы работают по смежной для постюмора и постиронии структуре: «шутка в отсутствии шутки». Тем самым они создают новейшую аморфную беспричинную, а значит и не имеющую смыслов и следствий действительность.

Из анализа можно заключить, насколько потенциальны рассматриваемые виды сатиры в качестве исторического и культурного пласта человеческой истории, пренебрежение которым недопустимо.

Список литературы

1. The final irony // The Guardian. 2003. URL: <https://www.theguardian.com/theguardian/2003/jun/28/weekend7.weekend2> (дата обращения: 07.11.2020).
2. Щеголова М. В. Дадаизм – социально-психологический симптом эпохи перемен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета – 2005. № 2(11). С. 59-65. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9161434_11202676.pdf (дата обращения: 07.11.2020).
3. Галинская И. Л. Театр абсурда // Известия Волгоградского государственного педагогического университета 2011. № 3(58). С. 75–76. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16690324_84596841.pdf (дата обращения: 07.11.2020).
4. Якеменко Б. Г. Концентрационный мир. URL: <https://boris-yakemenko.livejournal.com/532479.html> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Анненкова Н. А. Открытые лекции. Театр абсурда. Ч. 1. URL: <https://www.utv.ru/material/otkrytye-lekcii-teatr-absurda-chast-i/> (дата обращения: 07.11.2020).

УДК 316.733
ББК 60.56

Осипов Т. А., Сафонов С. А., *Иркутск*

Культура как ключевой «регион» личностного становления молодежи в технологическую эпоху: к постановке проблемы

Рассматривается культура в качестве основного «региона» личностного становления молодежи. Выявляются особенности молодежи в связи с технологическими новациями общества, а также особенности культуры в технологическую эпоху в аспекте личностного становления. Обосновывается тезис о включенности молодежи в технологическую культурную среду и соответствующее влияние на процессы личностного становления.

Ключевые слова: молодежь, культура, технологии, технологическая среда, личностное становление, «регион» личностного становления.

Osipov T. A., Safonov S. A., Irkutsk

Culture as a key “Region” of a Becoming Person of Youth in the Technological Era: Problem Definition

The article considers culture as the main “region” of becoming person of youth. The features of youth in their connection with the technological innovations of society are considered. The article considers the features of culture in the technological era in the aspect of becoming person. The thesis about the involvement of young people in the technological cultural environment and the corresponding influence on the processes of becoming person is substantiated.

Keywords: youth, culture, technology, technological environment, becoming person, “region” of a becoming person.

В социальных науках при рассмотрении и анализе характеристик определенных демографических прослоек, молодежь традиционно признавалась одной из ключевых социально-демографических групп в государстве (шире – в обществе в целом). В силу своих возрастных (демографических) характеристик ими приобретаются, по крайней мере, временно, специфические, не присущие другим возрастным прослойкам, социальные компетенции и когнитивные характеристики. В сегодняшних условиях ключевыми качествами, присущими молодежи, являются гибкость, повышенная активность и готовность решать поставленные задачи, креативность, открытость различным инновациям и нововведениям. Этот факт преимущественно является обратной стороной неполной сформированности молодых людей в личностном аспекте, однако процесс становления в этом возрастном отрезке набирает обороты именно за счет этих ресурсов. Что примечательно, преимущества молодежи рассматривались в таком ключе и

ранее, в социально-исторических условиях, которые более близки к идеально-типической конструкции традиционного общества. Отличие заключается в том, что ранее общественное мнение зачастую склонялась к негативной оценке таких качеств, определение их как антагонистических, в связи с характеристиками социума, которые в первую очередь заключались в наличии более устойчивых и стабильных (по сравнению с сегодняшним днем) культурных паттернах и моделях поведения. Это могло отразиться и исследовательской работе в этом аспекте, несмотря на существующее требование научной объективности, и отказу от вынесения ценностных суждений в рамках корпуса науки (в веберовском ключе).

На сегодняшний день ситуация изменилась как в рамках общественного, так и научного дискурса. Многие концепции позволяют дать новую оценку молодежной «гибкости». Особенно это заметно, если обратиться к концепциям глобализации и рискологическим парадигмам. «Текущая современность» Зигмунта Баумана, «ускользающий мир» Энтони Гидденса, «общество риска» Ульриха Бека, все эти концепты побуждают рассматривать нас рассматривать особенности молодежи (которые также постепенно выходят на «новый уровень») в другом ключе. Гибкость и открытость рассматриваются теперь как необходимые для оптимального протекания процессов жизнедеятельности качества, позволяющие существовать в нынешних условиях «рыхлой» и изменчивой социальной структуры и все более ускоряющейся темпоральности. Таким образом, молодежь сегодня как наиболее адаптивная прослойка общества чувствует себя наиболее комфортно и способна решать задачи, которые усложнены постоянными трансформациями, рисками и социальными вызовами. В связи с этим актуализируются и вопросы личностного становления молодежи, так как проблематичность этого процесса не только стала налагать на общество еще большую ответственность в воспитательном плане, чем раньше, но также и сама стала качественно изменяться, что обуславливает интерес к этой проблеме в теоретическом плане.

Существуют различные факторы, влияющие на молодежь и ее личностное становление. Эти факторы можно дифференцировать и разделить на группы, а также рассмотреть их позиционные координаты в общей системе. Образно можно назвать это «регионами» личностного становления. Использование пространственной метафоры во многом обусловлено характеристиками современного общества в первую очередь постмодернистским смешением «всего со всем», накладыванием «регионов» друг на друга. В таких условиях индивид

словно передвигается по карте, находясь то ближе к центру одного из «регионов», то на границе между ними или же в неопределенной области, где несколько «регионов» словно «наслоились» друг на друга. Каждый из них обладает специфическими сущностными характеристиками, определенной автономией (в известной мере) и, следовательно, собственными самостоятельными факторами влияния на процессы личностного становления. Тем не менее, из отдельных «регионов» составляется система, между элементами которой существует связь и взаимные корреляции. К примеру, можно проследить определенную корреляцию между культурными и экономическими процессами, но в то же время нельзя отрицать самодостаточность их влияния на различные явления, в частности, на процессы личностного становления.

На сегодняшний день в качестве основного источника влияния на процессы личностного становления справедливо будет выделить культуру, как одну из сфер жизни общества. На данный момент существует множество «наук о культуре», однако данный процесс особенно важно рассмотреть именно в рамках социологической дисциплины. Как справедливо утверждает Л. Г. Ионин: «...развитие в современном мире идет в сторону размывания и уменьшения значимости крупномасштабных структурных образований, которыми традиционно занималась и продолжает заниматься социология» [1, с. 10], но в то же время «...возрастает роль культуры в регуляции поведения и создании новых структур иного плана, происхождения и иной степени жесткости и объективности» [1, с. 10]. Это обуславливает значимость социологии в исследовании различных культурных процессах и их влияния на ряд других процессов. Это если и не полностью переопределяет вектор социологических исследований, то, по крайней мере, приковывает внимание к некоторым субдисциплинам (в данном случае – к социологии культуры). Социологическая методология также позволяет рассмотреть процессы интериоризации социальных норм, принципов и стереотипов на макроуровне, что позволяет сопоставить процессы личностного становления с крупными «регионами» (культурой, политикой, экономикой и другими).

Теперь обратимся непосредственно к культуре. Так как понятие культуры является одним из самых сложных и комплексных в научном обиходе и, следовательно, размытым, целесообразно будет провести небольшой исторический экскурс. Этимология слова в первую очередь отсылает нас к латинскому *cultura*, которое первоначально использовалось буквально для обозначения возделывания и удобрения земли. В дальнейшем стало распространяться метафорическое исполь-

зование этого термина для обозначения «возделывания», «удобрения ума», что в конечном итоге привело к рутинизации этого значения и закреплению в качестве главенствующего. Далее термин продолжал непрерывно универсализироваться, что привело к огромному количеству возможных значений и трактовок, существующих на сегодняшний день. Таким образом, сегодня используются как предельно конкретные, так и максимально общие определения культуры, начиная с обозначения некоторых частных практик или форм деятельности, заканчивая всей совокупностью надбиологических программ жизнедеятельности человека и понятием развития и совершенствования в целом. В данной работе так же будет использоваться более обобщенное определение культуры, что обусловлено стремлением в первую очередь обозначить некоторые общие моменты, а не углубляться в один из возможных аспектов анализа.

В эпоху технологической «доминации» трансляция и передача культурных ценностей в широкие массы вышли на новый уровень. Что любопытно, на это указывает даже то, что слова «трансляция» и «передача» на сегодняшний день в равной степени имеют как метафорическую, так и куда более буквальную, «технологическую» коннотацию. В данной работе мы в первую очередь имеем в виду количественное наращивание данных процессов. Качественное изменение культурных процессов – отдельная обширная тема, и в данной работе углубляться в нее мы не будем. С количественным распространением связан тот факт, что в общественном дискурсе принято говорить о том, что технологии сегодня проникают во все без исключения сферы жизни общества и изменяет их коренным образом. В общем и целом, с этим можно согласиться, однако, по нашему мнению, ключевым здесь является дальнейший вопрос о том, все ли включены в этот процесс, всем ли доступны эти изменения в практическом опыте?

В связи с этим можно выдвинуть тезис о том, что технология как безличный социальный актор имеет большую дифференцирующую силу. О подобной силе Технологии писали и ранее, еще в XX в., к примеру, некоторые исследователи Франкфуртской школы. Однако тогда подобный анализ вписывался в марксистскую классовую парадигму, где акцент в большей мере делался на технологических средствах производства. Сейчас же технологическая среда имеет другие масштабы, она расширяется за счет интервенций во все сферы жизни общества. Универсализация и миниатюризация технологий привели к ее полновесному внедрению в человеческую жизнь на уровне повседневных практик. В такой ситуации возникает определенный порог

вхождения в эту самую технологическую среду, который требует от «пользователей» определенных компетенций. В этом случае качества молодежи, в первую очередь гибкость и открытость инновациям, позволяют им гораздо легче внедряться в технологическую среду, нежели другим социально-демографическим группам.

Таким образом, включенность в технологическую среду означает и наличие возможностей включенности в современную культурную среду. Культура не только «дублируется» в технологической среде, в ней происходят любопытные синтезы и инновации, недоступные ранее. Кроме того, на технологической базе возникают принципиально новые культурные феномены, так же едва возможные ранее. За счет этого происходит расширение культуры как «региона» личностного становления молодежи (в первую очередь). Особенно хорошо это можно проследить в рамках процессов распространения и появления различных форм искусства, которые являются неотъемлемой частью культуры, а в повседневном дискурсе зачастую и приравниваются к ней. Включенность в эту среду обеспечивает впитывание и инкорпорирование культурных норм и паттернов в молодежную культуру и поведение, что обеспечивает соответствующее влияние на процессы становления личности. Особенно, по нашему мнению, важно наличие в культуре представлений и выражениях эстетических и этических норм, которые имеют первостепенное значение в личностном становлении.

Компетентность молодых людей как «пользователей» технологической среды позволяет им не только использовать ее возможности, но и давать обратную «связь». Одним из главных качеств молодежи, помимо гибкости и открытости инновациям (однако связанным с ними), является креативность. Как мы можем заметить, большинство новых культурных продуктов в технологической среде создается именно молодежью, что связано с их высокой компетентностью в ее рамках. Для них технологическая среда зачастую является куда более комфортной стартовой площадкой для культурной, в первую очередь творческой деятельности, чем традиционная «аналоговая» среда. Опять же, особенно это заметно в сфере искусства, где культурные продукты имеют весьма конкретную форму (музыкальные произведения, клипы, фильмы и многое другое). В данном случае обеспечивается практическое применение полученных знаний и опыта, полученных в различных культурных процессах. Это так же имеет большое значение, так как личностное становление нельзя обозначать как односторонний процесс впитывания различных норм, принципов и моделей поведения. Закреп-

ление этих норм и принципов в системе мировоззрения и поведенческой культуры происходит путем их практической апробации.

Таким образом, мы обозначили культуру как крупный «регион» личностного становления молодежи, который актуализируется в качестве такового в технологическую эпоху. В данной работе мы не стремились к анализу конкретных культурных форм и процессов в контексте личностного становления, однако попытались обозначить это как определенную проблему, требующую более тщательного теоретического осмысления в различных направлениях.

Список литературы

1. Ионин Л. Г. Социология культуры. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.

УДК 316.42
ББК 60.524

Бухарова Е. А., *Иркутск*
Стифуткина В. А., *Москва*

Влияние СМИ на формирование социальных стереотипов

Рассмотрены понятие и виды социальных стереотипов, распространяемых в средствах массовой информации. Также приведены примеры влияния средств массовой информации на их формирование.

Ключевые слова: средства массовой информации, социальные стереотипы, виды социальных стереотипов.

Bukharova E. A., *Irkutsk*
Stifutkina V. A., *Moscow*

Influence of Mass Media on the Formation of Social Stereotypes

The article considers the concept and types of social stereotypes spread in the mass media. Examples of the influence of mass media on their formation are also given.

Keywords: mass media, social stereotypes, types of social stereotypes.

В настоящее время средства массовой информации являются немаловажной частью современного мира, особенно в развитых странах. Газеты и печатные материалы, телевидение, радио и Интернет обеспечивают нас развлекательным контентом, а также играют немаловажную роль в повседневной жизни, например, для онлайн-банкинга, покупок и поиска информации.

Интернет в настоящее время является самым быстроразвивающимся средством массовой информации, но телевидение по-прежнему очень популярно и имеет большое влияние. Посредством транслируе-

мой информации, СМИ имеют возможность влиять на желания, мнения, убеждения и отношения людей, а значит – СМИ обладают огромной властью поддерживать стереотипы.

Рассматривая понятие социального стереотипа, следует отметить, что в научный обиход его ввел У. Липпман и он определял его как упрощенное представление в сознании социума, не подтвержденное собственным личностным опытом. Стереотипы, согласно представлениям У. Липпмана являются некие схематичные и упорядоченные образы окружающего мира в сознании индивида, позволяющие упростить познавательный процесс сложных социальных явлений [4]. Кроме того, стереотипы в той или иной мере определены культурой и могут играть роль помощников в формировании традиций и обычаев, а также в отстаивании ценностей и взглядов человека, его прав.

Другую точку зрения на определение понятия социальный стереотип предложил Т. Шибутани, который трактовал его как «популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей, с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [6]. В свою очередь, социолог И. С. Кон под понятием стереотипа подразумевает предвзятое мнение о свойствах людей и явлений, выведенное из необоснованных и стандартизированных суждений и ожиданий [3]. Обобщая представленное выше, можно говорить о том, что под понятием социального стереотипа, следует понимать явление, которое способно упростить восприятие и осознание массивного потока информации без углубления в детали и при этом накладывающее определенные стандарты, зачастую не совсем соответствующих действительности или в корне отличающиеся от нее.

Рассматривая социальные стереотипы, следует отметить, что немаловажную роль в их распространении и навязывании играют средства массовой информации. Среди основных стереотипов, распространяемых СМИ можно выделить гендерные, этнические, политические и религиозные. Гендерные стереотипы включают в себя обобщенные представления или мнения о том, как должны вести себя мужчины и женщины в тех или иных обстоятельствах. Наиболее часто гендерные стереотипы в средствах массовой информации можно встретить на телевидении в форме телесериалов или ситкомах. Примером подобных сериалов, где женщина выступает в типичной для себя роли домохозяйки, могут послужить сериалы «Воронины», «СашаТаня» и другие.

Социальные стереотипы этнического характера, распространяемые средствами массовой информации, заключаются в формировании или отражении определенного отношения к представителям различных этнических групп. К этническим стереотипам можно отнести публикации информации о чертах национального характера, менталитете или о поведении представителей тех или иных этнических групп в обобщенной форме, а также сообщения журналистов в средствах массовой информации о неполноценности каких-либо этнических групп в целом либо ее отдельных представителей в частности, формирует негативные стереотипы о них. Наиболее часто этнические стереотипы можно увидеть в газетах, и они могут быть связаны, например, с внешностью или поведением представителей разных этнических групп либо с местом их проживания.

Политические стереотипы включают в себя определенные образцы, согласно которым осуществляется формирование мнения человека об образе и деятельности государства на политической арене. В средствах массовой информации наиболее часто появляются сообщения о военных событиях, поэтому используя политические стереотипы средства массовой информации, могут, например, могут скрывать некоторые подробности или скрывать реальный ход военных конфликтов [2].

Одними из наиболее часто встречающихся в средствах массовой информации стереотипов наравне с гендерными являются религиозные стереотипы. Определение религиозных стереотипов подразумевает субъективное отношение или мнение, носящее оценочный характер и выраженное по отношению к представителям какой-либо конфессии. Это может проявляться как в Интернет-пространстве, так и в газетах и кинофильмах.

На сегодняшний день, несмотря на то, что люди гораздо более осведомлены об этой проблеме, средства массовой информации по-прежнему сохраняют традиционные гендерные стереотипы. Люди, включая детей и молодежь, попадают в ловушку репликации поведения и предположений, наблюдаемых в онлайн-пространстве.

На мужчин влияет ограниченность их образа мачо, они агрессивны и не проявляют чувств и эмоций. На женщин же влияет их положение в обществе, занятия и, в гораздо большей степени, чем на мужчин, их идеальный физический облик. Однако следует отметить, что социальные стереотипы, распространяемые в СМИ, выходят далеко за рамки гендерных стереотипов. Из-за своего большого влияния на отношение людей телевидение и Интернет, в частности, могут изобра-

жать определенные социальные группы в неблагоприятной и нереалистичной манере.

Известным фактом является то, что отношения, ценности и чувство собственного достоинства хорошо развиваются к середине подросткового возраста или даже раньше. Нельзя не выделить насилие, увековечиваемое онлайн-играми, в которые они играют, сообщениями в рекламе, которые они видят, а также негативные тексты и поведение популярных певцов, за которыми они следят и восхищаются.

Также необходимо отметить, что, рассматривая молодежь, детей и средства массовой информации, не следует забывать о проблемах, с которыми сталкивается молодое поколение, таких как издевательства и расстройства пищевого поведения, среди которых анорексия, часто возникающая из-за влияния того, что определенная фигура и образ тела изображаются как приемлемые. СМИ. Именно таким образом формируются социальные стереотипы.

Подводя итоги, стоит отметить, что социальные стереотипы, согласно определению данного понятия, не несут резко негативного окраса, однако зачастую этот окрас данному понятию придают средства массовой информации. Кроме того, немаловажным является тот факт, что социальные стереотипы несут в себе обобщенную информацию, которая может являться необоснованной или неактуальной, но при этом они будут продолжать транслироваться с помощью средств массовой информации, и соответственно будут укореняться в сознании человека, порой нанося ему вред.

Список литературы

1. Акопян Н. А. Средства массовой информации как способ формирования стереотипов массового сознания // Наука. Инновации. Технологии. 2008. № 3. С. 185–190.
2. Бердникова А. Ю., Лаенко Е. В., Шакалова В. Н. Средства массовой информации как средство формирования стереотипов в обществе // Молодой ученый. 2018. № 16 (202). С. 265–267.
3. Кон И. С. Психология предрассудка: О социально-психологических корнях этнических предрассудков // Новый мир. 1966. № 9. С. 198.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. 84 с.
5. Попова В. О., Балезина Е. А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. 2015. № 2 (22). С. 88–94.
6. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. 324 с.

УДК 316.7
ББК 60.560

Стифуткина В. А., Москва

Кино как социальный институт

Рассматриваются понятие кино как социального института, его характеристики и функции. Также анализируется положительное и отрицательное влияние этого социального института на аудиторию.

Ключевые слова: кино, кинематограф, социальные институты, ценности, пропаганда.

Stifutkina V. A., Moscow

Movies as a Social Institution

In the article the author reveals the concept of cinema as a social institution, its characteristics and functions. The author also analyzes the positive and negative impact of this social institution on the audience.

Keywords: cinema, cinematography, social institutions, values, propaganda.

Кино – один из мощных видов искусства в современном мире. Оно помогает нам понять разные аспекты нашей жизни, жизнь окружающих нас людей и также то, как работают наше общество и культура. Кино проливает свет на политические и духовные вопросы, может открыть глаза на новые способы мышления, чувства и стремления к жизни. Эти аспекты говорят о том, что кино в нашем обществе выступает в роли одного из основополагающих социальных институтов [3].

Социальный институт – это взаимосвязанная система социальных ролей и социальных норм, которая организована вокруг удовлетворения важных социальных потребностей или социальных функций.

Каждый сектор этой системы выполняет определенные задачи и имеет разные обязанности, которые способствуют общему функционированию и стабильности общества. Это помогает уменьшить хаос и улучшить его структуру. Социальные институты можно разделить на:

1. Экономические (отвечают за управление тем, как общество производит и распределяет свои товары, услуги и ресурсы).

2. Правительственные (разрабатывают и внедряют правила и решают, как управлять отношениями с другими обществами).

3. Семейные (организуют функцию воспроизводства членов социума в кооперации с соответствующими подразделениями государства и частными организациями (женские консультации, родильные дома, сеть детских медицинских учреждений, органы поддержки и укрепления семьи и др.).

4. Образовательные (несут ответственность за систематическую передачу знаний, навыков и культурные ценности в образовательных учреждениях) [4].

5. Религиозные (единая система верований, символов и ритуалов, которые направляют людей, придают смысл жизни, и объединяют верующих в сообщество) [4].

Кино, как социальный институт, занимает особое место и выполняет множество немаловажных функций, схожих с функциями вышеперечисленных социальных институтов.

Кино долгое время формировало наши убеждения и ценности. Один из примеров, когда люди копируют модные тенденции, используют манеры речи, точь-в-точь как у кинозвезд. Также кино укрепляет отдельные культурные убеждения или устраняет некоторые из них.

Кино имеют не только развлекательный аспект, но также эмоциональный, обучающий, мотивирующий. Например, романтические фильмы напоминают нам, почему любовь важна и за что стоит бороться. Они заставляют нас плакать и смеяться, помогают лучше понять людей и окружающий нас мир. Комедийные фильмы помогают нам отвлечься от повседневной рутины. А фильмы, основанные на биографиях всемирно известных людей, могут вдохновляющим примером того, что любой может допиться в жизни успеха [2].

Говоря об исторических фильмах, то большая часть из них основаны на реальных событиях и фактах, что позволяет воспроизвести картину того, каким был мир ранее. Они связывают современный мир с прошлыми поколениями. Хорошим примером являются фильмы, посвященные Великой Отечественной войне, которые подробно показывают, что произошло в те дни, и помогают сегодняшнему поколению оценить значение войны, как положительное, так и отрицательное.

Помимо позитивных сторон, в кинематографе можно выделить и негативные аспекты. Так, например, в большом количестве триллеров, ужасиков и криминальных фильмов, и сериалов происходит романтизация и нормализация насилия, воровства и лжи, как способа достижения собственных целей. Такого рода контент способен ввести в заблуждение как детей и подростков, так и родителей, которым сложно найти стратегии, которые смогут ограничить доступ к подобному контенту [1].

Также способность кино привлекать аудиторию долгое время использовалась в целях пропаганды, т. е. для привития и/или увековечения социальных, политических или религиозных идей с помощью ряда манипулятивных приемов. В пропагандистских фильмах используются аргументы неопровержимых героев, демонизированных злодеев, привлекательная иконография и упрощенные нарративы «мы против

них», чтобы передать послание правительства, группы или даже отдельного человека с конкретной повесткой дня.

Подводя итог, можно сказать, что в современном мире кино является одним из важнейших социальных институтов. Оно несет в себе определенные знания, ценности, способствует рефлексии наших эмоций. Поскольку положительное влияние кино, как социального института, перевешивает отрицательное, очень важно выбирать правильный контент для каждой аудитории и защищать молодое поколение от контента, который изменил бы их чувства и мнения в сторону насилия и жестокости.

Список литературы

1. Мелконян К. Ю. Киноискусство как фактор формирования социокультурного пространства современного общества // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinoiskusstvo-kak-faktor-formirovaniya-sotsiokulturnogo-prostranstva-sovremennogo-obschestva> (дата обращения: 16.10.2020).
2. Пигулевский В. О., Мирская Л. А. Искусство как социальный институт // Гуманитарий Юга России. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvo-kak-sotsialnyy-institut-1> (дата обращения: 17.10.2020).
3. Рожкова К. Л., Сазина Д. А. Исследование кинематографа как социального института: постановка проблемы // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе : IV междунар. науч.-практ. конф. (6–7 декабря 2017 г.) / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. URL: <https://elis.psu.ru/node/484793> (дата обращения: 17.10.2020).
4. Социальные институты // Энциклопедия экономиста URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/socialnye-instituty.html> (дата обращения: 16.10.2020).

УДК 304.2
ББК С54/С524

Шантанов Р. В., *Иркутск*

Организация культурно-досуговой деятельности как фактор решения проблем девиации в сельской местности (на примере Усть-Ордынского бурятского округа Иркутской области)

Приводится анализ культурно-досуговой деятельности, которая может выступать субъектом профилактики девиантного поведения молодежи сельской местности.

Ключевые слова: сельская молодежь, девиация, девиантное поведение, досуг, культурно-досуговая деятельность.

Shantanov R. V., *Irkutsk*

Organization of Cultural and Leisure Activities as a Factor in Solving the Problems of Deviation in Rural Areas (on the Example of the Ust-Orda Buryat District of the Irkutsk Region)

The article provides an analysis of cultural and leisure activities, which can act as a subject of the prevention of deviant behavior of young people in rural areas.

Keywords: rural youth, deviation, deviant behavior, leisure, cultural and leisure activities.

В практической части сферы социальной работы существует много различных технологий работы с лицами, нуждающимися в той или иной помощи, реабилитации, абилитации и т. д. Выбирая ту или иную технологию работы, специалист по социальной работе во многом определяет свой фактический функционал, который необходим для успешного решения проблем клиента или целевой аудитории. В целом технологии социальной работы в комплексе решают различные социально-психологические, экономические, бытовые и другие проблемы социума. Но в рамках нашего исследования и представления уже имеющегося опыта, мы делаем упор на технологии социальной работы, которые зачастую применяются в практике социальной работы по организации культурно-досуговой деятельности.

В целом организация культурно-досуговой деятельности молодежи является одним из приоритетных направлений государственной социальной политики. Поэтому в самом процессе осуществления своей трудовой деятельности специалист по социальной работе должен учесть цели социальной работы, которые достигаются при организации культурно-досуговой деятельности молодежи. Этими целями на сегодняшний день являются повышение культурного уровня молодежи, обеспечение их успешной социализации в обществе, а также реализация их личностного и интеллектуального потенциала.

В первую очередь, говоря об организации культурно-досуговой деятельности молодежи, следует упомянуть о деятельности государственных учреждений дополнительного образования, которые непосредственно занимаются этой деятельностью для подростковой молодежи. В статье 75 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, регламентирующий дополнительное образование детей и взрослых, прописано, что «дополнительное образование детей и взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [1]. Следовательно, мы видим серьезную нормативно-правовую основу сферы дополнительного образования, которая сегодня активно и успешно реализуется в рассматриваемом нами направлении социальной политики.

Мы видим, что организация культурно-досуговой деятельности сегодня является одним из мощных инструментов по профилактике девиантного поведения молодежи и сфера дополнительного образова-

ния в нем играет немаловажную роль. Молодые семьи в сельских поселениях сегодня должны быть уверены в том, что сфера дополнительного образования будет эффективным направлением деятельности для их будущих детей.

Как правило, студенческой и более взрослой молодежью сегодня сочетаются различные традиционные и инновационные формы культурно-досуговой деятельности [5]. Традиционные формы занятия досуга сегодня представляются молодежи как необходимая и важная часть их жизнедеятельности и не важно, участвует она в этих культурных движениях или нет. Музыкальные и танцевальные шоу и фестивали, игры КВН и многие другие ток-шоу сегодня предстают перед нами как традиционные виды досуговой деятельности, в которых молодежь не только участвует, но и создает своим активным образом жизни досуг для другой, большой, аудитории, не занятой в этих сферах, молодежи. Представленные нами виды традиционной социально-культурной досуговой деятельности во многом способствуют личностному развитию индивида, его успешной социализации в новых социальных группах, но помимо этого, являются качественными средствами профилактики девиантного поведения в молодежной среде. Но как правило, эффективность и результативность таких форм культурно-досуговой деятельности высока в больших городских поселениях, что нельзя сказать о сельской местности.

Инновационные формы культурно-досуговой деятельности сегодня активно реализуются различными учреждениями и центрами культуры и досуга. Если конкретизировать рассматриваемые формы организации досуга для молодежи в целом, то в различных многофункциональных центрах культуры и досуга сегодня создаются и реализуются множество комплексных программ, в которых учитываются приоритетные направления государственной молодежной политики [6]. Особыми факторами успеха, по мнению О. Н. Цукановой, при организации досуга для молодежи выступает оптимизация деятельности таких учреждений, основанная на комплексном использовании разных направлений:

- 1) анализ опыта предшественников;
- 2) использование опыта зарубежных учреждений и специалистов;
- 3) организация собственных поисков как культурными учреждениями, так и их воспитанниками [3].

В качестве примера инновационной формы организации досуга автор приводит мероприятие Государственного бюджетного учреждения дополнительного образования «Центр дополнительного образова-

ния детей» «Лето в объективе», который подразумевает организацию онлайн лагеря для детей и подростков [4]. В сегодняшних условиях карантина и режима самоизоляции дети вынуждены оставаться дома, но технические возможности современных коммуникационных электронных устройств могут вовлечь их в различные деструктивные онлайн сообщества через социальные сети и интернет в общем. Это же, приведенное в пример, мероприятие будет способствовать познавательной культурной организации досуга детей в каникулярное время. Само мероприятие предполагает обучение детей и подростков новым навыкам и умениям работы с компьютером и современным смартфоном. Следует отметить, что мероприятие такого рода является одним из множества примеров, которые можно встретить на официальных сайтах подобных учреждений и учреждений культуры и досуга.

Сегодня практически во всех сельских поселениях Усть-Ордынского бурятского округа, да и в целом по стране, организованы технические возможности выхода в интернет с любой точки, конечно, есть недочеты и различного рода проблемы, но у большей части сельских жителей все же есть эта возможность. Поэтому такого рода инновационные онлайн платформы организации досуга при сегодняшних условиях карантина будут самыми востребованными методами организации культурно-досуговой деятельности сельской молодежи. Вообще, такого рода дистанционные форматы участия в мероприятиях через сеть «Интернет» создает для обеих сторон (1 – трансляторы, 2 – получатели) явные преимущества: 1) экономия времени, финансовых затрат и личных интеллектуальных ресурсов; 2) более высокий уровень скорости и масштабности различных взаимодействий, так как сторона, подключающаяся на онлайн связь, может находиться в любой точке мира; 3) возможность использования как текстовых, так и звуковых, цветовых и видео элементов при отправке сообщений [2].

Сельская местность, по мнению автора, по сравнению с городской средой характеризуется низким уровнем культурно-досуговой деятельности из-за чего не организованный досуг может стать фактором возникновения девиантных групп или их увеличения, так как таковые уже существуют.

Таким образом, делая вывод о культурно-досуговой деятельности как о значимом социальном инструменте профилактики девиантного поведения сельской молодежи, мы можем сказать, что это направление для специалистов по социальной работе должно быть одним из самых приоритетных, так как организация этой деятельности может в комплексе решать основные задачи трудовой деятельности специали-

ста и социальные проблемы сельских жителей, которые существуют на данный момент. Уже имеющийся и заимствованный опыт организации культурно-досуговой деятельности учреждений Усть-Ордынского бурятского округа успешно применяется и дает свои положительные результаты, но выявляется необходимость увеличения уровня организации и применения инновационных технологий различными субъектами этой деятельности.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 02.11.2020).
2. Бабосова Е. С. Досуг как фактор включенности молодежи в социокультурную деятельность // Социологический альманах. 2012. С. 336–344. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosug-kak-faktor-vklyuchennosti-molodezhi-v-sotsiokulturnuyu-deyatelnost> (дата обращения: 03.11.2020).
3. Бороноев П. Г. Проявления алкогольной девиации в студенческой среде // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavleniya-alkogolnoy-deviatsii-v-studencheskoy-srede> (дата обращения: 13.06.2020).
4. Официальный сайт ГБОУ ДО Иркутской области «Центр дополнительного образования детей». URL: <http://cdod38.ru/> (дата обращения: 03.11.2020).
5. Суровенкова М. А. Досуговая деятельность современной студенческой молодежи // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 1. С. 67–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dosugovaya-deyatelnost-sovremennoy-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 03.11.2020).
6. Цуканова О. Н. Традиционные и инновационные социально-культурные технологии в системе организации молодежного досуга в муниципальных центрах // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. С. 125–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnye-i-innovatsionnye-sotsialno-kulturnye-tehnologii-v-sisteme-organizatsii-molodezhnogo-dosuga-v-munitsipalnyh-tsentrakh> (дата обращения: 03.11.2020).

УДК 339.54(075)

ББК 63.3(235.54)

Трескин П. А., *Нижний Новгород*

Иррационализация духовности: ресурсы региональных религиозных организаций

Рассматриваются особенности развития ресурсного потенциала религиозных организаций региона. В анализе используются материалы экспертного интервью руководителей различных религиозных организаций региона. Доказывается, что ресурсы региональных религиозных организаций становятся частью социального капитала прихожан и вместе с тем указывают на иррациональные аспекты духовности.

Ключевые слова: религиозные организации, ресурсы, иррациональность, духовность, социальный капитал.

Treskin P. A., *Nizhny Novgorod*

Irrationalization of Spirituality: Resources of Regional Religious Organizations

The article examines the features of the development of the resource potential of religious organizations in the region. The analysis uses materials from expert interviews with leaders of various reli-

gious organizations in the region. It is proved that the resources of regional religious organizations become part of the social capital of the parishioners and, at the same time, indicate the irrational aspects of spirituality.

Keywords: religious organizations, resources, irrationality, spirituality, social capital.

Говоря о религиозных организациях, прежде всего, встает вопрос о том, какими ресурсами они пользуются, что развивают, как трансформируются с течением времени. В данной статье мы затронем вопрос о таких ресурсах религиозных организаций, которые раскрываются через человеческий, духовно-этический, финансово-экономический капитал.

Важность изучения данных ресурсов обусловлена тем, что количество религиозных организаций, течений, движений растет год от года. Вместе с этим увеличивается и количество их адептов. В России в 2019 г. появились 483 новые религиозные организации. В стране становится все больше зарегистрированных шаманов, в то время как католики, иудеи и буддисты достигли пределов роста.

Часто различные объединения, скрепленные общей верой во что бы то ни было, ошибочно называют сектами. Законодательно деятельность «сект» никак не регулируется, в юридическом поле такого понятия просто нет. Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» выделяет лишь религиозные объединения, которые могут существовать в виде религиозной группы или религиозной организации. Первое – не обязательно для регистрации. Второе – требует оформления в Минюсте.

Важным моментом выступают стратегии развития представлений о религиозности и встроенности религиозных представлений в повседневную жизнь и через этот факт, формирование религиозной идентичности, что достаточно ярко представлено в исследованиях А. И. Бобкова [4; 5]. Иррациональные стратегии религиозности представлены в работах Р. Г. Ардашева [1; 2; 3].

Сейчас в России зарегистрированы 31 392 религиозные организации более 60 различных конфессий. За последние пять лет появилось 2927 религиозных организаций, а с начала 2019 г. – 483 (все данные приведены по состоянию на 30 сентября 2019 г.).

Самыми многочисленными ожидаемо стали православные организации – в перечне Минюста их чуть больше половины. С начала 2019 г. среди новичков:

253 организации, относящиеся к епархии РПЦ (Московский патриархат);

8 – к старообрядческой церкви;

3 – к Православной католической церкви;

3 – к Святой Армянской апостольской православной церкви.

Следующими по массовости распространения стали последователи ислама. В 2019 г. Минюст зарегистрировал 152 мусульманские религиозные организации [6].

В данной работе ресурсы религиозных организаций будут рассмотрены на примере религиозных организаций Иркутска и области.

Иркутск – город поликонфессиональный. Всплеск деятельности религиозных организаций отмечен в начале 90-х прошлого века [7]. В рамках процесса религиозного возрождения характерного для всей России в Иркутске активно начали создаваться религиозные организации, как традиционные для города и региона, так и совершенно новые. Со временем ситуация стабилизировалась, в определенной мере это заслуга 125 ФЗ «О свободе совести» – закон упорядочил механизм создания религиозной организации, ввел новые формы отчетности.

подавляющее число религиозных общин являются местными отделениями общероссийской или региональной централизованной религиозной организации.

По данным Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Иркутской области по состоянию на начало 2020 г. в городе Иркутске зарегистрировано 77 религиозных организации. В целом конфессиональный ландшафт города имеет достаточно стабильную структуру.

В городе Иркутске православие представлено 3 направлениями: приходы Иркутской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Старообрядческая община, община Древлеправославной церкви, община апостольской традиции, община Богородничной ветви.

В Иркутске действует религиозная организация Православная старообрядческая община во имя Покрова Божией Матери г. Иркутска Русской Православной Старообрядческой Церкви. Кроме этой общины в городе действует местная Древлеправославная религиозная организация Приход в честь Преподобного Феодосия Печерского г. Иркутска Русской Древлеправославной Церкви (Древлеправославной Архиепископии Новозыбковской, Московской и всея Руси).

Буддизм представлен 5 религиозными организациями: Местная религиозная организация г. Иркутска Буддийская община «Нам Дол Линг»; Религиозная организация Иркутская община Буддийской традиционной Сангхи России, зарегистрирована в 2003 г. с официального одобрения Хамбо-ламы (верховный лама, его резиденция находится в Иволгинском дацане); Религиозная организация «Буддийское общество г. Иркутска»; Местная религиозная организация «Буддийский

Центр Алмазного Пути Традиции Карма Кагью города Иркутска», данная община представляет собой одно из направлений буддизма, для которого характерна особая роль медитативной практики; Местная Иркутская Буддийская религиозная организация «Счастливые острова» Буддийской Традиционной САНГХА России.

Иудаизм представлен местной иудейской религиозной организацией «Еврейская община города Иркутска».

Исламской традиции придерживаются 2 религиозные организации – Централизованная религиозная организация «Байкальский муфтият» и входящая в нее местная религиозная организация «Мусульманская община города Иркутска».

В городе действуют 2 католических прихода: «Святого Иосифа» и Кафедрального Собора «Непорочного Сердца Божьей Матери».

Религиозные организации протестантского направления представлены общинами христиан веры евангельской пятидесятнического и харизматического направления, Иркутским евангелическо-лютеранским приходом Святой Марии» Евангелическо-лютеранской Церкви Ингрии на территории России, общинами евангельских христиан – баптистов, общинами «Адвентистов Седьмого Дня». Совокупная численность – 30 религиозных организаций.

Из числа зарегистрированных религиозных организаций следует отметить: «Церковь Иисуса Христа Святых последних дней» (мормоны), местная религиозная организация Свидетелей Иеговы «Центральная Иркутск», религиозная организация «Международное общество сознания Кришны».

Шаманизм представлен одной религиозной организацией Местная религиозная организация шаманов «Байкал» (г. Иркутск).

Также в городе представлена Новоапостольская церковь.

В данной работе мы будем опираться на данные экспертного интервью, проведенного нами в 2019–2020 гг. среди руководителей и духовных лидеров религиозных организаций России. В экспертном полуструктурированном интервью принял участие 21 человек. Интервью длилось 1,5–2 часа, затем транскрибировалось по ключевым структурным категориям.

Основной фокус интервью приходился на ресурсы религиозных организаций в современном меняющемся мире. Мы учитывали как социальные, так и индивидуальные (личные) ресурсы адептов.

Человеческий капитал религиозных организаций измеряется как по формальным, так и по субъективным (иррациональным) критериям [8]. К рациональным показателям человеческого капитала обычно относят количество членов национально-этнической и в том числе рели-

гиозной общности, количество адептов, их социальный и профессиональный уровень, демографический статус и так далее.

Значимость общины определяется количеством ее членов, регулярностью посещения собраний, активностью в жизни общины и множеством иных условий, таких как привлечение к вере детей, активность распространения учения среди друзей, знакомых и соседей. Важным моментом выступает умение донести информацию так, чтобы человек сам заинтересовался и пришел в общину. (Л. А., старший пресвитер, Централизованная религиозная организация «Объединение церквей евангельских христиан-баптистов Иркутской области»).

Важность учета количества прихожан, умение их слышать и слушать, понимать нужды и помогать в их решении – не простая задача на сегодняшний день. Духовные учения требуют полной личной самоотдачи, готовности служить людям и Богу. Говорить с прихожанами на одном языке бывает очень сложно, но без этого – человеческие ресурсы общины не будут пополняться. (С.В., священник, главный викарий епархии, Централизованная религиозная организация католическая епархия святого Иосифа в Иркутске).

К субъективным параметрам человеческого капитала религиозных организаций относят количество социальных связей адептов, встроенность адептов в социально-политическую и культурно-историческую систему города, региона, страны, мира; умение использовать свои связи во благо религиозной общности.

Конечно важно, чем более успешные люди приходят к тебе на службу, тем больше статуса и значимости твоя церковь имеет. Зачастую, умение пользоваться социальным статусом прихожан позволяет решать актуальные вопросы, как самой общины, так и отдельные проблемы конкретных прихожан. Без связующего звена – нашего Прихода, люди не получили бы пересмотр судебных дел, или выплаты после пожара, или трудоустройство или много еще каких вопросов, которые решаются через личные связи прихожан и авторитет батюшки, его просьба о помощи тем или иным людям. (К. В., протоиерей, настоятель Храма Святой Троицы в г. Ангарске, Централизованная религиозная организация Иркутская епархия Русской Православной Церкви Московского Патриархата).

Личный авторитет ламы, умение решать не только духовные, но и житейские задачи – снимают множество вопросов. Сегодня быть ламой – не просто знать учение и вести праведный образ жизни, это умение найти подход к каждому, кто приходит с проблемой или вопросом. Не на все вопросы можешь сам ответить, но благодаря большому потоку людей, всегда можешь связать разных людей в этом

мире, получить поддержку Богов верхнего или нижнего мира и вопрос решится. (Б. З., Шэрээтэ лама (настоятель) Усть-Ордынского дацана).

Духовно-этический капитал религиозных организаций строится на формальном соблюдении канонов отраженных в учении, будь то Библия, Коран, Танах, Трипитака или какие-то иные авторские интерпретации высшего знания (зачастую используемые в нетрадиционных религиозных учениях). Духовно-этический капитал создает опору для развития и распространения религиозного учения, он выступает инструментом привлечения новых адептов и удержания старых.

Современное общество как никогда нуждается в духовных учителях, оно требует наставления и поддержки в трудном пути личного роста. Сегодня, когда рушатся вековые устои, меняется привычный уклад жизни под влиянием вестернизации, виртуализации, глобализации – меняется и повседневная жизнь людей, это приводит к утрате веры, нивелированию духовных ценностей и внутреннего духовного стержня целых народов. Наша жизнь подобна лепестку на ветру – без религиозного учения он будет болтаться по земле, гонимый ветрами, а религия дает опору и питает соками жизни. (В. А., главный раввин г. Иркутска и Иркутской области, Иркутское еврейское религиозное объединение).

В современно мире люди теряют веру, а вместе с верой теряют и частичку своей души. Без внутренней правды, растущей их религиозного мировоззрение – нет стабильности, нет ориентиров для духовного роста, нет будущего, есть только разрушение настоящего, через разрушение своей жизни и жизни своих близких из-за погони за ложными идеалами и идолами жизни. (Ф. М., муфтий. Централизованная религиозная организация мусульман «Байкальский муфтият»).

Финансово-экономический капитал религиозных организаций выступает формой организационного управления. И в одних религиозных организациях выступает добровольным (в виде добровольных пожертвований), в других обязательным (иногда принудительным, как форма доказательства верности и принадлежности к данной организации). Он позволяет регулировать социальный статус, а в традиционных религиозных организациях позволяет выступать регулятором социально-политической и экономической жизни целых государств. Например, Ватикан, обладает собственными банками, выступая активным игроком на рынке ценных бумагах; финансирует не только религиозные мероприятия по всему миру, но и участвует соучредителем показа мод, выставок, стройтреста метро, больниц и школ. Более мелкие религиозные организации, свои финансово-экономические ресурсы трансформируют в материальные ресурсы в виде земли, недвижи-

мости, заводов и т. д. зарегистрированных как на организацию, так и на ее отдельных лидеров.

Финансовое положение религиозной организации во многом опирается на пожертвования прихожан. Это не новая практика, ей сотни лет, но сегодня она создает систему созавимости и активного вовлечения в свои ряды все новых adeptов. (А. М., священник Новоапостольской церкви).

Многие религиозные организации зависят от того, сколько денег они получают от органов власти, главного органа управления, пожертвований прихожан. Это положение влияет на реальный вес организации в конкретном городе или регионе и позволяет включаться в активную социально-инфраструктурную политику в локальном регионе. (Д. А., епископ, Централизованная религиозная организация христиан веры евангельской «Региональное объединение церквей Иркутской области»).

Таким образом, региональные ресурсы религиозных организаций строятся на социальных и личных стратегиях развития, определяются внешними социально-политическими и внутренними личностно-мотивационными и лидерскими качествами руководителей данных организаций. Для более аргументированных выводов, необходимо провести более масштабное исследование среди руководителей религиозных организаций других регионов Российской Федерации.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 40–48.
4. Бобков А. И. К проблеме определения религии в контексте религиозоведческого познания // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3(3). С. 249–253.
5. Бобков А. И. Религиозный опыт как новое начало философии этнической идентичности И. В. Киреевского // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020, № 2 (5). С. 115–121.
6. В России с начала года появились 483 новые религиозные организации. URL: <https://dailystorm.ru/obschestvo/v-rossii-s-nachala-goda-poyavilis-483-novye-religioznyye-organizacii#:~:t> (дата обращения: 19.10.2020).
7. Конфессии города Иркутска URL: <https://admirk.ru/pages/konfessii-goroda-irkutska.aspx> (дата обращения: 19.10.2020).
8. Трескин П. А. Взрыв «новой религиозности» среди молодежи: причины и следствия // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Иркутск, 2009. С. 139–144.

УДК 339.138
ББК 65.290

Шарафеева Д. С., *Иркутск*

Соответствие социальных ролей и коммуникаций: экспертные оценки

Статья посвящена вопросам соответствия социальных ролей и коммуникаций. Рассматриваются требования к экспертам и экспертным оценкам и приводятся примеры типичных социальных отношений в коммуникативной практике.

Ключевые слова: социальные роли; коммуникация; эксперт; экспертные оценки.

Sharafееva D. S., *Irkutsk*

Relationship of Social Role and Communication: Expert Evaluations

This article is devoted to the issues of the correspondence of social roles and communications. The requirements for experts and expert assessments are considered. The article provides examples of typical social relations in communicative practice.

Keywords: social roles; communication; expert; expert assessments.

Одной из популярных тем современности является тема личностного роста. Именно через освоение различных социальных ролей происходит процесс развития личности. Освоение новой социальной роли может кардинально поменять жизнь человека. Осваивая и исполняя социальные роли, человек усваивает определенные нормы, правила поведения и стандарты.

Первое, что указывает человек при знакомстве после своего имени, это социальный статус, который показывает какое место он занимает в обществе. Почему же это так важно, определение социального статуса? Потому что, зная его, мы можем представить, как поведет себя человек независимо от правил, присущим его роли. Этот статус позволяет сформулировать множество разных ожиданий, касающихся реакции партнера на те или иные акты в процессе коммуникации.

Каждый человек в течение своей жизни выполняет множество социальных ролей. Разумеется, не все социальные роли имеют одинаковое значение для общества и личности. Каждая социальная роль обладает своим смыслом и значением. Чтобы общество могло нормально функционировать и развиваться, необходимо, чтобы все его члены осваивали и исполняли свои истинные социальные роли. Так как именно в семье формируется и развивается личность, складываются и передаются из поколения в поколение образцы поведения, происходит овладение первыми социальными ролями, рассмотрим семейные роли. Это роли мужа и жены; отца и матери; сына и дочери. При этом в профессии это может быть добросовестный сотрудник, специалист,

эксперт по своему профилю деятельности. Необходимо отметить роли с активным участием в жизни общества – гражданина, члена благотворительного фонда, избирателя, члена профсоюза, а также покупателя, клиента, пациента, пассажира, пешехода, путешественника и т. д. Таким образом, семейно-бытовые, профессиональные и общественные роли являются наиболее значимыми для человека. Так как он реализуется именно там: в семье, в профессии, в обществе.

Человек вступает в общение везде, где есть люди. Мы можем наблюдать ситуацию, когда по одному и тому же вопросу одни люди говорят одно, а другие – другое. Человек может легко начать коммуникацию, а также прекратить ее. Большое значение в социальных коммуникациях имеют вопросы об общественных ожиданиях, правилах, правах и обязанностях. Права и обязанности каждый из субъектов обретает в силу своей социальной позиции. Каждый статус связан с определенными ожиданиями, нормативными установками, правилами, соответствующими данному статусу поведения. Так, от ученого-исследователя требуется придерживаться установленных наукой положений и методов, а также создавать что-то новое. А как отмечает Татьяна Ивановна Грабельных (доктор социологических наук, профессор, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ») «появление и принятие любой новой “научно-технологической платформы” всегда сопровождается социально-технологическим “взрывом”, представляя вызов и существующему экспертному сообществу с установленными нормами и критериями оценки» [1]. Есть определенные требования, выдвигаемые к экспертам и экспертным оценкам. В первую очередь достоверность экспертной оценки зависит от компетенции эксперта. Он должен обладать такими качествами, как ответственность, внимательность, честность, коммуникабельность, отсутствие склонности к конформизму, научная объективность, аналитичность, широта и конструктивность мышления, позитивное отношение к инновациям.

Методология экспертных оценок применяется в решении следующих задач: постановка цели исследования, выбор формы исследования, подготовка информационных материалов, бланков анкет, модератора процедуры, подбор экспертов, проведение экспертизы, анализ результатов (обработка экспертных оценок), подготовка отчета с результатами экспертного оценивания [2]. Экспертный подход позволяет решать задачи, в числе которых: выбор наиболее рациональных решений среди имеющихся, прогнозирование развития ситуации и преодоление проблем, поиск выхода из сложного положения.

Таким образом, участники социальных отношений рассматриваются как носители определенных статусов, ролей. Можно сделать вывод, что люди не вступают в коммуникацию спонтанно, они все равно ожидают определенную модель действий, как поведет себя человек в той или иной ситуации в зависимости от его статуса. Скорее, есть определенный сценарий действий участников коммуникации, которые определяются рамками социальных отношений. Можно сказать, что коммуникация построена на каком-то определенном ожидании от субъекта.

Список литературы

1. Грабельных Т. И. Формирование новых научно-технологических платформ как социально-технологический «взрыв» и главный вызов экспертному сообществу // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Оттиск, 2019. С. 22–24.
2. Дорохова Ю. В., Гончарук Н. С. Использование метода экспертных оценок при прогнозировании социальных процессов // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 1. С. 36–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-metoda-ekspertnyh-otsenok-pri-prognozirovani-sotsialnyh-protsessov/viewer> (дата обращения: 28.09.2020).

УДК 323.45
ББК 75.35

Веселова Л. В., Титова В. О., Туринцева Е. А.
Иркутск

Социальная истина современной молодежи

Исследуется отношение молодежи к социальной истине. Анализируются результаты исследования представлений о социальной истине в среде современной молодежи. Делаются выводы о дальнейшей динамике данной сферы мировоззренческой составляющей молодежи как социальной группы.

Ключевые слова: социальная истина, постиндустриальное общество, молодежь, социальная действительность.

Veselova L. V., Titova V. O., Turintseva E. A., *Irkutsk*

Social Truth of Modern Youth

This article examines how the attitude of young people to social truth has changed. A description of the study of ideas about social truth among modern youth is given, conclusions are drawn about the further dynamics of this sphere of the worldview component of youth as a social group.

Keywords: social truth, post-industrial society, youth, social reality.

В мифологическом сознании с понятием культа возникла истина. Она делилась на истину веру и истину как соответствие действительности. По мнению Аристотеля, истина – это соответствие знания действительности. В идеалистических системах истина – это абсолютное

свойство идеальных объектов, сознание мышления самим с собой. Согласно диалектическим представлениям, истина – процесс, связанный с постоянным преодолением заблуждений. Она относительна, так как отражает объект не полностью, а в постоянно меняющихся условиях и отношениях [2].

Абсолютная истина – знание, исчерпывающее предмет, ее невозможно познать и опровергнуть. Ее доля содержится в относительной истине, так считали многие мыслители, и при взаимодействии относительных истин мы получим стержневую социальную истину и узнаем, как она существует в социальной реальности.

В мире существуют полярные начала: переживания Эго должны подтверждаться переживаниями Другого. Действия другого не вызывают ответных действий, спокойно переживаются Эго, поскольку Другой, имеет право собственности. Действия Другого влекут действия Эго, если они регулируются властью, из этого можно сделать важный вывод, что социальная истина и социальные ценности не фабрикуются в результате действий, а являются общезначимыми переживаниями.

Социальная истина – это двусторонняя форма общения, которая предполагает размышления о вероятности ложного, что предполагается истинным. Не важно, что производит участник рынка, деньги, служат мерой любых товаров или решение одного чиновника необходимым для реализации коллективных решений, так как власть согласно социальной истине служит мерой любых решений [1].

Социальная истина не терпит разных мнений, так как суждения не определяются свободными действиями, а регулируются внешней реальностью, т. е. общими переживаниями других.

Истина мыслилась чем-то совершенным, недостижимым и в то же время к ней стремились, ее пытались понять и постичь. Но время шло, менялся мир, а интерес общества к истине становился все слабее. И вот настал момент, когда мы вступили в эпоху постмодерна, в которой человечество не просто не имеет общего представления об истине, но даже и не пытается понять, что это такое и зачем она нужна.

Проведенный нами социологический опрос в рамках изучения понятия «социальная истина», показал, что молодежь мало интересуется вопросом социальной истины. Во-первых, потому, что на вопросы по данной теме респонденты отвечают очень неохотно. Во-вторых, анализируя ответы участников опроса, мы выяснили, что в обществе нет конкретного представления об истине и зачастую об этом сейчас вообще не задумываются. Данный опрос был рассчитан на молодых

людей в возрасте от 18 до 25 лет и проводился среди студентов высших учебных заведений методом «снежного кома». Было разослано 26 анкет и получено всего 5 ответов. На поставленный нами вопрос «Что же такое социальная истина?» мы получили следующие ответы:

1. Это то, что отражает социальную действительность.
2. Сочетание принятых норм поведения и дивиантных.
3. Истина, соответствующая развитию общества, происходящему.
4. То, что считается нормой.
5. Правда в чистом виде.

Как мы видим некоторые респонденты соотносят понятие «социальной истины» с «социальной действительностью», кто-то с нормами поведения, принятыми в данном обществе. И лишь один человек считает, что истина – «это правда в чистом виде». В социологическом энциклопедическом словаре под редакцией Г. В. Осипова, дано следующее понятие истины: это 1. Соответствие, адекватность познания действительности. 2. По В. И. Ленину отражение в сознании предметов, явлений и закономерностей объективной действительности такими, какими они существуют вне и независимо от познающего субъекта, соответствие содержания мыслей (суждений и понятий) объекту, проверяемое обществом, практикой. [4]. По словарю Д. Н. Ушакова это: 1. Идеал познания, заключающийся в совпадении мыслимого с действительностью, в правильном понимании, знании объективной действительности (книжн.). Стремление к истине лежит в основе научных исканий. 2. То, что есть в действительности, соответствует действительности, правда [6]. В философском словаре редакции М. М. Розенталя – это верное, правильное отражение действительности в мысли, проверяемое в конечном счете при помощи критерия практики. Мысль соответствует своему предмету, если представляет его таким, каков он есть на самом деле, в реальности [5]. Из словаря С. И. Ожегова – это адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно. Объективная и. 2. То же, что правда [3].

Итак, на основе проведенных нами исследований делаем вывод, что опрошенные нами респонденты, в большинстве своем, были достаточно далеки от правильного определения «социальной истины». И, исходя из ответов, мы видим, что истину больше стали связывать с тем что принято считать истиной в конкретном обществе в данный момент. А из этого следует вывод, что в эпоху постмодерна стали доминировать мнения (т. е. то, что конкретный человек принимает за правду, его субъективная истина), а сама истина уже не считается для всех одной и единственно возможной и уходит на второй план.

Список литературы

1. Антоновский А. Ю. О ценности истины и ее генезисе // Вестник Московского университета. 2014. № 3. С. 46–50.
2. Лубенко В. В. Система стержневой истины. Санкт-Петербург, 1999. 184 с.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс [и др.], 2009. 1359 с.
4. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г. В. Осипова. М. : ИНФРА-М, НОРМА, 1998. 488 с.
5. Розенталь М. М. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М. : Наука, 1963. 543 с.
6. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / под ред. Д. Н. Ушаков. М. : Альта-Принт [и др.], 2008. 1239 с.

УДК 330.16

ББК 88.42

Богородникова Е. А., Жуйкова Д. В., *Иркутск*

Представления студентов о богатом и бедном человеке (реконструкция социальных представлений на основе прочтения рисуночных данных)

Рассматриваются рисунки студентов с изображением богатого/бедного человека, делается их интерпретация. В ходе исследования выделяются три основных типа, объединяющие рисунки. Приводится статистика по основным элементам, которые ассоциируются у респондентов с богатым или бедным, дается их расшифровка в социально-экономическом плане.

Ключевые слова: социальное представление, рисунок, богатый, бедный, интерпретация, студенты.

Bogorodica E. A., And Zhuikova, D. V., *Irkutsk*

Students' Perceptions of Rich and Poor People (Reconstruction of Social Representations based on Reading Drawing Data)

The article considers drawings students with the image of a rich/poor person and makes their interpretation. In the course of the work, there are three main types by which drawings are combined. Statistics are provided on the main elements that respondents associate with rich or poor, and their interpretation in socio-economic terms is given.

Keywords: social representation, figure, rich, poor, the interpretation, students.

В психологии понятие «представление» определяется как образ предмета или явления, воспринятый ранее, а также это те образы, которые созданы продуктивным воображением. Представление является важным условием процесса познания, в результате которого образ объекта, сохранившийся ранее, актуализируется при восприятии. Представление – это обобщенное, образное знание об объективной

реальности, оно раскрывает особенности переживания внешнего мира человеком [5].

В. А. Хащенко считает, что в общественном и индивидуальном сознании существуют более или менее определенные представления о богатом и бедном человеке. Представления о богатстве/бедности и богатом/бедном человеке у индивида формируется в процессе экономической социализации, в результате чего индивид становится экономическим субъектом конкретного общества [Журавлев А. Л., Дробышева Т. В., 2009]. Формирование представлений основывается на информации, получаемой из традиций, обычаев, культурных ценностей определенной национальной группы, а усвоение представлений происходит в процессе коммуникации с окружающими людьми и социализации.

Отдельно стоит упомянуть работу А. В. Пановой и Ш. Ф. Фарахутдиова об эмоциональных состояниях [4], которая помогает понять интерпретации изображений.

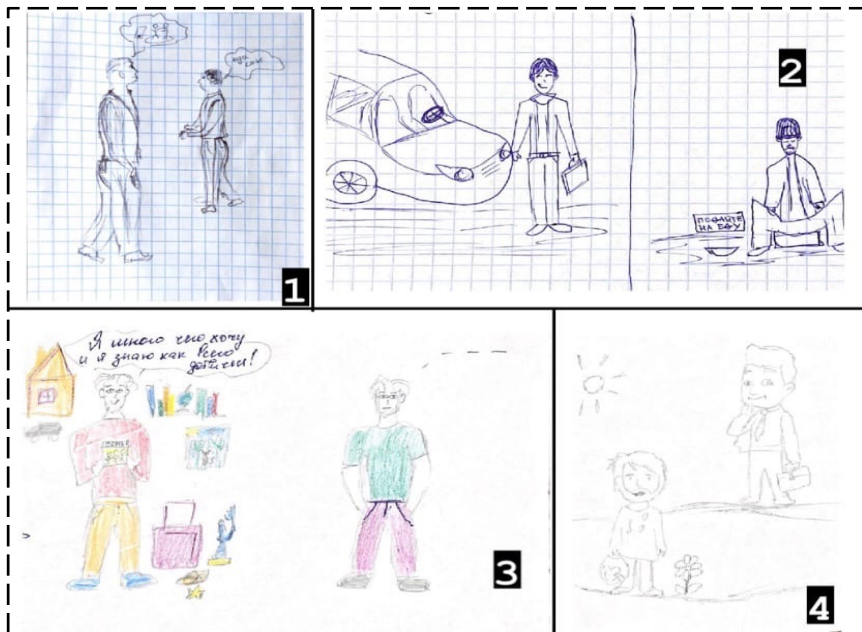
В данной работе мы будем рассматривать социальные представления о богатом и бедном человеке на примере рисунков студентов 3 курса очного отделения направления «Социология» Иркутского государственного университета. В исследовании приняли участие 8 студентов (женского пола) возраста 19–20 лет.

Этап сбора данных проходил с 16 по 20 сентября 2020 г. Студенткам было предложено изобразить представления о богатом и бедном человеке в виде рисунка, выполненного на листе бумаги размера А6 с помощью различных предметов рисования.

Анализ рисунков проводился в следующих этапах: содержательном и символическом. На первом этапе все изображения были классифицированы по различным критериям. Вторым этапом представлял собой изучение наполняемости и символов, изображенных на рисунке. На некоторых рисунках были различные надписи, которые давали наиболее четкое представление студентов о богатом и бедном человеке.

Среди 8 рисунков выделено три типа социальных представлений о богатом и бедном человеке. Ниже приводится классификация образов студентов о бедном и богатом человеке – интерпретация каждого типа и примеры рисунков.

ТИП 1. «Рисунки с прорисованными деталями»

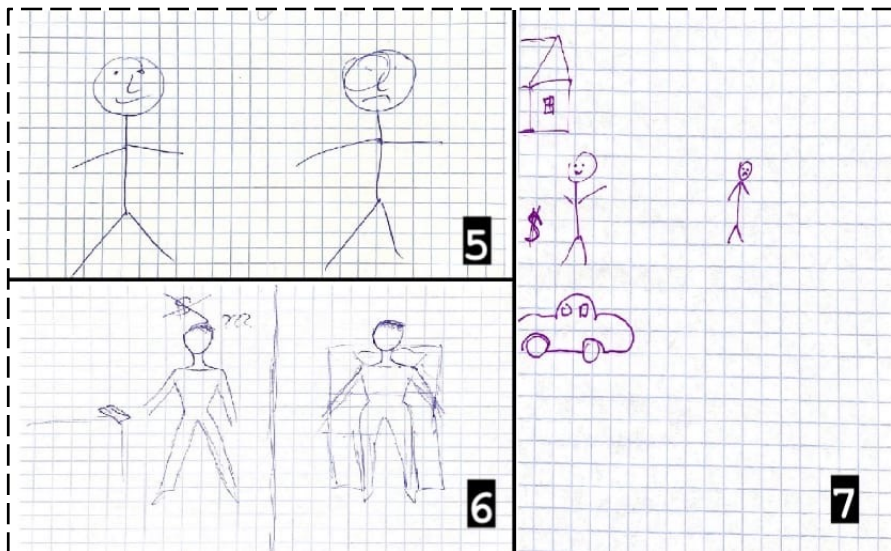

На рис. 1–4 мы можем увидеть хорошо прорисованную одежду, наполненность и детализацию предметов, что свидетельствует о том, что студенты четко представляют человека бедного и богатого. Эти две категории данный тип ассоциирует с мужчиной.

Богатый человек представлен достаточным и успешным, что подтверждает на рисунках наличие различных атрибутов таких как: машина, дом, портфель. Состоятельный человек ассоциируется у студентов со счастливой личностью, так как на рисунках он имеет радостное выражение лица.

Бедный изображается на рисунках человеком, который стремится только удовлетворить свои физические потребности в еде, тепле, сне и т. д. Анализируя рисунки, можно указать на то, что бедный не имеет конкретных целей в жизни и не направлен на какое-либо развитие.

ТИП 2. «Схематичные рисунки»

ТИП 3. «Рисунок с женщиной»

Схематичный тип говорит о том, что в представлениях студентов богатый и бедный человек не имеет конкретного пола, различий в одежде, опоры. Богатый в этом типе на рис. 7 ассоциируется с деньгами (знак доллара), домом, машиной; на рис. 6 – с человеком, имеющим власть, так как он расположен на троне. Бедный на рис. 5 и 7 представлен с грустным выражением лица, без каких-либо дополнительных атрибутов, в отличие от 6 рисунка, где бедный ассоциируется с пустым кошельком.

Представления о богатом и бедном человеке на рис. 8 связаны с женским полом. Богатый ассоциируется с ухоженным человеком, и вместо материальных ценностей нацелен на духовные (например, на любовь). Наличие животного является символом того, что человек способен удовлетворять не только свои потребности, но и удовлетворять потребности своего питомца. Бедный нарисован в рваной одежде, с грустным выражением лица и с растрепанными волосами. Сопоставляя с богатым человеком, бедный не может даже обеспечить комфортный уровень жизни для себя.

Проанализировав все рисунки, можно представить следующие статистические данные. На пяти рисунках (62,5 %) богатый и бедный изображены одинакового размера, поэтому можно сделать вывод, что студентки не делают большой акцент на его материальном положении. Рисунки поделились поровну по расположению листа: 4 рисунка с горизонтальным расположением и 4 рисунка с вертикальным. Выбор вертикального расположения листа говорит о целеустремленности и желании сконцентрироваться на работе, а вертикальное расположение выбирается теми, кто стремится охватить как можно больше сфер и областей жизни.

Студенты считают, что одним из важных атрибутов богатого человека выступает: машина (37,5 %), дом (25 %), портфель (25 %). Богатый олицетворяется с возможностью приобретения материальных ценностей, что подчеркивает его высокое экономическое положение в обществе. Также богатый человек у 25 % ассоциируется с властью, т. е. он имеет возможность находиться наверху иерархии, управлять и контролировать другими. Удивительно то, что только один рисунок (12,5 %) делает акцент на деньгах как символе богатства. На двух рисунках (25 %) богатый направлен на дальнейшее развитие и коммуникацию с другими людьми. Взаимодействие с другими людьми служит критерием успешной экономической социализации.

В большинстве случаев (87,5 %) бедный ассоциируется с грустным и несчастливым человеком. Неспособность удовлетворить свои

физические и духовные потребности выступает критерием того, что человек не имеет материальных средств и благ. У 25 % респондентов бедный расположен ниже богатого, это свидетельствует тому, что бедный занимает низшую позицию и обладает низким социально-экономическим статусом.

Таким образом, социальные представления о богатом человеке наиболее широкие и конкретные, чем о бедном. Это связано с тем, что с детства, со времен сказок человек получает информацию о богатом в большем объеме, чем о бедном [Журавлев, Дробышева, 2010]. Проанализировав все 8 рисунков, можно отметить, что только на одном рисунке богатый ассоциируется с наличием денег, т. е. студенты этой группы видят богатство человека не только в наличии денег, но и в наличии социальных связей, духовных потребностей и направленности на дальнейшее развитие. Можно предположить, что рисунки отражают личное восприятие образа бедного/богатого человека.

Список литературы

1. Залевская Я. Г. Психологический анализ рисунков // Проблемы современного педагогического образования. 2019. С. 444–447. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiiy-analiz-risunkov>.
2. Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. Методология исследования феноменов экономического сознания формирующейся личности (на примере представлений о бедном/богатом человеке) // Психология в экономике и управлении. 2009. № 2. С. 23–34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-issledovaniya-fenomenov-ekonomicheskogo-soznaniya-formiruyusheysyalichnosti-na-primere-predstavleniy-o-bednom-bogatom>.
3. Журавлев А. Л., Дробышева Т. В. Социальные представления о бедном и богатом человеке: результаты эмпирического исследования // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 79–89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-predstavleniya-o-bednom-i-bogatom-cheloveke-rezultaty-empiricheskogo-issledovaniya-1>.
4. Панова А. В., Фарахутдинов Ш. Ф. Методы распознавания и кодирования эмоциональных состояний в прикладных исследованиях // Социология. 2018. № 4. С. 140–145.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983. URL: <https://dic.academic.ru/>.

УДК 378.75
ББК 88.80

Жигалова О. А., Волкова Р. С., *Иркутск*

Образы профессионализма в рисунках студентов

Проводится анализ образов профессионализма, существующих в сознании молодежи. На примере анализа студенческих рисунков формируются основные закономерности конструирования профессионализма.

Ключевые слова: профессионализм, рисунки, студенты, общественное сознание, молодежное сознание.

Zhigalov O. A., Volkov R. S., *Irkutsk*

The Images of “professionalism” in the Drawings of the Students

The article analyzes the images of “professionalism” that exist in the minds of young people. On the example of the analysis of student drawings, the main regularities of designing professionalism are formed.

Keywords: professionalism, drawings, students, public consciousness, youth consciousness.

В практике психологического консультирования особое место отводится интерпретации рисунков человека. Обычно психолог просит клиента набросать рисунок на заданную тему, а затем интерпретирует его, опираясь на некоторые правила и значения символов. Художественные способности клиента при этом, конечно же, не учитываются.

Рисуночные практики возвращают личность к психологической целостности, способны инициировать в человеке процессы самопомощи, самоисцеления, саморазвития. Создание рисунков в большинстве случаев вызывает у людей положительные эмоции, помогает преодолеть апатию и безынициативность, сформировать более активную жизненную позицию. Рисуночная деятельность во многих случаях позволяет обходить «цензуру сознания», поэтому представляет уникальную возможность для исследования бессознательных процессов, выражения и актуализации спрятанных идей и состояний, тех социальных ролей и форм поведения, которые находятся в «вытесненном» виде, либо слабо проявлены в повседневной жизни.

Иногда в психологии для диагностики человека специально просят порисовать, а иногда в анализе используются случайные рисунки, которые многие из нас делают между делом, если в руках оказывается карандаш и бумага. Второй способ, безусловно, более эффективен. Случайные рисунки дают максимально объективную характеристику, а в рисунках, сделанных специально для психолога, человек может пытаться оправдывать ожидания.

Далее мы рассмотрим рисунки исследуемой группы, отвечающие определенному критерию – «профессионал».

РИСУНОК 1

Сначала стоит обратить внимание на расположение нарисованного человека. На данном рисунке он расположен в центральной части листа, что говорит о гармонии существования прошлого и будущего. Лицо расположено в анфас – это означает, что человек в принципе открыт для общения. Закрытые глаза свидетельствуют о стремлении избегать неприятных визуальных стимулов, нежелании реально видеть неприятные моменты жизни. Лицо также достаточно хорошо и детально прорисовано, это указывает на то, что человек озабочен своим внешним видом и отношениями с другими людьми, для него важно, как он выглядит в чужих глазах. Хмурое лицо – неудовлетворенность собой, рот черточкой – отчуждение (от мира, человека, себя). Слишком маленькие уши свидетельствуют о нежелании прислушиваться к чужим взглядам и позициям. Далее обратим внимание на руки, одна из них держит что-то и направлена вверх, это говорит о некотором потере контроля над своими поступками. Ноги расположены вместе, «по струнке», что говорит о скованности в общении.

РИСУНОК 2

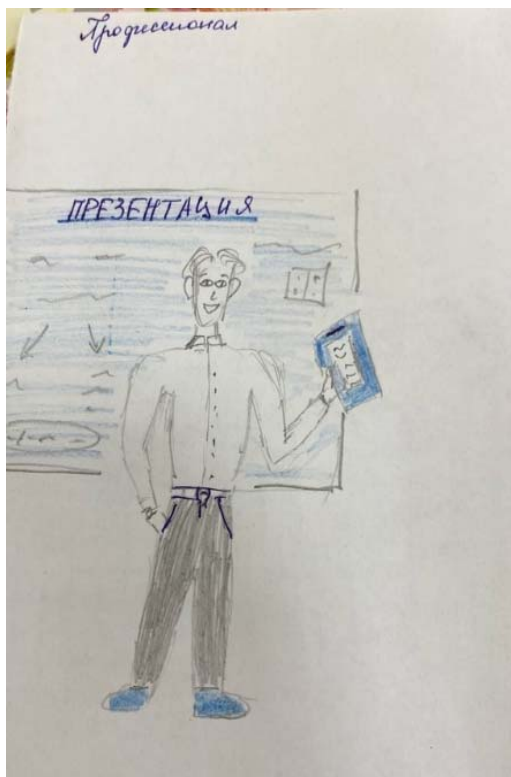

Рисунок этого человека расположен чуть слева от центра, что значит, что человек сосредоточен на своих прошлых переживаниях, ориентируется на пройденный опыт. Человек стоит в анфас, что говорит об открытости для общения, лицо прорисовано относительно тщательно, человек думает о своих внешних данных в глазах других людей. Выражение лица доброжелательное и улыбающееся, что говорит о счастье и удовлетворенности. Уши большие – чувствительность к критике и зависимость от мнения окружающих. Одна рука поднята вверх, а значит присутствует относительная потеря контроля над поступками, другая рука, спрятанная в карман, говорит о нежелании уступать и идти на компромиссы. Широко расставленные ноги свидетельствуют об откровенном пренебрежении и игнорировании собеседников и их действий.

РИСУНОК 3

Расположение рисунка посередине листа говорит о гармонии между прошлым и будущим. Человек изображен в анфас – открытость для общения. Маленькая голова означает, что человек мало значения придает интеллектуальной работе. Не прорисованные глаза-точки за очками также означают отчуждение от мира и нежелание видеть неприятные моменты жизни. Ушей нет – человек глух к чужим взглядам и позициям. Обратим внимание на достаточно крупные плечи и тело – это означает, что человек ощущает большую силу и чрезмерную озабоченность своей властью. Руки прорисованы и расположены нормально по отношению к телу, что означает, что в межличностных отношениях у человека все хорошо. Ноги длинные, но «обрезанные» – человек стремится к независимости, но пока что-либо к ней не пришел, либо ощущает сложности в ее приобретении.

РИСУНОК 4

Человек на этом рисунке изображен слева, что означает направленность на прошлое, однако и справа присутствует достаточно крупный объект – именно его рисующий видит в своем будущем. Также достаточно заметно, что человек на рисунке расположен почти только наверху, это может означать как высокую самооценку, так и то, что человек может быть недоволен своим положением в социуме, и ощущает недостаток признания со стороны окружающих. Голова изображена в анфас, что говорит об открытости к социальным контактам, однако тело направлено вбок – человек также желает уйти, скрыться от общения. Отсутствие лица как раз и говорит о застенчивости и легкой боязливости, боязни вести непринужденные беседы и знакомиться на вечеринках. Глаза также отсутствуют – человек не желает видеть неприятности, происходящие в жизни. Ушей нет – нежелание прислушиваться к чужим взглядам и позициям. Тело и плечи маленькие, что означает присутствие у человека чувства неполноценности и тревожности. Руки расставлены – поступки выходят из-под контроля. Скорее всего ноги расположены вместе, что говорит о скованности в общении.

РИСУНОК 5

На данном рисунке следует обратить внимание на расположение человека и на фон. То, что персонаж нарисован чуть дальше от середины влево, это значит, что в целом человек находится в состоянии гармонии с собой, но существуют тревоги из прошлого, которые беспокоят его. А вот Фон – это некие полосы, рисунки, что создает впечатление, что персонаж витает в воздухе. Это сразу разбивает впечатление о нарисованном человеке как о профессионале своего дела, потому что профессионал стоит на какой-то опоре. У профессионала есть то, на чем он умеет мастерски работать или с чем он может работать, а здесь ничего такого нет. Лицо персонажа тщательно прорисовано: глаза, нос, рот (улыбка). Улыбка говорит о том, что рисующий был рад чему-то, когда рисовал или в принципе человек, склонный к оптимизму. То, что на лицо много деталей говорит о том, что человека волнует его внешний вид. У персонажа также тщательно вырисована причесана, что снова говорит о том, что человек чем-то встревожен, он забывает об этом, а потом снова к этому возвращается. Далее стоит обратить внимание на руки человека: одна держит телефон, другая и вовсе в кармане. Это говорит о том, что человек сосредоточен на себе. Однако при этом человеку нравится общаться с другими людьми, и он не настроен к ним враждебно, об этом говорит стойкое расположение ног.

РИСУНОК 6

На этом рисунке совершенно другой образ: спортсмен на старте. Слово «тренировка» подчеркнуто твердой прямой линией, что говорит о уверенности человека в своем деле: рисующий уверен, что он занимается подходящим ему делом, и оно важно для него.

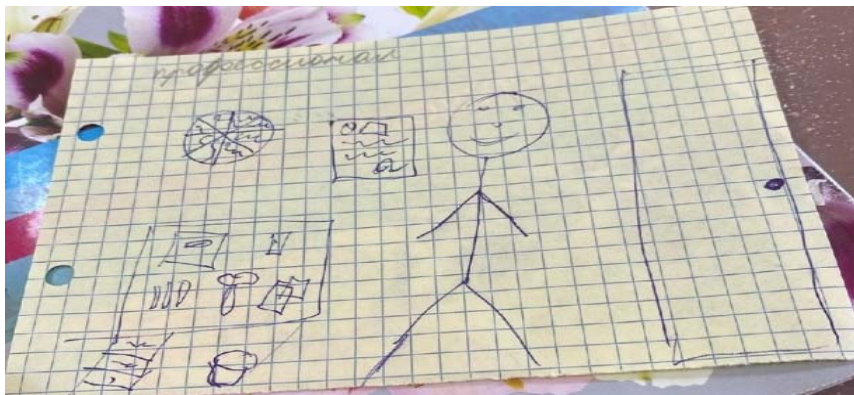
Далее следует обратить внимание на рисунок в круге. Это персонаж на старте вблизи. Прорисована одежда и ее бренд, однако все нарисовано не размеренно, а довольно быстро, резко, что говорит о некоторой взбалмошности человека. Лицо персонажа счастливое, значит и нарисованное дело делает рисующего счастливым. Весь рисунок в целом большой, почти на весь лист и состоит из нескольких частей, что говорит о высокой самооценке человека. Сложно определить враждебен человек или нет: с одной стороны его линии резкие и угловатые, но с другой оно круглые и плавные. Это говорит о возможной двойственности человека. На рисунке в левом нижнем углу «на старте» ноги персонажа довольно длинные, что говорит о его стремлении к независимости. Положение персонажа говорит о его расположенности к общению, но существует некоторая тревога внутри, которая иногда беспокоит его.

РИСУНОК 7

То, что сразу бросается в глаза на этом рисунке – руки. Руки спрятаны за спину, что говорит о нежелании человека идти на компромиссы и ему сложно это делать. В то же время рисунок в целом мягкий и выполнен прерывистыми и округлыми линиями. Округлые линии говорят о мягкости и женственности рисующего, а отрывистые линии – о некоторой взбалмошности и тревоги внутри. На рисунке много деталей: прорисован головной убор, четко прорисовано лицо, одежда, обувь, даже принадлежности персонажа. Такое отношение к деталям относится непосредственно к самому рисующему: этот человек сконцентрирован. Мысли этого человека чаще всего, как отлаженный механизм, но штрихи и неровности ближе к концу рисунка говорят о присутствии неуверенности в своих силах или своих поступках. Коротковатые ноги говорят, что иногда человек чувствует физический дискомфорт, а положение ног означает общительность человека и положительный настрой. Далее обратим внимание на расположение рисунка: персонаж стоит посередине листа на опоре под ногами, что создает впечатление, что человек уверен в своих силах на данный момент времени.

РИСУНОК 8

Обратим внимание, что рисунок сделан схематично. Прорисовано лишь лицо: улыбка говорит о хорошем настрое человека в данный момент времени. Опора для человека на рисунке – конец листа. Персонаж расположен снизу листа, это говорит о неуверенности в себе, обильно изрисованная левая часть рисунка – прошлое, правая – будущее, человек пытается думать и о том, и о том: стремится скорее приблизить какое-то счастливое будущее, но думает о прошлом тоже.

Линии на рисунке угловатые, неровные, что говорит о том, что человеку сложно к чему-то приспособиться к данный момент времени. Детали более прорисованы с левой стороны, чем с правой, лицо персонажа обращено в левую сторону, что говорит о постоянному возвращению человека к прошлому. Его сосредоточенность на этом мешает ему идти вперед. Но лицо не очень отвернуто, значит человек общительный и открытый.

Таким образом, проанализировав все рисунки, можно прийти к выводу, что на данный момент всех персонажей сложно назвать профессионалами своего дела, так как присутствует некая тревожность и боязнь будущего, которая прослеживается на всех рисунках в различной степени. Также можно отметить, что на 90 % рисунков нарисованы лица, что говорит о беспокойстве о себе и 10 % – без лиц. Руки 50 % персонажей на рисунках распахнуты и открыты – это означает, что рисующие открыты к общению и не имеют враждебности по отношению к окружающим. Что касается остальных 50 %, прослеживается тенденция «руки в карманах» и «руки за спиной», что говорит о чувстве неловкости персонажей в данном обществе в данный момент времени.

Рисунки позволяют психологам понять многое о личности человека, его тревогах. Однако это не самый главный и не самый точный прием составления психологического портрета.

Список литературы

1. Шевченко М. А. Я рисую успех и здоровье. Арт-терапия для всех. СПб. : Питер, 2007. 18 с.
2. Джеральд О., Патриция Г. Рисунок в психотерапии : метод. пособие. М. : Маркетинг, 2004. 183с.
3. Колошина Т. Ю., Трусь А. А. Арт-терапевтические техники в тренинге: характеристики и использование. М. : МИР, 112 с.
4. Венгер А. Л. Психологические рисуночные тесты : илл. рук. М. : Владос-Пресс, 2007. 159 с.
5. Шевченко М. А. Психологические цветковые и рисуночные тесты для взрослых и детей. М. : Территория психологии, 2011. 145 с.
6. Лебедева Л. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб. : Речь, 2005. 150с.

УДК 159.923

ББК 994.23

Рыбак Н. С., *Иркутск*

Каким представляется успешный студент?

Приводятся результаты качественного исследования, направленного на выявление образа успешного студента. В качестве метода исследования выбран анализ рисунков успешных студентов. Это позволило выявить существующие стереотипы и символы связанные с успешной или не успешной студенческой деятельностью.

Ключевые слова: рисунки, анализ изображений, успешный студент, социология, психология.

Rybak N. S., *Irkutsk*

What Does a Successful Student Look Like?

The article presents the results of a qualitative research aimed at identifying the image of a successful student. The analysis of drawings of successful students was chosen as a research method. This made it possible to identify the existing stereotypes and symbols associated with successful or unsuccessful student activities.

Keywords: drawings, image analysis, successful student, sociology, psychology.

Интерпретация того или иного установленного образа является индивидуальной у каждого человека. Образ идеального студента складывается из сочетания деловых качеств, особенностей взаимодействия с другими людьми, направленности на многие сферы, с выделением приоритета учебы и будущей профессиональной деятельности, психофизиологических особенностей. Имидж студента – это имидж института, поэтому так важно создать подходящий образ. Психологи

выделяют четыре перцептивных составляющих успешного имиджа студента. Это визуальное восприятие, интеллектуальное восприятие, статусное восприятие и социальный фон. По данным критериям дается оценка студента, и определяется уровень его успешности. Но только сам студент решает, как он будет строить свой образ и чему уделять внимание в большей степени. С другой стороны, имидж студента не должен быть посредственным. Имидж строится не только из внешних качеств, но и из внутреннего мира, души человека. «Нет смысла надеяться, что другие оценят вас за ваш характер и личность, не обратив внимания на то, как вы выглядите», – говорит Брайан Трейси – бизнес-тренер, лектор, писатель, автор известных книг и аудио-программ на темы бизнеса, управления продажами, самореализации. То есть, студент должен держать марку делового человека, оставаясь при этом собой. Внешний образ должен гармонизировать с внутренним содержанием. Найти себя и свой имидж не просто, но как говорил Генри Форд: «Кто боится неудач, тот ограничивает свою деятельность» [1].

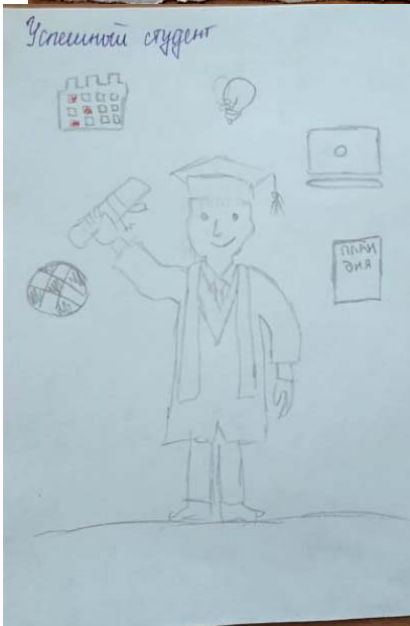
Проведем анализ образа успешного студента на примере рисунков самих студентов, занимающихся различными видами деятельности в университете. Было представлено 8 рисунков под названием «Успешный студент». С помощью метода анализа рисунков и психологической интерпретации значений выделены основные аспекты образа успешного студента.

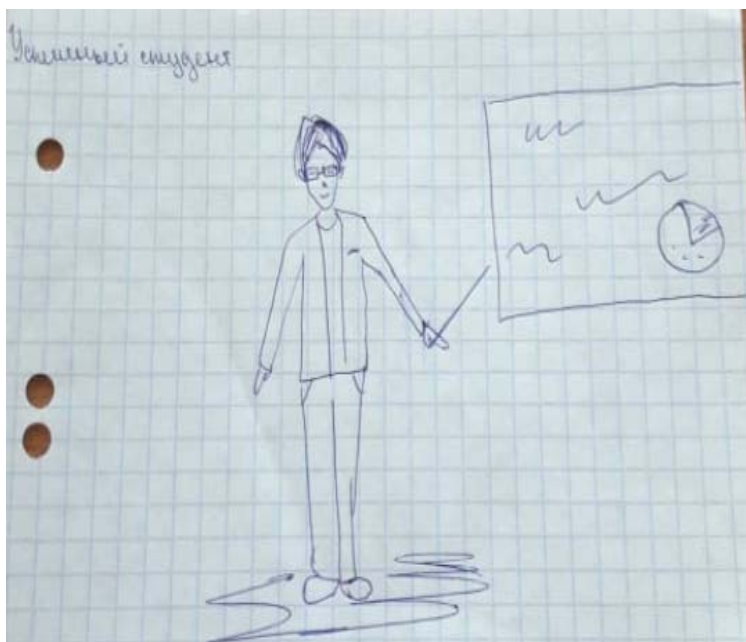
На 87,5 % рисунков человек изображен в анфас, значит рисуемый открыт на общения, что положительно сказывается на расширении листа социальных контактов, которые могут принести пользу в будущем. У оставшихся 12,5 % человек изображен в профиль, это значит, что рисуемый стремится «сбежать» от внешних контактов. Также на 12,5 % изображений у человека отсутствует лицо, что свидетельствует о блоке на общение у рисуемого, ему трудно вести себя непринужденно в больших компаниях. 87,5 % рисунков содержат только одного человека, тогда как на оставшихся 12,5 % больше одного человека. Это означает, что человеку важно, чтобы было окружение. Он не любит быть один, также, если человек один, значит он привык рассчитывать на себя. На 50 % рисунков руки у людей расставлены в стороны, значит их беспокоит то, что события в их жизни выйдут из-под контроля. У остальных 50 % есть проблемы с социальными контактами, но они не против некоторых изменений. Также на 25 % рисунков отсутствуют ноги, это говорит о том, что рисуемый испытывают некоторое чувство отвержения этой части, чувствует соответствующий недостаток в своей внешности (рост, вес) или недоволен

чем-то в своем партнере. Среди все рисунков на 50 % изображений присутствуют спирали, окружности, волнистые линии. Они означают, что чужие проблемы не слишком заботят или вообще не интересуют художника. Что касается конкретно представленных рисунков, то волнистые линии говорят о том, что собственные цели и задачи рисующий ставит выше групповых. Окружности характеризуют людей, которые занимаются задачей до полного ее решения. А возможно он переживает легкий эмоциональный кризис: ходит по кругу своих переживаний. Сейчас ему необходимо следить за поведением, чтобы не вспылить и не сорваться на окружающих. 87,5 % рисунков содержат изображение различных геометрических фигур, это свидетельствует о том, что у рисующего четкие цели и убеждения, он почти никогда не скрывает своего мнения, всегда настойчив и упорен. Также он может быть чрезмерно бдителен и осторожен в своей повседневной жизни [2; 3]. У 75 % рисунков студент находится в середине листа, т. е. в настоящем времени, это значит, что они успешны здесь и сейчас. При этом в прошлом есть что-то, что помогло им стать теми, кто они есть сейчас. У 25 % студенты изображены в прошлом, значит, что их труды сейчас, принесут им успех будущем или они надеются на это. Авторы 37,5 % рисунков имеют некоторую уверенность в своем будущем с перспективой на успех.

В целом можно сказать о том, что большая часть рисующих видят успешного студента как целеустремленного, деятельного, общительного человека с планами, которые он собирается реализовать и имеет некоторые ресурсы для их реализации. Большинство студентов также считают, что своему успеху они обязаны самим себе. Внешности также уделено внимание. Успешный студент выбирает одежду по случаю. Гардероб для учебы, внеучебной деятельности и для прогулок с друзьями отличается. Успешный студент умеет правильно презентовать себя, чтобы вызвать доверие и уважение.

Приложение

Список литературы

1. Соколова Э. А. Идеальный образ студента в понимании студентов старших курсов университета // Вестник ТГПУ. 2014. № 1 (142). С. 60–64.
2. Что значат наши рисунки // Вестник психологии URL: <https://psychologyjournal.ru/public/что-znachat-nashi-risunki/> (дата обращения: 19.09.2020).
3. Я узнаю о тебе по рисунку // Портал о психологии. URL: <https://psychologyc.ru/ya-uznayu-o-tebe-po-risunku/> (дата обращения: 19.09.2020).

УДК 316.346.32-053.6:681.3

ББК С55.57

Бардамова Я. Ю., Маркова Е. А., Гуринович Л. А.

Иркутск

Мем как инструмент коммуникации в жизни молодежи

Рассмотрена проблема взаимовлияния интернет-мемов и молодежи, раскрыт и изучен вопрос об основных функциях и дисфункциях мемов. Дан ответ на вопрос о том, какое место интернет-мемы занимают в жизни молодежи, и как они используются в качестве средства коммуникации в интернет-пространстве. Результаты вопроса обоснованы и подтверждены на практике с помощью социологического опроса среди молодежи.

Ключевые слова: интернет-мемы, молодежь, молодое поколение, социологический опрос, функции интернет-мемов, интернет, пользователи.

Bardamova Y. Y., Markova E. A., Gurinovich L. A., *Irkutsk*

Meme as a Communication Tool in the Life of Young People

This article examines the problem of Internet memes and youth, reveals and studies the main functions and dysfunctions of memes. The answer is given to the question of what place Internet memes occupy in the lives of young people, and how they are used as a means of communication in the Internet space. The results of the question are justified and confirmed in practice using a sociological survey among young people.

Keywords: Internet memes, youth, young generation, sociological survey, functions of Internet memes, Internet, users.

В эпоху XXI в. средства коммуникации для современного поколения все больше и больше становятся неразделимы с интернет-пространством. Это обусловлено тем, что большую часть всего дня, не считая нескольких часов, выделенных для сна, подрастающее поколение проводит в медиа-пространстве. Совершенствуя процесс общения и подстраиваясь под условия формирования и развития интернет-пространства, создание новых способов поддержания взаимоотношений и взаимодействий стало привычным для молодежи [1]. Одним из таких способов в среде социальных сетей стал феномен интернет-мема.

Феномен интернет-мема стал очень популярным и захватил практически все сферы интернет сообщества во всем мире, его используют не только как средство общения, но и для освещения последних событий, как способ выражения своего мнения по поводу острых социальных проблем, как способ свободного времяпровождения, даже в маркетинге этому феномену нашлось место: в качестве рекламы какого-либо продукта [1]. Такое широкое распространение мема влияет на социальное взаимодействие пользователей интернет-пространства, например, молодого поколения, и очень сильно влияет на их мировоззрение в целом.

В нашем исследовании мы хотим понять, какое место интернет-мемы занимают в жизни молодежи. Для анализа мы взяли именно молодое поколение, ведь, оно является главным пользователям всемирной сети. Чтобы понять, какое место интернет-мемы занимают в жизни молодежи, на наш взгляд, стоит разобраться с основными функциями данного феномена в обществе.

Для того чтобы более подробно разобраться с функциями интернет-мемов, мы проанализировали результаты исследования, опубликованные в статье Н. А. Зиновьевой «Функции интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд». Автором рассматриваются следующие функции мемов: функция репрезентации идеи, функция трансляции идеологии, функция репрезентации индивида, функция репрезентации сообщества, функция коммуникации в сообществе, функция

интеграции сообщества, социализация его членов, функция идентификации и функция информирования. Также Н. А. Зиновьева выделяет две дисфункции: дисфункция дробления картины мира и дисфункция подавления социальной активности [2].

Функция репрезентации идеи заключается в том, что интернет-мемы отражают, создают и воспроизводят идеи, ситуации, эмоции, реакции и переживания человека, транслируя их в различных визуальных образах. Трансляция идеологии подразумевает под собой функцию навязывания идеи автора мема интернет-пользователям. Создавая мемы, автор закладывает в его основу определенную оценку или интерпретацию сюжета со своей точки зрения. Пользователи воспринимают данную идею не критично, так как она содержит юмористический акцент, но тем не менее, постоянное появление мема в новостной ленте у пользователей почувствует в формировании образа социальной реальности. Таким образом, данная функция отражает роль интернет-мемов в производстве и воспроизводстве культуры. Репрезентация индивида говорит о том, что при помощи мемов индивиды могут воплощать свои идеи, эмоции и реакции, а также показывать озабоченность личными или общественными проблемами, искать своих единомышленников и транслировать свою точку зрения. Чаще всего, мемы отражают идею того сообщества, в котором распространяются и используются, в этом и проявляется функция репрезентации сообщества. Такие сообщества чаще всего создают локальные мемы, которые могут распространяться среди пользователей интернета и выйти на более широкую аудиторию. Функция коммуникации мемов заключается в том, что они являются актуальной и оперативной реакцией на конкретную ситуацию, заостряют на ней внимание, бросают вызов, порождают дискуссию или волну новых мемов [2]. Нам видится, что так же здесь может происходить «выпуск пара», снятие общественной напряженности, функцию этого ранее выполняли только анекдоты и сатирические куплеты. Создание, обмен и получение пользователями мемов выполняется с помощью функции интеграции сообщества. Функция идентификации мемов проявляется в наличии у интернет-мемов социокультурного кода, который складывается в процессе их создания и использования, такой социокультурный код понятен только в той группе, в которой распространяется мем. Функция информации говорит о том, что мемы несут в себе определенную действительность, информируя пользователей.

Теперь перейдем к дисфункциям. Суть дисфункции «дробления картины мира» заключается в следующем: мемы отражают одну и ту

же ситуацию с различных точек зрения, они будут никак не связаны между собой, но интернет-пользователи воспринимают эти мемы одновременно. Дисфункция подавления социальной активности в прямом смысле означает снижение у пользователей физической активности, т. е. мемы создают некую иллюзию вовлеченности в социальный процесс, а также иллюзию информирования о важных новостях [2]. Тем самым, мемы переводят социальную активность в пассивное употребление символической продукции.

Таким образом, мы видим, что мемы играют довольно важную роль с теоретической точки зрения в жизни молодежи, они информируют молодое поколение, формируют у него определенное мировоззрение, помогают отражать свою точку зрения и распространять ее в массы, мемы – это уже не просто феномен культуры, а инструмент общества, способный в том числе программировать пользователей интернета, например, молодежь, идеализировать ее и побуждать к определенным действиям. Но к таким неутешительным выводам мы приходим только с теоретической точки зрения, на наш взгляд, является необходимым проанализировать мнение молодежи.

В качестве практического подтверждения мы провели социологический опрос, целью которого было определение место мемов в жизни молодежи. Опрос проводился анонимно, в октябре 2020 г., среди жителей Иркутской области, анкета была размещена и распространена среди молодежи в электронном формате. В социологическом исследовании приняли участие 80 респондентов, из них 57,5 % женщин и 42,5 % мужчин, 90 % участников в возрасте от 18 до 24 и 10 % в возрасте до 18 лет. 76,3 % являются учащимися в учебных заведениях, 22,5 % совмещают учебу и работу и 1,2 % работают.

Первым мы нашли подтверждение своему утверждению о длительности пребывания молодежи в интернет-пространстве. Так, 67,5 % опрошенных проводят в интернете 4 до 8 часов в день, 26,3 % до 3 часов в день и 6,3 % более 9 часов в день в интернете. На вопрос о том, какими интернет ресурсами в основном пользуются респонденты, ответили, что чаще всего пользуются социальными сетями (88,8 %), 5 % пользуются сайтами для просмотров кино, 3,7 % чаще всего пользуются новостными порталами и 2,5 % пользуются различными развлекательными сайтами. Таким образом, большинство опрошенных пользуются социальными сетями, где чаще всего в сообществах встречаются с интернет-мемами.

Для того чтобы понять, какие мемы видит молодежь, респондентам был задан следующий вопрос: «Что для Вас значит мем? Как Вы

воспринимаете мем?». 60 % опрошенных считают, что мем – это интересная картинка или фотография с остроумной и смешной надписью, которую распространяют в различных сообществах; 27,5 % отметили, что мем – это инструмент для развлечения, общения и творчества; для 12,5 % опрошенных мем – это единица культурной информации, которая имеет способность распространяться. Таким образом, мнение о том, что мем – просто интересная картинка или фотография, распространяющейся в различных сообществах, является доминирующим.

Также в опросе был задан вопрос: «Какие из мемов Вам нравятся больше всего?», результаты которого представлены в табл. 1.

Таблица 1

Тематика мемов, наиболее популярная среди опрошенных

Вариант ответа	Число ответов, в %
Абстрактные мемы (это такие мемы, которые понятны не каждому. Абстрактные мемы сложны для понимания, и иногда сложно рассмотреть в них долю шутки. Иногда они играют на иронии (поджанр – постирония) или же не несут логической мысли).	60
Мемы из фильмов, мультфильмов и сериалов.	60
Кооптированные мемы (это мемы, появившиеся спонтанно из каких-то событий и раскрученные до невероятных размеров. Таких спонтанных мемов очень-очень много. Это может быть чья-то фраза, поступок или выражение лица, или еще что-то, что надолго запомнилось общественности).	58,8
Локальные мемы.	41,3
Самозарождающиеся мемы (это народное творчество в чистом виде. Может выглядеть как угодно – комиксы, арты, фотожабы, текстовые приколухи и прочее).	36,3
Исторические мемы.	33,8
Классические мемы (это смешные лица, смайлики и люди, которые выражают разнообразные эмоции).	33,8
Мемы с животными.	32,5
Политические мемы.	18,8

Примечание: при ответе на вопрос респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Таким образом, мы видим, что большинство опрошенных предпочитают мемы, которые понятны не каждому (60 %); меньше всего опрошенным нравятся политические мемы (18,8 %), что может свидетельствовать о том, что молодежь мало заинтересована в политической деятельности. Стоит отметить и тот факт, что второе место занимают мемы из фильмов, мультфильмов и сериалов (60 %); на третьем месте мемы, называемые кооптированными, т. е. это мемы, которые появились спонтанно из каких-то событий и раскрученные до неверо-

ятных размеров. Также многие предпочитают локальные мемы (41,3 %). Почти в равной степени опрошенным нравятся исторические мемы (33,8 %), классические мемы (33,8 %) и мемы с животными (32,5 %).

На вопрос: «В каком виде Вам больше всего нравится воспринимать мемы?» были даны следующие ответы: 53,8 % выбрали смешанные мемы, 36,3 % визуальные, 7,5 % текстовые и 2,5 % аудиальные, т. е. наиболее удобным способом восприятия мемов для молодежи являются мемы смешанных видов.

Чтобы определить, какие мемы чаще всего запоминаются молодежи, респондентам был задан следующий вопрос: «Какие мемы чаще всего откладываются в Вашей памяти?» (табл. 2).

Таблица 2

Виды мемов, чаще всего откладываемых в памяти

Вариант ответа	Число ответов, в %
Кооптированные мемы (это мемы, появившиеся спонтанно из каких-то событий и раскрученные до невероятных размеров. Таких спонтанных мемов очень-очень много. Это может быть чья-то фраза, поступок или выражение лица, или еще что-то, что надолго запомнилось общественности)	51,2
Мемы из фильмов, мультфильмов и сериалов	46,3
Абстрактные мемы (это такие мемы, которые понятны не каждому. Абстрактные мемы сложны для понимания, и иногда сложно рассмотреть в них долю шутки. Иногда они играют на иронии (поджанр – постирония) или же не несут логической мысли)	36,3
Классические мемы (это смешные лица, смайлики и люди, которые выражают разнообразные эмоции)	26,3
Локальные мемы	22,5
Мемы с животными	17,5
Исторические мемы	16,3
Самозарождающиеся мемы (это народное творчество в чистом виде. Может выглядеть как угодно – комиксы, арты, фотожабы, текстовые приколы и прочее)	15
Политические мемы	12,5

Примечание: при ответе на вопрос респондент мог выбрать несколько вариантов ответа

Анализируя результаты, мы видим, что чаще всего опрошенные запоминают кооптированные мемы (51,2 %), также часто запоминают мемы из фильмов, мультфильмов, сериалов (43,6 %), абстрактные мемы запоминает 36,3 %, классические мемы 26,3 %, локальные мемы 22,5 %, мемы с животными 17,5 %, исторические мемы 16,3 %, самозарождающиеся мемы 15 % и политические мемы 12,5 %.

На вопрос: «Если Вам нравится мем, то вы...» были даны следующие ответы: 58,8 % отправляют друзьям, 17,5 % ничего не делают, 13,8 % показывают близким, 3,7 % перерепостят своим френдам (друзьям в социальной сети), 3,7 % публикуют на своей странице, 1,2 % отправляют мем тем, кто его точно поймет и оценит и 1,2 % отправляют и сохраняют. Мы видим, что большая часть молодежи предпочитает распространять интернет-мемы среди своих друзей.

Также, проведя анализ результатов опроса, можно сделать вывод о том, что опрошенные чаще всего отправляют интернет-мемы своим друзьям через социальные сети (90 % опрошенных), 6,3 % пересказывают содержание мема, 2,5 % показывают при встрече, а 1,2 % публикуют на своей странице.

На вопрос о том, какими каналами восприятия интернет-мемов чаще всего пользуются пользователи, мы получили следующие результаты: большая часть опрошенных сталкивается с ними в новостной ленте, в своих социальных сетях – 43,3 %, 34,9 % через специализированные сообщества социальных сетей, 15,1 % получают их через друзей и 3,5 % проводят самостоятельный поиск в интернет сети. Полученные ответы можно расценивать как доказательство того, что феномен интернет-мема охватывает все интернет-пространство и является популярным и актуальным явлением в социальных сетях, основной аудиторией которых является молодое поколение.

Чтобы на практике доказать, что интернет-мемы используются как одно из средств общения у молодежи, мы задали вопрос о том, зависит ли восприятие мема от отношения к человеку, отправившего его. Его результаты выглядят следующим образом: больше половины респондентов ответили, что не имеют никакой предвзятости по этому поводу (66,3 %); 24,4 % отвечают согласием и говорят, что посмеются над отправленным мемом, если хорошо относятся к человеку, отправившему его; восприятие 4,7 % опрошенных также зависит от их отношения к человеку, но при условии, если человек им незнаком или неприятен. Основываясь на преобладании отрицательных ответов, мы можем точно предположить, что большинство пользователей сети положительно реагируют на мемы, отправленные им малознакомым или вовсе незнакомым человеком, и вполне могут начать знакомство подобным образом или познакомиться поближе. Это очень важно для выявления акторов формирования ментальности молодежи, потому что, например, расширение экстремистских настроений в аудитории молодежи производится не только при включении в подписчики соот-

ветствующих групп, но и путем воздействия через воспринимаемые иллюстрации.

Дополнительный вопрос о том, узнают ли люди друг друга поближе с помощью мемов, также принес положительные результаты: 91,9 % ответили положительно и лишь 8,1 % отрицательно.

Вовлеченность интернет-мемов также помогает подросткам узнавать и открывать что-то новое, 65,1 % согласны с этим высказыванием, 20,9 % не согласны, 14 % затрудняются с ответом на этот вопрос.

Явление интернет-мема воспринимается молодежью не просто как элемент коммуникации и общения, но и как еще один источник информации о происходящем вокруг, более адаптированный для простого восприятия острых глобальных проблем: 80,2 % опрашиваемых считают их полноценным новостным источником, с помощью которого можно легко и быстро узнать об актуальных дилеммах.

Более того, на вопрос о том, можно ли популяризировать современные общественные проблемы с помощью их интерпретации через мемы, 74,4 % ответили, что таким образом можно привлечь к этим проблемам внимание молодого поколения, тем самым, обратив на них большее общественное внимание.

Резюмируя все вышесказанное можно с уверенностью сказать, что феномен интернет-мема сегодня не просто средство развлечения для молодежи, а маркер нового развития культуры, с помощью которого формируются мировоззрение молодого поколения. Он способен влиять как на отдельные личности, так и на общество в целом, акцентируя их внимание на острых социальных проблемах. Являясь более распространенными в интернет-пространстве и ориентируясь по большей части на молодое поколение, мемы являются неотъемлемой частью их жизни. Они выполняют сразу несколько функций, начиная от повода для знакомства и более близкого общения и заканчивая способом восприятия информации и открытия нового. Мемы оказывают влияние на личность, например, представителей молодежи, поскольку они ведут активную социальную жизнь и сталкиваются с этими результатами творчества. Разветвленность и разнообразие этого феномена обуславливает такой широкий и эмоциональный отклик, заполняя развлекательный контент и интерпретируя через него не только общественные проблемы, но и сферу бизнеса и политики. Будущее не стоит на месте и подобный подход к привлечению внимания молодого поколения является вполне эффективным.

Список литературы

1. Бардамова Я. Ю., Маркова Е. А., Гуринович Л. А. Феномен интернет-мема в виртуальном пространстве сети интернет // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 113–117.
2. Зиновьева Н. А. Функции интернет-мемов в обществе. Социологический взгляд // Открытая база научных работ Университета ИТМО. URL: <http://openbooks.ifmo.ru/file/2282/2282.pdf> (дата обращения: 29.02.2016).

Образовательные стратегии поиска социальной истины

УДК 37.02
ББК 74.04

Артамонова А. С., Голубош О. С., *Нижний Новгород*

Гуманизация образовательного процесса посредством цифровизации в современной России

Проводится анализ процесса гуманизации образовательного процесса в современной России: выявление основных аспектов, особенностей гуманизации, освещение достоинств и недостатков процесса гуманизации образования. Также анализируется процесс гуманизации образовательного процесса посредством цифровизации. Обозначаются положительные и отрицательные стороны канала цифровизации и предлагаются возможные варианты решения выявленных проблем.

Ключевые слова: гуманизация, цифровизация, образование, образовательный процесс, цифровая образовательная среда, личность, индивидуальность.

Artamonova A. S., Golubosh O. S., Nizhny Novgorod

Humanization of the Educational Process by Means of Digitalization in Modern Russia

The article analyzes the process of humanization of the educational process in modern Russia: identification of the main aspects, features of humanization, highlighting the advantages and disadvantages of the process of humanizing education. This paper also analyzes the process of humanization of the educational process through digitalization. The positive and negative sides of the digitalization channel are presented and possible solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: humanization, digitalization, education, educational process, digital educational environment, personality, individuality.

Необходимым фактором модернизации и совершенствования образовательного процесса в каждом современном развитом государстве выступает процесс гуманизации знаний.

Гуманизацию знания можно определить как вектор развития образовательного процесса в область саморазвития личности, проявления ее индивидуальности, а также безусловный приоритет человеческих ценностей и норм, оптимизацию взаимодействия личности и социума.

О важности данного феномена утверждали как десятки лет назад, так и сегодня.

Так, Иванова Светлана Вениаминовна, научный руководитель Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» уверена, что гуманизация образовательного процесса является главным фактором реформирования образования в России, что имеет объективные причины такие как: экологические проблемы, экспансия техносферы, дегуманизация общества и многое другое [4].

Гуманизация образования и знания являются ключевым принципом педагогики на сегодняшний день. При этом, данный принцип требует пересмотра целей, задач и содержания современного российского образования [8].

Подчеркнем, что гуманизация знания и образовательного процесса имеет ряд достоинств.

Во-первых, формирование ответственности у обучающихся, так как гуманизация образования направлена именно на предоставления вариантов обучения, другими словами, возможности и права выбора;

Во-вторых, развитие личности и индивидуальности обучающегося посредством направленности обучения на раскрытие талантов и индивидуальных особенностей обучающегося;

В-третьих, широта, гибкость и высокая вариативность мышления;

В-четвертых, повышенная мотивация школьников и студентов к образовательному процессу, так как при организации учебного процесса учитывается личное мнение обучающегося.

Несмотря на явные достоинства гуманизации образовательного процесса, она имеет и свои недостатки.

Во-первых, неподготовленность педагогов к такому формату обучения, приверженность к традиционному формату образовательного процесса;

Во-вторых, снижение уровня мобильности и адаптивности обучающихся в жизни, так как вариативность и возможность выбора предоставляется не всегда, иногда требуется быстро адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды, подстроившись под нее, к чему не готовы обучающиеся, привыкшие к высокой гуманизации образовательного процесса;

В-третьих, трудности организации и осуществления образовательного процесса с условием принципа гуманизации.

Данную мысль выразила Кузнецова Альвина Яковлевна, кандидат педагогических наук, профессор Российской Академии Естествознания, в своем научном труде «Образование современного человека: теория, философия, методология в конце двухтысячных годов».

Указанный тезис стал особенно актуальным сегодня, в эпоху цифровизации и информатизации – периода, когда повсеместно активно внедряются инновации и меняется привычный образ жизни всего социума и всех сфер его жизнедеятельности, в том числе, образования [3]. Таким образом, можно полагать, что в современном обществе цифровизация образования является одним из главных каналов гуманизации.

На сегодняшний день государством активно реализуется множество программ по цифровизации образования в Российской Федерации. Например, согласно приказу Министерства просвещения Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении Целевой модели цифровой образовательной среды» важно отметить, что данная целевая программа направлена на создание единой цифровой образовательной среды, которая призвана урегулировать и унифицировать процесс образования с применением электронных образовательных ресурсов в образовательных учреждениях.

И именно гуманизация образования направлена на то, чтобы отрицательные последствия цифровизации, технологизации и компьютеризации образования деформировать человечность, духовность общества. Нехватка действенных рычагов реализации образовательных концепций может привести к остановке течения гуманизации.

В свою очередь, цифровизация как актуальный процесс и наиболее вероятная тенденция развития российского образования оказывает как положительный, так и отрицательный эффект на качество процесса получения знаний, в том числе на их гуманизацию [5].

С одной стороны, цифровизация образования позволяет обучающемуся наиболее глубоко раскрыть свой потенциал вследствие активного распространения в онлайн – пространстве различных курсов по совершенствованию личности в целом, приобретению конкретных навыков и компетенций за рамками образовательного процесса [1,2,3].

В виду развития данной тенденции у обучающихся развивается способность к творческому мышлению, кругозор и навыки самостоятельной подготовки.

Также важно отметить, что цифровизация как один из каналов гуманизации образовательного процесса направлена именно на развитие личностно – ориентированных технологий, которые ставят в центр образовательного процесса личность обучающегося: создание комфортных условий обучения, безопасность процесса образования, бесконфликтность образовательной среды, что прямо отражает принципы гуманизации образования.

Более того, цифровизация, ориентирована на решение конкретных проблем гуманизации знания [3; 6]. Например, основополагающей целью цифровизации является формирование личности и индивидуальности обучающегося, но адаптированной к новым социокультурным аспектам реальности. Таким образом, решается проблема адаптации обучающихся к условиям реальной действительности, стремительно меняющимся условиям внутренней и внешней среды.

Также стоит отметить, что цифровизация упрощает организацию образовательного процесса. В настоящее время создано множество образовательных платформ и сайтов, которые призваны создать комфортные условия образования для каждого, т. е. они подстраиваются под интересы и потребности конкретного студента или школьника.

Однако нельзя игнорировать тот факт, что онлайн-обучение, которое выступает ключевым фрагментом цифровизации образования, существенно ограничивает социализацию молодого человека и повышения навыков коммуникации в виду уменьшения личного контакта с преподавателями и одноклассниками/одногоруппниками. Следствием этого также выступает снижение эффективности процесса гуманизации знания – трансляции адекватных нравственных ценностей [7].

Нет сомнений, что цифровизация не может полностью заменить классическое традиционное образование, так как имеет ряд недостатков и пробелов, о которых говорилось ранее, однако она [цифровизация] является мощным подспорьем для развития образования, в том числе для ее большей гуманизации. В свою очередь, гуманизация образования как ключевой вектор развития российского образования направлена на учет личных особенностей обучающегося с целью раскрытия потенциала и таланта каждого студента или школьника, воспитание поколения высококвалифицированных профессионалов, которые будут работать на благо страны, и наиболее актуальна и необходима в условиях цифровизации и информатизации социума.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 40–48.
3. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
4. Иванова С. В. Гуманизация процесса обучения в старших классах. М. : Известия, 1998. 85 с.
5. Королёва Л. Г., Сухоруких А. В. Цифровизация» или гуманизация образования: актуальность асиологической альтернативы // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Со-

циология. Право. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ili-gumanizatsiya-obrazovaniya-aktualnost-asiologicheskoy-alternativy> (дата обращения: 04.10.2020).

6. Красильникова Е. В. О гуманизации цифровизации современного образования / Е. В. Красильникова, С. В. Кайимова, Н. С. Какоткин, Н. Н. Луковников, А. В. Тюлина, Н. П. Томашевская // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29618> (дата обращения: 04.10.2020).

7. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровизация образования: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С.107–113.

8. Полюшкевич О. А., Решетников В. А., Федчин В. С. Социализация современного гуманизма через процессы региональной идентификации // Социодинамика. 2017. № 12. С. 27–36.

УДК 004.84

ББК 32.813

Вангаева Ф. М., Тайсумова Х. В., *Грозный*

Проблемы обучаемости искусственного интеллекта и обучаемости искусственным интеллектом

Рассматриваются этические и прикладные аспекты развития искусственного интеллекта в современном мире. Анализируются возможности и перспективы обучения у искусственного интеллекта с позиции морали и этики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, искусственный интеллект в образовании, знания.

Vangaeva F. M., Taysumova K. V., *Grozny*

Problems of Training in Artificial Intelligence and Training in Artificial Intelligence

The article examines the ethical and applied aspects of the development of artificial intelligence in the modern world. The possibilities and perspectives of learning from artificial intelligence are analyzed from the standpoint of morality and ethics.

Keywords: artificial intelligence, artificial intelligence, in education, knowledge.

Не всё в искусственном интеллекте является положительным моментом. Существуют определенные специфические трудности и барьеры, многие из которых не будут преодолены в ближайшем будущем. Одной из таких проблем является отсутствие эмпатии у искусственного интеллекта (ИИ), и соответственно общение между ИИ-наставником и учениками.

Как следует из биологии, наши зеркальные нейроны являются «типом мозговых клеток, которые одинаково реагируют, когда мы выполняем действие, и когда мы видим, что кто-то другой выполняет то же действие». Проще говоря, важным аспектом обучения приматов является наблюдение и имитация. Люди лучше всего учатся, подражая другим людям и тренируясь вместе с ними. Учитель в классе – это человеческая модель мастерства в определенной сфере активности, обладающая уникальными человеческими навыками и ценностями, а

ученик просто не будет относиться к ИИ с такой же установкой, как к человеку. Знание того, что их учитель не человек, сильно затруднит способность ученика сопереживать и воображать себя осваивающим умения и навыки.

Некоторые исследователи утверждают, что из-за отсутствия человеческих эмоций роботы просто не могут нас вдохновлять. Президент и соучредитель Coursera Дафна Коллер отмечает: «ИИ ценны, прежде всего, как создании контента. Это действительно важно. Но я также думаю, что необходимо иметь кого-то, кто ответит на действительно сложные вопросы, если вы внезапно застрянете на каком-либо уровне обучения. Кроме того, люди скажут вам, что одним из самых вдохновляющих переживаний, которые у них были и которые часто формировали их жизнь, был вдохновлен учителем» [2].

Вдохновение – это продукт сочувствия. Когда учитель может подключиться к ученику, «побывав у него в голове», через искреннее слушание или даже через невербальное поведение в классе, он может вдохновить своих учеников учиться, творить и преуспевать. Даже ИИ с современной технологией рендеринга лиц не может точно применить на практике все эти переменные. Чаще всего, чем старательнее робот копирует человека, тем неуютнее становится от него людям. Этот эффект получил название Зловещей Долины [1]

Мы часто недооцениваем важность сочувствия в процессе обучения. Несмотря на невероятные достижения в области образовательных технологий, отсутствие сопереживания – это основная проблема ИИ в его нынешнем виде. Главный барьер, с которым сталкиваются разработчики, решающие роль ИИ в его применении к реальному миру, по-прежнему заключается в следующем: как научить компьютер контексту и интуиции?

В качестве примера давайте представим, что в передней части комнаты находится полноценный гуманоидный робот-преподаватель ИИ. Конечно, этот ИИ с меньшей вероятностью будет делать ошибки в области содержания обучения. Он сможет получить доступ к абсурдным объемам информации в мгновение ока. Сможет послушать и ответить на вопросы. Вскоре он даже сможет читать по лицам студентов и реагировать соответствующим образом. У нас есть эта технология, и она расширяется с каждым днем.

Чего он не сможет сделать, так это объединить эти элементы вместе с тысячей других человеческих переменных для осознания смысла. Когда ученик входит в класс, преподаватель-человек может это сделать. Мы можем прочесть лицо ученика, язык тела, внешний

вид и любое количество других данных, чтобы сделать вывод об его эмоциональном состоянии.

Тем не менее, мы также можем связать этот вывод с контекстом: как ученик обычно реагирует на уроки, какая у него обстановка дома, что вы замечаете в общей социальной динамике класса, ссорился ли он сегодня утром со своим другом, завтракал ли он, хорошо ли спал, была ли вчера выпущена новая видеоигра, комфортна ли температура в аудитории, что сейчас происходит в общешкольной культуре, есть ли у этого класса контрольные на сегодня. Потенциально актуальны такие элементы, как депрессия или тревога, или это просто «день-выходной» для отличного ученика?

Затем мы можем использовать нашу интуицию, чтобы найти решение для проблемы этого ученика. Даже самый впечатляющий ИИ по-прежнему будет испытывать трудности с надлежащим анализом сложных потребностей и немедленных сигналов, передаваемых классом, полным студентов. Контекст познания каждого отдельного учащегося в целом в сочетании с интуицией оценки богатства и сложности «момента в классе» просто недоступен для ИИ. Особенно важен этот момент в работе с детьми младшего школьного возраста.

Еще одной немаловажной проблемой сегодняшнего дня является то, что компьютеры, в нынешнем их виде, все еще не понимают человеческий язык. Все боты, голосовые помощники, переводчики и другие компьютерные программы всего лишь имитируют знание языка. Для объяснения этого часто используют мысленный эксперимент «китайская комната». Впервые он был описан в 1980 г. философом Джоном Серлем в статье *Minds, Brains and Programs* (журнал *Behavioral and Brain Sciences*).

Суть его заключается в следующем – представьте себе человека, разговаривающего, например, на английском языке. Он знает только этот язык. Человек сидит в закрытой комнате, наполненной множеством ящиков с карточками со всеми существующими китайскими иероглифами, бумагой, писчим материалом и учебником со всеми грамматическими конструкциями, которые только есть в китайском. Люди, знающие китайский, будут сидеть за пределами комнаты и передавать через небольшое окошко вопросы, написанные на бумаге. Используя имеющиеся у него средства. Человек в комнате будет отвечать на вопросы, формируя ответы с помощью карточек с иероглифами (базу данных) и учебник (программу), при этом понимать, что он написал, человек не будет. Ответы будут строго регулироваться и на

определенный вопрос у огромного учебника всегда найдется определенный ответ.

Выходит, что человек из комнаты может дать ответ, только строго следуя инструкции, а значит не может вывести новое знание на основе существующих. Также и наши современные компьютеры, которые могут поправить нас лишь в тех случаях, когда знание об определенных ошибках уже заранее заложено в них человеком. Самостоятельно анализировать контекст и различные стороны вопроса машинам пока не удастся. Типичным примером того может являться автозамена. Проблема научения компьютера языку является одной из самых острых на сегодняшний день и выводится в статус технического барьера.

За решение этой проблемы назначена награда – 100 миллионов рублей, если машина будет понимать русскоязычный текст и столько же за понимание англоязычного текста. На сайте конкурса говорится следующее: «Конкурс Up Great ПРО//ЧТЕНИЕ призван стимулировать развитие новых подходов в области машинного обучения, которые позволят создать искусственный интеллект, способный к глубокому пониманию смысла текста и анализу причинно-следственных связей по широкому набору тематик». Для решения этой задачи требуется целая группа специалистов, не только программистов, но и лингвистов. Прием заявок будет длиться до 29 октября 2020 г. Будет ли решена эта проблема? Остается только гадать. Или присоединиться к исследованию [3].

Подводя итоги, скажем, что ИИ на данный момент может являться для нас помощником, регулятором и тестором, но никак не учителем. По крайней мере до тех пор, пока наши технологии не достигнут значительных успехов в научении компьютеров языку.

Список литературы

1. Applications of natural language processing, including information retrieval (i.e. text mining) and machine translation. Russell & Norvig, 2003.
2. By Towards AI // Multidisciplinary Science Journal «Artificial Intelligence in Education: Benefits, Challenges, and Use Cases».
3. Конкурс Up Great ПРО//ЧТЕНИЕ. URL: <https://ai.upgreat.one/>

УДК 3778.43
ББК 420.34

Журавлева И. А., *Иркутск*

Роль дополнительного образования в современном мире

Анализируется роль дополнительного образования, выделяются ключевые точки и формируются перспективы развития общества. Рассматриваются условия и контексты социального моделирования общественным развитием через стратегии дополнительного образования.

Ключевые слова: образование, дополнительное образование, современный мир, регион, программы развития.

Zhuravleva I. A., Irkutsk

The role of Continuing Education in the Modern World

The role of continuing education is analyzed in the work, key points are highlighted and development prospects are formed. The conditions and contexts of social modeling by social development through the strategies of further education are considered.

Keywords: education, additional education, modern world, region, development programs.

Фундаментальной проблемой образования является создание оптимального образовательного пространства, в котором все учащиеся достигли бы наивысшего уровня в развитии своих способностей. Проблема дополнительного образования является достаточно новой для российской педагогической науки. Это объясняется включенностью множества субъективных и иррациональных стратегий объяснения происходящих в обществе изменений [15–19].

В Законе РФ «Об образовании», Концепции модернизации российского образования на период до 2020 г. и других документах определены важность и значение системы дополнительного образования детей, способствующей развитию склонностей, способностей и интересов социального и профессионального самоопределения детей и молодежи. Проект Межведомственной программы развития системы дополнительного образования детей до 2020 года рассматривает развитие дополнительного образования детей как одно из приоритетных направлений российской образовательной политики. Новая ситуация в образовании, связанная с реализацией Концепции профильного образования, придает школьной системе дополнительного образования мощный импульс развития.

Поэтому в новой образовательной ситуации школа находит в дополнительном образовании: широкий диапазон дополнительных образовательных услуг, значительно расширяющих и углубляющих основные стандарты образования; компенсацию отсутствия или недоста-

точного количества часов тех или иных учебных курсов; новые возможности для творческого развития ребенка, его самоопределения и самореализации [2].

В ситуации перехода России от индустриального общества к пост-индустриальному информационному обществу нарастают вызовы к системе дополнительного непрерывного образования человека. Все острее встает задача общественного понимания необходимости дополнительного образования как открытого вариативного образования, наиболее полно обеспечивающего право человека на развитие и свободный выбор различных видов деятельности, в которых происходит личностное и профессиональное самоопределение детей, подростков и молодежи.

Одним из основных социальных институтов, обеспечивающих воспитательный процесс и реальную интеграцию различных субъектов воспитания, являются учреждения дополнительного образования детей, которые отличаются от образовательных учреждений тем, что обучающимся предоставляется право выбора вида деятельности, уровня сложности и темпа освоения образовательной программы дополнительного образования в избранной сфере познания [4]. Начало теоретическому осмыслению проблем воспитания в дополнительном (внешкольном) образовании положено в трудах знаменитых русских педагогов.

Анализируя период становления дополнительного образования, исследователи отмечают, что ему присущи следующие свойства: наличие собственных системных характеристик в связи с принятием государственных нормативных актов; вариативность; большие возможности для привлечения ресурсов других ведомств и для инновационной деятельности; независимость от демографической ситуации в силу его большей ориентированности на удовлетворение образовательных потребностей социума и меньшей зависимости от государственного заказа; свобода и выбор собственной образовательной политики, технологий и форм деятельности; узкая специализация и углубление качественного состояния образовательного процесса [10]. Дополнительное образование детей способно наиболее адекватно реагировать на изменение экономической и социальной обстановки в стране, активно воздействовать на окружающий ребенка социум, что находит отражение в содержании дополнительного образования.

Современное дополнительное образование детей в России представляет собой определенную систему, в которую входят следующие компоненты: ребенок как субъект образования, педагог дополнительного образования, дополнительные образовательные программы различного уровня и направленности, учреждения дополнительного обра-

зования детей и общественные детские и молодежные объединения, занимающиеся реализацией дополнительных образовательных программ, семья, органы управления дополнительным образованием [5; 11].

Анализ современных научно-педагогических исследований проблем дополнительного образования детей позволяет констатировать, что в его развитии нашли свое отражение теоретико-методологические подходы, как общие для всей системы образования, так и присущие только данной образовательной сфере. Преобразованные в принципы различные методологические подходы определяют приоритеты в педагогической практике сферы дополнительного образования. Продолжая систематизацию, начатую Л. Г. Логиновой и Н. А. Соколовой [7], и обобщая исследования различных авторов, рассмотрим основные методологические подходы в дополнительном образовании детей, заявленные в современных научных исследованиях.

Гуманистический (личностный, личностно ориентированный) подход

В современных научно-педагогических исследованиях гуманистический подход рассматривается как методология, признающая человека как высшую ценность, его право на свободу, счастье, развитие. Гуманистический подход в педагогике положил начало личностно ориентированному образованию, что предопределило изменение взгляда на сущность образования: оно становится процессом индивидуального саморазвития, обретения им себя, своего образа в рамках индивидуальной траектории развития через диалог в системе «взрослый – ребенок» [12]. Обобщение исследований проблем дополнительного образования детей позволяет констатировать, что гуманистический подход в данной образовательной сфере реализуется через обеспечение индивидуальной образовательной «траектории» ребенка, создание атмосферы доброжелательности и сотрудничества взрослого и ребенка, способствующей самореализации личности учащегося [9].

Аксиологический подход

В современных научно-педагогических исследованиях аксиологический подход рассматривается как методология, определяющая образование как ценностное самоопределение личности через понимание смысла, целей и ресурсов собственной жизни. Основу содержания образования составляет иерархия ценностей – социальных, государственных, личных. Обобщение исследований в сфере дополнительного образования детей В. А. Горского [2], позволяет констатировать, что реализация аксиологического подхода осуществляется через создание определенной нравственно-эмоциональной атмосферы, осо-

бой среды общения, а также организацию индивидуальной и коллективной творческой деятельности

Деятельностный подход

Этот подход рассматривается как методология, обосновывающая процесс формирования личности через активную предметную деятельность, активные способы познания и преобразования мира, активное общение с другими людьми. Обобщение исследований в сфере дополнительного образования детей А. В. Егоровой [3], позволяет констатировать, что деятельностный подход реализуется через создание условий для свободного выбора вида деятельности, достижения позитивного результата совместной деятельности педагога и ребенка

Культурологический (культуросообразный) подход

В современных научно-педагогических исследованиях культурологический подход рассматривается как методология, представляющая человека как уникальный мир культуры, а его образование как творение себя в процессе взаимодействия с системой культурных ценностей, отражающих богатство общечеловеческой и национальной культур, реализуется через включение достижений культуры (культурных ценностей) в содержание образовательного процесса, создание условий для культурной деятельности детей.

Антропологический подход

В современных научно-педагогических исследованиях антропологический подход рассматривается как методология, признающая целостность человека в неделимости его духовной (культурной), социальной и телесной (природной) сущности, а образование – как творческую и ответственную реализацию человеком своей природы. Реализация антропологического подхода в данной образовательной сфере происходит через организацию работы с детьми в согласовании с общими законами и динамикой развития природы, общества и личности на основе деятельностной активности (самодеятельности).

Синергетический подход

В современных научно-педагогических исследованиях Л. Ф. Комоловой, О. Н. Швецовой [6] синергетический подход рассматривается как методология, обосновывающая представление об образовании в целом, а также об его участниках (педагоге, ребенке) как саморазвивающихся системах. В рамках этого подхода данная образовательная сфера рассматривается как сложная образовательная система, способная к постоянной эволюции (изменениям структуры и содержания) за счет активного взаимодействия с внешней средой и другими системами под влиянием объективных и субъективных факторов

Комплексный подход

В современных научно-педагогических исследованиях комплексный подход рассматривается как методология, обосновывающая, с одной стороны, целостность личности как взаимосвязанное взаимодействие всех ее сторон (интеллектуальной, эмоциональной, волевой, действенно-практической), с другой – целостность педагогического процесса как развитость всех его компонентов, скоординированность взаимодействия всех его участников. Обобщение различных исследований дополнительного образования детей Н. И. Фуниковой [14] в контексте комплексного подхода позволяет констатировать, что дополнительное образование осуществляется в различных типах образовательных учреждений через разнообразные образовательные услуги при условии интеграции деятельности всех участников

Гуманитарный подход в современных научно-педагогических исследованиях рассматривается как методология, рассматривающая образование как процесс формирования гуманитарного мышления ребенка, происходящий через обращение мысли ребенка к человеческим ценностям, через общение с искусством. Процесс гуманитаризации в условиях дополнительного образования детей пронизывает весь воспитательный процесс: гуманитаризация образования в сочетании с гуманным обращением с ребенком способствует формированию в результате интеллигентного, нравственного честного человека с развитой культурой чувств и высоким уровнем интеллекта.

Герменевтический подход.

В современных научно-педагогических исследованиях герменевтический подход рассматривается как методология, обосновывающая необходимость построения педагогического взаимодействия на глубоком познании детства в целом, каждого ребенка в отдельности, видении каждого ребенка в его взаимосвязях с другими людьми. Исследователь проблем дополнительного образования детей Л. Г. Логинова [7] в контексте герменевтического подхода высказывает убеждение в том, что «образование – дело только самого образовывающегося человека, и оно должно стать для него настоящей подготовкой к жизни», условием чего является процесс формирования гражданского самознания личности, начиная с самого раннего возраста, в развитии способности к социальному творчеству

Социокультурный подход

Обобщая исследования проблем дополнительного образования детей Н. И. Фуниковой [14] позволяет констатировать, что реализация социокультурного подхода в данной образовательной сфере осу-

ществляется через преемственность содержания различных видов образования с учетом развития личностного сознания обучающихся и многообразия форм их жизнедеятельности.

Системный подход.

В контексте системного подхода сфера дополнительного образования определяется как сложная многофункциональная и разноуровневая социально-педагогическая система открытого типа, которая функционирует в социокультурном пространстве и в образовательной среде.

Природосообразный подход представляет собой методологию, которая обосновывает отношение к ребенку как части природы, воспитания его в единстве и согласии с природой, обеспечение экологически чистой природной среды его обитания и развития. Исследователи проблем дополнительного образования детей в контексте природосообразного подхода считают, что «настоящий педагог-внешкольник» должен, во-первых, «начинать работу с наблюдения, исследования детской индивидуальности, изучения ее потребностей, инстинктов и природных склонностей для последующего создания метода, сохраняющего природный потенциал личности», во-вторых, формировать «особую среду» обучения, воспитания и развития личности ребенка.

Компетентностный подход.

Исследователь дополнительного образования детей В. А. Горский [2], в контексте компетентностного подхода вводит понятие «образовательная компетенция», которая рассматривается им как «совокупность социального опыта, знаний, умений и навыков, обеспечивающих готовность к решению исследовательских задач с несформулированным условием», а процесс дополнительного образования – как проект пути постижения самого себя и смысла жизни.

Полисферный подход

Понятие полисферности ввел в методологию дополнительного образования детей В. П. Голованов [1.]. Появление этого подхода в научном обиходе связано с тенденцией регионализации в данной образовательной сфере. Реализация полисферного подхода в дополнительном образовании детей, по мнению автора, происходит через региональную образовательную интеграцию, т. е. формирование образовательного сообщества из представителей различных сфер, заинтересованных в собственном и региональном развитии на поликультурной основе, а также регионализацию содержания дополнительного образования детей.

Конвенциальный (конвенциональный) подход

Автором конвенциального подхода в дополнительном образовании детей является В. П. Голованов [1], который ввел его в научный обиход в 2009 г. Признавая защиту прав ребенка в качестве концептуальной позиции конвенциального подхода, в принципиальном плане под защитой прав ребенка автор понимает «создание таких условий для позитивной социализации, в которой он сможет в полной мере играть свою позитивную социальную роль».

Таким образом, рассмотрев базовые позиции различных методологических подходов, реализуемых в настоящее время в сфере дополнительного образования детей, приходим к следующему выводу: каждый из подходов имеет научно-теоретические и практические основания к реализации, но они пока еще не сложились в единую методологическую систему, определяющую базовые приоритеты в данной образовательной сфере. Основой для разработки единых методологических оснований может рассматриваться системный подход, который, по нашему мнению, позволит содержательно объединить все рассмотренные выше подходы.

Дополнительное образование может рассматриваться как одно из мощнейших направлений воспитания и образования человека, представляющее ему огромные возможности выбора с учетом вариативности, разноуровневости и непрерывности данного процесса.

В словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «дополнительный» определяется как дополнение к чему-нибудь, «дополнить» – значит сделать более полным, прибавив к чему-нибудь, восполнить недостающее в чем-либо. Существует несколько основных видов этого образования:

- дополнительное образование детей как вариативная часть общего среднего образования, целенаправленный процесс воспитания и обучения посредством реализации дополнительных образовательных программ;
- повышение квалификации – вид дополнительного образования, направленный на обеспечение нового качества выполнения работником своих профессиональных функций;
- профессиональная переподготовка – освоение дополнительных образовательных программ в целях выполнения нового вида работы;
- самообразование – форма самостоятельного получения человеком дополнительного образования по какому-либо виду деятельности или области знания;

- стажировка – форма повышения квалификации и (или) переподготовки через непосредственное участие в соответствующей трудовой деятельности;
- дополнительные образовательные услуги – удовлетворение потребностей личности в приобретении дополнительных знаний и развитии творческих способностей под руководством специалистов;
- информационно-образовательная деятельность – вид дополнительного образования, направленный на оперативное удовлетворение потребностей человека в информации по различным областям знаний и тому подобное.

Рассмотрим дополнительное образование детей.

На сегодняшний день – дополнительное образование является важнейшей составляющей образовательного пространства, сложившегося в современном российском обществе. Оно социально востребовано, требует постоянного внимания и поддержки со стороны общества и государства как образование, органично сочетающее в себе воспитание, обучение и развитие личности ребенка [8]. В Концепции модернизации российского образования подчеркнута важнейшая роль учреждений дополнительного образования детей как одного из определяющих факторов развития склонностей, способностей и интересов личностного, социального и профессионального самоопределения детей и молодежи. Система дополнительного образования детей Российской Федерации в ее новом качественном состоянии развивается на протяжении более 10 лет.

Стратегическая цель государственной политики в области образования – повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина [4]. Развитие общего и дополнительного образования предусматривает индивидуализацию, ориентацию на практические навыки и фундаментальные умения и расширение сферы дополнительного образования. Поскольку дополнительное образование имеет многоуровневую систему социального заказа, иерархия его целей и задач строится по следующей цепочке: общегосударственный уровень – уровень учреждения – уровень образовательного объединения.

Государственная программа включает в себя федеральные целевые программы и подпрограммы, содержащие в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти.

Дополнительное образование осуществляется посредством реализации государственных образовательных программ. В новом Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, от 29.12.2012 (статьи 75, 83, 84) большое внимание уделяется системе дополнительного образования. Ведущей функцией системы дополнительного образования детей является реализация образовательных программ и услуг в целях удовлетворения образовательных потребностей граждан, общества, государства. Это должно способствовать созданию условий для развития индивидуального потенциала учащихся, формированию их готовности к социальной и профессиональной адаптации. В соответствии с законом «Об образовании», к дополнительным образовательным программам относятся:

1) дополнительные общеобразовательные программы – дополнительные общеразвивающие программы, дополнительные предпрофессиональные программы;

2) дополнительные профессиональные программы – программы повышения квалификации, программы профессиональной переподготовки.

Статья 75 поясняет, что «дополнительное образование детей и взрослых направлено на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени. Дополнительное образование детей обеспечивает их адаптацию к жизни в обществе, профессиональную ориентацию, а также выявление и поддержку детей, проявивших выдающиеся способности. Дополнительные общеобразовательные программы для детей должны учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей».

Дополнительные общеобразовательные программы подразделяются на общеразвивающие и предпрофессиональные программы. Дополнительные общеразвивающие программы реализуются как для детей, так и для взрослых. Дополнительные предпрофессиональные программы в сфере искусств, физической культуры и спорта реализуются для детей.

Также интерес в Законе «Об образовании в РФ» по данному вопросу представляет ст. 83 и 84. Например, в п. 3 ст. 83 рассмотрены особенности реализации дополнительного образования в области искусств: «3. Дополнительные предпрофессиональные программы в области искусств реализуются в целях выявления одаренных детей в раннем возрасте, создания условий для их художественного образова-

ния и эстетического воспитания, приобретения ими знаний, умений, навыков в области выбранного вида искусств, опыта творческой деятельности и осуществления их подготовки к получению профессионального образования в области искусств. Дополнительные предпрофессиональные программы в области искусств реализуются в образовательных организациях дополнительного образования детей...».

«3. Дополнительные общеобразовательные программы в области физической культуры и спорта включают в себя:

1) дополнительные общеразвивающие программы в области физической культуры и спорта, которые направлены на физическое воспитание личности, выявление одаренных детей, получение ими начальных знаний о физической культуре и спорте;

2) дополнительные предпрофессиональные программы в области физической культуры и спорта, которые направлены на отбор одаренных детей, создание условий для их физического воспитания и физического развития, получение ими начальных знаний, умений, навыков в области физической культуры и спорта...».

Содержание дополнительных общеразвивающих программ и сроки обучения определяются образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Содержание дополнительных предпрофессиональных программ определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, в соответствии с федеральными государственными требованиями.

Образовательные программы дополнительного образования детей могут быть различных направленностей – научно-технической, спортивно-технической, физкультурно-спортивной, художественной, туристско-краеведческой, эколого-биологической, военно-патриотической, социально-педагогической, социально-экономической, естественно-научной и других направленностей [13].

В целях обеспечения прав ребенка на развитие, личностное самоопределение и самореализацию, расширение возможностей для удовлетворения разнообразных интересов детей и их семей в сфере дополнительного образования, развитие инновационного потенциала государства была принята Концепция развития дополнительного образования детей (утверждена 28 августа 2014 г. на заседании Правительства Российской Федерации). Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. № 1726-р, утверждающее Концепцию развития дополнительного образования детей

В ходе реализации Концепции Минобрнауки России ставит перед собой следующие задачи:

- повышение качества и доступности дополнительного образования для каждого ребенка;
- обновление содержания дополнительного образования детей в соответствии с интересами детей, потребностями семьи и общества;
- развитие инфраструктуры дополнительного образования детей, в том числе за счет обеспечения инвестиционной привлекательности;
- совершенствование нормативно-правовой базы с целью расширения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг дополнительного образования, в том числе содействие в легализации «теневого сектора» сферы дополнительного образования детей;
- формирование эффективной межведомственной системы управления развитием дополнительного образования детей;
- создание условий для участия семьи и общественности в управлении развитием системы дополнительного образования детей.

Список литературы

1. Голованов В. П. Развитие полисферности дополнительного образования детей // Теории и практики дополнительного образования. 2007. № 9. С. 23–27.
2. Горский В. А. Методологические основы содержания, форм и методов деятельности педагога дополнительного образования // Дополнительное образование. 2003. С. 29–34.
3. Егорова А. В. Социально-педагогические условия развития дополнительного образования детей в России : дис. ... канд. пед. наук. М., 2004. 195 с.
4. Журавлева И. А. Образование в ресурсном пространстве молодежи // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований : материалы XVII Всерос. науч. конф. молодых ученых в области гуманитар. и соц. наук / редкол.: В. В. Петров, А. Н. Артемова, О. А. Персидская, А. А. Санженаква. 2019. С. 136–139.
5. Журавлева И. А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–287.
6. Комолова Л. Ф., Швецова О. Н. Синергетический подход к организации системы дополнительного образования в средней школе // Технологии современной дидактики в процессе управления методической работой в школе / под ред. Л. П. Ильенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : АРКТИ, 2008. С. 162–170.
7. Логинова Л. Г. Методология управления качеством дополнительного образования детей : монография. 2-е изд. доп. М. : АПКИПРО, 2019. 360 с.
8. Малых С. В., Полошкевич О. А. Основы продвижения университета : учеб. пособ. Иркутск, ИГУ. 2018. 121 с.
9. Новиков А. М. Российское образование в новой эпохе // Парадоксы наследия, векторы развития. М. : Эгвес, 2000. 272 с.
10. Полошкевич О. А. Корпоративная солидарность университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 12. С. 68–72.
11. Полошкевич О. А. Социальная ответственность университетов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2012. № 11. С. 26–29.
12. Полошкевич О. А., Колесников В. А. Роль образования в жизненном мире молодежи // В мире научных открытий. 2013. № 3–1 (39). С. 312–327.

13. Симонов В. П. Педагогический менеджмент: 50 НОУ-ХАУ в управлении педагогическими системами. М. : изд-во Российское педагогическое агентство, 2005. С. 28–54.
14. Фуникова Н. И. Комплексный подход как фактор организации дополнительного образования детей (региональный аспект): дис.... канд. пед. наук. Челябинск, 1998. 234 с.
15. Ардашев Р. Г. Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания // Социология. 2020. № 3. С. 182–189.
16. Ардашев Р. Г. Астрология в жизни россиян: особенности сознания // Социология. 2020. № 4. С. 95–105.
17. Ардашев Р. Г. Иррациональное мышление: роль астропрогноза в жизни современных студентов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 6. С. 41–44.
18. Ардашев Р. Г. Иррациональность сознания: суеверия в жизни студентов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 4. С. 38–41.
19. Ардашев Р. Г. Вера в сверхъестественное как показатель иррациональности общественного сознания // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. О. Б. Истомина. Иркутск, 2020. С. 243–247.

УДК 371.315.7:(371.21:371.263)

ББК 74.66

Даркина А. В., Воронеж

Стигматизация участников образовательного пространства как новая истина педагогики постмодерна

Статья посвящена изучению поисков истины через практики стигматизации участников образовательного процесса. Показано, что поиски истины в советской педагогике существенно отличались от того, что стало реальностью в новой России. Соответственно, изменился также и опыт стигматизации. Деидеологизация и десакрализация основных сфер общественного бытия обозначили и новые тренды в педагогике. Что касается соотношения истинного/ложного в отношениях «ученик/учитель», истина увязывается с микро- и макротрендами эпохи постмодерна, однако применительно к транзитной российской демократии.

Ключевые слова: педагогика; истина; стигматизация; образовательный процесс; виртуальное пространство.

Darkina A. V., Voronezh

Stigmatization of Educational Space' Participants as a New Truth of Postmodern Pedagogy

The article is devoted to the study of the search for truth through the practice of stigmatizing educational process' participants. It is shown that the search for truth in Soviet pedagogy differed significantly from what became reality in the new Russia. Accordingly, the experience of stigma has changed as well. Deideologization and desacralization of the main spheres of social life marked new trends in pedagogy. As for the ratio of true / false in the relationship "student / teacher", the truth is linked with the micro- and macro-trends of the postmodern era, but in relation to the transitional Russian democracy.

Keywords: pedagogy; true; stigmatization; educational process; virtual space.

Стигматизация – распространенное явление общественного бытия, имеющее наибольшее присутствие в социально уязвимых локусах. Одним из таких мы полагаем педагогику и процессы, напрямую

связанные с ней (образование, воспитание, самообразование). Советский опыт наложил существенный отпечаток на формирование социальных предпочтений широких слоев населения, что вызвано самой идеей построения общественных отношений. Запроса на истину в социальном понимании не существовало, именно это способствовало стигматизации участников педагогической деятельности и всей системы «образование/воспитание» в целом. Каковы источники представлений об истинности существовавшего положения вещей? В СССР истина находилась под непрерывным контролем государства-партии, ею управляли, она являлась анонимной и предельно идеологизированной. Истина самообразования [Напр, 3; 6] создавала аллюзии на самостигматизацию (педагог должен выкладываться на рабочем месте полностью, пренебрегая своими потребностями), что фактически передалось на бессознательном уровне последующим поколениям людей, далеких от советских повседневных практик.

В демократическом обществе истина трансформируется в сторону виртуализации и цифровизации, однако несмотря на открытость источников информации запрос на истину снижается. Истина мозаична, таковыми становятся и стигматы: те, кто еще вчера обсуждался (и осуждался), завтра останется незамеченным. Сакральное перестает быть таковым, дихотомия «общественное/частное» разрушается, на месте «обломков» появляются новые пространства вариантов развития событий. Стигматизация как следствие десакрализации и демифологизации истины многозначна: субъекты педагогического процесса фактически не принадлежат сами себе, пространство социальных сетей и образовательных ресурсов позволяют сторонним участникам внедряться в связи, выстроенные по законам профессии и таким образом нарушать их, обозначая дополнительные стигматы.

Гиперреальность создает все больший сенсорный голод, становящийся метафизической проблемой и дилеммой для современного человека. Репрезентация постсоветских травм, связанных с профессией учителя, происходит в иных условиях и по иным «законам жанра». Поля стигматизации трансформируются не в пользу педагога, он становится максимально объективированной единицей. Феноменология гиперпространства вызывает новое онтологическое состояние подмены истинного ложным в микронарративах социальных медиа. Схема «Десакрализация / дискриминация / стигматизация» внедряется в сознание не только посредством пропаганды, но и через виртуальное пространство: с одной стороны, с учетом того что общество стало более открытым, появилось больше возможностей самореализации вне

стен школы, и кто-то из учителей может заниматься не вполне понятными/приемлемыми с точки зрения общественности (коллег, родителей...) видами деятельности [1], с другой – означенные тренды способствуют маргинализации тех участников образовательного процесса, кто излишне «отличается» от неких негласных «норм», как правило, привнесенных в сознание публики из тоталитарного прошлого [2].

Известно, что виртуальное пространство обладает свойством суггестивности, и люди могут не заметить, как начинают обвинять, т. е. стигматизировать; медиа – это своего рода проводник, направляющий субъекта по тому или иному пути. Субъект и объект познания все более удаляются друг от друга, возникает дегуманизация с потребительской составляющей [8], причем отчетливо может прослеживаться «внутренний расизм», при котором само педагогическое сообщество склонно «назначать» виноватых их числа своих коллег. Истинность / ложность комментариев / действий не принимается во внимание, уступая место эмоциональной составляющей, что уводит педагогическое сообщество еще далее от необходимости непредвзято оценивать ту или иную ситуацию.

Стигматизация – излюбленное занятие для большинства, стремящегося избавиться от «крайних» непохожих на них по внешнему виду / поведению / образу жизни / заслугам элементов. Это характерно как для состоявшихся людей, нашедших свое место в социуме, так и для только ищущих [Напр.: 7]. Истинное здесь незаметно, но с удовольствием подменяется ложным. Статус субъекта в построении (стигматизированной) реальности фактически не имеет значения: важен посыл. Стигматы порождают новую педагогическую, мировоззренческую и, в общественном смысле, историческую действительность.

Поиски истины в педагогическом пространстве стали еще более размытыми в 2020 г. Пандемия сместила планы, задачи и направления обучения как для взрослых, так и для детей. Категории «обучающий» и «обучаемый» стали расплывчатыми в силу двоякости ситуации: многие учителя в сложившихся условиях были вынуждены обращаться к ранее неизвестным практикам обучения через образовательные платформы разного уровня, а сами студенты/школьники стали создавать временные пространства для поисков/изобретения «удобной» истины в целях оправдания своего бездействия по отношению к выполнению предоставляемых преподавателем заданий. Общество оказалось в непростой ситуации: практики персональной стигматизации отошли на второй план, взамен этому возникло понимание того, что виноваты сами социальные подсистемы (не предоставившие доступа к

ряду ресурсных образовательных проектов и платформ), а не конкретные субъекты педагогического процесса. Истина стала предельно упрощенной с налетом бытовых неурядиц, не позволяющих в должной степени осваивать учебные программы. Поля пересечения истины, верифицируемости и фальсификации образовательной деятельности затронули все общество, однако сами вопрошающие едва ли остались удовлетворены недостаточностью получаемых ответов на свои вопросы: не каждая организация оказалась в состоянии предложить широкий спектр цифровых ресурсов для детей, как и не каждый педагог смог в одночасье переориентироваться на проведение онлайн занятий.

Создававшиеся до начала эпидемии культурные коды претерпели изменения: от поисков истины все акторы перешли к осознанию потребности разобраться в текущей ситуации. Культурные коды стали цифровыми, т. е. менее формальными: так, личное/рабочее пространство учителя исказилось, оно переместилось с рабочего места (аудитории) на территорию квартиры/дома, откуда и пришлось вынужденно выполнять свои должностные обязанности, общаться с коллегами/кураторами групп/руководством/родителями. На уровне организации поиск стигматизированных, вероятно, усложнился: выставленная оценка не всегда отражает учебный потенциал того или иного обучающегося (трудно проконтролировать процесс выполнения домашнего задания), другие, не выполнявшие работу, получили удовлетворительный результат в итоге [Напр.: 5]. Уравнивание – свойство, присущее советскому опыту, и происходящее в некоей мере создает коннотации минувшего [4]. Истинность/ложность процесса обучения отныне в меньшей степени озадачивает все стороны; каждый стремится освоить соответствующую статусную позицию/нишу текущего положения дел. В то же время запрос на истину возрос многократно, актуализировав смежные проблемы социальной сферы (связь образование и здравоохранения, образования и онлайн-воспитания).

Может ли истина создавать стигматы? Могут ли стигматы создавать истину? Интернет-пространство гетерогенно; гетерогенными становятся и сами стигматы. Виртуальная абстракция становится тем направлением, куда устремлено сознание пользователя – переживание постмодерной действительности с ее экзистенциальными кризисами и, отсюда, попытками стигматизировать всех и в первую очередь самого себя и свое бытие. Онтологические взаимосвязи создают систему отношений субъекта к используемым в работе средствам. Стигматы попадают на благодатную почву трендов демократического транзита с попытками «назначить виновных во всех бедах», однако теряются

(утрачиваются) в абстрактном виртуальном континууме (обсуждение учителей в блогах / студентами друг друга). Представляется, что истина заключается в том, что виртуальность, как и сами стигматы, лишена объективного существования вне индивидуального восприятия, т. е. за гранью индивидуального восприятия нет ни истины, ни стигматов как таковых. Стигматы, как представляется, являлись необходимыми в доковидную эру по причинам субъективных представлений о допустимом со стороны учителей, случайными – в разгар эпидемии вследствие смещения фокуса внимания на иные насущные проблемы. Истина, следовательно, спекулятивна и зависима от общественных трендов, что мы полагаем характерным именно для транзитного российского общества.

Истинно ли восприятие происходящего? Существующая модель (гипер)реальности чревата непостоянством ощущений вследствие не зависящих от воли субъекта причин (отключение электроэнергии, ограничение трафика по причине недостатка средств), следовательно, индивидуальные представления о виртуальности гетерогенны и, следовательно, непрочны. Поток восприятия образов из пространства Сети может прерываться, что отражается на результативности образовательного процесса и «назначении» виновных [Напр.: 8].

COVID-19 стал индикатором социальных трансформаций, и именно этот неизвестный ранее вирус создал иные версии стигматизации, переняв на себя удар общественного недовольства. Эпидемия «убрала» противопоставление прошлого и настоящего (отечественного советского и современного российского образования), объединяя субъекты и объекты педагогического процесса в непрерывный поток. Этот новый феноменальный опыт выступает «новым источником вдохновения» для исследователей и самих действующих лиц как в контексте микро-, так и метанарративов. Интернет играет роль макролюкса социальных трансформаций и их последствий. Смыслы утрачивают прежнее значение, стигматы появляются и исчезают чрезвычайно непредсказуемо. Взаимоотношения между субъектом и образовательной средой будут все теснее, возникнут новые онтологические состояния. Персональный компьютер и переносные мобильные устройства и далее послужат базисом знаний и построения социального опыта с виртуальным уклоном. Не исключено примирение субъекта и истины, где посредниками служат гаджеты, а «действующими лицами» – ушедшие онлайн участники педагогического процесса.

Список литературы

1. В Барнауле учительницу вынудили уйти из школы за фото в купальнике URL: https://1tv.ru.turbopages.org/1tv.ru/s/news/2019-03-26/362572-v_barnaule_uchitelnitsu_vynudili_uyti_iz_shkoly_za_foto_v_kupalnike (дата обращения: 02.11.2020).
2. 800 саратовских учителей уволились со своих рабочих мест URL: <https://saratov.mk.ru/social/2020/10/31/800-saratovskikh-uchiteley-uvolilis-so-svoikh-rabochikh-mest.html> (дата обращения: 02.11.2020).
3. Ганьшина Г. В. Гуманистические идеи педагогики сотрудничества В. А. Сухомлинского // Российские регионы: взгляд в будущее. 2014. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanisticheskie-idei-pedagogiki-sotrudnichestva-v-a-suhomlinskogo> (дата обращения: 03.11.2020).
4. Королева И. А., Дегтярева Ю. А. Векторы влияния стигматизации в школе // Евразийский союз ученых. 2016. № 1-5 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vektory-vliyaniya-stigmatizatsii-v-shkole> (дата обращения: 03.11.2020).
5. Льготные условия для двоечников узаконены URL: <https://www.pravda.ru/society/1182738-education/> (дата обращения: 02.11.2020).
6. Пироженко Л. В. Содержание школьного образования как составляющая педагогической системы В. А. Сухомлинского // Проблемы современного образования. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-shkolnogo-obrazovaniya-kak-sostavlyayuschaya-pedagogicheskoy-sistemy-v-a-suhomlinskogo> (дата обращения: 03.11.2020).
7. Полякова М. В. Как управлять педагогической стигмой // Colloquium-journal. 2020. № 19 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-upravlyat-pedagogicheskoy-stigмой> (дата обращения: 03.11.2020).
8. Почему родители начали считать, что мы им обязаны? URL: <https://pedsovet.org/beta/article/pocemu-roditeli-nacali-schitat-cto-my-im-obazany> (дата обращения: 03.11.2020).
9. Почему учеба в школе превращается в кошмар для родителей URL: <https://rg.ru/2019/08/15/metodist-dala-sovety-po.html> (дата обращения: 03.11.2020).

УДК 377.53
ББК 74.53.2

Тайсумова Ф. И., Тайсумова Х. В., *Грозный*

Характер и перспективы развития современного этапа реформирования системы образования в Российской Федерации

В статье определен характер и обозначены перспективы развития современного этапа реформирования системы образования в Российской Федерации. Рассмотрены задачи системы образования. Рассмотрены факторы, влияющие на изменение структуры образовательного учреждения (дошкольного, среднего и высшего), уровень квалификации педагогических работников, совокупность изучаемых предметов и дисциплин, учебно-методическое и материально-техническое обеспечение, методики и формы организации учебного процесса.

Ключевые слова: реформирование, система образования, инновации, общее образование, федеральный государственный образовательный стандарт.

Taysumova F. I., Taysumova H. V., Grozny

The Nature and Development Prospects of the Current Stage of Reforming the Education System in the Russian Federation

The article defines the nature and outlines the prospects for the development of the current stage of reforming the education system in the Russian Federation. The tasks of the education system are considered. The factors influencing the change in the structure of an educational institution (preschool, secondary and higher), the level of qualifications of teaching staff, the totality of subjects and disciplines studied, educational and methodological and material and technical support, methods and forms of organization of the educational process are considered.

Keywords: reforming, education system, innovation, general education, federal state educational standard.

Реформирование российской школьной системы образования идет в условиях достаточности нормативной правовой базы, однако при реализации реформ используются «старые» инструменты, нивелирующие инновационный контекст. При росте численности обучающихся в системе общего образования и реструктуризации школ в ситуации «ресурсного сжатия» лишь в ограниченной степени проводится оценка эффективности расходования бюджетных средств и социально-экономических рисков. Темпы прироста охвата детей общим образованием замедляются, причем доминирующим фактором прерывания детьми обучения в школе остается состояние школьной среды (социально-психологические конфликты в школе). На фоне «инфраструктурного сдвига», высокого износа школьной инфраструктуры и растущих финансовых потребностей школ уровень и темпы развития негосударственного сектора системы общего образования, включенность бизнес-структур (в том числе развитие форм частно-государственного партнерства) остаются невысокими. Введение федерального государственного образовательного стандарта общего образования в систему, характеризующуюся «старым» содержанием образования, методов и технологий обучения, образовательных программ, формирует «инновационный барьер», при котором инновационные подходы сталкиваются с традиционными механизмами реализации и уступают им. Обновление учительского состава школ замедляется, сохраняется архаичность модели педагогического образования, а механизмы общественного продвижения и принятия решений по формированию национальной системы учительского роста и системы повышения профессионального уровня педагогических работников общеобразовательных организаций остаются неразработанными.

Совершенствование процедур государственной итоговой аттестации в сочетании с наблюдаемым снижением среднего балла по предметам по выбору обучающегося и отсутствием инструктивно-

методической базы комплексной оценки результативности обучения школьников (оценки качества обучения) вызывает обоснованные нарекания к ГИА и ставит вопрос о необходимости создания новых механизмов повышения уровня грамотности обучающихся. Традиционный механизм выявления талантливых детей и молодежи в условиях появления нового содержания и технологий обучения, трансформации школы, изменения запросов учеников требует преобразования в сфере прозрачности и доступности образования. Помимо проблем в этой системе образования справедливо было бы отметить и неоспоримые успехи школьного образования: инновационный закон об образовании, внедрение федеральных государственных образовательных стандартов, отработанную систему подготовки педагогов для детских садов и начальной школы.

Таким образом, школьное образование в России характеризуется целым комплексом разнонаправленных тенденций. Опыт показывает, что, будучи запущенными, они будут так или иначе развиваться. Но их взаимодействие и его возможные результаты – вопрос, требующий самостоятельного детального анализа. Реформирование систем образования в странах мира обусловлено как внутренними (обусловленными трансформацией сферы образования), так и внешними вызовами (определяющими специфику используемых инструментов, принципы, подходы и сценарии развития), которые характерны и для школьного образования.

Процесс обновления «школьной системы» связан с комплексным подходом, не только включающим обновление ресурсов школы, своевременную реакцию на изменения социоэкономической среды, в которой функционирует школа, но и подразумевающим наличие положительного имиджа у инноваций в школе. Эффективная система инновационного развития школы – это национальная и региональная поддержка школьных инноваций, основанная на совместной работе и практиках всех заинтересованных сторон. Внешняя оценка школ в ряде стран (Франция, Литва, Польша, Великобритания и др.) связана в большей степени не с определением «слабых мест» в деятельности школы, а с поддержкой, повышением статуса успешных инновационных практик в школе. Инновации в школьном образовании понимаются не как перемены ради перемен, а как четкое видение качественного образования, содействие учащимся в развитии их способностей, разработка новых подходов к организации школы, преподавания и обучения.

Важнейшим трендом в образовательной сфере стран Европы является процесс формирования национальных стратегий мониторинга

реформ системы образования, учитывающих национальные особенности. Мониторинг эффективности реформирования систем образования стран ЕС базируется на количественных и качественных оценках мер государственной политики, ориентированных как на расширение сотрудничества, так на рост конкурентоспособности каждой из стран на рынке образовательных услуг. Мониторинг позволяет «визуализировать» результаты работы и конкретизировать стратегические приоритеты для системы образования (например, качество педагогического образования и непрерывного профессионального развития, модернизация профессионального образования и высшего образования, инвестиции в образование и пр.), а также создать основу для межстрановых сопоставлений и взаимного обучения, обмена успешными практиками.

Инновационное развитие школьного образования ориентировано на развитие условий обучения (как реальных, так и виртуальных) и совершенствование практик и партнерств.

Инновации школьного образования:

- направлены на обеспечение качественным образованием всех учащихся и связаны с внедрением процессов или практик, которые доказали свою эффективность в других странах;

- играют решающую роль в создании возможностей школы для развития и совершенствования;

- как правило, разноуровневые (включая управление школьной системой, а также самой школой) и не ограничиваются аудиторными занятиями [1].

По данным социологического исследования в 2008 г., в среднем в Европе 2/3 учителей средней школы считали, что школьная среда, в которой работает учитель, не поддерживает инновации или активно препятствует им, но к 2016 г. данный показатель снизился на 65 %. Роль учителя в обновлении школьной среды неоспорима. Там, где в школах сотрудникам предоставляется возможность принимать активное участие в принятии школьных решений, педагогическая культура, общая ответственность учителей за вопросы школы значительно выше. Учителя, активно участвовавшие в принятии школьных решений, заявили, что они удовлетворены своей профессией (93,6 %) в отличие от тех, кто не нашел эти условия в своих школах (81,1 %) [2].

Вместе с тем международные исследования указывают на сравнительно низкий уровень совместных практик в школе, поскольку это требует существенных изменений в рабочей культуре. В странах ЕС по-прежнему высоко количество преподавателей, которые не занимаются профессиональным развитием. В 2015 г. в среднем 15 % учите-

лей из стран ЕС заявили, что они не участвовали в течение предыдущего года в формах профессионального развития; только один учитель из трех участвует в сетевом сообществе учителей. По мнению большинства европейских учителей, механизмы обратной связи мало влияют на карьерный рост (67 %) и финансовое положение (78,9 %). Около половины преподавателей считают, что большинство экспертиз проводится только для административного контроля и не отображают реального положения в школе. Учителя и руководители школ играют важную роль для инноваций на уровне школы. Ожидается, что они, являясь профессионалами, способны к инновациям в своей повседневной практике, и в то же время являются агентами перемен в интересах развития школы. За последние десятилетия наблюдается увеличение диапазона инновационных педагогических практик в системе начального и среднего образования. Высокий уровень преподавательского состава при условии достаточной автономии школы может поддерживать потенциал образовательных инноваций сотрудников. Кроме того, более высокая степень участия в принятии решений, касающихся развития школы, может дать учителям возможность для поддержки инноваций в школе [3].

Анализ реформ российской школы показал, что ключевым вызовом для системы образования является скорость происходящих изменений. Если связывать будущее Российской Федерации с инновационным путем развития, то переход к опережающему образованию неизбежен. Уже сегодня необходимо готовить специалистов, которые потребуются завтра. Введение ФГОС – это большой шаг вперед.

Перспективы развития образования до 2030 г.:

- обучение станет более индивидуализированным;
- роль учителя-лектора сменится наставником и «организатором обучения»;
- активное использование онлайн-ресурсов и технологий сетевого общения;
- английский язык будет международным языком образования;
- государственные средства перестанут быть главным источником финансирования образования – старшая школа и вузы будут финансироваться частными компаниями или семьями;
- глобальные международные тенденции будут встречать в России серьезное сопротивление, сохранится «тотальная централизация управления и ресурсного обеспечения – унификации учебников и образовательных программ».

Список литературы

1. Клячко Т. Л. Последствия и риски реформ в российском высшем образовании М. : Дело : РАНХиГС, 2017. 52 с.
2. Приказчикова О. В., Терентьева И. А., Черепова И. С. Государственно-правовое обеспечение образования в Российской Федерации : учеб. пособие. Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2018. 378 с.
3. <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11203.pdf>

УДК 316.74:374

ББК С55.55

Гильдебрандт А. И., Фейткевич Н. А., *Иркутск*

Концепт «непрерывное образование» как один из ресурсов приближения к социальной истине

Рассмотрен концепт «непрерывное образование» сквозь призму приближения к социальной истине. Охарактеризованы причины актуализации и вывода на новый уровень вопроса о необходимости постоянного развития человеком своих профессиональных и надпрофессиональных навыков. Обоснована важность следования концепту lifelong learning с целью гармоничного сосуществования человека с динамично развивающейся социальной действительностью.

Ключевые слова: социальная истина, непрерывное образование, надпрофессиональные навыки, социальный феномен.

Gildebrandt A. I., Feytkevich N. A., *Irkutsk*

The Importance of the Concept of “Lifelong Learning” in the Aspect of Considering the Phenomenon of Social Truth

The article examines the concept of “lifelong learning” through the prism of approaching social truth. The authors characterize the reasons for updating and bringing to a new level the issue of the need for a person's constant development of his professional and over-professional skills. The article substantiates the importance of following the concept of “lifelong learning” with the aim of harmonious coexistence of a person with a dynamically developing social reality.

Keywords: social truth, lifelong learning, soft skills, social phenomenon.

Абстрагируясь от сущности понятия «социальная истина», а ориентируясь только на лингвистический компонент словосочетания, отметим, что звучит оно несколько противоречиво. С одной стороны, «истина» – нечто фундаментальное и неоспоримое, а с другой – прилагательное, которое практически всегда ассоциируется и подразумевает под собой что-то меняющееся, развивающееся и динамичное. На наш взгляд, социальную истину всегда очень проблематично определить и назначить ее таковой в последней инстанции именно из-за того, что здесь идет речь о социуме – динамично развивающейся человеческой общности. Так, Аллен Бадью отметил, что «пока случается только то, что соответствует правилам некоего положения вещей, возможно

конечно же, познание, правильные высказывания, накопление знаний; невозможна здесь истина. Истина парадоксальна тем, что она одновременно и внове, следовательно – нечто редкостное, исключительное, и, затрагивая самое бытие того, истиной чего является, наиболее прочна, наиболее, говоря онтологически, близка к исходному положению вещей» [1, с. 16–17].

Взяв во внимание тот факт, что социальная истина носит динамичные характер, мы можем говорить о тех ресурсах, которые способны при их использовании помочь нам не постигнуть эту самую социальную истину, а хотя бы приблизить нас к ней. В качестве одного из таковых мы хотели бы рассмотреть жизненную позицию и способ организации своей деятельностью – получивший в последнее время большое внимание, концепт *lifelong learning*. Придерживаясь данного концепта, человек способен всегда «идти в ногу со времени», соответствовать социальной действительности на каждом этапе развития общества и таким образом всегда быть по максимуму приближенным в своих действиях и понимании происходящего вокруг с социальной истиной.

«Обучение длиною в жизнь», «непрерывное обучение», «обучение на протяжении всей жизни» – все чаще в последнее время мы слышим эти выражения. Причиной этого является актуализация и вывод на новый уровень вопроса о необходимости постоянного развития человеком своих профессиональных и надпрофессиональных навыков. Как и большинство научных концепций, теорий и убеждений данный вопрос получил свою актуализацию в западном обществе и в силу этого, многими учеными и обычными обывателями концепт *lifelong learning* и его перспективность ставится под большое сомнение. Причинами тому является специфика нашего общества и вытекающая из нее система образования, которая носит традиционный и несколько консервативный характер. Безусловно, данный вопрос достаточно обосновано ставится под сомнение, но, на наш взгляд, не меньше оснований говорить о том, что данный концепт применим, актуален и может сосуществовать в гармонии с нашей российской действительностью.

Во-первых, кажется, что на сегодняшний день мы живем в более индивидуалистическом мире нежели жили наши предшественники в нашей стране и в этом отношении традиционные социальные институты уже не так фундаментальны и безальтернативны, как были прежде. Сегодня наблюдается снижающееся чувство принадлежности к традиционным ориентирам общества – церкви, образованию, одному рабочему месту. В этом отношении человек в целом становится

более мобильным в социальном плане, чаще двигается по вертикальным и горизонтальным лифтам, что сопровождается необходимостью роста своего человеческого капитала, одной из фундаментальных составляющих которого и является образование. Таким образом, наблюдается тенденция необходимости постоянного или непрерывного образования.

Во-вторых, взглянув уже с чисто технологической точки зрения и опустив идеологическую, отметим, что цифровизация и становление «сетевого общества» предполагает изменения и устойчивых форм деятельности человека, таких как работа и образование. Образцы работы и жизни меняются по мере того, как снижается количество браков, все больше женщин выходят на работу и все больше мужчин играют активную роль в воспитании детей. Цифровые рынки упрощают объединение покупателей и продавцов во времени и пространстве, а также меняют то, что мы понимаем под владением, поскольку мы все чаще платим за доступ к товарам (например, книгам, музыке), а не покупаем их напрямую. Мы также постепенно смотрим на наши потребительские привычки через призму устойчивости и этического выбора, например, в отношении использования электромобилей или других попыток уменьшить наше влияние на планету. Таким образом, с развитием общества происходят постоянные пертурбации определенных рыночных и социальных устоев, что в свою очередь провоцирует людей соответствовать этому.

Здесь, образование играет решающую роль в вооружении людей необходимыми навыками, знаниями и установками, чтобы преуспевать в их современной личной и профессиональной жизни. По мере того, как мир становится все более цифровым, система образования должна адаптироваться и развиваться, чтобы использовать преимущества инструментов и сильных сторон новых технологий. Но если взять во внимание, что большинство людей находятся уже в ситуации «закрытого гельштальта» относительно образования, когда сталкиваются с необходимостью соответствовать современным реалиям, то следует подчеркнуть актуальность именно концепта «образования длинную в жизнь». Российской общество в этом отношении не исключение. Какой бы не была действительность того или иного общества, такие процессы, детерминированные процессом глобализации и повсеместного развития мирового сообщества, гораздо сильнее сказываются на человеке и обуславливают его взгляды, идеи и действия.

Также отметим, что процесс цифровизации создает такое огромное количество возможностей для образования человека вне стен

классического или точнее сказать традиционного образования, что не пользоваться ими уже представляется достаточно затруднительным.

Помимо этого, сегодня мы видим, что появляются тренды на определенные социальные феномены, которые предопределяют успешность существования концепта *lifelong learning*. Здесь можно отметить тренд на акцентирование на так называемых *soft skills*, т. е. на надпрофессиональных навыках, что идет в некоторый разрез с традиционным образованием. Также следует отметить, что существует тренд на активную гражданскую позицию, на постоянное формирование и особенно демонстрацию символического капитала человека, который основан на интеллектуальном, социальном и в целом человеческом капитале. А формирование последнего невозможно без развития собственных навыков путем классического и нетрадиционного образования. Да, данные тенденции в большей мере присущи молодому поколению. Но ведь именно молодежь – двигатель прогресса и нельзя не отметить ее влияние в этих аспектах на более возрастное поколение.

Ну и наконец, нельзя обойти ту тему, которую вообще сложно обходить последнее время – тему пандемии «COVID-19». «Коронакризис» показал, как определенные субъективные факторы могут «жестко» вмешиваться в социальные реалии и менять социальную действительность. Пандемия оставила без трудовой деятельности многих людей, целые сферы перестали временно или вовсе функционировать. С меньшими потерями из данной ситуации вышли те люди, которые были готовы к быстрой профессиональной переподготовке, переквалификации или которые просто имели большую базу различных профессиональных и надпрофессиональных навыков, сформированных путем непрерывного образования, как самостоятельного, так и в рамках данного социального института.

Таким образом, взяв во внимание рассмотренные нами сегодня аспекты актуальности концепта «непрерывного образования», отметим, что данный концепт может и главное должен гармонично сосуществовать с нашей российской действительностью. Это может предопределить потенциальный успех на внутреннем рынке труда каждого отдельного человека и на мировом рынке государства в целом. В заключении хотелось бы отметить, что не зря знаменитое высказывание Сенеки, которое у нас звучит как «век живи – век учись», так прижилось и стало часто употребительным в русском языке.

Список литературы

1. Бадью А. Манифест философии. Манифест философии / сост. и пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

2. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. М. : Весь мир, 2003. 130 с.

3. Непрерывное образование и потребность в нем / отв. ред. Г. А. Ключарев. М. : Наука, 2005. 200 с.

4. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», Университетская книга, 2004. 416 с.

УДК 332.1
ББК 74.580

Подковенко А. Г., *Иркутск*

Коммуникационные компетенции как один из важнейших гибких навыков современного выпускника университета

Акцентируя внимание на навыке публичных коммуникаций, исследуется актуальность коммуникационных компетенций выпускников университета. Делается вывод, почему данный навык, несмотря на всеобщую компьютеризацию, только укрепляет свои позиции и пользуется спросом у работодателей.

Ключевые слова: компетенции, выпускник университета, публичные коммуникации, гибкие навыки.

Podkovenko A. G., Irkutsk

Communication Competencies as one of the Most Important Soft Skills of a Modern University Graduate

The article examines the relevance of such competencies of university graduates as communication, focusing on the skill of public communications. The rationale is given for why this skill, despite universal computerization, only strengthens its position and is in demand among employers.

Keywords: competencies, university graduate, public communications, soft skills.

Высшие учебные заведения в последнее время перестали быть кузницей кадров, которых согласны без особых вопросов принять работодатели на службу. Современные реалии диктуют важность нового подхода самореализации для студентов и выпускников вузов. Так, одними из важнейших показателей для того или другого вида деятельности являются *soft skills* и *hard skills* – комплексы гибких и жестких надпрофессиональных навыков, которые дают дополнительные «баллы» выпускникам университетов при конкурсе на рабочее место.

Коммуникационные компетенции, о которых и пойдет речь в данной работе, относятся к гибким навыкам, которые не относятся к конкретным предметным областям, но отвечают за успешное участие в личной и командной работе, а также высокую производительность. К таким навыкам можно отнести дисциплину, менеджерские способности и социальные навыки. В контексте изучения основных комму-

никационных компетенций среди гибких навыков, хотелось бы отдельно отметить такой, как навык публичных выступлений.

Компьютеризированная действительность загоняет нас в рамки экранов своих смартфонов и ноутбуков, оставляя где-то в прошлом шумные дискуссии, отстаивание перед толпой своей точки зрения и защиты перед судом. Разного рода высказывания все больше переходят в текстовый формат, который требует большего времени на обдумывание. Это приводит к тому, что коммуникационные навыки молодежи сильно снижаются. Когда приходит необходимость высказаться, защитить ту или иную работу, вступить в дискуссию в режиме реального времени, здесь и сейчас, происходит ступор. Это одна из причин, по которой навык хорошо и убедительно разговаривать в офлайн-формате все более актуален для современного студента и выпускника университета.

На сегодняшний день навык публичной коммуникации является одним из показателей конкурентоспособности молодых людей, только что покинувших стены вузов. По данным исследования «Практико-ориентированная компетентностная модель подготовки выпускника вуза, конкурентоспособного на рынке труда в условиях модернизирующегося региона», проведенного в 2009 г. в Красноярске среди работодателей и выпускников, в числе важнейших коммуникативных умений обе группы респондентов выделяют навык управления своими эмоциями, поведением (41,8 и 50,0 %), умение аргументировано доказать свою точку зрения (45,4 и 60,5 %), умение выбирать оптимальный стиль общения в деловых ситуациях (52,7 и 50,0 %) [2]. Обращаясь к истории, упомянем высказывание Дж. Рокфеллера: «Умение общаться с людьми – такой же покупаемый за деньги товар, как сахар или кофе. Я готов платить за это умение больше, чем за какой-либо другой товар в этом мире».

Проблема заключается в том, что сегодня студент может научиться навыку публичной коммуникации, конфликтологии и подачи себя в основном только глядя на своих одногруппников или преподавателей. Несмотря на высокую востребованность данных умений, получить их они могут только на занятиях риторики, которые не включены в большинство учебных планов. Если в средневековой Англии, когда академическое красноречие достигает пика, изучая максимально подробно и комплексно все грани ораторского мастерства, то сегодня риторика редко преподается на системном уровне. Есть курс лекций и семинаров, однако встречается он в очень малом количестве учебных планов.

Взращивание профессиональных коммуникативных компетенций возможна благодаря не только преподнесению теоретического материала, но и его закреплению в практической среде. Возможности разнообразны: от разбора выступлений с докладами на семинарах, до участия в лигах дебатов. Акцентируем важность участия в подобных мероприятиях не только студентов, которым навык публичной коммуникации так или иначе пригодится в обозримом будущем. Необходимо участие самих преподавателей, для которых участие в мероприятиях, нацеленных на укрепление навыка публичной коммуникации, станет одним из факторов развития собственных компетенций, а также демонстрация студентам собственного примера.

По мнению футуролога Скотта Стейнберга, в ближайшие 5 лет навык межличностного общения только укрепит свои позиции, поскольку в мире, где общение в основном происходит на платформах вроде Zoom, понимание того, как говорить с людьми, является ключом к поддержанию межличностных отношений и успешному решению проблем. Стоит отметить, что речь идет не только о том, что и как говорить или писать друг другу, но об активном слушании и концентрации на чувствах. Именно здесь умение выстроить публичную коммуникацию соприкасается с еще одним востребованным навыком как эмоциональный интеллект. Важность умения управлять своим и командным эмоциональным фоном повышается с каждым годом, в связи с увеличением внешних вызовов, негативного информационного давления и ускорением различных социальных процессов [1].

Таким образом, важность развития коммуникативных компетенций студентов растет достаточно стремительно. Необходимо не только централизованное решение ректоратом, но и заинтересованность самих преподавателей. Это позволит улучшить компетентностную подготовку выпускников университета.

Список литературы

1. Футуролог назвал 5 самых ценных навыков будущего. URL: <https://incrusia.ru/news/vostrebovannye-naviki/> (дата обращения: 07.11.2020).
2. Хошлова М. Компетенции конкурентоспособного молодого специалиста: мнение работодателей и выпускников // Телескоп. 2014. № 2 (104). С. 26–31.

УДК 378.147
ББК С547.7

Мадойкина Е. В., Гуринович Л. А., *Иркутск*

Современная кружковая деятельность как форма социальной работы с обучающимися в образовательных организациях

Рассматривается влияние применения кружковой работы как технологии обучения реализации проектов по актуальным тематикам. Обсуждается идея обучения подростковой молодежи в образовательных учреждениях для разрешения современных проблем, в том числе касающихся распространения специфических девиаций. Отмечаются актуальные формы социальной работы по эффективной реализации проекта в образовательном учреждении.

Ключевые слова: воспитание, современная кружковая деятельность, социальная работа, образовательные организации.

Madoykina E. V., Gurinovich L. A., *Irkutsk*

Modern Circle Activities as a Form of Social Work with Students in Educational Organizations

The article examines the influence of the use of circle work as a learning technology for the implementation of projects on topical topics. The authors propose the idea of teaching adolescent youth in educational institutions to solve modern problems, including those related to the spread of specific deviations. The authors research and propose current forms of social work for the effective implementation of a project in an educational institution.

Keywords: upbringing, modern circle activities, social work, educational organizations.

Молодые люди подросткового возраста в любые времена весьма сложно реагируют на многие аспекты собственной жизни: от наличия взаимопонимания с окружающими до нюансов собственного развития в сравнении с теми, кто для них является значимыми другими. Несмотря на внедрение в наше пространство виртуальных технологий, наиболее эффективным является работа с подростками именно во внеучебное время, на уровне субъект-субъектных взаимодействий. В образовательном процессе для многих обучающихся важным является и получение дополнительных навыков, что осуществляется в различных формах дополнительного образования и включено в воспитательный процесс в виде кружковой деятельности. Традиционно этот вид деятельности осуществлялся педагогами в образовательных учреждениях. Смена поколений и выход в образовательное пространство миллениалов поставил остро вопрос о необходимости расширения педагогического состава социальными педагогами и специалистами по социальной работе. Такие специалисты будут восприниматься не менторами, а тьюторами, что повысит уровень доверительности и эффективности работы с подростками по решению многих проблем: самоактуа-

лизации, повышение уровня информированности о различных уровнях безопасности, самосовершенствования и самоконтроля. Так, в подростковом возрасте девушки стараются при помощи специальных диет, использования «чудо-добавок» приобрести «модельную» фигуру, гладкую чистую кожу и т. д., потому что требования социальной реальности и общества к красоте людей повышаются, а сопровождение отсутствует, если не считать тех, кто готов зарабатывать на таких подростках, обещая горы успеха и море побед в различных конкурсах.

В настоящее время в современном обществе проблема отклонений пищевого поведения среди подростков приобретает все большую актуальность. Это связано с тем, что питание детей, да и в целом всех стало изменяться. Повысилась распространенность продукции предприятий быстрого приготовления, чаще употребляются в пищу полуфабрикаты, копченые продукты, газированные сладкие напитки и т. д. Это приводит к изменению пищевого поведения у детей. Именно в подростковом возрасте формируются основные привычки, закладывается фундамент общечеловеческих ценностей. Подростковый возраст является наиболее уязвимым, учитывая сложные гормональные, физические и психологические перестройки организма. В этой связи проблема пищевого поведения и его нарушений требует комплексного анализа причин избыточного веса, эффективной организации профилактики нарушений пищевого поведения среди школьников, направленных на предупреждение развития болезни, сохранение здоровья и улучшения качества жизни. Школьный возраст является тем ключевым периодом развития человеческого организма, в котором завершается формирование скелета и скелетной мускулатуры, происходит резкая нервно-гормональная перестройка, лежащая в основе полового созревания подростков, возникают качественные изменения в нервно-психической сфере, связанные с процессом обучения [1].

Как правило, нарушение пищевого поведения у подростков связаны с заниженной самооценкой, негативными мыслями и чувствами по поводу своего веса, и как следствие, выработки системы питания и привычек, нарушающих нормальное функционирование организма. Нарушение пищевого поведения более распространено среди девочек. Опираясь на данные Всемирной организации здравоохранения, которые связывают здоровье и обуславливающие его факторы: «Здоровье лишь на 10 % связано с деятельностью системы здравоохранения, на 20 % обусловлено наследственными и экологическими факторами, а на 70 % зависит от гигиены питания». По данным Научного центра здоровья детей РАМН, число подростков с дефицитом массы тела за

последние 10 лет значительно возросло с 12,8 % до 20,2 %. В то же время, еще 15 % подростков страдает ожирением [3].

Поэтому, перед обществом возникли такие проблемы, как отклонения в росте, развитии и осложнения со здоровьем в подростковом возрасте, которые возникают в связи с неправильным питанием, но этого можно избежать, если формировать правильные представления о приеме пищи и здоровом образе жизни [2].

Основными задачами, связанными с формированием основ здорового питания у детей подросткового возраста, являются формирование умения оценивать продукты и блюда с точки зрения их полезности для здоровья, в ситуации выбора отдавать предпочтение наиболее полезным продуктам и блюдам; формирование готовности и умения ограничивать себя в использовании определенной категории продуктов (сладости, фаст-фуд и т. п.); формирование навыков безопасного питания – соблюдение правил гигиены, в том числе и во время питания вне дома, осторожность при употреблении новых видов продуктов и блюд, умение различать признаки несвежести продуктов и т. д.

Кружковая работа проводится в образовательных учреждениях различного уровня: дошкольных, школьных, средне-специальных и высших учебных заведениях, а также учреждениях дополнительного образования. Мы считаем, что кружковая деятельность в стенах школы – наиболее удобный для подростков вариант, даже с учетом их специфического отношения к образовательному учреждению. Если кружковая деятельность строится по актуальной тематике, а набор будет осуществляться не только в начале учебного года, то они будут всегда популярны как площадка для реализации проектной деятельности.

Так, авторам видится, что профилактику пищевых зависимостей среди девочек-подростков в средней школе можно решать в процессе деятельности кружка, реализующего проект «Как победить на конкурсе красоты». В проект необходимо включить такие формы и методы школьной социальной работы, как *самоанализ на основе проведения тестирований, тренингов и занятий по тематике проекта; интегративные формы презентации совместно с родителями и педагогами, медийными и общественными персонами муниципалитета; подготовка и демонстрация здоровой еды как современного тренда в жизни человека; участие в планировании внеучебной деятельности с учетом возможности участия представителей кружка как молодых экспертов в формировании здорового образа жизни.*

Наиболее эффективным является применение такого метода, как консультирование. Выделяют проблемно-ориентированное консуль-

тирование (consulting) направлено на анализ сущности и внешних причин проблемы, на поиск путей ее решения; личностно-ориентированное консультирование (counseling) сосредоточено на анализе индивидуальных причин проблемы девочки, генезе деструктивных личностных стереотипов, на предотвращении аналогичных проблем в будущем; решение-ориентированное консультирование (solution talk) центрировано на выявлении ресурсов клиента на решение проблемы.

Подростковый возраст является наиболее уязвимым в отношении возникновения и развития отклонений пищевого поведения. Подростковый возраст является наиболее уязвимым, учитывая сложные гормональные, физические и психологические перестройки организма.

Профилактика возникновения и развития отклонений пищевого поведения в учреждениях общего среднего образования представляет собой систему целенаправленного педагогического воздействия и взаимодействия и психолого-педагогической поддержки, ориентированную на устранение и предупреждение возникновения препятствий нормальному ходу личностного развития. Первичная профилактика в условиях учреждений общего среднего образования должна основываться на таких принципах, как: тотальность, конструктивный характер, опережающий характер воздействия, непрерывность, адресность, комплексность. Если эти формы встраивать в традиционные школьные мероприятия, например, конкурсы, аукционы, гендерные баттлы, межпоколенческие интеллектуальные квесты, то они приобретут уникальность, а на мероприятиях городского уровня помогут расширить аудиторию тех, кто в качестве волонтеров сможет участвовать в совместной деятельности, например, как волонтеры в социальных учреждениях.

Кроме внутреннего контроля за эффективностью проведения мероприятий, важно проводить также и рефлексии среди участников, персональные и анонимные опросы, задачами которых будут оценка актуальности тематик, выявление уровня сплочения коллектива и аспектов индивидуального развития участников.

Нам видится, что такие формы кружковой работы в дальнейшем можно виртуализировать, особенно в части интервью с экспертами, что придаст предлагаемому проекту инновационности и эффективности воздействия на аудиторию.

Список литературы

1. Значение медико-валеологического образования студентов и опыт его реализации в педагогическом университете / Ю. К. Бахтин, В. П. Соломин, Л. П. Макарова, Л. И. Сыромятни-

кова // Молодой ученый. 2012. № 6 (41). С. 372–375. URL: <https://moluch.ru/archive/41/4870/> (дата обращения: 27.09.2020).

2. Макарова Л. П., Буйнов Л. Г., Пазыркина М. В. Сохранение здоровья школьников, как педагогическая проблема // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4 URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6648> (дата обращения: 27.09.2020).

3. Улуебекова Г. У., Калашникова А. В., Мокляченко А. В. Показатели здоровья детей и подростков в России и мощности педиатрической службы // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2016 № 3-4 (5-6) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokazateli-zdorovya-detey-i-podrostkov-v-rossii-i-moschnosti-pediatricheskoy-sluzhby-1> (дата обращения: 27.09.2020).

УДК 371.64

ББК 74.35

Пружинин А. Н., *Иркутск*

Корпоративное обучение среднего бизнеса в Иркутской области

Статья посвящена изучению процесса становления корпоративного обучения в среднем бизнесе Иркутской области. В процессе исследования уделяется внимание количеству инвестируемых ресурсов в развитие своего персонала, характеру обучения. Предполагается дальнейший сценарий развития корпоративного обучения в среднем бизнесе.

Ключевые слова: корпоративное обучение, персонал, бизнес, корпоративный университет.

Pruzhinin A. N., *Irkutsk*

Corporate Training for Medium-Sized Businesses in the Irkutsk Region

The article is devoted to the study of the process of formation of corporate training in medium business in the Irkutsk region. In the course of the research, attention is paid to the amount of resources invested in the development of its personnel, the nature of training. A further scenario for the development of corporate training in medium-sized businesses is assumed.

Keywords: corporate training, personnel, business, corporate university.

Корпоративное обучение, с середины XX в., успешно освоенный корпорациями инструмент в увеличении прибыли. Оно может заниматься не только повышением квалификации сотрудников, но и разрабатывать стратегии выхода на новые рынки, внедрять инновации, как технологические, так и управленческие, а также быть источником корпоративной социальной ответственности компании. Зачастую корпоративное обучение необходимо понимать не в «узком» его значении – обучение персонала, но и «широком» создание условий для развития самой компании, а именно разработка стратегии, цели или миссии, внедрение принципиально новых технологий и т. д.

Корпоративное обучение в его частной форме – корпоративный инструмент, впервые появились в США в ответ на смену характера экономики с индустриального на информационный, в последней главным фактором развития стали информационные технологии и инновации, а ресурсом их появления стал интеллектуальный капитал фирмы, в противовес предшествующей экономике, где главным ресурсом развития был капитал и материальное оборудование. Повсеместная «интеллектуализация» труда, быстрая смена технологий и высокая прибыль от новых изобретений стали ключевой глобальной причиной появления корпоративного обучения. Далее воспроизводство интеллектуального капитала фирмы становится хоть и опосредованной, но гарантией создания инноваций, что эффективно привлекает новых инвесторов.

Вопросами корпоративного обучения занимались такие авторы как А. М. Бекарев, Т. В. Радаев [4], Г. Беккер [5], О. Ю. Ворожбит [6], А. Д. Горчаков [7], а также в работах автора [8; 9]. Но в современной ситуации этот процесс становления корпоративного обучения реализуется в иррациональных условиях и формах общественного развития [1; 2; 3].

За сравнительно короткий период корпоративное обучение распространилось практически по всем развитым странам, только в США на данный момент корпоративных университетов насчитывается более 4 тыс. Весте с этим общемировая тенденция показывает переход корпоративного обучения в средний бизнес. На наш взгляд это связано с тем, что характер экономики все больше смещается в сторону информационной, что вынуждает средний бизнес адаптироваться к новым условиям, при этом накопленный опыт корпораций может быть в определенной мере ориентиром для среднего бизнеса, поскольку становление корпоративного обучения – это очень дорогой процесс и опыт корпораций показывает, насколько он бывает трудным, особенно в начале. У некоторых российских компаний ушло около двух десятилетий чтобы смело заявить о состоятельности своей практики, конечно, у среднего бизнеса нет столько ресурсов чтобы экспериментировать с эффективностью обучения. Также изменения в характере экономики позволяют сказать, что роль корпоративного обучения будет только возрастать. При этом в зарубежных исследованиях существуют «инструкции» по внедрению и развитию корпоративного университета в свою компанию, относительно стратегии и цели владельца компании.

Россия пошла аналогичным путем, начиная с 1990-х гг. такие корпорации как «Роснефть», «Газпром-нефть», «Сбербанк», «Север-

сталь», «УралСиб» и др., внедряли и развивали свои корпоративные университеты, о чем говорят их ежегодные отчеты. Исследования относительно внедрения и развития корпоративного обучения в среднем бизнесе сегодня только появляются и их описательной части еще недостаточно чтобы сформировать полноценные представления о том, как происходит становление корпоративного обучения в среднем бизнесе.

Наше исследование проводилось методом экспертного опроса, общая численность респондентов составила 30 человек – все они руководители своих предприятий. Логика вопросов была построена следующим образом: 1 блок – касался причин наличия или отсутствия корпоративного образования, вкладываемых в него ресурсов, цели деятельности; 2 блок касался эффективности его деятельности и проблем с ней связанных; 3 блок – дальнейшего будущего корпоративного обучения в данной фирме.

Согласно нашему опросу – 76 % респондентов обучает свой персонал, при этом только 20 % делают это на ежегодной основе, 45 % по необходимости, и 9 % исходя из стратегических соображений, иными словами большинство предпринимателей начинает обучать свой персонал когда возникла острая потребность, например произошла авария на производстве по вине неквалифицированного сотрудника или не могут быть реализованы управленческие проекты. Используя образование персонала, как «спасательный круг» предприятия не могут использовать его как инструмент инновационного развития и формирования конкурентных преимуществ. Иными словами, среднему бизнесу необходимо помнить модель управления корпоративным образованием.

«За три года обучили 10 сотрудников, руководителей отправляли на курсы управления персоналом, рабочих – на обучение по утилизации особых бытовых отходов, а менеджеров на искусство продаж, мои компании – это обучение оплачивают, мы заключаем дополнительное соглашение к трудовому договору что сотрудник должен отработать после 3 года, либо вернуть деньги, но стараемся чтобы таких ситуаций не было. Обучить одного сотрудника – 140 тысяч примерно выходит (А. К. учредитель, 37 лет).

«Стараемся проводить дополнительное обучение регулярно, каждый сотрудник проходит его три обучения в год, используем все что нам выгодно: вузы, тренинги, онлайн образование, особенно сейчас при коронавирусе. Я если прохожу дополнительное обучение, да даже что – то читаю – я вовлекаю в это своих сотрудников, потому что, если человек не учится, выполняет одни и те же функции – у не-

го пропадает интерес к работе, он теряет мотивацию, плохо начинает работать». (В. А. владелец 2 фирм, 35 лет).

«Мы всех обучили, и сейчас обучение меньше нужно, коллектив устаканился, для меня это дорого – обучение проходит за пределами Иркутской области, учим обращаться с новым оборудованием» (А. В. директор 37 лет).

Учитывая, что обучение сотрудников для большинства фирм происходит нерегулярно – не представляется и возможным дать общую объективную оценку сколько тратят предприниматели на образование в год, поскольку за два одинаковых периода может быть обучено, как 0 сотрудников, так и несколько отделов, что еще раз говорит про слабое развитие корпоративное обучение в среднем бизнесе, но не отменяет его значимость. Если мы посмотрим в сторону тех предприятий, на которых сотрудники стабильно проходят обучение, то суммы будут варьироваться от 300 до 700 тыс. руб.

Практически все респонденты используют внешние образовательные ресурсы, поэтому в ходе исследования стало понятно, что мы не можем говорить про цель корпоративного обучения внутри компании, но только о цели использования внешних образовательных ресурсов.

«Мое второе высшее образование связано именно с управлением, а курсы повышения квалификации – это больше к ведению личных финансов, потому что – то как ты управляешь деньгами внутри своего кармана или семьи, так ты и будешь управлять деньгами в бизнесе». (Е. В. учредитель 31 год)

«На мой взгляд руководитель постоянно должен чему– то учиться, если ты будешь постоянно думать только о том, чтобы заработать денег, то у тебя мозги заржавеют» (С. Г. владелец 2 предприятий, 52 года).

«Да, недавно закончил ГМУ, потому что руководящий опыт есть, может кто-нибудь и заметит, пригласит на другое направление. Для себя также много подчеркнул, т. е. какие-то моменты интуитивно чувствовал в управлении, но боялся, а тут головой кивнули – мол, правильно делаешь, так и вообще легко стало. Я вот когда первое образование получал – не понимал зачем оно мне было нужно, да и не хотел в этом направлении работать, потом друзья пригласили к себе в компанию, нужно постоянно общаться, чему-то новому учиться, а то сидя на одном месте мозги заржавеют».

При этом один из респондентов-руководителей не занимается своим образованием посредством внешних образовательных провайдеров, но через самообразование.

«Я пытался ходить на курсы, даже на тренинги, но они не дают мне никакого толка. Мои подчиненные в определенных вопросах выше меня на голову – и это хорошо, моя задача как руководителя собрать их, профинансировать и направить к нужной цели. Все что я умею – это говорить.» (С. Г. владелец 2 предприятий, 52 года).

Почти все руководители 96 % регулярно получают дополнительное образование, проходят повышение квалификации в целом. Обучение может касаться, как умение вести переговоры, так и разрабатывать сценарии альтернативной карьеры.

Соответственно мы не можем говорить и про внутреннюю эффективность корпоративного обучения, поскольку наши респонденты используют внешние ресурсы, уровень удовлетворенности качеством услуг от внешних провайдеров нами подробно не оценивался, поскольку это требует выработки объективных маркеров его оценивания, что должно рассматриваться отдельно. Примечателен другой факт, что в более развитых формах корпоративного обучения существуют подразделения, которые разрабатывают стратегию, удерживают и привлекают ценных кадров, внедряют корпоративную культуру и т. д., и в рамках среднего бизнеса эти функции выполняют руководители единолично.

В результате мы имеем следующую ситуацию: актуальность корпоративного обучения уже осознана средним бизнесом, но само образование применяется как средство выживания, а не развития. Средний бизнес еще не подошел к созданию корпоративного обучения, в современной теории, описывающей процесс становления корпоративного обучения в корпорациях, говорится что изначально корпоративный университет ничем не отличался от обычного учебного заведения, перенесенного в компанию. Возможно, сейчас подобный этап проходит и средний бизнес. Также можно предположить, что на данный момент средний бизнес не нуждается в своем обучении, поскольку внешние образовательные провайдеры вполне могут обеспечить его необходимыми знаниями. Так или иначе это открытый вопрос и на наш взгляд, учитывая интерес руководителей к своему личному обучению и обучению своих сотрудников – изучение вопроса: как должно быть организовано корпоративное обучение в среднем бизнесе является актуальным для отечественной науки.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.

2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
3. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 40–48.
4. Бекарев А. М., Радаев Т. В. Корпоративный университет в объективе социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2007. № 1 (6). С. 9–13.
5. Беккер Г. Человеческий капитал. Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 115–116.
6. Ворожит О. Ю. Человеческий капитал организации в разрезе оценки стоимости бизнесе : учебник. Владивосток : ВГУЭС, 2017. 122 с.
7. Горчаков А. Д. Повышение эффективности механизма управления наукоемким корпоративным образованием // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 5 (69). С. 65–69.
8. Пружинин А. Н. Роль корпоративного университета в развитии человеческого капитала нефтяных компаний // Социально-педагогические технологии в социализации будущего профессионала : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. представителей акад. науки и специалистов-практиков в области воспитательной деятельности в высшей школе / под общ. ред. Ю. А. Тюриной. 2020. С. 45–50.
9. Пружинин А. Н. Эффект отсутствия: корпоративное обучение среднего бизнеса в современной России // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 194–196.

УДК 371.02:34.036

ББК 74.57

Малых С. В., *Иркутск*

Адаптация преподавателей университета к дистанционному обучению во время пандемии

Рассматриваются особенности адаптации преподавателей университета к дистанционному обучению во время пандемии, выявляются стратегии и формы приспособления к новым условиям, а также механизмы оптимизации дистанционного обучения в современном университете.

Ключевые слова: адаптация, дистанционное обучение, пандемия, иррациональность.

Malykh S. V., *Irkutsk*

Adapting University Teachers to Distance Learning During a Pandemic

The article examines the features of adaptation of university teachers to distance learning during a pandemic, identifies strategies and forms of adaptation to new conditions, as well as mechanisms for optimizing distance learning in a modern university.

Keywords: adaptation, distance learning, pandemic, irrationality.

Дистанционное обучение является реакцией на сложную эпидемиологическую обстановку в нашей стране в результате пандемии COVID-19. Оно является результатом социального отклика и условий

работы на вызовы социального и личного здоровья. В работах разных авторов рассматриваются различные аспекты происходящих изменений в сознании современников. Например, в исследованиях Р. Г. Ардашева рассматриваются особенности изменения сознания россиян после пандемии коронавируса в сторону иррационализации мышления [1–3], в работах И. А. Журавлевой [4; 5] и Р. В. Иванова [6; 7] анализируется непосредственно дистанционный формат обучения, в публикациях автора анализируются изменения виртуальной идентичности студентов [8]. Это все говорит о трансформации исследовательского фокус многих ученых.

Именно это послужило основой для инициативного исследования автора, которое прошло на платформе опросов www.google.com в апреле 2020 г. когда дистанционное обучение только начиналось и в октябре 2020 г. В первой волне исследования приняли участие 652 преподавателя вуза, во второй волне 655 преподавателей в возрасте от 18 до 75 лет, 55 % женщин и 45 % мужчин, все проживают в разных субъектах РФ. Погрешность выборки 2,2 %.

В первую волну исследования 95 % преподавателей считали, что меры предпринимаемые вузом для борьбы с коронавирусной инфекцией достаточны, во вторую волну таких на треть меньше – 62 %.

При этом, уход обучения только в дистанционный режим привел к тому, что эта сфера стала восприниматься более критично и напряженно. До введения дистанционного обучения, более половины педагогов (52 %) использовали интерактивные дистанционные формы обучения со студентами, но они были дополнительным инструментом в работе. Свою компетентность взаимодействия в виртуальном пространстве оценивали достаточно высоко. Большая часть педагогов: выше чем у коллег (62 %), хороший уровень (32 %), слабо знаком (6 %). Но, быстрый переход только на дистанционное обучение привел к изменению привычного уклада жизни, постоянному пребыванию дома, постоянному онлайн, что привело к негативной оценке данной сферы педагогической деятельности. Более того, для такого режима не у всех преподавателей дома оказались необходимые условия, частично из-за того, что они делили компьютеры с другими членами семьи (которым также все время необходимо находиться в онлайн, например дети-школьники или студенты; другие члены семьи (жены или мужья), которые по работе вынуждены взаимодействовать дистанционно с коллегами.

Во время второй волны исследования к данным факторам добавилось еще и то, что необходимо менять формат и структуру читаемо-

го курса. Интерактивное обучение наложило свой отпечаток на манеру и подачу материала, особенности ведения семинарских и практических занятий, а также способы выстраивания диалога со студентами (помимо онлайн конференций в скайп, зум, социальные сети и прочие формы постоянного онлайн взаимодействия).

Результатом стало ужесточение графика работы преподавателей и свободного времени стало меньше. В первую волну так считало 63 % и 77 %, во вторую 89 % и 94 %. Иными словами, данные ощущения усилились. Полностью дистанционный формат обучения считают неудобным, неправильным и дискомфортным 53 % педагогов в первую волну и 78 % во вторую волну. С тем, что занятия лучше проводить в очном формате согласны практически все педагоги – 96 %.

В оценках перспектив, преподаватели вузов достаточно пессимистичны. В первую волну 52 % считали, что дистанционное обучение ухудшит знания студентов, во вторую так полагают уже 73 %; изменений в качестве не произойдет 16 % в первую волну и 12 % во вторую, улучшится качество 5 % в первую волну и 5 % во вторую, не дают прогнозов 28 % в первую волну и 10 % во вторую.

По мнению педагогов, идеальным моментом введения в работу дистанционных методов было бы соотношение 25 % дистанционной и 75 % реальной учебной деятельности – 48 %; 50 % дистанционной и 50 % реальной учебной деятельности – 28 %, 70 % дистанционной и 30 % реальной – 24 %.

География участников исследования показывает, что более лояльно к дистанционной работе относятся в столичных вузах, а также вузах в крупных городах, тогда как провинциальные вузы или небольшие в целом более негативно оценивают дистанционную работу, так как опасаются оттока студентов.

Положительными результатами дистанта можно считать: **1.** Выход на открытую систему мониторинга организации обучения с использованием дистанционных технологий, что позволило быстро выявлять и решать возникающие проблемы. **2.** Онлайн-режим сопровождения учебного процесса (удаленный режим запроса документов, бесконтактная выдача документов обучающимся, онлайн-режим оформления обходного листа).

Итак, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, критикуется не дистанционное образование, а текущий экстремальный опыт преподавания в домашних условиях.

Во-вторых, дистанционный формат обозначил проблемы очного образования: 1) низкое качество лекций становится очевидным (через

падение посещаемости, отсутствие мотивации у студентов), 2) несбалансированность преподавательской нагрузки.

В-третьих, самоизоляция – это шоковый вариант дистанцирования, который сформировал сообщество неопессимистов, готовых критиковать и развивать высшее образование. Нужно научиться использовать критическое, рефлексивное отношение к дистанционному формату, трансформировать сопротивление в энергию преобразования.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
2. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: сб. науч. трудов: по материалам II Междунар. научн. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
3. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства : сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.
4. Журавлева И. А. Восприятие студентами удаленного обучения в университете // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2020. № 8. С. 12–15.
5. Журавлева И. А. Дистанционное образование в современном университете: оценки студентов // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 475–480.
6. Иванов Р. В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов : науч.-метод. материалы. Иркутск, 2016. С. 107–109.
7. Иванов Р. В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск. 2017. С. 114–117.
8. Малых С. В. Формирование виртуальной идентичности университетской молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 312–316.

СМЫСЛЫ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИКА СМЫСЛОВ

УДК 327.64
ББК 66.56

Zavialov A. V., Irkutsk

Africa's Economic Integration Development in Comparison with Europe

The article examines the development of economic integration in Africa. A comparison is made between the African and European Unions in terms of levels of integration, functions and opportunities for problem solving. The development of integration processes between the African and European Union is also considered.

Keywords: economic development, integration, African Union, European Union, Trans-African Highway Network.

Завьялов А. В., Иркутск

Развитие экономической интеграции в Африке в сравнении с Европой

Исследуются вопросы развития экономической интеграции в Африке. Проводится сравнение Африканского и Европейского союзов по уровням интеграции, функциям и возможностям решения проблем. Также рассматривается развитие интеграционных процессов между Африканским и Европейским союзами.

Ключевые слова: экономическое развитие, интеграция, Африканский союз, Европейский союз, Транс-Африканская дорожная сеть.

Africa is a resource rich continent with an extremely poor population – around 35 % of all Africans leave on \$US 1 or less per day. At the same time, Africa is the fastest growing continent with around 6 % annual economic growth. All African countries are extremely different in their economic development, political situation (revolutions and wars are often there), social situation (diseases, a lack of education and health care), infrastructure (which is the greatest barrier to sustainable economic development). There are some, comparable to the rest of Africa, rich countries, such as Mauritius, Seychelles, Tunisia, Algeria, Botswana, Egypt, Gabon, South Africa, Cape Verde, whose Human Development Index (HDI) is comparable to European states (in general) starting from Moldova at the bottom and finishing with Romania at the top [5]. The GDP per capita is another economic indicator which shows that Algeria, Angola, Namibia,

Botswana, South Africa are comparable to Balkan states, as well as Gabon is comparable to Latvia or Poland, and Equatorial Guinea is comparable to Czechia or Slovakia according to this indicator. But at the same time there are the poorest nations in the world: Niger, the Democratic Republic of the Congo, Central African Republic, Chad, Sierra Leone, Somalia (most of the poorest countries are locked, and it is very difficult to trade with them because of transportation costs through other countries). [4]

The European Union, as well as other international organisations (the UN, the AU, etc.) and countries (China, the USA, Russia, etc.), is interested in development of the African continent due to many factors. Africa has a young labor force, which is becoming more educated, with a group of countries having impressionable economic growth (Mauritania – around 19 %, Angola – around 17 %, Sudan – around 9 %, Mozambique – around 7 %, Malawi – around 7 %, as well as Rwanda, Chad, Niger, Burkina Faso, Ethiopia [2]). The European Union is the first trade partner for almost all northern and western African states (except for Benin, Sierra Leone, the Gambia, whose first partner is China, and Mali, Guinea, and Liberia with other first partner countries), and southern African states plus Kenia, Uganda, Rwanda and Burundi. The European Union has Free Trade Agreements with Morocco, Algeria, Tunisia, Egypt, South Africa and others, agreements are pending with Cote-d'Ivoire and Cameroon [3].

Almost all African countries are member states of the Organisation of African, Caribbean and Pacific Group of States. All African participants are signatories to the Cotonou Agreement with the European Union. Within this group the EU and African states discuss sustainable development goals, poverty reduction, and greater integration of African states into the world economy. The European Union, using its political and economic instruments, provides participation in EU projects jointly with the civil society, private sector, trade unions, and local authorities of African states. They help coordinate development of different sectors in a particular country with the direct access to EU financial instruments. Within this group, African countries also take consultations and planning of national development strategies. EU specialists help Africans to spend their money with more profit for their economies. Mostly such consultations are about agriculture, innovation, communication and technologies. When compared with the main spheres of foreign investments, 40 % of investments for telecommunication are from abroad, as well as for electricity – 40 %, and roads – 80 % [6].

One of the biggest projects which is under realisation now is the Trans-African Highway Network. Such a perspective project is about building roads through the entire African continent. Some parts are already done; some are under construction or projection. It is under UN coordina-

tion with investors from the European Union, China, the USA, Russia, and other countries and organisations (the African Development Bank, the African Union, etc.). It aims to promote trade and alleviate poverty in Africa through highway infrastructure development and management of road-based trade corridors. The total length of the nine highways in the network is 56,683 km. It will unite almost all African countries. Those countries whose territory is not under the project, participate there by building links to the highway [7]. With the realisation of such a big project Africa will receive more investments, poverty reduction, sustainable economic development and growth, simplification of trade with locked countries, and, hopefully, some political stability. This project cannot be overestimated. It will help change the “Face of Africa”.

For Africa, the European Union is not only the main trade partner and investor, but also an example of organising its political and social life. The “European way” found itself in some form after the creation of the Organisation of African Union in 1963 (the agreement signed, came into force in 1965). Starting from 2002, it has the form of the African Union. In the African Union there are all African countries except for Morocco which decided not to join the organisation because the Western Sahara (namely, the Sahrawi Arab Democratic Republic) was invited to join it (and Morocco claims Western Sahara as its own territory). Main offices of the African Union are in Johannesburg (South Africa) and Addis-Ababa (Ethiopia). The African Union, at first view, has a pretty similar structure to the European Union, but they are completely different in their functions and organisation.

- The Pan-African Parliament consists of 265 elected not by people, but by representatives of the national legislatures from the Member States: 5 members from each Member State, 1 must be a woman. It has only advisory and consultative powers, not legislative initiatives.

- The Assembly of the African Union is the heads of state and government of the Member States, it is the supreme governing body, which makes its decisions by a consensus or 2/3 majority.

- The African Union Commission is just a secretariat consisting of 10 representatives and a supportive staff, which administrates and coordinates different activities and meetings.

- The African Court of Justice has to interpret the African Union treaties; it was not formed, but replaced by the African Court of Justice and Human Rights which is under creation as well.

- The Executive Council consists of ministers of the governments of the Member States and makes its decisions in foreign trade, social security,

food, agriculture and communications (accountable to the Assembly, it mostly performs tasks given by the Assembly).

- The Peace and Security Council main functions are prevention, management and resolution of conflicts, post-conflict peace building and developing common defence policies. It consists of 15 members elected on a regional basis by the Assembly.

- The Economic, Social and Cultural Council is an advisory institution composed of professional and civic representatives. [1]

Within the African Union there are different economic groupings of countries. Most of them were organised before the Treaty of the African Union came into force in 2002, so they were incorporated into the Treaty. All of them are on different stages of integration; some of them even have their own common currencies (West African CFA Franc and Central African CFA Franc).

The process of integration in Africa faces lots of problems: from poverty to a lack of infrastructure, from wars and revolutions to diseases and a lack of education and health care. The integration process goes much slower than the European one. Despite the fact that the African Union's institutions have the same names as European's, they do not have such functions as the European Union's ones, and they are organised in a different way. The process will not go faster in the nearby future.

The European Union – Africa relations can be characterised as mutually beneficial: Africa receives more infrastructure and development in all fields; the European Union receives a better organised market and stable partner for trade. It all helps become Africa more modern, improve its standard of living, reduce migration from Africa and bring new technologies there.

Bibliography

1. African Union. Official web-page. URL: <http://au.int/>.
2. Economic Report on Africa. Unleashing Africa's potential as a pole of global growth / UN Economic Commission for Africa. URL: <http://www.uneca.org/publications/economic-report-africa-2012>.
3. European Union Treaties and Agreements / European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/treaties-agreements/>.
4. GDP per capita, current prices. International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD>.
5. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century / UN Development Programme. URL: <http://www.hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>.
6. Kingombe C. K. M. Mapping the new infrastructure financing landscape / Overseas Development Institute. URL: <http://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/odi-assets/publications-opinion-files/6311.pdf>.
7. Review of the implementation status of the Trans-African Highways and the missing links / African development bank. African development fund. UN Economic commission for Africa. URL: <http://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Project-and-Operations/00473227-EN-TAH-FINAL-VOL2.PDF>.

УДК 351.83
ББК 60.64

Деренко Н. В., *Иркутск*

Токсичные управленческие решения: как эффективный контракт порождает новые коррупционные риски

Статья посвящена анализу коррупционных рисков, возникающих в образовательных организациях высшего образования при внедрении эффективного контракта, а также методов программно-целевого планирования научно-образовательной деятельности. Делается вывод, что рассматриваемые аспекты коррупционного поведения мало изучены в российской периодической научной литературе, требуют серьезной юридической проработки и нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: коррупционные риски, мониторинг, образовательная организация, коррупционное поведение.

Derenko N. V., *Irkutsk*

Toxic Management Decisions: How an Effective Contract Generates New Corruption Risks

The article is devoted to the analysis of corruption risks arising in educational institutions of higher education during the implementation of an effective contract, as well as methods of program-targeted planning of scientific and educational activities. The considered aspects of corrupt behavior have been little studied in the Russian periodical scientific literature; they require serious legal study and legal regulation.

Keywords: corruption risks, monitoring, educational establishment, corruptive behavior.

Современная бурная динамика управленческих технологий, связанная, прежде всего, с их цифровой трансформацией, ведет к появлению новых и новых рисков, к целому набору токсичных управленческих решений. Это глобальный процесс, он нуждается в тщательном изучении, в нормативно-правовом регулировании. Профессор Т. И. Грабельных отмечает: «Наступление XXI века явилось отражением проблем и противоречий не только первого этапа вхождения общества и государства в информационно-цифровую цивилизацию, мировой рынок и глобальные экспертные сети, формирующееся пространство новых солидарностей, новых интегративных взаимодействий и сложных технологий партнерств, но и в значительной степени пересмотра всей системы сложившихся социальных отношений, принципов организации жизнедеятельности общества» [1].

Одной из таких систем социальных отношений, крайне важных для повышения эффективности любой организации, является система формирования мотивации персонала. Особенно актуальны данные вопросы в научных, творческих коллективах. А с учетом «размытости» характеристик современных российских университетов внедре-

ние новых норм регулирования трудовых отношений порождает рисков куда больше, чем в производственных структурах.

О какой «размытости» идет речь? Пожалуй, большинство вузов России уже много лет существуют в «смешанной» форме, с нежизнеспособной миссией. В университетском сообществе прижилось условное разделение на три категории:

- Университет 1.0 – «преподавательский» университет (схоластический), транслирующий знания, накопленные в учебниках;
- Университет 2.0 – «исследовательский» университет, стоящий на переднем крае науки, генерирующий и транслирующий новые фундаментальные знания;
- Университет 3.0 – бизнес-университет, создающий самые современные практико-ориентированные, деятельностные знания.

«Размытость» миссии вуза происходит, когда «смешанный» университет, имеющий в своем составе несколько исследовательских подразделений, пару «бизнес-ориентированных» структур и более половины схоластических факультетов, ведущих массовую подготовку без упора на фундаментальные или деятельностные знания, получает систему регулирования трудовых отношений с профессорско-преподавательским составом, «заточенную» под то, что больше всего требует учредитель – под исследовательский университет. И такие требования внедряются одномоментно, без учета необходимых для перестройки вуза 5–10, если не 15 лет. Рассмотрим данную проблему подробнее, сосредоточив внимание на эффективном контракте.

Под эффективным контрактом понимается трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его трудовые обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых услуг, а также меры социальной поддержки. Показатели и критерии оценки эффективности – это есть самое «узкое» место данной социальной технологии.

Член Комитета Совета Федераций по конституционному законодательству и государственному строительству И. В. Рукавишникова в ходе круглого стола на тему «Защита прав и законных интересов работников образовательных организаций в условиях внедрения эффективных контрактов» отметила: «Ситуация с внедрением эффективных контрактов создает в большинстве вузов страны социальную напряженность. Без преувеличения можно говорить о том, что уже несколько лет ситуация с внедрением эффективных контрактов создает в большинстве вузов страны социальную напряженность, недопонима-

ние и конфликты между преподавателями и администрацией. Наглядные свидетельства этого – коллективные обращения и петиции в поддержку преподавательского сообщества, которые распространяются в интернете, социальных сетях и собирают многочисленные голоса, а также обращения преподавателей в государственные органы и суды за защитой своих прав и интересов» [3]. Парламентарий призвала Министерство науки и высшего образования провести мониторинг сложившейся ситуации и представить свои предложения.

На данном «круглом столе» выделены критические точки: формальные требования к определению показателей эффективности учреждений и их работников; снижение качества преподавания за счет резкого увеличения нагрузки при сокращении штата; ориентация преподавателей только на «выгодные» показатели с перекосом в «научную» составляющую; заключение договоров на 1 год, что ведет к неустойчивой занятости и др. [3].

Высокопрофессиональный анализ в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации сложившейся проблемы не затронул глубинных процессов – появления коррупционных рисков при внедрении эффективного контракта. Причина в том, что подобные явления имеют латентный характер и не зафиксированы в юридической практике, в то время как актуальность изучения коррупции в университетах не ослабевает [2].

Отметим, в какой части определения понятия «коррупция» (Федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») скрывается подходящая к нашему случаю дефиниция: коррупцией считается злоупотребление служебным положением... в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Каким же образом возникают коррупционные риски, и кто коррупционер? Здесь все прозрачно: жертвой, принуждаемой к вынужденным финансовым тратам, никак не покрываемым университетом, является преподаватель, а выгодополучатель – университет. Точные юридические трактовки здесь за юристами, к чему их и приглашает автор данной статьей.

Как складывается неблагоприятная ситуация? Университет, стремясь максимально повысить показатели эффективности своей деятельности, проецирует данные показатели в эффективный контракт

каждого преподавателя, назначая за достижение результатов определенные бонусы. Если по привычным нормативам (аккредитации) некая средняя сотня преподавателей за год должна публиковать 1–2 статьи в высокорейтинговых научных журналах (как правило, за рубежом), то эффективный контракт требует уже от каждого преподавателя 1–2 статьи фундаментально-исследовательского характера в год. Аналогичная ситуация складывается и с требованием расширенного издания учебников, учебных пособий – так трактуется нормативное требование к преподавателю вести методическую, научную или практическую деятельность по каждой преподаваемой дисциплине (в результате появляется вал «мусорных» статей, индексируемых в РИНЦ). В случае, когда университет не обеспечил финансово, методически, инфраструктурно работу преподавателя по написанию статей для зарубежных журналов, не помог с переводом, с грантами, а у самого преподавателя не наблюдаются возможности вести серьезные исследования, то результат плачевный – появляются «платные» статьи. И плата не многотысячная, она составляет десятки тысяч рублей за статью, что не покрывается предусмотренной эффективным контрактом денежной надбавкой. И учебные пособия, созданные «подневольно» – за счет автора, и поэтому некачественные – ведут к тому же эффекту.

В данной ситуации автор и видит коррупционный риск – университет решает свои проблемы, залезая в карман преподавателю. Своеобразная «взятка бартером».

Еще один типичный случай перекалывания университетом своего финансового бремени на преподавателя – стремительный переход на электронные и дистанционные технологии обучения без создания университетской инфраструктуры, соответствующих лабораторий с методистами, техниками, как это случилось в 2020 г. при коронавирусной пандемии. Преподаватель начинает вести существенные многотысячные расходы на оплату канала в интернете, на повышение своей квалификации (а ему приходится выступать в роли не только автора учебного контента, но и как программисту, администратору порталов, дизайнеру, тестологу), на приобретение оборудования плюс еще фокус – его трудозатраты при дистанционном обучении возрастают вдвое (очень много времени уходит на переписки со студентами через портал), а зарплату он получает по старым меркам.

Казалось бы, указанные «перекося» подлежат регулированию через управленческие инструменты университета или через Трудовую инспекцию, как это отмечали парламентарии [3], однако на практике преподаватели, работающие на коротких срочных договорах (а пяти-

летний срок договора стал экзотикой), боясь потерять работу, берут на себя эти траты – платят из своего кармана, отрывая средства от семьи, – на взгляд автора, вполне может трактоваться как коррупционный риск, как взятка университету, юридическому лицу.

Перечень подобных ситуаций можно продолжать. Здесь и платное повышение квалификации, переподготовка ППС – когда университет не организует соответствующее финансирование, а требует от преподавателя не реже раза в три года принести очередные удостоверение или диплом (доходит до требований каждую преподаваемую дисциплину обеспечить повышением квалификации). Бывает, что преподаватели наделяются «общественной» работой, на самом деле являющейся сложной трудовой функцией, – здесь администрация экономит на зарплате освободившегося работника, а преподаватель трудится много и бесплатно, чтобы заслужить расположение. Примерами здесь может быть и администрирование сайтов подразделений, и техническое редактирование многочисленных сборников статей, научных трудов, и т. п.

Мерами общественного контроля описанную проблему регулировать не представляется возможным. Похоже, дело за учредителем – лишь бы дело не ограничилось еще одним контуром контрольно-надзорной деятельности. Требуется точная юридическая квалификация указанных токсичных управленческих решений, при ее наличии в нормативно-правовых актах преподаватели увереннее смогут бороться за свои права.

Список литературы

1. Грабельных Т. И. Общественные технологии «противодействия» преступности и их значение в начале XXI века // Противодействие наркоугрозе на современном этапе: правовой и социально-гуманитарный аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. семинара (3 апреля 2020 г.). Красноярск : СибЮИ МВД России, 2020. С. 49–53.
2. Красноусов С. Д., Хлонова Н. В. Оценка коррупционных рисков в образовательной организации: на примере г. Красноярска // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 254–261.
3. Рукавишников И. В. Понятие «эффективный контракт» требует совершенствования // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/108183/> (дата обращения: 02.11.2020).

УДК 338.26
ББК 65.290

Легостаева И. В., Тюмень

Эволюция моделей корпоративной социальной ответственности бизнеса

Рассмотрена эволюция развития социальной ответственности бизнеса. Приведены основные этапы становления теоретических положений данной концепции. Обозначены конкретные течения, дискуссия вокруг которых осуществляется зарубежными и отечественными исследователями по настоящий день. Сделан вывод о том, что общим для всех рассмотренных концепций является их социальная ориентированность и влияние на стейкхолдеров.

Ключевые слова: социальная ответственность, бизнес, корпоративная культура, КСО.

Legostaeva I. V., Tyumen

Evolution of Models of Corporate Social Responsibility of Business

The paper examines the evolution of the development of business social responsibility. The main stages of the formation of the theoretical provisions of this concept are given. Specific trends are considered, the discussion around which is carried out by foreign and domestic researchers to the present day. It is concluded that the common thing for all the considered concepts is their social orientation and impact on stakeholders.

Keywords: Social responsibility, business, corporate culture, CSR.

В России в годы наблюдается усиление роли нематериальных факторов развития экономики. В этих условиях огромное значение приобретает социальная ответственность бизнеса. Все большее значение приобретают социальная политика и корпоративная социальная ответственность компаний. Являясь одним из факторов эффективности бизнеса, КСО используется для контроля нефинансовых рисков и достижения сбалансированного развития компании. Концепция корпоративной социальной ответственности проявляется в основных принципах менеджмента и использует устойчивый симбиоз социально-экономических и экологических аспектов работы организации [10, с. 198].

Формированию концепции корпоративной социальной ответственности предшествовал длительный период, в ходе которого практическая апробация КСО находила отражение в теоретических положениях. Более того, само понятие «концепция КСО» представляет собой лишь одну из совокупности концепций социальной ответственности бизнеса, выступая в качестве отдельного концептуального компонента масштабной системы, рассмотрение которой может быть теоретически обоснованно. Социальная ответственность бизнеса – это ответственность субъектов бизнеса за соблюдение норм и правил, не-

определенных законодательством (в области этики, экологии, человеколюбия, и т. д.), влияющих на качество жизни отдельных социальных групп и общества в целом [5, с. 95].

Согласно К. А. Петухову, эволюция развития социальной ответственности бизнеса происходила в 4 этапа. Первый – «Филантропия и благотворительность»: разовые акции, персональная инициатива руководителей. Второй – «Осведомленность»: большая вовлеченность бизнеса в социальную сферу, явные проявления ответственности. Третий – «Проблемы»: корпорации концентрируются на конкретных социальных проблемах и занимаются их преодолением. Четвертый – «Восприимчивость»: разработка управленческих практик и систематизация процессов разрешения социальных проблем [8, с. 3].

В 1978 г. социальная ответственность корпораций приобрела свою концептуальную структуру, после чего начали формироваться отдельные концепции и модели корпоративной социальной ответственности. В процессе эволюции социальной ответственности бизнеса выделились частные концепции.

Концепция корпоративной социальной восприимчивости (КСВ, CSR-2) относится к инструментальному типу и сформировалась в 1970–1980 гг. Основным фактором ее возникновения стала проблема создания механизма восприятия корпорацией социальных потребностей, в отношении которых предполагалась нести ответственность. Особый вклад в развитие данной концепции внесли Р. Аккреман, Дж. Пост, Л. Престон, В. Фредерик, А. Кэрролл. Концепция КСВ предполагает наличие двух подходов к повышению восприятия корпорациями общественных проблем. Первый подход ориентирован на интегрирование корпоративной социальной восприимчивости со стратегической деятельностью корпораций, подразумевающий анализ внешней среды, мониторинг ожиданий социальных групп, планирование и реализацию планов взаимодействия с этими. Второй подход предполагал прямое вовлечение корпораций в общественные процессы, среди которых: парламентские выборы, лоббистские компании, дискуссии в СМИ и пр. [3, с. 77].

Само понятие корпоративной социальной восприимчивости было сформулировано В. Фредериком, который описывал ее как «способность корпорации воспринимать общественное воздействие». Ученый рассматривал ее как логическое продолжение и дополнение исходной концепции КСО, и наделял ее такими преимуществами, как: снижение морального давления на бизнес; акцентирование внимания на кон-

кретные управленческие инструменты и техники; развитие эмпирических исследований [12, с. 159–160].

Следующий этап эволюции КСО сопряжен с новым подходом к социальной ответственности корпоративного бизнеса, который сочетал бы в себе нормативность классической модели КСО (CSR-1) и инструментализм модели КСВ (CSR-2). В итоге была разработана концепция корпоративной социальной деятельности «CSP» (Corporate social performance), основоположниками которой стали С. Сети, А. Кэрролл, С. Вартик, Ф. Кохрен. Э. М. Коротков определял КСД как «основополагающую взаимосвязь между принципами социальной ответственности, социальной восприимчивостью и политикой, направленной на решение общественных проблем» [5, с. 58].

Д. Вуд, рассуждая о сущности концепции КСД отмечала, что «рассмотрение в качестве коллективных результатов взаимодействия компании с внешней средой социальной политики и социальных программ выводит модель КСД из числа умозрительных концепций и позволяет с ее помощью делать более прагматические оценки». М. Кларксон полагал, что «концепция КСД может быть более эффективной при помощи подхода, основанного на управлении отношений с заинтересованными сторонами, а не в рамках модели, основанной на концепциях корпоративной социальной ответственности и восприимчивости» [2].

Продолжение формирования «волны» концепций корпоративной социальной ответственности нашло отражение в появлении концепции «Corporate social rectitude» (CRS-3), ориентированной на моральную сторону социальной ответственности корпораций. Однако, «CRS-3» не признавалась исследователями как научная концепция и не рассматривалась в одном ряду с двумя предшествующими концепциями. Аналогичная ситуация и с четвертой концепцией – «Corporate social religion» (CRS-4), воспринятой как несостоявшаяся попытка расширения волны концепций КСО [9].

К числу альтернативных подходов в первую очередь следует отнести концепцию менеджмента заинтересованных сторон (МЗС) также именуется как теория ориентации бизнеса на стейкхолдеров. Ее особенность заключается в том, что она не является одной из версий корпоративной социальной ответственности, а является самостоятельной концепцией менеджмента управления, основы которой схожи с целевой ориентацией КСО в части внешних субъектов. Другая альтернативная концепция КСО – это корпоративное гражданство, первое упоминание которого можно найти в работе Г. Боуэна (1953 г.). А.

Кэрролл включал концепцию корпоративного гражданства в филантропический уровень разработанной им пирамиды КСО.

Следует отметить, что не все исследователи относят корпоративное гражданство к разряду альтернативных. Так, Е. В. Матвеева утверждает, что данная концепция корпоративного гражданства не должна рассматриваться как аналог КСО, поскольку предполагает смену парадигмы первого понятия [7, с. 49]. М. В. Киварина же, наоборот, отмечает, что «КСО представляет собой материальный фундамент корпоративного гражданства, который активно задействован практически во всех основных формах и направлениях отношений компании со своими контрагентами» [4, с. 8].

Обобщая специфику концепции корпоративного гражданства, можно утверждать о том, что данная концепция ориентирована на политическую сферу взаимодействия корпораций и общества (государства) и предполагает включение корпораций во взаимодействие с социальными и политическими институтами.

К числу альтернативных концепций КСО можно отнести также концепцию корпоративной устойчивости, в основе которой лежит идея о том, что корпоративное управление способствует созданию гибкой системы менеджмента, позволяющей быстро реагировать на различные неопределенности и случайности, а также мобилизовать ресурсы предприятий и противостоять прессингу со стороны экономической среды [6, с. 78].

Авторы, развивающие данную концепцию (Дж. Эллингтон, М. Ван Марревиик, Р. Штойер, Т. Диллик и другие), изначально трактовали ее как синтетическую концепцию, описывающую всю систему корпоративной социальной деятельности [1, с. 11]. Примечательно, что основные международные стандарты отчетности КСО ориентированы именно на учет аспектов концепции корпоративной устойчивости (Стандарт GRI, Стандарт ISO 26000).

Таким образом, в ходе эволюции концепции КСО были сформированы отдельные течения, дискуссия вокруг которых осуществляется зарубежными и отечественными исследователями по сей день. Общим для всех рассмотренных концепций является их социальная ориентация и учет ответственности за свою деятельность, оказывающую влияние на стейкхолдеров, что позволяет относить данные концепции к группе подходов, ориентированных на «социальную ответственность бизнеса».

Список литературы

1. Благоев Е. Ю. Эволюция концепции КСО и теории стратегического управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Менеджмент. 2011. Вып. 1. С 3–26.
2. Ерусланкина О. В. Роль заинтересованных групп в деятельности современной организации // Огарёв-Online. 2018. № 1 (106). С. 2.
3. Игумнов О. А. Теоретические аспекты генезиса корпоративной социальной ответственности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2012. № 7–1. С. 74–83.
4. Киварина М. В. Корпоративное гражданство: модели развитых стран // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2012. № 69. С 8–11.
5. Корпоративная социальная ответственность: учебник для бакалавров / под ред. Э. М. Короткова; Гос. ун-т упр. М. : Юрайт, 2012. 445 с.
6. Лясников Н. В., Дудин М. Н. Организация стратегической устойчивости в разрезе концепции развития инновационной системы стратегического корпоративного управления на предприятиях промышленности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8. С. 76–79.
7. Матвеева Е. В. Корпоративное гражданство как философия социально ответственного бизнеса: новый уровень развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2 (30). С. 49–54.
8. Петухов К. А. Феномен корпоративной социальной ответственности в странах Запада // Вестник Пермского университета. Серия: психология, философия, социология. 2010. № 3. С. 104–119
9. Полюшкевич О. А. Введение в корпоративную социальную ответственность : учеб. пособ. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 131 с.
10. Хаджиева Д. Х. корпоративная социальная ответственность в условиях национальной культуры // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 8. С. 198–200.
11. Meehan J., Meehan K., Richards A. Corporate social responsibility: the 3C-SR model/ International Journal of Social Economics. 2006. Vol. 33. № 5/6. P. 386–398.
12. Frederick W. C., From CSR1 to CSR2: The Maturing of Business-and-Society Thought/ Business and Society, 1978. Voll. 33. № 2. P. 159–16. URL: <http://www.williamcfrederick.com/articles%20archive/fromcsrtocsr.pdf>

УДК 330.3

ББК 65.29.

Главинская Н. В., *Иркутск*

Актуальные правовые проблемы ипотечного кредитования в России

Рассматриваются основные правовые проблемы развития ипотечного кредитования в России. Обозначаются причины и последствия недостаточной законодательной базы, а также низкого уровня проработанности имеющейся правовой базы. Приводятся примеры судебной практики субъектов Российской Федерации и анализ причин возникновения проблем, связанных с неурегулированностью некоторых вопросов со стороны российского законодательства.

Ключевые слова: ипотечное кредитование, обращение взыскания на имущество, отсутствие комплексного подхода.

Glavinskaya N. V., *Irkutsk***Current Legal Problems of Mortgage Lending in Russia**

The article describes the main legal problems of the development of mortgage lending in Russia. The author covers the reasons and consequences of the insufficient legislative base, as well as the low level of elaboration of the existing legal base. Provides examples of judicial practice of the constituent entities of the Russian Federation, analyzes the reasons for the emergence of problems associated with the unsettledness of some issues from the Russian legislation.

Keywords: mortgage lending, foreclosure on property, lack of an integrated approach.

О роли собственного жилья для человека можно привести множество доводов. И вряд ли найдется тот, кто готов отказаться от возможности проживать в собственном доме или квартире. При этом, наличие собственного жилья является одной из основных проблем каждого человека в современном мире. Ведь приобретение недвижимости за счет собственных средств для большинства людей затруднительно или вовсе невозможно. Казалось бы, наличие «крыши над головой» является одним из элементов базового набора, который должен иметь каждый человек для обеспечения безопасной жизнедеятельности. Кроме того, Конституция РФ провозглашает, что каждый гражданин имеет право на жилье. Тем не менее, причин отсутствия собственного жилья достаточно, основная из которых связана с несоответствием уровня дохода и рыночной стоимости недвижимости наряду с постоянным ростом уровня цен на недвижимость.

Данное обстоятельство рано или поздно заставляет задуматься почти каждого о приобретении жилья в рассрочку. Одним из способов приобретения жилья является ипотечное жилищное кредитование, которое в настоящее время стало одним из главных направлений государственной жилищной политики. Ипотечный кредит является наиболее реальным способом решения жилищной проблемы для многих людей, хотя и представляет собой длительный процесс, требующий повышенного внимания и способности грамотно оценить риски, связанные с ипотекой. На данный момент только 10 % граждан РФ имеют собственную жилую площадь более 18 кв. м. на одного человека. При этом всего 1 % граждан могут приобрести понравившуюся недвижимость за личные средства.

Актуальность данной темы обусловлена современным развитием ипотечного кредитования в России, а также значимостью ипотечного кредита в решении острой проблемы социально-экономического развития России – обеспечения собственным жильем основной части населения страны. Ипотечный кредит является мощным социальным инструментом, который реально помогает населению в нынешних

условиях развития экономики и является одним из главных направлений жилищной политики. А изучение проблем правового регулирования ипотеки становится все более актуальным, что обусловлено несовершенством законодательства об ипотеке и практики его применения.

На сегодняшний день в российском законодательстве разработан ряд документов, регулирующих процесс ипотечного кредитования, основными из которых являются ГК РФ и Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке». Однако, можно ли сказать, что нормативная база является достаточной и удовлетворяющей требования всех участников процесса ипотечного кредитования? На сколько глубоко изучена и проработана данная тема, и позволяет ли существующее в данной области законодательство бесперебойно регулировать вопросы ипотеки? Ответы на эти вопросы поможет получить исследование данной темы, проведенное на примере изучения судебных дел в РФ.

Оценка теоретической базы и анализ судебной практики показал, что, несмотря на стремительное развитие ипотечных обязательств, единообразная правоприменительная практика в этой области пока еще не сложилась, а значит и регулирующие данный процесс законы не в полной мере охватывают вопросы, решение которых лежит в области изучаемой темы. Встречается немало острых проблем, и порой даже принятие дополнительных законодательных актов их не решает, а напротив, вносит еще больше неясностей. То есть, несмотря на множество законов и иных нормативно-правовых актов, вот уже на протяжении многих лет остаются пробелы в регулировании вопросов ипотечного кредитования, что связано с отсутствием на этапе разработки и принятии законов/нормативно-правовых актов всесторонней оценки последствий. Государственное регулирование осуществляется в отдельных областях, в связи с чем имеются проблемы по делам, находящимся в рамках нескольких правовых полей. Данные обстоятельства говорят в пользу того, что тема ипотечного кредитования на сегодняшний день остается недостаточно изучена. Подтверждением данного вывода становится огромное множество фактов рассмотрения дел в судах регионов РФ, а разнообразие причин обращения в суд по данному вопросу подтверждает «многогранность» данной темы и становится очевидным, что недостаточно изучить вопрос регулирования ипотечного кредитования в качестве самостоятельного раздела. Необходимо подходить к вопросу комплексно, прорабатывая нюансы и оценивая последствия принятых законов, которые могут возникнуть в области смежных процессов, с одновременным внесением изменений в законодательную базу соответствующих областей.

В рамках данной темы рассмотрено несколько примеров судебных заседаний, основные из которых представлены в таблице.

Таблица

Примеры судебных заседаний

Суд	Постановление	Решение суда
Искитимский районный суд Новосибирской области	Решение № 2-520/2016 от 10 июня 2016 г. по делу № 2-520/2016	Расторгнуть кредитный договор. Взыскать с ответчика задолженность по договору. Обратить взыскание на предмет залога – квартиру
Ленинский районный суд г. Томска	Решение № 2-809/2016 2-809/2016-М-1084/2016 М-1084/2016 от 20 мая 2016 г. по делу № 2-809/2016	Исковые требования удовлетворить. Произвести раздел совместно нажитого имущества
Тихвинский городской суд Ленинградской области	Решение № 2-8/2016 2-8/2016(2-856/2015);-М-704/2015 2-856/2015 М-704/2015 от 4 марта 2016 г. по делу № 2-8/2016	Расторгнуть кредитный договор. Взыскать с ответчика задолженность по договору. Обратить взыскание на предмет залога – квартиру

Анализ судебной практики позволяет сделать выводы о наличии проблем правоприменения ипотечного кредитования, основными из которых являются[2]:

1) *несовершенство законодательства об ипотеке и практики его применения:*

– объекты недвижимого имущества являются предметом ипотеки (залога), при этом стоимость недвижимости практически всегда превышает сумму кредита;

– сложность погашения ипотечного долга путем обращения взыскания на жилье, приобретенное в ипотеку, если оно является единственным пригодным для постоянного проживания должника и совместно проживающих с ним членов семьи;

– отсутствие регулирования на законодательном уровне правил выселения должника и членов его семьи из дома, на который обращено взыскание;

2) *однообразная правоприменительная практика*

В качестве примера можно привести ст. 5 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об ипотеке (залоге недвижимости)», которая не включает в перечень объектов Залога нежилые помещения, при этом, на практике такие объекты зачастую становятся объектами залога. В связи с этим часто к таким объектам относят по-

мещения, являющиеся частью других сооружений, что приводит к проблемам в толковании права;

3) *отсутствие специального правового регулирования со стороны законодателя:*

Одной из сфер банковской деятельности традиционно является ипотечное кредитование [3, с. 18]. Правовое регулирование осуществляется в основном посредством норм ГК РФ (гл. 23, 42) и Федеральным законом от 16.07.1998 № 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)". В вопросах ипотечного кредитования необходимо, прежде всего, обращаться к специальной (конкретной) норме вышеуказанного закона, и только в случае ее отсутствия – к правилам ГК РФ. Однако, данное правило не работает, что приводит к теоретическим противоречиям и практическим проблемам [2];

4) *коллизии правового регулирования при использовании средств целевого назначения:*

Тот факт, что для имущества, приобретенного с привлечением заемных средств (в том числе в ипотеку), действуют те же правила, что и для имущества, приобретенного без кредитов, приводит к тому, что в части имущественных отношений часто возникают спорные вопросы.

Таким образом, низкая степень изученности и качества ряда документов законодательной базы РФ по данной теме, а также неготовности законодателя к регулированию процесса ипотечного кредитования является следствием ряда факторов:

1. Динамичное развитие рыночных отношений в конце 90-х гг XX в., в том числе в области жилищных вопросов, что потребовало от законодателя разработки множества новых нормативных актов, и переработки действующих в довольно сжатые сроки

2. Неготовность Общества к столь стремительному переходу от социалистических отношений к рыночным: не каждый способен объективно оценить риск и взять на себя ответственность за решение жилищного вопроса, требующего от него исполнения обязательств в долгосрочной перспективе

3. Отсутствие комплексного подхода при разработке нормативной базы. Ипотечное кредитование – вопрос, лежащий на пересечении нескольких областей государственного регулирования (затрагивающее не только жилищные вопросы, но вопросы, находящие в плоскости банковской сферы, института семьи, имущественных отношений, а также иных областях, так или иначе касающихся имущественных вопросов), соответственно требующий повышенного внимания и более глубокой проработки вопросов со стороны законодателя

4. Нестабильность рынка, которая не позволяет участником кредитного договора оценить риски ипотеки в полной мере. Постоянный рост инфляции, и как следствие, рост рыночной стоимости недвижимости, который довольно сложно спрогнозировать, даже человеку экономически образованному.

Изучив вопрос можно сделать вывод о том, что правовые проблемы, выявленные в рамках исследования данной темы, лежат на поверхности, но не могут быть решены в короткие сроки. Необходима разработка мероприятий, позволяющих решать проблемы, возникшие с развитием ипотечного кредитования, планомерно, без резких изменений законодательной базы. При этом, наряду со стремительным развитием рынка, требующим внедрения множества новых законов, в том числе в смежных областях, сопряженных с вопросами ипотечного кредитования, законодатель должен уметь оперативно реагировать на данные изменения. То есть задача законодателя заключается в способности удержания баланса между сроками разработки нормативно-правовых актов и уровнем качества их проработки. Законодатель должен стремиться, что бы принимаемые законы и иные нормативно-правовые акты обладали характеристиками, позволяющими не просто развивать ипотечное кредитование, но и сделать его работу бесперебойной и достигающей свои цели в полной мере, а именно, достичь удовлетворенности всех участников процесса: залогодатель в конечном счете должен приобрести жилье в собственность за разумную стоимость, а залогодержатель – получить за это достойное вознаграждение, при этом, должны быть соблюдены обязательства по договору ипотеки и требования всех правоустанавливающих документов. Основными характеристиками законов и иных нормативно-правовых актов (далее – НПА) должны стать:

– своевременность: законы/НПА должны приниматься своевременно, т. е. с появлением/развитием какого-либо процесса в Обществе правила его регулирования должны устанавливаться незамедлительно. Это значит, что законодатель должен понимать, что если в процессе перехода от социалистического строя к рыночным отношениям в банковской сфере появляется новый механизм кредитования и банки готовы предоставить новый инструмент, позволяющий решить жилищные проблемы любого нуждающегося гражданина, то уже к этому моменту должен быть разработан закон, регулирующий отношения между всеми участниками данного процесса;

– достаточность: закон/НПА должен в полной мере описывать права и обязанности, регулирующие тот или иной вопрос. Кроме того,

такой документ должен содержать права и обязанности, регулирующие последствия неисполнения данного закона;

– жизнеспособность: каждый документ должен отвечать требованиям взвешенности и адекватности, т. е. он не только должен иметь рычаги влияния на случай его неисполнения, но и позволять участникам процесса исполнять свои обязательства без ущемления прав каждой из сторон, а также третьих лиц;

– преемственность: законы/НПА должны учитывать требования существующей законодательной базы или уточнять действия их действия, а также отменять в связи с принятием новых;

– непротиворечивость: новые законы/НПА не должны противоречить действующим, т. е. законы должны быть направлены на урегулирование, а не на парализацию процесса;

Для достижения этой цели и разрешения проблем правоприменения, в настоящей статье предлагается рассмотреть меры по совершенствованию законодательства об ипотеке и практики его применения:

1. Понять, кто есть кто? Прежде всего, необходимо определить всех участников процесса, т. е. проанализировать, чьи интересы могут быть затронуты в процессе создания правового. Нужно понимать, чьи права могут быть нарушены, в рамках регулирования данного вопроса, кроме основных участников процесса (залогодатель и залогодержатель). *При исследовании данной темы, автором выявлены третьи лица: семья залогодателя (в том числе, несовершеннолетние дети) и пенсионный фонд, чьи интересы так или иначе были затронуты вследствие неисполнения залогодателем своих обязательств.* Данный шаг является основополагающим, т. к. от правильно поставленной задачи зависит 50 % успеха, а от качества принятого закона зависит справедливость решения суда.

2. Провести ревизию. Необходима инвентаризация и анализ содержания действующих законов/НПА, которые затрагивают или могут затронуть интересы участников ипотечного кредитования, с целью понимания актуальности и достаточности действующих регламентирующих документов. Проблемы, возникающие по данной причине, чаще всего связаны с отсутствием у законодателя достаточного количества времени на принятие решений. Данный шаг позволит понять, что мы имеем. Нельзя разрабатывать что-то новое, не принимая во внимание действующее.

3. Оценить риски. Перед принятием законов/НПА необходимо оценить риски, которые могут возникнуть при реализации разрабатываемых законодательных актов. Кроме того, оценить последствия этих

рисков и правила реагирования при их реализации, как со стороны законодателя, так и со стороны участников процесса. *В случае с проблемой, возникшей у участников процесса в рамках исследования данной темы (решение Тихвинского районного суда), налицо недооценка рисков и отсутствие понимания действий законодателя.* Данный шаг является главным при разработке законодательной базы, т. к. недостаточно просто определить правила, важно разработать правила, позволяющие достичь бесперебойную работу процесса, и быть готовым к последствиям, а значит не допустить правовых коллизий.

4. Использовать комплексный подход. Данный пункт является вытекающим из предыдущих и необходим для проработки вопроса, учитывая законодательные акты, регулирующие вопросы смежных областей. *В случае с рассматриваемым примером, данное предложение направлено на избежание проблем, лежащих в плоскости вопросов, регулирующих семейные отношения, права несовершеннолетних детей, правила использования средств целевого назначения, а также правила обращения взыскания.*

5. Испытательный срок. Важно понимать, что любой документ, как-бы грамотно он не был составлен, не сможет охватить все жизненные ситуации, а значит, что в процессе его реализации понадобится какое-то время на выявление пробелов и разработку мероприятий по их устранению. Поэтому во избежание массовых проблем правоприменения в некоторых вопросах гражданского права предлагается использовать подход поэтапного внедрения, т. е. вводить законы/НПА с определенным сроком действия, либо распространяющиеся на определенный круг объектов/субъектов. Данный способ позволит выявить проблемы и при этом не получить массовые судебные разбирательства, а значит позволит получить возможность для оперативного внесения изменений в законодательные акты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 30.11.1994 г.)
2. Стряпан О. О. Некоторые проблемы правового регулирования ипотеки // Студенческий форум: электронный научный журнал 2017. № 11(11)
3. Мальцев О. В. Проблемы реализации кредитных правоотношений в законодательстве Российской Федерации // Банковское право. 2009. № 5. 21 с.
4. Решение № 2-8/2016 2-8/2016(2-856/2015;) ~М-704/2015 2-856/2015 М-704/2015 от 4 марта 2016 г. по делу № 2-8/2016
5. Решение № 2-809/2016 2-809/2016~М-1084/2016 М-1084/2016 от 20 мая 2016 г. по делу № 2-809/2016
6. Решение № 2-520/2016 от 10 июня 2016 г. по делу № 2-520/2016
7. Официальные сайты областных и районных судов субъектов Российской Федерации.

УДК 321.015
ББК 65.012

Гантимуров В. Р., *Иркутск*

Благоприятные условия для ведения бизнеса в период пандемии: экономические, социальные и моральные риски (по материалам СМИ)

Излагаются результаты проведенного контент-анализа о состоянии бизнеса и экономики в России в условиях пандемии. Выявляется специфика отличия государственных и негосударственных средств массовой информации в этом аспекте. Делается вывод о влиянии деятельности СМИ на ситуацию в обществе.

Ключевые слова: контент-анализ, бизнес, экономический кризис, пандемия, СМИ.

Gantimurov V. R., *Irkutsk*

Favorable Conditions for Doing Business in the Pandemic Period: Economic, Social and Moral Risks (According to the Results of the Content Analysis)

The article analyzes the results of a content analysis on the state of business and the economy in Russia in a pandemic. The specificity of the difference between state and non-state mass media in this aspect is revealed. Conclusions are drawn about the impact of media activities on the situation in society.

Keywords: content analysis, business, economic crisis, pandemic, media.

Современная ситуация в мире экспертным сообществом преимущественно оценивается как кризисная, и ситуация в России в общемировой динамике – не исключение. Мировой экономический кризис 2008–2009-х гг., затем введение санкций в 2014 г. и теперь глобальная пандемия COVID-19. Экономику в России с момента распада Советского Союза можно охарактеризовать скорее как развивающуюся, поэтому общемировые события 2020 г., нанешие значительный вред экономике всех мировых держав, особенно значимы для нашей страны. Тем не менее, восприятие кризиса бизнесом в стране неоднозначно: некоторые предприятия оказались вынуждены прекратить работу, претерпевая огромные убытки, некоторые смогли адаптироваться к некоторым условиям, а некоторых кризис и вовсе коснулся лишь непосредственно. Экономические риски в условиях пандемии спровоцировали появление социальных и моральных рисков, как, например, невозможность владельцев бизнеса выплатить зарплаты сотрудникам, положение которых, соответственно, нельзя назвать никак иначе как бедственным. Множество предприятий, не дождавшись выхода из периода самоизоляции, были вынуждены объявить банкротство.

В данном исследовании для апробации теоретических положений был проведено пилотажное социологическое исследование. Исследо-

вание производилось посредством контент-анализа с целью выяснения представленности категорий, связанных с темой в крупных интернет-СМИ. В качестве объектов анализа были выбраны следующие СМИ: «ТАСС» [4]; «РБК» [3]; издание телеканала «РТ» [5]. Анализируются рубрики «Мнения», представленные на сайтах всех указанных изданий. В данной рубрике в формате коротких новостных статей собраны мнения экспертного сообщества на различные актуальные темы. Временной отрезок, выбранный для анализа 01.04.20–31.05.20. Сводка по собранным материалам представлена ниже.

Таблица 1

Издания	Собрано материалов (статей)		Всего
	Апрель 2020 г.	Май 2020 г.	
«ТАСС»	52	48	100
«РБК»	99	103	202
«РТ»	72	83	155
Всего	223	234	457

Выделенные единицы анализа были обнаружены в 35 статьях из общего массива (457 статей). Из них 9 относятся к изданию «ТАСС», 12 – к изданию «РБК», 14 – к изданию телеканала «РТ». Общее распределение представлено на рис. 1.

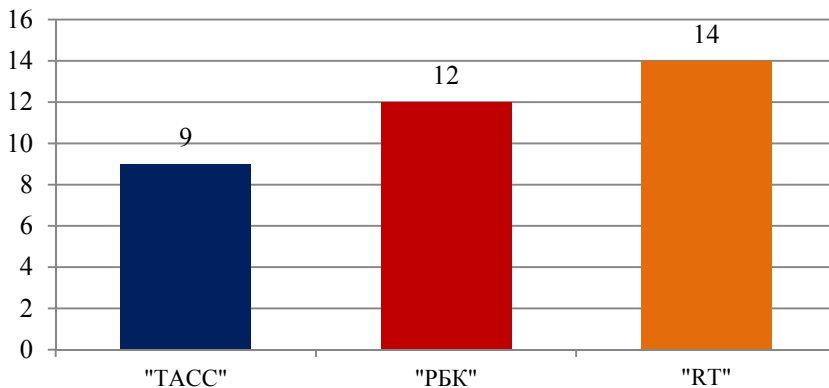

Рис. 1. Распределение релевантных для анализа статей по СМИ

Таким образом, количество публикаций с упоминанием указанной темы составляет около 7,7 % от общего массива (457 статей). Количество публикаций с упоминанием темы отдельно по изданиям: 1) «ТАСС» – 9 % от массива (100 статей); 2) «РБК» – 5,9 % от массива (202 статьи); 3) «РТ» – 9 % от массива (155 статей). Более высокий процент в случае агентства «ТАСС» можно объяснить характером са-

мой организации. Государственные СМИ уделяют данной теме больше внимания, так как от ситуации в этой области зависят многие государственные решения. Кроме того, государство среди населения правомерно воспринимается как основной источник (в первую очередь официальной) информации в данной области, что накладывает на государственные СМИ определенные обязанности. Частные СМИ несмотря на то, что также освещают наиболее актуальные и релевантные темы, не обременены такими обязанностями по информационному осведомлению. Это и обуславливает довольно существенную разницу в процентном соотношении.

Также примечателен еще один аспект отличия государственных СМИ от частных. Он заключается в окрасе подаваемой информации, а именно в контексте, в котором упоминаются анализируемые категории и единицы (подчеркнем то, что имеется в виду не эмоциональный окрас, присущий исследованиям в области социальной психологии, а скорее оценка текущей ситуации). Мы выделили три вида таких оценок: позитивные, негативные и нейтральные.

Таблица 2

Издания	Оценки			Всего
	Позитивные	Нейтральные	Негативные	
«ТАСС»	3	3	4	9
«РБК»	1	5	6	12
«РТ»	2	4	8	14
Всего	6 (17,1 %)	12 (34,3 %)	18 (51,4 %)	35

Как показывают результаты анализа, представленные на табл. 2, в публикациях государственного информационного агентства «ТАСС» единицы анализа упоминаются в позитивном ключе больше, чем в других СМИ. В свою очередь в негосударственных СМИ ситуация противоположная, упоминания фигурируют в негативном контексте. В нейтральном контексте упоминания фигурируют в малой части публикаций. Такое распределение опять-таки объясняется характером средств массовой информации. Государственные СМИ, вероятнее всего, таким образом используют информационные методы стабилизации общественного дискурса. Формирование определенной информационной модели, особенно если она имеет «официальный» характер (в том ключе, что сформирована государством), определенным образом влияет на общественное сознание. Тем самым можно добиться недопущения многих нежелательных для государства и непосредственного самого населения сценариев развития общественной ситуации. В социальной теории это может быть обосновано в рамках парадигмы

конструировании социальной реальности, а также важным аспектом является противостояние в рамках информационной войны, в которой нашу страну еще до пандемии пытаются представить в негативном свете для граждан. У частных СМИ в этой ситуации больше свободы действия, поскольку они не стеснены той ответственностью, которая лежит на плечах государственных СМИ, и могут «рубить с плеча». Нацеленность на привлечение к СМИ внимания также влияет на это, так как заставляет обращаться к наиболее релевантным сюжетам. В свою очередь критический характер публикаций зачастую положительно влияет на их популярность среди населения, выгодно выделяя их из группы ангажированных СМИ.

Подводя итог проведенному анализу, стоит отметить, что СМИ, в большинстве случаев, представляют положение бизнеса в стране в период пандемии как кризисное. Нами был отмечен небольшой сдвиг во мнениях, подаваемых через государственные СМИ, который объясняется зависимостью организаций от власти и социальной ответственности, которая связана с реакцией людей на освещаемую ситуацию в стране и конструированием общественного мнения. Тем не менее, проанализированные нами СМИ как государственные, так и частные, не замалчивают ситуацию в стране и оценки, предоставляемые ими соотносятся с личным мнением граждан: крупная часть бизнеса в стране получила огромный урон в ходе пандемии в экономическом плане, что вылилось на людей связанных с ним в виде социальной и моральных рисков. Однако, за исключением совсем молодого поколения, граждане России уже были в похожих экономических условиях в ходе кризисов 2008, 2014, а также 1990-ых, поэтому в стране не вспыхнули массовые беспорядки и властям остается лишь немного помочь бизнесу «встать на ноги» после пандемии и адаптироваться к новым условиям общемировой экономической системы.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с.
2. Грабельных Т. И., Кузьмина Е. С. Экспертно-аналитическая функция социологии в исследовании роли Общественной палаты региона в формировании гражданского общества (на примере Иркутской области) // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2015. С. 165–168.
3. Сайт газеты «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 03.06.2020).
4. Сайт информационного агентства «ТАСС» URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 03.06.2020).
5. Сайт некоммерческой организации «ТВ-Новости», 2005–2019 гг. URL: <https://russian.rt.com/> (дата обращения: 03.06.2020).

УДК 347(075)
ББК 67.5я7

Ананьина Э. Д., *Иркутск*

Независимая экспертиза в экономической сфере: условия и возможности проведения

Раскрывается сущность независимой экономической экспертизы и деятельности эксперта. Рассматривается судебная и не судебная независимая экономическая экспертиза, условия и возможности ее проведения.

Ключевые слова: независимая экспертиза; экономическая сфера; экономическая экспертиза; независимая оценка.

Ananina E. D., *Irkutsk*

Independent Expertise in the Economic Sphere: Conditions and Opportunities

The article below reveals the essence of independent economic expertise and the activities of the expert. The article provides a complete definition of this expertise, as well as reflects its purpose and objects of research. The article shows the essence of judicial and non-judicial independent economic expertise and describes the conditions and opportunities for its implementation.

Keywords: independent expertise; economic sphere; economic expertise; independent assessment.

В каждой стране в наше непростое время присутствуют экономические проблемы. На многих предприятиях и в организациях часто возникают спорные вопросы и ситуации, вследствие чего участники прибегают к процедуре проведения экономической экспертизы.

Экономическая экспертиза в широком смысле – это совокупность исследований экономических аспектов и разрешения вопросов деятельности субъекта. Например, экономической экспертизой пользуются, когда нужно оценить какую-либо сделку, вещь, земельный участок и т. п. По факту экономическая экспертиза – совместный труд как исполнителя экспертизы, так и ее заказчика. Экономическая независимая экспертиза, безусловно, может снизить различные финансовые риски компании. Также она может служить доказательством при разбирательстве в суде. Данная экспертиза выявляет проблемы и устанавливает пути их решения.

Цель независимой экономической экспертизы: сравнение финансовых, бухгалтерских и экономических характеристик деятельности в отчетности с фактическими показателями и формирование рекомендаций заказчику.

Объекты исследования независимой экономической экспертизы: бухгалтерская документация, отчетность, налогообложение [1; 2]. Обязательно в процессе проведения экономической экспертизы требуется именно первичная и итоговая документация. Предоставляются

чеки, квитанции, отчет о прибылях и убытках, главная бухгалтерская книга, бизнес-план и т. д.

Существуют судебная и несудебная экономическая экспертизы.

Судебную независимую экономическую экспертизу обычно заказывают коммерческие организации, суды, прокуратура, органы таможенного контроля, а также собственники бизнеса и частные лица [3].

Несудебная независимая экономическая экспертиза проводится в непроцессуальной форме. Обычно данная процедура проводится при банкротстве, при проверке таких инстанций, как контрагентство и налоговая. При проверке налоговой инспекции компания заказывает экономическую независимую экспертизу, для того чтобы выявить все недочеты в работе, немедленно их устранить и быть готовой к проверке налоговой инспекции. По итогам независимой несудебной экономической экспертизы составляется акт экспертного исследования. После составления данного акта заключается соглашение с целью избежания суда.

Несовпадение цифр и фактов при проведении экспертизы может означать, что произошло искажение в отчетах с целью сокрытия противоправных действий. Во многих случаях сами эксперты должны найти факты, которые бы доказали использование липового документа. Также экспертам приходится всячески доказывать экономическое преступление, заключающееся в полном уничтожении реальных документов отчетности. Для этого эксперты делают запросы в банки и контрагентства, отыскивают данные уже о проведенных операциях. Данный процесс называется встречной проверкой. Безусловно, при проведении экономической независимой экспертизы эксперты должны уметь мыслить логически, стараться найти взаимосвязь и сделать точное сравнение изначальных, промежуточных и итоговых показателей в бухгалтерских документах.

Эксперт при проведении экономической экспертизы делает комплексную аналитику внутренних и внешних экономических связей и процессов. Также эксперт дает рекомендации и советы по предотвращению экономической зависимости и мошенничества.

Список литературы

1. Система экономических наук / под ред. К. В. Островитянова [и др.], М., 1968. С. 5–70, 147–256, 267–460;
2. Вопросы классификации экономических наук // Экономические науки. 1976. № 4. С. 18–31.
3. Шляхов А., Ромашов А. Судебная планово-экономическая и финансово-экономическая экспертизы // Социалистическая законность. 1980. № 4. С. 53–53.

УДК 334.027
ББК 65.29

Ляликова А. А., *Иркутск*

Должно ли государство поддерживать малый и средний бизнес?

Рассматриваются формы и меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в современной России. На примере Иркутской области обозначается специфика государственной поддержки на региональном уровне. Указываются формы государственной поддержки предпринимателей в условиях пандемии.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка.

Lyalikova A. A., Irkutsk

Should the State Support Small and Medium Businesses?

The article examines the forms and measures of state support for small and medium-sized businesses in modern Russia. On the example of the Irkutsk region, the specificity of state support at the regional level is shown. The forms of state support for entrepreneurs in a pandemic are considered

Keywords: small and medium business, government support.

Поиск ответа на вопрос, вынесенный в заглавие статьи, актуализируется в современных условиях, когда во всем мире разворачивается беспрецедентный кризис, демонстрирующий не только замедление темпов экономического роста, но и затрагивающий абсолютно все сферы общественной жизни. Кризис 2020 г., на фоне распространения нового коронавируса, будоражит умы теоретиков – исследователей, пытающихся понять и объяснить происходящее, простых граждан, ощущающих существенное падение доходов, предпринимателей, ищущих хоть какие-то возможности избежать банкротства, государственных чиновников, стоящих перед сложной дилеммой – кого и в какой мере необходимо поддерживать в этих условиях. Частично ответ на этот вопрос кроется в иррациональности суждений и представлений о взаимодействии различных социальных институтов [1; 2], а частично опирается на нехватку знаний населения о деятельности органов власти в сфере поддержки малого и среднего бизнеса.

Малые и средние предприятия являются самостоятельным и незаменимым элементом рыночной экономики. По данным ООН, в целом на малых и средних предприятиях в мире занято почти 50 % трудоспособного населения и производится 33–60 % национального продукта, а значит, можно говорить о главенствующей роли субъектов малого и среднего бизнеса в современной экономике [6]. Так, по данным Института экономики роста им П. А. Столыпина, один из самых высоких

показателей доли малого и среднего бизнеса в экономике демонстрирует Италия – 68 % (медианное мировое значение – 58 %), Нидерланды – 63 %, Германия – 53 %, в Великобритании – 51 % [5]. Таким образом, в развитых странах сфера малого и среднего предпринимательства обеспечивает практически половину ВВП и играет существенную роль в формировании налоговых доходов государств. Кроме того, малый и средний бизнес создает новые рабочие места, формирует важнейшую прослойку общества – средний класс, способствует развитию инновационного потенциала экономики, не боится внедрять новые формы организации производства, сбыта и финансирования.

В России малый и средний бизнес не играют такой существенной роли в экономике, как в странах с уже сформировавшимся и развитым рынком. По данным Росстата, доля малого и среднего бизнеса в экономике страны в последние годы варьируется около 20 %. Но это не означает, что его развитие не является приоритетом государства, и государство устраняется от его поддержки. Как раз наоборот, вопрос

«Должно ли государство поддерживать предпринимателей?» решается однозначно в пользу необходимости и важности такой поддержки. Конкретные меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства очень сильно разнятся от региона к региону, но общий список того, чем государство может помочь предпринимателям, выглядит следующим образом:

- гранты на открытие бизнеса
- гарантийная поддержка по кредитам
- субсидии, предоставляемые федеральными, региональными или местными властями на конкурсной основе
- скидки на лизинг
- займы по сниженным ставкам
- льготы на аренду
- обучение предпринимателей

Необходимо отметить, что малый и средний бизнес в России развивается неоднородно, причинами этого являются диспропорции социально-экономического развития регионов, различный уровень доходов населения и платежеспособного спроса, различный уровень развития бизнес – инфраструктуры, что определяет состояние малого и среднего бизнеса в регионах страны [1].

На примере одного из субъектов Российской Федерации – Иркутской области, мы выясним, в какой мере и в каких формах здесь оказывается государственная поддержка малого и среднего бизнеса.

Отметим, что наша область – это уникальный регион, обладающий мощным природоресурсным, промышленным, научно-техническим и инновационным потенциалом. Природные ресурсы Иркутской области являются важным фактором развития предпринимательства. На территории области расположен крупнейший в мире резервуар чистой пресной воды и уникальный рекреационный объект – озеро Байкал. В области сосредоточены крупнейшие по запасам месторождения редких металлов, в том числе и золота, газа и конденсата, нефти. Значительная площадь территории области покрыта лесами, в том числе защитными и резервными. Иркутская область обладает разнообразием энергетических ресурсов, что определяет низкие тарифы на электрическую энергию. Это способствует существенному снижению издержки производства, что в свою очередь снижает себестоимость готового продукта, значительно укрепляя конкурентоспособность предприятий области [3]. Иркутская область может служить опорным центром для развития взаимоотношений Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, ведь исторически столица Восточной Сибири – г. Иркутск, выступал крупным торговым центром, узловой точкой на пересечении торговых маршрутов «Восток – Запад» и «Север – Юг». В области находится большое число научно-исследовательских и проектных институтов, которые достаточно стабильно финансируются из федерального бюджета. Все эти факторы формируют благоприятную основу развития малого и среднего предпринимательства. В свою очередь, малые и средние предприятия вносят существенный вклад в развитие экономики региона. Так, согласно рейтингу регионов Сибирского федерального округа в 2019 г, Иркутская область занимала устойчивое 3 место по количеству и объему оборота микро и малых предприятий (17-е и 18-е место по России).

Таким образом, малое и среднее предпринимательство является неотъемлемой и очень важной частью экономической системы региона. По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы на 10 января 2020 г. учтено почти 89 тысяч предприятий, из них около 42 % юридических лиц и 58 % индивидуальных предпринимателей. На рисунке 1 отображена динамика изменений количества МСП в Иркутской области за 2017–2020 гг.

Почти четверть работающего населения и общего объема оборота продукции и услуг, производимых и реализуемых предприятиями Приангарья, приходится на сектор малого и среднего бизнеса.

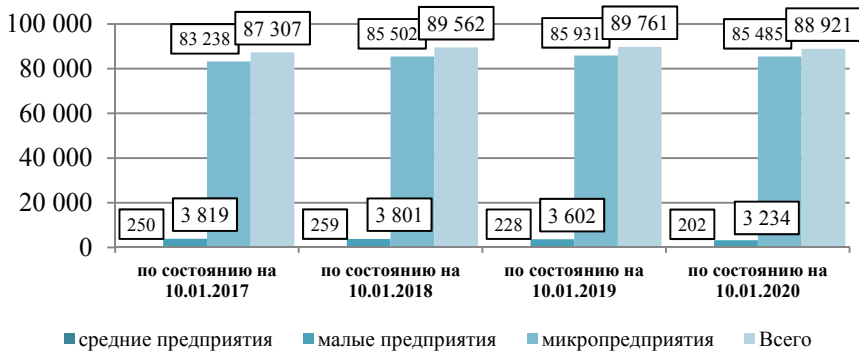

Рис.1 Динамика изменений количества МСП в Иркутской области за 2017–2020 гг.

В 2019 г. по сравнению с 2018 г. под влиянием экономических факторов и изменений рыночной конъюнктуры отмечена сдержанная динамика развития предпринимательства:

- при увеличении количества индивидуальных предпринимателей на 1,5 % количество микро, малых и средних предприятий (юридических лиц) снизилось на 4,1 %;
- количество субъектов малого и среднего предпринимательства (включая индивидуальных предпринимателей) в расчете на 1 тыс. человек населения оценивается на уровне 37,1 (в 2018 г. – 36,6), что ниже общероссийского показателя на 3,2 пункта (в 2019 г. в целом по России – 40,3);
- среднесписочная численность работников, занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, составила 219,1 тыс. человек, это на 4,9 % ниже уровня 2018 г.;
- при объеме инвестиций в основной капитал малых и средних предприятий в размере 3,2 млрд руб. оборот хозяйствующих субъектов за 9 месяцев 2019 г. составил 505,0 млрд руб., за год оценивается на уровне 712,3 млрд руб. (в 2018 г. при объеме инвестиций в основной капитал в размере 7,0 млрд руб. оборот хозяйствующих субъектов составил 717,6 млрд руб.);
- объем налоговых поступлений хозяйствующих субъектов в консолидированный бюджет региона составил 9,0 млрд руб. (5,4 % всех налоговых поступлений), в 2018 г. 8 млрд руб. (5,0 % всех налоговых поступлений);
- основными видами предпринимательской деятельности являются оптовая и розничная торговля (33,8 % малых предприятий занято

в отрасли), строительство (12,1 %), обрабатывающие производства (11,7 %), операции с недвижимым имуществом (8,3 %);

В 2020 г. в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) произошли серьезные изменения в работе предприятий малого и среднего бизнеса. Для одних сегментов бизнеса данный фактор принес огромные потери, для других – послужил импульсом развития. Например, предприятия ресторанного бизнеса и бизнеса в сфере услуг значительно пострадали, в то время, как предприятия в сфере фармацевтики, медицины и онлайн-предпринимательства динамично развиваются. Кроме того, следует заметить, что у промышленных и производственных предприятий существует риск отложенного кризиса, так как цикл работы промышленного предприятия гораздо длиннее, чем, у предприятий сферы досуга. Соответственно, в ближайшем будущем, можно ожидать существенного ухудшения в работе предприятий малого и среднего бизнеса в целом

Однако, необходимо отметить, что малые и средние предприятия могут проявлять крайнюю гибкость в ответ на изменения в мире, однако эта особенность делает их и уязвимыми к негативному воздействию экономической конъюнктуры, в первую очередь – из-за недостаточной финансовой прочности [2].

Государство, понимая и правильно оценивая факторы риска для малого и среднего бизнеса в условиях пандемии, разработало и реализует, дополнительно к уже хорошо зарекомендовавшим себя мерам поддержки, и дополнительные меры:

- гранты на заработную плату;
- отсрочка по всем налогам 6 месяцев;
- отсрочка по страховым взносам 6 месяцев;
- беспроцентный кредит на зарплату сотрудникам 6 месяцев;
- отсрочка арендных платежей;
- мораторий на взыскание долгов и штрафов;
- мораторий на банкротство;
- снижение требований к обеспечению при участии в госконтрактах;
- программа льготного кредитования

Без такой поддержки малому и среднему бизнесу, столкнувшемуся с беспрецедентными рисками, было бы практически невозможно сохраниться. Отметим еще один аспект государственной поддержки предпринимателей [4]. В сложившейся ситуации становится очевидным, что для преодоления кризисных тенденций нужны инновационные решения. Именно инновационный бизнес, всегда работает на опережение, выступая своеобразным трамплином для развития предпри-

нимательства после пандемии. Именно поэтому, приоритетом государства является поддержка высокотехнологичных предприятий.

В заключение еще раз отметим, что поддержка малого и среднего бизнеса в России не только традиционно находится в фокусе внимания государственной политики, но и занимает особое место в повестке борьбы с последствиями COVID-19.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 2. С. 76–84.
3. Бесценный Д. С. Роль субъектов малого и среднего предпринимательства в экономика развитых стран // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2009. № 4. С. 56–58.
4. Бухвальд Е. М. Модернизация экономики и новые подходы к политике поддержки малого и среднего предпринимательства // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1 С. 45–52.
5. Грицунова С. В., Лотарева К. М. Развитие малого предпринимательства в России // Интернет-журнал «Мир науки» 2015. № 2. С. 2–13.
6. Институт экономики роста им П. А. Столыпина. Иммунная система мировой экономики Электронная. Версия. URL: <http://www.stolypin.institute/presscenter/page/6/> (дата обращения: 01.11.2020).
7. Курочкин Н. С. Проблемы финансирования малого и среднего предпринимательства в России // Вопросы науки и образования. 2018. № 9 (21). С. 25–30
8. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

УДК 316.422
ББК 65.27

Сафонов С. А., *Иркутск*

Проведение экспертизы в процессе принятия управленческих решений: требование объективности

Рассматривается влияние рационализации на становление экспертного знания. Подчеркивается необходимость объективной и достоверной экспертизы в структурах государственного и муниципального управления. Делается вывод, что усложнение социальных процессов требует доработки существующих экспертных методик и разработки новой экспертной методологии основанной на принципах объективности.

Ключевые слова: экспертиза, рационализация, экспертно-аналитическая деятельность, объективность, управленческие решения.

Safonov S. A., *Irkutsk*

Conducting Expertise in the Process of Making Managerial Decisions: the Requirement of Objectivity

The article examines the impact of rationalization on the formation of expert knowledge. The need for objective and reliable expertise in the management structure is emphasized. The complexity of social processes requires the improvement of existing expert methods and the development of a new methodology based on the principles of objectivity.

Keywords: expertise, rationalization, expert-analytical activity, objectivity, management decision.

Общественная жизнь никогда не находится в статичном состоянии, она представляет собой постоянное развитие и эволюцию общественных отношений. В течение последних 50 лет современный мир претерпел изменения глобализационными и институциональными изменениями, трансформировался виртуальной реальностью, экономическими кризисами, мультикультурализмом. Одним из составных элементов глобализационных процессов выступили транснациональные корпорации – капиталистические гиганты, имеющие свои управленческие структуры в разных странах мира. Их гибкая и рационально выстроенная организация позволяет эффективно управлять предприятиями избегая географических преград. Практика такого продуктивного менеджмента позволяет говорить и о трансформациях в различных других управленческих отраслях.

В эпоху повсеместной рационализации особой проблемой становится процесс принятия управленческих решений. Термин рационализации английский социолог Э. Гидденс определяет как: «Длительный социальный процесс, в ходе которого традиционные идеи и верования замещаются методическими правилами и формальным, в терминах цели и средств, мышлением» [1, с. 38]. Путь рационализации общественной жизни был выбран не случайно. Макс Вебер обращал внимание на растущую значимость рационализации как способа эффективного ведения капиталистической экономики, а также с развитием и усилением роли научных институтов. Потребность в объективном знании, а также профессионального бюрократического аппарата способного внедрять продукты научной деятельности способствовали развитию экспертного сообщества.

Усложнение социальных процессов и институциональных механизмов, а также стратегий их регулирования сделали новый «управленческий вызов» современному обществу. Динамичные социальные системы и скорость их трансформаций требует от современного управленца более быстрых реакций на те или иные социальные изменения. При разрешении определенного вопроса, одним из критериев грамотного управленческого вывода являются такие критерии как: эффективность и объективность данного заключения. Достижение эффективности происходит путем минимизации издержек и учет всех фактов, так или иначе оказывающих влияние на процесс принятия решения. Вопрос же объективности должен задаваться с начала реализации экспертизы путем подбора наиболее независимых субъектов-экспертов в силу их базового образования и отношения к интересующей области исследования.

К экспертной деятельности также предъявляются государственные требования в основе которых лежат принципы объективности и достоверности. Как справедливо отмечает Т. И. Грабельных: «Любой проект программы необходимо системно прорабатывать на межведомственном уровне посредством согласований и соглашений, т. е. «политического консенсуса», с опорой на профильное министерство (заказчика/разработчика)» [2, с. 122]. Отсюда мы можем заключить, что объективность и наибольшую достоверность экспертно-аналитической деятельности будет обеспечивать наличие многоуровневости, а также междисциплинарности используемой методологии. Такой прикладной редукционизм позволяет обеспечить не только наличие межведомственного соглашения, но и способствовать включению в процесс экспертизы и независимых организаций, общественных наблюдателей, профильных структур.

Развитию и поддержанию объективности экспертного знания будут способствовать также разработка и внедрение единых предметов и методов экспертной деятельности, независимых от квалификации эксперта. Стоит отметить и возрастающую важность единой нормативно-правовой базы для экспертных оценок. Такой «документальный фундамент» даст возможность проводить экспертные процедуры независимо от места проведения экспертизы – в федеральном или областном центре, или же в муниципалитетах. Главным положительным моментом такой базы станет сокращение сроков рассмотрения документации относящейся к объекту экспертизы (перечень свод и правил, федеральные НПА, региональные НПА и т. д.).

Резюмируя все вышесказанное можно заключить о важности экспертизы в общественной структуре. Необходимы доработки экспертной системы, основанных прежде всего на принципах объективности. Любой проект необходимо подвергать критическому осмыслению со стороны различных ведомств на наличие уязвимостей и их корректировок. Во всех экспертных мероприятиях с участием заинтересованных субъектов необходим рационалистический подход – поиск наиболее эффективного метода решения проблем и его апробация.

Список литературы

1. Гидденс Э., Саттон, Ф. Основные понятия в социологии / пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко ; под науч. ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 336 с.
2. Грабельных Т. И. «Рационализация» экспертно-аналитического подхода в реализации программно-целевых технологий в деятельности органов государственного управления в сложных условиях // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 120–122.

УДК 332.1:331.5
ББК 65.9(2)049

Стрельцова А. А., *Иркутск*

Проблемы занятости в современной России: мифы и реальность

Исследуется рынок труда и занятость населения современной России. Рассматриваются основные проблемы и перспективы развития экономики. Описываются основные мифы о проблемах занятости в России. Предлагаются данные для объективной оценки нынешнего положения российской экономики.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, экономика, перспективы развития, социальные мифы.

Streltsova A. A., *Irkutsk*

Employment Problems in Modern Russia: Myths and Reality

The article provides information about the situation on the labor market and employment in modern Russia. The main problems and prospects of economic development are considered. It also describes the main myths about employment problems in Russia and provides data for an objective assessment of the current state of the Russian economy.

Keywords: employment, labor market, economy, development prospects, social myths.

Безработица – социально-экономическое явление, при котором часть трудоспособного населения, которые способны и желают трудиться по найму, но не могут найти работу. В Российской Федерации безработными считаются трудоспособные граждане, ищущие работу, зарегистрированные на бирже труда и не получающие работу, соответствующую их трудовым навыкам, образованию, запросам. Безработица бывает структурная, сезонная, циклическая и региональная. Безработица является следствием научно-технического прогресса, роста эффективности производства, изменения отраслевой структуры экономики, сокращения производства, в результате чего высвобождается рабочая сила либо предъявляются новые требования к ее качеству и структуре. Безработица резко увеличивается в период кризисов.

В современном мире одним из основных показателей развитости страны является уровень ее экономического развития, который в свою очередь включает в себя развитость рынка труда. Российская экономика в настоящее время находится на этапе становления и планомерного развития в связи со сменой всего строя страны. Занятость является важнейшим фактором, влияющим на благосостояние населения. Она влияет на возникновение такого социально-экономического фактора, как безработица, которая затрагивает миллионы людей во всем мире. В большинстве стран низкий уровень заработной платы и безработица при-

водят к тому, что жизнь людей опускается до уровня нищеты и главной целью для них является поиск выхода из экономического тупика.

Для современного рынка труда России характерен достаточно высокий процент безработицы и одновременно имеется недостаток квалифицированных кадров. На данную ситуацию на рынке труда значительное влияние оказывает уровень оплаты труда [5]. Некоторые ученые считают безработицу результатом теорий заговора [6; 7], наоборот – естественным условием для развития экономики [1; 3; 5; 6].

Экономически безработицу можно считать закономерным явлением, так как она связана с нормальным действием механизма рынка: избыток (как и недостаток) рабочей силы ведет к развитию прогрессивных видов деятельности и к исчезновению предприятий-банкротов. Но с социальной точки зрения безработица, несомненно, является злом; она ведет к обострению социальных проблем и общественной напряженности, в том числе вызывает рост преступности. Потеря работы воспринимается человеком как психическая травма, которая сопровождается сильным стрессом. Человек без работы, не принося обществу пользы, живет на средства помощи от государства, которые позволяют поддерживать его существование на минимальном уровне. Поэтому безработица – сложная и серьезная проблема даже для экономически развитых стран.

Причинами снижения занятости могут служить такие факторы, как динамичные изменения в экономике, которые связаны с кризисными явлениями, а также снижение темпов экономического роста. Снижение уровня экономической активности оказывает влияние на сокращение уровня занятости в отраслях, к которым относятся сельское хозяйство, строительство, промышленность и многие другие.

Основными тенденциями в сфере рынка труда и занятости населения является: сохранение большого государственного сектора в экономике, несмотря на приватизацию большей части собственности; медленный темп роста заработной платы по стране (за исключением Московской области, в которой прирост заработной платы в период с 2014 по 2018 гг. составил 10 % и обошел общероссийский более чем в 2 раза); относительно высокий уровень безработицы [3].

Занятость населения является одной из основных «проблем» российской экономики. Сохраняется высокий уровень сезонной безработицы и потоков рабочей силы, нехватка высококвалифицированных рабочих, нестабильная демографическая ситуация (низкая рождаемость и тенденция к старению населения). Уровень безработицы неоднородный и имеет разные показатели в зависимости от региона.

Так, например, по данным Федеральной Службы Государственной Статистики на июль 2019 г. уровень безработицы в Центральном федеральном округе составил 2,8 % от общего числа населения в возрасте от 15 до 72 лет, а в Северо-Кавказском округе данный показатель является самым высоким и составляет 10,7 % [4]. В других округах показатели колеблются в среднем от 3 до 6 %.

Несмотря на это по уровню занятости Россия входит в число мировых лидеров. Так, в настоящее время, в Канаде уровень безработицы по стране составляет 7 %, в России же он составляет 4,5 % [1]. В целом динамика по преодолению безработицы в России положительная. С 2010 г., когда уровень безработицы по стране был 7,3 %, он снизился на 2,8 %, что, безусловно, является хорошим показателем развития экономики и рынка занятости страны [4]. Лидерами по снижению безработицы, по данным на 2018 г., стали Татарстан, Карелия и Башкирия, ухудшилась ситуация в Ленинградской и Чеченской областях [5].

Согласно докладу всемирной организации труда, уровень безработицы в России снижается из года в год, что дает возможность сделать положительный прогноз в сфере стабилизации и развития рынка труда и занятости населения. По мнению министерства труда, в условиях экономического роста и росте потребности в работниках будет преодолена отрицательная динамика занятости населения, одновременно с расширением границ трудоспособного возраста и увеличением числа занятых в большинстве сфер кроме сельского хозяйства, торговли, социального обеспечения и других мало востребованных отраслях [2]. На наш взгляд, продолжится рост востребованности среди IT-специалистов, работников сферы обслуживания, фрилансеров, маркетологов, психологов, а также специалистов, обладающих креативным мышлением, знанием иностранных языков и гибкостью к обучению и профессиональной переподготовке.

Список литературы

1. Калининская Ю. Д. Проблема безработицы в современной России // Молодой ученый. 2018. № 49 (235). С. 349–350. URL: <https://moluch.ru/archive/235/54493/> (дата обращения: 08.11.2020).
2. Минтруда дал прогноз по безработице в России до 2022 года // Рамблер. URL: https://finance.rambler.ru/money/43345219-mintrud-dal-prognoz-po-bezrabotitse-v-rossii-do-2022-goda/?article_index=1&updated (дата обращения: 08.11.2020).
3. Основные тенденции рынка труда в России URL: <https://irkutsk.hh.ru/article/22393> (дата обращения: 08.11.2020).
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud6.htm (дата обращения: 08.11.2020).
5. Уровень безработицы и дефицита достойного труда в 2018 году останется высоким, считает МОТ // Международная организация труда. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_616001/lang--ru/index.htm (дата обращения: 08.11.2020).

6. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42). С. 145–154.

7. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 100–103.

УДК 330
ББК 65.02

Бибердов М. С.-А., Тайсумова Х. В., *Грозный*

Вклад Карла Маркса в развитие экономической науки

Исследуется вклад К. Маркса в развитие экономической науки, делается акцент на один из величайших его трудов – «Капитал». Рассматривается влияние капитализма на развитие человечества.

Ключевые слова: капитализм, капитал, прибавочная стоимость, рабочий труд, производство, капиталист.

Biberdov M. S.-A., Taysumova H. V., *Grozny*

Karl Marx's Contribution to the Development of Economic Science

The article is devoted to the contribution of K. Marx to the development of economic science. The work focuses on one of the greatest works of this great economist – “Capital”. The influence of capitalism on the development of mankind is considered.

Keywords: capitalism, capital, surplus value, labor, production, capitalist.

Карл Генрих Маркс – немецкий философ, социолог, экономист. В своей работе «Капитал» он опровергает теории некоторых экономистов, в тех или иных вопросах, подкрепляя свои доводы доказательствами с самых разных источников. Изначально в своей недоразвитой, или можно сказать уродливой форме, капитализм зародился в Англии. Будучи немцем, живущим в Англии, и экономистом, хорошо знакомым с промышленностью Англии, в своей работе Маркс затрагивает все аспекты капиталистического способа производства: от мала до велика.

Свое исследование Маркс начинает с товара, так как он считает его отправной точкой производства и единицей богатства народов. Рассказывает о различных факторах стоимости, потребительной стоимости, которые в свою очередь распадаются на еще более существенные факторы и влияют на его цену, спрос и многое другое. Далее за товаром следует процесс обмена, выявление взаимосвязи между стоимостью, потребительной стоимостью и вступлением товара в сферу обращения, иначе говоря, появление на рынке. Уже в сфере обращения, в процессе купли-продажи с товаром происходят различные ме-

таморфозы, которые объясняют саму суть потребности в создании товаров, т. е. изготовление товара и продажу его ради купли другого.

На более примитивном этапе люди просто обменивались товарами. Говоря о товарах, вступивших на рынок, стоит сказать об их стоимости. В торговле всеобщим эквивалентом чистой стоимости являлось золото. Ввиду сложности чеканки золота на смену ему пришли бумажные деньги, которые есть не что иное как заменители золота. С появлением бумажных денег сфера обмена и торговля существенно изменились. Сделки купли–продажи стало совершать намного удобнее, что ускорило товарообмен. Маркс первым провел явное разграничение между созданием прибавочной стоимости и простой коммерцией. Мысль сводится к тому, что из простого процесса обмена не возникает новой прибавочной стоимости. Человек, который покупает дешево и продает дорого, по сути, просто извлекает какой-то излишек денег из чужого кармана. Являясь знатоком промышленности и понимая всей сути производства, Маркс самое большое внимание уделил детальному разбору самого процесса производства, так как именно в нем и кроется вся подноготная Капитала. Сам процесс труда, кооперация, разделение труда, создание абсолютной и относительной прибавочной стоимости, заработная плата, борьба между рабочими и капиталистами за сокращение рабочего дня, вмешательство в эту борьбу английского законодательства с целью установления оптимального количества рабочих часов.

Несмотря на то что капитализм предполагает наемный труд за определенную оплату, в самом начале своего пути, он можно сказать, практически не отличался от рабского труда, который существовал во времена рабовладения, но инструментом этого рабства как раз выступали деньги в виде заработной платы в руках капиталиста. Капиталист долгое время выступал как единоличный хозяин в производстве. Обогащение капиталиста на данном этапе происходило за счет непомерной эксплуатации рабочего.

Капиталист мог завышать количество дневных рабочих часов: даже при очень тяжелой физической работе и полном отсутствии нормальных условий труда, например, отсутствие перерыва на прием пищи, антисанитария производственных помещений и т. д. Зачастую, этой эксплуатации даже больше чем взрослые подвергались малолетние и несовершеннолетние дети. Всей ситуации с эксплуатацией детей в тяжелой промышленности способствовало отсутствие возможности получить необходимое образование, по сути, дети использовались как орудия труда. Ужасные условия вынужденного труда делали из людей

инвалидов, как правило, у этих рабочих даже дети рождались с отклонениями по физическому и психическому здоровью.

Исследования, проведенные различными специалистами (врачами, психологами и т. д.) показали всю печальную картину последствий чрезмерной эксплуатации рабочего класса. Использование большого количества наемных рабочих в таких условиях труда постепенно ухудшало демографическую ситуацию в Англии. Сопровождалось это все высокой смертностью, низкой рождаемостью, увеличением числа больных и не трудоспособного населения. Тем временем, недовольство рабочего класса плохими условиями вылилось в то, что они начали устраивать акции протеста и требовать нормальных условий труда и установления нормальных рабочих часов. На протяжении всего 19-го века английское фабричное законодательство боролось с ужасными условиями труда и чрезмерной эксплуатацией рабочих.

Первый фабричный акт 1802 г. о здоровье и нравственности, в котором устанавливались возрастные ограничения в эксплуатации малолетних рабочих, необходимость обязательного посещения ими школы, и он обязывал работодателей содержать рабочие помещения в чистоте. Соответственно каждый акт, изданный законодательством Англии, также мог вызвать волну недовольства и среди капиталистов. В среде капиталистов тоже происходили протесты, защищая свои интересы они порой шли в обход законодательства, в связи с чем было издано еще множество актов вплоть до акта 1897 г., установившим для работодателей обязательные материальные выплаты рабочим, получившим травмы на производстве.

Так как экономика государства немало зависела от капиталистов, английскому законодательству приходилось учитывать и их интересы. Капиталисты обосновывали свои протесты тем, что слишком большое сокращение рабочего дня для некоторых отраслей промышленности было крайне губительным, так как производство было убыточным или вовсе останавливалось. Одним из важнейших этапов развития производства явилось изобретение машин и появление машинного производства. Появление машин, которые могли заменить собой большое количество рабочих, увеличило производительность труда.

В Англии уровень безработицы поднялся в разы. Обычные рабочие, занятые в производстве, перестали быть востребованы, потому что содержание машин в рабочем состоянии обходилось капиталисту гораздо дешевле, чем оплата труда рабочего. Говоря о производстве нельзя не упомянуть о создании той самой пресловутой прибавочной стоимости, за увеличение которой так бьются капиталисты. Самым

важным в создании стоимости товара является, как утверждает Маркс, количество рабочих часов, вложенных в этот продукт. Прибавочная стоимость – неоплачиваемый излишек производственного труда рабочего, часть стоимости продукта, которая отчуждается капиталисту.

До появления машинного производства самым эффективным способом повышения производительности труда и как следствие, возростанию абсолютной прибавочной стоимости явилось разделение труда. С тех пор как был издан «Капитал» прошло вот уже более 150 лет, но невозможно переоценить значимость этой книги. Многие цивилизованные государства, такие как Англия, США, Франция и многие другие сильнейшие экономические державы строились на капитализме.

Конечно, в современном мире капитализм предстает перед нами не в таком виде как изначально. С получением обширного распространения капитализм в странах начал преобразовываться, но сама суть и процессы и законы производства кардинально не поменялись. По-прежнему существует класс рабочих и профсоюзы. Для большинства стран с развитым производством было установлено количество дневных рабочих часов согласно законам международной организации труда.

Появление современных компьютерных технологий и использование роботов в производстве способствовало повышению производительности труда при относительно минимальных затратах человеческой силы, сделало работу людей во многих отраслях более легкой. Появление машин во времена развития капитализма можно сравнить с появлением интернета в XIX в. Революцию с появлением денег можно сравнить с появлением безналичного перевода, которое еще больше ускорило товарообмен. Сегодня порождением капиталистов являются бизнесмены, многие из которых создали сильнейшие корпорации на основе принципов капиталистического способа производства, которые Карл Маркс рассматривает в своей работе. Если в XVIII-XIX вв. нужен был большой капитал для начала своего производства, то в сегодняшних реалиях даже с минимальным капиталом можно начать собственное дело.

Переход человечества из феодализма в капитализм явилось изменением общественного строя ну, а труды Карла Маркса стали его главной движущей силой.

Список литературы

1. Экономическая социология. Хрестоматия : учеб. пособие / Смит Адам, Маркс Карл, Дюркгейм Эмиль [и др.]; сост. Г. Н. Соколова. Минск : Вышэйшая школа, 2016. 224 с.

УДК 331.32
ББК 65.9

Поджидаева А. Ю., *Иркутск*

Особенности женской безработицы в современной России

Отмечается актуальность проблемы занятости женщин в современном российском обществе. Затрагиваются некоторые аспекты диспропорции на рынке труда между женщинами и мужчинами. Выделяются основные факторы, воздействующие на возможности трудоустройства женщин в регионе. На основе анализа статистических данных и нормативных правовых документов, определяется положение женщин на рынке труда.

Ключевые слова: женская занятость, безработица, гендерная политика, уровень образования, факторы влияния на трудоустройство женщин.

Podzhidaeva A. Y., *Irkutsk*

Features of Female Unemployment in Modern RUSSIA

The article notes the relevance of the problem of women's employment in modern Russian society. Some aspects of the imbalance in the labor market between women and men are touched upon. The authors of the article highlighted the main factors affecting the employment opportunities of women in the region. Based on the analysis of statistical data and regulatory documents, the position of women in the labor market was determined, the solution of which is of great theoretical and practical importance for Russian society.

Keywords: female employment, unemployment, gender policy, level of education, factors influencing women's employment.

На текущий момент женская безработица является острой социально-экономической проблемой на всех уровнях государственного управления России. Это связано с гендерными противоречиями и, по большей части, из-за скрытой дискриминации женщин на рынке труда. Сейчас в России ни один государственный орган не ведет учет о том, как обстоят дела с женской дискриминацией, поскольку факт ее наличия или отсутствия складывается из судебных решений по данному вопросу, коих в нашей стране минимум. Хотя и в ст. 2 Трудового кодекса РФ сообщается о равенстве прав и возможностей каждого работника, современное общество находится преимущественно во власти стереотипов.

В эпоху перестройки сублимировалось и отношение к женской безработице. Оправдывая тем, что женщина должна выполнять преимущественно семейные функции (жена, домохозяйка, мать), данный вопрос достаточно долгое время не решался, поскольку эта социальная и экономическая проблема не воспринималась как нечто, требующее своего внимания. Однако, этот вопрос стоит особенно остро в семьях, где женщина является единственным трудоспособным челове-

ком. На сегодняшний день российскому обществу требуется регулирование проблем занятости женской части населения.

Одним из основных вопросов данной проблемы является женская незанятость (потеря работы). Согласно официальным данным, женщины чаще всего остаются без работы вследствие ликвидации предприятия, либо же при сокращении штатов, мужчины же в большей степени исходят из собственного желания. Также, как отмечает Г. А. Монусова, причинами могут быть также «зачастую обстоятельства добровольно-принудительного характера: решение об увольнении принимается вроде бы добровольно, но под сильным давлением тех или иных факторов» [6].

По данным статистического сборника «Женщины и мужчины России» за 2017 г. уровень участия женщин в трудоспособном возрасте (16–54 года) составляет 78,6 % на рынке труда [8]. Несмотря на высокие показатели вовлеченности женщин в трудовые отношения, столь же высок и уровень безработицы среди них. Это обуславливается отставанием женщин как в профессиональной подготовке, так и в психологической неспособности (в большинстве случаев) к конкуренции на рабочем месте.

Более того, в современной России наблюдается тенденция к маргинализации женской рабочей силы и, соответственно, формирование особых рынков женского труда, развивающихся по неблагоприятному типу вследствие отсутствия высокооплачиваемых сфер деятельности и невозможности сменить место жительства, работники вынуждены соглашались с низкой оплатой рабочей силы. Для изменения подобных неблагоприятных условий требуется активное государственное воздействие на политику занятости, дабы женщины могли раскрыть себя в профессиональном плане и следовать избранной профессии.

Еще одной особенностью женской безработицы является то, что, согласно информации Росстата, за 2017 г. 24,8 % женщин имели высшее образование, мужчины же – 16,9 % [8]. Однако, несмотря на более высокие показатели, для работодателя женский труд представляет меньший интерес в связи с декретным оплачиваемым отпуском, который тот обязан предоставить до истечения шести месяцев непрерывной работы по заявлению женщины (ст. 122 ТК РФ) [3]. Такие социально-демографические детерминанты, как образование и возраст, указывают на то, что чем выше уровень образования, тем меньше Центр занятости может предложить свободных вакансий с соответствующим уровнем заработной платы.

Есть и другая особенность женской безработицы, связанная, прежде всего, со способом поиска работы. По статистике женщины гораздо чаще обращаются в Центры занятости, нежели мужчины. На наш взгляд, женщины гораздо терпеливее и готовы в большей степени, нежели мужчины, взяться за любую предложенную работу.

Различна и продолжительность поиска работы: по сведениям, указанным Федеральной службой государственной статистики от 2018 г., в 2017 г. средняя длительность поиска подходящей работы у женщин составила 7,4 месяца, мужчин – 7,0 месяца [8].

Проблема женской занятости наиболее остро наблюдается в некоторых депрессивных районах, которая чаще всего обусловливается прекращением деятельности градоформирующего производства, которое использует преимущественно женский труд. Самый высокий уровень безработицы по России зафиксирован в Ингушетии, Чеченской Республике, Туве, Дагестане, Чечне, Карачаево-Черкесии на Алтае и в Забайкальском крае.

В процессе изучения проблемы женской безработицы были исследованы статистические данные, которые указывают на качественные отличия между мужчинами и женщинами на рынке труда. Эти несоответствия позволяют утверждать, что на данный момент женская безработица связана не столько с перестройкой экономики, сколько вследствие дискриминации на рынке труда, которая усугубляется как в социально и экономически непостоянных районах, так и во всем обществе в целом. Одними учеными данные процессы объясняются теорией заговора (мужского шовинизма) [9; 10], для других, сложившимися реалиями на рынке труда [1; 4]. Но и первых и вторых объединяет недовольство положением и развитием рынка занятости современных женщин.

На основании проведенной работы можно предположить, что проблема женской безработицы в России стоит достаточно остро и требует определенных качественных изменений в отношении женского труда. Наше государство уже принимает определенные шаги для решения данного вопроса. Так, например, Правительство РФ утвердило Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2017–2022 гг., в которую входят поддержание здоровья женщин всех возрастов, повышение их экономического благополучия, поддержка женского предпринимательства и т. д. [7]. Однако для эффективного решения данного вопроса необходима совместная работа общества и государства, направленная на преодоление гендерных стереотипов.

Список литературы

1. Гречихин В. Г. Состояние женской безработицы в России на современном этапе и основные причины ее возникновения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 34-38.
2. Захарова О. В. Динамика изменения гендерных стереотипов профессиональной реализации (на материалах Иркутской области) // Вестник БГУ. 2011. № 6. С. 128–132.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 07.11.2020)
4. Кошарная Г. Б., Особенности женской безработицы в современном российском обществе // Власть. 2019. № 4. С. 187–195.
5. Минтруд России. Информация о ситуации на рынке труда Российской Федерации. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/inform/1> (дата обращения: 07.11.2020).
6. Монусова Г. А. Незанятость в России: вынужденная или добровольная // Вопросы экономики. 2001. № 9. С. 113–129.
7. Распоряжение Правительства РФ. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_213740/ (дата обращения: 07.11.2020).
8. Статистический сборник. Женщины и мужчины России. М. : Росстат, 2018. 243 с.
9. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 1 (42). С. 145–154.
10. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 100–103.

УДК 316.346

ББК 65.32

Попова М. В., *Иркутск*

Сельская занятость после пандемии

Рассматриваются вопросы сельской занятости после пандемии, анализируются реальные возможности и потенциальные перспективы. На основе экспертного опроса глав сельских поселений Иркутской области формируется проблемное поле сельской занятости после пандемии.

Ключевые слова: сельская занятость, пандемия, развитие, социальное моделирование, рынок труда, экономика

Popova M.V., *Irkutsk*

Rural employment after the pandemic

The article examines the issues of rural employment after the pandemic, analyzes real opportunities and potential prospects. On the basis of an expert survey of the heads of rural settlements of the Irkutsk region, a problematic field of rural employment is being formed after the pandemic.

Keywords: rural employment, pandemic, development, social modeling, labor market, economy.

Перспективы и проблемы занятости на селе в постпандемический период достаточно актуальны для современной ситуации в Российской Федерации. То, что стратегии адаптации и социализации населе-

ния качественно изменятся не вызывает сомнений. Поэтому, важно заранее подготовить и население и органы власти к совместной слаженной работе по социально-инфраструктурному восстановлению. В работах Р. Г. Ардашева указывается на изменения уровня и возможностей сознания людей, переживших пандемию [1; 2;3], нам это видится достаточно справедливым выводом, так как предполагает выявление новых форм и способов реализации своих качеств и навыков в новых жизненных обстоятельствах. В исследованиях Р. В. Иванова [4; 5] говорится о новых пространствах, которые необходимы для людей для их полной новой реализации в новом мире. По нашему мнению, базовую основу для этого может предоставить именно сельская местность, оснащенная современным интернетом, позволяющим быть на связи со всем миром, но при этом спокойствие и размеренность сельской жизни создает совсем иное мировосприятие, идентичность и самооценку.

Экспертный опрос проходил в виде онлайн интервью через программу skype, по методике, изложенной в работе Ш. Ф. Фарахутдинова [7]. В экспертном интервью приняло участие 26 главы сельских поселений Иркутской области, в возрасте от 35 до 60 лет, имеющий стаж административной управленческой деятельности в сельском МО от 5 до 40 лет. Все респонденты мужчины, имеющие высшее образование, половина из них (13 человек) имеет два высших образования, 5 человек обучались дополнительно в магистратуре.

Первая проблема, на которую указывали все эксперты (100 %) – *сбыт продукции*. Наибольшие сложности фермеры испытывают со сбытом своей продукции. Практически с первых дней введения режима самоизоляции и ограничения работы некоторых организаций многие представители бизнеса забили тревогу: что они на грани разорения, нечем платить зарплату, что остановка работы даже на пару недель вызовет непоправимые последствия. Причем в обществе, в информационном поле сложилась такая картина, что громче всех слышны голоса владельцев торговых центров, владельцев ресторанов и кафе. А что в это время происходило с сельскими предпринимателями, фермерами? Да, большинство из них ограничения непосредственно не затронули – им разрешили продолжить работу. Но оказалось, что получить урожай, произвести продукцию они могут, а например, со сбытом могут быть проблемы – рынки закрыты, другие каналы сбыта тоже дают сбой. Кроме того, многие столкнулись с недоступностью кредитов.

Вторая проблема, на которую указывало около 70 % экспертов – это *заселение сельской местности «профессионалами»* в разных областях, способных работать удаленно. Необходимо разработать и запу-

стить проект или программу, направленные на переселение горожан на село с современными рабочими и общественными пространствами, жилыми кварталами, обеспеченными всеми видами благоустройства. В таких поселках, например, могли бы жить специалисты, работающие на «удаленке» – программисты, аналитики, дизайнеры, бухгалтеры и другие.

Как показала практика, село, сельский образ жизни и расселение в частных домах более устойчивы к эпидемиям подобным COVID-19 и намного более благоприятны для жизни в условиях самоизоляции. В то время как модель пространственного развития Москвы и крупнейших городских агломераций показала несостоятельность и неустойчивость в подобной ситуации.

Третья проблема – развитие *малых форм хозяйствования – фермерств*. На это указывало около 50 % экспертов. Малые формы хозяйствования на селе могут быть гораздо более устойчивы в производственном плане относительно крупных производителей, потому что у них меньше контактирующего персонала, им легче обеспечить безопасные условия, но одновременно с этим они менее устойчивы в вопросах сбыта и финансовом плане.

Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств, кооперативов и других малых производителей сельхозпродукции давно занимается вопросами поддержки фермеров, и сегодня уже разработан пакет предложений по поддержке фермеров и других малых форм хозяйствования в условиях пандемии.

Обеспечение занятости на селе и рост доходов населения связаны в первую очередь с развитием малого предпринимательства, причем разнонаправленного, т. е. не только сельского хозяйства и переработки, но и туризма, например.

Четвертая проблема – *формирование имиджа сельских поселений* и привлечение туда молодых людей. Об этом говорила лишь треть экспертов (30 %). Большую часть работы, многих офисных сотрудников можно перевести на удаленную занятость, т. е. не концентрировать в крупных городах. Это не значит, что завтра же можно все офисы расселить по селам, так как для этого нужны соответствующие условия, одно из главных – устойчивый интернет. Региональные и местные экономики должны иметь определенный уровень самостоятельности, позволяющий в случае необходимости прожить некоторое время в состоянии частичной, а если потребуется и полной изоляции. Для начала стоит расширять виртуальное позиционирование современных сел, и расширение информированности населения о жизни в

сельской местности – об этом более подробно изложено в работе автора [6].

Также необходимо решать проблему социально адаптации детей-сирот, привлекая их к труду и проживанию в сельской местности. Например, возродить то движение, которое было в начале 90-х гг., это создание крестьянских фермерских хозяйств на базе семейных детских домов. Семья и земля – лучшее средство для воспитания детей-сирот и людей, которые лишены социального статуса. Только в труде, в семье человек исправляется.

Пятая проблема – *внедрение социального контракта*. Еще одним направлением развития занятости на селе может быть социальный контракт. В условиях пандемии мы наблюдаем резкий спад доходов населения, особенно это можно видеть в сельской местности, так как сюда относятся и самозанятые (фермеры и малые предприниматели). Заработная плата в сельской местности стабильно в два раза ниже в среднем по экономике, так что в нынешних условиях произошел еще больший откат назад. Одной из мер сокращения уровня бедности, повышения реальных доходов российских граждан является социальный контракт. В нем четко прописан новый формат взаимодействия государства и населения. Отмечу, что именно сельские жители стали первыми пользоваться данным инструментом поддержки в 21 пилотном регионе. В социальном контракте четко прописаны обязанности со стороны государства и граждан, например, последним необходимо пройти образовательные программы или приобрести оборудование для личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Необходимо информировать граждан о такой мере поддержки как социальный контракт для того, чтобы помогать людям на селе, а городским жителям давать возможность перебираться в сельскую местность и развивать там свои ЛПХ.

Можно провести оценку возможности развития социального контракта в постпандемический период для популяризации данной формы поддержки занятости, повышения дохода и выхода из трудной жизненной ситуации по всей стране.

Шестая проблема – *реализация государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»*. Цель программы – создать комфортные условия жизни на селе и приблизить их к городским. Другой важный аспект работы – сократить отток населения из села в городскую среду. Для этого необходима поддержка государства и общий тренд в обществе, нужно развивать социальную инфраструктуру, предоставлять субсидии на жилье и т. д. Данная госпрограмма недофинансирована, кроме того, некоторые из ее направлений сокра-

щены. Ряд регионов не успевают осваивать бюджеты, на данный момент освоено до 10 % от плановых показателей. Проблема состоит в технической и бюрократической составляющих, в частности, длительная процедура проведения конкурсных мероприятий, сложности при подготовке сметной документации, проблемы с получением разрешений от муниципальных органов власти.

В текущей панжемической ситуации пострадали малые и микропредприятия из-за прерывания цепочек сбыта продукции, реализации товара и транспортных проблем. У малого бизнеса в сельском хозяйстве запас прочности намного ниже, чем у агрохолдингов. Таким образом, коронавирусная инфекция повлияла на структуру и формат отношений, складывающихся вокруг занятости на селе. Но извлечь максимальный ресурс из данной ситуации, можно опираясь на стратегию государственного развития, инициативы частного бизнеса и межсекторное взаимодействие и государственно-частное партнерство в сельских муниципальных образованиях.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства: сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.
2. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.
3. Ардашев Р. Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства: сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 25–29.
4. Иванов Р. В. Культурные, социальные и естественные пространства современного человека // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2017. № 8. С. 166–172.
5. Иванов Р. В. Источники формирования идеологического пространства в России // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2018. № 9. С. 239–245.
6. Попова М. В. Виртуальное позиционирование современных сел // Социальная реальность виртуального пространства: сб. науч. трудов: по материалам II Междунар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 165–168.
7. Фарахутдинов Ш. Ф. Возможности использования виртуальной реальности в маркетинговых исследованиях // Социальная реальность виртуального пространства : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. ИГУ ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 399–403.

УДК 65.0(075)
ББК 290.32

Фальковская Т. Ю., *Иркутск*

Качество управленческих практик и управленческих решений: «истина где-то рядом» (Уроки COVID-19: забыть или извлечь?)

Рассматриваются условия пандемии, которые стали вызовом для всех социальных систем, в том числе для систем управления разных уровней. Делается вывод, что COVID-19 обнажил как отдельные специфические, так и системные проблемы.

Ключевые слова: пандемия, экономический кризис, управленческий кризис, институциональная матрица, качество управления, качество управленческих решений, волонтерство, солидарность, гражданское общество.

Falkovskaya T. U., *Irkutsk*

Quality of management practices and management decisions: the truth is over there (COVID-19 lessons: to forget or to do?)

The pandemic has become a challenge for all social systems, including management systems of different levels; Covid-19 has exposed both specific problems and systemic ones.

Keywords: pandemic, economic crises, management crises, institutional matrix, quality of management, quality of management decisions, volunteering, solidarity, civil society.

COVID-19 стал жестким и неожиданным испытанием для всех социальных систем, для управляемой подсистемы и управляющей. Тест-драйв для системы управления показал как лакмусовая бумага слабые места; как объективные инструменты диагностики обнажают проблемы и позволяют ставить точный диагноз, так и пандемия показала то, что было абсолютно предсказуемо, было описано и классифицировано, но имело формат умозрительных конструкций, а потому не было столь убедительно, сколь красноречива социальная практика: пока качество управленческих решений всех уровней не представляло прямой угрозы жизни и здоровью с низким качеством управленческих решений общество предпочитало мириться. Глобальный эксперимент показал, что при отсутствии каналов и активных практик обратной связи, внешнего контроля управляющей системы со стороны гражданского общества, управленческие решения не минимизируют риски, а скорее максимизируют их. Общество, не способное лоббировать свои насущные интересы, обречено на потери и не только экономические

Системы управления в экстремальных условиях продемонстрировали низкое качество реализации практически всех функций.

Планирование. Планирование в условиях неопределенности, т. е. в рыночных условиях требует навыка лидерства, принятия на себя ответственности. Классические 14 принципов менеджмента Э. Деминга, в том числе лидерство, необходимое организации для ее эффектив-

ного функционирования в качестве организации, по-прежнему не вошли в широкую практику отечественного управления [1]. Пандемический тест-драйв выпукло продемонстрировал неспособность управляющей системы к рискам, связанным с ответственностью.

Координация. Для эффективной координации необходима горизонтальная интеграция, отсутствие барьеров между подразделениями. В свою очередь базисом для горизонтальной интеграции является развитая корпоративная культура, которая требует от руководства усилий и средств. Однако некачественный менеджмент не дает необходимой экономической платформы для долгосрочных инвестиций в нематериальные активы, к которым в том числе относятся корпоративные ценности, межличностные связи, лояльность.

Мотивация. В некоммерческой сфере, даже преследуя коммерческие цели и ставя перед персоналом коммерческие задачи, этой функцией в основном пренебрегают. Низкая мотивированность персонала, неразвитые системы мотивации, подмена мотивации примитивным стимулированием – все это ведет к огромным потерям. А между тем развитая система мотивации, включающая систему возможностей для самореализации, прозрачную систему ротации, систему признания, систему обучения, вертикальной и горизонтальной мобильности, внутреннюю и внешнюю корпоративную социальную ответственность, формирует как долгосрочные внутренние стимулы для эффективной реализации трудовых функций, так и устойчивую лояльность, которая позволяет ставить более сложные задачи перед персоналом без дополнительных затрат.

Контроль. Полноценный контроль невозможен без делегирования полномочий. Эпоха тотального контроля давно прошла, она не совместима с рыночной и даже квазирыночной экономикой, поскольку требует от организации колоссальных затрат и многократно повышает ее издержки. Принцип TQC, который известен более 70 лет как «всеобщее управление качеством», избавляет от таких затрат. «Ты работаешь на фирму, фирма работает на тебя» – базовая корпоративная ценность, основа корпоративной этики и культуры, которая, как мы говорили выше, чаще всего отсутствует [2].

Кризис выпукло проявился во всех социальных сферах и прежде всего в сферах, священных для социального государства, каковым мы себя провозглашаем, в образовании и здравоохранении.

Для образования стало характерным неадекватные реакции на вызовы внешней среды: первая волна, слабые сигналы опасности и жесткие меры в ответ на них: карантин, дистанционное обучение... Решение не было технически подготовлено, в том числе, по причине отсутствия гибких встроенных систем корпоративного обучения пер-

сонала. Системы управления на уровне среднего образования показали полную неэффективность. Низкая мотивированность персонала проявилась в отсутствии профессиональной этики, корпоративных ценностей, личностных установок сопряженных с профессиональными вплоть до манкирования трудовыми и профессиональными обязанностями. Попытки контроля в условиях физического отсутствия персонала и контингента учащихся на единой площадке оказались беспомощными, что говорит, во-первых, об отсутствии внутренних стимулов для самоконтроля, во-вторых, об отсутствии координации и наличии непреодолимых внутренних иерархических и бюрократических барьеров; в-третьих, об отсутствии системы делегирования полномочий: руководители по-прежнему пытаются осуществить тотальный контроль за счет собственных внутренних ресурсов, а не за счет ресурсов организации, пренебрегая элементарными законами менеджмента: человек не может контролировать бесконечное число процессов, количество объектов качественного контроля лежит в интервале от 5 до 7. В целом система управления школьным образованием на различных уровнях обнаружила отсутствие навыка принятия ответственных решений, отсутствие гибкости и мобильности, что можно квалифицировать как некачественный менеджмент.

Высшая школа продемонстрировала более высокий уровень технической грамотности персонала и технической оснащенности персонала, поскольку для осуществления процесса обучения использовались в подавляющем большинстве случаев материальные ресурсы персонала. Кроме того, процесс носил менее хаотичный характер в силу возрастных особенностей контингента учащихся: студенчество обладает способностями и навыками самоорганизации в отличие от школьников. В первую волну вузам удалось преодолеть техническую инертность системы и наработать устойчивые навыки реализации трудовых профессиональных функций в дистанционном формате.

Вторая волна показала неадекватность и несоразмерность управленческих решений внешним угрозам: принятие радикальных решений было предоставлено локальным руководителям, которые в свою очередь переложили их на исполнительский уровень. Выжидательная позиция руководителей в сфере образования привела к коллапсу в сфере здравоохранения: число контактных заболевших увеличивалось в геометрической прогрессии, что превысило возможности медицинского обслуживания и зачастую медикаментозного обеспечения.

Система здравоохранения столкнулась с мощнейшим объективным вызовом. Однако сама система управления обнаружила застаревшие проблемы: отсутствие гибкости, отсутствие навыков принятия на себя ответственности и решений, основанных на фактах, неспособ-

ность к встроенному внутреннему контролю и координации, отсутствие системы делегирования полномочий, отсутствие обратной связи между управляемой системой и управляющей, что увеличивало временной лаг принятия решений, чем усугубляло ситуацию и приводило к росту числа заболевших и жертв болезни.

Государственный менеджмент. Задача оперативного государственного менеджмента – легитимизировать эффективные институты, усилить их всеобщий характер для преодоления вызовов внешней среды за счет легитимных механизмов принуждения. Однако в этом государство проявляло медлительность и осторожность: институт массового режима заработал эффективно только спустя шесть месяцев. Чем объясняется такой временной лаг при том, что известна как низкая исполнительская дисциплина большинства россиян, так и правовой нигилизм, в условиях, когда применение формального института в индивидуальной практике не является вопросом личного предпочтения, а вопросом социальной безопасности?

Неспособность бюрократических систем к принятию жизненно важных и эффективных решений простимулировало гражданскую активность: институт волонтерства взял на себя реализацию наиболее слабых функций. Волонтерство как специфический формат реализации гражданской активности и горизонтальной интеграции свидетельствует о наличии признаков гражданского общества и движения к западной матрице с ее двусторонними связями и паритетными отношениями между обществом и государством, индивидуализмом, проявляющемся в независимости, рациональности, способности к принятию на себя ответственности и принятию независимых решений, как преобладающей ментальной характеристикой. Однако пандемия обнажила яркие и типичные признаки архаичной восточной матрицы с ее преобладающим патернализмом, неспособностью к ответственности, к гибким и эффективным решениям со стороны управляющих систем, прежде всего; эти признаки проявились из-под социально-политических и социально-экономических конструкций импортированных институтов и показали высокие социальные риски подобных практик и парадигм мышления. Вопрос остается открытым: сумеет российское общество извлечь уроки пандемии или нет.

Список литературы

1. Деминг Э. Менеджмент нового времени. М. : Альпина Паблишер, 2019. 182 с.
2. Фальковская Т. Ю. Основы управления качеством современного предприятия : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. 109 с.

СЕКЦИЯ 7

Психология здоровья: смыслы и значения

УДК 614.253
ББК 51.1(2)

Лященко С. М., *Иркутск*

Влияние медицинской деонтологии на клиническое состояние больных

Рассматривается влияние медицинской деонтологии на клиническое состояние больных в контексте воздействия ролевых моделей врача, представленных в медиапространстве. Проводится обзор статей, посвященных методам улучшения состояния больных, свидетельствующих, кроме прочего, о том, что практика медицинской деонтологии в отношении больных различного профиля способна улучшить состояние пациентов и облегчить лечение. Отмечаются проблемы, обычно сопутствующие практике медицинской деонтологии со стороны медицинского персонала, и перспективы их решения.

Ключевые слова: медиапространство, заболевание, стресс, медицинская деонтология, эмпатия, сопереживание.

Liashchenko S. M., Irkutsk

Medical Deontology Influence on Patients' Clinical State

The article analyzes the influence of medical deontology on the clinical state of patients in the context of the physician role models influence presented in the media space. A review of articles devoted to methods of improving the condition of patients was carried out, indicating that the practice of medical deontology in relation to patients of various profiles can improve the condition of patients and facilitate treatment. The problems that usually accompany the practice of medical deontology on the part of medical personnel and the prospects for their solution are discussed.

Keywords: media space, disease, stress, medical deontology, empathy.

Одним из самых популярных врачей, представленных в медиапространстве, является доктор Хаус, главный герой одноименного сериала. Чаще всего популярные сериалы сохраняют популярность за счет создания персонажей, на которых потенциальный зритель хотел бы быть похожим и/или которым он мог бы сопереживать вследствие сходных жизненных условий или ситуаций [1]. Не является исключением и персонаж Хью Лори: сериальный доктор обладает подчеркнуто высоким статусом в обществе, умом, эксцентричным поведением и

склонностью к благородным поступкам вопреки ситуации. Однако, помимо этого, для персонажа характерны мизантропия, цинизм. Одной из характерных черт его лечения является преднамеренная грубость с большинством пациентов. Следуя максиме «Все лгут» он подвергает их критике, старается обличить во лжи, вступает в конфликты, так или иначе создавая для них стрессовую ситуацию, которая не способствует излечению.

Для любого заболевания свойственен определенный психический фон, совокупность поведенческих и психоэмоциональных состояний, сопутствующих болезни, поскольку любая болезнь вызывает стресс. Гиперактивность может сменяться утомленностью, больной спит либо мало, либо много, его аппетит либо минимален, либо неутолим. В таком неравновесном состоянии человек пребывает большую часть периода болезни. Такой механизм работал и совершенствовался как минимум миллионы лет, обеспечивая приемлемую защиту организма от заболеваний.

Когда люди населяли преимущественно равнины и самым страшным событием для них были встречи с хищниками и природные стихии, организм вполне мог справиться с действием стресса без серьезных последствий поскольку стресс являлся частью адаптивного поведения «борьба или бегство». Условия же современного мира хоть и являются более комфортными в сравнении с жизнью древних людей, однако способствуют формированию хронического стресса. Строгий начальник, грабитель, дорожные пробки, финансовые долги, семейные проблемы – список стрессоров, способных повысить уровень тревожности современного человека значителен, а итог хронического стресса очень сходен с поведением организма при инфекционном процессе, но без инфекции. Поведение начинает напоминать поведение человека при клинической депрессии, при этом повышается толерантность организма к противовоспалительным медиаторам, т. е. воспаление становится хроническим [2]. Как следствие, наблюдается низкая эффективность иммунных реакций при реальной инфекции, усталость, проблемы с эмоциональным фоном, низкая трудоспособность, риск формирования соматических расстройств, аллергических реакций, новообразований [3].

Развитие хронического стресса поддается профилактическому вмешательству. Как показал ряд исследований, практика медитации, йоги, тай-чи и сенсорной депривации способствуют снижению количества маркеров воспаления в организме [4; 5; 6; 7]. Однако к этому же списку относят и эмпатию [8].

Медицинская деонтология как наука изучает особенности общения врача с пациентом, правила и нормы этого процесса. К сожалению, в большинстве лечебных заведений по всему миру пациентам уделяется не так много времени: жесткий рабочий график, нормирование времени приема каждого пациента, большое количество больных, к тому же у самого медицинского работника существует собственная личная жизнь. В итоге пациенту не хватает банального общения и поддержки, хотя еще врачеватель древности Гиппократ утверждал: «Если есть несколько врачей, из которых один лечит травами, другой ножом, а третий – словом, прежде всего обратись к тому, кто лечит словом». То, что тело человека – своего рода зеркало психических процессов, отмечал и известный русский физиолог И. М. Сеченов, утверждая, что «мысль есть рефлекс, более или менее заторможенный в своей последней, двигательной части».

Таким образом, ввиду неразвитости по тем или иным причинам общения между врачом и пациентом один из важных аспектов лечения человека упускается из виду. «Лечение словом» пациента остается задачей лишь для родных самого пациента или, в случае их отсутствия и острой необходимости пациента в понимании, психотерапевта клиники. Эмпатия как умение чувствовать другого человека и не видеть ничего лишнего в нем, принять его как себя, в алгоритме клинических процедур обычно отсутствует или ограничивается дежурным вопросом о самочувствии больного, тогда как отмечается, что сопереживание, помимо того, что оно может снизить активность провоспалительных медиаторов, может помочь в лечении диабета, высокого уровня холестерина, ОРЗ, гипертонии [9; 10; 11].

Обычная критика применения эмпатии во врачебной деятельности сводится преимущественно к тому, что работа со страдающими людьми приводит к эмоциональному выгоранию и феномену усталости от страданий (*compassion fatigue*) [12]. Однако эмпатия – это не переключатель, это скорее реостат, который можно настраивать. Настоящая эмпатия проявляется тогда, когда человек может воспринять переживания другого, получить от него альтернативный опыт существования. Ничего лишнего, чистое восприятие – настоящая эмпатия [13]. Поэтому человек, устающий от взаимодействия со страдающими людьми, скорее всего, фиксируется на страдании другого человека больше, чем на самом человеке. Эмпатия – врожденный психический механизм, обеспечивающий связь между людьми, и если бы такой механизм действительно истощал участников коммуникации, то он, соответственно, снижал бы и приспособленность людей и скорее всего ушел вглубь времен как слишком энергетически затратный.

Умение сопереживать человеку, выслушать и поддержать его ценно само по себе. Оценивать эффективность деятельности по столбцу показателей можно, но именно эмпатия является тем глотком кислорода, который необходим человеку для достижения своих целей. Поскольку человек – животное социальное, и жизнь вне общества, хоть бы даже виртуального, для него практически невозможна. А где острее необходимость поддержки и возможности быть услышанным, как не в больнице, где сильнее всего чувствуется смертность человека?

Список литературы

1. Hoffner C. et al. TV Characters at Work. Television's Role in the Occupational Aspirations of Economically Disadvantaged Youths / *Journal of Career Development*. 2006. N 33. P. 3–18. doi: 10.1177/0894845305282768.
2. Miller G. E., Cohen S., Ritchey A. K. Chronic Psychological Stress and the Regulation of Pro-Inflammatory Cytokines: A Glucocorticoid Resistance Model // *Health Psychology*. N 21. 2002. P. 531–541.
3. Antoni M. H. et al. Cognitive-Behavioral Stress Management Reverses Anxiety-Related Leukocyte Transcriptional Dynamics // *Biological Psychiatry*. Vol. 71. Issue 4. P. 366–372.
4. Black D. S. et al. Yogic Meditation Reverses NF- κ B and IRF-related Transcriptome Dynamics in Leukocytes of Family Dementia Caregivers in a Randomized Controlled Trial // *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 38. Issue 3. 2013. PP. 348–355. doi: 10.1016/j.psyneuen.2012.06.011.
5. Irwin M. R., Olmstead R. Mitigating Cellular Inflammation in Older Adults: a Randomized Controlled Trial of Tai Chi Chih // *The American Journal of Geriatric Psychiatry: Official Journal of the American Association for Geriatric Psychiatry*. Vol. 20. Issue 9. 2012. P. 764–772.
6. Kjellgren A., Westman J. Beneficial Effects of Treatment with Sensory Isolation in Flotation-Tank as a Preventive Healthcare Intervention – a Randomized Controlled Pilot Trial // *BMC Complementary and Alternative Medicine*. 2014. N 14. P. 417. doi: 10.1186/1472-6882-14-41.
7. Irwin M. R. et al. Tai Chi, Cellular Inflammation, and Transcriptome Dynamics in Breast Cancer Survivors with Insomnia: a Randomized Controlled Trial // *Journal of the National Cancer Institute. Monographs*. Vol. 50. 2014. P. 295–301. doi:10.1093/jncimonographs/lgu028.
8. Manczak E. M. et al. Does Empathy Have a Cost? Diverging Psychological and Physiological Effects within Families // *Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association*. Vol. 35. Issue 3. 2016. P. 211–218. doi:10.1037/hea0000281.
9. Hojat M et al. Physicians' Empathy and Clinical Outcomes for Diabetic Patients // *Academic Medicine: Journal of the Association of American Medical Colleges*. No. 86. 2011. PP. 359–364. doi: 10.1097/ACM.0b013e3182086fe1.
10. Turner J., Kelly B. Emotional Dimensions of Chronic Disease // *The Western Journal of Medicine*. Vol. 172. Issue 2. 2000. P. 124–128. doi:10.1136/ewjm.172.2.124.
11. Kelley J. M., Kraft-Todd G., Schapira L., Kossowsky J., Riess H. The Influence of the Patient-Clinician Relationship on Healthcare Outcomes: A Systematic Review and Meta-Analysis of Randomized Controlled Trials // *PLOS ONE*. 2014. Vol. 9, N 4.
12. Adams R., Boscarino J., Figley J. Compassion Fatigue and Psychological Distress among Social Workers: A Validation Study // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2006. Vol. 76, N 1. P. 103–108. doi:10.1037/0002-9432.76.1.103.
13. Agosta L. A Rumor of Empathy: Resistance, Narrative and Recovery in Psychoanalysis and Psychotherapy. 2015. 244 p.

УДК 613.42
ББК 51.54

Гоголева Д. В., Манзаров Р. А., *Иркутск*

Социальные представления о ВИЧ среди населения Иркутской области

Исследуется уровень информированности и социальные представления населения Иркутской области о ВИЧ. Анализируются условия и причины конструирования социальных представлений о ВИЧ и возможные последствия формирования общественного мнения о ВИЧ-инфицированных.

Ключевые слова: ВИЧ, пути передачи, профилактика, социальные представления, информированность, Иркутская область.

Gogoleva D. V., Manzarov R. A., *Irkutsk*

Social Image of HIV among the Irkutsk Oblast Population

The article discusses the awareness level and social image of the Irkutsk Oblast population about HIV. The conditions and reasons for the construction of social ideas about HIV and the possible consequences of the formation of public opinion about HIV-infected are analyzed.

Keywords: HIV, transmission routes, prevention, social image, awareness, Irkutsk Oblast.

ВИЧ-инфекция – одно из самых распространенных заболеваний в мире – по состоянию на 2020 г., на Земле имеют ВИЧ более 38 млн чел., в России – более 1 млн чел., а в Иркутской области – порядка 30 тыс. чел. По темпам распространения и по количеству ВИЧ-положительных людей Россия на евроазиатском континенте находится среди лидеров, а Иркутская область среди лидеров уже в России [3].

Большинство людей думают, что знают, что такое ВИЧ, как он распространяется, насколько он контагиозен и т. д., так как многое о нем слышали по телевидению, читали в интернете, им рассказывали в лечебных учреждениях либо же просто знакомые. Однако нередко можно столкнуться с тем, что приобретенные человеком «знания» не соответствуют действительности и научным представлениям о ВИЧ.

Для того чтобы узнать, какие социальные представления о ВИЧ бытуют среди населения Иркутской области, в частности молодежи и людей среднего возраста, нами было проведено количественное исследование в виде анкетирования. Анкета включала в себя 19 вопросов, охватывающих самые разные социальные аспекты, касающиеся ВИЧ [1].

В исследовании всего приняло участие 430 чел., среди них 48,8 % женщин и 51,2 % мужчин; студентов вузов – 29,4 %, учащихся старших классов – 12,1 %, незанятых – 4 %, работающих – 54,5 %. Распределение по возрасту: 18–20 лет – 20,5 %, 20–29 лет – 30,9 %, 30–39 лет – 30,7 %, 40 и старше – 17,9 %.

Респонденты ответили на вопросы следующим образом.

На вопрос «Представьте, что ваш хороший знакомый основал социальное кафе, чтобы бороться со СПИДОФОБИЕЙ. Как вы будете аргументировать своим друзьям, что стоит посетить заведение, где официанты – люди, живущие с ВИЧ?» большинство, а точнее 42,3 % ответили, что «статус этих людей ни в чем не должен их ограничивать», 39,5 % ответили, что «ВИЧ не передается воздушно-капельным путем». Незначительное количество было выбравших варианты «не думаю, что я сам(а) пойду туда», «но ты сам попробуй заразишься ВИЧ, ведь при совершении бытовых дел это практически невозможно».

На вопрос «Если вы знаете, что ваш знакомый(ая) – наркозависим(а), то как корректно говорить о его/ее статусе?» ответили так: «человек, живущий с наркозависимостью» – 48,6 %, «наркоман(ка)» – 36,3 %, «потребитель(ница) наркотиков» – 15,1 %.

Значительная часть опрошенных, а именно 46,7 % считают, что проблема ВИЧ-инфекции не может коснуться их лично (что является заблуждением), 31,9 % – скорее может, чем нет, 13,7 % – скорее не может, чем может, 7,4 % – может, 0,2 % затруднились с ответом.

У 62,3 % опрошенных нет в окружении людей с положительным ВИЧ-статусом, у 37,7 % есть, из них 22,2 % относятся к ним положительно, 14,8 % нейтрально, остальные 0,7 % осторожно, предвзято, отрицательно.

36,5 % считают, что не следует изолировать человека с положительным ВИЧ-статусом, 32,8 % не задумывались, 13,5 % считают, что следует изолировать, 13 % считают, что скорее следует изолировать, 4,2 % считают, что скорее не следует изолировать.

58,1 % не сдавали тест на ВИЧ никогда, 41,9 % сдавали тест на ВИЧ хотя бы раз в жизни. 49,9 % знают, где можно пройти анонимное обследование на ВИЧ, 50,1 % не знают. Из всех опрошенных 56,5 % не хотели бы сдавать тест на ВИЧ, а 43,5 % хотели бы.

Касательно путей передачи ВИЧ, являющихся верными, респонденты ответили следующим образом (можно было выбрать несколько вариантов ответа): 58,8 % – использование для инъекций общих (не одноразовых или нестерильных) игл и шприцев, 43 % – от матери к ребенку во время беременности/родов, 37,4 % – во время незащищенных сексуальных контактов с человеком, ВИЧ-статус которого неизвестен, 35,3 % – от матери к ребенку через грудное молоко, 20,7 % – при проведении медицинских манипуляций (переливание крови и др.), 29,3 % – при использовании нестерильного оборудования для пирсинга и татуировок, 24,9 % – при использовании общих бритвенных или

маникюрных принадлежностей (в последних двух случаях вероятность инфицирования крайне низка). Что касается неверных вариантов (т. е. когда ВИЧ на самом деле не передается), то распределение следующее: 33,5 % – через обычный поцелуй, 33,3 % – при плавании в бассейне, 21,9 % – при рукопожатии, 20,7 % – при курении (передача сигареты другому лицу), 14 % – при укусе насекомых.

Из верных вариантов ответа 55,8 % считают, что сперма является наиболее опасной биологической жидкостью для передачи ВИЧ, 47,2 % – вагинальный секрет, 32,3 % – кровь, 28,8 % – грудное молоко. Из неверных вариантов ответа 39,3 % – слюна, 32,6 % – пот, слезы и другие выделения.

Считают следующие социальные группы имеющими наиболее высокий риск инфицирования ВИЧ: 63,3 % – лица, имеющие случайные сексуальные связи, 54 % – лица, употребляющие инъекционные наркотики, 47 % – медицинские работники, работающие с биологическими средами пациентов, 40,5 % – гомосексуалы, 32,8 % – пациенты стоматологических учреждений, 23,3 % – студенты, учащаяся молодежь, 19,5 % – лица, предоставляющие коммерческие сексуальные услуги, 19,1 % – клиенты маникюрных и педикюрных салонов (кабинетов).

Ситуацию с ВИЧ в России как неблагоприятную оценили 54 %, не задумывались 24,4 %, оценили как благополучную 21,6 %.

На вопрос «Каким образом можно бороться с ВИЧ?» опрошенным было предложено ответить самостоятельно (открытый вопрос). Наиболее распространенные и яркие варианты ответов: *«предохраняться», «сдавать тесты на ВИЧ», «один постоянный партнер», «информировать о заболевании, пропагандировать и поощрять ЗОЖ, бороться с наркоманией», «сексуальное просвещение, лечение, повышение приверженности высокоактивной антиретровирусной терапии», «информирование о серьезности проблемы, последствиях и способах профилактики», «повышение социальной ответственности общества», «ВИЧ невозможно побороть, если он уже у есть, но чтобы он не появился – нужно заботиться о своей безопасности во время половых актов, все всегда должно быть стерильно в медицине, при нанесении тату и т. д.», «доступность обследования, дешевые (а лучше бесплатные) и хорошие презервативы», «нужно больше информации в школах, на ТВ», «проводить половое воспитание у молодежи, просвещать взрослое население».*

На вопрос о возможных собственных действиях в борьбе с ВИЧ были получены такие ответы (можно было выбрать несколько вариантов ответа): 53,3 % могли бы помочь в борьбе с распространением

ВИЧ в России принятием участия в работе общественных организаций, занимающихся проблемами ВИЧ, 36,3 % – материальной помощью больным (особенно если это касается близких), 34 % – участвовать в информировании населения о методах защиты и профилактики ВИЧ, 19,8 % не готовы что-либо сделать.

Большинство опрошенных показали достаточный уровень знаний, поскольку сейчас большое внимание обращено теме просвещения населения на тему ВИЧ: проводятся беседы, консультации, распространяются брошюры, ведутся лекции, снимаются фильмы, используются средства массовой информации. Эти меры благоприятно сказываются на познаниях людей о ВИЧ-инфекции. Однако, многие также имеют в структуре своих представлений предрассудки, негативные стереотипы, с которыми необходимо бороться путем просвещения.

Список литературы

1. Методические рекомендации по проведению исследований оценки уровня информированности населения по вопросам ВИЧ-инфекции / ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России. URL: http://mednet.ru/images/stories/files/vich_inform.pdf.
2. Почему закон о депортации мигрантов с ВИЧ неэффективен в России? / Такие дела. URL: https://takiedela.ru/news/2019/10/24/deportation-migrant-hiv/?fbclid=IwAR0f-q-59dNuAlyFCODjo31WjGxKg4GV8rZqni2rl87gNfLLvml_PhoxEYI.
3. Россия ВИЧ-инфицированная: интерактивная карта. URL: <http://fedpress.ru/article/1702177>.

УДК 79.64
ББК 74.32

Жданович О. А., Гаськова И. С., *Иркутск*

Представления молодежи Иркутской области о здоровом питании

Исследуются представления молодежи Иркутской области о здоровом питании и его роли. Анализируются данные о правильном и сбалансированном питании, продуктах, приносящих пользу или вред организму. Излагаются результаты проведенного эмпирического исследования, свидетельствующие о том, что молодежь не уделяет должного внимания своему питанию. Обсуждаются данные о количестве приемов пищи в день, преобладающих в рационе продуктах питания, а также частоте употребления тех или иных продуктов.

Ключевые слова: здоровое питание, употребление продуктов питания, сбалансированное питание, молодежь, социальные представления.

Zhdanovich O. A., Gaskova I. S., *Irkutsk***Image of Healthy Nutrition among Irkutsk Oblast Youth**

The article considers opinions of the Irkutsk region youth about healthy nutrition, its role in their lifestyle. The data on the proper and balanced diet, products that benefit or harm the body are analyzed. An empirical study data show that young people do not pay enough attention to their diet. Data on the number of meals per day, foods that prevail in the diet, as well as the frequency of consumption of certain products are also given.

Keywords: healthy nutrition, food consumption, balanced nutrition, youth, social image.

Почему тема здорового питания так актуальна в наши дни? На то есть несколько основных причин, узнав о которых подробнее, человек непременно задумается над своим рационом. Здоровое питание обеспечивает плюсы не только для вашего организма и физического здоровья, но и с моральной точки зрения.

Целью исследования является анализ данных о питании молодежи Иркутской области, на основе которых можно определить заинтересованность людей к своему рациону питания, а также их стремление изменить его, т. е. сделать максимально сбалансированным и здоровым.

Здоровый образ жизни – образ жизни человека, направленный на профилактику болезней и укрепление человеческого организма.

Здоровое питание – питание, обеспечивающее рост, нормальное развитие и жизнедеятельность человека, способствующее укреплению его здоровья и профилактике заболеваний [4].

Мы предположили, что большая часть людей не придерживается здорового питания, но при этом у них возникает желание изменить свой рацион питания в лучшую сторону. С целью подтверждения рабочей гипотезы путем анкетирования мы опросили 580 чел. – жителей Иркутской области. Анкета включала паспортничку и 11 вопросов, позволивших нам узнать данные о питании людей.

Выборку составили:

- 50,5 % женщин и 49,5 % мужчин;
- 66,2 % городского населения и 33,8 % сельского;
- распределение по возрастным категориям: до 18 лет – 23,9 %, 18-20 – 31,3 %, 21-25 – 22,1 %, 26-30 – 22,7 %;
- школьников – 17,9 %, студентов – 42,1 %, работающих – 29,3 %, неработающих – 10,7 %.

Одним из правил здорового питания является соблюдение режима питания, и для оценки данной информации в нашей анкете был предложен вопрос о количестве приемов пищи в день. Он включал четыре варианта ответа, и они распределились следующим образом: 3–4 раза принимают пищу 41,7 %, 1–2 раза – 22,8 %, 5–6 раз – 25,3 %, 1 раз – 7,2 %.

больше 6 раз – 10,2 %. Таким образом, процент людей, которые придерживаются правильного режима питания, составил всего 25,3 % (5–6 раз в день).

Вопрос: «Завтракаете ли Вы дома перед уходом в школу/университет/на работу?» включал три варианта ответа. Завтракают каждый день 42,6 %, не завтракают – 25,9 %, время от времени – 31,6 %.

На вопрос «Какие продукты питания преобладают в Вашем рационе?» ответы были достаточно разнообразны: животного происхождения – 367 чел. (63,3 %), растительного происхождения – 286 чел. (49,3 %), хлебобулочные изделия – 324 чел. (55,9 %), полуфабрикаты – 245 чел. (42,2 %), крупы – 267 чел. (46 %), морепродукты – 122 чел. (21 %). При этом стоит учитывать то, что респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Данный вопрос послужил основанием для следующих выводов:

1. полуфабрикаты стали неотъемлемой частью рациона питания людей;
2. хлебобулочные изделия по преобладанию в рационе стоят на втором месте;
3. крупы и продукты растительного происхождения почти одинаковы в своих показателях.

В последнее время индустрия быстрого питания набирает все большие обороты, о чем свидетельствует любовь людей к фастфуду. Поэтому респондентам был предложен следующий вопрос: «Часто ли Вы употребляете в пищу еду, считающуюся вредной (чипсы, фастфуд и т. д.)?». Ответы распределились следующим образом: каждый день – 8,3 %, несколько раз в неделю – 27,2 %, несколько раз в месяц – 30,5 %, несколько раз в год – 10,9 %, очень редко – 19,8 %, не употребляю – 3,3 %.

Результаты данного вопроса не очень позитивны, поскольку лишь 34 % употребляют данные продукты в безопасном для здоровья количестве (из них 3,3 % не употребляют вовсе).

Вопрос «Часто ли Вы употребляете газированные напитки?» включал шесть вариантов ответов. 9,3 % употребляют газированные напитки каждый день, 23,8 % – несколько раз в неделю, 28,3 % – несколько раз в месяц, 11,7 % – несколько раз в год, 19 % – очень редко, 7,9 % – не употребляют.

Респондентам также был задан вопрос «Достаточно ли воды Вы употребляете в день?» и включал пять вариантов ответов. 33,4 % употребляют в пределах нормы, 20,2 % – ниже нормы на 0,2–0,5 л,

14,5 % – выше нормы на 0,2–0,5 л, 22,1 % – значительно ниже нормы, 9,8 % – значительно выше нормы. Вода важна для организма, именно поэтому каждому человеку необходимо выпивать достаточное количество воды в день.

На вопрос «Как часто Вы употребляете сладости?» ответы распределились следующим образом: 25,7 % употребляют сладости несколько раз в неделю, 16,6 % – несколько раз в месяц, 32,6 % – каждый день, 9,7 % – несколько раз в год, 10,9 % – очень редко, 4,7 % – никогда.

Всем известно, что чрезмерное потребление сладкого вредит здоровью. Однако нехватка сахара в организме может привести к печальным последствиям.

Вопрос: «Какой пище Вы отдаете чаще предпочтение?» включал три варианта ответа. Чаще отдают предпочтение постной, вареной, паровой пище 41,7 %, жареной и жирной – 40,7 %, маринованной, копченой – 17,6 %.

Польза от диетических паровых блюд: отсутствие калорий, сохранение витаминов, щадящее воздействие на пищеварительный тракт, сохранение полезных микроэлементов в фруктах и овощах, меньшее использование масла, низкая калорийность, сытность и эстетичный вид приготовленного. И диетологи, и кулинары отмечают, что еда, приготовленная таким способом – это своего рода маленькая пилюля, которая продлевает жизнь и сохраняет молодость.

На основании данной информации и результатов вопроса можно сказать, что в целом показатели не слишком плохие, но и не особо хорошие, поскольку процент людей, которые предпочитают более полезный способ приготовления блюд, меньше.

Также опрошенным было предложено ответить на вопросы «Ваш рацион в течение недели отличается разнообразием блюд?» и «Считаете ли Вы свой рацион питания сбалансированным?». В данном случае мы затрагиваем тему сбалансированного питания, который включает в себя разнообразную пищу из всех групп продуктов каждый день. Результаты отображены в таблице.

Оценивая процентное соотношение результатов, можно сделать вывод о том, что основная часть респондентов имеет сомнения по данным вопросам.

Вопрос: «Хотите ли Вы изменить свой рацион питания? В чем?» был включен в анкету для того, чтобы узнать о желании респондентов (не)изменить свой рацион питания.

Таблица

Разнообразие блюд и баланс питания респондентов

Вопрос: «Ваш рацион в течение недели отличается разнообразием блюд?»		Вопрос: «Считаете ли Вы свой рацион питания сбалансированным?»	
Варианты ответов	Процентное соотношение	Варианты ответов	Процентное соотношение
Согласен	26,6	Да	17,4
Скорее согласен	31,7	Нет	22,9
Скорее не согласен	20,7	Скорее нет	30,3
Не согласен	14	Скорее да	19
Затрудняюсь ответить	7,1	Затрудняюсь ответить	10,3

Результаты имели следующий вид: 56,2 % хотят изменить свой рацион питания, 35,5 % – не хотят, 6,2 % – сомневаются, 2,3 % – не могут изменить свой рацион из-за определенных обстоятельств. Желание изменить свой рацион в основном направлено на его улучшение, т. е. добавление/исключение некоторых продуктов из рациона. Также стоит отметить, что большое количество людей хотели бы сделать рацион питания сбалансированным или же полностью перейти на правильное питание.

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что в наше время люди не уделяют должного внимания своему питанию. Но при этом в них присутствует желание изменить его, сделать максимально сбалансированным и полезным для своего организма.

Список литературы

1. Здоровый образ жизни // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Здоровый_образ_жизни.
2. Здоровый питание // Викиверситет. URL: https://ru.wikiversity.org/wiki/Здоровое_питание.
3. Польза от диетических паровых блюд: реальность или вымысел? URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Ffluxewomen.ru%2Fpolza-ot-dieticheskikh-parovyh-bljud-realnost-ili-vymysel%2F>.
4. Полошкевич О. А. Еда как социокультурный фактор социально-психологического здоровья человека // Инновационные технологии в фармации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Г. Приваловой. 2019. С. 537–544.

УДК 304.27
ББК С54/С56

Ковалевская А. Е., *Иркутск*

Пандемия в XXI веке: психологический аспект и изменения моральных ценностей общества

Анализируются основные сферы, предназначенные для благополучной жизнедеятельности общества и их изменения. Рассматриваются психологические и моральные последствия для общественного воспроизводства пандемий XXI века.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, психическое здоровье, моральные ценности, стресс, социальная депрессия.

Kovalevskaya A. Y., Irkutsk

Pandemic in the XXI Century: Psychological Aspect and Changes in the Moral Values of Society

The article analyzes the main spheres intended for the prosperous life of society and their changes. The psychological and moral consequences for the social reproduction of pandemics of the XXIth century are considered.

Keywords: pandemic; coronavirus; mental health; moral values; stress; social depression.

Пандемия коронавируса (COVID-19) вызвала огромную кризисную ситуацию во всем мире. До сих пор нет эффективных лекарств и вакцин от этого вируса, в кризисной ситуации находятся все основные сферы, предназначенные для благополучной жизнедеятельности общества, такие как: здравоохранение, образование, экономика, политика. Это очень сильно отражается на эмоциональном состоянии людей, их образе и качестве жизни.

Важную роль в жизни человека играет именно информационная составляющая. В данный момент человечество все больше и больше испытывает чувство страха и неуверенности. Средства массовой информации (СМИ) рассказывают нам о конце света, о войнах, экономических кризисах, смертельных вирусах и об угрозе экологической катастрофы, что способствуют появлению страха и пессимизма. Это порождает настоящий информационный стресс. Постоянное давление на людей, очень много противоречивых сведений о коронавирусе и люди не понимают, что им делать. В связи с этим растет тревога, паника и т. д. Психический фактор «страдает», некоторые люди не умеют фильтровать полученную информацию и растут депрессивные и другие расстройства ментального здоровья.

В условиях пандемии люди вынуждены соблюдать самоизоляцию, это серьезно изменило привычный образ жизни большинства людей, затронув потребности разных уровней. Появилось отсутствие

должной физической и социальной активности, из-за внедрения и перехода на дистанционную работу, и обучение. В связи с этим, мы понимаем, что сеть Интернет является главенствующей. Интернет стал заменять людям личное общение, которое сменилось виртуальным, большой популярностью сейчас пользуются услуги доставки еды и продуктов, уровень социализации и физической активности очень снизился. В дальнейшем, можно предположить, это повлечет за собой огромные проблемы.

Если человек заболел коронавирусом, то сам факт наличия этой неизвестной болезни очень сильно влияет на эмоциональное состояние человека. Ему приходится ограничить контакты с близкими людьми, это значительно влияет на психическое состояние. Возникает стресс, тревога и депрессивное состояние. Клиническая же картина: высокая температура, кашель, потеря обоняния, лихорадка; и все это еще сопровождается постоянным нахождением в стрессе [1].

Стрессовые воздействия на общество, которые подняла пандемия COVID-19 стала, и еще долго будет предметом научных исследований. Необходимо принимать меры для решения проблем и практических задач, вызванных вирусом. Людям необходима поддержка, а не только давление. В случае запущенности могут прийти проблемы, связанные с массовыми психическими расстройствами, также возможны неинфекционные заболевания, которые связаны, непосредственно, с появлением и влиянием стресса.

В настоящее время человечество сталкивается с паникой, кризисом, тревогой не только из-за коронавируса, но и из-за отсутствия доверия к людям. Постоянная тревожность не дает обществу мыслить разумно. Необходимо понимать, для того чтобы победить эпидемию, люди должны доверять и сотрудничать друг с другом, доверять государству, научным экспертам и т. д. [1].

Список литературы

1. Лубеницкая А. Н., Иванова Т. И. Мир уже никогда не станет прежним – пандемия нового тысячелетия (Обзор литературы) // Омский психиатрический журнал. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-uzhe-nikogda-ne-stanet-prezhnim-pandemiya-novogo-tysyacheletiya-obzor-literatury> (дата обращения: 05.11.2020).

УДК 316.752
ББК 60.53

Медведев П. С., Тюмень

Эмоционально-ценностная обусловленность процессов жизненного самоосуществления подростков

Выявляются сложности, сопровождающие процесс жизненного самоосуществления современных подростков. Осуществляется операционализация семантического поля понятия самоосуществления. Обсуждаются различные теоретические подходы к данному феномену. Указывается, что проблема самоосуществления подростка тесно связана с необходимостью учета его ценностных ориентиров. Утверждается, что эмоциональная детерминанта является не менее важной для полноценного самоосуществления подростка, чем ценностная.

Ключевые слова: эмоции, ценности, саморазвитие, самоидентификация, самореализация, самоосуществление.

Medvedev P. S., Tyumen

Emotional and Value Conditioning of the Processes of Life Self-realization of Adolescents

The paper examines the difficulties that accompany the process of life self-realization of modern adolescents. The operationalization of the semantic field of the concept of self-realization is carried out. Various theoretical approaches to this phenomenon are considered. It was revealed that the problem of self-realization of a teenager is closely related to the need to consider his value orientations. It has been determined that the emotional determinant is no less important for the full-fledged self-realization of a teenager than the value one.

Keywords: emotions, values, self-development, self-identification, self-realization, self-realization.

Подростковый период жизни характеризуется бурным всплеском в личностном развитии. Перед молодыми людьми встает необходимость осознания своего места в мире, решения вопросов связанных с поиском ресурсов собственной личности для осмысления способов и путей самоосуществления. Как писал М. К. Мамардашвили, «главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться» [5], а в подростковом возрасте подобные стремления приобретают активный и осознаваемый характер.

Основная задача социально-психологических изменений подростков состоит в обеспечении эффективной интеграции личности в общество, однако это задача усложняется наличием двух векторных составляющих самоосуществления. С одной стороны усиливается фактор индивидуализации развития, с другой – возрастает роль социокультурных факторов [10]. Такая ситуация вызывает противоречие субъективной и объективной сторон развития сознания и проявляется в конфликтах между подростками и педагогами, родителями. В то же

время процесс самоосуществления может протекать достаточно безболезненно.

Эмоциональность, присущая процессу самоосуществления подростков не всегда воспринимается окружающими их взрослыми людьми адекватно. К сожалению, зачастую, профессиональные педагоги, а тем более родители воспринимают процесс подросткового самоосуществления в негативном ключе, как демонстрацию протестного настроения. Это, на наш взгляд, связано с недостаточной осведомленностью взрослых о природе психологического процесса самоосуществления взрослеющего ребенка. Основная причина такой ситуации в множественности интерпретаций психологической сферы, связанной с самоосуществлением, что существенно затрудняет выстраивание результативного психолого-педагогического сопровождения.

Подтверждением сказанного может быть тот факт, что в официальных нормативно-правовых документах в сфере образования используются самые разнообразные понятия, характеризующие подростковый возраст. В частности, Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования [8] в числе требований к личностным результатам освоения образовательной программы выделяет готовность и способность к саморазвитию и личностному самоопределению. Среди других формулировок в российских нормативно-правовых документах, как указывают Н. Ф. Голованова и И. Б. Дерманова, можно встретить следующие понятия: «саморазвитие», «самоидентификация», «самовоспитание», «самообразование», «самореализация». Таким образом, несмотря на довольно серьезное отношение отечественной системы образования к субъектной активности подростков, отсутствует четкая психолого-педагогическая интерпретация основных понятий.

Существующее положение дел во-многом обусловлено тем, что и в современной науке отсутствует четкое понимание и разделение указанных понятий, а различные авторы используют их как взаимозаменяемые синонимы [4]. Остановимся на операционализации семантического поля понятия самоосуществления несколько подробнее.

В теории личности В. Франкла смысл представляет основную собой жизненную задачу и врожденную мотивационную тенденцию. Ученый считает, что универсального смысла жизни не существует, а каждый уникальный смысл человек может отыскать в конкретной, отдельно взятой ситуации. Согласно В. Франклу, поиск и реализация смысла жизни – это движущая сила поведения человека. Осуществляя их человек реализует себя, однако самореализация является только

побочным продуктом реализации смысла. Смыслы, по мнению ученого не даны человеку, но человек может выбрать себе призвание, в котором будет обретен смысл [9].

Наиболее заметный вклад в развитие самоактуализации внес А. Маслоу. По его мнению, самоактуализация выражает стремление человека к полной реализации своего потенциала. Побудительный компонент в теории А. Маслоу занимает центральное место, однако полностью реализовать себя, по мнению ученого, удастся далеко не каждому. В частности, он отмечал, стремление к самоактуализации наблюдается практически у всех людей, а способность к этому – у большинства. Тем не менее, полностью самоактуализировавшихся людей всего 1 %, говорит о необходимости для актуализации высших потенциалов «способствующего» общества [6].

Попытки разделения понятий «самоактуализация» и «самореализации» можно найти в работах отечественных исследователей. По мнению В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева понятие «самореализация» шире и вбирает в себя не только самоактуализацию, но и «саморазвитие» и «самоутверждение». На более обширный характер «самореализации» указывает и Л. А. Коростылева, указывая что она акцентирована на объективном, внешнем плане существования личности [7].

Переходя непосредственно к понятию жизненного самоосуществления, отметим, что в психологическом словаре, понятие «осуществить» означает – «воплотить в действительность», а самоосуществиться – воплотить свои способности в реальные дела [2]. Следует отметить ряд концепций отечественных психологов, работы которых составляют концептуальное основание данного феномена.

Сущностные силы человека, по мнению Д. А. Леонтьева это его «универсально-деятельностные способности», наполненные конкретно-историческим содержанием, а самореализация представляет собой процесс опредмечивания этих сил. Самовыражение по мнению психолога, представляет собой активность субъекта, направленная на самореализацию, но не достигающая опредмечивания. Саморазвитие связано с самореализацией, но не тождественно ей, а является лишь мотивом развития для лучшей самореализации в будущем. О проблеме самореализации личности в контексте ее сущностных характеристик указывает также и И. Д. Егорычева. Рассматривая семантическое поле «само»-понятий, в качестве главного их смыслового критерия она выделяет значимость результатов деятельностного самоосуществления.

К числу других отечественных ученых, в чьих трудах раскрывается категория самоосуществления можно отнести К. А. Абульханову-

Славскую, отмечавшую, что самореализация – это процесс осуществления самого себя в жизни и повседневных практиках, поиск своего пути и смысла существования в этом мире. Е. И. Горячеву, определившую самореализацию как процесс перехода потенциальных способностей в актуальные. Е. А. Никитину, давшее триединое определение самореализации, включающее реализацию потенциала, активную деятельность и компонент жизнедеятельности человека. Э. В. Галажинского, разработавшего концепцию системной детерминации самореализации.

Проблемой самоосуществления как генетически заложенного стремления реализации экзистенции человека занималась Ш. Бюллер. В ее теории самоосуществление может рассматриваться, в зависимости от возраста, как процесс и как итог. В детстве самоосуществление – это хорошее самочувствие, в подростковом возрасте – переживание завершенности детства, в зрелом возрасте – самореализация, а в старости – исполненность. К числу основных тенденций, сопутствующих самоосуществлению Ш. Бюллер относила: стремление к удовлетворению базовых потребностей, адаптацию к окружающей среде, творческую экспансию и установление внутреннего порядка.

Проблема самоосуществления подростка тесно связана с необходимостью учета его ценностных ориентиров. Они детерминируют притязания, а их развивающая функция заключается в определении перспектив личностного роста. С. Л. Рубинштейн отмечал, что личность характеризуется не только его текущее состояние, но и его стремления: «личностное развитие может быть понято как реализация индивидом своей потенциальной универсальности». Ключевой составляющей субъектной образующей активности являются ценностные ориентации, которые определяют содержательную сторону личностной направленности, ее отношение к себе и окружающим. А. А. Волочков отмечает личностную значимость социокультурных и нравственных ценностей, регулирующих «направленность, степень усилий субъекта, определяют в значительной степени мотивы и цели организации деятельности» [3].

С учетом того, что самоосуществление подростка осуществляется в реальной социокультурной среде, данный процесс необходимо рассматривать с учетом жизненных сфер, в которых он реализуется. Согласно теории психологических систем, пространство для развития человека, как открытой психологической системы, обусловлено стремлением сверхчувственных качеств этой системы к осуществлению целей жизни, созидания и творчества. Таким образом, сфера жиз-

ни, которая будет выступать для подростка приоритетной для самоосуществления является результатом избирательности и рефлексивной деятельности и определяться его ценностно-смысловыми составляющими. Для каждого молодого человека сферы самоосуществления будут различны в силу многообразия ценностно-смысловых координат, однако имеет место и их определенная тождественность, обусловленная источником формирования социальной среды – единой для всех культуры. В этой связи можно говорить о совокупности типичных сфер самоосуществления, которые для подростка будут представлены семьей, образовательной средой, сверстниками, увлечениями.

Эмоциональная детерминанта является не менее важной для полноценного самоосуществления подростка, чем ценностная. Эмоциональные предпочтения определяют новые возможности для развития и самоосуществления личности. Степень гармонизированности ценностных и эмоциональных предпочтений во многом обуславливает особенности рефлексивной оценки личностью собственного жизненного самоосуществления. Так, В. Е. Ключко отмечает, что эмоции «пропускают» в сознание то, что имеет смысл и является ценным для человека, а К. А. Абульханова, определяя смысл жизни, характеризует его не только как когнитивное образование, но и переживания, причастность к обществу, полноту самовыражения [1].

Список литературы

1. Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001. 300 с.
2. *Большой психологический словарь* / Н. Н. Авдеева [и др.]; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М.: АСТ; СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 811 с.
3. Волочков А. А. Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье // *Гуманизация образования*. 2017. № 4. С. 18–26.
4. Голованова Н. Ф., Дерманова И. Б. Направленность самоосуществления и личностное развитие подростка // *Психолого-педагогические исследования*. 2018. Т. 10. № 3. С. 126–134.
5. Мамардашвили М. К. *Как я понимаю философию*. М.: Наука, 1992. 415 с.
6. Маслоу А. *По направлению к психологии бытия*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 272 с.
7. Панькина Е. В. К вопросу о соотношении понятий «Психологическая зрелость» и «Самоактуализация» в психологии личности // *Педагогика и психология образования*. 2010. № 4. С. 26–30.
8. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 № 413 (ред. от 29.06.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (Зарег. в Минюсте России 07.06.2012 № 24480) URL: <https://rg.ru/2012/06/21/obrstandart-dok.html>
9. Ревушкина М. Б. «Представление о ценностях в учении В. Франкла» // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2015. № 2 (30). С. 145–153.
10. Шамне А. В. Варианты психосоциального развития в период отрочества (12–20 лет) // *Психологическая наука и образование*. 2015. Т. 20, № 2. С. 24–32.

УДК 314.316
ББК 60.56

Скуденков В. А., *Иркутск*

Переживание неопределенности при пандемии

Рассматриваются результаты исследования переживания неопределенности при пандемии россиянами. Выявляется важность таких показателей как умение брать на себя ответственность или поиск виноватых, умение принимать решение или его откладывать, уровень тревожности и эмоциональной включенности в происходящие события, а также гибкость или ригидность мышления.

Ключевые слова: переживание неопределенности, пандемия, психологические ресурсы, общественные настроения, социальные представления.

Skudenkov V. A., *Irkutsk*

Experiencing Uncertainty in a Pandemic

The article examines the results of a study of the experience of uncertainty in a pandemic by Russians. The importance of such indicators as the ability to take responsibility or to find the guilty ones, the ability to make a decision or to postpone it, the level of anxiety and emotional involvement in ongoing events, as well as flexibility or rigidity of thinking are revealed.

Keywords: experience of uncertainty, pandemic, psychological resources, public sentiment, social perception.

Пандемия COVID-19 запустила в общественном сознании ситуацию неопределенности. Никому не ясно как будет развиваться ситуация в будущем, как подготовиться к будущему, что делать, а чего не стоит делать. То, что нет понимания как лечиться, что является профилактикой болезни, как лучше восстанавливаться после болезни, кто подвержен риску заболевания – порождает множество парадоксальных идей и заблуждений, начиная от теорий заговора (Р. Г. Ардашев [3; 4], А. М. Прилуцкий [6]), заканчивая трансформацией стратегий адаптации и мышления (Р. Г. Ардашев [1; 2], И. Г. Скотникова и др. [7], М. Ю. Сорокин и др. [9], Н. Е. Харламенкова и др. [10] или же возможностями социальной адаптации к ограничивающим условиям жизни [8]).

Наиболее распространенными чувствами выступает страх, растерянность, угнетенность, порой раздражительность или апатия. Некоторые ученые говорят о том, что уровень посттравматического синдрома у населения в четыре-пять раз выше обычного [7], увеличилось количество суицида, преступности в сфере грабежа в связи с отсутствием работы. Это сопровождается ростом алкоголизации и домашнего насилия, результатом становится рост разводов. Такая негативно-пессимистичная картина социального пространства формируется в социальной среде.

Сложность ситуации в том, что каждому человеку приходится разрывать привычную картину мира, совершая не типичные для себя действия. Условия пандемии изменили повседневность россиян, заставив вырабатывать новые паттерны и стратегии поведения. Это и стало отправной точкой для нашего исследования – изучить, как люди адаптируются к ситуации неопределенности, какие решения принимают, чем руководствуются и на что и на кого опираются в принятии решений. Насколько сильно и как именно на него влияет неопределенность и как люди формируют «зону понятного», определенного, закономерного в условиях неопределенности.

В нашем исследовании приняли участие 1200 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 60 % женщин и 40 % мужчин, проживающих в разных регионах РФ. Анкетирование проходило через платформу опросов <http://www.google.com> в 2020 г., также в статье используются данные аналогичного исследования, проведенного в 2018 г., в котором участвовало 1240 человек тех же возрастных, гендерных и региональных квот. Погрешность выборки 2,3 % и 2,2 % в каждой выборке.

Важным критерием поведения выступает его способность брать на себя ответственность за принятые решения, быть уверенным в своих решениях или же происходит поиск виноватых, или того, кто отвечает, происходит избегание и откладывание решения. Во время пандемии (2020 г.) брать на себя ответственность готовы 32,3 % респондентов, тогда как до пандемии (2018 г.) таких было в два раза больше 64,5 %. Уверены в своих решениях в 2020 г. – 17,2 %, в 2018 – 39,9 %. Ищут виноватых в том, что происходит в их жизни в 2020 г. – 52,3 %, в 2018 г. – 33,1 %. Избегают принятия ответственности, откладывают принятие решения в 2020 г. – 38,7 %, в 2018 г. – 22,1 %.

Эти цифры говорят о том, что люди не верят себе, не уверены в своем будущем, не могут брать на себя ответственность в два раза чаще, чем при обычной жизни. В условиях неопределенности увеличивается уровень переживания за разную степень уверенности и сомнений в принимаемых решениях. Как показывают исследования ученых [6; 7], чем выше уровень уверенности, тем чаще человек принимает правильное решение и наоборот. Но это справедливо при высокой личной и низкой ситуативной уверенности, когда ситуация обратная – низкая личная и высокая ситуативная уверенность – результаты не столь очевидны. В последнем случае влияет то, что мы сами делаем выбор в пользу того правильно ли мы поступаем или нет, так же как и окружение судит по нашим поступкам и словам по тем же критериям.

В ситуациях неопределенности – уровень тревожности заметно повышается. В 2018 г. – высокая тревожность наблюдалась у 21,1 %, средняя – 37,8 %, низкая – 41,1 %. В 2020 г. – высокая тревожность наблюдалась у 36,6 %, средняя – 57,9 %, низкая – 5,5 %. В условиях изоляции, дистанционной работы и обучения тревожность негативно влияет на психическое воздействие человека, усиливая стрессовость. Тревожность может повысить уровень депрессивности и суицидальных наклонностей. Мы выявили, что респонденты в 34 % говорят о том, что у них имеется депрессия, а 62 % постоянный стресс. Данные состояния затрудняют возможность принятия адекватных решений. Недостаток адекватной информации и избыток тревожной информации об уровне заболевших и умерших в результате пандемии в СМИ лишь усиливает данные состояния.

Важным параметром в условиях неопределенности выступает гибкость или ригидность мышления. В исследовании 2020 г. выявлен высокий уровень гибкости у 16,2 %, средний у 39,2 % и низкий – 44,6 % респондентов, в 2018 г. высокий уровень гибкости наблюдался у 37,1 %, средний у 56,6 % и низкий – 6,3 % респондентов. Гибкость позволяет подстроиться под быстро меняющиеся условия в жизни людей в период пандемии, когда основные события в жизни происходят неожиданно и требуют оперативных, мобильных реакций. Уменьшение уровня гибкости и увеличения ригидности в конечном счете увеличивает уровень стресса и тревожности.

Характеризуя свои эмоции, респонденты в 2020 г. говорили о том, что они имеют скорее негативный контекст в условиях пандемии – 67,4 %, позитивный – 21,1 %, нейтральный – 11,4 %. Тот же вопрос в 2018 г. показал иную картину: 23,4 % негативный, 36,2 % – позитивный и 40,4 % нейтральный уровень своего эмоционального состояния.

Таким образом, можно обобщить, что на переживание неопределенности в условиях пандемии имеет влияние эмоциональный настрой людей, умение фильтровать информацию из общего тревожного информационного потока. Также важна рефлексия, саморегуляция и критичность в отслеживании своего состояния и состояния близких, умение не поддаваться панике и тревожным состояниям, определяя и регулируя свое настроение и самочувствие.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Трансформация сознания после пандемии: новые грани виртуальности // Социальная реальность виртуального пространства : сб. науч. тр. по материалам II Между-

нар. науч. конф. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Поллошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 56–63.

2. Ардашев Р. Г. Пандемия коронавируса как стратегия иррационального мышления: естественные условия и социальные рамки // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2020. № 11. С. 82–88.

3. Ардашев Р. Г. Стигматизированные стратегии иррационального мышления: конспирологические теории и их адепты // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВПО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Поллошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 100–104.

4. Ардашев Р. Г. Теории заговора в общественном мнении россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, ч. 1, № 42. С. 145–154.

5. Головина Е. В., Скотникова И. Г. Когнитивно-стилевая структура уверенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 4. С. 69–82.

6. Прилуцкий А. М. Коронавирусная инфекция и религиозные дискурсы медицинской конспирологии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33. С. 108–114.

7. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии Covid-19. И. Г. Скотникова, П. И. Егорова, Ю. Л. Огаркова (Дубинская), Л. С. Жиганов // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2. С. 245–268.

8. Скуденков В. А. Особенности социальных рамок психического здоровья // Философия здоровья: интегральный подход : межвуз. сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО ИГМУ Минздрава России. Иркутск, 2020. С. 39–43.

9. Психологические реакции населения как фактор адаптации к пандемии COVID-19. / М. Ю. Сорокин, Е. Д. Касьянов, Г. В. Рукавишников, О. В. Макаревич, Н. Г. Незнанов, Н. Б. Лутова, Г. Э. Мазо // Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 2020. № 2. С. 87–94.

10. Переживание неопределенности, беспокойства, тревоги в условиях COVID-19 / Н. Е. Харламенкова, Ю. В. Быховец, М. В. Дан, Д. А. Никитина. URL: http://ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/har-1.html

УДК 159.9

ББК 88.3

Бондарь И. В., Барановичи, Беларусь

Исследование временной перспективы прокрастинаторов мужского и женского пола в период ранней зрелости

Рассматривается взаимосвязь временной перспективы и прокрастинации. Определяются их различия у мужчин и женщин в период ранней зрелости человека.

Ключевые слова: временная перспектива, прокрастинация, ранняя зрелость, феномен, личность.

Bondar I. V., Baranovich, Belarus

A Time Perspective Study of Male and Female Procrastinators in Early Adulthood

The article examines the relationship between time perspective and procrastination. Their differences in men and women during the early adulthood of a person are determined.

Keywords: temporary perspective, procrastination, early adulthood, phenomenon, personality.

Введение. Современному человеку приходится бороться с различными проблемами, использовать методы экономии времени и ресурсов, преодолевать препятствия и негатив. Поэтому временной перспективе и прокрастинации отводится важное место в изучении психологических феноменов.

Основная часть. Прокрастинация представляет собой откладывание, оттягивание выполнения важных дел на потом, посредством переключения на менее значимые или незначимые виды деятельности при наличии осознания возможных негативных последствий [3].

Ее изучением занимаются как зарубежное, так и белорусское научное сообщество. Например, Н. К. Плавник, С. В. Позняк исследовали психологические факторы академической прокрастинации [4; 5].

Проведенные исследования говорят о том, что устойчивая прокрастинация имеется у 15–25 % населения, а также что уровень прокрастинации повысился за 25 лет и имеет тенденцию к дальнейшему повышению [2].

Термин «временная перспектива» ввел Л. Франк. Он характеризовал ее как взаимосвязь и взаимообусловливание прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека [7].

Работы авторов, которые изучали временную перспективу, говорят о том, что данный феномен связан со временем жизни каждого человека, она может объяснить, как человек видит события собственной жизни и как она связана с его жизненной перспективой.

В основу работ по изучению взаимосвязи временной перспективы и прокрастинации положена теория мотивации П. Стила. Он утверждал, что уровень прокрастинации тем ниже, чем больше ожидания от дела и чем более ценны его результаты лично для человека, и тем выше, чем менее настойчив человек, и чем дальше до достижения цели.

Поэтому важно изучать половые различия во временной перспективе личности, склонной к прокрастинации именно на примере ранней взрослости.

В эмпирическом исследовании временной перспективы прокрастинаторов приняло участие 30 человек мужского и 30 женского пола.

Для исследования диагностики временной перспективы был выбран опросник «Семантический дифференциал времени» (Л. И. Васерман с соавторами) [1]. Методика предназначена для диагностики субъективного восприятия времени, которые отражают преобладающие, в том числе мало осознаваемые, тенденции в актуальном психическом состоянии и отношении личности к действительности.

Для исследования уровня прокрастинации использован опросник О. А. Ширвари «Опросник для изучения склонности личности к прокрастинации», которая предназначена для определения уровня прокрастинации у взрослых людей [6].

В процессе проведенного исследования установлено:

1. Для большинства женщин характерны средний уровень личностно обусловленной прокрастинации, низкий уровень ситуативно обусловленной прокрастинации.

2. Для большинства мужчин характерны низкий уровень личностно обусловленной прокрастинации, низкий уровень ситуативно обусловленной прокрастинации.

3. Чем выше уровень прокрастинации женщин, тем выше ее влияние на ощущаемость настоящего времени, тем выше восприятие событий в как личностно значимых.

4. Чем выше выраженность прокрастинации женщин, тем ниже ее влияние на структурность прошедшего времени, тем ниже ощущение взаимосвязей между событиями в прошлом, тем выше ее влияние на ощущаемость прошедшего времени.

5. Чем выше выраженность прокрастинации женщин, тем выше ее влияние на эмоциональную окраску и ощущаемость будущего, тем выше ощущение личности себя активным участником, чувствительность в отношении будущего.

6. Чем выше склонность мужчин к прокрастинации, тем ниже ее влияние на активность и структуру настоящего времени, тем ниже ощущение наполненности жизни событиями и впечатлениями, а также умение планировать свою деятельность.

7. Чем выше склонность мужчин прокрастинировать, тем ниже ее влияние на активность и эмоциональную окраску прошедшего времени, тем ниже эмоциональное возбуждение от событий в прошлом, меньше положительных эмоций и неудовлетворенности жизненными обстоятельствами.

8. Чем выше склонность мужчин откладывать дела «на потом», тем ниже ее влияние на активность и структурность будущего времени, тем ниже стремление к достижению планов в будущем, потребности в новизне, а также ощущения прогнозируемости и подконтрольности событий.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было выявлено, что существует взаимосвязь временной перспективы и прокрастинации у мужчин и у женщин в период ранней взрослости.

Заключение. По результатам диагностики, можно сделать вывод, что женщины склонны удерживать прошлые обиды, при этом надеются на удачу при решении проблем и беспокоятся о последствиях в будущем. Мужчины характеризуются неумением планировать дела, неудовлетворенностью прошлым. Их болезненный опыт и недостаточная активность в прошлом влияет на переживание проблем, стремление к переменам, потому что считают, что будущее не зависит от них.

Это значит, что гипотеза о половых различиях во временной перспективе личности, склонной к прокрастинации в период ранней взрослости подтверждена.

Список литературы

1. Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах / Л. И. Вассерман, О. Н. Кузнецов, В. А. Ташлыков, М. Тейверлаур, К. Р. Червинская, О. Ю. Щелкова // СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. С. 3–8.
2. Ильин Е. П. Работа и личность. Трудоголизм, перфекционизм, лень. СПб.: Питер, 2011. С. 61.
3. Мещеряков Б. Зинченко В. Большой психологический словарь М.: Олма–пресс. 2004. С. 115.
4. Плавник Н.К. Психологические факторы академической прокрастинации у учащихся. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/158790/1/%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8F%D0%BA_%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B316-192-197.pdf (дата обращения: 04.11.2020).
5. Позняк С. В. Психологические факторы академической прокрастинации у учащихся. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/183913/1/%D0%9F%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D1%8F%D0%BA_%D0%9F%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB_%D0%A7.%203_17-302-308.pdf (дата обращения: 04.11.2020).
6. Разработка опросника для изучения склонности личности к прокрастинации / О. А. Ширвари [и др.] // Молодой ученый. 2015. № 24 (104). С. 105.
7. Frank L. K. Time Perspective // Journal of Social Philosophi. 1939. N 4.

УДК 159.99
ББК 65.64

Король М. А., *Барановичи, Беларусь*

Взаимосвязь толерантности к неопределенности и тревожности у студентов раннего юношеского возраста

Статья посвящена изучению проявления толерантности и интолерантности к неопределенности у студентов, обладающих личностной тревожностью. Описаны структурно-содержательные характеристики толерантности к неопределенности и уровневые характеристики личностной студентов, включая половые различия. Раскрыты особенности толерантности к неопределенности студентов, обладающих различными видами личностной тревожности.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, тревожность, личностная тревожность, интолерантность к неопределенности, межличностная интолерантность к неопределенности.

Korol M. A., Baranovich, Belarus

The Relationship of Uncertainty Tolerance and Anxiety among Students of Early Adolescence

The article is devoted to the study of the manifestation of tolerance and intolerance to uncertainty in students with personal anxiety. The structural and content characteristics of tolerance to uncertainty and the level characteristics of the personality of students, including gender differences, are described. The features of tolerance to uncertainty of students with various types of personal anxiety are revealed.

Keywords: tolerance to uncertainty, anxiety, personal anxiety, tolerance to uncertainty, interpersonal tolerance to uncertainty.

Каждый день человек сталкивается с неопределенностью. Неопределенность как отсутствие однозначности проявляется в различных ситуациях: в процессе коммуникации, во время решения задач, в учебной и профессиональной деятельности. Рассматривая неопределенность, обозначим такой психологический феномен, как «толерантность к неопределенности».

Толерантность к неопределенности, как считает Т. В. Корнилова, означает готовность субъекта принимать решения в условиях неопределенности, противоречивости, новизны ситуации, неизвестности последствий и т. д. [1, с. 3]. Интолерантность означает негативное отношение, которое включает неустойчивость к неопределенности, восприятие условий неопределенности как угрозы, стремление все прояснить. Исходя из вышеперечисленных понятий, нами была выдвинута гипотеза о взаимосвязи толерантности к неопределенности и тревожности.

А. М. Прихожан рассматривает тревожность как переживание эмоционального дискомфорта, предчувствие грозящей опасности. Тревожность – устойчивое личностное образование, сохраняющееся на протяжении достаточно длительного периода времени [2, с. 45].

Исследование проходило на базе УО «Барановичский государственный университет». Выборку исследования составили 40 студентов в возрасте 17–18 лет, из которых 20 девушек и 20 юношей, первого курса факультетов педагогики и психологии, специальностей «Социально-педагогическая деятельность», «Практическая психология» и инженерного факультета, обучающихся по специальности «Информационные системы и технологии».

С целью изучения уровня толерантности к неопределенности была использована методика «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой.

Для определения личностной тревожности нами была применена методика А. М. Прихожан «Шкала личностной тревожности».

Метод статистической обработки данных – корреляционный анализ – был осуществлен в программе Statistica 6.0.

Применение методики «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой позволило получить следующие результаты.

Рассмотрим показатели юношей и девушек по шкале Толерантность к неопределенности. Для большинства девушек и юношей (57,5 %) характерен средний уровень. Из этого следует, что испытуемые имеют толерантное отношение к происходящим изменениям, не боятся действовать в ситуациях неопределенности, но отдают предпочтение привычному. Несколько иначе обстоит дело с отношением к неопределенности у испытуемых, которые имеют высокий уровень (42,5 %). Такие юноши и девушки не боятся погружаться в новые идеи, любят решать сложные задачи, воспринимают сложности как возможность проявить себя и узнать что-то новое.

Рассматривая такую шкалу, как «Интолерантность к неопределенности» большинство (62,5 %) девушек и юношей имеют средний уровень. У них наблюдается желание, чтобы в их жизни присутствовала ясность. Также испытуемые считают, что определенность в действиях всегда лучше нерешительности, упорядочивая свою жизнь таким образом, чтобы не волноваться все время из-за мелочей. Высокий уровень интолерантности к неопределенности характерен для 37,5 % испытуемых. Такие студенты имеют твердую убежденность, что если не придерживаться определенных принципов, то ничего нельзя довести до конца, им необходима четкая инструкция, когда они приступают к какой-либо деятельности.

Высокий уровень межличностной интолерантности к неопределенности выявлен у 22,5 % испытуемых. Это значит, что для таких

людей крайне важно понимать поведение других людей, чтобы понимать, что их ждет дальше во взаимоотношениях с этим человеком. В случае, если поведение остается непонятным, юноши и девушки испытывают дискомфорт.

Низкий уровень межличностной интолерантности к неопределенности характерен для 10 % юношей и девушек. Они не испытывают волнение, если понимают, что ситуация им неподвластна, а также если им нужно находиться среди незнакомых людей. Средний уровень выявлен у 67,5 %.

Вычисление непараметрического критерия Мана – Уитни для несвязанных выборок показало, что есть значимых различия в проявлении межличностной интолерантности к неопределенности агрессивном поведении юношей и девушек ($p = 0,03$; $U = 118$). У девушек наблюдается более высокий уровень непринятия неопределенности в межличностных отношениях, чем у юношей. Возможно, это связано с тем, что девушки, общаясь с другими людьми, стремятся строить долгосрочные перспективы. А в случае, если поведение и мысли другого человека им непонятны, они не могут реализовать эту потребность.

Значимых различий в толерантности к неопределенности и интолерантности к неопределенности у юношей и девушек выявлено не было.

Применение методики А. М. Прихожан «Шкала личностной тревожности» позволило получить следующие результаты.

Рассматривая шкалу «Школьная тревожность», мы увидели, что для большинства (90 %) студентов, которые приняли участие в нашем исследовании, состояние тревожности не свойственно. Однако такое «чрезмерное спокойствие» может иметь форму защитного характера. Для 10 % свойственен нормальный уровень тревожности, который необходим для продуктивной деятельности. Таким образом, мы видим, что большинство студентов не испытывают эмоционального дискомфорта, связанного с ожиданием неблагоприятного исхода, с предчувствием грозящей опасности в учебных ситуациях.

Исследуя такую составляющую, как самооценочная тревожность, мы отметили, что для 60 % студентов характерен уровень тревожности, который соответствует норме, а для 20 % – несколько завышенный уровень. Можно предположить, что для таких юношей и девушек имеет большое значение оценка их внешности и возможностей по сравнению со сверстниками, что вызывает тревожность. Чрезмерное спокойствие характерно для 20 %.

55 % студентов по шкале «Межличностная тревожность» имеют показатель, находящийся в пределах нормы. Чрезмерное спокойствие

наблюдается у 27,5 %. Завышенный показатель имеют 15 % юношей и девушек и лишь 2,5 % имеют очень высокий уровень межличностной тревожности. Таким образом, мы видим, что большинство студентов испытывают тревожность в отношениях в ситуации общения со взрослыми и сверстниками, которая способствует их продуктивности и адаптации.

По шкале «Магическая тревожность» были получены следующие результаты.

Чрезмерное спокойствие выявлено у 62,5 % испытуемых. Можно предположить, что такие юноши и девушки хотя бы убедить самих себя в то, что они не верят в потусторонних существ. Показатели в пределах нормы выявлены у 27,5 %. 5 % имеют высокий уровень и 5 % имеют явно завышенный уровень, что говорит об их выраженной тревожности и боязни потусторонних существ.

Таким образом, общая тревожность находится в пределах нормы у 45 % студентов. Мы можем говорить о том, что у них присутствует конструктивная тревожность, которая помогает им адаптироваться и выстраивать свою деятельность.

Чрезмерное спокойствие есть у 52,5 %, и у 2,5 % – завышенные показатели.

Вычисление непараметрического критерия Мана-Уитни для несвязанных выборок показало, что есть значимых различия в проявлении самооценочной тревожности у юношей и девушек ($p = 0,02$; $U = 116$). У девушек наблюдаются более высокие показатели тревожности, связанной с оценкой своей внешности и своих возможностей, чем у юношей. Это может быть связано с тем, что для девушек важна конкретика и детали, чтобы подкреплять свою уверенность, а потому, им важны отклики и оценка со стороны других людей.

Вычисление непараметрического критерия Мана – Уитни для несвязанных выборок показало, что есть значимых различия в проявлении межличностной тревожности у юношей и девушек ($p = 0,01$; $U = 107$). У девушек наблюдаются более высокие показатели тревожности, связанной с межличностной тревожностью, чем у юношей. Это может быть связано с тем, что девушки, общаясь с взрослыми и со сверстниками, подмечают детали в общении и более чувствительно все воспринимают, что в дальнейшем дает много поводов для различных гипотез.

Вычисление непараметрического критерия Мана – Уитни для несвязанных выборок показало, что есть значимых различия в проявлении магической тревожности у юношей и девушек ($p = 0,01$; $U = 81$). У девушек наблюдаются более высокие показатели. Возможно, это

связано с тем, что впечатлительность девушек способствует тому, что в ситуации, которая на первый взгляд не поддается рациональному объяснению, они прибегают к аргументации в существовании потусторонних существ.

Значимых различий в школьной тревожности выявлено не было.

И, таким образом, по шкале «Общая тревожность», наблюдаются значимые различия ($p = 0,004$; $U = 95$). Девушки имеют более высокие показатели.

Применение статистической обработки данных с помощью коэффициента корреляции Спирмена в результате использования методики «Новый опросник толерантности к неопределенности» Т. В. Корниловой и методики «Шкала личностной тревожности» А. М. Прихожан у юношей показало следующие связи.

Выявлена значимая прямая умеренная связь между межличностной интолерантностью юношей к неопределенности и межличностной тревожностью ($p = 0,007$, $R = 0,58$). Люди, которые имеют высокие показатели межличностной интолерантности к неопределенности, отличаются высоким уровнем межличностной тревожности, так как им сложно понять, предугадать поведение другого человека, его отношение к нему, вследствие чего появляется тревожность.

Выявлена значимая прямая умеренная связь между межличностной интолерантностью юношей к неопределенности и магической тревожностью ($p = 0,03$, $R = 0,48$). Чем выше уровень межличностной интолерантности к неопределенности, тем выше уровень магической тревожности.

Для выборки девушек не было выявлено значимых взаимосвязей либо тенденции к связям.

Таким образом, мы видим, что и юноши, и девушки имеют достаточно высокие показатели толерантности к неопределенности. Что касается о взаимоотношениях с другими людьми, то девушки и юноши не испытывают явного дискомфорта в случае возникновения неопределенности, изменений, непонимания происходящего. Однако девушки являются более чувствительными к изменениям в процессе коммуникации.

Школьная тревожность не свойственна нашим испытуемым, однако это может быть защитным механизмом, так как нормальный уровень тревожности способствует адаптивности человека и оказывает влияние на его деятельность. Показатели самооценочной и магической, межличностной тревожности также в целом остаются в пределах нормы. Однако для девушек в большей степени характерна межличностная и магическая тревожность.

Нами было выяснено, что у юношей наблюдается следующее: чем выше уровень межличностной интолерантности к неопределенности, тем выше показатели межличностной тревожности, а также, чем выше уровень межличностной тревожности, тем выше уровень магической тревожности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что развитие толерантности к неопределенности будет способствовать оптимальному уровню тревожности во взаимоотношениях с другими людьми, безбоязненному отношению к нововведениям, изменениям, которые сопровождают человека каждый день.

Список литературы

1. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40.
2. Сидоров К. Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 2.

УДК 334.7
ББК 932.48

Лелес А. С., *Барановичи, Беларусь*

Характеристики психологического благополучия студентов в современных реалиях

Актуализируется проблема психологического благополучия студентов. Показывается состояние изученности психологического феномена как психологической категории. Раскрываются сущностные характеристики и структура психологического благополучия. Излагаются результаты эмпирического исследования структурно-содержательных характеристик психологического благополучия студентов, включая половые различия.

Ключевые слова: психологическое благополучие, студенты, юношеский возраст.

Leles A. S., *Baranovichy, Belarus*

Characteristics of the Psychological Well-being of Students in Modern Realities

The article actualizes the problem of psychological well-being of students. The state of knowledge of a psychological phenomenon as a psychological category is revealed. The essential characteristics and structure of psychological well-being are revealed. The results of an empirical study of the structurally-substantive characteristics of the psychological well-being of students, including gender differences, are presented.

Keywords: psychological well-being, students, youthful.

В научных публикациях последнего десятилетия значительно возросли исследования психического благополучия человека, его удовлетворенности собственной жизнью и самореализацией в различных

областях жизнедеятельности, сельского хозяйства, культуры, науки, здравоохранения и образования. Современное состояние развития общества характеризуется многочисленными преобразованиями и реформами в сфере общественной жизни. В различной степени это затрагивает каждого человека и влияет на его личностное и профессиональное развитие, включая его здоровье, мировоззрение и психическое благополучие.

Динамика жизни требует от человека правильного ориентирования в жизненных условиях и реагирования на стрессовые ситуации, умения находить конструктивные решения проблем и эффективно использовать личностные ресурсы. Для будущих учителей и психологов психологическое благополучие является одним из главных условий успешной работы на протяжении всего периода активной профессиональной деятельности. В связи с этим современная система высшего образования отражает необходимость решения проблемы создания условий для позитивного развития у субъектов образовательного процесса, способных к самореализации, творческого подхода в восприятии мира и эффективное осуществление общественно значимых мероприятий. Исходя из этого, возрастает важность научных исследований, предметом которых является психологическое благополучие личности в период обучения в университете.

В сфере исследований психологического благополучия активно разрабатывается не только само понятие, но и изучается его связь с различными личностными и социальными характеристиками; происходит уточнение структурно-содержательных компонентов; исследуются объективные и субъективные факторы психологического благополучия личности. Однако в отечественной и зарубежной литературе имеется небольшое количество исследований по формированию психологического благополучия по предметам образовательного пространства вузов, в том числе студентов.

Несмотря на то что феномен вины сыграл огромную роль в возникновении мировых религий, которые повлияли на формирование современной гуманистической морали, он почти не изучался и даже не упоминался в российской психологии. И только недавно началась работа, в которой феномен вины считается дифференцированным понятием.

Следовательно, вопросы о происхождении этого явления, его природе, характеристиках и функциях, которые очень важны для образовательной, психотерапевтической и правоохранительной практики, требуют дальнейшего изучения.

Таким образом, актуальность темы определяется тем, что психологическое благополучие оказывает влияние на мотивацию к деятельности, творческий подход в восприятии мира и эффективное осуществление общественно значимых мероприятий. В свою очередь склонность к переживанию чувства вины так же влияет на позитивное развитие личности.

Методы исследования: теоретический анализ научной литературы по проблеме исследования, психодиагностические методы и методы статистической обработки данных.

На первом этапе исследования мы использовали опросник «Психологическое благополучие личности» и «Шкала субъективного благополучия». Опросник «Психологическое благополучие личности» состоит из 84 вопросов и направлен на диагностику психологического благополучия. Он включает в себя 10 шкал: «позитивное отношение с окружающими», «автономия», «управление средой», «личностный рост», «цели в жизни», «самопринятие», «баланс аффекта», «осмысленность жизни», «человек как открытая система», «автономия». Шкала субъективного благополучия направлена на измерение эмоционального компонента субъективного благополучия или эмоционального комфорта. Включает в себя 6 шкал: «напряженность и чувствительность», «психоэмоциональная симптоматика», «изменения настроения», «значимость социального окружения», «самооценка здоровья», «удовлетворенность повседневной деятельностью».

Для реализации второго этапа исследования была использована методика «Измерение чувства вины и стыда» и «Опросник вины». Методика «Измерение чувства вины и стыда» включает в себя 15 вопросов. Она предназначена для измерения чувства вины и стыда, включает в себя 6 шкал: «вина», «стыд», «экстернальность», «отстраненность», «бета-гордость», «альфа-гордость». «Опросник вины» направлен на измерение чувства вины и включает 3 шкалы: «вина-состояние», «вина-черта», «моральные нормы».

На третьем этапе осуществлялось установление взаимосвязи между психологическим благополучием и склонностью к переживанию чувства вины с помощью такого метода статистической обработки данных, как корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена).

Базой для проведения исследования выступили Барановичский государственный университет. Выборку исследования составили 60 студентов педагогических специальностей (20 юношей, 40 девушек). Из них 47 студентов специальностей НА-11, НО-21, ДО-31, ОТИ-31, ГЭ-41 – квалификации «преподаватель», ПП-11, ПП-21 – квалифика-

ции «педагог-психолог» и 13 студентов специальности ТМ-21 – квалификации «инженер».

В нашем исследовании между показателем психологического благополучия «позитивное отношение с окружающими» и показателями склонности к переживанию чувства вины «альфа-гордость» ($r = 0,3$, $p = 0,02$), «бета-гордость» ($r = 0,33$, $p = 0,01$), выявлена прямая связь, а между «вина-состояние» ($r = -0,4$, $p = 0,001$) и «вина-черта» ($r = -0,38$, $p = 0,003$) – обратная связь. Это происходит из-за того, что человек, который способен сопереживать, любить, заботиться о других будет положительно оценивать свои действия по отношению к другим людям в ситуациях вины и стыда. Такой человек умеет находить компромиссы во взаимоотношениях, позитивно относиться ко всему происходящему. Кроме того, положительные отношения с людьми, помогают личности гармонично существовать на этой земле.

Шкала «автономия» имеет прямую связь с показателями «отстраненность» ($r = 0,27$, $p = 0,04$), «Альфа-гордость» ($r = 0,33$, $p = 0,01$), «Бета-гордость» ($r = 0,27$, $p = 0,03$), а обратную тенденцию к связи – с показателем «моральные нормы» ($r = -0,22$, $p = 0,08$). Такая особенность обусловлена тем, что шкала «автономия» предполагает независимость. Такой человек способен противостоять социальному давлению, оценивать себя и свое поведение на основе собственных стандартов. То есть общественное мнение не является главным, на что опирается человек. Его не интересует мнение окружающих, он способен противостоять социальному давлению, ставить в первую очередь свои интересы, а не интересы общества.

У критерия психологического благополучия «управление средой» присутствует прямая тенденция к связи по критерию «бета-гордость» ($r = 0,22$, $p = 0,08$), обратная связь с переживанием чувства вины по показателям «стыд» ($r = -0,28$, $p = 0,03$), «вина-состояние» ($r = -0,57$, $p = 0,000002$) и «вина-черта» ($r = -0,43$, $p = 0,0006$). Данная тенденция может объясняться тем, что такой человек уверен и компетентен в управлении повседневными делами, успешно с ними справляется. Именно уверенность, умение аффективно использовать различные жизненные обстоятельства способствуют положительной самооценке своих действий по отношению к другим людям.

Шкала «Личностный рост» имеет прямую тенденцию к связи к показателям «бета-гордость» ($r = -0,22$, $p = 0,09$), и обратную тенденцию к связи к показателям «экстернальность» ($r = -0,25$, $p = 0,05$) и «вина-состояние» ($r = -0,22$, $p = 0,10$). Это говорит о том, что человек, который постоянно развивается, отслеживает свой личностный рост

и чувство самосовершенствования, будет испытывать гордость и самоуважение благодаря реализации собственного потенциала.

Между шкалами «цели в жизни» и «альфа-гордость» ($r = 0,27$, $p = 0,04$), выявлена прямая связь и тенденция к связи по критерию «бета-гордость» ($r = 0,22$, $p = 0,09$). То есть чем выше осмысленность жизни и больше целей, тем выше чувство достоинства, самоуважения, удовлетворения от себя и своих действий. Установленный факт может объясняться тем, что такой человек, добиваясь поставленной цели, дает положительную оценку себе и своим действиям, позитивно рассматривает свою личность в целом.

Взаимосвязь показателя психологического благополучия «самопринятие» и склонности к переживанию чувства вины и является прямой по показателям «бета-гордость» ($r = 0,37$, $p = 0,004$), «альфа-гордость» ($r = 0,31$, $p = 0,01$), и обратной по показателям «стыд» ($r = -0,26$, $p = 0,05$), «вина-состояние» ($r = -0,55$, $p = 0,000005$), «вина-черта» ($r = -0,5$, $p = 0,00005$). Это обусловлено тем, что человек с данным показателем психологического благополучия способен поддерживать к себе позитивное отношение, принимать как хорошие, так и отрицательные качества своей личности. Он уверен в себе, поэтому он может испытывать чувство собственного достоинства, собственной ценности, самоуважения, удовлетворения от себя и своих действий.

Критерий психологического благополучия «баланс аффекта» имеет прямую связь с показателями склонности к переживанию чувства вины «стыд» ($r = 0,39$, $p = 0,02$), «экстернальность» ($r = 0,26$, $p = 0,04$), «вина-состояние» ($r = 0,49$, $p = 0,00008$), «вина-черта» ($r = 0,49$, $p = 0,00007$). Это говорит о том, что с увеличением одного явления, другое увеличивается. Это может быть связано с недовольством и негативной самооценкой человека. Он испытывает чувство стыда, возникающее в результате негативной оценки человеком своей личности, самого себя в целом, а также склонен объяснять последствия своих поступков влиянием обстоятельств, приписывать ответственность за свою деятельность исключительно внешним условиям.

Между показателем «осмысленность жизни» и показателями «бета-гордость» ($r = 0,33$, $p = 0,01$) и «альфа-гордость» ($r = 0,39$, $p = 0,002$) выявлена прямая взаимосвязь, а также обратная тенденция к связи по критерию «вина-черта» ($r = -0,24$, $p = 0,06$). Это связано с тем, что у такого человека присутствуют жизненные цели и планы, видение смысла жизни. Он оценивает себя как целеустремленного человека, что дает ему возможность испытывать чувство собственного достоинства, собственной ценности, самоуважения.

У показателя психологического благополучия «человек как открытая система» и склонности к переживанию чувства вины выявлена прямая связь по показателям «вина» ($r = 0,46$, $p = 0,0002$), «бета-гордость» ($r = 0,4$, $p = 0,001$), «альфа-гордость» ($r = 0,36$, $p = 0,005$), тенденция к связи «стыд» ($r = 0,23$, $p = 0,07$) и обратная связь по показателю «вина-состояние» ($r = -0,28$, $p = 0,03$). Это происходит из-за того, что такому человеку характерен реалистичный, целостный взгляд на жизнь, сочетающийся с открытостью новому опыту, а также естественность и непосредственность переживаний.

Критерий психологического благополучия «автономия» имеет прямую тенденцию по критерию «моральные нормы» ($r = 0,21$, $p = 0,1$), обратную связь с показателем «альфа-гордость» ($r = -0,31$, $p = 0,01$), тенденцию к связи с показателем «отстраненность» ($r = -0,22$, $p = 0,09$). Данная особенность связана со способностью личности соблюдать гармоничный баланс между собственными и общепринятыми интересами. Такой человек способен самостоятельно принимать решения в лично значимых ситуациях, у него хорошо развито чувство ответственности за собственную жизнь.

Показатель психологического благополучия «напряженность и чувствительность» имеет прямую взаимосвязь с показателями склонности к переживанию чувства вины «вина-состояние» ($r = 0,33$, $p = 0,01$) и «вина-черта» ($r = 0,29$, $p = 0,03$) и обратную тенденцию к связи по критерию «моральные нормы» ($r = -0,21$, $p = 0,09$). То есть чем выше субъективное переживание тяжести выполняемой работы, тем выше чувство вины, возникающее в результате негативной оценки человеком собственного поведения. Установленный факт может быть связан с тем, что такому человеку присущи повышенная тревожность, уязвимость, чуткость, неуверенность в себе. Такой человек погружен в свои проблемы, что является причиной нарушения моральных и этических норм, установленных в обществе.

Между признаками, сопровождающими основную психоэмоциональную симптоматику и показателями «экстернальность» ($r = 0,28$, $p = 0,03$) и «вина-состояние» ($r = 0,27$, $p = 0,04$) выявлена прямая взаимосвязь, а также тенденция к связи по показателю «отстраненность» ($r = 0,23$, $p = 0,08$). В данном случае такая особенность связана с тем, что человек усиленно переживает чувство беспокойства. У него наблюдается острота реакций на препятствия и неудачу, в связи с чем он испытывает напряжение, сожаление, и раскаяние. Также он может винить не только себя в случаях неудачи, но и других людей или внешние обстоятельства.

Взаимосвязь критерия психологического благополучия «Изменения настроения» и склонностью к переживанию чувства вины является прямой по показателям «стыд» ($r = 0,29$, $p = 0,02$), «вина-состояние» ($r = 0,62$, $p = 0,00$) и «вина-черта» ($r = 0,53$, $p = 0,00001$), также выявлена обратная тенденция к связи по критериям «Бета-гордость» ($r = -0,25$, $p = 0,05$), «альфа-гордость» ($r = -0,22$, $p = 0,09$). То есть чем более значительны снижения оптимистического модуса восприятия действительности, тем чаще возникает чувство стыда в результате негативной оценки человеком своей личности. Установленный факт может быть связан с эмоциональной неустойчивостью, стрессами, психическими расстройствами.

Показатель психологического благополучия «значимость социального окружения» имеет прямую связь с показателями склонности к переживанию чувства вины «вина-состояние» ($r = 0,43$, $p = 0,0006$), «вина-черта» ($r = 0,31$, $p = 0,02$), обратную – с показателями «Альфа-гордость» ($r = -0,26$, $p = 0,05$) и «бета-гордость» ($r = -0,26$, $p = 0,05$). Это может быть обусловлено тем, что, постоянно общаясь с другими людьми, человек невольно подпадает под их влияние. Такому человеку очень важно мнение окружающих его людей, поэтому индивид вынужден считаться со взглядами и убеждениями других, боясь оказаться в положении «белой вороны». Он будет переживать чувство вины, давать себе негативную оценку в том случае, если он не оправдает надежд других людей.

Между шкалой «самооценка здоровья» и показателями «стыд» ($r = 0,24$, $p = 0,05$), «вина-состояние» ($r = 0,42$, $p = 0,0009$) и «вина-черта» ($r = 0,27$, $p = 0,03$) выявлена прямая связь. Самооценка здоровья предполагает не только наличие или отсутствие симптомов заболевания, но и психологическое благополучие – возможности и качества личности, осознание жизненной перспективы, своего места среди других людей. Поэтому индивид может испытывать дискомфорт как эмоциональную реакцию на реальное нарушение его собственных внутренних моральных норм.

У показателя психологического благополучия «степень удовлетворенности повседневной деятельностью» и склонности к переживанию чувства вины выявлена прямая связь по показателям «стыд» ($r = 0,4$, $p = 0,001$), «вина-состояние» ($r = 0,34$, $p = 0,009$), «вина-черта» ($r = 0,29$, $p = 0,03$), тенденция к связи по показателю «вина» ($r = 0,22$, $p = 0,08$). Установленный факт обусловлен тем, что удовлетворенность повседневной деятельностью связана с отсутствием цели в будущем, неудовлетворенностью от процесса жизни, неудовле-

творчнностью достижениями, и отсутствием упорства в достижении целей. Другими словами, человек, который удовлетворен своей повседневной деятельностью, не стремится к саморазвитию и самореализации, его вполне устраивает такое положение, ему нет никакого смысла менять окружающую его действительность. В связи с этим он может стыдиться и винить себя за отсутствие достижений и не совсем устраивающую его жизнь.

Проведенный статистический анализ данных показал, что существует взаимосвязь между психологическим благополучием и склонностью к переживанию чувства вины в юношеском возрасте.

Список литературы

1. Психологическое благополучие личности в современном образовательном пространстве : сб. ст. / сост. Ю. В. Братчикова. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 87–93.
2. Шевеленкова Т. Д., Фасенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) // Психологическая диагностика. 2005. С. 95–129.
3. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т 32, № 2. С. 82–93.
4. Пучкова Г. Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск : Изд-во Хабаров. гос. ун-та, 2003. С. 18–22.

УДК 159.92
ББК 88.52

Яценко Т. Е., Барановичи, Беларусь

Предикторы виртуальной виктимности мальчиков подросткового возраста¹

Исследуется проблема склонности мальчиков-подростков к виктимному поведению в интернете. Обозначаются дефиниции виктимности и виртуальной виктимности. Излагаются результаты эмпирического исследования видов виктимности, проявляемых подростками в реальном межличностном взаимодействии, выступающих предикторами поведения по типу жертвы в сети Интернет.

Ключевые слова: виктимность, виртуальная виктимность, интернет, подростковый возраст.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках международного проекта БРФФИ-РФФИ «Психологическое сопровождение виктимной личности в подростковом и юношеском возрасте: система психологической диагностики и коррекции» (БРФФИ: № Г18Р-298; РФФИ: проект № 18-513-00010)

Yatsenko T. E., Baranovich, Belarus

Predictors of Virtual Victimization in Adolescent Boys

In the article the problem of the tendency of adolescent boys to victimize behavior on the Internet is actualized. The definitions of victimhood and virtual victimization are disclosed. The results of an empirical study of the types of victimization manifested by adolescents in real interpersonal interaction, which are predictors of victim-type behavior on the Internet, are presented.

Keywords: victimization, virtual victimization, Internet, adolescence.

В русле субъектно-средового подхода виктимность – это социально-психологическое свойство личности, воплощающиеся в исполнении человеком роли реальной/мнимой жертвы, для которой характерно неэффективное сопротивление нарушению границ своего психологического пространства и уклонение от позиции субъекта жизнедеятельности, обуславливающее его психологическую виктимизацию или ревиктимизацию в межличностном взаимодействии [5].

Виктимность препятствует успешному прохождению человеком возрастных кризисов. Как следствие у виктимной личности возникает и закрепляется инфантилизм вместо чувства взрослости, недифференцированность «Я» вместо личностной рефлексии, потребность в построении симбиотических отношений вместо потребности в автономии [3; 4].

При этом основной фактор виктимности – психологическая виктимизация, представляющая собой процесс повышения степени виктимности личности и закрепления паттернов ролевого виктимного поведения вследствие взаимодействия виктимной предрасположенности с неблагоприятными факторами и условиями личностного развития и социализации [6]. Иными словами, это процесс воздействия дисфункциональных отношений на личность, в результате которого она приобретает виктимные социально-психологические черты. Таким образом, межличностная коммуникация может выступать как средством девиктимизации, развития самосознания, самоопределения, удовлетворения потребности в самоутверждении юношей и девушек, так и виктимизации и ревиктимизации личности.

В современном мире в связи с интенсивным развитием информатизации общества и популяризацией сети Интернет выделился отдельный вид общения: виртуальное общение. Согласно данным национального статистического комитета РБ, пик активности в социальных сетях Интернет приходится на подростковый и юношеский возраста (86 %).

Исследования ученых (Е. А. Жичкина, Н. С. Козлова и др.) позволяют констатировать, что Интернет-среда начинает играть все

большую роль в жизни современного человека, определяя его поведение в реальной жизни и личностную идентичность. Сеть Интернет предоставляет возможность человеку для апробации моделей коммуникативного поведения, отличных от практикуемых в реальности. В частности Е. А. Юрьева указывает, что человек в сети Интернет может позиционировать себя таким, каким он хочет казаться, но не является таковым [2, с. 218]. Однако виртуальная коммуникация предоставляет меньше возможностей для личностного самораскрытия, что осложняет формирование новообразования юношеского возраста – личностного самоопределения [1]. Кроме того, в киберпространстве получает распространение модель виктимного поведения (некритичное приобщение к деструктивным группам, асоциальным веб-сообществам, неосмотрительные он-лайн знакомства и т. п.), выступающая в свою очередь фактором кибербуллинга (киберотчуждение, флейминг, киберпреследования, использование личной информации и др.), психологически травмирующего, приводящего к принятию позиции жертвы, снижающего психологическую безопасность Интернет-среды (К. Ананиаду, Д. Лэйн, П. Смит и А. Сурандер и др.).

Виртуальная виктимность – это позиционирование себя как жертвы в социальных сетях Интернет. Для исследования виртуальной виктимности подростков мы использовали методики: «Опросник виртуальной виктимности», «Опросник академической виктимности», «Опросник межличностной виктимности», «Опросник личностной виктимности», «Опросник виктимности в детско-родительских отношениях» (Т. Е. Яценко, Н. И. Олифинович, Н. К. Плавник, И. В. Шматкова, Л. А. Русецкая); «Тип ролевой виктимности» (М. А. Одинцова, Н. П. Радчикова). Выборку исследования составили 100 подростков (50 девочек и 50 мальчиков в возрасте от 14 до 15 лет).

Для установления взаимосвязи виктимного поведения в реальном и виртуальном взаимодействии мы проанализировали результаты регрессионного анализа (рис.).

Высокий уровень личностной виктимности в ситуациях инфантилизации ($\beta = 0,48$, $p = 0,001$). Склонны часто подвергаться кибербуллингу мальчики, считающие себя слабыми, беззащитными, беспомощными, ранимыми, не обладающими силой воли и силой духа, позитивно относящиеся к снисходительному, гиперопекающему отношению со стороны других людей, чрезмерно эмоционально реагирующие (обида) при отсутствии такого отношения со стороны других людей и настойчиво добивающиеся такого отношения.

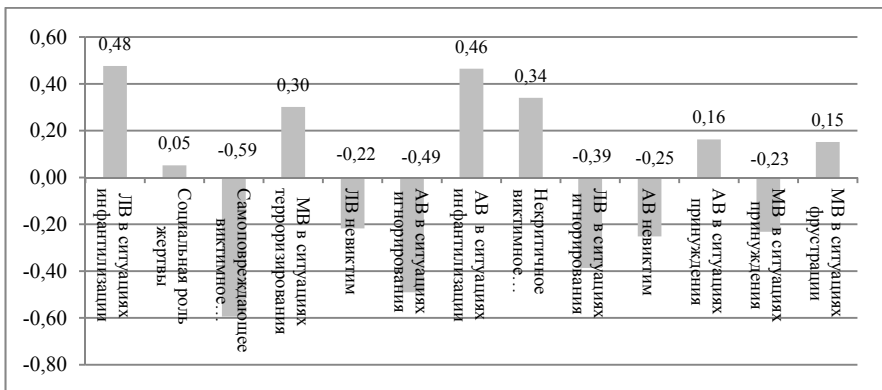

Рис. Предикторы виктимности мальчиков в сетях Интернет

Прежде всего, имеющие опыт проявления в ситуациях инфантилизации академической виктимности ($\beta = 0,46$, $p = 0,01$). Мальчики, которые привыкли к подавлению их самостоятельности в учебной деятельности педагогами и одноклассниками, проявлять детские качества, вызывающие положительную оценку у других субъектов образования, получать жалость и чрезмерную опеку с их стороны, склонны демонстрировать виктимность в виртуальной коммуникации, позволяя обходиться виртуальным друзьям с собой как с менее значимым, некомпетентным в вопросах виртуальной коммуникации. Им свойственно пассивное принятие критики со стороны виртуальных друзей в чате, позволение не принимать в расчет свои чувства, интересы и потребности. Опыт общения со взрослым (учителем) и одноклассниками, с которыми связывают формально-инструментальные отношения, с позиции «ребенка» приводит к переносу данной модели общения в виртуальную коммуникацию, в которой виртуальные партнеры по общению воспринимаются как фигура «Взрослого».

Низкий уровень личностной виктимности у мальчиков в ситуации игнорирования ($\beta = -0,38$, $p = 0,03$), наличие умения легко и смело выстраивать отношения и оставаться спокойным и эмоционально невовлеченным в ситуациях, когда другие люди не скрывают своего безразличия и игнорирования, а также низкий уровень академической виктимности в ситуации игнорирования ($\beta = -0,49$, $p = 0,004$), когда общение становится боле узким, и переносится в плоскость «учитель-ученик», при котором учитель намеренно делает вид, что не замечает ученика, а ученик при этом не испытывает чувство вины, не оправдывает поведение учителя, сохраняет чувство собственного достоинства

и стремиться взаимодействовать с позиции взрослого человека, противостоять манипуляциям, не «скатываться» в эмоции, а извлекать выгоду из любой ситуации, не является гарантией защиты от виктимизации в сети Интернет. Вероятно, мальчики, в силу низкой чувствительности к игнорированию, продолжают пытаться восстановить отношения с виртуальным партнером. Однако стратегии поведения в реальной коммуникации невоспроизводимы в сети Интернет. Вследствие этого повышается вероятность накопления негативного опыта игнорирования в сети Интернет и закрепления паттернов виктимного поведения вследствие выученной беспомощности.

Известно, что реальное и виртуальное межличностное взаимодействие отличается в реализации: виртуальное общение подразумевает отсутствие возможности проследить невербальные средства общения собеседника. Это общение, опосредованное компьютерными технологиями, и в нем нарушено живое человеческое взаимодействие. Поэтому подростку, который легко устанавливает реальное взаимодействие, может быть трудно в установлении виртуальных взаимоотношений и эти трудности приводят к формированию виртуального виктимного поведения. Наличие опыта виктимного поведения в ситуациях принуждения в отношениях с педагогами ($\beta = 0,16$, $p = 0,024$) приводит к воспроизводству этой модели поведения в виртуальном взаимодействии, когда мальчики проявляют готовность некритичного подчинения требованиям более взрослых виртуальных друзей или виртуальных друзей, демонстрирующих доминантность и ассоциирующихся с фигурой Взрослого.

Высокий уровень межличностной виктимности в ситуации фрустрации ($\beta = 0,15$, $p = 0,03$) формирует страх самопроявления и притязания на похвалу и в виртуальной коммуникации.

Низкий уровень виктимности у мальчиков в ситуациях принуждения со стороны сверстников ($\beta = -0,23$, $p = 0,02$), наличие позитивного опыта противостояния принуждению со стороны сверстников. Можно констатировать, что умение отстаивать свои личностные границы, касающиеся временных привычек, личностные границы не является гарантией защищенности подростков от виктимизации в сети Интернет. Подростки испытывают трудности в переносе навыков асертивного взаимодействия со сверстниками в виртуальную коммуникацию. Вероятно, виртуальное взаимодействие протекает по иным психологическим механизмам, чем реальное взаимодействие. Это отражает необходимость целенаправленного обучения подростков навыкам идентификации виктимизации в социальных сетях в форме

принуждения и навыкам ассертивного реагирования на данные воздействия в сети Интернет.

Высокий уровень межличностной виктимности в ситуации терроризирования ($\beta = 0,30$, $p = 0,05$) также повышает возможность мальчиков стать жертвой Интернет-виктимизации. Отсутствие конструктивного опыта противостояния виктимизации в ситуации терроризирования приводит к демонстрации мальчиками модели виктимного поведения в сети Интернет: уступать, молча выполнить неудобные просьбы и др., полностью подчиниться сверстникам, которые требуют доказать им свою преданность при помощи неприятных и пугающих поступков. Они не способны противостоять кибертеррору.

Высокий уровень представлений о себе как об изгое, «белой вороне», представление об окружающем мире как о враждебном ($\beta = 0,05$, $p = 0,71$) в реальном взаимодействии предполагает, что и в виртуальном взаимодействии мальчики будут менее гибки в отношениях с другими людьми, стремиться в большей степени к уединению, много рефлексировать.

Низкий уровень склонности к самоповреждающему поведению – предиктор виртуальной виктимности ($\beta = -0,59$, $p = 0,003$). Мальчики, демонтирующие повышенную заботу о безопасности, проявляющие повышенную тревожность, мнительность и пугливость, не решаются в социальных сетях интернета защищать себя, проявляя допустимый уровень агрессии в отношении кибербуллеров. В виртуальной коммуникации они проявляют пассивность (склонны терпеть и смиряться с кибербуллингом, думая о том, что проявление активных действий может только ухудшить ситуацию).

Так же как в реальном, так и в виртуальном взаимодействии неосмотрительность, неумение правильно оценивать жизненные ситуации, некритичность, которая может проявиться как на базе личностных негативных черт (алчность, корыстолюбие и др.), так и положительных (щедрость, доброта, отзывчивость, смелость и др.), низкого уровня критического мышления и эрудированности ($\beta = 0,34$, $p = 0,04$) могут способствовать попаданию мальчиков в ситуации виртуальной виктимизации и неготовности ассертивно реагировать на травлю в сети Интернет.

Таким образом, статистический анализ результатов показал нам, что существует статистически значимая взаимосвязь между виртуальной и межличностной виктимностью у подростков. Низкий уровень личностной виктимности и виктимности в различных контекстах отношений (межличностная, академическая виктимность, виктимность в

детско-родительских отношениях) не являются протективными факторами виктимности в виртуальной коммуникации в сети Интернет, вследствие протекания виртуальной коммуникации по иным психологическим механизмам и закономерностям в сравнении с реальной межличностной коммуникацией. Очевидна необходимость целенаправленного обучения подростков моделям безопасного, асертивного поведения в сети Интернет и компетентного реагирования на кибербуллинг. При этом наличие деструктивного опыта переживания витимизации в различных системах отношений (подросток – педагоги», «подросток – сверстники», «подросток – родители») значимо увеличивает риск воспроизводства модели виктимного поведения в сети Интернет вследствие невладения альтернативными схемами поведения. Попытка воспроизводства модели асертивного поведения, практикуемой в межличностном взаимодействии, в виртуальную коммуникацию приводит к обратному эффекту: возрастает риск виктимизации подростков в сети Интернет и их психологической травматизации.

Список литературы

1. Желонкина О. К. Социально-психологические особенности юности, обусловленные виртуальным общением // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 1. С. 220–224.
2. Юрьева Е. А. Влияние социальных сетей на социализацию и систему ценностных ориентаций старших школьников // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2012. № 4 (22). С. 218–222.
3. Яценко Т. Е., Олифирова Н. И., Плавник Н. К. Возрастные и половые особенности проявления склонности подростков к виктимному поведению // Адукацыя і выхаванне. 2019. № 8. С. 41–50.
4. Яценко Т. Е. Психологическая диагностика виктимности как социально-психологического свойства личности // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2019. Т. 10. № 2. С. 128–133.
5. Яценко Т. Е. Психологическая сущность категории «виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода // Вестник БарГУ. Сер. Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. 2019. Вып. 9. С. 127–134.
6. Яценко Т. Е. Взаимосвязь виктимной деформации личности и склонности к виктимному поведению в подростковом и юношеском возрастах // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 233–241.

СЕКЦИЯ 8

**Смыслы исторической памяти
и современной политики**

УДК 304.9
ББК 60.0

Иванов Р. В., *Иркутск*

**Поправки в конституцию как легализация
политических решений**

Рассматриваются поправки в Конституцию, принятые в 2020 г. Выделяются статьи, имеющие, с точки зрения автора, особенное значение по своим социальным последствиям. Приводятся точки зрения современных исследований по проблемам конституционных преобразований.

Ключевые слова: закон, конституция, власть, поправки, статьи.

Ivanov R. V., *Irkutsk*

Amendments to the Constitution as legalization of political decisions

The article discusses amendments to the Constitution adopted in 2020. Some articles that are particularly important from the author's point of view in terms of their social consequences are highlighted. The text presents the points of view of modern research on the problems of constitutional reforms.

Keywords: law, Constitution, power, amendments, articles.

Обращаясь к анализу произведенных поправок в Конституцию в 2020 г., следует особенно отметить основной принцип, положенный в основу данных преобразований, – «стремление во чтобы то ни стало как можно дольше сохранять в своих руках верховную власть лучше всего свидетельствует о том, что «слишком сладкой» является сама власть, особенно высшая, ставящая правителя над всеми институтами и индивидами, подчиняющая их интересам и воле одного человека и создающая для последнего в высшей степени комфортные условия жизни» [8, с. 241]. Также, следует отметить, что при жестком авторитарном режиме для носителя верховной власти после отставки зачастую отсутствуют гарантии от преследований и даже сохранения жизни и собственности.

Вопросы иррациональности правовых представлений населения представлены в работах Р. Г. Ардашева [1–4]. Обращаясь к примерам западных демократических режимов, следует отметить, что «...президенты после ухода со своего поста могут продолжать участвовать в общественно-политической жизни страны, не претендуя при этом на новое восхождение на политический олимп, то в условиях авторитарного режима бывшие лидеры государства уходят в политическое небытие и в лучшем случае остаются живыми и не подвергаются уголовному преследованию, например за коррупцию или другое, нередко выдуманное преступление. Уход с высокого поста человека, в котором персонифицировалась власть, резко сокращает круг его общения. Холуин и прихлебатели разбегаются моментально, прежнее окружение растворяется. Например, видимо, с учетом отечественного опыта довольно точно подмечено, что «расставание с властью в российских условиях означает переход в небытие» [8, с. 242]. В стремлении сохранить в своих руках всю полноту государственной власти, авторитарный лидер способен задействовать все механизмы административных политических ресурсов.

Некоторые из принятых поправок имеют особенное значение, первая среди них озвучена в статье 67 пункт 1 новой редакции: «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР» [5]. Для первого лица важно внести в основной закон упоминание лишь одной преемственности – с Советским Союзом. С точки зрения преемственности и исторической последовательности, тот факт, что Российская Федерация наследует также Российской Империи, Московскому царству и даже Киевской Руси, в Конституцию не попал.

Если прежде основной закон не касался проблем происхождения государства, ограничиваясь современностью, то сейчас в текст Конституции внедрили родословную власти, однако в очень ограниченном виде. Кроме того, называя себя преемником Союза ССР, правительство РФ и президент, таким образом, берут на себя обязательства решать замороженные и отложенные конфликты и регулировать ситуацию на территории бывшего Советского Союза (Карабах, Приднестровье, Прибалтика и т. п.). Также статус преемника с позиции прав дает возможность претендовать на сопредельные территории бывшего Союза, которые руководство бывших 14 республик по разным причинам не могут административно и политически удержать и инфраструктурно развивать (Украина 2013–2014 гг.).

Таким образом, присоединение Крыма можно считать легализованным через призму поправок в Конституцию 2020 г. Руководствуясь

таким прецедентом, можно в дальнейшем претендовать на часть территории Приднестровья и решать конфликт в качества арбитра в Карабахе. В результате В. В. Путин стремится оставаться у власти в брежневском режиме – стабильно и максимально долго править, находясь на вершине фундаментального бюрократического аппарата, ограничивая любое личное вмешательство неспешной кадровой деятельностью.

В качестве второй особенно значимой поправки следует назвать п. 2 ст. 67: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» [5]. Обращаясь к опыту советского государства можно особенно остановиться на идеалах атеизма и идеях советской идеологии, по разрушению все основ империи на примере подрыва храмов и создания в границах прежней империи общества безбожников.

В Российской Федерации существуют три субъекта. Это Республика Бурятия (03), Республика Калмыкия (08) и Республика Тыва (17). Найдите их на карте и убедитесь в их стратегическом расположении и ключевом значении для сохранения территориальной целостности РФ. Забыть их, говоря о России, нельзя. Но там предки передали неатеистическую религию – буддизм. В них отсутствует понятие боготворца, которое появляется в Конституции федеративного государства. Ельцинская конституция 1993 г. не затрагивала ничьих религиозных чувств.

Конечно ситуация пока далека от взрывоопасной, однако в буддийских регионах уже давно существует недовольство Москвой, которая в угоду Китаю не пускает в Россию Его Святейшество Далай Ламу, духовного лидера верующих калмыков, бурят и тувинцев. Когда у нас был возможен настоящий федерализм, президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов организовал визит Его Святейшества в Элисту в обход центра. И вот теперь в основной закон России вводят параграф, который раскалывает граждан по религиозному принципу.

В качестве третьей особенно важной поправки следует упомянуть статью 68, которая начинается со слов: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Прежняя редакция первого пункта этой статьи заканчивается на словах «язык как язык», т. е. прежде Конституция обходилась без уточнения. Теперь авторы с одобрения Путина считают необходимым объяснить, что русский язык государственный не потому, что он, например, исто-

рически понятен практически всему населению страны, а из-за того, что он принадлежит «государствообразующему народу» [6].

Проводя исторические параллели следует упомянуть известное высказывание последнего императора России Николая II, о том, что Россия – для русских. Как элемент консолидации национальное разнообразие уступает постоянному призыву политической власти который с тем, что «...Современная государственная власть призывает граждан поддерживать легитимных представителей власти, и объединятся вокруг них. Подобный призыв направлен на формирование современного понятия о гражданском долге, который необходимо реализовывать при проведении общественных мероприятий, референдумов и избирательных компаний» [4, с. 49].

Итак, словно опасаясь провозглашенного в основном законе тезиса о национальном неравенстве, текст отрицает сам себя: «входящего в многонациональный союз равноправных народов». «Государствообразующий» статус народа, порождает столько вопросов и требует такого количества пояснений, что непонятно, зачем его вообще приспособили к лаконичной 68-й статье.

По справедливому замечанию И. И. Кузнецова, складывание конституционной модели в России происходило на фоне острой дискуссии по проблемам «институционального дизайна» в переходных политических режимах. Дискуссия началась в зарубежной политической науке в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и не могла не повлиять на воззрения «отцов-основателей» российского Основного закона. Они предполагали строить конституционную систему «на базе универсальных ценностей демократии» [7, с. 143]. При этом в последние годы в регионах регулярно происходят столкновения вокруг сохранения национальной идентичности именно в сфере языковой политики.

Ельцинская Конституция весьма кратко и лаконично озвучивала проблемы веры и национальности. Национальные и религиозные проблемы – всегда становились наиболее болезненными и сложными в процессе их разрешения. Их невозможно было быстро решить при помощи денег или с применением силы. В них самое безобидное, на первый взгляд, действие, может привести к огромным и непредсказуемым последствиям.

На современном этапе, стало очевидно, что именно национальные и религиозные проблемы стали решающими в процессе распада Советского Союза. В конце 80-х гг. XX в. СССР структурно оставался единым, однако на его окраинах уже проходили расовые чистки и загорались этнические конфликты.

Очевидно, что при любых серьезных экономических, социальных, военных и даже экологических проблемах Россию ждет похожий сценарий. Однако стране придется столкнуться с проблемами нового распада, на основе новых социальных, экономических и политических конфликтов.

В результате, вполне правомерно утверждать, что поправки 67-й и 68-й статей Конституции потенциально угрожают территориальной целостности Российской Федерации и делают ее гораздо уязвимее перед лицом внешних и внутренних угроз.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–262
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. ФГБОУ ВО «ИГУ» / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 58–64.
5. Иванов Р. В. Влияние организационной культуры на служебную репутацию государственных служащих // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 47–50.
6. Конституция 2020 года. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>
7. Кузнецов И. И. Политические механизмы разделения властей в современной России. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2010. 143 с.
8. Фарушкин М. Х. Сроки президентских полномочий, или бессрочная верховная власть // Политическая наука. 2019. № 4. С. 241–242.

УДК 271.2(470+571)-9(075.8)

ББК 86.372(2Рос)я73

Борисюк И. И., *Саянск, Сергиев Посад*

Положение Московского Патриарха: права и обязанности. Историко-канонический очерк

Статья посвящена проблеме положения Московского Патриарха в системе Высшего церковного управления. Делается краткий исторический экскурс изменения положения статуса Московского Патриарха с Поместного Собора 1917–1918 гг. до постановлений Юбилейного Архиерейского Собора 2000 г. Анализируется влияние светского государства на систему высшего церковного управления XX в. Рассматриваются основные канонические и дисциплинарные права и обязанности патриарха, а также их видоизменение и дополнение во временно-казуальном пространстве.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Патриарх Московский и всея Руси, каноническое право, Высшее церковное управление, Поместный Собор 1917–1918 гг., Архиерейский Собор, Устав РПЦ.

Borisjuk I. I., *Sayansk, Sergiev Posad*

**The Position of the Moscow Patriarch:
Rights and Responsibilities. Historical and Canonical Sketch**

This article is devoted to the problem of the position of the Moscow Patriarch in the system of the Supreme Church Administration. The paper presents a brief historical excursion to the change in the status of the Moscow Patriarch, starting with the Local Council of 1917-1918, ending with the resolutions of the Jubilee Council of Bishops in 2000. In addition, this article analyzes the influence of the secular state on the system of Supreme Church administration of the 20th century, and examines the main canonical and disciplinary rights and duties of the patriarch, as well as their modification and addition in the temporal-casual space.

Keywords: Russian Orthodox Church, Patriarch of Moscow and All Russia, canon law, Supreme Church administration, Local Council of 1917–1918, Bishops' Council, Statute of the Russian Orthodox Church.

После восстановления патриаршества и проведения Поместного собора, вскоре Русская Церковь оказалась в сложнейшей ситуации гонений и запрета на любую деятельность. Именно поэтому абсолютное большинство решений Собора не были воплощены в жизнь. Русская Церковь не имела возможности последовательно привести в действия все решения, которые были приняты на Соборе 1917–1918 г., за исключением восстановления патриаршества. Удивительным образом, именно это решение имело важнейшее значение для жизни Русской Православной Церкви в последующий период. Развернутая система соборного управления Церковью не могла функционировать, поэтому вся власть в Церкви была сосредоточена в руках патриарха и его Синода. С формальной точки зрения подобная обстановка дел может показаться не каноничной, потому что подобные формы управления Церковью противоречат соборным постановлениям 1917–1918 гг. Так патриарх Тихон уже в 1924 г. распускает Высший Церковный Совет и Синод [12, с. 260–261], которые фактически не существовали на протяжении нескольких лет, потому что его члены уже были либо посажены, либо убиты революционной властью. После смерти патриарха Тихона, Церковь не имела возможности избрать себе нового первоиерарха, поэтому управлялась сначала Местоблюстителем патриаршего престола, а потом его заместителями.

Важным решением было создание Временного Патриаршего Синода, который учредил митрополит Сергей (Страгородский). Отметим, что это был исключительно совещательный орган, власть которого проистекала по сути от учредителя, т. е. заместителя местоблюсти-

теля митрополита Сергия. Об этом он говорил так: «Во избежание всяких недоразумений считаю нужным оговорить, что проектируемый при мне Синод ни в какой степени не полномочен заменить единоличное возглавление Российской Церкви, но имеет значение лишь вспомогательного органа, лично при мне, как Заместителе первого епископа нашей Церкви» [9, с. 3]. Уже в этих словах мы видим очень важную риторическую особенность, которая формально вступает в прямой конфликт с решениями Поместного собора. Так митрополит Сергий говорит о «единоличном» возглавлении в Церкви. Более того, он указывает на то, что Синод никак не может повлиять на его решения, поскольку он является исключительно совещательным органом, при заместителе первоиерарха. Соборность в данном контексте абсолютно устраняется.

Без всякого сомнения, мы не можем корректно интерпретировать данные мысли, если не будем учитывать исторический контекст, в котором находился тогда митрополит Сергий. Понимая, что именно в его руках находится сейчас судьба русского православия, он не мог допускать внутренних расколов и малейших дискуссий по различным вопросам церковной жизни [8, с. 273–281]. Их наличие могло совершенно разрушить оставшиеся церковные структуры и уничтожить Русскую Церковь. Поэтому подобное решение митрополита Сергия никак нельзя называть «узурпацией» власти, но стоит интерпретировать историческими обстоятельствами, в которых тогда находилась Русская Православная Церковь.

Высшее церковное управление времен патриарха Сергия (Страгородского) и патриарха Алексия I (Симанского). Ни смотря на все испытания, которым была подвергнута Русская Церковь, церковная власть находила в себе силы для помощи своим соотечественникам. С началом Великой Отечественной Войны, роль Церкви в жизни нашего народа стала заметно возрастать. Патриарший местоблюститель первым обращается к русскому народу, в связи с нападением фашисткой Германии [15]. К 1943 г. власть, видя возрастающую роль Церкви, пошла на смягчение своей политики. Более того, патриаршему местоблюстителю удалось встретиться со Сталиным и договориться о некоторых мерах послабления.

Так 4 сентября 1943 г. митрополит Сергий (Страгородский), митрополит Алексей (Симанский) и митрополит Николай (Ярушевич) [6, с. 1.] были приняты Сталиным в Кремле. В ходе этой встречи удалось договориться о проведении архиерейского собора, который бы избрал нового патриарха [4, с. 283–291.]. Уже через 4 дня после этой встречи

в Москве собрался собор епископов [11, с. 2.], который избрал Сергия (Страгородского) Московским патриархом.

Сразу заметим, что митрополита Сергия избирал не Поместный, а архиерейский собор, что, опять же, формально противоречит определениям Собора 1917–1918 г. Но как кажется, епископы Русской церкви были обязаны пойти на этот шаг, с целью укрепить Русскую Церковь.

Следующим важным событием для высшего церковного управления Русской Церкви произошло в конце января начале февраля 1945 г. Тогда был созван Поместный собор, который избирал нового предстоятеля. Важно отметить, что этот собор состоял как из епископов, так и из клириков и мирян, но в отличие от идеи соборитов 1917–1918 г., правом голоса на соборе обладали только епископы. Профессор протоиерей Владислав Цыпин делает по этому поводу следующее замечание: «Но голосовали они (епископы) не только от себя лично, но и от имени клириков и мирян своих епархий, что вполне соответствует духу святых канонов» [12, с. 249–255].

Помимо избрания нового предстоятеля, собор утвердил новое Положение об управлении Русской Церковью [16]. В контексте нашей работы, нам интересны первые две части данного документа: Патриарх и Священный Синод. Важно отметить, что данный документ составлен на основе решений Поместного Собора 1917–1918 гг., но во многом упрощен и видоизменен. В целом, можно сказать, что данное положение упраздняет возможность активного участия мирян и низших клириков в процессе управления Церковью. Формально положение говорит, что «В Русской Православной Церкви высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда – законодательная, административная, судебная – принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому, в составе епископов, клириков и мирян» [16]. Но из дальнейшего чтения положения становится совершенно очевидно, что ни клирики, ни миряне не имеют фактической возможности участвовать в жизни своей Церкви. Положение дает право патриарху и Синоду оставить за собой принятие всех решений, потому что роль остальных клириков и мирян становится исключительно совещательной.

Более того, возможность участия клириков и мирян в управлении Церкви сводится исключительно к участию в Поместном соборе. Но данное Положение не устанавливает конкретные сроки его созыва, а лишь указывает, что патриарх сам решает, когда его созывать.

Все это, бесспорно, отражает то ужасное давление, которое испытывала обескровленная Русская Православная Церковь со стороны светской власти. Государству было важно отстранить от управления Церковью большое количество людей, чтобы легче контролировать церковное управление. Не имея возможности сопротивляться, иерархам приходилось зачастую принимать решения, которые противоречили соборным принципам 1917 г. Но даже и в такой ситуации, русские иерархи пытались искать компромиссы и вели постоянные переговоры с советской властью.

Отдельно стоит сказать о решениях архиерейского собора 1961 г. Несмотря на то что главная тема собора была реформа приходского управления, которая на прямую не касается темы нашей работы, тем не менее способ проведения этой реформы очень ярко характеризует многие обстоятельства церковной жизни того времени.

Хорошо известно, что Хрущев принимал активные действия по ослаблению роли Церкви в жизни государства [13, с. 203–205.]. Тактика Хрущева была следующей: желая ослабить роль духовенства, а в частности и роль центральной церковной власти, было принято решение отстранить от управления финансово-хозяйственной частью приходов любых клириков, передав эти полномочия в руки прихожан. Совершенно очевидно, что подобные решения ослабляли влияние священноначалия на жизнь Церкви. В число мирян государство с легкостью вводило различных подставных агентов, которые действовали согласно распоряжениям светских властей [14, с. 125.].

Данное решение приводилось в жизнь последовательным и хитрым давлением на патриарха и членов Синода. «31 марта 1961 г. в Совет по делам РПЦ были приглашены Святейший Патриарх и находившиеся в Москве постоянные члены Синода Крутицкий митр. Питирим (Свиридов), Тульский архиеп. Пимен (Извеков) и Ярославский еп. Никодим (Ротов)» [1, с. 544]. На этой встрече председатель совета указал на формальные не состыковки Положения 1945 г. и некоторых государственных документов. После чего объявил о том, что власть требует устранить эти противоречия путем устранения духовенства от управления финансовой частью жизни приходов. Умудренный опытом патриарх Алексей понимал, что идти на прямой конфликт со властью – проигрышный вариант, который лишь усугубит и без того сложное положение русского духовенства.

Для утверждения данной поправки в Положение, власти поручают созвать Собор. Но при этом этот архиерейский собор не был анонсирован. «Подготовка Архиерейского Собора, призванного, по замыс-

лу гос. власти, утвердить решение Синода, велась под жестким контролем Совета по делам РПЦ, о чем свидетельствуют дневниковые записи Патриарха Алексия» [1, с. 545]. 18 июля 1961 г. епископат приезжает на празднование памяти преподобного Сергия Радонежского. Но неожиданно епископам объявили о том, что они будут участвовать в соборе. Бесспорно, подобная тактика свидетельствует о том, что власти пытались продавить необходимые решения, оказывая давление на членов Синода.

В результате члены собора, которые быстро сориентировались и поняли, что в данном случае лучше довериться уговорам патриарха, который сделал все, чтобы сократить все возможные риски для Церкви, приняли данное решение и внесли изменение в порядок управления приходами.

Важным решением для Русской Церкви, которое было также принято на этом соборе, было увеличение постоянных членов Священного Синода Русской Православной Церкви. Так в число синодалов «по должности» были включены председатель ОВЦС и Управляющий делами Московской Патриархии [2]. Это важное решение способствовало консолидации сил русского епископата. Так для решения важных церковных вопросов были привлечены талантливые и молодые архиереи, в лице Ярославского архиепископа Никодима (Ротова) и Тульского архиепископа Пимена (Извекова) [6, с. 104.].

Поместный собор 1988 г. и Устав Русской Православной Церкви. Следующим важным событием для Высшего церковного управления Русской Православной Церковью стал Поместный собор 1988 г., который проходил в Троице-Сергиевой Лавре с 6 по 9 июля 1988 г. [3, с. 2–4.]. Данный собор был крайне важен для формирования современной структуры Высшего церковного управления. К концу 80-х гг. XX в. светская власть достаточно ослабила свою хватку и надзор за действиями духовенства Церкви. Эти обстоятельства способствовали налаживанию новой структуры управления Русской Церковью.

На данном Соборе был принят первый Устав Русской Православной Церкви [7, с. 225]. Этот документ был очень важен для Высшего управления. Дело в том, что он достаточно подробно говорил о механизме принятия решений в Русской Церкви. Отсутствие больших лакун и недосказанностей фактически исключало или, по крайней мере, сильно ограничивало влияние светской власти на иерархов.

Данный устав состоял из 15 глав. Высшая власть в Церкви, согласно еще решению Собора 1917–1918 гг., принадлежит поместному Собору, ему подсуден патриарх [17]. Важно, что в данном документе

так же почти дословно используется формулировка Поместного собора 1917–1918 гг.: «Законодательная, исполнительная и судебная – принадлежит Поместному Собору». Собор, согласно новому Уставу, должен был созываться патриархом не реже одного раза в пять лет. Это нововведение (по сравнению с положением 1945 г.) было очень важно для Русской Церкви. Именно этим решением было отчасти озаменовано освобождение Церкви от гнета советской власти.

Круг прав и обязанностей патриарха Устав 1988 г. описывает достаточно подробно, но в целом он повторяет все те положения, которые были высказаны отцами Поместного собора 1918 г. Отдельно стоит сказать о том, что патриарший титул является пожизненным. И решение об отчислении патриарха на покой принимает Поместный собор.

Важно, что в Уставе 1988 г. за патриархом закрепляется обязанность поддерживать единство Русской православной Церкви. Совершенно очевидно, что иерархия Русской Церкви четко осознавала важность роли патриарха в жизни Церкви. Советский период наглядно показал, что без сильного и умудренного духовным и управленческим опытом предстоятеля, Русская Церковь не сможет сохранять свое единство. Поэтому соборяне вменяют в обязанность Московскому епископу иметь попечение о единстве Русского православия. Для этого предстоятель наделяется правом визитаций епархий. Именно он принимает жалобы на епископов и дает им ход.

Важно, что Устав 1988 г. устанавливает конкретные требования для кандидата на патриарший престол. Кандидат должен быть архиереем Русской Церкви (не обязательно правящим), иметь опыт епархиального управления, а также иметь духовное образование. Заметим, что это требование раньше не встречалось в Уставах и Положениях.

На Московского патриарха возлагается обязанность исполнения решений Архиерейского и Поместного соборов. То есть именно он является тем человеком, который в межсоборные периоды наблюдает и заботится за исполнением соборных решений.

Отметим, что подобная схема Высшего церковного управления находится в полной гармонии с Канонами Православной Церкви. С одной стороны, в основе такой схемы управления Церковью лежит соборный принцип, с другой стороны всегда есть первенствующий епископ, который имеет непосредственное попечение о церковных делах. Именно эта схема позволяет избежать различных крайностей, как авторитарного, так и анархического характера. Таким образом, Устав 1988 г. целиком и полностью соответствовал духу Канонов и Предания Православной Церкви.

Юбилейный Архиерейский собор 2000 г. и современный Устав РПЦ. В 2000 г. Архиерейский собор под председательством патриарха Алексия II принимает ряд поправок к Уставу 1988 г. Эти поправки касались в первую очередь вопросов перераспределения обязанностей между Поместным и Архиерейским соборами. Так в Уставе 2000 г. изменяется порядок созыва Поместного собора. Если Устав 1988 г. предполагал созыв Поместного собора каждые пять лет, то согласно поправкам от 2000 г. Поместный собор созывается для избрания патриарха и в других необходимых случаях, при этом нет никакого формального временного ограничения [18]. Можно сказать, что данную поправку внес опыт церковной жизни за прошедшие почти два десятилетия. По своему формату Поместный собор собрать значительно сложнее. Соответственно это осложняло церковную жизнь. Поэтому было принято вышеизложенное решение.

Реформа также затронула структуру Церковного суда и определение статусов отдельных церковных единиц в составе Русской Церкви (этот вопрос касался статуса Украинской Православной Церкви, автономий и экзархатов) [10, с. 104.].

Изменения также вносились последующими Архиерейскими и Поместным собором.

Отдельно стоит рассмотреть вопрос статуса, прав и обязанностей Московского патриарха согласно ныне действующему Уставу. Так Устав конкретизирует права и обязанности патриарха. Этот список был расширен до 34 пунктов [18]. Важно отметить, что логика Устава говорит о том, что патриарху вменяется в обязанность иметь попечение о единстве Русской Церкви. Эта мысль, которая неоднократно повторяется Уставом, свидетельствует о том, что епископат Русской Церкви отлично понимает всю ту сложность и ответственность, которая находится на плечах Московского патриарха. Поскольку Русская Православная Церковь является многонациональной Церковью, каноническая территория которой простирается на 17 государств, не считая тех церковных единиц, которые на добровольной основе подчиняются Московскому патриархату, то управление такой огромной Церковью сопряжено с постоянным улаживанием различных церковно-политических, административных, культурных и прочих проблем. Поэтому Устав наделяет патриарха правом надзирать за епископатом Русской Церкви и своевременно указывать на различные проблемы церковной жизни.

Устав наделяет правом патриарха совершать визитации епархий Русской Церкви. Эти пастырские визиты, согласно логике Устава,

призваны поддерживать единство Русской Церкви. Именно благодаря таким поездкам предстоятеля Церкви в различные епархии выражают видимое единство Русской Церкви.

Устав 2000 г. дополняет перечень предъявляемых требований к кандидату на Московский патриарший престол. Так согласно этим требованиям, кандидат должен быть епископом Русской Церкви, который имеет опыт епархиального управления (эта формулировка весьма важна, потому что из нее следует, что Московскую кафедру может занять только тот архиерей, который был правящим епископом, хотя на момент избрания может быть и викарным епископом). Говоря о возрасте кандидата, он должен быть не моложе 40 лет. Впервые в истории Русской Церкви Устав предъявляет особые образовательные требования к кандидату: так он должен обладать высшим богословским образованием. То есть, по крайней мере, иметь магистерскую степень. Это весьма важное нововведение явно свидетельствует о том, что Русская Церковь видит своим предстоятелем хорошо образованного человека, который должен обладать незаурядным интеллектом и способностями.

Отдельно стоит отметить, что все эти нововведения находятся в духе канонического права Церкви. Исконно церковные правила описывали епископа как человека благочестивого и способного к церковно-административной деятельности. Следуя определенным внешним обстоятельствам, Церковь предъявляет и образовательные требования к своему предстоятелю.

Все это свидетельствует о важности роли Московского епископа. Именно он главным образом обеспечивает видимое и реальное единство Русской Православной Церкви.

Важность роли патриарха Московского и всея Руси в жизни русского народа осознает и нынешняя государственная власть. Так известно, что органы государственной власти принимали решение о предоставлении патриарху специальной государственной охраны на основе Федерального закона № 57 от 27 мая 1996 г.

Список литературы

1. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18 июля 1961 / Цыпин В., прот. // Православная энциклопедия. Т. 3. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.
2. Гордун С. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской Патриархии. 1993. № 1–2.
3. Деяние Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви о канонизации святых // Журнал Московской Патриархии. 1988. № 8. С. 2–4.
4. Записка Г. Г. Карпова о приеме И. В. Сталиным иерархов Русской Православной Церкви // Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М., 1994. С. 283–291.

5. Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М. : ЦИНО, 2002.
6. Прием тов. И. В. Сталиным Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 5.09.1943. № 210. С. 1.
7. Русская Православная Церковь в Синодальный период / Цыпин В., прот. // Православная энциклопедия. Т. 0. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000.
8. Сафонов Д. В. Митрополит Сергей (Страгородский) и советская власть в 1921–1926 гг. // XIX ежегодная богословская конференция ПСТГУ: В 2 т. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009.
9. Сергей (Страгородский), митр. Речь по случаю учреждения Патриаршего Синода. Церковный Вестник. 1927. № 3.
10. Смыкалин А. С. Каноническое право на примере Русской православной церкви XI–XXI вв. : учебное пособие. М. : Проспект, 2015.
11. Собор епископов Русской Православной Церкви // Известия Советов депутатов трудящихся СССР. 9.9.1943. № 213. С. 2.
12. Цыпин Владислав, прот. Церковное право. Курс лекций. М. : Круглый стол по религиозному образованию в Русской Православной церкви, 1996.
13. Чумаченко Т. А. Государство, православная Церковь, верующие: 1941–1961 гг. М., 1999.
14. Шкаровский М. В. Русская православная Церковь и Советское государство в 1943–1964 гг. СПб., 1995.
15. Обращение митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 года. URL: <https://www.pravmir.ru/obrashhenie-mitropolita-sergiya-stragorodskogo-22-iyunya-1941-goda/> (дата обращения: 16.03.2020).
16. Положение об управлении Русской Православной Церкви. М., 1945. URL: <http://web.archive.org/web/20170116152125/http://www.orthorus.ru/titles/documents.htm#polozhenie> (дата обращения: 27.03.2020).
17. Устав об управлении Русской Православной Церкви 1988 г. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1356> (дата обращения: 13.03.2020).
18. Устав Русской Православной Церкви принят на Архиерейском Соборе 2000 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (дата обращения: 20.03.2020).

УДК 316.64
ББК 60.53

Волкова Р. С., *Иркутск*

Социальная истина как способ сохранения преемственности в истории в XXI в.

Рассматривается понятие «историческая память» и показывается степень разработанности данной темы.

Ключевые слова: преемственность, опыт, социальная истина, историческая память.

Volkova R. S., *Irkutsk*

Social Truth as a Way to Preserve Continuity in History in the XXI Century

The article discusses the concept of “historical memory” and shows the degree of development of this topic.

Keywords: continuity, experience, social truth, historical memory.

Социология в современном процессе ее развития подошла к такому рубежу, когда является принципиально важным, опираясь на дисциплинарные подходы, дать определение исторической памяти. Вопросы, связанные с исторической и социальной памятью, являются одними из вечных. Социальная истина является неотъемлемой частью процесса исторического познания, что означает ее прямое действие и на преемственность истории.

Само понятие «историческая память» и другие его аспекты на протяжении столетий являются темой научных работ множества ученых и исследователей. Так в своих трудах его раскрывали М. Хальб-вакс, П. Хаттон, Ж. Ле Гофф, Пьер Нора и другие известные зарубежные мыслители. Что касается разработок наших соотечественников, то среди самых известных можно выделить труды Н. А. Бердяева, Н. А. Данилевского, Н. М. Карамзина. За последние 10 лет проблема исторической памяти обрела более выраженный характер. Многие русские и зарубежные социологи не раз проводили свои исследования по данной теме с помощью качественных и количественных методов получения информации. В наши дни изучением данной проблемы занимаются такие русские ученые как А. В. Полетаев, И. М. Савельева, А. И. Филюшкин и др.

Причиной такого явного интереса к теме исторической памяти лежит в постепенном угасании у россиян интереса к изучению истории России и, в частности, к своей собственной истории. Несомненно, людям свойственно забывать некоторые события и связанные с ними имена и даты, но вот уже на протяжении многих лет происходит так называемая «промывка мозгов», направленная на стирание у людей фактов о настоящей истории и замену их на более «удобные» факты. Натыкаясь на информацию об определенном историческом событии в интернете, СМИ и пр. и видя в них совершенно разную трактовку одного и того же факта, у людей начинает вырабатываться недоверие, а также происходит подмена некоторых понятий и замена их на недостоверные. Известно, что понимание событий современного мира прямо зависит от представления и оценки событий прошедших лет. То есть историческая память является очень сильным регулятором общественного мнения и, если люди являются носителями ложной информации, существует опасность появления коллапса. Сейчас в российском обществе наблюдается явное наличие нравственного кризиса, что является прямым следствием недостатка знаний и отсутствия желания эти знания получать. Событийность истории также является предметом многочисленных дискуссий. Понятие «событийность» бы-

ло введено постмодернистской философией и подразумевало под собой «отказ от линейной версии прочтения исторического процесса» [1]. Событие само по себе является тем, что впоследствии окажется на бумаге и будет передаваться из поколения в поколение, оно является проводником в историческом процессе.

Вопрос преемственности истории в XXI в. стоит очень остро. У молодого поколения есть интернет и он отнюдь не является источником только лишь правдивой информации. На одну статью с достоверными фактами мы найдем сотни таких же, но с фактами бездоказательными или приукрашенными. Главной задачей для нашей страны является внедрение родной истории и истории мировой не только в школы и высшие учебные заведения, но и в повседневную людскую жизнь. Так же очень важным является показать людям как определять где правда, а где лишь ее перекроенное подобие, научить их думать критически и не воспринимать любую информацию за истину. Несомненно, сейчас в нашей стране происходит борьба за исторические ценности российской нации, но даже это иногда становится явным фарсом и желанием не столько помочь людям не забыть, сколько обогатиться. Но, конечно, есть и очень хорошие примеры того, как продвигается такая борьба. Например, организация волонтерскими структурами поиска информации о давно ушедших родственниках, не только участвовавших в войнах, но и просто живших очень давно. Или те же самые парады и бессмертные полки в них. Такое рвение создает положительную динамику для возвращения гражданам нашей страны собственной исторической памяти.

Подводя итог всему вышесказанному, каждое событие, когда-либо произошедшее, является социальной истиной независимо от того, знают о ней потомки или нет. Это уже случилось и является историческим фактом, который сложно будет стереть насовсем. Именно поэтому социальная истина является важнейшим инструментом сохранения преемственности исторических фактов. «История всегда прошла и ученый имеет дело только с ее следом» [4].

Список литературы

1. Грицанов А. А. Энциклопедия «История философии». Мир энциклопедий. Минск : Интерпрессервис ; Книжный Дом, 2002. 1376 с.
2. Еременко А. М. Структурно-событийный и ценностно-смысловой подход к истории // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции. Ч. 1. СПб., 2006.
3. Киселева Н. А. Историческое событие факт или феномен? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 6. С. 115–118.
4. Таран Л. Теория «исторического синтеза» Анри Берра // Французский ежегодник. 1968. I., 1970. С. 370.

УДК 316.3
ББК 60.5

Рыбак Н. С., *Иркутск*

Социальный образ героя Великой Отечественной войны как образ советского народа: в поисках социальной истины

Характеризуется образ советского человека в послевоенный период. Рассматривается концепт героя Великой Отечественной войны через призму общественных представлений. Ставится вопрос об истинности социального образа народа-победителя.

Ключевые слова: война, человек, социальная истина, социальный образ, народ.

Rybak N. S., *Irkutsk*

The Social Image of the Hero of the Great Patriotic War as the Image of the Soviet People: in Search of Social Truth

This article is devoted to the analysis of the image of the Soviet person in the post-war period. The author examines the concept of a hero of the Great Patriotic War through the prism of public perception. The question is raised about the truth of the social image of the victorious people.

Keywords: war, man, social truth, social image, people.

Великая Отечественная война, также известная как Вторая мировая, – событие, которое настигло мир в конце первой половины XX в. Фашистская политика страны-агрессора была направлена на истребление и подчинение рас. Социальная память народа является важной частью истории. Миллионы людей пострадали в те годы, миллионы судеб связались одной нитью войны. Мировое сообщество долго отходило от шока и ущерба, нанесенного войной. История не позволяет забыть, что люди воевали и умирали, становясь героями. Далее следует поставить вопросы, ответы на которые определяют вектор поиска социальной истины. А кто же был тем героем? Кто в страшные дни вселял надежду в сердца людей? Кого знал каждый? Универсальным ответом на каждый вопрос, по мнению автора, является следующее утверждение: каждый знал самого себя и отождествлял себя с тем, кто совершил подвиг и его с собой. Также истиной стоит признать тот факт, что знать всех, кто был на поле боя невозможно, но можно увидеть тот образ, что остался в памяти тех, кто находился в условиях войны. Автор предлагает собрать социальный образ героя Великой Отечественной войны.

Рассматривая социальный образ героя Великой Отечественной войны в качестве собирательного образа советского народа, стоит отметить, что понятие «советский человек» является собирательным образом, который рассматривали ряд исследователей. С. А. Алексиевич

пыталась построить антропологию советского человека. Исследователи из группы Юрия Левады представили социограмму homo sovieticus [2]. С самого начала войны на фронт уходили мужчины, достигшие совершеннолетия. Молодые и зрелые. Они были защитниками своих семей, кормильцами и рабочими. Что заставило их оставить дом? Приказ? Или все-таки желание защитить свой дом, Родину, что их взрастила? Человек, ставший воином, он верил в то, что поступает правильно и именно поэтому он ушел туда, где был нужен. Вот одно из качеств героя – быть там, где нужно. Солдат исполнял свой долг, защищая родную землю с верой в светлое будущее. Солдаты уходили на фронт добровольно, но не всегда это было так. Государство призывало своих граждан к выполнению гражданского долга. Все военно-обязанные уходили на фронт, потому что был приказ защищать свой дом, землю, на которой жили предки и родились дети. Каждый понимал, что приказ нужно выполнить, потому что так Родина будет спасена от фашистских захватчиков и у страны будет светлое будущее.

Стоит отметить, что в связи с политическими событиями на мировой арене, а именно отрицательным отклонением отношений России с США и Евросоюзом, образ героя является одним из самых актуальных. Проявление негатива на отечественную историю извне обостряет патриотические чувства россиян. Нельзя не отметить системность «врага» и «героя»: данные конструкции дополняют друг друга в пределах поля коммуникации [1].

Героя войны узнавали, потому что он был таким же человеком, как и все. Он был гражданином Советского союза. Образ героя складывался из того, что люди узнавали из газет и радио. Репортажи журналистов с мест сражений и отчеты о проведенных операциях, тех, что правительство разрешало обнародовать, давали возможность тем, кто был в тылу узнавать, как идут дела и на что им надеяться. Люди с радостью принимали вести о победах в сражениях и удачной работе разведчиков. Они видели, как сражается за них каждый, кому небезразлична судьба страны. Героями были люди, которые поддерживали солдат. Вот еще одна черта героя: знание, что он не один. Герой войны был символом для поднятия боевого духа. Управленческая элита пропагандировала героические поступки советских солдат в массы для поднятия боевого духа. Власть создавала образ, который был бы близок и знаком всем. Героем мог быть сосед или бывший одноклассник. Человек, которого когда-то знали, как простака, стал тем, кем гордиться страна. Он стал примером мужества и отваги, доказательством того, что на подвиги способен каждый.

Социальные характеристики героя Великой отечественной войны были собирательными и обобщающими. Образ героя был призывом граждан и солдат к действию, тем, кто давал силы и веру в себя и в то, что их борьба не напрасна. Кем был тот герой, о котором говорил народ? Этот герой был рабочим человеком. У него была жена, дети, мать, которая помнила его первые шаги и слова. Этот человек учился в обычной средней школе, а затем получил техническую специальность. Он работал в колхозе и его уважали все, кто знал его достаточно хорошо. Каждый смог представить человека, которого знал и каждый мог гордиться этим. Такой простой, но знакомый образ дарил некоторое спокойствие и толкал людей к героическим поступкам. Истории героев не всегда сводились к сбитым вражеским самолетам. Герой не всегда заслонял товарища от пули. Но герой всегда служил своей Родине и своему народу, который верил в него и нуждался в его помощи.

Таким образом, в поисках социальной истины мы обозначили основные характеристики советского гражданина в качестве героя-победителя. Великая Отечественная война стала огромным испытанием для советского народа. Она поставила страну в условия голода, бедности и смерти, но советский народ и советская власть смогли побороть то, что устроили фашистские захватчики. Страна смогла найти в себе силы, чтобы сохранить то, до чего не смогла дотянуться рука чудовища, она бросила свои силы на борьбу и благодаря этому народ великой страны стал одним целым. Народ СССР смог отбить удары и победить в войне.

Список литературы

1. Кара П. А., Михайлова Т. Л. Образ героя Второй мировой войны в современной рекламе, или о границах конструирования социальной реальности // Вестник НГТУ им. П. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-geroia-vtoroy-mirovoy-voyny-v-sovremennoy-reklame-ili-o-granitsah-konstruirovaniya-sotsialnoy-realnosti> (дата обращения: 19.10.2020).
2. Гества К. Советский человек. История одного собирательного понятия // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2018. № 1-2 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-chelovek-istoriya-odnogo-sobiratel'nogo-ponyatiya> (дата обращения: 19.10.2020).

УДК 316.64
ББК 60.54

Пьянкова К. А., *Иркутск*

Историческая память в духовной жизни России

Исследуется отношение молодежи к событиям Великой Отечественной войны. Устанавливаются факторы влияния на формирование исторической памяти, нравственных приоритетов, личностных представлений о сущности преемственности поколений у современной у молодежи.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, культура, победа, историческая память, молодежь.

Pyankova K. A., *Irkutsk*

Historical Memory in the Spiritual life of Russia

Attention is paid to the attitude of young people to the events of the Great Patriotic War. The factors of influence on the formation of historical memory of moral priorities, personal ideas about the essence of the continuity of generations among modern youth have been established.

Keywords: the Great Patriotic War, culture, victory, historical memory, youth.

9 мая 2020 г. вся наша страна отмечала 75-летие со дня Победы в Великой Отечественной войне. Эта победа далась нам большой ценой. Война унесла почти 27 миллионов жизней. Война потребовала от народа величайшего напряжения сил и огромных жертв в общенациональном масштабе, раскрыла стойкость и мужество советского человека, способность к самопожертвованию во имя свободы и независимости Родины. Поэтому 9 мая мы отмечаем всей страной, мы помним и чтим подвиг, совершенный нашими прадедами, защитникам нашей Родины. Этот праздник мы запомнили как день, когда последующим поколениям была передана возможность мирного существования и развития. В российском самосознании этот день олицетворяет торжество справедливости, победы добра и свободы над силами зла и насилия. Великая Отечественная Война – одно из тех исторических событий, которые позволяют многочисленным последующим поколениям россиян причислять себя к целеустремленному народу, способному на самопожертвование и подвиги[1].

Однако чем дальше от нас уходят события 1945 г., тем острее становится вопрос об исторической памяти нынешнего и грядущего поколений. В истории нашей страны не так уж и много было подобных коллективных подвигов, поэтому эта историческая память россиян о Великой Отечественной войне стала одним из очень действенных рычагов подъема национального самосознания и патриотического воспитания молодежи. Ослабление этого рычага в последние десятилетия не может не вызывать настороженности.

Современная молодежь практически лишена возможности непосредственного общения с участниками Великой Отечественной Войны. Наряду с другими факторами это оказывает непосредственное воздействие на формирование исторической памяти, нравственных приоритетов, личностных представлений о сущности преемственности поколений у современной молодежи.

Для значительной части граждан России 1990-е гг. обернулись потерей советских стандартов жизни и ее восприятия. На смену им пришли другие приоритеты поведения в частной и общественной жизни, такие как циничность, карьеризм, индивидуализм, важность материального благополучия и личный статус в обществе [2].

Наиболее важными негативными факторами этой смены стандартов стали: разрывы в массовом историческом сознании и его мифологизация; агрессивное распространение худших образцов западной массовой развлекательной культуры; противоречивые эффекты миграции; «потребительский шок», вызванный вначале тотальным дефицитом, а затем широким предложением низкокачественной продукции и погоней за престижным потреблением; низкая политическая и правовая культура; медленная и травматическая адаптация к современным требованиям личной ответственности при уменьшении социальной роли государства и др. [3]

В связи с этим молодежь оказалась лишена фундаментальных ценностных ориентиров, обеспечивающих преемственность поколений. Одна из чувствительных проблем – разрушение инструментов неформального социального контроля над повседневным поведением человека. Но главными и самыми тяжелыми потерями можно считать дискредитацию в мировоззрении молодежи ценностей труда и ценностей знания, выдвигание на первый план ценностей потребления.

Нередко можно столкнуться с тем, что современная молодежь охотно верит в малодостоверные трактовки исторических событий и персонажей, имеет слабое знание советского периода отечественной истории и им свойственна максималистская невосприимчивость к наставлениям со стороны объективно имеющих более высокий социальный, формальный и культурный статус взрослых (преподавателей, родителей и т. д.) [4].

Чтобы не допустить усугубления данной ситуации, нужно стимулировать у молодежи интерес к достоверной информации о важных исторических событиях для судьбы России. В данном случае, одним из лучших способов противодействия опасной современной социокультурной ситуации является пропаганда лучших образцов нрав-

ственности, распространение информации о старших поколениях на примере Великой Победы над нацизмом в 1945 г.

В современном мире важно поддерживать историческую память, преемственность поколений, потому что это наша история, наша социокультурная основа, на которой растут и социализируются наши дети.

Список литературы

1. Богатырева С. Н. Патриотизм: старое и новое в консолидирующей идее объединения российского народа // КПДЖ. 2016. № 3 (116). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-staroe-i-novoe-v-konsolidiruyushey-idee-oedineniya-rossiyskogo-naroda>.
2. Исаева Ю. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voynе-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vozpitanija-molodyozhi>.
3. Снегирева Т. И. Историческая память России: региональный аспект // РСМ. 2002. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-rossii-regionalnyy-aspekt>.
4. Соснин В. А. Проблемы безопасности и консолидации российского общества // Прикладная юридическая психология. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-bezopasnosti-i-konsolidatsii-rossiyskogo-obschestva>.

УДК 316.64
ББК 64.67

Жигалова О. А., *Иркутск*

Историческая память и социальная истина в интерпретациях ученых и государственных деятелей

Исследуется формирование исторической памяти, анализируются формы и способы презентации социальной памяти как социальной истины. Обозначаются позиции ученых и государственных деятелей в фокусе истинности вопросов социальной памяти.

Ключевые слова: историческая память, социальная истина, ученые, государственные деятели.

Zhigalova O. A., *Irkutsk*

Historical Memory and Social Truth as Interpreted by Scientists and Statesmen

The article examines the formation of historical memory, analyzes the forms and methods of presenting social memory as a social truth. The positions of scientists and statesmen in the focus of the truth of issues of social memory are presented.

Keywords: historical memory, social truth, scientists, statesmen.

Роль исторической памяти является одной из самых злободневных тем во всем мире. Родители учат детей помнить свои корни, учителя учат детей знать и помнить об ужасных войнах с древности и до современности, СМИ и политики делают большой акцент на необходимости сохранения памяти прошлого. Ведь это наш неисчисляемый

ресурс: историческая память помогает нам лучше понять свою историю, свою культуру, познать нрав определенного народа.

Политический деятель, лидер индийского национально-освободительного движения Д. Неру высказывался об исторической памяти так: «Прошлое всегда с нами, и все, что мы собой представляем, все, что мы имеем, исходит из прошлого. Мы его творение, и мы живем, погруженные в него». Я полностью согласна с этой точкой зрения. Важным аспектом, через который можно рассмотреть историческую память, является сама жизнь. Заслуги наших предков дали жизнь новым поколениям, поэтому все, что мы имеем, все, что сейчас для нас имеет вес, есть у нас благодаря нашему прошлому. Поэтому необходимо знать и помнить события прошлых лет.

Социологи, культурологи, политики и журналисты всего мира обращаются к теме исторической памяти. Исследования социологов показывают, что наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для российского народа сегодня имеет историческая память о Великой Отечественной войне как память о Победе. Определенный социальный смысл имеют попытки возродить память о расстрелянной царской семье, переосмысление памяти об Октябрьской революции и годах большевизма. Можно привести не один пример, когда историки и социологи пытаются возродить какие-то участки истории. Иногда это делается к какой-то определенной дате, иногда в связи с новыми открытиями, но есть ученые, археологи, историки, которые делают историческую память целью своих многолетних исследований. И это имеет огромное значение для общества. Но историческая память имеет не только социальный аспект, но и как стратегия. Американский философ и писатель Д. Сантаяна писал: «Кто не помнит своего прошлого, тот обречен пережить его снова». Все дело в том, что на любой войне, в любых переговорах, важнейших событиях для всего мира какой-то малейший сбой может дать трещину всему процессу. То есть, если полководец на войне отдаст неправильный приказ, то погибнут люди, будут колоссальные последствия, война может быть проиграна, а это огромные потери. Значит, мудрый полководец, или даже президент, кто угодно, должен помнить о том, какие ошибки совершали его предшественники и избежать их. Так знание нашего прошлого может дать дорогу в будущее.

Историческая память России многие столетия преодолевает сложности. Это связано с многонациональностью состава населения нашей страны. Каждая этническая группа, входящая в состав России, имеет свою культуру и традиции, религиозные ценности и убеждения.

И, как ни странно, историческая память у каждого этноса своя. Историческую память можно как будто разделить на две: память внутри этнической группы и международная. Также ее стоит рассматривать с нравственной позиции. Советский филолог Д. Лихачев писал: «Историческая память – основа совести и нравственности, основа культуры». Действительно, историческая память учит не только выигрывать битвы, но и быть нравственными людьми. Чем больше мы знаем о каком-то времени, тем лучше мы понимаем людей, живших в нем. К примеру, мы бережно относимся к ветеранам Великой Отечественной войны, потому что знаем, как они старались ради победы, как они жили в то время, как было тяжело. Мы относимся к ним с уважением, оберегаем их. Это тот культурный фонд, который сформировался благодаря прошлому, благодаря знанию об этом прошлом и бережному отношению к нему.

Историческая память – наш фундамент. Основа будущего и нашего человеческого процветания. Ее нужно беречь, о ней нужно говорить, изучать ее и рассматривать со всевозможных сторон.

УДК 316.3

ББК 60.5

Линейцева А. А., *Иркутск*

Социальная истина как фактор сохранения социальных образов героев Великой Отечественной войны

Обозначается важность сохранения социальных образов героев Великой Отечественной войны. Исследуются конкретные образы советских личностей. Ставится вопрос об истинности исторических событий военного периода.

Ключевые слова: война, социальный образ, социальная истина, герой войны.

Lineytseva A. A., Irkutsk

Social Truth as a Factor in Preserving the Social Images of the Heroes of the Great Patriotic War

This article discusses the importance of preserving the social images of the heroes of the great Patriotic War. The author actualizes this problem by considering specific images of Soviet personalities. The question is raised about the truth of historical events of the war period.

Keywords: war, social image, social truth, war hero.

Вторая мировая война – важнейшее событие не только в истории России, но и в истории всей планеты. Данное явление затронуло каждую семью, принесло в дом мучения и смерть. В этой войне люди не смогли бы одержать победу, если бы не отдавали себя полностью на поле боя, демонстрируя самоотверженность и отвагу.

В современную эпоху – в период новых социальных потрясений – актуализировался вопрос о поиске социальной истины. Социальная память народа является важной частью истории. Установление подлинности событий военного периода и сохранение социальных образов героев Великой Отечественной войны является неотъемлемым аспектом социальной истины.

Невозможно отрицать тот факт, что сохранение определенным народом истории своего происхождения является важнейшим видом социальной памяти. События прошлого помогают народу понять настоящее, проанализировать свои взаимоотношения с другими народами, а также более отчетливо представить себе будущее. В тяжелое время социальная память является источником моральной силы человека и патриотического воодушевления. В связи с этим происходит целенаправленное искажение социальной реальности, идеологические штампы и фальсификации, которые были нацелены на искажение истории, подмену фактов участия СССР в войне с Третьим рейхом. Как следствие, современное общество получает в наследство искусственно созданную историю, которая многократно переписана, подтасована. Исходя из этого, появляется необходимость пересмотра историчности и беспристрастности.

Каков же социальный образ героя Великой Отечественной Войны? Герои времен ВОВ – это те, кто умирал под пулями врагов, те, кто недоедал, недосыпал, но все равно отдавал всего себя ради спасения родной страны, ради мира для будущих поколений. Во время Великой Отечественной войны люди Советского Союза проявили в полной мере свой закаленный, сильный характер. Сломить русского человека было нельзя даже под пытками фашистов. Героизм стал неотъемлемой частью жизни обычных людей, которые сражались до последнего. Тысячи участников войны были удостоены звания «Герой Советского Союза».

Среди них была женщина, имя которой знает каждый – Зоя Космодемьянская. Всем она запомнилась, как героиня, которая не сдавалась, не предала Родину. Даже под угрозой смерти Зоя не сломилась, и своей последней фразой еще раз доказала, что русские – сильные люди. Космодемьянская стала Героем Советского Союза посмертно, ее подвиг не забыт и навсегда запечатлен в истории России [2].

Россия помнит и чтит Зинаиду Портнову – девочку-партизанку, которая была принята в организацию «Юные мстители». Зина была бесстрашным человеком, который предпринимал дерзкие вылазки против врага, ходил в разведку [1]. Однако в конце 1943 г. предатели сдали ее немцам. После долгих пыток, так и не выдав фашистам ни

одной тайны, Зинаида была убита после долгих мучений, которым подвергли ее гестаповцы. Она, как и Зоя Космодемьянская, посмертно была награждена высоким званием – Герой Советского Союза.

В русской литературе послевоенных времен также можно проследить достаточно много примеров героизма. Одним из них является герой романа Бориса Васильева «В списках не значился» Николай Плужников, который олицетворяет невообразимую силу человеческого духа, присущего людям того времени. Он проходит через множество испытаний судьбы, таких как голод, боевые раны, любовь и ненависть. Изнеможенный тяжелой жизнью, герой до последнего сражался с многочисленным противником, чем вызвал восхищение у немцев, которые были в восхищении от его храбрости и мужества. Аплодируя ему, фрицы понимали всю силу и непоколебимость духа русского человека.

Данные примеры являются лишь малой долей, крупницей, из большого числа всех героических личностей, показавших себя в то тяжелое время. Поступки, которые они совершили, сделали их бессмертными. Они всегда будут жить в фильмах, литературных образах, и самое главное – в нашей памяти. Возможно, большинство из этих людей остались неизвестными и погибли безымянными героями.

Героев Советского Союза – абсолютно разных людей – объединяли их храбрость, стойкость, принципиальность, сила воли. Благодаря им солдат мог постоять за себя, бороться за страну, не упасть духом под тяжестью войны. А сплоченность, организованность и неравнодушные помогали в бою, чтобы бороться с врагом, стоя плечом к плечу со своими товарищами, ведь крайне важно даже на войне оставаться человеком и быть поддержкой и опорой в трудные минуты.

В заключение хочется еще раз отметить, что люди должны хранить в памяти социальные образы героев Великой Отечественной Войны, которые кровью и потом принесли победу не только России, но и всему миру. Также обществу необходимо стремиться сохранить подлинность событий того периода истории, не создавая искусственное искажение истории в угоду современным политическим тенденциям. Этот неопределимый вклад необходимо почитать и помнить всегда, ведь он служит своеобразным базисом нашего отечества.

Список литературы

1. Бессмертный подвиг Зины Портновой: как пионерка сражалась с фашистами // Яндексу. Дзен URL: <https://zen.yandex.ru/media/istorichka/bessmertnyi-podvig-ziny-portnovoi-kak-pionerka-sra-5a7828f148c85ea02f62cad7> (дата обращения: 27.10.2020).
2. Зоя Космодемьянская: Товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придет!... // Планета КОБ. URL: <https://www.planet-kob.ru/articles/5246> (дата обращения: 27.10.2020).

УДК 316.61
ББК 60.53

Попова М. Е., Грошева Е. К., *Иркутск*

Личность Дональда Трампа как фактор в политике

Рассматриваются особенности воздействия личности на политику. В частности, анализируются механизмы влияния Дональда Трампа на политику США внутри страны и в мире.

Ключевые слова: личность, политика, влияние личности на политику, черты личности.

Popova M. E., Grosheva E. K., *Irkutsk*

Donald Trump's Personality as a Factor in Politics

The article examines the features of the influence of the individual on politics. In particular, the author analyzes the mechanisms of Donald Trump's influence on US policy at home and in the world.

Keywords: personality, politics, influence of personality on politics, personality traits.

В современном мире интернет – неотъемлемая часть современной реальности. Интернет – это средство общения, а также удобная платформа для высказывания своего мнения на тех или иных площадках. Все больше на них поднимается тема политики, особенно политики мировой; именно этот факт делает такие платформы удобным инструментом для манипуляции со стороны заинтересованных групп (особенно для политиков, которые хотят, чтобы их переизбрали и продолжали поддерживать; кроме этого, они стремятся приобрести новых последователей и избирателей).

Из вышесказанного следует, что социальные сети превратились в полноценный инструмент политики. Скажем и о самих инструментах – к ним относят [6]:

- силу и принуждение;
- право и религию;
- мораль и образование;
- пропаганду, убеждение и оболъщение.

Если мы говорим о том, к каким инструментам можно отнести социальные сети, то их можно отнести к группе, связанной с убеждением – социальные сети – это инструменты пропаганды, убеждения и оболъщения.

Также кратко затронем и типы социальных сетей по функциям [5]:

- социальные сети для общения (Reddit, Facebook, «ВКонтакте») – упор на постоянное общение пользователей между собой;
- социальные сети для публикаций (Twitter, Instagram) – упор на разовую публикацию;

- социальные сети для обсуждений и обмена мнениями (4PDA, Хабр) – упор на обсуждение какой-то темы; как вариант, технической темы (в случае с 4PDA).

Для политиков наиболее интересны социальные сети второго типа – в «разовых» публикациях можно кратко сформулировать свое мнение по какой-либо теме; помимо этого, из-за такого «разового» характера сообщений или постов гораздо проще придерживаться определенной линии и позиции. Социальные сети первого типа отнимают много времени, и при большой популярности и известности политика они не подходят на роль постоянной площадки. Социальные сети третьего типа не сконцентрированы на том, чтобы отражать быстроменяющиеся реалии политики – в этих сетях делается упор именно на обсуждение одной конкретной темы, а не спектра тем; более того, темы на таких форумах редко касаются политики и обычно занимают более узкими областями (например технические форумы с обсуждениями гаджетов и устройств, форумы заводчиков, форумы литературные).

Это приводит нас к тому, что политики используют социальные сети для публикаций как инструмент пропаганды, убеждения и оболыщения.

Особенно показателен в этом случае пример Дональда Трампа, который активно использует Твиттер как средство манипуляции и общения с аудиторией, а также как своеобразную «трибуну», при помощи которой он рассказывает о своих намерениях.

Для начала рассмотрим темы, по которым Трамп активно высказывался в своей аккаунте в тот или иной промежуток времени:

- Твитты о Китае и о торговых отношениях (торговой войне) Китая и США [2].

- Твитты о Турции и о курдах.
- Твитты об обстановке в Иране.
- Brexit и Великобритания [1].
- Обвинения Пелоси.
- Ситуация с коронавирусом в США (актуальные твитты).
- Президентские выборы и выборы губернаторов (актуальные твитты).

Как видим, его твитты – это отражение текущей ситуации в мире и в Америке: он комментирует события и высказывает свою позицию по каждому событию, а его личность определяет то, как именно он высказывается.

Выделим сначала основные черты личности Трампа, а затем рассмотрим, как они проявляются в его твиттах на примере его недавних постов.

Эксперты отмечают, что Трамп – это «совокупность» следующих качеств, а именно [3; 4]: амбициозность, общительность, прямота (в случае с Байденом – он прямо обвиняет его в деменции, т. е. говорит то, что он действительно думает), самоуверенность, готовность рисковать (он берет на себя определенные риски, когда он ведет твиттер в своем стиле), неготовность подчиняться и мириться со сложившейся ситуацией; Трамп постоянно хочет проникнуть и прокомментировать все, что происходит, хочет высказать свое мнение; в какой-то степени агрессивность.

Рассмотрим теперь некоторые твитты Трампа и как вышеперечисленные качества влияют на то, как он пишет:

«У меня будет интервью на Fox Business в 10 утра. Смотрите (и наслаждайтесь)». Здесь проявляется его общительность (часто дает интервью), самоуверенность (в том, что все его поддерживают и ждут этого интервью). Кроме того, это еще и политический ход – Fox Business его активно поддерживают, и факт того, что он дает интервью именно им, а не другим каналам позволяет пролоббировать Fox Business в пику «демократам».

«ВОЗ только что признала, что я был прав. Карантин убивает страны по всему миру. Лечение не должно быть хуже, чем сама болезнь. Открывайте ваши штаты, Демократы. Открывайте Нью-Йорк. Битва была (и будет) долгой, но они (ВОЗ) наконец-то сделали что-то правильно!» – здесь мы видим стремление Трампа прокомментировать любую ситуацию, его стремление постоянно быть в центре внимания, его постоянную активность. Кроме того, этот твитт – прямой вызов губернаторам от Демократической партии, прямая критика их действий. И конечно же, это критика ВОЗ, которую он критиковал с самого начала пандемии.

«ЗАКОН & ПОРЯДОК!» – достаточно часто встречающийся прием у Трампа – он пишет заглавными буквами короткий и агрессивный призыв; в данном случае его фраза – это намек на множество событий: то, что он по-прежнему активный участник политической гонки (выборы президента США), и сдаваться он не собирается; преодоление коронавирусного кризиса и открытие штатов.

«Пелоси хочет забрать 30 миллионов долларов у наших Фермеров. Не допущу этого!» – здесь можно увидеть прямоту Трампа – он не скрывает, что он не любит Пелоси и не скрывает своих происков против нее; кроме того, здесь он апеллирует к своей основной избира-

тельной аудитории – к простому народу; он говорит: «я буду с вами и буду вас защищать!».

Подводя итоги: личность политика (в нашем случае Дональда Трампа) прочно переплетена с самой политикой; политика (как внешняя, так и внутренняя), будет формироваться и подстраиваться под главные черты характера. В случае с Трампом – внешняя и внутренняя политика часто агрессивна: для внутренней политики – резкое противодействие оппозиционной партии, для внешней – политика независимости США от внешних организаций (конфликт Трампа и ВОЗ, выход США из ВОЗ [7]). Во внутренней политике проявляется амбициозность и самоуверенность Трампа – его общий подход к выборам («мы победим, потому что мы – единственный путь для Америки»); неготовность и нежелание Трампа (при обычных обстоятельствах) идти на компромиссы – «я сказал, что будет так, значит вы так и делаете!» (его заявления о том, что наши военнослужащие должны вернуться из горячих точек к до начала 2021).

Таким образом, личность политика – один из ключевых факторов, который определяет стиль и направленность политики государства, как внешней, так и внутренней.

Список литературы

1. Congratulations to Boris Johnson on his great WIN! // Twitter: социальная сеть. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1205368801438707713> (дата обращения: 18.09.2020).
2. Donald Trump tweets that a US-China trade deal is 'very close', buoying stock market // South China Morning Post: деловая газета. URL: <https://www.scmp.com/news/china/politics/article/3041897/donald-trump-tweets-us-china-trade-deal-very-close-buoying> (дата обращения: 20.09.2020).
3. The Mind of Donald Trump // The Atlantic. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/06/the-mind-of-donald-trump/480771/> (дата обращения: 18.09.2020).
4. The Personality of Donald Trump // Psychology Today. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-situation-lab/201509/the-personality-donald-trump> (дата обращения: 25.09.2020).
5. Демичева К. А. Понятие и классификация социальных сетей в контексте взаимодействия в сети интернет // International scientific review. 2015. № 3 (4). С. 79–82.
6. Зуляев Ю. А. Политология : в 2 т. : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011 Т. 2. 740 с.
7. Трамп выдвинул ВОЗ ультиматум для продолжения финансирования // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4348721> (дата обращения: 14.09.2020).

УДК 316.3
ББК 60.5

Щепина Е. Д., *Иркутск*

Подлинные истории героев Великой Отечественной войны: специфика формирования социальных образов

Статья посвящена специфике формирования социальных образов героев Великой Отечественной войны в контексте освещения их подлинной истории. Автор акцентирует внимание на реальных историях героев войны в целях передачи социальной правды в период ВОВ. Отличительной чертой социальной истины в контексте данной статьи выступает подлинная история.

Ключевые слова: герой, война, социальные образы, воспоминания, правда, подлинная история.

Shchepina E. D., *Irkutsk*

True Stories of the Heroes of the Great Patriotic War: the Specifics of the Formation of Social Images

The article focuses on the specifics of the formation of social images of the heroes of the Great Patriotic War in the context of highlighting their true history. The author focuses on the real stories of war heroes in order to convey social truth during the Great Patriotic War. A distinctive feature of social truth in the context of this article is true history.

Keywords: hero, war, social images, memoirs, however, true story.

По происшествию 75 лет актуализировался вопрос о подлинности истории героев Великой Отечественной войны. В данном аспекте видится смысл социальной истины, а именно в раскрытии реальных образов героев: их действий, их ежедневного труда, их эмоционального переживания как за ушедших воевать родственников, так и за себя, своих сотоварищей. Сороковые годы XX в. – время больших материальных и духовных потерь. До сих пор большинство людей помнят об этом страшном времени и ценят неоценимый вклад каждого, кто был на войне. В учебных заведениях ученикам рассказывают о выдающихся личностях, которые жертвовали своей семьей, своим здоровьем и своей жизнью; повествуют о значимых датах, о нескончаемых потерях. Несомненно, важно знать имена героев, которые меняли ход событий, но также следует понимать, что их намного больше, чем нам рассказывали на уроках в школе, а позднее на парах. Проблема узкого знания о подвигах людей не только на поле боя, но и в тылу, с каждым годом становится все актуальнее. Что переживали люди в тылу, как трудились и старались выполнить норму, чтобы прокормить военных, – эти вопросы поднимаются намного реже, чем вопросы самих битв. В работе способом передачи подлинных историй выступает биографический метод социологических исследований.

Обо всех героях войны нам не удастся прочитать или узнать, но если брать какую-то определенную территорию, например, город, в котором ты родился, то возможно составить некий образ людей, живших и защищавших родную землю. Прежде всего, рассказывать об этих тяжелых годах должны родители, ведь ребенок получает первичную социализацию именно от них. Если родитель будет посвящать детей в историю, рассказывать о предках, которые день и ночь трудились во благо страны, то процесс погружения в историю уже будет запущен. В школах же детьми должно быть получено более полное представление о войне и людях того времени.

Говорить о героях-земляках так же необходимо, как и о героях всей страны. Эмоции, переживания и чувства людей, переживших войну на территории, которой проживает сам слушатель, будут восприниматься ближе. В 2019 г. вышел «Сборник воспоминаний о войне», составленный Ю. Д. Балмасовой [1], учителем школы № 7 г. Иркутска. В этом сборнике описаны воспоминания школьных учителей о войне: повествуется, как каждый из них переживал эти годы, чем занимался, каким подвергался работам и тяготам. Также рассказывается о грузе, который выпал на детей войны. Все истории пронизаны болью и любовью к родине, которые помогают читателю прочувствовать годы войны и пробудить понимание цены мирной жизни. Одна из историй в этой книге принадлежит моей прабабушке, Сусанне Исааковне Носыревой, учительнице немецкого языка. Бабушке было 23 года, когда началась война. Даже в таком юном возрасте она была строгим учителем, которого ученики уважали, слушались и любили. В июле 1941 г., прабабушка уже попала под бомбежку в г. Туле. После ее с учениками отправили в железнодорожный совхоз. Работали они день и ночь, перегрузка была высокая, но, чтобы получить питание, норму нужно было выполнять. Работа была непосильная, ребята быстро уставали, а бабушка старалась поддерживать патриотический дух, говорила о нехватке хлеба на фронте, и эти убеждения всегда помогали. Бандеровцы же, видя такую высокую производительность, пытались навредить совхозному клубу, и это у них почти получилось: однажды ночью бандеровцы с топорами и ножами хотели убить прабабушку, но сторож вовремя их заметил и вызвал милицию. «Пережить пришлось многое, но профессия учителя обязывала быть стойкой», – вспоминает бабушка [1, с. 22]. После работ всех наградили мешком зерна и благодарностью управляющего. В сборнике описано большое количество подобных историй, и после прочтения он оставит неизгладимый след в сердце каждого человека.

Для меня подлинный социальный образ героя, который служил именно в тылу – это Носырева Сусанна Исааковна, проявившая смелость и мужество, взяв в 23 года ответственность не только за себя, но и за своих учеников. Действительно, насколько сильно нужно любить Родину, чтобы нести на себе такой груз. Память о прабабушке я передам своим детям и сделаю все для того, чтобы эта история никогда не забывалась.

В заключение хотелось бы сказать, что подобные сборники должны не только издаваться в большом количестве, но и иметь масовую огласку, поскольку они способствуют воспитанию молодого поколения. С помощью них история будет жить и напоминать нам о том, что мирное небо над головой ни в коем случае нельзя менять на войну. Война задевает каждого человека, и не важно – на поле боя ты или в тылу. Патриотизм же без передачи подлинных историй, и, таким образом, без передачи социальной истины, фактически не имеет под собой реальных оснований. Также следует отметить, что данное направление исследований посредством использования биографического метода видится для социологической науки перспективным.

Список литературы

1. Балмасова Ю. Д. Легко ли выстрадать войну? // Сборник воспоминаний о войне. Иркутск, 2019. С. 20–22.

УДК 37.035.6
ББК 60.5

Жуйкова Д. В., *Иркутск*

Роль государства в сохранении исторической памяти и социальная истина

Рассмотрена роль исторической памяти в формировании патриотического отношения к своему Отечеству. Выделены особенности культуры в формировании исторической памяти и ее сохранении. Дано обозначение социальной истины в условиях исторической памяти россиян.

Ключевые слова: историческая память, патриотизм, культура, россияне, социальная истина.

Zhujkova D. V., Irkutsk

The Role of the State in Preserving Historical Memory and Social Truth

This article examines the role of historical memory in forming a Patriotic attitude to one's Fatherland. The features of culture in the formation of historical memory and its preservation are highlighted. The designation of social truth in the conditions of historical memory of Russians is given.

Keywords: historical memory, patriotism, culture, Russians, social truth.

Историческая память представляет собой одну из главенствующих ролей в формировании патриотического отношения к своему Отечеству. С помощью культуры возможность сохранить и продолжить данное отношение к Родине становится наиболее эффективным. В известные годы формирование патриотизма народа активно развивалось и поддерживалось за счет государства, но со временем произошло разгосударствование СМИ, культуры и в значительной мере образования. Это привело к уменьшению объема финансирования духовной жизни страны, а также к ухудшению возможности влияния государства на развитие духовных и нравственных ресурсов общества.

На данный момент времени дела в духовной сфере состоят не столь плохо, как раньше. Государство вновь стало помогать развивать не только патриотизм населения, но и культуру в целом. Теперь, для поднятия патриотизма среди населения, следует приложить больше усилий из-за временного разрыва.

В настоящее время культура не стоит на месте и постоянно меняется, также меняются ценности и жизненные ориентиры, но из-за особенности нашего народа, стремление к патриотизму не исчезает со временем. Важно отметить, что взрослое поколение является приверженцем традиционно русского патриотизма. Молодежь же ориентируется на зарубежные стандарты массовой культуры. Отсюда происходят различия в оценке исторического прошлого страны, перспектив России, ментальных качеств русского народа и т. д. Хотя и поколения имеют свои взгляды на мир и жизненные ориентиры, но культура, развивающаяся в России, пытается объединить в себе все пожелания. Это можно заметить в новых российских фильмах военной тематики. Молодежь интересуют в фильмах спецэффекты и красочность, а старшее поколение – правдоподобность и степень раскрытия всей атмосферы того времени. И с данными критериями уже снято множество хороших не только фильмов, но и сериалов.

Развитие патриотической мысли граждан происходит также через выставки, концерты, вечера посвященные памяти военных лет. И, что самое важное, это происходит еще с младшего возраста. В школах выделяют время на обсуждение военного времени и передачи информации между детьми, которую им рассказывали бабушки и дедушки. Приятно осознавать, что события, произошедшие много лет назад, до сих пор остаются в сердцах каждого и передаются из поколения в поколение.

Таким образом, историческая память в жизни россиян до сих пор активно развивается и особенно поддерживается государством. Даже несмотря на временное прекращение активной деятельности по фор-

мированию патриотической мысли в предыдущие годы, это не повлияло на стремление народа сохранить свою историю и, конечно же, ее передачи другим поколениям. Наблюдая за тенденцией к активному распространению патриотических идей, считаем, что в скором времени мы увидим большие и успешные результаты в данном направлении. И то поколение, которое попало под это стремительное воздействие, будет иметь наиболее высокое чувство патриотизма. В этом и состоит социальная истина.

Список литературы

1. Артемьева Е. С. Сохранение исторической памяти как актуальная проблема подрастающего поколения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-istoricheskoy-pamyati-kak-aktualnaya-problema-podrastayuschego-pokoleniya>
2. Веревкин А. Б. Влияние СМИ и кинематографа на культурную память отечественного научного сообщества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-smi-i-kinematografa-na-kulturnuyu-pamyat-otechestvennogo-nauchnogo-soobschestva>
3. Шестаков В. П. Память как реальность исторического времени. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-kak-realnost-istoricheskogo-vremeni>

УДК 348.83
ББК 67.023

Бадейникова Е. И., *Иркутск*

«Исправься, если сможешь»: к вопросу о пытках в учреждениях пенитенциарной системы

Рассматривается проблема неправомерного применения пыток, насилия к осужденным со стороны персонала пенитенциарных учреждений. На примере статьи Е. Масюк проиллюстрированы примеры безжалостного отношения работников к арестованным, ощущения безнаказанности со стороны работников, безвыходности и отчаяния со стороны заключенных.

Ключевые слова: пытки, насилие, пенитенциарная система, система наказаний, исправительная система, исправление, рецидив, Омск.

Badeinikova E. I., *Irkutsk*

“Change if you can”: on the Issue of Tortures in the Penitentiary System

The review article discusses the problem of the unlawful use of torture and violence against convicts by the penitentiary institutions' staff. E. Masiuk's article illustrates examples of the ruthless attitude of workers towards the arrested, the feeling of impunity on the part of the workers, hopelessness and despair on the part of the prisoners.

Keywords: torture, violence, penitentiary system, punishment system, correctional system, correction, relapse, Omsk.

В нашей стране, к сожалению, не часто освещаются темы пыток, насилия в учреждениях пенитенциарной системы. Е. Масюк – из коргорты тех немногих авторов, которые освещают проблему жестокого отношения и насилия к заключенным, а именно: нарушение права на неприкосновенность, на свободу совести, превышение должностных полномочий, безнаказанность «представителей правопорядка», недоворотанность законов касемо порядка содержания лиц, отбывающих наказание или взятых под стражу до судебного разбирательства и ответственности работников следственных изоляторов и исправительных учреждений за насильственные действия над людьми.

В своей статье «Если бы пытки имели категории жестокости, то СИЗО и колонии Сибирского региона точно боролись бы за общероссийское лидерство» [2], опубликованной в «Новой газете» в мае 2018 г., она повествует о четверых заключенных, рассказывающих о «счастлимом времени», проведенном в Омской исправительной колонии № 7. Швабры, побывавшие в анальном отверстии у мужчин, клетки, избиения, насилие, ток, подключенный к конечностям и гениталиям, потеря сознания – это лишь малая часть того ежедневного ужаса, который описан арестованными. Пытки, которые можно было бы сравнить с пытками времен инквизиции – именно такое сравнение приводит один из заключенных: «Когда где-то за границей какие-то беспределы, какие-то пытки были, Россия в первую очередь возмущалась. А у них под носом, в Омске, проводится инквизиция, и они молчат». Так на что же способен человек, знающий, что его действия останутся безнаказанными? На безнаказанности работников ИК автор делает особый акцент, приводя в пример комментарии разных адвокатов, к которым очень часто обращаются лица, отбывшие свое наказание.

Механизм, описанный в статье, довольно-таки прост: представители закона унижают заключенных, тем самым выбивая нужные показания или добываясь «порядка» в колонии; часть заключенных сопротивляется и ежедневно проходит девять кругов ада, а оставшаяся часть ломается и становится «опущенными», этакими ручными собачками. Некоторые после выхода на свободу пытаются добиться справедливости, но возможно ли это, если представители власти закрывают глаза на очевидные проблемы пенитенциарной системы? Физическое и психическое давление может сломить человека, подчинить и заставить делать отвратительные вещи, и сколько силы воли и духа нужно иметь, чтобы, пережив весь этот кошмар, остаться человеком.

Во-первых, по состоянию на 2020 г., свое наказание отбывают 491 650 чел. [2]. Из них примерно половина хотя бы раз подвергалась

насилию как со стороны работников колоний и тюрем, так и со стороны других заключенных.

Во-вторых, часть людей, прошедших этот ад, никогда больше не сможет восстановить свою психику. Некоторые заключенные вымещают свою злость на других. Они становятся более жестокими и озлобленными. Так после выхода на свободу возрастает вероятность того, что они станут рецидивистами.

В-третьих, ни для кого не секрет, что система правосудия нашей страны на данный момент далека от идеала. Сейчас можно купить и выгодно решить практически все проблемы. Огромное количество людей сидит в тюрьмах за те преступления, которых они не совершали.

Риторическими остаются вопросы о том, как долго мы будем жить там, где человек, нарушая статьи Конституции, права другого человека, пренебрегая всеми нормами и правилами, может уходить от ответственности и оставаться безнаказанным? Кем себя считают работники той самой колонии? Богами? Что должно быть в голове у человека, который придумывает такие изощренные пытки? Как такие люди вообще становятся «охранниками порядка»?

Немалую долю критики вызывают люди, находящиеся на верхах этих «исправительных» учреждений. Один из создателей этого ада в статье рассказывает о том, что они добились ежедневного подъема на зарядку от «подопечных». Но какой ценой? Сотнями жизней? Униженными мужиками, которые в силу довлеющих общественных представлений потеряли свое мужское достоинство? Бойнями и пыткам? В нашей стране хоть и есть законы, наказывающие работников пенитенциарной системы за жестокое обращение и насильственные действия по отношению к лицам, отбывающим наказание, однако каково их правоприменение? Арестованных смешивают с грязью и ломают их жизни, не задумываясь о правосудии. Они знают, что никто им не указ, и поэтому считают, что могут распоряжаться другими людьми.

Это происходит ежедневно, ежечасно, ежесекундно. Это оставляет неизгладимый след на судьбе каждого, побывавшего там. Это может коснуться каждого, поэтому необходимо знать об этой проблеме, как бы правду от нас ни старались скрыть.

Мы называем такие учреждения «исправительные колонии», но можно ли называть их исправительными? Возможно ли назвать избиение, сексуальное насилие, голые танцы, купание в собственной рвоте и моче путем к исправлению? Единственная цель арестованного в таких местах – выжить и остаться человеком.

Список литературы

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы / Федер. служба исполнения наказаний. URL: <http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/>.
2. Масюк Е. Если бы пытки имели категории жестокости, то СИЗО и колонии Сибирского региона точно боролись бы за общероссийское лидерство // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/05/13/76435-lomka-omsk>.

УДК 343.35
ББК 67.53

Силивеев И. М., *Иркутск*

Пространство судебных решений: иррациональность интерпретаций

Судебные решения анализируются с позиции иррациональной интерпретации решений и логических аргументов. Рассматриваются условия и возможности конструирования общественного мнения по поводу принятых судебных решений, их субъективной интеракции общественностью.

Ключевые слова: судебные решения, иррациональность интерпретации, общественное мнение.

Siliveev I. M., *Irkutsk*

The Space of Judgments: the Irrationality of Interpretations

The article analyzes court decisions from the standpoint of irrational interpretation of decisions and logical arguments. The conditions and possibilities of constructing public opinion about the adopted court decisions, their subjective interaction by the public are analyzed.

Keywords: court decisions, irrationality of interpretation, public opinion.

В средствах массовой информации появляются публикации, в которых со ссылкой на социологические исследования утверждается, что многие граждане не доверяют органам правосудия. Разумеется, в значительной степени это предопределено самим характером их деятельности: трудно рассчитывать на то, что во всех случаях решение, принятое по гражданскому спору, удовлетворит все стороны. Сказанное относится и к судебным актам, принятым по уголовным делам. Подобные результаты имеются в исследованиях О. А. Полюшкевич [7; 8].

Деятельность судебных органов во многом строится на иррациональных формах и условиях деятельности, обусловлена ограничивающими убеждениями граждан в социально-правовой проблематике и в целом иррациональностью правового сознания наших сограждан рассматриваются в работах Р. Г. Ардашева и В. М. Мешкова [1–4; 6]. Вопросы справедливости правовой системы отражены в исследованиях Г. В. Дружинина [7], в некоторых работах И. М. Силивеева также говорится о дуальности принимаемых решений [8; 9].

Вместе с тем работа Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации и материалы надзорной практики свидетельствуют о том, что напряженное отношение граждан к органам правосудия нередко вызвано такими недостатками в работе судов и судей, для устранения которых не требуется больших усилий и серьезных организационных мер, а достаточно их доброй воли и чувства ответственности.

Первый момент – *невнимательность*. Отдавая себе отчет в том, что судебный акт часто предопределяет судьбы людей, судья, работник аппарата должны тщательно выверять свои шаги на пути осуществления правосудия, не допуская поспешных и необдуманных поступков. В этой связи нельзя не обратить внимание на случаи, когда судебные акты судьи подписывают не ознакомившись с их содержанием, а решение принимают на основе поверхностного ознакомления с материалами дела.

Так, недавно Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации привлекла к дисциплинарной ответственности председателяствующего по уголовному делу за следующий проступок, совершенный при кассационном рассмотрении дела. На стадии подготовки дела к слушанию им были изготовлены два варианта полного текста судебного акта и резолютивной его части: один об отмене обжалуемого приговора, другой – об оставлении его в силе.

После рассмотрения дела судьи подписали и объявили один из вариантов резолютивной части судебного акта, а впоследствии подписали полный его текст, содержащий противоположные выводы. Ошибку председательствующий объяснил тем, что из компьютера был взят не тот вариант заготовленного проекта полного текста судебного акта, а судьи подписали его, не прочитав то, что подписывают. О том, что материалы, имеющие значение для вынесения правильного решения, надо читать от первого до последнего слова, свидетельствует следующий пример. Подрядчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании банкротом заказчика, не оплатившего стоимость выполненных объемов работ при строительстве объекта недвижимости. Производство по делу было затем прекращено в связи с утверждением мирового соглашения, в соответствии с которым заказчик передает подрядчику в собственность земельный участок, отведенный под строительство объекта недвижимости. Суд признал, что земельный участок находился в собственности заказчика, причем, такой вывод он сделал, исходя из содержания заголовка документа об отводе земельного участка. Сам же текст документа говорил о том, что земля

передавалась заказчику в пользование, а не в собственность. Это обстоятельство послужило основанием для отмены определения об утверждении мирового соглашения Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Из-за невнимательности работников аппарата суда и самих судей иногда гражданские дела рассматриваются при отсутствии сведений о том, что все лица, участвующие в деле, извещены о времени и месте их рассмотрения.

Так, по одному из арбитражных дел определение о назначении дела к рассмотрению было направлено ответчику не по надлежащему адресу. При наличии информации почты о том, что ответчик по указанному на конверте адресу не находится, дело было рассмотрено по существу. Впоследствии по жалобе ответчика принятый судебный акт был отменен.

Предпосылкой к вынесению неправосудных судебных актов может явиться упрощенчество, которое, на мой взгляд, всегда неприемлемо, в каких бы формах оно ни проявлялось. Допустимо согласиться с тем, что некоторые процессуальные требования усложнены или излишне формальны, однако, это проблемы законодателя. Отступление от четких правил вряд ли будет понято участниками судебного разбирательства и может способствовать формированию у них ошибочного мнения о том, что закон написан не для суда. От упрощенчества недалеко и до серьезных нарушений закона.

К примеру, председательствующий по делу был привлечен Высшей квалификационной коллегией судей Российской Федерации к ответственности за то, что он подготовил судебные определения и без проведения судебного заседания направил их для подписания другим судьям. Одно из таких определений судьями было подписано. Отрицательно влияют на укрепление авторитета правосудия случаи непрофессионального поведения судьи в процессе. Как-то в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации поступило заявление руководителя организации о привлечении к ответственности председательствующего по делу. В заявлении утверждалось, что процесс им проведен предвзято, председательствующий допускал высказывания, умаляющие достоинство представителей сторон, не соблюдал этические нормы. В качестве доказательства заявитель представил видеозапись процесса, просмотр которой, мягко говоря, действительно не вызывал положительных эмоций.

Насколько бы безупречным ни был судебный акт, он не будет с пониманием воспринят присутствующими в судебном заседании лицами, если судья в процессе вел так, будто ему заранее все ясно, вы-

сказывался по поводу того, кто из участников процесса прав, а кто нет, держался высокомерно или, наоборот, фамильярно. Преследуя благую цель обеспечить принятие законных и обоснованных судебных актов законодатель определил сведения, которые должны содержаться в судебном акте. Указывая все эти сведения в принимаемом решении или приговоре суд невольно проанализирует все обстоятельства дела, что в значительной степени поможет избежать судебной ошибки.

Но нельзя не отметить и другое обстоятельство. Ведь в судебных актах из-за их общественной значимости и многочисленности заложена колоссальная информация, которая нередко становится достоянием не только лиц, участвующих в деле, но и их родственников, знакомых, партнеров по бизнесу, практикующих юристов, ученых, представителей государственных органов и т. д. Аргументировано отточенный, законный и обоснованный судебный акт эффективно влияет на укрепление правопорядка, способствует совершенствованию законодательной базы, повышает авторитет судебной власти. И наоборот, вызывают раздражение и непонимание судебные акты, в которых не приведены мотивы принимаемого решения, отсутствуют ответы на все имеющие значения для дела вопросы, поставленные в ходе судебного разбирательства.

Второй пункт – *грамматические ошибки*.

Необъяснимыми с позиции здравого смысла являются случаи, когда стороны представляют суду копию судебного акта, вынесенного ранее другим судом по аналогичному делу, полагая, что закон применяется судами одинаково, а затем узнают о принятии по своему делу противоположного решения.

Есть факты, когда один и тот же суд вначале принимал одни решения, а через некоторое время по таким же делам другие. Разумеется, нельзя упорствовать в своих заблуждениях лишь ради обеспечения единообразной практики. Но такие случаи если и невозможно полностью исключить в первую очередь из-за сложности и противоречивости некоторых законодательных актов, то принять меры к тому, чтобы свести их к минимуму, необходимо, в том числе в самом начале формирования судебной практики.

Особо хотелось бы остановиться на анализе случаев, когда судебные акты принимались вопреки сложившейся практике вышестоящих судов. Чаще это делалось в результате неглубокого ее изучения, но есть и примеры, когда подобные решения суд принимал сознательно, полагая подходы вышестоящих судов ошибочными. Но какие бы причины отмеченного явления ни были, доверие граждан к судебной деятельности от их уяснения вряд ли возрастет.

Поэтому важно, чтобы судебная практика по одному и тому же вопросу как можно быстрее приводилась к одному знаменателю. Этому должны способствовать и вносимые при необходимости соответствующие уточнения в законы. Немало жалоб в квалификационные коллегии судей поступает в связи с длительной задержкой рассмотрения судебных дел (более 65 % от всех поступивших жалоб).

Излишне, видимо, приводить конкретные примеры волокиты и привлечения квалификационными коллегиями к ответственности судей, допустивших ее. Важнее найти механизм предупреждения нарушений процессуальных сроков. Вспоминаю, как когда-то суды представляли вышестоящему суду информацию о конкретных делах, по которым истекли сроки рассмотрения, с объяснением причин этого. Отдельно сообщалась информация о случаях, когда сроки оказались нарушенными из-за сложности дела, когда суд испытывал трудности с определением фактических обстоятельств и правовой позиции. Существовало и правило, согласно которому при повторной отмене судебного акта вышестоящим судом последний обязан был принять дело к своему рассмотрению.

Немало нареканий вызывает деятельность судебных приставов-исполнителей, которую стороны не без оснований считают продолжением гражданского и арбитражного процессов.

Так, в 2003 г. судебными приставами-исполнителями исполнено 38,2 % от поступивших исполнительных листов, выданных на основании решений судов общей юрисдикции. По исполнительным листам арбитражных судов, эта цифра составила 25 %.

Кстати, в 2004 г. положение сколько-нибудь существенно не изменилось. Отсюда понятно бытующее иногда мнение о бесполезности обращения в суд, решения которого часто не исполняются. Вряд ли убедишь граждан в том, что в неисполнении судебных решений виноват не суд, а другое ведомство. Да и не следует это делать, поскольку суд непосредственно заинтересован в том, чтобы акты органов судебной власти были исполнены. Но нельзя не отметить, что отдельные судьи относятся к стадии исполнения судебных решений безучастно, а иногда вольно или невольно препятствуют соблюдению закона на этой стадии процесса.

Так, квалификационной коллегией судей был привлечен к дисциплинарной ответственности судья за то, что, используя служебное положение, препятствовал исполнению решения суда о восстановлении гражданина на работе в организации, руководителем которой была его супруга. В другом случае судья суда общей юрисдикции был привле-

чен к дисциплинарной ответственности за незаконное приостановление исполнения решения арбитражного суда. Не могу не привести пример иного подхода.

Арбитражный суд Республики Хакасия вынес определение о принятии обеспечительной меры в отношении имущества ответчика и выдал на основании определения исполнительный лист. Судебный пристав-исполнитель отказался исполнять определение суда, сославшись на то, что в нарушение статьи 8 Федерального закона "Об исполнительном производстве" в исполнительном листе не была указана дата вступления определения суда в законную силу. Суд по заявлению истца признал действия судебного пристава-исполнителя незаконными.

На основании информации суда Высший Арбитражный Суд Российской Федерации и Главный судебный пристав Российской Федерации направили арбитражным судам и судебным приставам-исполнителям совместное письмо, в котором обращалось внимание на то, что в силу закона определения суда о принятии обеспечительных мер подлежат немедленному исполнению, и поэтому дата вступления их в законную силу в исполнительных листах не указывается.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональные тенденции в деятельности правоохранительных органов и спецслужб // Закон и право. 2020. № 7. С. 144–147.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 2 (43). С. 255–258.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 58–64.
5. Дружинин Г. В. Справедливость правосудия в России // Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира : сб. материалов. 2018. С. 870–872.
6. Мешков В. М., Ардашев Р. Г. Иррациональные тенденции в теории и практике раскрытия преступлений // Закон и право. 2020. № 8. С. 124–127.
7. Полюшкевич О. А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 84–89.
8. Полюшкевич О. А. Условия солидарности: правосудие или справедливость? // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 41–51.
9. Силивеев И. М. К Проблеме дуальности как свойства решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 2 (89). С. 24–28.
10. Силивеев И. М. Конституционный (уставный) суд субъекта Российской Федерации как средство политико-правовой консолидации общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич. Иркутск, 2019. С. 173–177.

УДК 304.9
ББК 60.803

Апанина А. В., *Иркутск*

Влияние социальных протестов на социальную истину

Исследуются социальные протесты и их влияние на социальную истину. Анализируются механизмы изменения социальной истины под влиянием социальных протестов.

Ключевые слова: социальные протесты, социальная истина, общество, государство, политика, социальные изменения.

Apanina A. V., Irkutsk

Impact of Social Protests on Social Truth

The article touches on the topic of social protests, namely how they affect social truth. The mechanisms of social truth change under the influence of social protests are analyzed.

Keywords: social protests, social truth, society, state, politics, social change.

Прежде чем говорить о влиянии социальных протестов на социальную истину необходимо разобраться с определениями этих двух понятий. Такое понятие как социальный протест обозначает индивидуальное или коллективное действие, которое демонстративно отвергает имеющиеся социальные институты и другие структуры, которые не соответствуют ценностям и нормам субъекту(ам) этого действия. Что касается социальной истины, то это ценностно-теоретическое понятие, предполагающее систему ценностей, идеалов и взглядов которая включает в себя идеал знания и способ его достижения и обоснования.

Разобравшись с определениями, мы можем перейти к сущности социальных протестов. Их причины зависят от общества и государственного устройства. Общество – необычная область реальности, его судьба зависит от того, как люди видят общество, представляют его будущее, насколько они информированы как субъекты социальной деятельности и как осознают общественные процессы [1]. Необходимо отметить, что социальные движения – это универсальный исторический феномен. Во все время у людей имелись различные причины для объединения на основе борьбы за свою социальную истину. Историки описывают различные бунты и восстания со времен античности, все они имеют различные мотивы (национальные, этнические, культурные, религиозные и др.), но одинаковую цель, которая заключается в восстановлении социальной истины. Поиск идеального государственного устройства, в котором не будет социальных протестов, интересовали многих философов, к ним относятся, Платон, Аристотель, Гиппократ и многие другие. Как показывает история и действительность такого государственного устройства до сих пор нет, но как по-

казывают многие философские взгляды, оптимальным государственным устройством считается такое, которое проводит политику, которая устраивает большую часть населения, тем самым сохраняя в государстве и в мировоззрении людей социальную истину.

В настоящее время имеется разнообразный арсенал средств протеста, например, демонстрации и забастовки, голодовки, блокирование администраций и столкновение с силами правопорядка, публикации в СМИ, митинги и массовые собрания на центральных площадях. Существенно оказывает влияние уровень социологического знания народа на ход и результат социальных движений. В зависимости от преследуемых целей они различаются на политические, социальные и культурные, а также делятся на санкционированные и несанкционированные. Но как влияют такие движения на социальную истину? В основе социальных протестов лежат социальные конфликты и проблемы определенной части народа, а именно социальная неудовлетворенность условиями жизни, несовпадение ожиданий и действительности, борьба за лучшую жизнь или иными словами за социальную истину, на которую, как считают протестующие, имеют все права. Протесты имеют свою особенность – они играют роль катализаторов социальных, политических и культурных изменений, которые раскрывают назревшие в обществе проблемы, которые нельзя подавлять.

Необходимо отметить, что протесты являются неотъемлемой частью жизни различных отношений, они сопровождают их развитие, так как любой протест влечет за собой изменение, а как нам всем известно, любое изменение – это двигатель прогресса. Доказательством этого может служить Первая русская революция, которая началась с «Кровавого воскресенья», в тот день петербургские рабочие направились к Зимнему дворцу, чтобы вручить императору петицию о нуждах трудового народа. Но это не увенчалось успехом, из-за этого рабочие начали прорываться в Зимний дворец, вследствие чего погибло около 1000 человек. «Кровавое воскресенье» имело широкий размах. Расстрел рабочих сильно ударил по репутации императора. Недоверие к политическому курсу монарха, начавшийся экономический кризис, проблемы в аграрном секторе – все это привело к тому, что по всей стране вспыхнули демонстрации, стычки и политические убийства. Для того чтобы восстановить порядок в стране, Николай II вынужден был пойти на серьезные уступки восставшим. Итогом восстания стало то, что народ получил первые политические свободы, в стране стал действовать представительный орган власти с законодательными полномочиями. Нельзя не заметить, что в истории всего человечества множество таких примеров.

Те же процессы социального недовольства мы видим и в современных социальных протестах. Недавние события в Хабаровском крае стали весьма красноречивым показателем актуальности данного явления [4].

Таким образом, социальные протесты проходят несколько стадий своей жизни, они появляются в определенные исторические условия, набирают обороты, угасают и исчезают. В таких ситуациях ведущую роль играет политика государства, которая будет направлена на снижение социальных напряжений и на предотвращение крупных социальных выступлений, но как можно заметить, в основном результатом социальных протестов становится активизация политики страны в интересах восстающего народа.

Список литературы

1. Головина А. А. Формы социального протеста URL: <https://scienceforum.ru/2011/article/2011001981> (дата обращения: 07.11.2020).
2. Качанов Ю. Л. Социологическая истина: социально-философский аспект. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/Katchanov_14_01_09.pdf (дата обращения: 07.11.2020).
3. Лапин Н. И. Общая социология. URL: https://studme.org/261358/sotsiologiya/sotsialnyy_protect_adaptatsiya (дата обращения: 07.11.2020).
4. Иванов Р. В. Виртуализация социальных протестов на примере Хабаровского края // Социальная реальность виртуального пространства : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 сент. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 391–396.

УДК 316.485.22
ББК 60.53

Рангин В. Ю., *Иркутск*

Социальные протесты и истина: российская реальность

Рассматриваются понятия «социальный протест» и «социальная истина», а также типы социальных протестов и их примеры в современной России.

Ключевые слова: социальный протест, социальная истина, массовые протесты, политическая культура

Rangin V. Y., *Irkutsk*

Social Protests and Truth: Russian Reality

In this article, analyzes the concept of “social protest” and “social truth”. The article also discusses the types of social protest and examples of social protests in modern Russia.

Keywords: social protest, social truth, mass protests, political culture.

Сегодня актуален вопрос определения социальной истины. Особенно этот вопрос стоит среди подростков, которые в силу своего возраста довольно часто выступают с социальным протестом. Изначаль-

но протест возникает у подростка с родителями и близким ему окружением, а потом уже переходит в следующий этап, где подросток коммуницирует с социальным окружением и макросоциумом. Оппозиция типична для детского, подросткового и юношеского возрастов. Именно подростки, путаясь в социальных нормах, предъявляемых обществом, наблюдая повседневно нарушения этих норм взрослыми, вступают в протест сначала с родителями, а затем с социальным окружением.

Для того чтобы рассмотреть социальный протест и истину в современной России, нам необходимо понять, что такое протест и истина по отдельности. Так, например, с точки зрения современных авторов Э. Э. Шульц и А. Ш. Гусейнов социальный протест – это часть социальных протестов, которые способствуют развитию гражданского общества в стране. Также авторы отмечают, что протест – это своего рода переживания личностью, угрозы потери определенных благ, свобод и ценностей, именно поэтому протест это единственная форма, чтобы устранить эту угрозу [4].

По мнению А. Г. Спиркин и А. А. Тимербулатова, истина – это величайшая социальная и личностная ценность. А также авторы сформулировали определение философской истины, которая определяется как объективный концепт эволюции всей целостной картины мира, нацеленный на Благо человечества [7].

Исходя из определений, мы можем сделать вывод, что социальный протест необходим, протест является нормальной частью общественной жизни, если не переходит в радикальные формы, которые приводят к столкновению власти и граждан. Благодаря протесту, общество развивается и проявляет свои гражданские права. А социальная истина носит локально-исторический характер, т. к. в современном мире глобализации и виртуализации общества возрастает скорость всех социальных процессов и взаимодействий. Во многом, это результат иррационального воздействия общественного сознания и эволюции социального воспроизводства в сторону протеста, бунта и аномии [1–3].

Рассмотрим следующие типы социального протеста:

– трудовой протест (выступление против задержек заработной платы и необоснованных увольнений, против дискриминационной по отношению к работникам деятельности работодателей, борьба за лучшие условия труда, соблюдение трудовых прав и гарантий работников);

– трудовой (чаще всего общество выступает против задержек заработной платы и сокращений, улучшение условий труда, а также соблюдение всех правовых норм по отношению к работнику);

– социальный (данный протест определен недовольством граждан в социальной политикой, общество выступает за социальные льготы и гарантии, а точнее за их сохранение, сохранение социальных льгот и гарантий, за соблюдение социальных прав, а также против, закрытия и неэффективности работы учреждений социального сектора);

– социально-экономический протест (выступление обманутых дольщиков, должников по валютной ипотеке, протесты против нарушения жилищных и имущественных прав, протесты по поводу завышенных тарифов и плохого управления предприятиями в секторе ЖКХ, протесты, связанные с плохим качеством дорог, введением платных парковок, реорганизацией общественного транспорта и т. п.);

– социально-экономический (здесь чаще всего протесты возникают из-за завышенных тарифов и неудовлетворительного управления ЖКХ, также протесты возникают по вопросам качества дорог, введение платных парковок и т. д.);

– экологический и градозащитный (общественные организации или общественные группы протестуют против строительства и работы экологически вредных предприятий, против уплотнительной и точечной застройки, уничтожения зеленых зон, памятников истории и культуры, против политики развития населенных пунктов, реализуемой региональной или муниципальной властью);

– политический и гражданский (пожалуй самый частый и важный протест, которому необходимо придать особое внимание. Здесь чаще всего проходят оппозиционные выступления политических организаций, поддержка осужденных и обвиняемых политических и гражданских активистов, протест против различных законодательных инициатив и т. п.).

В России, как и в других странах мира, любой социальный протест отражает основные проблемы развития страны. Сегодня со стороны государства мы наблюдаем безразличие в создании условий для самоорганизации населения в сфере решения общественно значимых проблем. Стоит обратить внимание, что на протяжении 15 лет в России развитием гражданского общества занимались западные фонды. После «цветных революций», российские элиты сделали все, чтобы убрать западные благотворительные организации, которые занимались развитием гражданского общества, без которого не возможно представить демократическое государство.

Если отсутствует институционализация конфликтов на уровне гражданского общества, то любой частный конфликт, возникающий в групповых ячейках, самым положением вещей сразу же возводится в ранг общегосударственного, хотя возможности государства часто ограничены отсутствием адекватных средств [4]. Лишь зрелое гражданское общество, представленное многочисленными группами интересов, партийно-политической инфраструктурой, агрегирующей эти интересы, может принять на себя миссию смягчения и „облагораживания” политических конфликтов[5].

Важно отметить, что гражданская ответственность, гражданский долг появляется лишь тогда, когда частный интерес уровня осознания своей причастности к публичному интересу. А если политическая культура населения низка, а гражданское общество никаким образом себя не проявляет, тогда становится легче манипулировать общественным мнением.

Сегодня в России не мало примеров массовых протестных выступлений так, например: протест против монетизации льгот в 2005 г. массовые протесты во Владивостоке и моногородах в 2009 г. протесты в Химках, на Манежной площади 2010 г. Наиболее крупные протесты по количеству собравшихся, стали митинги за честные выборы (2011–2013), численность участников доходила до 150 тыс. человек. И совсем недавний социальные протесты, которые начались 11 июля 2020 г. в Хабаровске, за освобождение губернатора, там собралось порядка 100 тыс. человек. Сегодня основной проблемой государственных органов власти является непонимание общественных интересов, невозможность решения поставленных задач, именно это приводит к социальным протестам со стороны общества [6].

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что сегодняшняя политика государства должна быть направлена на принятие гражданского общества, без него невозможен эффективный диалог государство-общество. Государству, которое называет себя демократическим, необходимо развиваться во всех направлениях, в том числе и принятия гражданского общества, как основного института общественного мнения.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррационализация истины как атрибут эпохи перемен // В поисках социальной истины : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. В. А. Решетникова, О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2019. С. 25–27.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.

3. Ардашев Р. Г. Формы иррациональности общественного сознания // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2020. С. 40–48.

4. Гусейнов А. Ш. Протестное поведение как показатель дезадаптации личности в подростковом периоде // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2009. № 1. С. 7–13

5. Дубровский К. Г. Политические особенности групповых проявлений социальных протестов в современной России // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск: Социология и политология. С. 9–13

6. Иванов Р. В. Виртуализация социальных протестов на примере Хабаровского края // Социальная реальность виртуального пространства: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 21 сентября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полошкоевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 391–396.

7. К вопросу о содержании и значении понятия «философская истина». URL: www.cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-i-znachenii-ponyatiya-filosofskaya-istina/ (дата обращения: 01.11.2020).

УДК 324
ББК 66.04

Буханцов В. В., Комарова М. В., *Иркутск*

Демократия как метод манипуляции истинными ценностями

На примере выборов в Соединенных Штатах Америки рассматривается мифология демократии как экзистенциальной ценности современного общества.

Ключевые слова: мифология, демократия, ценность, избирательный процесс.

Bukhantsov V. V., Komarova M. V., *Irkutsk*

Democracy as a Method of Manipulating true Values

This article uses the example of elections in the United States of America to examine the mythology of democracy as an existential value of modern society.

Keywords: mythology, democracy, the value of the electoral process.

Выборы-2020 президента в Соединенных Штатах Америки ситуативно стали главным событием в Российской Федерации и по-новому поставили целый ворох вопросов теоретического и прикладного характера перед отечественным обществознанием.

Во-первых, можно ли говорить о суверенитете России, а если «да», то в чем он проявляется? Во-вторых, являются ли Соединенные Государства Северной Америкой подлинной федерацией и демократией? В-третьих, в чем смысл избирательного процесса? В-четвертых, какие реальные акторы определяют результат выборов? В-пятых, насколько общепринятый в российском обществознании понятийно-терминологический аппарат актуален при изучении не только отече-

ственной, но и классической современной социальной реальности, т. е. англо-американского запада?

На некоторые из этих и связанных с ними эвристических задач мы попытаемся дать ответ или по крайней мере описать проблему.

Выборы в США в очередной раз продемонстрировали условную независимость Российской Федерации. И это касается не только устойчивости кредитно-финансовой системы, направлений внешне-экономической деятельности и воссоздания наукоемких отраслей экономики. Оголтелый интерес к выборным делам в другой стране продемонстрировал скудоумие и наивное идолопоклонничество. Либеральная интеллигенция (под которой мы понимаем людей с дипломами о высшем образовании, со степенями и званиями, возвращенных на иноязычных текстах, но начисто лишенных здравого смысла и благодарности по отношению к родине), несмотря ни на какие эксцессы избирательного процесса, по-прежнему верит в некую абстрактную демократию и свободное волеизъявление. В этом беда интеллигенции и вина социокультурной среды ее обитания. На протяжении всех последних десятилетий система образования деградирует, что не может остаться незамеченным, как внутри страны, так и сторонними неангажированными наблюдателями. К примеру, «профессор Народного университета имени Мао Цзэдуна, и член-корреспондент Академии наук КНР Цзинь Сычжан, выступая перед студентами МГТУ им. Баумана на конференции «Современные проблемы науки и образования», назвал единый государственный экзамен «главной угрозой развитию технологий в России» и «величайшей диверсией Запада» [4].

Конечно, дело не только и не столько в ЕГЭ. Проблема в несuverенности системы образования и общественной науки в России. И власть эту зависимость культивирует. Неважно, по глупости или сознательно. Отсюда подобострастный интерес ко всему, идущему с американского Запада. Следовательно, до реальной независимости в главной сфере человеческих отношений: институциональной передаче культурного опыта нам еще далеко.

Если призвать на помощь здравый смысл, то со всей очевидностью видно, что авторитарный режим в Соединенных Штатах Америки прикрывается демократическими процедурами как голый фиговым листом. Именно авторитарный. И другим он быть не может.

Публичный политический процесс в США надстраивается над реальной властной системой, которая в своей сущности неизменна со времен заселения Северной Америки белыми англосаксами. Это глубинное, скрытое от глаз обывателя государство является чистойшей

воды плутократией. Властью золотого тельца. Именно настоящие хозяева Америки в лице отцов-основателей определили наиболее удобный для себя способ правления – процедурной и цензовой демократии, отражением которой стало государственное устройство современной России.

Когда США создавались, тогда правящий плутократический класс был един в той мере, в какой демократ не может не быть республиканцем, а республиканец – демократом. Как сказал в своей инаугурационной речи Томас Джефферсон, «мы называли разными именами братьев наших, которые исповедовали один и тот же принцип. Все мы – республиканцы, все мы – федералисты» [2].

Сегодня американский правящий класс представлен едва ли не тремя фракциями: национальный производительный капитал, американский финансово-банковский капитал как передовая часть международного наднационального капитала, капитал информационных глобальных платформ (почти фракция). Представителем национально-капитала, который мыслит категориями «сделать Америку снова великой» и мягкого глобализма, является настоящий американский предприниматель и ковбой Дональд Трамп. За ним – одноэтажная Америка. Представитель блока финансистов – владельцев Интернета – Джо Байден – бюрократ и профессиональный политик. За ними – космополитичное и разноплеменное население Вавилонских башен американских мегаполисов. Финансистам и айтишникам не нужна Америка – им нужен весь мир. Что значит триста миллионов потребителей по сравнению с семьей с половиной миллиардами? Капля в море. Поэтому в 2020 г. трампизм и неотроцкистский либерализм подняли ставки на президентских выборах до небес. На кону – вся ойкумена.

Сам избирательный процесс. Столько грязи, попрания приличий и законности, сколько преподнес нам цивилизованный демократический Запад в лице своего авангарда, мы видели только под сенью родных осин в 1996 г., когда в последний и решительный бой против страны американские советники бросили порядком опустившегося Ельцина. Кто бы мог подумать, что 2020 г. в Америке будет еще похлеще? Неужели, великий американский народ действительно заслуживает этих двух кандидатов, один из которых почти что идиот в медицинском смысле слова?

«Сейчас мы наблюдаем, как в Соединенных Штатах коверкают основные принципы демократии и искажают суть демократических подходов к определению того, кто должен управлять государством. Прогнозы средств массовой информации демонстрируют, что мнение

большинства американцев ничего не значит. Многие из них поддерживали Дональда Трампа», – так оценил процедурную сторону выборов один из комментаторов [3].

Наверно, в этом есть некая сермяжная правда жизни. Американцы так долго инфицировали мир вирусами цветных революций, что, в конце концов, сами подверглись этому постыдному заболеванию. Хотя у американской «демократии» всегда в запасе были и другие методы. По меньшей мере, пятнадцать американских президентов подвергались покушениям, четыре были убиты.

Может, не случайно, что и многие враги Америки, особенно из левых, оказывались подвержены смертельным заболеваниям:

Президент Бразилии Дилма Русеф, 2009 г., рак, операция.

Президент Аргентины Нестор Киринер, 2010 г., рак, смерть.

Президент Бразилии Луис Лула да Силва, 2011 г., рак, операция.

Президент Колумбии Хуан Мануэль Сантос, 2011 г., рак, операция.

Президент Боливии Эво Моралес, 2011 г., рак, операция.

Президент Парагвая Фернандо Луго, 2012 г., рак, операция.

Президент Аргентины Кристина Киринер, 2013 г., рак, операция.

Президент Венесуэлы Уго Чавес, 2013 г., рак, смерть.

Лидер Кубы Фидель Кастро, 637 покушений, 2016 г., рак, смерть.

Впрочем, убийственная статистика не обошла стороной и многих американских журналистов, совавших нос, куда не надо сильным мира сего, адвокатов и даже сенатора, требовавшего независимых расследований, например, теракта 11 сентября 2001 г. или вторжения в Ирак:

Майкл Рупперт, США, убит.

Филипп Маршалл, США, убит с детьми.

Энди П. Харт, США, найден мертвым.

Майкл Хастингс, США, взорван в автомобиле.

Гэри Уэбб, США, покончил с собой двумя выстрелами в голову.

Пол Уэллстоун, США, погиб в авиационной катастрофе на абсолютно исправном самолете [6].

Таким образом, мы видим, что демократические процедуры представляют собой всего лишь наиболее мягкие и безболезненные методы осуществления политической власти, прикрывающие диктатуру правящих классов, которые при необходимости пускают в ход и иные, самые жесткие средства удержания господства. При этом при глобальных интересах универсальными становятся те методы, которыми делается внутренняя и внешняя политика, а весь мир, вслед за Латинской Америкой, рассматривается из Вашингтона как его задний двор.

Учитывая все эти обстоятельства, становится очевидным, что никаких гуманитарно-общественных истин романо-германская цивилизация предложить Российской Федерации не может. Гуд бай, Америка. В свете того маразма, который демонстрирует кандидат-демократ, хочется вернуть американским экспертам их саркастические слова о гонках на лафетах советских кремлевских старцев: надеемся, они все еще помнят про рукопожатие сенатора Байдена и министра иностранных дел Советского Союза, в свое время доверенного лица товарища Сталина, Андрея Громыко. Мы тоже не забыли голосования в больной палате товарища Черненко, но Байден, «в отличие от Черненко ... говорит много, путает свою внучку с умершим сыном, забывает имя Трампа, порой полагает, что избирается по привычке в сенат, а не в Белый дом» [1].

Ну, а что же наши почитатели западной демократии? Как они отреагировали на элементарное и пошлое мошенничество рукопожатной либеральной Америки, которая, как оказалось, даст фору любому жуликоватому градоначальнику из отечественной провинции, ведь что нам пишут с места событий: «Мы видим образец демократии, где пропадают сотни тысяч голосов на почте. Нет, это не электронная почта. Бумажные письма в ящиках, как при Черненко в СССР. Смешно это слышать в Москве, которая с начала пандемии чекинится по QR-кодам... Мы видим вбросы, которые не снились нашим губернаторам в далеких областях, – Байден в один миг получает перевес в 200 тысяч и ни одного голоса за Трампа, и это в штате, где Трамп лидировал. Даже американцы наполнили по этому поводу Интернет ироничными мемами, использовав графику приписок. Мы видим полный хаос с оглашением результатов – никакого вам “дня тишины”, каждый штат кричит, пока другой голосует. Калифорния не проснулась, а Нью-Йорк уже объявил ей, как надо голосовать» [1].

Самое поразительное, что для российских доморощенных критиков режима, ничего не поменялось. Для них истина остается там, где печатают доллары. Хрестоматийный образец за чистоту выборов пресловутый Шпилькин, где вы? Как оказалось, социолог Сергей Шпилькин отказался анализировать по шпилькиному методу чистоту американских выборов, сославшись на технические сложности и еще на что-то. Там же и голосистые не в меру иноагенты из «Голоса», вдруг ограничившиеся заявлением о том, что они не сомневаются в свободном волеизъявлении американцев [5].

И, наконец, неужели и выборы президента США не убеждают в том, что глас народа и глас толпы – это две взаимоисключающие ис-

тины? Толпой манипулируют, толпу микшируют, разделяют на белых и черных, рабочих и люмпенов, гетеросексуальных и гомосексуальных, мужчин и феминисток. Людей надо воспитывать и учить находить истину, прививать им чувство гражданского долга, а не сладкоголосо петь про естественные и неотъемлемые права человека на дурацкий квазивыбор. И демократия – это не ценность. Демократия – метод, с помощью которого можно легко манипулировать незрелой массой.

Список литературы

1. Владимиров Г. Страна навынос. Гуд-бай, Америка, или как Россия распрощалась с иллюзиями. URL: <https://life.ru/p/1353081> (дата обращения: 08.11.2020).
2. Джефферсон Томас Первая инаугурационная речь 4 марта 1801 года. Северная Америка. Век девятнадцатый. URL: <https://www.america-xix.org.ru/library/jefferson-inaugurals/04-03-1801.html> (дата обращения: 08.11.2020).
3. Дудчак А. Методы инфовойн США Байден и Трамп обернули друг против друга ФБА «Экономика сегодня». URL: https://rueconomics.ru/476857-metody-infovoin-ssha-baiden-i-tramp-obernuli-drug-protiv-druga?utm_source=whitepush.biz&utm_medium=push&utm_campaign=push12_08_11_2020 (дата обращения: 08.11.2020).
4. Китайский академик назвал ЕГЭ главной угрозой развитию России. ARD: портал деловой информации. URL: <http://asiarussia.ru/news/21484/> (дата обращения: 08.11.2020).
5. Метод Шпилькина, применительно к США, представил бы неприглядную картину. ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3108494.html> (дата обращения: 08.11.2020).
6. Цыганов А. Убрать президента: На смену раку в политических убийствах пришел коронавирус? Царьград. URL: https://tsargrad-tv.turbopages.org/tsargrad.tv/s/articles/ubrat-prezident-na-smenu-raku-v-politicheskikh-ubijstvax-prishjol-koronavirus_285566?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2F
7. Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr (дата обращения: 08.11.2020).

УДК 304.9
ББК С54/С99

Головчун К. А., *Иркутск*

Способы профилактики рабства в современном мире

Рассматривается рабство и его составляющие, которые существуют в современном мире, а также способы профилактики рабства.

Ключевые слова: рабство, работорговля, похищение людей, торговля людьми, классическое рабство, патриархальное рабство, профилактика рабства.

Golovchun K. A., *Irkutsk*

Ways to Prevent Slavery in the Modern World

This article examines the study of such a phenomenon as slavery and its components that exist in the modern world. And also the author of ways to prevent slavery. Very conducive to international legal acts, on which the author focuses his attention.

Keywords: slavery, slave trade, kidnapping, human trafficking, classic slavery, patriarchal slavery, slavery prevention.

Рабство как социальный институт исчез более двухсот лет назад, но современные реалии возродили этот вид деятельности, как преступный способ извлечения доходов. На сегодняшний день в современном мире встречается такая проблема как не соблюдение прав человека и не исключаются те моменты, что эти не соблюдения могут проявляться в таких явлениях как рабство, работорговля и похищение людей.

Несмотря на демократизацию развитых и развивающихся стран в современном мире существует и проявляется такой феномен как рабство. А. И. Кравченко дает следующие определения понятию «рабство».

«Рабство – это экономическая, социальная и юридическая форма закрепощения людей, граничащая с полным бесправием и крайней степенью неравенства» [3].

«Рабство – единственная в истории форма отношений, когда один человек выступает собственностью другого и когда низший слой лишен всяких прав и свобод. Такого нет в кастах и сословиях, не говоря уже о классах» [3].

Исходя из данных определений люди, попавшие в рабство, полностью лишаются своих прав и принадлежат другим людям, своим «хозяевам». В современном мире, рабство – это самое грубое нарушение прав и свобод человека.

Но какие аспекты все-таки входят в рабство?

Рабство подразделяется на работорговлю и похищение людей. Работорговля – это продажа и покупка людей в рабство. Также это явление получило название как «трансатлантическая работорговля», так как это явление является самой грубой формой нарушения прав человека. С помощью «трансатлантической торговли» темнокожих людей отправляли на рабский труд, но этот институт перестал существовать в начале XIX в. [6]. Но, несмотря на это, мы можем заметить, что в современном мире встречается работорговля, ведь этот феномен является экономически выгодным для людей, которые занимаются этим. Следующая составляющая – это «похищение людей». С помощью похищения людей, лица, которые занимаются этим, также ищут экономическую выгоду, ведь рабам не оплачивают их труд, что в свою очередь очень выгодно для «хозяина». Люди, которые подвергаются похищению не всегда могут вырваться и вынуждены быть заложниками. В современном мире, также как и работорговля, этот феномен не редкость. Поэтому необходимо, чтобы современное общество обращало на это свое внимание.

Развитые и развивающиеся страны мира разрабатывают принципы, которые препятствуют рабству, работорговле и похищению лю-

дей. Так, например, в 1956 г. на Женевской конференции представители 43 государств приняли Дополнительную конвенцию об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством. Данный международно-правовой акт был направлен на усиление национальных усилий на борьбу к упразднению рабства, работорговли и всех институтов, которые хоть как-то связаны с рабством. В данной Конвенции особое внимание уделяется ст. 1, в которой распланы некоторые формы рабства, а именно:

- 1) долговая кабала;
- 2) крепостное состояние;
- 3) домашнее рабство;
- 4) продажа детей [4].

В соответствии с нормами Конвенции 1956 г. лица, которые обращают других лиц в рабов, занимаются их перевозкой, калечением, клеймением, чтобы обратить их в рабство, а также, склоняют других людей к отдаче себя в рабство, привлекаются к наказанию. Но стоит отметить, что Конвенция 1956 г. не требует упразднения рабства в короткие сроки.

В этой Конвенции рассматривают некоторые формы рабства. Но все-таки, какие формы являются наиболее современными, а какие наиболее традиционными для современного мира?

Наиболее современными формами рабства являются:

Долговая кабала – это наиболее распространенная форма закрепощения человека в рабство. Эта форма выражается в удерживание человека в качестве залога за предоставленный займ. Так как труд работников стоит очень дешево или вообще не оплачивается, то для работника возвращение займа является непосильной задачей. В результате чего такой долг может наследоваться поколениями.

Крепостное состояние – это форма рабского труда, при которой в силу закона, обычаев, соглашения, человек обязан работать на земле, которая принадлежит другому человеку. Также эта форма труда не имеет отношения к обмену труда на доступ к земле, а только не предоставляется возможным для работника изменить свой статус.

Принудительный труд – это форма рабства проявляется в принуждении, насилии, угрозах, для того чтобы принудить людей к рабскому труду.

Детское рабство – принудительная эксплуатация детей ради чужой выгоды.

Торговля людьми – самая распространенная и экономически прибыльная форма порабощения людей в рабство. Принуждение людей к рабству осуществляется через насилие, обман, угрозы.

Сексуальное рабство – эта форма выражается в абсолютном подчинении одного человека другому и не всегда может быть связано с финансовым вознаграждением.

Принудительные браки и продажа жен – это недавно возникшая форма сексуальной эксплуатации, которая позволяет продавать жен, если ее супруг умер, а также насильно выдавать девушек и женщин замуж [7].

Именно эти формы рабства являются самыми распространенными в современном мире, так как они приносят экономическую, физическую и др. выгоду для людей. Но также не стоит забывать про то, что современные формы рабства очень разнообразны и изменчивы. Нашему вниманию могут быть представлены еще несколько форм: рабство по контракту, физическое, военное, призывное, пенитенциарное и религиозное рабство [5].

Более традиционными формами рабства являются:

Классическое рабство – историческая форма рабства, при которой раб является собственностью своего хозяина, наряду с предметами или орудиями труда. Раб являлся вещью, которую можно было продать или купить, хозяин мог распоряжаться его жизнью по своему усмотрению.

Патриархальное рабство – начальная форма рабства, которая связана с натуральным хозяйством в патриархальной семье. Эта форма рабства была актуальна во время ведения войн, когда происходил захват в плен военных.

После рассмотрения современных и традиционных форм рабства можно прийти к небольшому заключению. Сейчас человечество не может быть точно уверено в том, что все эти формы рабства являются постоянными или развитыми в современном мире. Каждая из этих форм может развиваться или переходить в новые виды и формы закрепощения людей. Также необходимо рассмотреть какие попытки профилактики и упразднения рабства предпринимаются современными странами мира, чтобы на их основе и на основе собственного исследования сделать вывод о том, какие способы профилактики помогут упразднить такое явление как рабство.

Первой попыткой к упразднению рабства в XXI в. были:

Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (2000 г.);

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами детьми, и наказаний за нее, дополняющий Кон-

венцию ООН против трансатлантической организованной преступности (2000 г.) [1; 2].

С помощью этих протоколов страны современного мира начали создавать законы, которые пресекали эти правонарушения. Так, например, Российская Федерация, выполняя свои международные обязательства, и учитывая общественную опасность в сфере торговли людьми, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. дополнила свой Уголовный кодекс статьями 127.1 – «Торговля людьми» и 127.2 – «Использование рабского труда», что, соответственно, рассматривает эти деяния в качестве преступлений [8].

Следующим шагом становится проведение многочисленных конвенций, соглашений и деклараций по правам человека. Это приводит к тому, что страны стараются улучшить и предпринять действия, которые бы защитили человека, независимо в какую ситуацию он бы попал.

Важно понимать, что действия развитых и развивающихся стран очень важны для современного мира, потому что об этом знают и предпринимают попытки к упразднению рабства. Но только ли законы могут помешать такому явлению как рабство? Только ли законы могут спасти жизнь человеку?

На основе собственного социологического исследования участниками был пройден опрос, на основе которого можно сделать выводы о том, какие представления о рабстве существуют у современного человека. В опросе приняли участие 72 человека, среди них 81,9 % – женщины (58 человек) и 19,4 % – мужчины (14 человек). Опрос проводился путем анкетирования в социальных сетях. Согласно полученным данным, равная доля участников, а именно 52,1 %, считают, что рабство – это экономическая, социальная и юридическая форма закрепощения людей, граничащая с полным бесправием и крайней степенью неравенства и это система общественных взаимоотношений, при которой допускается нахождение человека (раба) в собственности у другого человека (господина, рабовладельца, хозяина) или государства. При этом 16,9 % людей, отмечают, что рабство – это состояние, положение раба, который полностью подчиняется чужой воле; 15,5 % утверждают, что рабство – переменная или полная зависимость от чего-либо или кого-либо; 5,6 % говорят о том, что рабство – политический общественный строй, основанный на рабовладении; 1,4 %, что рабство – это система социально-экономических отношений, основанных на нахождении человека (раба) в собственности у другого человека (рабовладельца). Большинство опрошенных (88,9 %) считают, что рабство существует в современном мире, 11,1 % – рабства не суще-

ствуется, поскольку мы находимся в современном обществе. Большая часть респондентов (78,9 %) утверждают, что рабство выражается через лишение прав и свобод человека, который находится в полной зависимости у другого человека; 40,8 % считают, что человек обречен работать на своего «хозяина» за низкую заработную плату или же без нее; 35,2 % думают, что человек работает по физическому принуждению, а остальные же (31 %) предполагают, что человек постоянно подвергается психическому воздействию и живет в условиях непригодных для жизни. Если говорить о формах, которые существуют в современном мире, то большее предпочтение респонденты отдают таким формам как: сексуальное рабство (63,9 %), принудительные браки и продажа жен (62,5 %), принудительный труд (61,1 %), торговля людьми (59,7 %), детское рабство (51,4 %), долговая кабала (27,8 %). Отвечая на вопрос о попадании человека в рабство, участники опроса разделяются на три позиции: одни считают, что абсолютно все слои населения могут попасть в рабство (54,2 %); вторые (25 %) – в рабство попадают только низшие слои населения; третьи (23,6 %) – в рабство могут попасть только те люди, которые не имеют гражданства или являются беженцами.

Участники, проходившие опрос, дают следующие указания человеку, который попал в рабство:

1. Сообщить об этом другим людям, если предоставляется такая возможность
 2. Попытаться обратиться за помощью и не опускать руки
 3. Подавать различные знаки внимания другим людям, чтобы узнали о его положении и смогли помочь
 4. Попытаться сбежать и сразу же обратиться в органы или в специальные центры помощи, которые занимаются этими правонарушениями
 5. Вести себя сдержанно и выполнять работу, так как этого зависит его жизнь
 6. Поменять мышление: работать над собой на духовном уровне
- По мнению опрошенных, именно вышеуказанные действия помогут сбежать или, по крайней мере, сохранить себе жизнь.

Для того чтобы люди не попадали в рабство, современный мир может предпринять следующие действия (согласно взглядам респондентов):

1. Лучше организовывать работу правоохранительных органов.
2. Привлекать внимание общественности на данную проблему.

3. Усилить меры наказания людей, которые занимаются работорговлей или рабовладением.

4. Создавать законы, которые будут запрещать любую форму рабства в каждой стране, проводить тщательные проверки.

5. Создавать специальную технику, которая будет заменять рабов.

6. Уделять больше внимания людям, которые находятся в рабстве.

7. Борьбаться с рабством на политическом, экономическом и культурном уровнях.

8. Усовершенствовать систему безопасности

9. Создавать социальные проекты, которые будут постоянно информировать людей.

10. Предоставлять людям нормальные условия для жизни.

11. Усилить контроль над организациями/людьми, которые были замешаны в этом правонарушении.

12. Искоренить социальное расслоение общества.

13. Предпринимать жестокие меры для людей, которые порабащают других людей в рабство.

14. Уделять внимание людям, которые не имеют гражданства.

Также респонденты предлагают рекомендации по совершенствованию системы мер по профилактике рабства в современном мире:

1. Быть осторожным.

2. Создать особый межправительственный орган надзора за работорговлей.

3. Изменение общественного мышления.

4. Освещать этот вопрос по всему миру, проводить всевозможные социальные проекты и др.

5. Заботиться и защищать людей, которые проживают и находятся в разных условиях жизни.

Исходя из этого исследования, можно прийти к тому, что рабство – это очень большая проблема современности, которая требует своего решения. С помощью исследования, автор предлагает способы профилактики рабства в современном мире. Очень важно, чтобы современное общество не игнорировало это явление, иначе абсолютно каждый будет попадать в ту или иную форму рабства, что вернет человечество на очень большие шаги назад. В таком случае никакие законы, соглашения или конвенции не помогут людям выбраться из этого состояния. Лучше попытаться преодолеть проблему на более раннем этапе, чем запустить ее до того момента, когда сделать уже ничего не получится.

Из этого мы можем сделать вывод о том, что в современном обществе и в мире в целом постоянно появляются, и будут появляться, новые формы рабства пока само общество не будет бороться с этим явлением, не будет предпринимать действия и решения, которое могли бы упразднить этот феномен. Если смотреть на традиционные и несовременные формы рабства, то можно сразу сделать вывод о том, что эти формы полностью исчезли или переродились в новые. Но стоит заметить, что в современном мире развивается патриархальное рабство. Оно проявляется не совсем в традиционном формате, оно также связано с военными, только их похищают и вывозят для собственных целей или убеждений. А так как похищение людей является составляющей рабства, то мы можем говорить о том, что патриархальное рабство развивается, и по сей день. И стоит отметить, что рабство – очень важная проблема современности, которая не исчезнет сама собой.

Список литературы

1. Генеральная Ассамблея. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 24.10.2020).
2. Генеральная Ассамблея. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml (дата обращения: 24.10.2020).
3. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. М. : Проспект, 2008. 233 с.
4. Конвенция. Об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/supplementconvention_slavery.shtml (дата обращения: 24.10.2020).
5. Линькова О. М. Социология и жизнь // Сущность современного рабства. 2010. № 2. С. 65–66.
6. Пашкова Е. П. Рабство и работорговля людьми в современном международном уголовном праве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabstvo-i-rabotorgovlya-lyudmi-v-sovremennom-mezhdunarodnom-ugolovnom-prave/viewer> (дата обращения: 26.10.2020).
7. Современные формы рабства. URL: https://www.un.org/ru/rights/slavery/trust_fund/slavery_forms.shtml (дата обращения: 24.10.2020).
8. Федер. закон «Об использовании рабского труда».

УДК 34.05
ББК 67.0

Чигринский Н. С., *Иркутск*

Правовая истина в романо-германской и социалистической правовой семьях

Поднимается вопрос поиска правовой истины в двух правовых системах – романо-германской и социалистической. В поисках критериев правовой истины проводится сравнительное исследование данных систем в контексте заданного вопроса.

Ключевые слова: правовая семья, система, правовая истина.

Chygrinsky N.S., *Irkutsk*

Legal Truth in the Romano-Germanic and Socialist Legal Families

The article deals with the search for legal truth in two legal systems – Romano-Germanic and socialist. In search of the criteria of legal truth, a comparative study of this system is carried out in the context of the question asked.

Keywords: legal family, system, legal truth.

Когда ставится вопрос поиска правовой истины в определенной правовой системе – целесообразным представляется воспользоваться сравнительно-аналитическим методом, который можно реализовать следующим способом: взять за основу конкретные критерии и, руководствуясь ими, изучить одну правовую систему, затем другую – и одновременно отмечать сходства, различия и точки пересечения этих систем. Руководствуясь данным методом, мы считаем необходимым изучить следующие правовые семьи: романо-германскую и социалистическую.

Прежде всего необходимо определиться с термином «истина». Отталкиваясь от того, что «истина» это нечто, связанное с «правдой, объективной реальностью», стоит взять за основу определение И. Т. Касавина: истина – это одна из базисных категорий философии, науки, культуры, религии и обыденного сознания, обозначающая соответствие человеческих знаний объективной действительности и подразумевающая идеал знания и способ его достижения. [1] И в этой связи можно предположить, что истина в праве – это соответствие правовых теоретических познаний событиям объективной реальности. Однако в контексте анализа выбранных нами правовых систем предполагается разумным рассматривать только один элемент их структуры – такой, который имеет непосредственное отношение к объективной действительности благодаря своему сущностному назначению. Думается, что таким элементом является правовой источник – т. е. форма внешнего выражения законодательных норм, поэтому в вопросе поиска и конкретизации правовой истины в определенной правовой семье мы, вероятнее всего будем опираться на особенности формирования их источников права.

Первоначально разберем сущность романо-германской правовой семьи в вопросе правовых источников. Известно, что данная система определяет несколько видов источников права, и в классическом понимании перечисляются следующие: конституционные законы; кодифицированные нормативно-правовые акты; обычные законы и правовой обычай. Спорным является правовой прецедент – с точки зрения признания его как полноправного источника права в романо-германской правовой семье [2]. Однако на сегодняшний день можно утверждать, что в современных странах романо-германской правовой семьи правовой прецедент если и не является признанным источником права, то оказывается значительное влияние на развитие системы законодательства таких стран, правотворческую деятельность и деятельность по толкованию норм права. Тем не менее, в таких случаях принято говорить уже о смешанных правовых системах, вопрос о которых выходит за рамки рассматриваемой нами темы.

Итак, что мы можем определить, что источник права в романо-германской правовой семье представляет собой прежде всего закон – нормативный акт, как результат правотворческого созидательного процесса, направленного исключительно на создание документа, содержащего исключительно нормативно закрепленные абсолютные правила поведения в абстрактных правоотношениях. И, как уже было упомянуто ранее, коль скоро мы связываем правовую истину определенной правовой семьи именно с ее источниками права, то в романо-германской системе права закон (или нормативный правовой акт) – это важный элемент правовой истины данной системы права.

Теперь разберем основные черты социалистической правовой семьи. Примечательно, что известный французский правовед Р. Давид ставил социалистическую правовую систему в один ряд с англосаксонской и романо-германской – хотя многие авторы с такой точкой зрения не согласны. [3] Тем не менее важно понимать, что социалистическая правовая система, возникшая в XX в. (прежде всего – в СССР и других странах социалистического лагеря опиралась при создании своего базиса прежде всего на романо-германскую правовую систему, а именно – в терминологическом аппарате и внешней структуре. Общность рассматриваемых систем совпала и в институте источников права – как и в континентальной, в социалистической системе главная роль источников права принадлежит нормативным правовым актам (при этом – основным формам выражения системы закона). Регламентировались также общепризнанные принципы и признавались международные договоры. Однако существенным отличием

здесь было то, что все нормативные акты создавались под существенным влиянием идеологии государства, как «следствие реализации коммунистической доктрины». Судебная практика также не оказывала существенного влияния на закон – в отличие от партийных программ и решений.

В процессе изучения социалистической правовой семьи мы затрагиваем вопрос сравнения рассматриваемых нами правовых систем в части источников права. Как мы уже отметили, основным отличием социалистической правовой семьи от романо-германской было неукоснительное следование социалистической идеологии соответствующими странами, которые в букве закона полностью поддерживали идеологические решения правительственных органов. Основы построения нормативных источников романо-германской правовой системы подобных положений не предусматривают. Поэтому стоит предположить, что значительная суть правовой истины романо-германской правовой системы находится в источниках ее права; а так как социалистическая система, как мы упомянули, создавалась на базе романо-германской правовой системы – то и в этой правовой семье вся суть правовой истины лежит в ее источниках права, но с единственной поправкой – все элементы этой истины проходят через «фильтр» идеологии и решений руководящих органов страны.

Подводя итог можно сказать, что критерий «объективности» истины позволяет говорить о ней как о сложном, многогранном явлении, требующих определенных усилий, навыков и знаний при подходе к ней – поэтому изучение источников права в конкретных правовых системах является важным шагом при постижении конкретной правовой истины.

Список литературы

1. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1999. 400 с.
2. Емельянов Б. М., Сильчева А. А. Сравнительный анализ правовых систем (семей) современности: англосаксонская, романо-германская (континентальная), мусульманская правовые семьи // Вызовы глобального мира / Вестник ИМТП. 2014. № 4. С. 5
3. Касавин И. Т. Истина: вечная тема и современные вызовы // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 20, № 2.

Истинные смыслы профессионализма профессионала и специалиста

УДК 159.99
ББК 65.29

Терехова Т. А., Трофимова Е. Л., *Иркутск*

Личностная готовность предпринимателей малого бизнеса к переменам в условиях пандемии¹

Исследование носит практико-ориентированный характер и направлено на понимание особенностей противостояния переменам предпринимателей малого бизнеса в ситуации неопределенности, возникшей в связи с пандемией коронавируса. Установлено, что по результатам исследования 2019 г. низкий уровень готовности к переменам наблюдался у 27 %, оптимальный – у 50 %, высокий у 23 % предпринимателей. Отмечено, что после введения ограничительных мер со стороны государства, связанных с пандемией, увеличился процент предпринимателей с низким уровнем готовности к переменам до 73, уменьшился до 23 % оптимальный уровень, высокого уровня не стало. Обнаружены значимые различия до и в период пандемии по таким качествам, как находчивость, оптимизм, адаптивность, уверенность и показывают низкий уровень готовности к переменам.

Ключевые слова: личностная готовность к переменам, предприниматели, пандемия.

Terekhova T. A., Trofimova E. L., *Irkutsk*

Personal Readiness of Small Business Entrepreneurs to Change in the Context of the Pandemic

This work is practice-oriented and is aimed at understanding the features of small business entrepreneurs' resistance to changes in the situation of uncertainty arising in connection with the coronavirus pandemic. It was found that according to the results of the 2019 study, 27 % had a low level of readiness for change, 50 % had an optimal level, and 23 % of entrepreneurs had a high level. After the introduction of restrictive measures by the state related to the pandemic, the percentage of entrepreneurs with a low level of readiness for change increased to 73 %, the optimal level decreased to 23 %, and the high level did not become. Significant differences were found before and during the pandemic in such qualities as resourcefulness, optimism, adaptability, confidence and show a low level of readiness for change.

Keywords: personal readiness for change, the entrepreneurs, the pandemic.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант «Этнопсихологические характеристики экономического самоопределения российских и китайских предпринимателей в сфере малого бизнеса» проект № 19-013-00430 А.

Исследование малого предпринимательства является актуальной задачей экономической психологии, как с теоретической, так и с практической точки зрения [1–4]. Готовность к переменам – это предрасположенность личности к изменениям и инновациям. В исследованиях А. Д. Карнышева, Т. А. Тереховой, А. О. Шишкиной [5–6] было показано, что склонность к инновациям может быть связана с личностными качествами. Это предположение и выступило в качестве теоретической предпосылки нашего исследования. Особенно актуальна личностная готовность к переменам в настоящее время, когда происходит быстрая и, часто, радикальная трансформация моделей экономического поведения предпринимателей в условиях ограничительных мер со стороны государства, связанные с пандемией.

В 2019 г. нами было проведено эмпирическое исследование личностной готовности предпринимателей малого бизнеса к переменам. Были опрошены 30 предпринимателей малого бизнеса (первая группа). В настоящее время мы в режиме онлайн провели аналогичное исследование. В исследовании участвовало 30 предпринимателей (вторая группа). Обе группы предпринимателей относятся к малому бизнесу, имеют микропредприятия со средней численностью работников до пятнадцати человек включительно, основным видом реализуемой экономической деятельности являются торговля и услуги населению, т. е. те, кто сейчас оказались в наиболее сложном экономическом положении. Нами была использована методика «Личностная готовность к переменам» Ролника, Хезера, Голда и Хала в адаптации Н. Бажановой и Г. Л. Бардиер. Методика включает семь шкал, измеряющих личностную готовность к переменам: «страстность», «находчивость», «оптимизм», «смелость», «адаптивность», «уверенность», «толерантность к двусмысленности».

Сравнительный анализ, выполненный с помощью критерия Стьюдента, показал значимые различия по четырем шкалам: «находчивость», «оптимизм», «адаптивность» и «уверенность».

По **шкале «находчивость»** у 10 (33 %) предпринимателей первой группы и у 4 (13 %) респондентов второй группы диагностирован низкий уровень находчивости, они не так быстро ориентируются в различных ситуациях, не видят всех возможностей, шаблонность, скорость принятия решений гораздо ниже их более находчивых коллег. У 12 (40 %) предпринимателей первой группы и у 18 (60 %) – второй группы диагностирован оптимальный уровень находчивости. Эти люди имеют быструю реакцию, хорошие результаты в делах, умеют понять расстановку сил и использовать благоприятное стечение обстоя-

тельств. У 8 (27 %) предпринимателей первой группы и 8 (27 %) предпринимателей второй группы диагностирован высокий уровень находчивости. Такие люди привыкли к неожиданностям, однако благодаря своей находчивости они всегда находят лазейки, всегда умеют выпутаться из проблемных ситуаций и выйти из них победителем, изобретательны, хитроумны, минусом же может являться излишняя изворотливость и оборотливость.

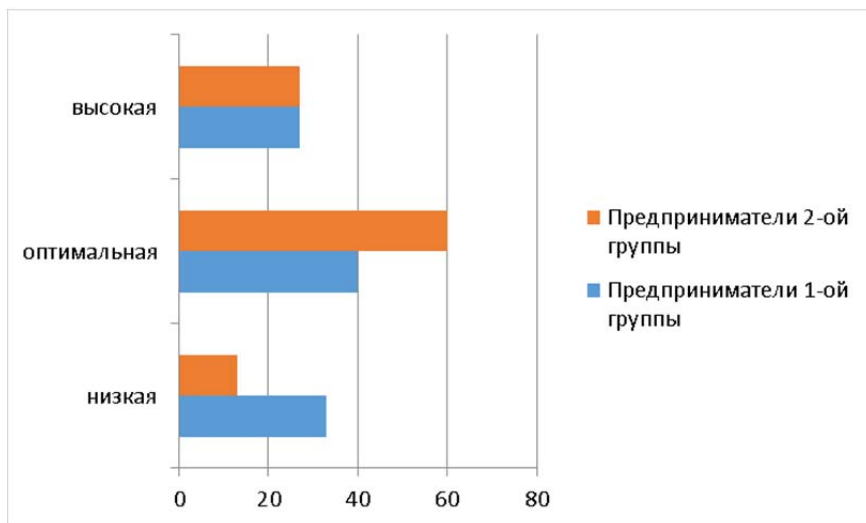

Рис.1. Распределение предпринимателей по шкале «находчивость» (%)

Различия на уровне тенденций наблюдаются только в оптимальной области значений находчивости ($M_1 = 22,4$; $M_2 = 24,8$; $p = 0,052$).

Шкала «оптимизм» проявилась на низком уровне у 7 (23 %) предпринимателей первой группы и у 18 (60 %) – второй группы. Это связано с тем, что неудачи вполне закономерны, тогда как чтобы достичь успеха стоит постараться, предпочитают перестраховаться и быть готовым к неудачам, мир для них не такое уж доброе и радостное место. У 16 (54 %) предпринимателей первой группы и у 12 (40 %) предпринимателей второй группы диагностирован оптимальный уровень оптимизма. В этой группе склонны к рационализму и оптимизму, успех для них закономерен, нужно лишь правильно приложить усилия. У 7 (23 %) предпринимателей первой группы диагностирован высокий уровень оптимизма, тогда как у респондентов второй группы этот уровень отсутствует. Эти люди считают, что живут в «лучшем из

всех возможных миров», из любой ситуации есть выход, все получится хорошо, все люди, в общем, хорошие. Как минус не всегда адекватно оценивают сложившуюся ситуацию.

Значимые различия имеют место на низком уровне ($M1 = 23,47$; $M2 = 19,97$; $p = 0,009$); на оптимальном уровне ($M1 = 18,3$; $M2 = 22,2$; $p = 0,012$).

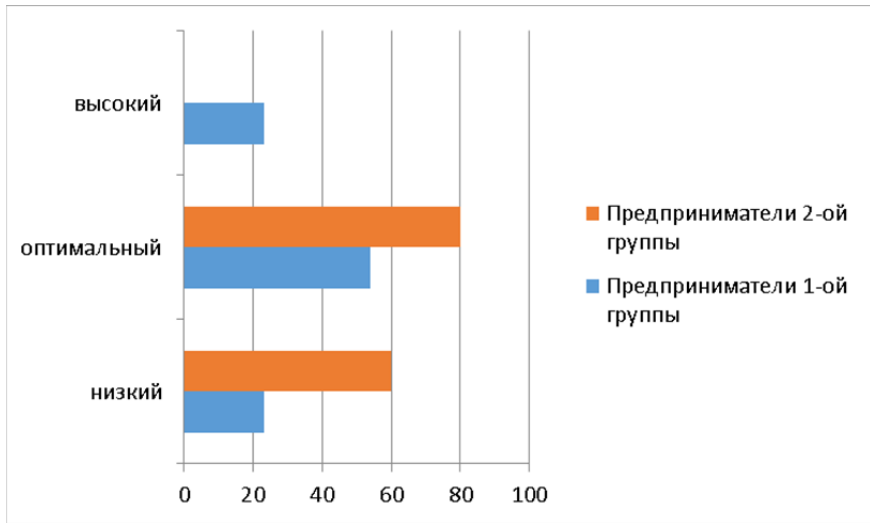

Рис. 2. Распределение предпринимателей по шкале «оптимизм» (%)

Отсутствие среди респондентов второй группы людей с высоким уровнем оптимизма может говорить как о меньшей уверенности в себе, небольшом опыте деятельности в кризисных обстоятельствах, так и о преобладании пессимистических настроений непосредственно в связи со сложившимися условиями ограничения ведения бизнеса в результате пандемии.

Шкала «адаптивность». У 11 (37%) предпринимателей первой группы и у 25 (83%) предпринимателей второй группы диагностирован низкий уровень адаптивности. Непредсказуемость перемен способна выбить их из колеи, все это может снизить работоспособность и не дать проявить себя, они гораздо медленнее приспособляются к изменениям. У 11 (37%) предпринимателей первой группы и у 5 (17%) предпринимателей второй группы диагностирован оптимальный уровень адаптивности. Они с легкостью остаются целостной личностью и избегают деструктивности под влиянием перемен, способны

оставаться самим собой, меняя лишь свое поведение в зависимости от ситуации. У 8 (26 %) предпринимателей первой группы диагностирован высокий уровень адаптивности. Эти предприниматели способны быстрее выработать стратегию своего поведения, а также социализации, легко могут изменить свои умения и навыки соответственно среде, в которой находятся. Минусом этих людей может быть приспособленчество и постепенная потеря собственного Я.

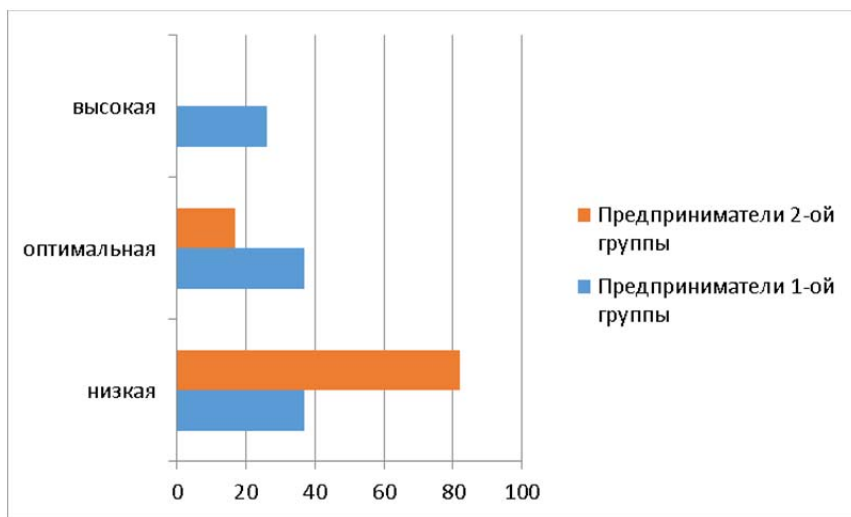

Рис. 3. Распределение предпринимателей по шкале «адаптивность» (%)

Как и по шкале «оптимизм», адаптивность имеет значимые различия у предпринимателей на оптимальном ($M1 = 23,4$; $M2 = 18,4$; $p = 0,017$) и низком ($M1 = 16,7$; $M2 = 18,9$; $p = 0,007$) уровнях адаптивности. Высокий уровень адаптивности у предпринимателей второй группы в условиях пандемии отсутствует.

Шкала «уверенность». У 7 (23 %) предпринимателей первой группы и у 14 (47 %) предпринимателей второй группы диагностирован низкий уровень уверенности. В этой категории вполне могут иметь место комплексы, внутренние «зажимы» и заниженная самооценка, некоторая нерешительность в действиях. У 12 (40 %) предпринимателей первой группы и у 11 (37 %) –второй группы диагностирована оптимальная уверенность. Испытуемые обладают позитивной оценкой собственных навыков и способностей как достаточных для достижения значимых для них целей и удовлетворения их потребностей, спокойны, осознают собственной силы, и собственные воз-

возможности. У 11 (37 %) предпринимателей первой группы и у 5 (16 %) предпринимателей второй группы диагностирован высокий уровень уверенности. Эти люди обладают оптимистичным способом взаимодействия с окружающими, ожиданием от людей, событий и жизни только позитивного. Высокий уровень может привести к гордыне, излишней, зачастую необоснованной, уверенности в себе и своих силах.

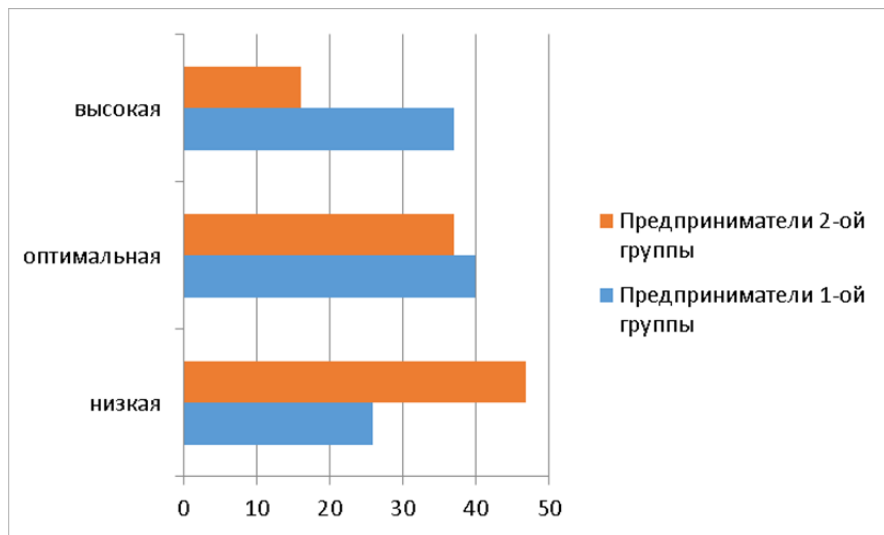

Рис. 4. Распределение предпринимателей по шкале «уверенность» (%)

Значимые различия у предпринимателей первой и второй групп наблюдаются по низкому ($M1 = 16,8$; $M2 = 12,3$; $p = 0,008$) и высокому ($M1 = 25,07$; $M2 = 21,07$; $p = 0,005$) уровням уверенности. В условиях пандемии показатели у предпринимателей второй группы могут повыситься, когда те возьмутся за дело, достигнут своих первых успехов, уверятся в собственных силах, повысят самооценку и избавятся от всякого рода «зажимов».

Таким образом, нами выявлено 8 (27 %) предпринимателей первой группы и 22 (73 %) предпринимателей второй группы с низкой готовностью к переменам. Человек, медленно приспосабливающийся к переменам, происходящим вокруг него, обычно отличается нетерпимостью к состоянию неопределенности и воспринимает жизнь в черно-белом цвете. Такой человек воспринимает реорганизацию или внедрение новой технологии не как непрерывный процесс, требующий постоянного внимания – он рассматривает перемену как нечто

имеющее начало и конец: «Реорганизация завершена, так как руководящие работники пришли к соглашению»; «Новое оборудование было доставлено вчера; мы готовы на нем работать». У 15 (50 %) предпринимателей первой группы и у 8 (27 %) предпринимателей второй группы диагностирован оптимальный уровень готовности к переменам. Это те, кто относится к переменам как к непрерывному процессу, сталкиваются с минимумом проблем при их восприятии. У 7 (23 %) предпринимателей первой группы диагностирована высокая готовность к переменам. Эти люди руководствуются принципом «движение – это жизнь», постоянно стремятся к переменам и меняются сами, могут быть как двигателями прогресса, так и регресса, так как мы знаем, что не все перемены могут быть к лучшему, главное, чтобы такой человек не потерял себя в чередѣ изменений (рис. 5) [5].

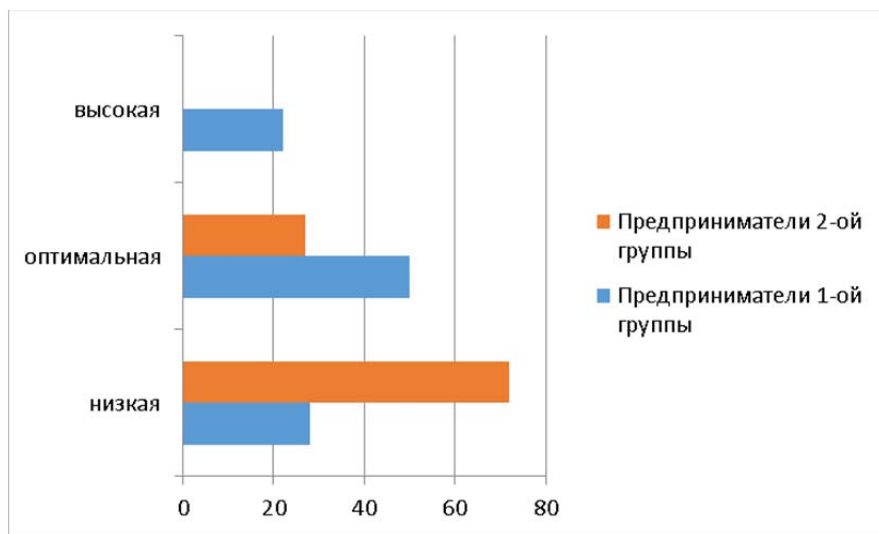

Рис. 5. Распределение предпринимателей по готовности к переменам

Выводы

И в заключение мы можем сказать, что предприниматели первой группы имеют оптимальные показатели по всем шкалам, и, следовательно, оптимальную готовность к переменам, относятся к переменам как к понятному процессу, разделенному на фазы, результаты которых можно предвидеть и ими управлять. Они рассматривают перемены как цепь событий и более спокойно воспринимают их неопределенность,

планируют движение от изначального состояния через переходную фазу в желаемое состояние и активно руководят этим движением.

Чего не скажешь о предпринимателях второй группы. Относительно более высокие значения и отсутствие значимых различий с первой группой респондентов были обнаружены по шкалам «находчивость», «оптимизм», «адаптивность», «уверенность» и в целом они показывают низкую готовность к переменам.

Различия эти вполне предсказуемы и объяснимы сложившейся ситуацией неопределенности, ограничительными мерами со стороны государства в условиях пандемии.

Список литературы

1. Галажинский Э. В. Детерминация и направленность самореализации личности. Томск : Изд-во ТГУ, 2002. 182 с.
2. Журавлев А. Л., Позняков В. П. Социальная психология российского предпринимательства: Концепция психологических отношений. М. : Изд-во Институт психологии РАН, 2012.
3. Карнышев А. Д., Иванова Е. А., Карнышева О. А. Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества: этнопсихологические аспекты М. : Ин-т психологии РАН, 2017. 480 с.
4. Карпов А. В. Психология сознания: Метасистемный подход. М. : РАО, 2011а. 1088 с.
5. Позняков В. П. Исследование взаимоотношений между предпринимателями и государственными структурами и подготовка предложений по их оптимизации // Рабочие тетради по предпринимательству и маркетингу. М. : Институт системных исследований проблем предпринимательства и маркетинга. 1992. № 2(4). С. 58–66.
6. Позняков В. П. Программы и методики социально-психологического исследования российских предпринимателей. М. : Изд-во МосГУ, 2010. 156 с.
7. Терехова Т. А. Концепция структуры инновационной активности личности // Психология в экономике и управлении. 2015. Т. 7. № 1. С. 5–15. doi: 10.17150/2225-7845.2015.7(1).5-15.
8. Шишкина А. О. Исследование инновационной активности личности с помощью метода субъективной семантики // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 27. С. 101–115.
9. Mueller J. S., Melwani S. & Goncalo J. A. (2011). The bias against creativity: Why people desire but reject creative ideas. Cornell University Articles & Chapters, Paper 450. European Journal of Business and Management www.iiste.org ISSN 2222-1905 (Paper) ISSN 2222-2839 (Online) Vol. 7, N 35, 2015
10. Yuan F., Woodman R. W. Innovative behavior in the workplace: the role of performance and image outcome expectations // Academy of Management Journal. 2010. Vol. 53, N 2. P. 323–342.

УДК 316.354.2
ББК 74.204

Рудакова Н. В., *Иркутск*

Представления руководителей сферы культуры Иркутской области об уровне профессиональной подготовки и необходимых профессиональных компетенциях специалистов отрасли (по результатам социологического исследования)

Представлены результаты эмпирического социологического исследования на тему «Выявление образовательных потребностей и запросов на переподготовку и повышение квалификации в учреждениях культуры Иркутской области». Статья отражает данные, полученные по блоку вопросов, направленного на получение от руководителей сферы культуры информации, относительно профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере культуры и искусства.

Ключевые слова: культура, Иркутская область, директора учреждений культуры, специалисты сферы культуры, профессиональная подготовка, профессиональные компетенции, повышение квалификации, профессиональная переподготовка.

Rudakova N. V., *Irkutsk*

Representations of Managers of the Cultural Sphere of the Irkutsk Region about the Level of Professional Training and the Necessary Professional Competencies of Industry Specialists (Based on the Results of a Sociological Study)

The paper presents the results of an empirical sociological study on the topic “Identification of educational needs and requests for retraining and advanced training in cultural institutions of the Irkutsk region”. This article reflects the data obtained on the block of questions aimed at obtaining information from the heads of the cultural sphere regarding the professional training of specialists working in the field of culture and art.

Keywords: culture, managers of the Irkutsk region culture sphere, specialists of the Irkutsk region culture sphere, professional training, professional competence, professional development, professional retraining.

Стремительные преобразования в экономической, социальной и культурной жизни общества вносят радикальные изменения в содержание социально-культурной деятельности, побуждая руководителей и специалистов, работающих в этой сфере, постоянно обновлять свои профессиональные знания, находить и использовать инновационные методики и формы работы, адекватные новым условиям. Непрерывное образование и переподготовка кадров стали непременным атрибутом и задачей каждого социокультурного учреждения [1]. В данной связи предоставляется важным проведение социологического исследования, направленного на выявление и анализ образовательных потребностей и запросов на переподготовку и повышение квалификации руководителей учреждений культуры Иркутской области. Статья отражает дан-

ные, полученные по блоку вопросов, направленного на получение от руководителей сферы культуры информации, относительно профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере культуры и искусства [2].

Объектом исследования являются директора учреждений культуры Иркутской области, которые выступают, с одной стороны, как профессиональная группа, с другой стороны, как эксперты. Предметом исследования стали образовательные потребности и запросы на переподготовку и повышение квалификации директоров учреждений культуры Иркутской области, а также их представления относительно профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере культуры и искусства.

В качестве целевых групп исследования выступали директора государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области со статусом юридического лица следующих видов: театры и концертные организации, музеи, библиотеки, культурно-досуговые учреждения, учреждения среднего профессионального образования в сфере культуры и искусства, учреждения дополнительного образования детей по видам искусства.

Тип выборки, определенный для данного исследования – сплошная выборка. В ходе работы был использован метод онлайн-опроса, что позволило привлечь к участию директоров сферы культуры со всех муниципальных образований Иркутской области.

В полевом исследовании, прошедшем с 04.10.2019 г. по 27.11.2019 г., приняли участие 602 директора государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области со статусом юридического лица (602 принято за 100 %), что при объеме генеральной совокупности в 672 единицы составило 90,0 % кадрового состава директоров отрасли в области. Доля директоров государственных учреждений культуры составила 77,0 % от общего числа директоров государственных учреждений, доля директоров муниципальных учреждений культуры – 87,0 % от общего числа директоров муниципальных учреждений.

Данные опроса показывают, что руководители учреждений культуры Иркутской области осознают не только необходимость повышения своей квалификации, но и видят необходимость в повышении квалификации работников тех учреждений, в которых они трудятся: так, 75,9 % директоров ответили положительно на вопрос: «Как Вам кажется, для успешной работы Вашего учреждения есть необходимость, чтобы большая часть работников повысила свою квалифика-

цию, или такой необходимости нет?». 13,3 % респондентов не видят взаимосвязи между успешной работой учреждения культуры и необходимостью повышения квалификации специалистами данного учреждения. 10,8 % руководителей затруднились с ответом. Данная пропорция сохраняется и при рассмотрении ответов директоров государственных и муниципальных учреждений по отдельности с небольшим процентным отклонением в ответах не более 1,0 %.

Сравнительный анализ распределения ответов по видам учреждений и взглядам на то, насколько есть необходимость в повышении профессиональных знаний специалистов для успешной работы учреждений, позволяет говорить о том, что независимо от профессиональной принадлежности, большинство руководителей сферы культуры считают, что такая необходимость есть. На общем фоне выделяется группа директоров учреждений культурно-досугового типа и директоров музеев: 80,3 % и 78,8 % руководителей соответственно согласны с тем, что для успешной работы учреждения есть необходимость, чтобы большая часть работников повысила свою квалификацию. Наименьшую необходимость в повышении квалификации работников продемонстрировали директора ДШИ, а также директора театров и концертных организаций (рис. 1).

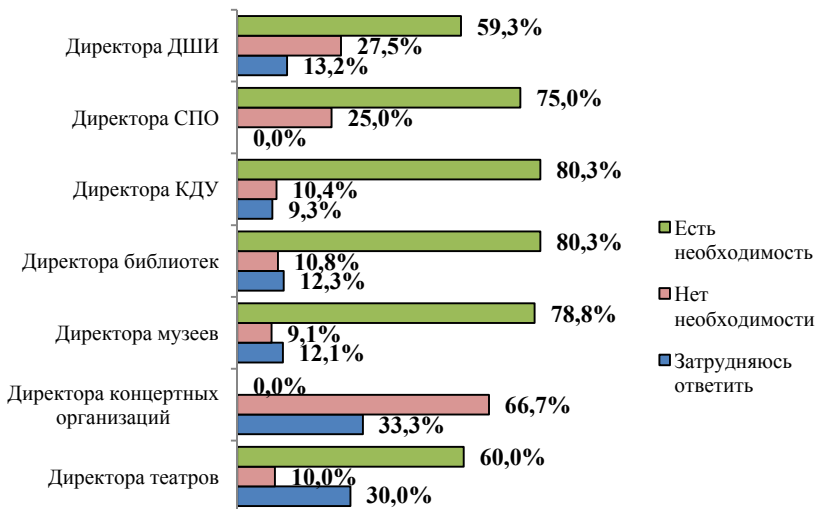

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вам кажется, для успешной работы Вашей организации есть необходимость, чтобы большая часть работников повысила свою квалификацию, или такой необходимости нет?» в зависимости от профессиональной категории респондента, в %

В целом 78,6 % директоров учреждений сферы культуры Иркутской области признают факт наличия в их учреждениях обязанности сотрудников повышать квалификацию. 14,3 % респондентов ответили, что такого требования в их учреждениях нет. Требования к повышению квалификации в большей степени предъявляются к преподавателям – 100 % директоров СПО и 97,8 % директоров ДШИ указали наличие в их организациях требований относительно повышения квалификации. Меньше всего требований к повышению квалификации, судя по данным опроса, предъявляется к работникам концертных организаций и музейным работникам – всего 33,0 % и 69,7 % директоров соответственно заявили о наличии обязанности у сотрудников проходить повышение квалификации.

Большинство директоров учреждений культуры – 65,6 % – оценивают уровень квалификации специалистов своих учреждений как средний. 19,4 % директоров считают уровень квалификации своих сотрудников высоким, 11,3 % директоров – низким. При этом директора государственных учреждений оценивают уровень квалификации специалистов своих учреждений значительно выше, нежели директора муниципальных учреждений. Так, 40,7 % руководителей государственных учреждений отметили уровень квалификации своих специалистов как высокий, доля директоров муниципальных учреждений с таким же мнением относительно квалификации своих сотрудников составила – 18,4 %. И напротив, доля директоров муниципальных учреждений, считающих уровень квалификации специалистов своего учреждения низким, в три раза больше, нежели доля директоров государственных учреждений (11,7 % против 3,7 %) (рис. 2).

Анализ распределения полученных от директоров ответов на представленные высказывания, относящиеся к вопросам профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере культуры и искусства, показал, что

- 74,1 % директоров в целом согласны с тем, что для специалиста, работающего в сфере культуры и искусства необходимо высшее образование;

- 94,7 % директоров в целом считают, что для специалиста сферы культуры необходимо постоянное повышение квалификации;

- 94,2 % руководителей отметили, что в последнее время требования к работе специалиста сферы культуры сильно возросли;

- 93,0 % директоров считают, что специалисты сферы культуры испытывают большую потребность в новых знаниях и умениях;

– 23,4 % руководителей полностью согласны с высказыванием «Уровень профессиональной подготовки специалистов сферы культуры Иркутской области в основном соответствуют современным требованиям», 48,2 % директоров выбрали вариант ответа «Скорее согласен».

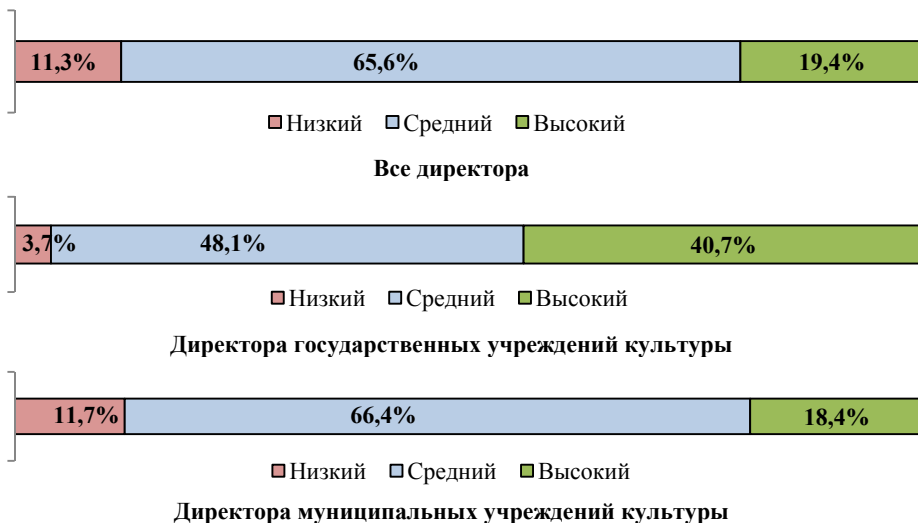

Рис. 2. Как в целом Вы оцениваете уровень квалификации специалистов Вашего учреждения?, в %

Подавляющая часть ответов директоров – 92,7 %, указывает на то, что, учреждения культуры предоставляют сотрудникам возможности для повышения квалификации, в том числе:

1. Предлагаются курсы повышения квалификации – 38,7 %;
2. Предоставляется возможность участвовать в семинарах, конференциях, прослушивать лекции – 32,4 %;
3. Организовываются профессиональные конкурсы и состязания – 8,0 %;
4. Организуется обучение на базе самого учреждения – 7,5 %;
5. Проводятся тренинги, практические занятия, стажировки – 6,0 %.

В целях изучения социального запроса на образовательные услуги системы повышения квалификации в инструментарий опроса для директоров был включен вопрос о темах, которые на их взгляд, являются наиболее актуальными и требующими рассмотрения в ходе повышения квалификации специалистов учреждений культуры разных видов. Анализ тем свидетельствует о востребованности специалистов,

обладающих не только художественно-творческими способностями, но и специалистов, владеющих различными видами культурной, организаторской, проектной, маркетинговой, инновационной, информационной и иной профессиональной деятельности, адекватной запросам времени. Так, например, директорами учреждений культуры в качестве актуальных для изучения специалистами были названы следующие тематики:

- привлечение и работа с посетителем в учреждении культуры;
- формы организации интерактивных мероприятий;
- инновационные формы работы;
- проектная деятельность;
- грантовая деятельность;
- социальное проектирование;
- волонтерское движение в учреждении культуры;
- практический фандрайзинг в учреждении культуры;
- маркетинговые технологии в учреждении культуры;
- работа с социальными сетями;
- дизайн и организация пространства в учреждении культуры;
- цифровые и информационные технологии в работе учреждения культуры;
- компьютерные технологии в работе учреждения культуры;
- создание и администрирование сайта учреждения;
- SMM продвижение;
- работа учреждения культуры в медиа-пространстве;
- работа со СМИ;
- реклама и PR в системе современных маркетинговых коммуникаций;
- стартапы в учреждении культуры;
- развитие платных услуг и др.

По данным ответов директоров общая численность основного персонала учреждений культуры составляет 8714 чел. Число специалистов, прошедших повышение квалификации в 2019 г., насчитывает 2453 чел., или 28,2 % от общего числа работников основного персонала. Распределение числа работников основного персонала и числа специалистов, прошедших обучение, представлено в таблице. Можно говорить о том, что установленный в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. показатель «ежегодного обучения по программам повышения квалификации или переподготовки не менее 25–30 % занятого населения» в целом по сфере культуры выполняется. Однако рассмотрение

данных в разрезе видов учреждений культуры региона свидетельствует о недостаточном уровне вовлеченности в систему дополнительного профессионального образования работников театров, концертных организаций, музеев.

Таблица

Число работников основного персонала и число специалистов учреждений культуры Иркутской области, прошедших повышение квалификации в 2019 г.

Учреждений культуры по видам учреждений	Численность работников основного персонала	Из них прошли повышение квалификации в 2019 г.	Доля специалистов, повысивших квалификацию в 2019 г., в %
Театры	662	31	4,7
Концертные организации	221	4	1,8
Музеи	495	102	20,6
Библиотеки	1 221	475	39,0
КДУ	3 564	899	25,2
СПО	261	97	37,1
ДШИ	2 290	845	38,9
Всего	8 714	2 453	28,2

Ответы на вопрос «Кто оплачивает прохождение работником Вашего учреждения курсы повышения квалификации?», распределились следующим образом: 55,9 % – работник, 22,5 % – работодатель, 16,4 % – учредитель, 5,2 % – затрудняюсь ответить (рис. 3).

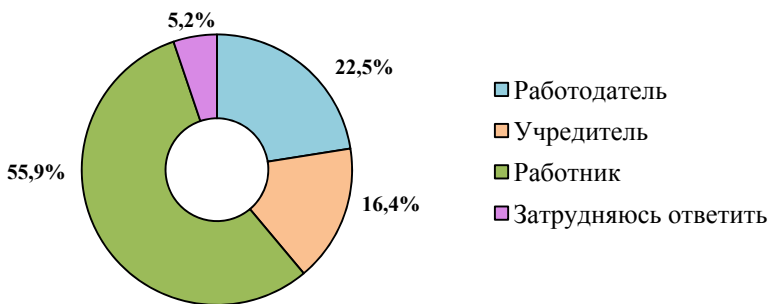

Рис. 3. Кто оплачивает прохождение работником курсы повышения квалификации?, в %

Данный вопрос был рассмотрен во взаимосвязи с формой собственности учреждения, в котором работают директора. Выявлено, что директора областных учреждений культуры, отвечая на вопрос о том, кто оплачивает обучение работника, на первое место поставили вариант ответа «Работодатель» (45,9 %), директора муниципальных учреждений – «Работник» (57,6 %) (рис. 4).

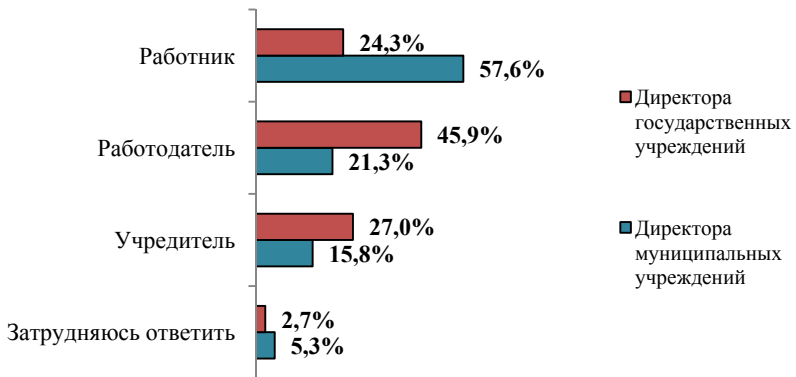

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос Кто оплачивает прохождение работником курсы повышения квалификации?, в зависимости от формы собственности учреждения культуры, в %

Среди главных мер финансовой поддержки, оказываемой учреждением при прохождении работником курсов повышения квалификации, директора государственных учреждений выделили полную оплату обучения (41,2 %), директора муниципальных учреждений – оплату учебного отпуска (28,3 %). На вариант ответа «Финансовая поддержка не оказывается» пришлось 17,6 % и 26,6 % ответов руководителей государственных и муниципальных учреждений соответственно. По варианту ответа «другое» было получено 15 ответов (а именно: «оплачиваются командировочные расходы» – 12; «ставятся баллы по стимулированию работы» – 3 (рис. 5).

Данный блок вопросов показал, что руководители учреждений культуры Иркутской области осознают не только необходимость повышения своей квалификации, но и видят необходимость в повышении квалификации работников тех учреждений, в которых они трудятся. Большинство директоров учреждений культуры оценивают уровень квалификации специалистов своих учреждений как средний. По данным ответов руководителей число специалистов, прошедших повышение квалификации в 2019 г., составило 2453 чел., или 28,2 % от общего числа работников основного персонала. Установленный в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. показатель «ежегодного обучения по программам повышения квалификации или переподготовки не менее 25–30 % занятого населения» в целом по сфере культуры выполняется. Однако рассмотрение данных в разрезе видов учрежде-

ний культуры региона свидетельствует о недостаточном уровне вовлеченности в систему дополнительного профессионального образования работников театров, концертных организаций, музеев.

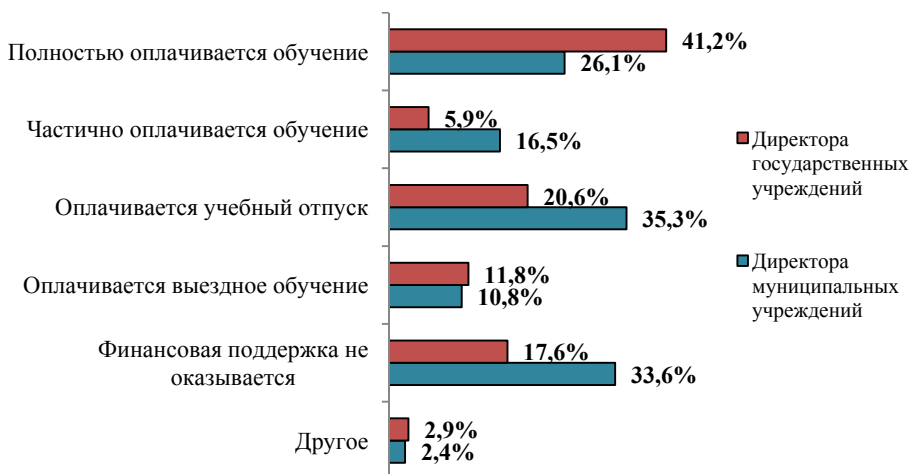

Рис. 5. Какую финансовую поддержку оказывает Ваше учреждение при прохождении работником курсов повышения квалификации? в %

Анализ данных свидетельствует о востребованности специалистов, обладающих не только художественно-творческими способностями, но и различными видами культурной, организаторской, проектной, маркетинговой, инновационной, информационной и иной профессиональной деятельности, адекватной запросам времени.

Список литературы

1. Рудакова Н. В. Анализ образовательных потребностей в повышении квалификации специалистов сферы культуры Иркутской области // Трансформация социального мира в современную эпоху : сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; науч. ред.: Т. И. Грабельных. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 74–79.
2. Рудакова Н. В. Выявление образовательных потребностей и запросов на переподготовку и повышение квалификации в учреждениях культуры Иркутской области: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. Иркутск : ГБУ ДПО ИО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», 2019. 45 с. (на правах рукописи).

УДК 316.334
ББК 66(3.0)

Литвинов Д. В., *Иркутск*

Социальная активность депутатов Молодежной думы города Иркутска

Рассматривается деятельность Молодежной думы города Иркутска второго созыва, анализируются ключевые социальные проекты и перспективные направления ее работы.

Ключевые слова: молодежная дума, социальная активность, включенность в органы власти.

Litvinov D. V., *Irkutsk*

Social Activity of Deputies of the Youth Duma of the City of Irkutsk

The article analyzes the Activities of the youth Duma of the city of Irkutsk of the second convocation. Key social projects and promising areas of work in the future are analyzed.

Keywords: youth Duma, social activity, involvement in government bodies.

Декларационные заявления членов Общественной молодежной палаты при Государственной Думе РФ о том, что «молодежный парламент – это организационная форма, которая основана на историческом опыте работы государства с молодежью» [6], несомненно, требуют своего изучения и более пристального исследовательского интереса. О какой преемственности исторического опыта свидетельствует современная практика молодежного парламентаризма в России?

Процессу формирования политического сознания современной молодежи свойственен колоссальный «разрыв» с предыдущим советским этапом. Механизмы политической социализации молодежи советского периода являются «утерянным звеном» как в современной исследовательской литературе, так и в практике работы с молодежью.

Сегодня появляется ряд публикаций о работе молодежной думы в различных регионах России (А. И. Остриков [3], И. В. Ставецкая [8]) и в целом функционирования ее как социального института (Ю. А. Матюенко [5], О. Б. Фурсов [9]), но в тех и других докладах акцент делается на включенность в общий процесс расширения функций парламентаризма в России и роли в этом процессе молодежи. Основной преградой оценки социальной активности депутатов в Иркутске или адекватной оценкой общественности их деятельности выступают иррациональные страхи, субъективные переживания населения в отношении органов власти в целом и депутатского корпуса в частности, более подробно данные вопросы рассмотрены в работах Р. Г. Ардашева [1–4].

В Иркутской области действуют несколько институтов, направленных на активное вовлечение молодежи в общественную и политическую жизнь нашего города и области. Одним из таких институтов, где активные и неравнодушные молодые люди имеют возможность реализовывать свои проекты и взаимодействовать с властью, является Молодежная дума г. Иркутска.

Молодежная дума – является коллегиальным совещательным консультативным органом при Иркутской городской думе, который создан в целях оказания содействия Иркутской городской думе в разработке решений в сфере молодежной политики. При этом данный орган имеет ряд целей: развитие правовой грамотности молодежи, реализация инициатив молодежи при формировании молодежной политики в г. Иркутске, изучение проблем молодежи и предложение механизмов их решения и т. д.

Молодежная дума была избрана в марте 2018 г., в ее состав вошли 35 депутатов в возрасте от 18 до 35 лет. За этот год проведено пять заседаний и более десяти комиссий, на которых рассмотрены вопросы развития молодежной политики в нашем городе, взаимодействия с различными общественными объединениями, взаимодействия с Городской думой, а также вопросы участия Молодежной думы в реализации различных социально значимых проектов в нашем городе.

Хочу выделить активное участие депутатов Молодежной думы в реализации и запуске в нашем городе федерального образовательного проекта «Школа парламентаризма» в апреле прошлого года.

Данный проект направлен на создание коммуникативной площадки между молодежью и представителями местной и областной властей. Участниками площадки стали депутаты Думы города Иркутска и Законодательного собрания Иркутской области, члены Общественной палаты Иркутской области, представители политических партий в регионе, члены Молодежного правительства региона, депутаты Молодежного парламента при Законодательном собрании, а также представители различных деловых сообществ нашего города.

В Школе парламентаризма также приняли участие студенты вузов. Студентами разработаны и защищены несколько перспективных для нашего города социальных проектов. Более подробно с деятельностью школы можно ознакомиться в группе проекта в социальных сетях.

Депутаты Молодежной думы приняли участие:

– в организации и проведении серии социально-спортивных мероприятий «Зеленый фитнес» в рамках проекта, направленного на популяризацию спорта среди населения города;

- в открытии первого в городе склада студенческой взаимной помощи (гуманитарного склада) по адресу: г. Иркутск, ул. Поленова, 1/1;
- в форуме «Байкал-2020» с защитой проекта детских игровых площадок для детей с ограниченными возможностями;
- в организации и проведении дискуссии «Будущее России – в руках читающей молодежи» с учащимися 11-х классов.

Молодежная дума ведет продуктивное сотрудничество с Благотворительным фондом Алексея Распутина. По поручению фонда депутаты оказывают помощь нуждающимся пенсионерам и готовы помогать им в дальнейшем. Вместе с фондом депутаты Молодежной думы приняли активное участие в благотворительном фестивале на территории арт-завода Доренберг.

На последнем заседании Молодежной думы принято решение о разработке и проведении среди молодежи конкурса, направленного на выявление лучших социальных проектов в сфере развития молодежной политики. Данная инициатива направлена не только на выявление талантливых представителей молодежи г. Иркутска, но и на активное вовлечение молодежи в развитие нашего города. Также мы рассматриваем возможность выплаты денежных премий победителям данного конкурса, и возможность дальнейшей поддержки победителей со стороны Молодежной думы г. Иркутска и со стороны депутатов Думы г. Иркутска в реализации проектов.

На данный момент уже разработана концепция проведения конкурса, разработан проект положения.

Также в работе находится проект «Грамотные родители», направленный на улучшение осведомленности молодых родителей об эпидемиологических рисках и обучение управлять ими, уменьшение количества болеющих детей в детских садах, уменьшение рисков вспышек инфекционных заболеваний в дошкольных образовательных учреждениях, увеличение охвата иммунопрофилактики среди взрослых и детей на территории г. Иркутска.

Методология проекта – проведение семинаров-тренингов для родителей в вечернее время на территории детских садов.

Также хочу отметить, что пять депутатов Молодежной думы города Иркутска избраны в региональный Молодежный парламент при Законодательном собрании. Молодежный парламент создан в целях вовлечения молодежи региона в процессы принятия законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых Законодательным собранием, направленных на реализацию государственной политики в нашем регионе. Также с 2018 г. Молодежный парламент обладает

правом законодательной инициативы, может вносить на рассмотрение Законодательному собранию собственные законопроекты, а также поправки к действующим законам.

Таким образом, активная деятельность и развитие молодежного парламентаризма играет колоссальную роль в реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации. В целом институт молодежного парламентаризма – явление положительное, поскольку способствует выработке гражданской активности у молодежи, повышает уровень патриотического воспитания и помогает развитию молодежной политики в государстве, а для более эффективной реализации данного института необходимо его законодательное закрепление.

Вернемся к вопросу, сформулированному в начале публикации: на какой исторический опыт по работе с молодежью мимоходом кивают современные функционеры? Если говорить о практике массовой организации политического воспитания советской молодежи, то этот опыт полностью утрачен и, более того, замалчивается. Каким образом работать с современной молодежью, политическая культура которой характеризуется как искусственно-гомогенная и фрагментарная с явными признаками мобилизационного участия?

Власть отвечает на эти вопросы своей дистанцированностью от молодежных проблем. Факт зарождения молодежных парламентов в России свидетельствует об инициативности молодежи из регионов, встреченную недоверием властных структур. Спустя 10–15 лет своего трудного становления, к настоящему времени, молодежные парламенты семи регионов России завоевали право законодательной инициативы наравне с законодательными собраниями, губернаторами, общественными палатами. Остается надеяться, что «право голоса» получат молодежные парламенты всех регионов, тогда будет открыта принципиально новая страница истории молодежного парламентаризма в России.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. № 3 (44). С. 340–344.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 165–168.
3. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–262.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 58–64.

5. Матюненко Ю. А. Каналы рекрутирования российского парламента // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 2 (28). С. 127–145.
6. Общественная молодежная палата при Государственной Думе Федерального собрания РФ. URL: www.maps.yandex.ru
7. Остриков А. И. Влияние молодежного парламентаризма на становление публичного управления в Курской области // Intelligence Plus. 2017. № 1 (2). С. 112–114.
8. Ставецкая И. В. Роль молодежного парламентаризма в управлении государством (на примере общественной молодежной палаты при Тюменской областной думе) // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 10, № 12. С. 7–11.
9. Фурсов О. Б. Создание общественной молодежной палаты при Государственной думе Федерального собрания РФ и основные направления ее деятельности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 489–495.

УДК 316.4
ББК 60.524

Спиридонова А. А., *Иркутск*

Анализ работы отделов по обращению граждан в аппаратах губернатора и правительства различных субъектов РФ

Проводится сравнительный анализ деятельности отделов по обращению граждан в различных субъектах РФ и отдела по обращению граждан в Аппарате губернатора и Правительства Иркутской области с 2016 по 2018 г. Формируются общие условия и локальные особенности работы отделов по обращению граждан.

Ключевые слова: обращения граждан, Аппарат Губернатора, отдел по обращению граждан, эффективность работы.

Spiridonova A. A., Irkutsk

Analysis of the Work of Departments for Citizens' Appeals in the Offices of the Governor and Government of Various Subjects of the Russian Federation

The article analyzes the work of departments for citizens' appeals in various subjects of the Russian Federation, as well as analyzes the activities of the Department for citizens' appeals in the office of the Governor and Government of the Irkutsk region from 2016 to 2018. General conditions and local features of the work of departments for citizens' appeals are formed.

Keywords: citizens' appeals, Governor's office, Department for citizens' appeals, work efficiency.

Право на обращение граждан выступает как один из действенных способов устранения возможных нарушений законности, одно из средств предотвращения правонарушений.

Бесспорно, можно утверждать, что результаты деятельности органов власти по работе с обращениями граждан имеют высокую значимость как для государственного аппарата, так и, самое главное, для граждан, непосредственно обращающихся в органы власти.

Реализация такого важного права граждан, закрепленного Конституцией Российской Федерации, на обращение в органы государ-

ственной и муниципальной власти, зависит напрямую от эффективной деятельности должностных лиц органов власти по рассмотрению обращений граждан, от эффективной организации порядка рассмотрения обращений в данных органах, от качества законодательства, регламентирующего данное право граждан. Поэтому органам власти необходимо проводить систематическую оценку эффективности деятельности структурных подразделений по работе с обращениями граждан, что позволит выявить проблемные аспекты законодательства и организации такой работы. Проводить такую оценку необходимо, чтобы не было разрыва между бумажными отчетами и социальным самочувствием граждан.

Среди общественности присутствует множество иррациональных страхов, основанных на обращении граждан в органы власти [4], цифровом взаимодействии с представителями власти [5] или в целом о неадекватном конструировании правовых представлений россиян [6; 7], что осложняет работу по обращению граждан. Данные процессы влияют на имидж органов власти и в целом и социальный капитал государственных служащих в глазах общественности [см. подробнее: 8; 9]. Некоторые ключевые вопросы уже отражены в работах автора по данной теме [10; 11; 12].

В соответствии со ст. № 33 Конституции РФ граждане РФ имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [1].

Исходя из Федерального закона Российской Федерации от 2006 г. № 59 -ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» [2]:

– обращение гражданина – это направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу письменные предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления;

– предложение – это рекомендация гражданина по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, деятельности государственных органов и органов МСУ, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества;

– заявление – это просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных орга-

нов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц;

– жалоба – это просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

Работу с обращениями граждан осуществляет уполномоченный на это орган государственной власти, а именно отдел/управление по работе с обращениями граждан. Рассмотрение обращений происходит в соответствии с порядком рассмотрения указанным в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Эффективное функционирование органа власти, на который возложена обязанность обрабатывать, перенаправлять и в целом работать с обращениями граждан является фундаментом для взаимопонимания и обратной связи власти с обществом, для этого необходимо улучшить эффективность деятельности отдела по работе с обращениями граждан одного региона, что бы их примеру последовали остальные.

Проанализировав официальные порталы Правительств регионов Российской Федерации Центрального федерального округа Воронежской области, Дальневосточного федерального округа Амурской области и Сибирского федерального округа Иркутской области был сделан вывод о том, что порталы всех трех регионов отвечают требованиям федерального закона № 8 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», в каждом из порталов в открытом доступе находится информация о работе с обращениями граждан и регулирующей эту деятельность нормативно правовой базой [3].

Ко всему прочему были выявлены методы предоставления Государственных и региональных услуг в области обращений граждан. Исследованию была подвержена исключительно электронная форма обращений, выявление методов опиралось на следующие факторы:

- сложность поиска информации о работе с обращениями граждан;
- простота пользования порталом для пользователей информационными технологиями, чей уровень равен базовому;
- развернутый перечень вопросов с помощью в выборе органов власти, в чью компетенцию входит ключевой вопрос обращения.

Все вышеперечисленные факторы помогли выявить, что на портале Иркутской области и Приморского края используется административный метод предоставления услуг в области обращения граждан, такой вывод был сделан, благодаря следующим обоснованиям:

– на официальном портале Правительства Иркутской области, во вкладке, посвященной обращениям граждан, представлена полная, в соответствии с федеральным законодательством информация, включая архивные данные о работе с обращениями граждан минимум трехлетней давности, что нельзя сказать о портале Правительства Приморского края, так как во вкладке, в которой содержится форма для заполнения и отправки электронного обращения, отсутствует примерный перечень вопросов, для более быстрого и упрощенного выбора компетенций органам, в чью компетенцию входит работа с обращениями граждан, а также во вкладке о работе с обращениями граждан, на момент 25 мая 2019 г. предоставлен отчет только лишь за 2018 г., что не может не говорить нам о административном подходе в деятельности органов, в чью компетенцию входит предоставление информации и о работе с обращениями и сама работа с обращениями. Отметим, что административный подход направлен на деятельность, строго выполняющую заваленные требования законодательства. Как правило, сотрудники органов власти используют именно административный подход с целью выполнять минимальный объем работ, который в свою очередь опять же не должен противоречить законодательству, но, как следствие, затрудняет выполнение работ в дальнейшем.

– в противовес административному подходу существует клиентоориентированный подход. Применяя его, органы власти функционируют в соответствии с законодательством, а также дополняют и дорабатывают разрешенные сферы своей деятельности, для удобства граждан и в дальнейшем для удобства самих должностных лиц.

Клиентоориентированный подход использует управление по работе с обращениями граждан Правительства Воронежской области. Интерфейс портала вполне понятен и прост, базовые пользователи с легкостью выполняют поиск по portalу, и пользуются порталом. Также, во вкладке посвященной обращениям граждан предоставлена информация за четыре отчетных года, предоставлена она в табличной форме, в форме диаграмм и графиков, что упрощает восприятие информации, и, помимо информации о деятельности, во вкладке, в которой содержится форма для электронной отправки обращения, разъяснен порядок рассмотрения обращения, далее по ходу заполнения формы, присутствует выпадающее меню, в котором предоставлен перечень сфер вопросов и отношение этих сфер к определенным компетенциям, что создает благоприятные условия для отправки обращения, а также ускоряет в дальнейшем работу Управления.

Итоги функционирования административного и клиентоориентированного подходов наглядно будут представлены в таблице 1.

Далее был произведен анализ опыта вышеупомянутых регионов по организации работ с обращениями граждан, в ходе которого было выполнено сравнение количества поступивших обращений граждан за период с 2016 по 2018 г.

В качестве объектов сравнения опыта были выбраны субъекты с численностью населения находящейся в пределах от 1900 тыс. чел. до 2400 тыс. чел., а именно:

- численность населения Иркутской области 2 397 832 человек;
- численность населения Воронежской области 2 331 147 человек;
- численность населения Приморского края 1 902 719 человек.

Численность населения была представлена в качестве аргумента, который подтвердит тот факт, что население в данных регионах находится практически в одном количественном диапазоне, отсюда следует, что количество поданных обращений должно завесить исключительно от активности населения, проживающего в регионах.

Сравнение количества поступивших обращений по регионам наглядно представлено в табл. 1.

Таблица 1

Сведения о поступлении обращений в правительства Иркутской области, Воронежской области и Приморского края, а также в исполнительные органы государственной власти областей в письменной и электронной форме за 2016–2018 гг.

Годы	Воронежская область (клиентоориентированный подход)	Иркутская область (административный подход)	Приморский край (административ- ный подход)
	Общее количество поступивших обращений		
2016	51751	18691	25723
2017	51614	14371	25134
2018	53217	14353	26985

В Приморском крае численность населения равна 1 902 719 человек и это наименьшая численность населения по трем выбранным регионам. В Иркутской области проживает 2 397 832 человек, что на 495 113 человек больше, чем в Приморском крае. Но, несмотря на это, в Приморском крае активность населения заметно выше, нежели в Иркутской области, несмотря на разницу в численности населения, также, по таблице делаем вывод о том, что в Воронежской области и Приморском крае наблюдается рост активности населения в период с 2016 по 2018 гг., что нельзя сказать о Иркутской области, в этом реги-

оне наблюдается спад активности, что не может не натолкнуть на необходимость повышения эффективности деятельности органа, выполняющего работу с обращениями граждан путем перехода от административных методов к клиентоориентированному подходу органа власти, в чью компетенцию входит работа с обращениями граждан, а именно отдела по работе с обращениями граждан Управления Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области по региональной политике.

Оценка работы отдела по обращению граждан Аппарата Губернатора и Правительства Иркутской области

Всего за период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2018 г. зарегистрировано 47 407 обращения, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и в адрес Правительства Иркутской области, а также из Администрации Президента Российской Федерации и других органов исполнительной государственной власти Российской Федерации.

Количество обращений, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и в адрес Правительства Иркутской области по видам обращений представлены в табл. 2.

Таблица 2

Виды и количество обращений, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и в адрес Правительства Иркутской области за период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2018 г.¹

Виды обращений	2016	2017	2018	За период 2016–2018 гг.
Письменные обращения	12 369	9 532	10 247	32 148
Телефонная линия Губернатора Иркутской области	529	619	505	1 653
Телеграммы	10	15	5	30
Факсимильная связь	21	29	14	64
«Почтовый ящик» Губернатора Иркутской области	50	47	35	132
Электронная почта (раздел «Интернетприемная Губернатора Иркутской области»)	4 564	3 946	3 440	11 950
Устный прием граждан (письменные обращения)	1 140	183	107	1 430
Итого	18 683	14 371	14 353	47 407

¹ Таблица составлена автором на основании данных взятых из официального портала правительства Иркутской области. URL: <http://www.irkobl.ru/>

Анализируя отчетные данные о результатах деятельности отдела по работе с обращениями граждан управления Губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области по региональной политике делаем вывод о том, что число поступивших обращений падает ежегодно, так общее годовое количество обращение за 2018 г. ниже чем за 2016 г. на 4 330 обращений, а это не может не говорить о необходимости повышения эффективности деятельности отдела. Для более детального анализа представим информацию о деятельности отдела с 2016 по 2018 гг. наглядно в следующей гистограмме (рис.)

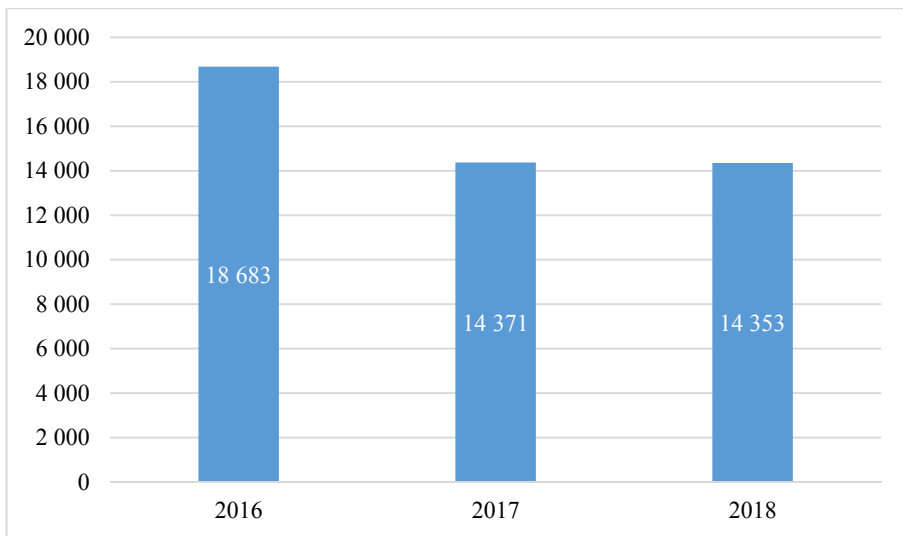

Рис. Динамика зарегистрированных обращений с 2016 по 2019 гг.

Анализируя гистограмму динамики зарегистрированных обращений, делаем вывод о резком падении количества зарегистрированных обращений. К слову, нынешний Губернатор официально занял свой пост в конце 2015 г., а именно 2 октября 2015 г., также резкий упадок количества обращений наблюдается с 2016 г. Считается, что повышение количества зарегистрированных обращений свидетельствует о повышении доверия общества к власти, отсюда делаем вывод что два описанных выше события вероятнее всего взаимосвязаны. В качестве доказательного аргумента суждения, представим отчетные данные в табличной форме о зарегистрированных обращениях за период с 2010 по 2012 гг. (табл. 3)

Таблица 3

Виды и количество обращений, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и в адрес Правительства Иркутской области за период с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2012 г.

Виды обращений	2010	2011	2012	За период 2010-2012 гг.
Письменные обращения	9 502	9 222	9 808	28 532
Телефонная линия Губернатора Иркутской области	876	289	295	1 460
Телеграммы	17	32	49	98
Факсимильная связь	31	55	49	135
«Почтовый ящик» Губернатора Иркутской области	149	137	88	374
Электронная почта (раздел «Интернет-приемная Губернатора Иркутской области»)	1 145	2 026	2 652	5 823
Устный прием граждан (письменные обращения)	-	-	-	-
Итого	11 720	11 761	12 941	36 422

Отчетные данные за период 2010–2013 гг. о подаче обращений в виде устного приема отсутствуют, но, несмотря на это очевиден рост количества обращений, особенно резкий рост количества зарегистрированных обращений пришелся на период с 2011 по 2012 г., что не может не говорить о росте доверия общества к власти.

Сегодня имеется рост количества зарегистрированных обращений с 2010 по 2019 г., что абсолютно противоположно динамике количества обращений за период анализа. В сравнении с управлением по работе с обращениями граждан правительства Воронежской области с 2016 по 2018 г. показатели управления в сравнении с отделом по работе с обращениями Иркутской области растут, численность обращений, поступивших в управление по работе с обращениями граждан правительства Воронежской области по видам обращений представлены в табл. 4.

Эффективность управления по работе с обращениями граждан Воронежской области после небольшого спада количества обращений произошел резкий рост.

Таблица 4

Виды и количество обращений, поступивших на имя Губернатора Воронежской области и в адрес Правительства Воронежской области за период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2018 г.¹

Виды обращений	Количество обращений за 2016 г.	Количество обращений за 2017 г.	Количество обращений за 2018 г.	Количество обращений за период 2016–2018 гг.
Письменные обращения	38 041	37 751	39 086	114 878
Телефонная линия Губернатора Воронежской области	1 053	862	1 124	3 039
Телеграммы	23	12	15	50
«Почтовый ящик» Губернатора Воронежской области	1 027	990	1 052	3 069
Электронная почта (раздел «Интернет-приемная Губернатора Воронежской области»)	8 456	8 236	8 503	25 195
Устный прием граждан (письменные обращения)	3 151	3 563	3 363	10077
Итого	51 751	51 414	53 217	156 382

Благодаря логическому умозаключению, подтвержденному отчетными данными о результатах деятельности отдела по работе с обращениями граждан Иркутской области в сравнении с отчетными данными управления по работе с обращениями граждан Воронежской области, за период с 1 января 2016 г. по 31 декабря 2018 г. на имя Губернатора Иркутской области и в адрес правительства Иркутской области поступило всего 47 407 обращений, в то время, как в аналогичный орган власти относящийся к Воронежской области поступило 156 382 обращений, что на 108 975 обращений больше, чем было зарегистрировано в Иркутской области. По данному параграфу необходимо сделать вывод о чрезвычайной необходимости в повышении эффективности деятельности отдела по работе с обращениями граждан управления Губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области по региональной политике. Для того чтобы разработать мероприятия по повышению эффективности, необходимо выявить ряд проблем, требующих решения и определения основного направления в плане повышения эффективности.

¹ Таблица составлена автором на основании данных взятых из официального портала правительства Воронежской области. URL: <https://www.govvm.ru/>

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 25 декабря 1993 г. (ред. от 14 апр. 2014 г.) // Собр. законодательства РФ. 2014. 14 апр.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Рос. газ. 2006. 5 мая.
3. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». // Рос. газ. 2017. 20 янв.
4. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного мнения: страхи взаимодействия с представителями органов власти // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 3 (44). С. 340–344.
5. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полошкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 165–168.
6. Ардашев Р. Г. Иррациональное пространство правовых представлений россиян // Миссия конфессий. 2020. Т. 9, № 2 (43). С. 255–262.
7. Ардашев Р. Г. Иррациональность правового сознания россиян // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. ФГБОУ ВО «ИГУ» / под общ. ред. О. А. Полошкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, 2020. С. 58–64.
8. Полошкевич О. А. Социальный капитал государственных служащих // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2018. С. 319–322.
9. Полошкевич О. А. Имидж государственных служащих в региональных и федеральных СМИ (2000–2017 гг.) // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения материалы. Иркутск, 2018. С. 94–98.
10. Спиридонова А. А. Недовольство органами власти и ресурсы консолидации: анализ обращения граждан в Аппарат губернатора и правительства Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : сб. науч. тр. Иркутск, 2019. С. 62–65.
11. Спиридонова А. А. Обращение в органы власти как форма социальной активности граждан // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен : материалы IX Всерос. науч. интернет-конференции. Иркутск, 2017. С. 15–18.
12. Сорокина Е. Ю., Спиридонова А. А. Работа с обращениями граждан как форма обратной связи граждан и юридических лиц с государственными органами и органами местного самоуправления Иркутской области // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2017. С. 432–437.

УДК 378.147.88
ББК 87.42

Мякотина А. С., *Иркутск*

Основы логической культуры студента будущего юриста

Обсуждаются вопросы о значении и роли логического или рационального мышления в практической и профессиональной деятельности каждого человека, важности получения знаний об основных законах логики для их правомерного применения в юридической деятельности. Обосновывается необходимость получения и развития навыков логического мышления у студентов будущих юристов. Раскрывается взаимосвязь применения форм логического мышления и объективности принятия судебных решений.

Ключевые слова: логика, юридическая деятельность, логическое мышление.

Myakotina A. S., *Irkutsk*

Bases of Logic Culture of a Student of a Future Lawyer

In this article, the author explores the importance and role of logical or rational thinking in the practical and professional activities of each person, discusses the importance of gaining knowledge of the basic laws of logic for their legitimate application in legal activities. The author substantiates the need to obtain and develop logical thinking skills in students of future lawyers. The article reveals the relationship between the use of forms of logical thinking and the objectivity of judicial decisions.

Keywords: logic, legal activity, logical thinking.

Жизнь дееспособного человека не представляется возможной без использования интеллекта и рационального мышления. Логические формы мышления (понятие, суждение, умозаключение) мы используем изо дня в день, постоянно и неукоснительно. Рациональным или логическим мышлением, как неотъемлемой частью жизни каждого человека, мы руководствуемся в различных ситуациях, используем его при принятии решений и благодаря этому имеем возможность существовать и успешно действовать в современных условиях. Антиподом логического мышления является эмоциональное или чувственное мышление. Если человек позволяет себе принимать решения на основе собственных эмоций, то он воспринимается в обществе, весьма неоднозначно. Логичные поступки человека выступают показателем ума, интеллекта, умения мыслить, являются критерием образованности человека.

Когда мы говорим о необходимости применения законов логики в практической деятельности человека, мы должны понимать ее действительное значение. При рассмотрении этого вопроса необходимо опираться только на те знания, которые проверены, доподлинно известны, достоверно истинны. Мы всегда стремимся найти авторитет-

ный источник для того, чтобы получать наиболее полные и точные знания, мы надеемся на то, что информация, полученная нами, является достоверной, мы верим в это, ведь считаем логичным воспринимать информацию из различных источников как истинную и верную.

Можно ли считать любую информацию, прочитанную нами достоверной? Умение анализировать поток получаемой информации, отличать полезную информацию от лишней, решать вопросы о доверии той или иной информации – вот поле деятельности для логического мышления. «Любое произнесенное слово есть ложь» – истина, рожденная древнегреческими философами, особенно востребована в наше время, когда любое событие обрастает огромным количеством мнений. Логика просто необходима для умения отделять истину от лжи, и придерживаться той точки зрения, которая более правильна и объективна.

Для этого и необходимо применение законов логики в практической деятельности, мы не должны верить абсолютно любой информации, поступающей из «авторитетных» источников. Исследование на эту тему проводили более сорока лет назад в Южной Калифорнии. Тогда под видом заслуженного работника училища имени Альберта Эйнштейна выступал актер с актуальной научной темой. После этой лекции 90 % слушателей отметили ее информативность, несмотря на то, что материал работы «ученого» представляли бессмысленные, не связанные между собой фразы. Следует отметить, что слушателями являлись как студенты почитаемых учебных заведений, так и заслуженные профессора, доктора наук. Этот пример является олицетворением той ситуации, которая происходит сейчас, когда большое количество людей готово верить «знатокам» своего дела без видимых на то причин.

Таким образом, можно сделать вывод, что логика необходима каждому человеку в его практической и профессиональной деятельности. Законы логики применимы в абсолютно любой профессии, логика является базисной составляющей, на которую мы опираемся в тех или иных областях нашей деятельности. Естественно, знание и применение логики важно и в профессии юриста, здесь она играет особую, важную роль. Невозможно представить успешного юриста, делающего свои умозаключения на основе эмоций, нелогичного мышления, тем более принимающего решения, не применяя формы образования понятий логики (анализ, синтез, дедукция), логических операций (конъюнкция, дизъюнкция) и др.

В данной статье мы рассмотрим, каким образом знание законов логики влияет на профессиональную деятельность юриста, на сколько важно успешное их освоение студентами, как специалистами, чье бу-

дущее будет связано с юриспруденцией. При проведении данного исследования мы обращались к научным трудам, следующих ученых: В. Д. Грачева [1], М. А. Елизаровой [2], Д. В. Зыкова [3] и др., посвященным изучению роли и значению логики в юридической деятельности, методологического значения логики для правового сознания.

Для начала следует уточнить понятие «логика». Наиболее общая формулировка такова: «логика – наука о формах и законах мышления». Это часть философии. Ее автором является Аристотель, именно ему мы обязаны тем, что сейчас у нас есть возможность изучать эту область знаний, совершенствовать свое мышление, развивать себя, свою личность. Что же такое логика в юриспруденции? Юридическая логика – прикладной вид знаний, рассматривающий применение общей логики в конкретной специфической сфере юридической деятельности. Следует отметить, что не существует отдельной науки юридической логики, юридическая логика – совокупность способов применения обыкновенной логики к юридическим процессам, что было и сказано ранее. Данный раздел логики изучает применение логической культуры в сфере юриспруденции, средства, методы, с помощью которых этот вид деятельности можно сделать более эффективным, а также, чтобы результаты работы были более точными и максимально близки к поставленным целям.

В. Д. Грачев считает, что важнейшей оценочный вид юридической деятельности осуществляется на строго логическом законе [1], М. А. Елизарова под правовым мышлением понимает совокупность взглядов, идей, характеризующихся антикоррупционным поведением, политическую зрелость, чувство профессионального долга [2], Д. В. Зыков отмечает то, что деятельность юристов отличает систематизирующая и критическая составляющая [3].

Все мы знаем, что профессия юриста ответственна, как и любая другая профессия, предъявляющая высокие требования к умственным способностям специалиста. Особенность данного вида деятельности заключается в том, что от специалиста требуется объективный анализ происходящего, субъективность лишь искажает действительность, что отражается на результате деятельности, а это, в свою очередь, влияет не только на личность специалиста, но и на результаты его профессионального труда. И, конечно же, логика помогает абстрагироваться от эмоций и сосредоточиться на фактах. Действуя лишь на законах логики, можно достичь результата, все остальное зависит от развитых логических навыков, уровня его интеллектуальных способностей специалиста и его деловых качеств. Безусловным является тот факт, что

необходимо использовать всю полноту логических форм, законов, правил, для того чтобы повысить эффективность своей профессиональной деятельности.

Раскроем роль логики в юридической деятельности. Довольно тщательный анализ этого вопроса провел А. А. Тер-Акопов [7]. Когда мы рассматриваем связь логики и юриспруденции, мы непременно должны понимать под юриспруденцией – юридическую деятельность. Это юридические знания, а также формы и способы осуществления юристами своих профессиональных обязанностей, для этого необходима система методов, именно системой методов в его профессиональной деятельности вооружает логика. Термин «юридическая деятельность» А. А. Тер-Акопов определяет как деятельность по определению и установлению юридически значимых фактов, т. е. обстоятельств, порождающих определенные права и обязанности, предусмотренные законами [7].

Из определения можно понять роль логики на данную сферу деятельности. Логика как нельзя лучше влияет на выявление таких обстоятельств, которые были бы связаны с ситуациями применения права, закона. Любая юридическая деятельность обладает конкретными особенностями, рассмотрев которые нам станет ясно, каким образом проявляет себя эта наука. Следует указать, что любая деятельность, а в особенности юридическая, всегда требует знаний и большого умственного труда. Принимая законы, вынося судебные решения, разрабатывая план действий по выявлению преступлений, проводя следственные мероприятия, юристы используют только рациональное мышление. Возможно, в данной деятельности понадобятся и умение в «механическом» оформлении документов, однако, большая часть лежит на наших интеллектуальных способностях. Умение логически мыслить, в моем понимании тождественно умению эффективно действовать в рамках юридической деятельности.

Правильность, объективность принимаемых судебных решений – это задача логики, так как из множества взаимно обусловленных обстоятельств, положений, законов, предоставляемых на суде доказательств, необходимо выбрать значимые и руководствоваться ими для принятия подсудного решения. Американский президент Франклин Рузвельт признавал: «Если я хотя бы в 60 % принимаемых решений оказываюсь прав, то я считаю прожитый день удачным». Сколько же процентов правильных решений должен выдавать российский судья? В моем представлении этот процент должен стремиться к 100, а это

возможно только на основе глубоких профессиональных знаний и системного применения методов логики.

Приведем результаты проведенного нами эмпирического исследования. В качестве испытуемых выступили 49 студентов 1-го курса, приступившие к изучению дисциплины «Логика». Нами была предложена анкета с открытыми формами вопроса, среди которых был «Какова роль логики для юриста?» (рис.). Интерпретация и анализ ответов студентов показал, что студентов связывают значение логики с такими понятиями и характеристиками личности юриста как 49 % «компетентность», 39 % «образованность», 69 % «базовые знания», 45 % «расширение кругозора», 43 % «разностороннее и целостное развитие», 51 % «повышение уровня интеллекта», 67 % «дополнительные знания», 55 % «мотивация и саморазвитие», 73 % «интересы и побуждения», 57 % «связь с другими науками», 22 % «изучение прошлого и прогнозирование будущего», 33 % «понимание причины событий», 16 % «поиск научной проблемы».

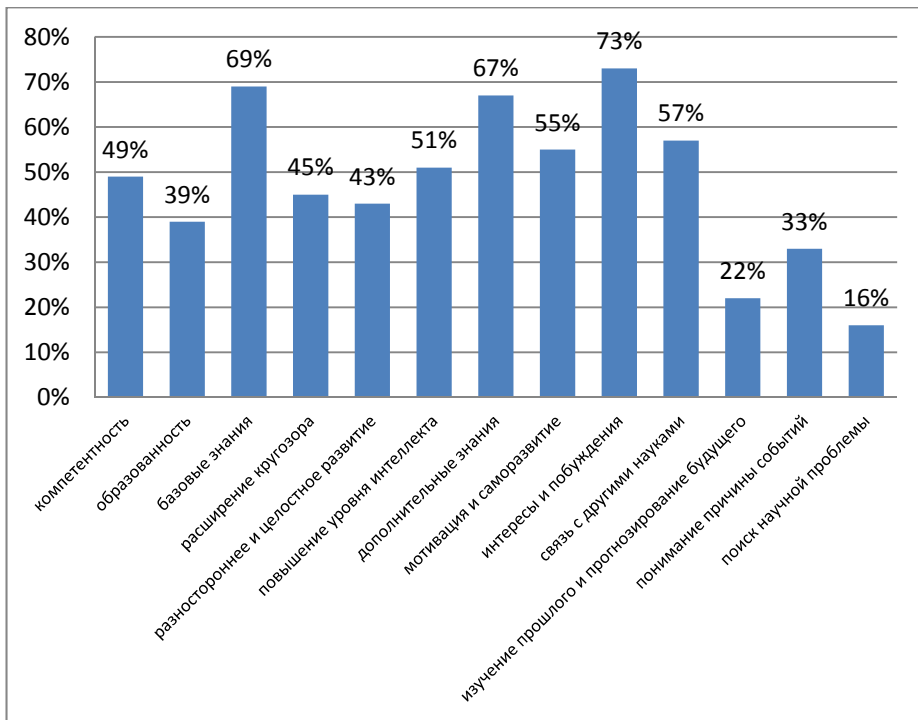

Рис. Роль логики для студента будущего юриста

Результат юридической деятельности должен нести доказательный характер. Это очевидно. Любое юридическое исследование, расследование, законодательный процесс требует доказательств, подкрепления своих доводов фактами, это необходимо для гарантий прозрачности, справедливости, соответствия закону. Мы знаем, что для доказательства недостаточно привязать какие-то факты к процессам, нужно в действительности предоставить доказательную базу, опираться на неопровержимые и логически выстроенные факты. Все это невозможно сделать, не обладая логической культурой, не владея элементарными методами логики. Кроме этого, в рамках нашего исследования, особый интерес представляют работы по становлению позитивной Я-концепции и самоактуализации личности будущих юристов [4–6].

Умение анализировать, структурировать, систематизировать данные – именно является сутью специфики юридической деятельности. В предоставляемом потоке информации, необходимо уметь отфильтровывать факты, выделяя важные и отодвигая на второй план то, что не является основополагающим в данном деле. Умение мыслить логически позволяет понять, какие собранные данные (например, при расследовании преступлений) действительно необходимы в конкретном деле. Любой раздел науки несет в себе определенный набор понятий, составляя своеобразный профессиональный язык. При разъяснении правовых понятий умение логически мыслить только поможет ускорить этот процесс. Сталкиваясь с правовым языком впервые, изучая законы, читая кодексы, обычному человеку довольно трудно уяснить их смысл.

Таким образом, логика необходима в освоении юридической науки, только опора на нее позволяет добиться значимых результатов в профессиональной деятельности. Привлекая опыт логического мышления, мы в состоянии ускорить процесс понимания тех или иных законов.

Список литературы

1. Грачев В. Д. Стиль мышления юриста и логика // *Философия права*. 2015. № 2. С. 34–39.
2. Елизарова М. А., Соловьев А. Ю. О профессиональном мышлении юриста // *Современные проблемы права, экономики и управления*. 2017. № 2(5). С. 21–25.
3. Зыков Д. В. Размышления о юридической реальности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 6. С. 63–69.
4. Литвинова Ж. Б. Модель гуманитарно-правового образования. // *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*. 2018. № 11 (165). С. 172–174.
5. Литвинова Ж. Б. Становление позитивной «я»-концепции будущего юриста // *Гуманистические ориентиры профессионального и нравственно-правового воспитания будущих юристов* : сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола / сост. В. Г. Бондарев. 2019. С. 85–88.
6. Литвинова Ж. Б. Осуществление педагогической поддержки и фасилитации учения // *Вопросы педагогики*. 2019. № 3. С. 155–161.
7. Тер-Акопов А. А. *Юридическая логика* : учеб. пособие. М. : ИКФ Омега-Л, 2002. 256 с.

УДК 378.147.88
ББК 73.4

Штогрин А. А., *Иркутск*

Информационная культура студента будущего юриста

Рассматриваются преимущества информационных технологий в деятельности юриста. Раскрывается суть вопросов, связанных непосредственно с информацией, которую юрист может отыскать с помощью информационных технологий, также выделены аспекты, благодаря которым реализуется поиск нужной информации.

Ключевые слова: Information technology, legal reference systems, automated information systems, witness protection system, video conferencing.

Shtogrina A. A., *Irkutsk*

Future Lawyer Student Information Culture

This article discusses the benefits of information technology in the activities of a lawyer. The essence of the issues directly related to the information that a lawyer can find with the help of information technologies is revealed, aspects that make it possible to search for the necessary information are also highlighted.

Keywords: Information technology, legal reference systems, automated information systems, witness protection system, video conferencing.

Информационные технологии – это своего рода инструмент, с помощью которого можно осуществлять различные процессы, такие как сбор информации, обработка и передача данных, хранение важных сведений в электронных носителях, методы использования средств вычислительной техники. В наше время технологии очень сильно помогают человеку сократить время на поиск нужной ему информации, на сегодняшний день осталось не большое количество людей, которые могут обойтись без помощи информационных технологий. Наше время не просто так называют «информационным», ведь современные технологии плотно вошли в жизнь людей, просочились во все сферы деятельности общества. Эти технологии помогают оптимизировать человеку его работу.

Привлекают внимание в аспекте проблематики нашего исследования работы Никишиной И. Н. [8], Станкевич Л. В. [10], посвященные процессу становления коммуникативной культуры студентов будущих юристов.

Так или иначе все в нашей жизни пересекается с законом, потому что все добро можно обратить в зло, если не будет соответственного контроля, именно поэтому и информационная часть современной жизни не обошла стороной закон, а постепенно проходит путь юридического осмысления, что уже отразилось в сфере законодательства и области права. В данной сфере есть потребность в обучении высококвал-

лифицированных кадров, которые бы имели практические навыки контролировать обеспечение электронно-технологического регламента.

Так, именно информационно-коммуникационные технологии содержат потенциальные возможности для становления профессиональных навыков у студентов учащихся на факультете юриспруденции. Современному юристу, чтобы быть профессионалом в своем деле просто необходимо уметь применять информационные технологии для решения определенных задач: получения сведений касающихся профессиональной деятельности; получение правовой информации; осуществлять обмен информацией; подготавливать информацию для других лиц; повышать свою эффективность в профессиональной деятельности.

В данном контексте особую роли играют исследования [5–7], посвященные особенностям гуманитарно-правового образования, проблемам оказания педагогической поддержки и фасилитации учения, становлению позитивной «я»-концепции будущего юриста.

На данный момент проблема актуальна тем, что не у каждого студента будущего юриста есть понимание того, насколько важна данная дисциплина в будущей профессии. Возникает вопрос почему должны посещать дисциплину информационные технологии все студенты – юристы, а не специально подготавливать для этого сотрудников в сфере информационных технологий? Я считаю так, что если хочешь сделать хорошо, сделай сам. Ведь это тоже экономия времени, вместо того чтобы объяснять специалисту в сфере технологий, что тебе нужно найти или сделать, при том, что он может неправильно понять, что ты от него хочешь, можно обучиться этим навыкам самому. Пусть не получится овладеть умениями хакера, но база знаний должна быть. Именно понимание термина «информация» и ее содержания в контексте юридической деятельности позволяет понять пути и сложности обеспечения отечественных юридических вузов, а также проводить исследования тенденций и перспектив становления норм права, определять цели и задачи, принципы и основные направления обеспечения [3].

Также существует проблема оснащения вузов новейшими технологиями, которые помогли бы студентам применять их умения. Было бы верным решение внедрить в каждый юридический вуз России все те технологии и все оборудование с которым может столкнуться студент уже будучи юристом в своей профессиональной деятельности.

Рассмотрев значение информационно-коммуникационных технологий в деятельности современного юриста необходимо особое вни-

мание уделять навыкам работы в справочных правовых системах, которые позволяют получать точную и актуальную информацию о последних редакциях правовых актов и юридических документов.

Исследования Н. А. Абдеевой, С. Е. Каплиной [1], Т. И. Бонкало и др. [2], позволяют глубже понять коммуникативные установки будущих юристов как фактор развития профессионально-информационной культуры их личности, а также педагогические условия их формирования.

Можно абсолютно точно сказать, что справочно-правовые системы стали нужным и важным достижением эпохи цифровизации, которые содержат большой объем накопленной информации, не систематизированной в прошлом, поиск которой ранее занимал достаточно много времени.

Информационно-коммуникационные технологии оцифровали все данные и привести их в порядок, сейчас же это положительное звено не только для юристов, но и для людей, не имеющих образования юриста, так как появились системы, которыми могут пользоваться простые граждане.

Следующим шагом в информационном прогрессе было появление автоматизированных систем, которые как раз-таки широко используются в юридической деятельности, они помогают проводить мероприятия по розыску, проводить экспертизу и электронное доказывание. Очень удобным в юридической деятельности является электронный документооборот, который регулярно совершенствуется и дополняется новшествами. Электронный документооборот сейчас имеет 2 формы: электронные доказательства и система оценки этих доказательств. В настоящее время регистрируется информация о преступлениях, гражданах, совершивших преступления, о криминогенной обстановке в разных регионах страны.

Работы М. М. Герашенко [3], Н. П. Исмаиловой [4] и другая литература [9] раскрывают особенности информационных технологий в юридической деятельности.

В категорию технических помощников юристам, также можно отнести средства, которыми наиболее часто приходится пользоваться, чтобы добывать доказательства и фиксировать необходимые данные. Чтобы решить существующую проблему с оснащением вузов нужно начать с финансирования вузов именно на технические средства и приобретать их в порядке с самого необходимого до того, что можно освоить самостоятельно, если не будет помощи педагога по информационным технологиям.

Список литературы

1. Абдеева Н. А., Каплина С. Е. Педагогические условия эффективного формирования культуры профессиональной деятельности будущего юриста в условиях информационного образования // Человек и его ценности в современном мире : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. К. Г. Эрднеевой. 2015. С. 35–39.
2. Коммуникативные установки будущих юристов социальной сферы как фактор развития профессионально-информационной культуры их личности / Т. И. Бонкало, И. Н. Тузов, С. В. Бонкало, Е. В. Журавлева // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2019. Т. 8, № 2. С. 53–59.
3. Информационные технологии в юридической деятельности : учеб. пособие: в 2 ч. / М. М. Герашенко, Е. А. Печёнкина, В. Н. Храпов. СибАГС, 2012. Ч. 2. 191 с.
4. Исмаилова Н. П. Единое информационное образовательное пространство вуза: новый путь модернизации образовательной системы // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 250–254.
5. Литвинова Ж. Б. Модель гуманитарно-правового образования // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2018. № 11 (165). С. 172–174.
6. Литвинова Ж. Б. Осуществление педагогической поддержки и фасилитации учения // Вопросы педагогики. 2019. № 3. С. 155–161.
7. Литвинова Ж. Б. Становление позитивной «я»-концепции будущего юриста // Гуманистические ориентиры профессионального и нравственно-правового воспитания будущих юристов : сб. ст. по материалам Всерос. круглого стола / сост. В. Г. Бондарев. 2019. С. 85–88.
8. Никишина И. Н. О формировании информационной культуры будущих специалистов в условиях колледжа профессионально-юридического профиля // Человеческий капитал. 2015. № 4 (76). С. 128–132.
9. Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, 2009/2010 учебный год / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации; Министерство образования и науки Российской Федерации ; Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2010.
10. Станкевич Л. В. Роль культуросообразной среды в формировании коммуникативной культуры будущих юристов // Среднее профессиональное образование. 2008. № 10. С. 70–72.

УДК 796
ББК 75.4

Носырева Г. В., *Иркутск*

Лидер и лидерство как функциональные составляющие структуры группового поведения в физической культуре

Проводится теоретический анализ феноменов лидера и лидерства с точки зрения различных зарубежных и отечественных представлений. Лидерство анализируется с позиции функциональной модели, позволяющей увидеть взаимосвязи и взаимодействия в межличностных отношениях.

Ключевые слова: лидер, теории и факторы лидерства, роль.

Nosyreva G. V., Irkutsk

Leader and Leadership as Functional Components of the Structure of Group Behavior in Physical Culture

In this article, a theoretical analysis of the phenomenon of leader and leadership will be made, from the point of view of various foreign and domestic ideas. In this work, leadership is analyzed from the standpoint of a functional model that allows you to see the relationships and interactions in interpersonal relationships.

Keywords: leader, theories and factors of leadership, role.

Среди множества нерешенных проблем в психологии проблема лидерства остается одной из немногих, которая привлекает специалистов в различных областях практики. Как отмечал Б. Дж. Кретти: «Для психологов и социологов становится все более очевидным, что выявление факторов, влияющих на формирование руководителей и лидеров, рано или поздно приведет к созданию сложной модели, в которой необходимо учитывать характер группы, ее структуру, тип задачи, стоящей перед группой, признаки власти лидера, а также возможные качества и количество взаимодействий между лидером и ведомыми.» [3, с. 170]. В этой практически высказанной гипотезе, содержатся все основные составляющие группового процесса, где с нашей точки зрения основным является лидер и лидерство.

Отметим, что практические исследования лидерства начались в США в послевоенный период. Их интересовали качества людей, благодаря которым они становятся лидерами, что способствуют достижению цели. Это было связано с тем, что во многих отраслях производства, связанных с бизнесом, возникла потребность в лидерах, которые смогут увлечь и направить специалистов на решение практических задач. Особенно эта проблема актуальна для психологии спорта и игровых видов спорта. Вместе с тем на современном этапе развития

психологических исследований, во-первых, по-прежнему проблема лидера и лидерства занимает одно из ведущих направлений. Во-вторых, можно наблюдать переход к практической реализации накопленных знаний. Вследствие этого цель настоящего сообщения заключается в том, чтобы обобщить результаты теоретических исследований по проблеме лидерства, а также обозначить путь к экспериментальной и практической реализации полученных результатов.

Одним из первых, кто начал уделять внимание групповым процессам, был психиатр, психолог и социолог Дж. Морено (1932), опубликовав социометрический метод измерения отношений в группе. Он определял лидера, через понимание социометрического статуса, т. е. лидер – это человек, который получил наибольшее количество выборов, т. е. выбран большинством «голосов» среди членов группы [5]. Примерно в первой половине 40-х гг., К Левин начал исследования групповой динамики, где «группа», понималась как динамическое целое, обусловленное «силами» взаимодействия. Это потребовало экспериментального изучения лидерства, конфликта и других социально-психологических проблем, возникающих в группе. Им было выделено три стиля управления группой, а соответственно, три типа лидеров: авторитарный, демократический и либеральный, которые и послужили основой для дальнейшего изучения данной проблемы в США.

Как показал анализ зарубежной и отечественной литературы [2], сложилось представление о лидере (англ. *leader* – ведущий), где он является членом группы, за которым она признает право принимать решения в значимых для нее ситуациях, организовывать совместную деятельность и осуществлять коррекцию взаимоотношений в группе. В психологии приняты различные классификации лидеров: 1) по степени активности в социальном взаимодействии (вдохновитель и исполнитель); 2) по широте проявления (универсальный и ситуативный); 3) по степени проявления психической деятельности (когнитивный, эмоциональный); 4) по месту проявления в общественной жизни – в политике, в спорте, в бизнесе, 6) по способностям (оратор, военачальник) и т. д.

В результате проведенного анализа также была выделена проблема лидерства, исследования которой были представлены в различных направлениях.

Первое направление объединило исследователей считающих, что лидерство есть функция индивидуально-психологических черт характера человека. Наиболее последовательное отражение эта позиция нашла в теории «черт Л» (Е. Богардус и др.). Сторонники этой теории

считают, что предпосылкой признания человека лидером, является обладание им специфических «лидерских» качеств – черт характера и способностей. Одним из вариантов такого подхода является харизматическая концепция лидерства, согласно которой лидеру «ниспослано отдельным выдающимся личностям как некая благодать («харизма»)). Однако уже в 40-е гг. и последующие десятилетия, американские ученые после сравнения накопленных между собой многочисленных списков «лидерских» качеств, пришли к выводу об отсутствии серьезных научных оснований, позволяющих считать, что лидерами становятся люди, обладающие какими-то особенными чертами характера или специфическим набором этих черт.

Второе направление исследований представляет собой совокупность концепций, основанных на представлении о лидерстве, как продукте внутри группового взаимодействия. В рамках этих теорий (Г. Хомманс и др.), лидер понимается как лицо, в большей степени чем все остальные члены группы, отвечающее ее ожиданиям и наиболее последовательно придерживающееся принятых в ней норм и ценностей.

В отличие от сторонников теории «черт лидера», последователи интерактивной теории полагают, что лидером может стать любой человек, занимающий соответствующее место в системе межличностных взаимодействий.

На основе этого Р. Бейлс предложил ролевое представление, где выделил роль «профессионала» и «эмоционального» специалиста. Первый ориентирован на решение деловых проблем, а второй – на решение человеческих проблем.

Третье направление исследований, представляет собой обобщение концепций, основанных на представлении о лидерстве, как о функции ситуации (Р. Бейлс, Т. Ньюком и др.). Представители ситуационных теорий опираются на многочисленные факты, указывающие на недостаточность рассмотрения лидерства, как функции личностных свойств или функции группы, и приходят к выводу о том, что лидерство представляет собой продукт в первую очередь многочисленных ситуаций, чередующихся и сменяющих друг друга.

Для обоснования этого положения приводятся три аргумента: а) один и тот же человек может выполнять лидерские функции в одной группе и находиться в роли ведомого в другой; б) человек, занимающий лидерскую позицию в группе, может потерять столь благоприятное положение не покидая группу и оставаясь по-прежнему ее членом; в) в условиях многоплановой совместной деятельности нередко в

каждой из ее сфер выдвигается свой лидер, который влияет на жизнедеятельность своей группы.

В рамках такого подхода были выделены два лидера – лидер, ориентированный на задачу, и лидер, ориентированный на людей. При благоприятных обстоятельствах успешнее оказывается второй тип лидера.

Четвертое направление исследований лидерства представляет собой совокупность концепций, обозначаемых в психологии, как «синтетические теории» (Ф. Фидлер и др.). В отличие от сторонников «теории черт», теорий «лидерства как функции группы» и «ситуационных теорий», последователи акцентируют внимание на комплексном характере изучения лидерства, на исследовании взаимосвязи трех основных составляющих процесса организации межличностных отношений: лидере, последователях (или ведомых) и ситуации, в условиях которой осуществляется лидерство. Как отмечают критики, во-первых, психологически содержательное наполнение этих трех переменных не совпадает в различных представлениях, построенных на экспериментальных исследованиях. Во-вторых, в целом ряде теоретических построений феномен лидерства рассматривается в контексте преимущественно неделовых межличностных отношений, без учета других факторов, которые обуславливают специфику реально функционирующих групп.

В целом, отметим, что исследователи, внесшие большой вклад в развитии теорий лидерства, так или иначе неправомерно переносили результаты лабораторно экспериментальных в сферу реальных явлений социально-экономической жизни общества.

В отечественной социальной психологии в рамках проблемы малых групп были проведены теоретические исследования проблемы групп и коллектива (А. И. Донцов, 1984) и межличностных взаимоотношений в детских группах (Л. И. Коломинский, 2-е изд., 2000).

В конце XX столетия были проведены экспериментальные исследования малых групп разного уровня развития [1]. На основе разработанной теории деятельностного опосредствования межличностных отношений (А. В. Петровский) была предложена модель лидерства, позволяющая проанализировать психологическую специфику этого феномена в реальных малых группах разного уровня развития. В рамках этих исследований были выделены различные стили лидерства (демократический, авторитарный, анархический и др.) и различные механизмы выдвижения и смещения лидера.

На основе полученных аналитических результатов, можно фиксировать, что лидер есть человек – член группы, которому доверено

принимать ответственные решения в жизненных ситуациях. При этом, не каждый человек может быть лидером. Исходя из этого можно заключить, что лидер – это функциональная роль, выдвигаемая группой для разрешения определенной задачи, связанной с межличностными отношениями [6]. Поэтому, то расхождение в личностных качествах лидера, которое наблюдается в различных исследованиях, соответствует проявления свойств, необходимых в тех или иных сферах общественной жизни (например, политика и спорт требуют разных проявлений личностных качеств). В соответствие с этим, по разным основаниям и выделены качественные разновидности лидеров, что соответствовало реально разворачивающейся практике бизнеса.

И если, в зарубежной психологии констатируется, что лидер выдвигается стихийно и лидерские качества являются врожденными качествами человека, то в отечественной – он есть всегда осознанное решение самого человека или членов группы [4]. При этом, лидер может быть одновременно и руководителем группы, а может им и не быть, так как на него не возложены никакие официальные обязанности. Все проблема в том, что лидер решает внутригрупповые противоречия, связанные с отношениями между членами коллектива, а руководитель – противоречия, отражающие отношения между группами, а в соответствие с этим и в соответствии с решаемой задачей осуществляет регуляцию ролевого поведения внутри группы.

На основе анализа относительно лидерства, можно сделать следующие выводы. В результате экспериментальных исследований были выделены четыре представления о лидерстве: теория черт, интерактивная, ситуационная и «синтетическая» теории. В соответствии с этими независимыми исследованиями лидерство определялось либо набором индивидуальных качеств, либо являлось результатом группового взаимодействия, либо сложившейся ситуацией, которая требовала появления лидера. Во всех этих теориях лидерство представлено как отношение доминирования в межличностных отношениях при решении той или задачи.

В заключение, важно сказать, что лидер, есть функциональная роль в системе межличностных отношений, направленная на коррекцию взаимоотношений при решении возникшей проблемы.

Лидер как функциональная роль ограничена системой группового взаимодействия, в то время как лидерство находится в пределах решаемой задачи. В целом отметим, что смена задач приводит к смене лидерства и в этом смысле задача определяет человека с лидерскими качествами.

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология : учеб. для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2004.
2. Занковский А. Н. Организационная психология : учеб. пособие для вузов по специальности «Организационная психология» М. : Флинта : МПСИ, 2000. 648 с.
3. Кретти Брайкет Дж. Психология в современном спорте ; пер. с англ. М. : Физкультура и спорт. 1978. 224 с
4. Макаренко А. С. «Педагогическая поэма» М. : ДиректМедиа, 2014. 324 с.
5. Морено Дж. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе»: Руководство Практического психолога и социального педагога. 2004. 433 с.
6. Майерс Д. Социальная психология. 6-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2008. 980 с.

СЕКЦИЯ 10
Рубинштеневские чтения

*Рубинштеневские чтения прошли
в Иркутском государственном университете
31 октября 2020 г.*

УДК 159.97
ББК 87.0я431

Решетников В. А., *Иркутск*

**Внутренние и внешние факторы формирования
мировоззрения профессора М. М. Рубинштейна**

Рассматриваются особенности становления и необходимость актуализации мировоззрения философа, педагога, психолога М. М. Рубинштейна.

Ключевые слова: философия, педагогика, внутренние факторы, внешние факторы, мировоззрение, гуманизм, антропология.

Reshetnikov V. A., Irkutsk

**Internal and External Factors of the Formation of the Worldview
of Professor M. M. Rubinstein**

The features of the formation and the need to actualize the worldview of the philosopher, teacher, psychologist MM Rubinstein are considered.

Keywords: philosophy, pedagogics, innor factors, autor factors, world view, humanism, antropology.

В этом году исполняется 142 лет со дня рождения и 67 лет со дня смерти М. М. Рубинштейна – уникального ученого и организатора, философа, психолога и педагога. Становление его мировоззрения проходила в уникальной, плотной и даже трагической обстановке конца XIX в. и середины XX в. – или, как иногда говорят, в ситуациях перехода от серебряного к железному веку. Сформулированные им педагогические принципы сохраняют свое значение и в наше время.

И прежде всего потому, что ситуация перехода повторилась в трагические для России 90-е гг. прошлого столетия. Псевдолиберальные творцы новой педагогики, среди которых можно выделить, например, сторонников либертарного образования с его идеей полной индивидуальной свободы, культом игры и идеей элиминирования всякой конкуренции, апологетов Вальдорфской школы, основанной на оккультном учении антропософа Штайнера, надломил устоявшуюся систему образования, которая, конечно же, имела свои недостатки и проблемы.

Однако традиционно с водой реформаторы выплеснули и ребенка. Этим ребенком был социальный гуманизм. Добавим – деятельностный социальный гуманизм, который реализовывался не только в учебной деятельности, но и в господствующем принципе добрых дел, в работе школьных общественных организаций. Это был отход не сколько от советской системы образования, сколько от гуманистических традиций немецкой педагогики, которая в снятом виде была заложена в основу советской образовательной системы. Проблемы воспитания отделялись от образования, сам процесс воспитания возлагался на социокультурную среду, которая была крайне непродуктивной для формирования личности.

Концептуальные подходы к образованию последнего десятилетия в связи с потерями социальных смыслов это не замечали. Смысловая динамика (М. Черепанова) в образовательном процессе, жажда смыслов, сформировала ситуацию того, что Э. Гуссерль обозначил требованием «Назад к самим вещам», определив тем самым необходимость перехода от умозрительных теорий непосредственно к живой действительности и ее феноменам. В то время это озвучивалось как противовес требования «Назад к Канту». Сейчас, на этом пути становится возможным преодоление двух теоретических конструктов – либерального и узкомарксистского, которые, между прочим, на деле являются родными братьями и наследниками общей гуманистической традиции. Или, по крайней мере, смыкаются в пафосе тотального отрицания предшествующих педагогических смыслов. Целью образования М. М. Рубинштейн считал воспитание творца культуры, в котором живо деятельностное начало. И это заставляет нас вновь перечитывать социально- педагогические тезисы М. М. Рубинштейна.

Социальное в мировоззрении М. М. Рубинштейна с необходимостью дополнялось гуманитарным измерением его мировоззрения. Собственные внутренние интенции развития мировоззрения необходимо толкали его к антропологизму и затем к гуманизму, отсюда и интерес к комплексированию педагогики, психологии и философии, синтезу теоретической и практической деятельности. Ему была свойственна напряженная мыслительная деятельность, которая прорывала узкие рамки внешних факторов.

Интегративным качеством жизни М. М. Рубинштейна, его внешних и внутренних факторов, как мне представляется, был гуманизм в его различных ипостасях.

Уточним, что движение гуманизма с XIV-XV вв. нередко определяют узкоевропейскими рамками. Это было специализированное сознание. Однако гуманистическая культура интернациональна и, одновременно, национальна. Ее ветви пересекались и перекрещивались, обретали свою специфику. В Китае, например, гуманизм был выражен понятием « Жень» – благородный человек. В Германии, где, в том числе, жил и работал М. М. Рубинштейн, реформационный гуманистический импульс проявлялся наиболее отчетливо. Несколько иная обстановка была в России, где гуманизм с необходимостью обретал активистскую, социальную форму, например, в движении народничества, сторонники которого хотели привнести в народ свет просвещения.

М. М. Рубинштейн стал свидетелем и участником грандиозного поворота в развитии России. По мнению известного исследователя гуманизма, профессора Жукоцкого, Октябрьская революция логически завершила прихотливый и капиллярный путь развития социального гуманизма в России. Большевики сыграли роль активного фермента Реформации в Европе – протестантизма. Идея творения нового бытия и нового человека (кстати, это и библейская идея) реализовалась в требованиях формирования гармонически и всесторонне развитой личности, преодоления безграмотности, в культе знания и науки, боготорчестве.

Соответственно, центральным объектом научного интереса, в целом внутренней жизни М. М. Рубинштейна, была проблема человека. Подлинная педагогика, писал он, решая задачи воспитания, принимает человека во всем многообразии его природного и культурно-исторического бытия. Человек рассматривается как: 1) естественное существо (часть природы), 2) социальная личность, 3) индивидуальная личность, 4) культурная личность. В педагогике, как пишет М. М. Рубинштейн, в общем, ставится задача указать средства и пути к воспи-

танию человека, как телесно и духовно всесторонне индивидуально развитой, сильной, жизнеспособной, социальной, самостоятельной, культурно-нравственной силы [1, с. 60].

Отмечу его технологическую направленность – еще в 1915 г. им был сформулирован принцип единство дошкольного, школьного и внешкольного учреждений в союзе с семьей, разработана проблема исследовательского метода обучения. Просветительский импульс прошел и через всю его организационно – педагогическую деятельность. Он был педагогом-практиком, организатором образовательных процессов.

Несомненно, Рубинштейн, как человек серебряного века, неуверенно чувствовал себя в наступившем железном веке с его торжеством экономического детерминизма, логикой идеологической целесообразности и узкоклассовым подходом. Внешне Рубинштейн занимался другими сугубо практическими делами, даже писал руководство для вождения автомобиля. Внутренне, искал компромиссы, в частности, старался преодолеть антитезы общечеловеческих и классовых ценностей путем их объединения. М. М. Рубинштейн был, несомненно, трагической фигурой, одним из последних представителей серебряного века русской культуры,

Советскому философу Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: *Идея должна многократно резонировать в пространстве смыслов. Только тогда она становится актуальной. И наша конференция – вновь актуализирует наследие просветителя и гуманиста, и тем самым вновь вводит его в научный оборот.*

Список литературы

1. Рубинштейн М. М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. М. : Книгоиздательство Т/д. К. И. Тихомирова, 1916.

УДК 316
ББК 60.5

Кармадонов О. А., *Иркутск*

Политическая символика в межгосударственных отношениях: возможности социального анализа

Рассматривается объективированная интеракционная система «государство – государство» через призму символических посредников – комплексами смыслов, созданных участниками коммуникации относительно друг друга и себя самих. Делается вывод о том, что учет такой символики политического характера способствует более глубокому социальному анализу данной сферы.

Ключевые слова: интеракционные системы, государство, политическая символика, социальный анализ.

Karmadonov O. A., *Irkutsk*

Political Symbols in Interstate Relations: Possibilities of Social Analysis

The objectified interactive system “state – state”, like all other systems of social interaction, is largely determined by symbolic intermediaries – complexes of meanings created by the participants of communication in relation to each other and themselves. Taking into account such symbols of a political nature contributes to a deeper social analysis of this area.

Keywords: interactive systems, state, political symbolism, social analysis.

Суть оппозиции. Государства выступают как акторы международной арены, вступающие во взаимодействие друг с другом и «относящиеся» друг к другу тем или иным образом. Как уже говорилось, государство, как феномен, является масштабной проекцией парадигмы социальных связей вообще, воплощающей в себе «потребность в какой-либо власти» (Дьюи) и предупреждение «войны всех против всех» (Гоббс). Всякое государство, локализовавшись однажды геополитически, «обнаруживает» себя в окружении государств-визави, факт существования которых заставляет с собой считаться, и необходимость вступления в отношения с которыми является естественной потребностью. Сущность государства такова, что если на внутренней арене оно выступает в роли «попечителя» и «гаранта», то на внешней – в качестве «контактора», прежде всего (исключая случаи протектората). Отношение к государству-визави, как правило, формируется на основании отношения к государствообразующей нации – даже в случае декларированной наднациональной сущности государственного образования. Инерционная сила сформировавшегося однажды представления такова, что неизбежно заставляет визави ассоциировать «нетитульные» нации с «титульной», как в случае Советского Союза,

который на протяжении всей своей истории продолжал оставаться на внешней арене «Россией», а все населявшие его народы воспринимались, соответственно, как «русские».

Другое государство всегда воспринимается как «предстоящее», и, принимая во внимание роль экономических, демографических, политических и этнокультурных факторов, всегда представляет собой большую или меньшую угрозу (точно так же, как личность-визави, группа-визави, и нация-визави). В силу этого, основной целью государства будет являться максимально возможная оптимизация собственных «жизненных шансов» (Дарендорф), сохранение себя, своей территории, ресурсов, и своего символического универсума. Способы достижения этого можно называть как угодно – «баланс сил», или «баланс интересов» (второе есть, скорее, эвфемизм первого, а не «качественно новое состояние»), но эгоистическая сущность государства является доминирующим фактором в определении его целей и формулировании интересов. Характерной особенностью современного мира является то, что государства сегодня вынуждены отстаивать не только свою территориальную целостность и политико-экономическую независимость, но и свои символические универсумы, подвергающиеся в условиях «информационной эпохи» постоянной экспансии со стороны различных форм культурной унификации, «символическому насилию» (Бурдьё), приобретшему статус фактора международных отношений.

Структура символизируемого. Комплекс символизируемого в данной оппозиции составляют экспоненты, присущие как субъективированным, так и объективированным интеракционным модальностям. Символизируются параметры: «как выглядит», «что говорит», «что делает», а также место в международном контексте, «возможности» и «образ жизни». Кроме того, «среднее всеобщее» представление формируется здесь в значительной степени на основании, так сказать, субъективированного фактора, т. е., обусловлено впечатлением, производимым основной репрезентативной личностью – главой государства.

Комплекс символизируемых экспонент можно, соответственно, подразделить на субъективированные и объективированные. Глава государства-визави воспринимается через те же, указанные выше параметры. Складывающийся символ-предел «сверяется» с собственным символическим комплексом, с представлением о том, как «должен» выглядеть, вести себя, и говорить государственный лидер. Как правило, происходит экстраполяция сложившегося в отношении лидера символа-предела на все государственное образование. Экспоненты «место в международном контексте», «возможности» и «образ жизни»

являются, преимущественно, объективированными параметрами. «Место» и «возможности» проявлены особенно зримо, в качестве же «образа жизни» внешним наблюдателем воспринимаются характер и содержание внутренней и внешней политики, особенности культуры, и история взаимоотношений с другими государствами. Например, «образ жизни» России часто воспринимался и воспринимается как «агрессивный», «нецивилизованный», что обусловлено, по мнению некоторых зарубежных исследователей, продолжающимся состоянием *зависимости* нашей страны.

Опираясь на идею Кеннета Джовитта о том, что одержимость идентичностью и постоянные сравнения с развитыми странами Запада были распространены среди зависимых стран, и сами по себе могут рассматриваться как состояние зависимости [4, с. 23], Ежи Гирус, например, высказывает мысль о том, что «в условиях зависимости государство действует, главным образом, как «международный дипломатический персонаж». В этой функции оно осуществляет свою политику, чрезвычайно беспокоясь о том, какого рода реакцию произведет она во внешнем мире. В России это особенно ярко проявляется в переломные моменты ее истории, когда характерные порывы лидеров, и элиты вообще, в большей степени были направлены на удовлетворение Запада, чем на разрешение реальных проблем у себя дома. В такие моменты успехи внешней политики обставляются особенно зрелищно, в то время как внутри страны особых изменений к лучшему нет. Среди различных государственных лидеров России, даже Сталин, случалось, действовал на такой манер, не говоря уже о Хрущеве и Горбачеве» [3, с. 77.]. Кажется очевидным, что все еще переживаемый нашей страной очередной «поворотный момент» истории в целом подтверждает правоту, содержащуюся в этих словах польского политолога. Внешнеполитические успехи России, при всей их скромности, обставляются пышно и зрелищно, из реальных же проблем внутренней жизни не разрешена пока, фактически, ни одна.

Функционирование символов. Взаимные символические ряды в рассматриваемой оппозиции формируются, как было сказано, исторически и онтологически. Созданные представления также транслируются от поколения к поколению через социальную память и оказывают свое влияние на взаимодействие государств в новых исторических условиях. Факт противостояния и необходимость сосуществования влекут, вместе с тем, за собой перманентную корреляцию интересов и реальных возможностей. Наряду с этим, те или иные действия на международной арене обусловлены, все-таки, зачастую именно тра-

диционными представлениями друг о друге и о соотношении сил. Отсюда возникают спорные территории, «исконно принадлежащие» тому или иному государству, традиционные союзы и коалиции. Оппонирующие символические универсумы, культивирующие и оберегающие престиж или пафос государств стремятся к выживанию, и используют для этого все доступные средства, включая экспансию своего «образа жизни», т. е., паттернов поведения, мышления, и мироощущения. Естественно, что всякая «интервенция» символического комплекса, осуществляемая как прямыми, так и опосредованными методами, встречает более или менее сильное сопротивление со стороны комплекса государства-визави, преследующего точно такие же цели. Мотивация естественна – пространственное расширение именно твоего варианта смысловых интерпретаций расширяет, фактически, и твою ойкумену, твой «жизненный мир» увеличивается за счет приобретения новых «территорий манипуляторной сферы» (Шютц) – понятных, доступных, и подвластных тебе. Поэтому несут свое понимание демократии в широкие международные массы Соединенные Штаты, поэтому же занимался ревностным прозелитизмом социализма Советский Союз, и поэтому же существует институт религиозного миссионерства.

Наряду с этим, степень конгруэнтности оппонирующих комплексов не теряет своего значения в формировании отношений и в данной системе. Большое совпадение комплексов имеет шансы продуцировать и более гармоничные отношения, хотя на международной арене в действие включается и множество других соображений и сиюминутных интересов. В случае расхождения, принципиального и давнего, или же обусловленного сугубо ситуативно, возникают часто уничтожающие взаимные эпитеты, такие, как «подлый Альбион» (хотя, «в действительности», это – «Великая Британия»), «грязный бош» (между тем, как «на самом деле», это – «тысячелетний рейх»), «дремучая Московия» (в то время как это – «третий Рим, а четвертому не быть»). Практически каждое государственное образование стремилось добавить к своему названию эпитет «великий», и дезавуировать его каким-то образом у государства-визави. Среди всех самоназваний государств самыми образными, пожалуй, являются названия Китая, называвшего себя «Поднебесной империей» (Тянь-ся), «Четыре моря» (Сы-хай), «Срединное цветущее государство» (Чжан-хуа-го) и т. д. В сфере государственной власти Китая символичность традиционно была представлена системой «посмертных имен», присваиваемых усопшим государям, «эрами» или девизами правления, которые объявлял каждый новый монарх при вступлении на престол. «Девизы правле-

ния» присутствуют и в сегодняшней КНР, где сфера политического управления по-прежнему обладает в своем арсенале метафорой и обертоном, черпающими, по преимуществу, из классического философского наследия. Такого рода «девизы», представляющие собой ни что иное, как более или менее внятное растолкование массам ситуации в стране и предполагаемых по отношению к ней действий, не являются, конечно же, прерогативой только дальневосточной политической реальности. Такие, замешанные на ницшеанско-вагнеровской эпичности, образные и яркие политические концепты Гитлера как «молодой народ», «варварский цезаризм», «новый ренессанс арийцев»; рузвельтовские «новый курс» и «борьба с бедностью»; отечественные «перестройка» и «социализм с человеческим лицом», и даже «суверенная демократия» – суть явления одного и того же порядка. Главное различие заключается в характере дефиниций. В западной мысли, рационалистичной по своей сути, определения максимально конкретные, точные, но отражающие, как правило, лишь морфологию предмета. В китайской же мысли определения предельно абстрактны, неконкретны, на уровне философских символов-обобщений, но отражающие самую суть предмета, его истоки и глубинную идею, которую предлагается «пережить» и прочувствовать (се и) на уровне перцепций. И уже в процессе непосредственной реализации эти концепты наполнялись реальным, «осязаемым» содержанием, в большей или меньшей степени соответствующим общему обозначенному контуру, социально-политическому символу.

Перечисленные выше символы-концепты носят, так сказать, квази-сакрализованный характер. Всякое государство, оформляя свой идеологический свод, стремится придать его постулатам в высшей степени значимый и серьезный вид. Это служит, прежде всего, цели легитимации, оправдания проводимого курса. Используемые для этого символы рекрутируются зачастую из прошлого исторического опыта, который идеализируется и позволяет с собой солидаризоваться, что должно демонстрировать преемственность и верность, а, значит, подтверждать идентичность. Корни прошлого (даже полужасошные) всегда используются настоящим, если оно думает о будущем. Постсоветская Россия также пытается все время апеллировать к историческому наследию, однако попытки эти все какие-то неуклюжие и больше походят на профанацию, нежели сакрализацию³¹. Показательно, в этой связи, и то, что ничего действительно нового Российская демократическая власть не создает. Можно сказать, что весь ее творческий импульс сводится или к «вытаскиванию» старых, досоветских

символов, или к выхолащиванию смысла символов советских, причем, и в первом и во втором случае пафосное содержание совершенно отчетливо доминирует. Показательно и то, что этот пафос часто сопровождается эклектикой, как в случае российского государственного гимна, или знамени Вооруженных сил. Перегруженность смыслами неизбежно создает полную бессмыслицу.

Таким образом, символы в системе государственной власти являются, как и везде, диалектической категорией. Они могут создаваться, элиминироваться, реанимироваться, дезавуироваться и реабилитироваться. Вместе с тем будучи инструментом тонким и сложным, политические символы требуют такого же к себе отношения и такого же с собой обращения. В противном случае они либо нейтральны и недействительны (легкий вариант), либо работают против своего же создателя/реаниматора (тяжелый вариант).

Символизация. Относительная гуманизация современного мира, выражающаяся в осуждении войн, как средств политики, в декларации права народов на самоопределение, и т. д., не повлияла, в принципе, на исходные факторы конфликтогенности мира. То есть – на потребности в дешевой рабочей силе, в рынках сбыта и сырья, на амбициях и стремлении утверждения своего «места» и увеличения «возможностей». Наряду с этим, условия современного мира таковы, что, исходя из его высокой интегрированности, взаимопроницаемости и развития средств массовой коммуникации, экспансионистски ориентированные государства обретают возможность реализации своих устремлений и интересов на новом, более опосредованном и сложном уровне. Для того чтобы заставить то или иное государство или группу стран следовать в русле определенных предпочтений, часто достаточно использовать символическое давление. Осуществляться оно может как через различного рода политические, экономические, и военные международные организации, так и через экспансию смысловых комплексов. Таким образом, как уже говорилось выше, «символическое насилие» приобретает, на наш взгляд, статус фактора международных отношений. Бурдьё, рассматривая феномен «легитимного», или «правильного» языка, вводит такие понятия, как «лингвистический рынок», и «держатели лингвистического капитала». Именно последние, согласно французскому социологу, «определяют законы ценообразования лингвистического рынка», который, через разработанную систему санкций обеспечивает легитимизацию «официального языка», т. е., определяет наиболее ценный и должный вокабуляр, и отклоняющийся от нормы [1, с. 51]. Наряду с этим, Бурдьё говорит о феномене

символической власти, «конституирующей данность через речь, заставляющей людей видеть и верить, подтверждающей или трансформирующей видение мира, и, тем самым, воздействующей на мир. Это почти магическая власть, дающая возможность обрести эквивалент того, что обретается силой физической или экономической» [1, с. 170]. Социолог рассматривает феномены «символической власти» и «лингвистического рынка» применительно к дифференциации социального пространства и диспозиций агентов, опираясь, в частности, на марксистское понимание доминирующего класса, как стремящегося, в целях удержания своего положения, к приданию статуса «всеобщности» своим воззрениям и своей культуре [5]. Доминирующий класс, таким образом, реализует символическую власть через символическое же насилие, как опосредованное принуждение людей не только к определенному виду электорального поведения и политической культуры, но и к определенным образцам потребления, производства, отдыха, и т. д., создавая и распространяя в обществе набор *предпочтительных суждений* и категорий очевидности. Более того, держатели символического капитала, являющиеся основными заказчиками идеологической продукции, следят, по мнению Бурдьё, за тем, чтобы символическое насилие трактовалось его адресатами совершенно определенным образом, т. е., не как таковое, поскольку только в этом случае, оно будет действительно эффективным. Соответственно, «идеологическая продукция тем действеннее, чем более она способна представить аморальной или незаконной любую попытку редуцировать ее до ее истинного содержания. Способность обвинить всякое исследование идеологии в *идеологичности* есть специфичная характеристика доминирующей идеологии: оглашение скрытого содержания дискурса является скандальным, поскольку оно высказывает то, что «ни в коем случае не должно быть оглашено» [1, с. 153]. Сходные идеи формулировал и Хью Данкан, писавший о том, что «величайшая социальная революция двадцатого века имела место именно в коммуникации, средствах, с помощью которых власть предержажие создают и контролируют образы, или наименования, и легитимизируют, тем самым, свою власть... Идеологии являются символическими формами, они есть *наименования*, и тот, кто создает и контролирует эти *имена*, контролирует наши жизни. Любой «справочник революционера» говорит о том, что первым шагом в захвате власти является приобретение контроля над всеми символами власти и средствами коммуникации. Мы можем взять власть силой, однако, наше поведение определяется именно образами, используемыми в повседневной коммуникации, и

тот, кто контролирует создание и распространение этих образов, контролирует общество» [2, с. 33]. Эти положения вполне применимы, с нашей точки зрения, и к анализу рассматриваемой интеракционной системы. В условиях глобализации совершенно явно возникает и глобальный лингвистический рынок с совершенно определенными держателями лингвистического капитала, относящимися, прежде всего, к так называемой «атлантической социокультурной модели», которая и определяет процессы «ценообразования» на данном рынке.

Список литературы

1. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge: Harvard University Press, 1991.
2. Duncan H. D. Symbols in Society. New York: Oxford University Press, 1968.
3. Gierus, J. Russia's Road to Modernity. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1998.
4. Jowitt K. The Leninist Response to National Dependency. Berkeley: University of California Press, 1976.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (1 Глава «Немецкой идеологии») // Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1985.

УДК 316;2-18

ББК 87.6

Полюшкевич О. А., *Иркутск*

Социальная антропология управления: тенденции изменения мировоззрения молодежи

Приводится анализ стратегий социальной антропологии управления, осуществляемый через макро-, микро- и мезоуровни управления. На примере учета опыта прошлого, настоящего и будущего в становлении мировоззрения молодежи выделяются уровни трансформации последнего, а также через моделирование социальной антропологии управления регулируется социальное взаимодействие и перспективы социального воспроизводства.

Ключевые слова: антропология управления, мировоззрение, молодежь, уровни взаимодействия, микроуровень, макроуровень мезоуровень.

Polyushkevich O. A., *Irkutsk*

Social Anthropology of Management: Trends in Changing the Worldview of Youth

The article analyzes the strategies of social anthropology of management, carried out through the macro, micro and meso levels of management. Using the example of taking into account the experience of the past, present and future in the formation of the worldview of young people, the levels of transformation of the latter are highlighted, and also through modeling the social anthropology of management, social interaction and the prospects of social reproduction are regulated.

Keywords: anthropology of management, worldview, youth, levels of interaction, micro-level, macro-level, meso-level.

Мировоззрение – это система ценностных, моральных установок, определяющих систему картины мира людей, живущих в определенное время в конкретном месте. Оно является сочетанием индивидуальных и коллективных стратегий восприятия происходящих трансформаций.

Мировоззрение молодежи зависит от: социализации, традиций, современных условий адаптации и видения прошлого. Иными словами от опыта, полученного в прошлом, опыта накопленного как поколениями предков, так и личного опыта; опыта, получаемого в настоящем, позволяющего наиболее успешно адаптироваться к переменам; ориентиров на будущее, уверенность в своем и государственном будущем, понимание своих перспектив и перспектив своей семьи, умение прогнозировать и моделировать различные стратегии развития будущего.

Социальная антропология управления предлагает структуру изучения трансформации мировоззрения студентов через три свои системы: макро, микро и мезо уровни. Макроуровень предполагает учет и систематизацию исследования изменения социальных институтов, таких как образование, религия, армия и другие. Микроуровень предполагает моделирование вариантов развития социальных групп – таких как рабочие коллективы, семья, друзья. Мезоуровень предполагает моделирование изменения личных стратегий социализации и адаптации к меняющимся условиям.

Изменения макроуровня касаются всех поколений, но более остро чувствуются молодежью. Опыт прошлого как никогда нивелируется в силу своей невостребованности. Изменения в настоящем настолько радикальны, что предшествующее знание в образовании, религиозных догмах перестает быть ресурсным и становится пустым символом, не наполненным личными смыслами. Опыт настоящего не дает уверенности в том, что сегодня будут востребованы те знания, навыки и умения, что молодые люди получают сегодня. И еще большее сомнительны перспективы применения его в будущем. Будущее настолько не определено, насколько может вызывать вопросы любая сфера нашей жизни: начиная от сложных научных открытий с точными расчетами, заканчивая повседневными практиками. Изменения вносят виртуализация, глобализация, технологизация жизни. За этим всем скрыта социальная разорванность и опустошенность. Непредсказуемость макроуровня говорит о том, что глобальные социальные институты теряют свою силу, а вместе с ней и значимость для людей и целых социальных групп. Это говорит лишь о том, что старые социальные институты уходят в прошлое и мы сейчас находимся на стыке

новых времен, где зарождаются новые социальные пространства, связанные прежде всего с медиа миром, миром виртуальности.

Изменения микроуровня также проникают в жизнь всех без исключения людей, находящихся в обществе, так как оно соткано из взаимодействия микрогрупп. Рабочие коллективы меняют свой характер работы и взаимодействия. Влияние пандемии, подтолкнуло еще более интенсивно развиваться удаленной виртуальной работе. Коммуникации с членами семьи, с друзьями и коллегами все чаще происходят в социальных сетях сети Интернет, а не при личном общении. Это меняет уровень коммуникации, представления об интеракции и формы социальных контактов, что может отражаться через введение символов в виртуальном взаимодействии (смайлы), утрате аудио взаимодействия. В прошлом общение шло несколькими путями – письменно, устно, через жесты, сегодня формат коммуникации шире – общение в Viber, WhatsApp, Skype, Zoom – позволяет вступать во взаимодействие более разнообразными способами. Настоящее предлагает больше вариантов для коммуникации, чем прошлое. В будущем ориентиры личного общения останутся в прошлом. Мир виртуального станет средой жизни для молодежи и все процессы микроуровня будут протекать именно в нем.

Изменения мезоуровня также напрямую касаются молодежи. Если в прошлом отстаивание своих представлений могло вылиться в конфликт отцов и детей, то сегодня это конфликт ресурсов и возможностей использования своего потенциала в виртуальном пространстве, которое дает шанс каждому, но ценой тому его время и личные реальные переживания, чувства и эмоции, которые заменяются альтернативой жизни в виртуальном мире. Настоящее дает шанс многим молодым людям уже сегодня начать ту жизнь, которая станет повсеместной в будущем, значительная часть этой возможностью пользуется. В будущем эти тенденции лишь усилят свое влияние на личность молодых людей. Угрозой нашей жизни может стать то, что мы суррогат ее будем принимать за оригинал, а от реального опыта откажемся, так его и не коснувшись.

Таким образом, выделенные нами три уровня социальной антропологии управления, позволили показать изменение мировоззрения студентов в современном обществе. Эти тенденции будут в будущем лишь усиливаться, подчеркивая социальный надлом и внутренние изменения. Регулярное изучение данных явлений позволит более точно понимать и управлять мыслями, действиями и поступками молодых людей, а позже и всего общества.

Список литературы

1. Ардашев Р. Г. Иррациональность общественного сознания // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 2. С. 76–84.
2. Ардашев Р. Г. Иррациональные страхи населения: воздействие цифровизации государственных услуг // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полощкевич, В. Ю. Митусова. Иркутск, 2020. С. 165–168.
3. Иванов Р. В. Смешанная реальность: сущность символического симбиоза // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2017. С. 114–117.

УДК 316.614.5

ББК С5 60.5

Дружинин Г. В., *Иркутск*

Образовательные средства корпоративной социализации в современной России

Рассматривается понятие и классификация социализации. Дается определение корпоративной социализации, описываются ее существенные признаки. Указываются виды средств корпоративной социализации: информационно-идеологические; информационно-правовые; организационно-педагогические средства. Отмечается, что наиболее эффективными средствами корпоративной социализации выступают организационно-педагогические методы, к которым относят образовательные методы и технологии.

Ключевые слова: корпорация, социализация, культура, корпоративная культура, корпоративное сознание, корпоративная социализация, корпоративное образование.

Drujinin G. V., *Irkutsk*

Corporate Socialization Educational Tools in Modern Russia

In the scientific work, the concept and classification of such phenomena as socialization is considered, a definition of corporate socialization is given, there are essential features of this description. The types of means of corporate socialization are indicated: informational and ideological; informational and legal; organizational and pedagogical. It is noted that the most effective means of corporate socialization are socio-pedagogical methods, which include educational methods and technologies.

Keywords: corporation, socialization, culture, corporate culture, corporate consciousness, corporate socialization, corporate education.

Процесс социализации занимает центральное место в вопросах развития личности и выступает объектом изучения социологии, психологии, педагогики и ряда других наук. В ходе социализации человек усваивает социальные нормы, требования как общества в целом, так и отдельных социальных групп, что позволяет человеку активно устанавливать коммуникацию с другими членами общества, открывая при этом доступ к различным видам ресурсов. Данный процесс, как верно отмечает А. И. Кравченко, сопровождает человека на протяжении всей его жизни, выступая неотъемлемой частью жизни [8].

Согласно содержанию толкового словаря иностранных слов *социализация* (лат. *socialis* – общественный) понимается как процесс становления личности, освоение индивидом социальных норм и ценностей общества [6]. На наш взгляд, под социализацией следует понимать не только процесс освоения индивидом социальных норм и ценностей общества, а также социальных ценностей отдельных социальных групп и корпоративных организаций, потому что человек в процессе своей жизнедеятельности вступает в различные социальные структуры общества.

Социализацию рассматривают не только как процесс усвоения, но и процесс воспроизводства человеком культурно-исторического опыта (знаний, умений, норм, ценностей, стилей поведения и т. п.) того общества, к которому он принадлежит [14]. Следовательно, человек, попадая в определенную социальную группу или корпорацию, проходит этап знакомства с целями социальной группы и общества, принимает ценности и, продолжая нахождение в социальной организации, поддерживает эти ценности.

В работе «Теория социализации» Ф. Гиддингс дает свою трактовку термину социализация, понимая ее как «развитие социальной природы или характера индивида, подготовку человеческого материала к социальной жизни» [1]. В данном случае социальная жизнь, на наш взгляд, предполагает определенную совокупность социальных правил (социальных норм), которые обязан соблюдать индивид, так Дж. Мид указывал, что социализация в раннем возрасте происходит через постепенное освоение ребенком социальных ролей в группах [11, с. 216].

Данный процесс предполагает как усвоение, так и активное воспроизводство индивидом социокультурного опыта (социальных норм, ценностей, образцов поведения, ролей, установок, обычаев, культурной традиции, коллективных представлений и верований и т. д.) [9].

К. В. Рубчевский трактует социализацию как результат диалектического взаимодействия индивида и общества, процесс вхождения индивида в социальные структуры посредством усвоения социально необходимых качеств [12].

Систематизируя основные понятия социализации, данную дефиницию можно рассматривать как: саморазвитие личности; освоение определенных наборов ценностей и норм; адаптация индивида к социальной среде; формирование личности по заданному идеальному типу [5, с. 43].

В связи со сложностью структуры процесса социализации, проявлении его в различных социальных сферах и областях существует множество классификаций такого явления как социализация.

Например, Смелзер выделял классовую, гендерную, расовую и этническую социализации [13]. П. Штомпка называет еще четыре вида социализации: политическую социализацию, превосхищающую социализацию, обратную социализацию и контрсоциализацию (освоение девиантных ролей).

А. И. Ковалева рассматривает несколько оснований для классификации различных социализаций. По характеру социальности она выделяет естественную, примитивную, сословную, стратификационную, единообразную, регламентированную, патерналистскую, конформистскую, гуманистическую, моносоциокультурную и поликультурную социализации. По содержанию – познавательную, профессиональную, правовую, политическую, трудовую, экономическую социализации. По результативности – успешную, нормативную, кризисную, отклоняющуюся, принудительную, реабилитационную, преждевременную, запаздывающую социализацию [7].

На наш взгляд, можно дать следующее определение корпоративной социализации.

Корпоративная социализация – это процесс передачи и освоения сотрудником социальных норм корпоративной культуры организации, направленный на адаптацию сотрудника в коллективе на повышение знаний, навыков и умений, необходимых для эффективной трудовой деятельности, в целях формирования у сотрудника чувства ответственности по отношению к корпорации, принятие существующих корпоративных идеалов и ценностей, а также интеграции сотрудника в коллектив корпорации

По сравнению с иными видами социализации корпоративная социализация имеет ряд специфических особенностей.

Во-первых, это процесс передачи и освоения норм корпоративной культуры. Корпоративные ценности и нормы корпоративной культуры имеют внешнее выражение, и наряду с существованием в сознании людей обладают письменным характером закрепления. Например, часть норм корпоративной культуры можно наблюдать в таких письменных документах как кодекс корпоративного поведения или корпоративной этики. Безусловно, определенная часть норм корпоративной культуры будет закрепляться в уставах корпораций, где отражены цели и корпоративные интересы организации.

Во-вторых, данный процесс является целенаправленным, поскольку преследует определенные цели: адаптацию сотрудников к той среде, которая существует в коллективе корпорации, присвоение ценностей и идеалов корпорации. Кроме этого, сотрудник в процессе

корпоративной социализации приобретает знания, навыки и умения, необходимые ему для эффективной трудовой деятельности в конкретной корпорации. Наконец, заключительная цель корпоративной социализации является повышения уровня лояльности самой корпоративной структуры. Повышая лояльность своих сотрудников, корпорация тем самым снижает уровень конфликтности, в определенной степени решает проблему кадрового состава, повышает уровень своей репутации и престиж. Так, Э. Дюркгейм отмечал в своих трудах, что социализация ориентирована на достижение определенных целей: контроль эгоистические побуждения и формирование в индивиде чувства ответственности по отношению к социальной группе и принятие существующих идеалов и ценностей [18].

В-третьих, корпоративная социализация является вторичной, потому что, индивид, вступая в корпорацию, уже обладает некоторыми представлениями о социальных нормах. Кроме этого молодой сотрудник имеет опыт взаимодействия с агентами первичной социализации близкие или дальние родственники, ближнее окружение как друзья, сверстники, учителя, тренеры. Осуществляя процедуру трудоустройства и устанавливая отношения с корпорацией, молодой сотрудник уже взаимодействует с агентами вторичной социализации [10].

Полагаем, что средства корпоративной социализации могут быть объединены несколько групп: информационно-идеологические; информационно-правовые; организационно-педагогические.

Информационно-идеологические средства закрепляют и отражают корпоративные ценности организации в информационной среде и информационном пространстве. Например, к таковым средствам можно отнести сайт корпорации, наличие аккаунтов в социальных сетях, активное рг-продвижение в средствах массовой коммуникации.

Информационно-правовые средств имеют своей целью первичное ознакомление с ценностями корпорации путем изучения правовой документации в компании (уставы корпорации, кодексы корпоративной этики (поведения) в корпорации, корпоративных актах (инструкции и положения).

Организационно-педагогические средства представляют собой совокупность средств, которые находятся в единстве и взаимодействии, в результате чего создают систему корпоративного обучения в организации.

Значимость систем корпоративного обучения с каждым годом возрастает, при этом руководители корпораций стремятся к формированию образованной, мобильной и эффективной команды [3].

Для современных компаний модель корпоративного обучения представляет собой циклический процесс, состоящий из последовательных этапов, среди которых анализ потребности в организации обучения и развитии коллектива организации; собственно организация обучения, включающая разработку соответствующих образовательных программ; проведение обучения и внедрение программ и методов обучения в деятельность корпорации; мониторинг и оценка эффективности обучения [4].

Вместе с этим, к организационно-педагогическим средствам могут быть отнесены: учрежденные корпоративные университеты; самостоятельно разработанные образовательные программы; внедрение методов обучения;

В современной России многие крупные корпорации стремятся к созданию собственных корпоративных образовательных учреждений, например, корпоративный университет РЖД, корпоративный университет Сбербанка, корпоративный университет Газпрома [14; 15]. Соответственно, корпорации делают выбор в пользу сохранения и развития человеческого капитала организации [2].

Отдельно следует отметить роль методов обучения, которые способствуют корпоративной социализации. Стажировки являются классическим средством обучения сотрудника. При проведении стажировки («секондменте» (от *secondment* – командирование), осуществляется командирование сотрудника в другую среду и организуется его образовательный процесс.

Наставничество (*mentoring*) является традиционным методом обучения. Наставничество представляют собой отношения, в которых опытный или более сведущий специалист помогает менее опытному усвоить определенные компетенции. В процессе такого взаимодействия происходит освоение не только знаний и компетенций, но и передача корпоративных ценностей.

Проведение тренингов и курсов в целях раскрытия потенциала личности обучаемого (коучинг (*coaching*)). Данный метод направлен на раскрытие скрытых резервов и возможностей психики. Тьюторство (*tutoring*) представляет собой сопровождение процесса обучения молодого сотрудника, обсуждение с ним опыта переноса полученных знаний в реальную практику. Данная модель в большей степени востребована в образовательных учреждениях англосаксонских государств.

К методам обучения, способствующим корпоративной социализации, могут быть отнесены также включение обучаемого сотрудника в процесс деятельности другого сотрудника – баддинг (от *buddying* –

партнер), при этом молодой сотрудник может выступать каналом обратной связи для более опытного. Еще одной моделью является наблюдение молодым сотрудником за процессом работы в корпорации – шэдуинг (от shadowing – бытие тенью). Шэудинг, на наш взгляд, предполагает, что молодой сотрудник осуществляет только наблюдение, без вмешательств в рабочий процесс.

В заключении следует констатировать, что в настоящее время наблюдается увеличение спроса корпораций на корпоративное обучение. Корпоративные организации учреждают собственные образовательные корпоративные структуры, внедряют в свою деятельность образовательные методы и технологии, целью которых, в том числе, является адаптация сотрудников и повышение лояльности к компании. Образовательно-педагогические средства являются наиболее эффективными в процессе корпоративной социализации, в тоже время.

Список литературы

1. Гиддингс Ф. Г. Теория социализации (русс. изд.). М. : Речь, 1898. 238 с.
2. Гиниева С. В., Долженко Р. А. Трансформация системы корпоративного обучения персонала российской компании на базе корпоративного университета // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25, № 5. С. 842–851.
3. Глухова Л. В. Экономика знаний: модели, методы, управление : монография. М. : Изд-во Ин-т коммерции и права, 2008. 322 с.
4. Долженко Р. А. Система корпоративного обучения: содержание, место в системе образования и основные подходы к реализации в компании // Педагогическое образование в России. 2017. № 3. С. 6–12.
5. Загребин В. В. Процесс социализации молодежи через призму социологической теории // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Т. 3, № 1. С. 42–49.
6. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М. : Эксмо, 2006. 669 с.
7. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социс. 2003. № 1. С. 37–43.
8. Кравченко А. И. Социология: Общий курс : учеб. пособие для вузов. М. : Олма-ПРЕСС, 2002. 466 с.
9. Левит С. Я. Культурология. М. : РОССПЭН, 2007. 340 с.
10. Мардахаев Л. В. Социальная педагогика. Основы курса : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Педагогика, 2011. С. 63.
11. Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М. : МГУ, 1994. С. 240–270.
12. Рубчевский К. В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. С. 147–151.
13. Смелзер Н. Социология. М. : Наука, 1994. 650 с.
14. Степанов С. С. Популярная психологическая энциклопедия. М. : ЭКСМО. 2005. 672 с.
15. Устав Автономной некоммерческой организации дополнительного профессионального образования «Корпоративный университет Сбербанка». URL: <https://sberbank-university.ru/upload/Charter.pdf> (дата обращения: 15.09.2019).
16. Устав Частного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Газпром корпоративный институт». URL: <https://institute.gazprom.ru/about/official/documents/> (дата обращения: 15.09.2019).
17. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М., 1996. 416 с.
18. Dürkheim E. Elementarne formy zycia religijnego. Warszawa, 1990.

УДК 159.99
ББК 88.802

Дубровская Л. Д., *Иркутск*

К вопросу о ровесническом тьюторстве как форме реализации тьюторского сопровождения в вузе

Ровесническое тьюторство рассматривается как форма тьюторского сопровождения в вузе, при котором роль тьютора выполняет студент-старшекурсник – бакалавр или магистрант, а тьюторантами являются студенты младших курсов. Выделяется преимущества данной формы по сравнению с традиционной формой тьюторинга.

Ключевые слова: тьютор, ровесническое тьюторство, peer-tutoring, модернизация высшего образования, тьюторское сопровождение.

Dubrovskaya L. D., *Irkutsk*

On the Issue of Peer Tutoring as a Form of Implementation of Tutor Support at a University

This article analyzes the issue of studying peer tutoring as a form of accompanying students at a university. Peer tutoring is considered as a form of tutor support in a university, in which the role of a tutor is performed by an undergraduate or undergraduate student, and tutors are undergraduate students. The author highlights the advantages of this form in comparison with the traditional form of tutoring.

Keywords: tutor, peer tutoring, peer-tutoring, modernization of higher education, tutoring.

В настоящее время одной из основных реформ современной образовательной системы является внедрение индивидуальных образовательных траекторий (далее ИОТ) [8, с. 35]. Данная реформа вызвана общей ориентацией современного человека на персонализацию и индивидуализацию сфер жизнедеятельности. Массовый переход на дистанционный формат обучения, в связи с ситуацией пандемии COVID-19, усилил ощущение необходимости обращения к ИОТ в процессе обучения. Особую актуальность данный аспект приобрел для студентов вузов, т. к. дистанционное обучение потребовало от них больших затрат в отношении грамотной организации образовательного процесса, больших ресурсов планирования, расстановки приоритетов и т. п. Ответ на данные вызовы времени видится во внедрении деятельности тьютора в пространство вуза.

Тьютор – это особый педагог, который опирается на принцип индивидуализации и сопровождает построение индивидуальной образовательной программы [7, с. 14]. Так, Т. М. Ковалева отмечает, что существенным моментом является переход от индивидуального подхода в обучении к принципу индивидуализации. Поскольку «в отличие от индивидуального подхода принцип индивидуализации связан прежде всего с процессом самообразования, он позволяет человеку ориентироваться на собственные индивидуальные образовательные цели и

приоритеты» [4, с. 164]. Принцип индивидуализации позволяет обучающемуся не ограничиваться пространством только одного учебного заведения, студент имеет возможность строить индивидуальную образовательную траекторию как в рамках вуза, так и за его пределами.

Анализ литературы показал, что проблема тьюторства в вузе активно разрабатывается отечественными исследователями [1; 3; 6]. На данный момент разработано определенное количество моделей реализации тьюторского сопровождения студентов в высшей школе. Существенным моментом является, то, что в нашей стране данная проблематика разрабатывается не только в теоретическом, но и в прикладном плане. В качестве практических мер мы можем видеть действующую с 2007 г. Межрегиональную тьюторскую ассоциацию, программу подготовки магистрантов тьюторов в МПГУ и разработку профессионального стандарта «Специалист в области воспитания», включившего в себя обобщенную трудовую функцию «Тьюторское сопровождение обучающихся», а также ряд локальных мер по развитию тьюторского сопровождения на уровне отдельных университетов. В ходе теоретического анализа литературы мы обратили внимание, что исследователями в малой степени разработан такой аспект как ровесническое тьюторство. На наш взгляд, в настоящее время данная форма тьюторства в пространстве высшего учебного заведения имеет существенные преимущества по сравнению с традиционной формой тьюторинга.

Ровесническое тьюторство, или peer-tutoring, представляет собой форму тьюторского сопровождения в вузе, при котором роль тьютора выполняет студент-старшекурсник – бакалавр или магистрант, а тьюторантами являются студенты более младших курсов. На основе сравнительного анализа нами были выделены основные преимущества ровеснического тьюторства [5, с. 445]:

1. Минимизация влияния фактора «возрастного барьера» во взаимодействии тьютора и тьюторанта.
2. Осуществление тьюторского сопровождения как в рамках учебной, так и внеучебной деятельности.
3. Возможность расширения штата тьюторов за счет привлечения студентов, а не профессорско-преподавательского состава.
4. Двусторонняя система развития – развивается внутриличностный потенциал студента-тьюторанта и студента-тьютора.

На наш взгляд, реализацию ровеснического тьюторства возможно осуществить на базе такой студенческой организации как совет по научно-исследовательской работе студентов. Это обусловлено тем,

что совет по НИРС представляет собой группу студентов-энтузиастов, которые заинтересованы в развитии внутриличностного потенциала и построении индивидуальной образовательной траектории (ИОТ). Также важным является то, что совет по НИРС позволяет реализовываться не только в рамках научно-исследовательского направления деятельности, но также практико-ориентированного, организационного и творческого [2]. В дальнейшем планируется разработать и применить на практике модель ровеснического тьюторства, используя ресурсы совета по НИРС.

Список литературы

1. Ерофеева Н. Е., Мелекесов Г. А., Чикова И. В. Опыт реализации тьюторского сопровождения образовательного процесса в вузе // Вестник ОГУ. 2015. № 7 (182).
2. Жукова А. С., Маркер А. В. Внеучебная деятельность студентов вуза как ресурс для реализации задач тьюторского сопровождения (на примере сопровождения участников Совета по НИРС) // Проблемы теории и практики со-временной психологии : материалы XIX Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 141–144.
3. Зарипова Е. И. Тьюторское сопровождение самостоятельной работы студентов в экономическом вузе // СТЭЖ. 2011. № 14. С. 232–241.
4. Ковалева Т. М. Оформление новой профессии тьютора в российском образовании // Вопросы образования. 2011. № 2. С. 163–181.
5. Маркер А. В., Дубровская Л. Д. Из опыта реализации модели тьюторского сопровождения студента в рамках его внеучебной деятельности в вузе // Психология образования: образовательный потенциал развития личности: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. психологов образования Сибири с междунар. участием. Иркутск, 3–4 сентября 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; редкол.: И. В. Ярославцева [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 442–449.
6. Попов М. Н. Тьюторское сопровождение студентов в вузе // Гуманитарные науки. 2013. № 1 (25). С. 59–65.
7. Серебровская Т. Б. Тьюторство в контексте модернизации высшей школы // Вестник ОГУ. 2011. № 5 (124). С. 13–18.
8. Трансформирующиеся университеты / Центр трансформации образования Московской школы управления СКОЛКОВО. 2019. 160 с.

УДК 378.178
ББК 74.58

Толстопятов Ю. Ю., Москва
Попова В. В., *Иркутск*

Роль креативной среды учреждений образования в профилактике деструктивных явлений среди молодежи

В статье рассмотрено влияние среды университета на раскрытие личностного потенциала студента, роль креативной среды в профилактике деструктивных явлений в молодежной среде. Проведен анализ программ адаптации студентов в высших учебных заведениях. Раскрыта роль креативной среды университета как условия развития личности студента.

Ключевые слова: университет, креативная среда, молодежь, университетское воспитание, программа адаптации.

Tolstopyatov Y. Y., *Moscow*
Popova V. V., *Irkutsk*

The Role of the Creative Environment of Educational Institutions in the Prevention of Destructive Phenomenon among Young People

The article considers the influence of the university environment on the disclosure of the student's personal potential, the role of the creative environment in the prevention of destructive phenomenon in the youth environment. The analysis of adaptation programs for students in higher educational institutions was carried out. The role of the creative environment of the university as a condition for the development of a student's personality is revealed.

Keywords: university, creative environment, youth, university education, adaptation program.

Уже в период ранних исследований общества в эпоху Просвещения отмечалось, что среда вбирает в себя множество влияющих на формирование личности факторов. Эти общественные, материальные и духовные условия его существования формировали человека как целостного члена общества – однако не стоит забывать, что и деятельность занимала одну из важнейших позиций по степени влияния. В этом контексте интересно рассматривать произведения классических авторов Европы того времени: именно конфликт со средой порождал проблему в существовании героя, он переставал расти как личность и приходил к осознанию своего бремени.

В дальнейшем это привело к развитию романтизма и бунтарству героев, противостоящих среде, героев, заявлявших, что среда формирует лишь необходимых ей функциональных персонажей. Можно заметить, как в литературном пространстве конфликт героя со средой отображал реальные проблемы и сегодняшнего дня: лирический герой бунтовал и требовал ответа от среды, вырастившей его и оказавшей преимущественно негативное влияние на его развитие.

Неудивительно, что первые исследования среды и значения ее в жизни людей стали предметом изучения философов и педагогов – для одних интерес представляло само существование человека, вторые же непосредственно организовывали и руководили учебным процессом. Поэтому стоит упомянуть французского педагога и философа С. Френе, который в своих работах предположил, что главное для ребенка в его развитии как личности и члена общества – его опыт, приобретенный в семье, его общение со средой и раскрытие благодаря этому своих потенциальных возможностей с творческим развитием под руководством педагога.

Молодой человек должен быть субъектом среды, он должен понимать и изучать особенности своего существования. С развитием постструктурализма в конце XX в. научное сообщество привнесло новую систему профессионального самоопределения молодежи, которая уже была основана с упором на индивидуальные способности молодых людей и, что особенно важно, на теоретические пути преодоления рисков и угроз, вероятных в современном мире. Так наметился определенный переход от статического «научения» молодых людей возможности жить в мире к их самостоятельному, индивидуальному стилю жизни. Вкупе с помощью родителей ребенок запоминает пространство на условных символах и знаках, только начиная создавать и укреплять свой социокультурный базис.

То есть, в этом аспекте креативная среда в рамках семьи понимается нами как двухэтапная система: ребенок вбирает в себя социокультурные основы и общается со средой, создавая для себя жизненно важные конструкты. Второй этап подразумевает под собой непосредственно проецирование данного опыта и базиса в практической реализации – в играх, во взаимодействии со сверстниками и просто создании чего-либо. Ребенок на уровне своего понимания мира учится создавать что-то и придавать ему особое символическое значение, т. е. он субъект среды и учится быть не только статистом. В лучшем случае, он не только инфантильно выражает свои желания, но и умеет их подкрепить фактами – он знает правила среды и имеет пусть детские, но аргументы. Заклучим данную систему в два этапа: создание и пополнение социокультурного базиса, следом его практика и реализация. Интересно, что при анализе программ адаптации высшей школы мы наблюдаем такую же систему – дать справочную информацию о системе и основных направлениях, выявить основные сильные места с последующей деятельностью именно в этих сферах.

Креативная среда в рамках семьи мотивирует детей не играть и запоминать ролевое взаимодействие путем воспроизводства наблюдения за старшими (это имеет место быть, но для нас важен другой мотив). Данная среда и благоприятное влияние родителей стимулирует ребенка понимать и толковать мир, строя свою систему ценностей. Социокультурный базис позволяет ему не ограничиваться пока скудным житейским опытом, он проектирует и создает себя посредством всех указанных выше компонентов. При столкновении с негативными явлениями данный молодой человек будет в первую очередь изучать их, встраивая в свою систему ценностей и среду с его личными субъективными знаками.

Однако часто можно заметить, как излишний интерес ребенка осуждается средой и родителями, что, безусловно, негативно влияет на формирование его личности. В подтверждение данного факта можно привести работу П. Филмера, М. Филиппа, Д. Силвермана и Д. Уолша «Новые направления в социологической теории». В работе заявляется о конвенциональном характере и девиантности, и преступности, т. е. отклонение, формирующееся у молодого человека, – это не обязательно присущее качество отдельного компонента его личности, а «следствие соотнесения действий с правилами и применения санкций к нарушителю...» [2]. Это позволяет предположить, что личность, сформированная в условиях постоянного неодобрения и ограничений, загнанная в рамки, не соотнесенные со спецификой ее развития, естественных склонностей и предпочтений, может стать особенно восприимчива к деструктивным явлениям.

Среди отечественных ученых в контексте предмета изучения особо следует выделить фигуру А. С. Макаренко. Его педагогическая практика пришлась на бедственное для страны время: перед социально-педагогической системой стояла задача не только осуществлять работу со сложной группой беспризорников, но и постепенно включить их в социум как полезных членов общества. Данный опыт интересен нам с нескольких позиций: во-первых, он коррелирует с сегодняшней действительностью; во-вторых, система А. С. Макаренко позволяет увидеть практическую реализацию теоретических принципов. Выделим ключевые постулаты системы А. С. Макаренко:

1. Широкая социальная открытость образовательной системы.
2. Кооперация и взаимодействие системы с различными организациями (т. е. работа на предприятиях и коммуникативные отношения с организациями культурной сферы).

3. Момент общности с участниками образовательного процесса, система разновозрастной кооперации, структура, где молодежь непосредственно чувствует в организации.

Однако непосредственно полноценной реализацией данных идей в рамках уже конструктивной креативной среды служат работы В. А. Сухомлинского и его теория «Павлышской средней школы». Конечно, слишком идеализированное представление В. А. Сухомлинским образовательного процесса в современных реалиях не представляется возможным, однако стоит упомянуть, что именно в рамках данной школы мы наблюдаем реализацию «творческого умственного труда» в тандеме с педагогами. Умение руководителя увидеть таланты молодого человека с дальнейшим предоставлением возможностей для самореализации предоставляло возможность учащимся пополнять свой социокультурный базис и конструировать уже не простые аналоги действительности, как это было в детстве, а полноценно существующие структуры.

Систематизируем все вышесказанное в рамках обсуждения креативной среды. Начнем со свойств:

1. Общество меняется вкупе с изменяющимися личностными факторами. Образовательные структуры должны быть гибкими и иметь возможность перестраиваться в зависимости от тех или иных требований.

2. Элементы системы не должны быть отдельно взятыми компонентами, взаимодействие их должно быть непрерывным, а главное – использовать уже имеющийся опыт, прогнозируя явления.

3. Продолжая предыдущее свойство, заострим внимание на вариативности как жизненно необходимым. Не должно существовать золотого стандарта, потребности среды постоянно меняются и необходимо это учитывать при создании вариантов.

4. Упор на саморазвитие личности как основном компоненте обучения.

5. Упор на совместную деятельность, имеющую открытый характер.

6. Адекватная интеграция данной системы в общество (система должна использовать идеи нового порядка).

Данные свойства позволяют характеризовать образовательную среду как креативную. Можно заметить, что такая среда позволяет говорить об определенной гуманизации системы обучения, уходя от ее исключительно формальной составляющей. Главная характеристика воспитанника в креативной среде – носитель социального опыта, который одновременно с расширением сферы своей творческой дея-

тельности, общения и самосознания начинает все больше ощущать себя в контексте определенной культуры. В контексте профилактики деструктивного поведения данная среда позволяет молодым людям руководствоваться не только привитыми гуманистическими ценностями, но возможностью выбора между негативной вторичной социализацией и здоровым существованием в обществе благодаря собственным возможностям.

Так, ведя дискуссию о роли высшей школы в воспитании молодого поколения, М. М. Рубинштейн раскрывает в своих работах сущность университета, как определенного общества, сердцевиной которого является союз или живое взаимодействие двух групп сил – учащихся и учащихся [1, с. 310]. Рассматривая академическую жизнь как живое общение ищущих интеллигентных людей, представляя университетское сообщество и данное общение само по себе образовательным фактором, он говорит о вреде мысли, что только книги могут чему-либо научить, отводя главную роль личности, наделенной «безграничным духом исканий и находжений».

В контексте данной работы, по нашему мнению, это решающий фактор для преодоления деструктивных мотивов у молодежи. Основное отличие современности от прошлого – современные социокультурные условия, требующие от молодого человека использование своего творческого потенциала для организации жизнедеятельности. Однако, на примере отечественной современной школьной системы, можно наблюдать, как зачастую индивидуальность попирается авторитетом педагогов. Это не позволяет творческому началу активизироваться, и подросток не использует его как адаптивный инструмент. Еще более века назад М. М. Рубинштейн в своих трудах отмечал, что «...для нас важно установить в данный момент, что дурные среднешкольные нравы и привычки переселяются и в университет и поднимают здесь все тот же вопрос о том, как бороться с внутренним казенным духом, как создать настоящую, здоровую, хорошую атмосферу, которая действовала бы глубоко воспитательным образом на всех нас, которая исключала бы в корне возможность проявления всех этих недостатков. Наши сегования на среднюю школу оказываются во многих отношениях справедливыми потому, что на ее долю выпадает важная задача – подготовить молодежь к университетской жизни, и одной из наиболее существенных частных целей является требование подготовить к умению достойным образом пользоваться этой свободой» [1, с. 307].

Именно в этой связи необходимо говорить об особом, креативном образовательном пространстве, где будет стимулироваться творческое саморазвитие каждого включенного индивида.

Отдельно следует отметить возможность альтернативы деструктивным движениям и транслирование здоровых ценностей путем не агитации, а регулярного использования самими молодыми людьми инструмента, дающего им на когнитивном уровне понимание сущности вещей. В настоящее время понятие «креативная среда» не имеет одного и четкого определения. Одна из главных причин таких разных трактовок кроется в узости рассмотрения данного термина большинством ученых – часто внимание уделяется лишь креативному компоненту, когда, на наш взгляд, главным пунктом здесь является второй. Размышляя о роли университета в развитии молодежи, М. М. Рубинштейн рассматривает два основных варианта социализации: конструктивный и деструктивный. «Молодые люди оставляют гимназическую скамью с большими ожиданиями полноты и интереса академической жизни, молодые силы ищут исхода, но встречаются с печальными фактами нашей университетской жизни, которые заслоняют перед их взором то, что есть хорошего в ней, и, не находя идей, сплоченности и среды, в которой можно было бы дать выход этим силам в идейном направлении, не видя настоящего студенчества как коллектива идейного порядка, молодой студент идет сплошь и рядом за случайным сотоварищем по линии наименьшего сопротивления и погружается в пучину или чиновничьего отношения к университету, или же разгула и пустоты. Роль старших товарищей могла бы оказаться здесь чрезвычайно плодотворной. От юных студентов часто приходится слышать жалобы на одиночество и разрозненность студенчества, которые и толкают их на путь легкой рассеянной жизни»[1, с. 309].

В рамках нашего исследования были проанализированы программы адаптации новых студентов различных вузов России, с выделением их специфических особенностей и основных направлений деятельности. Стоит сказать, что при анализе данных программ можно заметить, как основательно специалисты высшей школы работают с новыми инструментами и используют новшества педагогической системы в целом. Так, программа Горно-Алтайского государственного университета имеет массово ориентированный характер и разделена на 10 пунктов, каждый из которых включает минимум 10 мероприятий различного вида. Большое внимание уделено сотрудничеству первокурсников с различными городскими организациями, привлекаются родители студентов. Университет имеет достаточно большой поток

студентов и интересно заметить, как данная особенность используется в организации программы адаптации и профилактики негативных явлений – воздействуя на новых студентов в массовом порядке посредством использования актива, университет получает мотивированных студентов, ориентированных на деятельность, отдельно этому способствует широкий выбор мероприятий, составленный из десяти пунктов.

Логично предположить, что креативная среда в данном университете создана путем взаимодействия актива и преподавательского состава. Несмотря на большой поток студентов, это позволяет минимизировать риски и получить постоянно обновляющуюся систему, где студенческая группа риска может получить помощь не только от сверстников, но и менторов свыше. При анализе данных программ удалось вывести примеры интересного использования технической базы университета. К примеру, Томский политехнический университет представляет собой образовательное учреждение практического плана, что объясняется технической спецификой самого учреждения. В сотрудничестве со студентами была разработана электронная база знаний «Справочник студента», которая и используется в процессе адаптации. На сайте можно записаться на курсы и посещать их самостоятельно.

Такой подход предполагает большую автономность студента, однако это лишь справочный материал для освоения в новой среде – сама же программа адаптации состоит из трех блоков. Информационный блок – это информация о пользовании справочником и личным кабинетом. Академический блок обучает студента пользоваться облачными технологиями, с информацией об отличиях различных удаленных серверов и использовании этих ресурсов в распределенных проектах, а также посещении мастер классов по своим увлечениям. Социально-психологический блок представляет собой серьезный этап, где студент познает собственные психологические особенности, возможности, формулирует собственные цели, учится распределять временной ресурс в игровой форме.

Подобная программа позволяет поместить студента в определенный «поток» и не дать ему отвлекаться на деструктивные мотивы – таким образом он не только создает и изучает что-то новое, он находит себя в дальнейшей области его работы.

Последней же хочется привести программу Кубанского государственного университета. Отдельно следует отметить основное ее отличие – лично-ориентированная модель работы, за группой прикрепляются кураторы, работающие в тандеме с педагогами высшего образовательного учреждения, особое внимание уделено превентивному

воздействию на девиационные течения в группе, в целом, можно назвать эту модель наиболее гуманистической и имеющий более теоретический характер.

Можно с уверенностью утверждать, что данная модель присуща всем классическим университетам. Подобное «родство» способно сыграть на опережение с деструктивными институтами – чувствуя общность со своей альма-матер, студент будет руководствоваться более здоровыми мотивами в деятельности, используя потенциал в креативной среде на конструктивные, созидательные вещи. М. М. Рубинштейн подчеркивает, что «...потребность в широком воспитательном воздействии в университете ощущается тем более остро, что средняя школа пока все еще идет по пути чистого надзора и не выполняет своей задачи быть отчасти и воспитательным учреждением. На этой почве там создаются и пышно расцветают цветы ученического бюрократического отношения к делу, бравирование пренебрежительным отношением к работе, взгляд на преподавателей в общем как на враждебную сторону и т. д.» [1, с. 306].

При анализе групп и сайтов, направленных на аутоагрессию, можно выделить мотив предоставления четкой системы координат. Многие сайты представляют собой манифесты с понятными молодежи трактовками многих понятий, к тому же часто они советуют, как справиться с тяжелыми событиями в жизни. Именно отсюда идут основные мотивы нанесения увечий и другого разрушительного воздействия на личность.

В контексте нашей работы данные этого анализа позволяют выявить основные проблемы, которые следует решить в рамках креативной среды – предоставление здоровой альтернативы в понятной форме, что мотивирует на деятельность. Тем актуальнее развитие креативной среды университета как площадки для коррекции. Раскрывая необходимость ее развития, М. М. Рубинштейн подчеркивает: «Путь университетского воспитания может быть только один: это – косвенное и главное – автономное воспитание или самовоспитание и взаимовоспитание» [1, с. 309].

Таким образом, мы можем обозначить условия развития креативной среды учреждений образования как одного из средств профилактики деструктивных явлений среди молодежи:

1. Формирование физического, интеллектуального и психологического пространства для реализации молодыми людьми своего потенциала (последствия отсутствия такой площадки для легитимной реализации своего лидерского, творческого потенциала описаны выше в цитате М. М. Рубинштейна).

2. Организация постоянного взаимодействия с педагогами в рамках внеучебной деятельности (введение системы наставничества, кураторства, сопровождения научной и творческой работы учащихся).

3. Закрепление на нормативном уровне программ работы с учащейся молодежью с понятным алгоритмом реализации деятельности (что продемонстрировано нами на примере программ трех университетов).

4. Развитие инициатив молодежи в соответствии с современным развитием общества и системами коммуникации (развитие проектной деятельности учащихся в сфере предполагаемой профессиональной деятельности с сопровождением специалистов, начиная с уровня идеи до уровня практической реализации).

Список литературы

1. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Т. 2 / под ред. Н. С. Плотникова и К. В. Фараджева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008. 376 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского)
2. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L.: Routledge and Kegan Paul, 1973.

УДК 1(091)
ББК 87.3(2)53-362

Бобков А. А., Бобков А. И., *Иркутск*

Философская самоидентификация М. М. Рубинштейна в контексте осмысления феномена самобытности русской философии

Показывается, что самобытность русской философии является проблемой аксиологического и историко-философского дискурса уже более двух столетий. Доказывается, что философское самоопределение М. М. Рубинштейна может послужить наиболее важным теоретико-методологическим элементом для анализа течений русской мысли дореволюционного периода. Анализируются проблемы философии жизни и философии смысла жизни, феномен самобытности в философии как науки. Доказывается фундаментальное положение М. М. Рубинштейна – наукоцентризм.

Ключевые слова: М. М. Рубинштейн, Н. А. Бердяев, самобытность, наука, религия, философская культура, традиция.

Bobkov A. A., Bobkov A. I., *Irkutsk*

Philosophical Self-identification of M. M. Rubinstein in the Context of Comprehending the Phenomenon of the Originality of Russian Philosophy

The article shows that the originality of Russian philosophy has been a problem of axiological and historical-philosophical discourse for more than two centuries. It is proved that the philosophical self-determination of M. M. Rubinstein can serve as the most important theoretical and methodological element for the analysis of the trends of Russian thought in the pre-revolutionary period. Analyzed are

the problems of philosophy of life and philosophy of the meaning of life, the phenomenon of identity in philosophy as a science. The fundamental position of M. M. Rubinstein – sciencecentrism. **Keywords:** M. M. Rubinstein, N. A. Berdyaev, identity, science, religion, philosophical culture, tradition.

Философия – это высказывание о бытии исходящее из сочетания внутреннего опыта и отрицания внешних стереотипов, решивших проблему заботы о мышлении будущих поколений весьма просто, т. е. никак. Никак, потому что наука была поставлена на такую высоту, что любому из нас кажется, что научение науке и есть решение проблемы мышления. Мы мыслим, потому что исследуем, а исследуем, потому что мыслим. Мышление универсально и не зависит от места, времени и культуры. Оно полностью зависит от знания. Поэтому философия должна стать наукой наук и для этого в первую очередь решить проблему самобытности. Ведь самобытность не позволяет служить человечеству и человеку вообще. Она ограничивает нас тем, что ставит границы так, что, минуя их, мы что-то теряем в своем мышлении, не приобретая ничего. Парадокс отрицания самобытности заключается в том, что оно, к сожалению, тоже самобытно в поклонении непониманию внутренней самобытности, например Запада, запрещающей западному мыслителю искать мысль вне собственной цивилизации. Ну ладно, для западного мышления и мыслителей, там граница все время растянута до вселенского (кафолического), но когда идет речь о человеке, знающем масштабы самобытности континента Россия на собственном опыте и, тем не менее, пытающегося сделать этот континент европейским через самобытную русскую философию западоцентристского характера.

В данном случае речь идет о попытке самоопределения характера своего философствования М. М. Рубинштейном. Для него в этом процессе речь шла не только о самоопределении собственного философского стиля, но и выработке понимания самобытности русской философии. Заметим, что, если в отношении собственного самоопределения М. М. Рубинштейн твердо стоит на позициях западоцентризма и научности философии, то в отношении самобытности русской философии он полагает, что найденные критерии ее самобытности, уводящие философию от индивидуального научного творчества в сторону иррационального осмысления религиозного опыта, являются не совсем теми началами, которые смогут вернуть русскую философию в ее самобытное состояние. Следует сказать также и о том, что такую задачу по самоопределению самобытности русской философии в то время решал не один Моисей Матвеевич Рубинштейн. Проблема са-

мобытности русской философии и ставилась задолго до него и решалась отнюдь неоднозначно. Однако позиция критического непринятия самобытности русской философии определяемую через ее религиозный смысл может нам дать представление о том, как определял самобытность русской философии будущий ректор нашего университета в 1909 г.

Почему во всем философском наследии М. М. Рубинштейна мы предлагаем обратить внимание на его решение вопроса о самобытности русской философии? Ответ довольно прост и важен. Вопрос о самобытности русской философии не решен до сих пор окончательно. Для всех очевидно, что она есть, но в чем она заключается? Чтобы прийти к некоторой ясности в решении этого вопроса, было бы полезным посмотреть на то, как это вопрос решался тем или иным мыслителем. Лучше всего для этого служат тексты, посвященные как раз этой проблеме. Следует сказать, что такой текст в наследии М. М. Рубинштейна есть и называется он «Правoverное ученичество или философская самобытность?». Напомним, что данная статья была опубликована газете «Русские ведомости» в 1909 г. и не переиздавалась вплоть до 2008 г., почти сто лет.

В каком событийном контексте родилось данное философское произведение? Россия только, что пережила революцию 1905 г. и в ней появилась публичная политика интеллигенции. Так как публичная политика не может существовать без идеологии, то вопрос о том «Как следует определить русскую идеологию?» стал краеугольным камнем того времени. Естественно, что философия того времени вопрос об идеологии рассматривала как ключевой вопрос о будущем русской культуры. В идеологии действие всегда идет перед мышлением, но порождается догматизацией некоторых идей зачастую несамобытного характера. Идеология прекращает самобытную мысль, потому что полагает, что учиться мыслить традиционным способом нельзя, ибо в этом способе философия не сшита с политикой¹. В нем она сшита с религией, поэзией и математикой. Маркс, Конт расширили философию с поэзией и религией и оставили только математику и политику. Философия казалось бы подчинилась науке и у того и другого, но не смогла стать наукой наук ни у того, ни у другого. Маркс породил социализм и коммунизм, а Конт породил сциентизм. Но для анти натуралиста М. Рубинштейна такие образцы философской науки были не приемлемы

¹ «И интеллигенция всегда охотно принимала идеологию, в которой центральное место отводилось проблеме распределения и равенства, а все творчество было в заоне, тут ее доверие не имело границ» [1,с.32].

в силу того, что история подчинялась природе, а не культуре. Нигилистичная политическая догматика интеллигентщины (Н. А. Бердяев) вообще изгоняла философскую мысль из политики оставляя только эксперимент и знание квазирелигиозных догм отрицающих логику наук о культуре¹. Законы истории должны были победить самобытность там, где она только обретала голос в России.

Мог ли впитавший логику наук о культуре и аксиологию баденской школы М. М. Рубинштейн допустить, отход от самобытного развития философии в сторону политического догматизма. Конечно, не мог, но и религиозное понимание философии было для него чуждым. Для него было непонятным обожествление К. Маркса, через которое прошли и Н. А. Бердяев и С. Н. Булгаков. Причина такого непонимания шла с одной стороны от того, что он видел отношение к идеям Маркса в немецком университете, а с другой стороны постижение Гегеля сыграло ту самую роль в понимании того, где К. Маркс неправильно трактовал философию истории Г. Гегеля. Он знал, что на родине К. Маркса его идеи были подвергнуты критике очень подробной и научно обоснованной. В Германии К. Маркс стоял в одном ряду со многими философами истории и потому не был велик. Идеологизация истории была для него не столь близка к пониманию ее смысла, сколько ее рациональное осмысление как истории мысли. Вот определение взгляда на историческую науку самого М. М. Рубинштейна: «Для нас наука представляет не отображение действительности, а обработку представлений действительности. В частности, история не нуждается в отыскании всех причин, а делит их на существенные и несущественные, интересуясь первыми и оставляя в стороне вторые» [2, с. 182].

М. М. Рубинштейн предпочел вслед за Г. Г. Шпетом определить русскую философию как начинающуюся и еще не раскрывшую свое полноправное существование науку. У философии в их понимании есть свой предмет, и переопределять его не имеет смысла. Это переопределение предмета философии М. М. Рубинштейн полагал переподчинением философии и политике в форме идеологии, и религии. «Все это могло бы носить весьма безобидный характер, если бы в

¹ Вот диагноз Н. А. Бердяева: «К «науке» и «научности» наша интеллигенция относилась с почтением и даже с идолопоклонством, но под наукой понимала особый материалистический догмат, под научностью особую веру, и всегда догмат и веру, избличающую зло самодержавия, ложь буржуазного мира, веру, спасающую народ или пролетариат. Научный позитивизм, как и все западное, был воспринят в самой крайней форме и превращен не только в примитивную метафизику, но и в особую религию, заменяющую все прежние религии» [1, с. 32].

сущности этого похода не крылась все та же старая беда философии в России: отрицание ее автономии, подчинение ее целям, навязанным извне, которые имеют очень мало отношения к чисто философским задачам» [2, с. 231].

Если сторонники первого переподчинения полагали, что философия, породив идеологию, должна подчиниться ей как более совершенной форме социального мышления, то сторонники религиозной философии, по мнению М. М. Рубинштейна старались переподчинить ее национальному самосознанию, обнаруживающему самобытный умустрой там, где до этого и мышления не подозревалось.

Не исключено, что идеи религиозного происхождения капитализма М. Вебер были ему известны от Г. Риккерта, как одного из идейных вдохновителей и оппонентов М. Вебера. Будучи по религиозным убеждениям протестантом, он, скорее всего, был близок к глобальной капитализации науки, как первоосновы университетского бытия. Поэтому упование на возвращение к истокам самобытности русской интеллигенции, выдвинутое «Вехами» как выбор иного цивилизационного пути России для него было непонятным, он его полагал опасным. Ведь властные притязания капитализма с его стремлением к «расколдовыванию мира» М. Вебер были ему более близки, ибо история и философия окончательно превращались в науку жизни только в нем. Лучше пусть религия и философия отойдут друг от друга, и посмотрят, насколько свята наука в своем стремлении к обретению социальной справедливости. Немецкий университет, как философски наполненный храм науки, казался М. М. Рубинштейну социальным идеалом, за который не жалко и жизнь отдать, открывая ее смысл. Ведь для него самобытность философии это наличие «серьезной философской культуры» внутри независимого от политики и религии университета, которая создается не «вздохами и стонами по философской национальной оригинальности, не возведением рака в рыбу, а действительным творчеством. И тут, прежде всего, нужна автономная научно-творческая работа, не подчиненная посторонним интересам, как бы насущны они ни были» [2, с. 232].

Здесь у М. М. Рубинштейна идет самоопределение в научном творчестве, которое резко отличает его как русского интеллектуала от интеллигента. Примечательно, что внеидеологическое понимание своего призвания как творца философской культуры у М. М. Рубинштейна совпадает с Н. А. Бердяевым. Последний утверждал, что водораздел между русским интеллектуалом следует усматривать в том, что «интеллигенция всегда охотно принимала идеологию, в которой цен-

тральное место отводилось проблеме распределения и равенства, а все творчество было в загоне, тут ее доверие не имело границ. К идеологии же, которая в центр ставит творчество и ценности, она относилась подозрительно, с заранее составленным волевым решением отвергнуть и изболочить» [1, с. 26].

Философская вера М. М. Рубинштейна полагала, что научное изучение уникальной истории русской культуры даст ту оригинальность философии, которая до этого пыталась быть получена религиозной верой и политической волей. Метод появления самобытности русской философии определен. Теперь осталось ответить на вопрос: «Как определить достигнута или нет самобытность русской философии?». Интересно то, что М. М. Рубинштейн полагал, что самобытность философии достигается ни каким-то особым оригинальным методом, а продолжением научно-философского осмысления уникальности культуры. Наученные западноевропейской философской мыслью русские ученики должны теперь самостоятельно продолжить свой поиск смысла уникальной русской культуры в ее философско-историческом дискурсе¹. Для него, как и для Н. А. Бердяева, европейское самоопределение России не может быть иным. Однако если Н. А. Бердяев полагает, что оригинальная русская философия уже состоялась, то М. М. Рубинштейн утверждает, что она еще состоится только в будущем. Для Н. А. Бердяева она уже есть и тексты уже есть, для М. М. Рубинштейна текстов подлинно философских еще нет в достаточном объеме, чтобы говорить о состоятельности самобытности русской философии.

Расхождение в оценках, скорее всего, связано с тем, что для Н. А. Бердяева религиозный опыт есть продолжение религиозного творчества на основе самобытного самоопределения религиозной философии. У Бердяева религия порождается философией и порождает философию. Для М. М. Рубинштейна философия порождается наукой и порождает науку. Более того он видит науки о культуре в действии,

¹ Вот как выглядит задача философского самоопределения русской мысли с позиции мыслителя, чье становление происходило в инокультурной философской среде: «И мы, эти «правоверные ученики», думаем идти дальше по пути индивидуального обогащения философской сокровищницы, но мы слишком хорошо помним, к каким результатам пришла прежняя метафизика, и слишком дорожим философией как *наукой*, чтобы поверить на основе не поддающихся определению творческих задатков своей, какой-то совершенно *особой*, национальной философии. Понимая правильно задачи философии, мы смотрим на наших учителей не как на конечный этап нашего философского пути, – это была бы несомненная школьная ограниченность, – а как на плодотворный исходный пункт» [2, с. 232].

их целью является обнаружение очевидности самобытности, как основы культуры. Ее не надо защищать или устанавливать путем мистического погружения в инобытие, а просто выявлять, соотнося естественный язык, язык науки и язык философии. Поэтому он полагает, что поскольку метод социально-гуманитарного познания был найден тогда совсем недавно. И науки о культуре совсем недавно заговорили о самобытности культуры как цели социально-гуманитарного познания, то и самобытность русской философской культуры является вопросом времени.

Поразительно, но в таком понимании самобытности происходит то, что обозначает ее наличие, а именно излечение от следования философской моде путем обнаружения (М. М. Рубинштейн) или явления (Н. А. Бердяев) духовной традиции. Вот как эту задачу, стоящую перед философией определяет Н. А. Бердяев «Быстросменному увлечению модными европейскими учениями должна быть противопоставлена традиция, традиция же должна быть и универсальной, и национальной – тогда лишь она плодотворна для культуры». [1, с. 40].

О какой традиции идет речь? Скорее всего, о традиции единства религии и философии, как преобразующего опыта человека и общества. Для Н. А. Бердяева это и есть формула получения самобытности русской философией. Вот определение философии данное им в сборнике «Вехи»: «Философия есть один из путей объективирования мистики; высшей же и полной формой такого объективирования может быть лишь положительная религия». [1, с. 41].

М. М. Рубинштейн с таким определением философии не согласен. Для него философия наука, и она не должна подчиняться религии. Ведь задачей философии является гармоничное цельное мирозерцание, которое « не есть скомкивание в один клубок различных точек зрения, а определение многостороннего отношения личности к миру. Вот почему, где нет непозволительной ошибки, там знание никогда не будет мешать вере, как вера не требует уничтожения или вобрания в себя знания. Гармония создается их самостоятельным, автономным развитием» [2, с. 233].

Здесь происходит выбор между самобытностью как утверждением. в самобытном этнокультурном сообществе, выступающим за интегрированную индивидуальность мыслителя, где философии можно научиться, не пребывая в состоянии ученичества у чужой философской культуры и философским индивидуализмом, вводящем в сообщество мировой, а для Рубинштейна западной философии, обретаемом через правоверное ученичество. Самопознание самобытной само-

достаточности столкнулось с познанием истории мысли. Эти два начала философии никогда не могут быть совмещены, ибо первое замирает перед смыслом бытия через уход от его подчинения разуму и, созерцая его, а второе путем своей мысли унаследованной от учителя пытается выявить его как потаенное в бытии. Если первое признает духовность в бытии присутствующей и обнаруживающей себя до начала попыток овладения ею через отказ бытию в его одухотворенности, то второе полагает, что духовность и есть модель законов бытия, выстроенная разумом и позволяющая сделать бытие подвластным. Рубинштейн выбирал между рациональной наукоцентричной картиной мира и иррациональным богоцентричным религиозно-философским образом мира, между революцией как насилием масс над аристократией духа и учреждающим насилием духа над массой с целью ее одухотворения и исчезновения. Отсюда и религиозный или наукоцентричный смысл философии. Выбирая вооруженную научной эгалитарностью интеллигенцию, М. М. Рубинштейн вынашивал идею внеакадемического и аполитичного университета, его оппонент Н. Бердяев тоже выбирал, но только не внеакадемический, а этнокультурный университет, где религия соседствует с философией и наукой, тем самым вытесняя политику. Научная картина мира в данном случае для М. М. Рубинштейна кажется более приемлемой основой сочетания наук о природе и наук о культуре при опоре на философию, как науку. Следует заметить, что понимание науки как лишенной властных амбиций формы творческой деятельности для М. М. Рубинштейна бесспорно. Поэтому в контексте самобытности он полагает, что если опираться на определение философии как науки, лишая ее метафизического устремления к повторяемости, то внеполитический характер самобытности будет выявлен быстрее. Самобытность вне политики для него одна из важнейших жизненных ценностей, помогающих, в том числе и религии. Примечательно, что он подозревает религиозную философию во властных амбициях в культуре больше, чем науку о культуре и философию как науку. Но ведь идея Н. А. Бердяева как раз и состояла в том, что квазирелигиозное понимание философии ведет к созданию наукоцентричной квазирелигии марксизму или народничеству с их отбрасыванием понимания культуры или ее ценностей. Космополитизм революционеров направлен на отбрасывание самобытности через онаучивание философии по натуралистическому принципу. Для сторонника аксиологии и философии истории культуроцентристского характера М. М. Рубинштейна такое положение неприемлемо, но и подчинение религии малопродуктивно с его точки зрения.

Универсализм науки философия выявляющий самобытность культуры в ее философском осмыслении дает искомое Бердяевым сочетание универсализма и национальной традиции через отбрасывание творения религиозной философии. Таков способ решения вопроса о самобытности русской философии, предложенный М. М. Рубинштейном.

Список литературы

1. Вехи; Интеллигенция в России : сб. ст. 1909–1910 / сост., коммент. Н. Казаковой ; предисл. В. Шелохаева. М. : Мол. гвардия, 1991. 462 с.
2. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу: Т. 2 / под ред. Н. С. Плотникова и К. В. Фараджева. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2008. 376 с.

УДК 316.354.2

ББК 74.04

Рудакова Н. В., *Иркутск*

Образовательные ресурсы и образовательные предпочтения руководителей государственных и муниципальных учреждений культуры и Иркутской области (по результатам социологического исследования)

Излагаются результаты эмпирического социологического исследования по выявлению образовательных потребностей и запросов на переподготовку и повышение квалификации директоров областных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области, являющихся юридическими лицами, а также получение от руководителей информации относительно профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере культуры и искусства. Приводятся данные, полученные по блоку вопросов, направленного на анализ уровня образования и образовательных предпочтений менеджеров сферы культуры Иркутской области.

Ключевые слова: культура, руководители сферы культуры Иркутской области, образовательные ресурсы, образовательные предпочтения, повышение квалификации, профессиональная переподготовка.

Rudakova N. V., *Irkutsk*

Educational Resources and Educational Preferences of Heads of State and Municipal Cultural Institutions of the Irkutsk Region

The paper presents the results of an empirical sociological study to identify educational needs and requests for retraining and advanced training of Directors of regional and municipal cultural institutions of the Irkutsk region that are legal entities, as well as receiving information from managers about the professional training of specialists working in the field of culture and art. The article reflects the data obtained on a set of questions aimed at analyzing the level of education and educational preferences of cultural managers in the Irkutsk region.

Keywords: culture, leaders of the cultural sphere of the Irkutsk region, educational resources, educational preferences, professional development, professional retraining.

Одним из важных аспектов успешного функционирования сферы культуры является совершенствование системы повышения профессиональной квалификации кадров и поиск путей для ее взаимодействия с организациями культуры. В свою очередь, для эффективности системы переподготовки и повышения квалификации кадров качественное и своевременное выявление потребности в обучении выступает первоочередным критерием успешности данного процесса. Систематический анализ потребности в обучении различных категорий работников необходим для определения того, какие формы и методы обучения будут в наибольшей степени отвечать интересам организации или учреждения [1]. В данной связи предоставляется важным проведение социологического исследования, направленного на выявление и анализ образовательных потребностей и запросов на переподготовку и повышение квалификации руководителей учреждений культуры Иркутской области, в рамках анкетного опроса. Статья отражает данные, полученные по блоку вопросов, направленного на анализ уровня образования и образовательных предпочтений менеджеров сферы культуры Иркутской области [2].

Объектом исследования являются директора учреждений культуры Иркутской области, которые выступают, с одной стороны, как профессиональная группа, с другой стороны, как эксперты. Предметом исследования стали образовательные потребности и запросы на переподготовку и повышение квалификации директоров учреждений культуры Иркутской области, а также их представления относительно профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере культуры и искусства.

В качестве целевых групп исследования выступали директора государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области со статусом юридического лица следующих видов: театры и концертные организации, музеи, библиотеки, культурно-досуговые учреждения, учреждения среднего профессионального образования в сфере культуры и искусства, учреждения дополнительного образования детей по видам искусства.

Тип выборки, определенный для данного исследования – сплошная выборка. В ходе работы был использован метод онлайн-опроса, что позволило привлечь к участию директоров сферы культуры со всех муниципальных образований Иркутской области.

В полевом исследовании, прошедшем с 04.10.2019 по 27.11.2019, приняли участие 602 директора государственных и муниципальных учреждений культуры Иркутской области со статусом юридического

лица (602 принято за 100 %), что при объеме генеральной совокупности в 672 единицы составило 90,0 % кадрового состава директоров отрасли в области. Доля директоров государственных учреждений культуры составила 77,0 % от общего числа директоров государственных учреждений, доля директоров муниципальных учреждений культуры – 87,0 % от общего числа директоров муниципальных учреждений.

По социально-демографическому статусу в исследовании участвовало 57 мужчин (9,5 %), 545 женщин (90,5 %). В исследовании приняли участие директора шести возрастных групп: до 30 лет – 4,8 %; от 30 до 39 лет – 18,1 %; от 40 до 49 лет – 32,7 %; от 50 до 59 лет – 32,7 %; от 60 до 69 лет – 11,3 %; 70 лет и старше – 0,3 %. По стажу работы в сфере культуры руководители составили 7 групп: менее 3 лет – 10,8 %; от 3 до 5 лет – 9,0 %; от 6 до 10 лет – 16,4 %; от 11 до 15 лет – 13,5 %; от 16 до 20 лет – 11,3 %; от 21 до 30 лет – 16,4 %; больше 30 лет – 22,6 %. По уровню образования участники исследования распределились следующим образом: высшее образование – 53,8 %; два высших или более – 4,0 %; высшее+переподготовка – 14,3 %; среднее специальное образование – 26,1 %; неоконченное высшее – 0,8 %; среднее образование – 0,8 %.

В соответствии с организационно-правовой формой учреждения респонденты распределились: казенное учреждение – 58,1 %; бюджетное учреждение – 38,2 %; автономное учреждение – 3,7 %. По видам учреждений культуры участники опроса распределились в следующей пропорции: 10 директоров театров – 1,7 %; 3 директора концертных организаций – 0,5 %; 33 директора музеев – 5,5 %; 65 директоров библиотек – 10,8 %; 396 директоров культурно-досуговых учреждений – 65,8 %; 4 директора учреждений среднего профессионального образования – 0,7 %; 91 директор учреждений дополнительного образования детей в сфере культуры и искусства – 15,1 %.

Анализ образовательного уровня участников исследования показал, что большинство директоров учреждений культуры – 72,1 % – имеют высшее образование, из них 4 % имеют два высших образования, 14,3 % директоров прошли программы профессиональной переподготовки. Среднее специальное образование имеют 26,1 % респондентов. Директора с незаконченным высшим образованием составляют 0,8 %. Доля опрошенных со средним образованием – 0,8 %. Высшее образование имеют 100 % директоров государственных учреждений культуры, в том числе 14,8 % прошли переподготовку, 3,7 % имеют два высших образования. Доля директоров муниципальных учреждений, имеющих высшее образование, составила 70,8 %, в том

числе 14,3 % руководителей имеют переподготовку, 4,0 % имеют два высших образования. В разрезе организационно-правовых форм наиболее высоким уровнем образования характеризуется управленческий кадровый состав автономных учреждений культуры (100,0 %), далее следуют бюджетные учреждения – 82,2 % и казенные учреждения – 63,7 %. Доля директоров со средним специальным образованием максимальна в казенных учреждениях культуры (34,3 %), в бюджетных учреждениях данный показатель составляет 16,5 %, в автономных – 0 %.

В разрезе по видам учреждений наиболее квалифицированным (наибольшая доля директоров с высшим образованием) является управленческий состав театров, концертных организаций и СПО (100,0 %). Высшее образование имеют 94,5 % директоров ДШИ, 90,0 % директоров музеев, 78,5 % директоров библиотек, 63,2 % директоров культурно-досуговых учреждений. Доля директоров со средним специальным образованием по видам учреждений культуры представлена следующим образом: культурно-досуговые учреждения – 34,8 %, библиотеки – 18,5 %, музеи – 9,1 %, ДШИ – 5,5 %. Пять директоров учреждений культуры указали, что имеют среднее образование.

Анализ данных относительно уровня образования в зависимости от стажа работы в управленческой должности позволяет говорить о том, что самая большая доля специалистов с высшим образованием приходится на директоров со стажем работы в руководящей должности от 30 до 40 лет – 81,6 %, самая маленькая доля специалистов с высшим образованием приходится на директоров со стажем работы в руководящей должности менее года – 60,0 %. Соответственно, прослеживается обратная тенденция относительно среднего специального образования: максимальная доля директоров со средним специальным образованием наблюдается среди руководителей, имеющих стаж работы в руководящей должности менее года – 40,0 %, минимальная – среди руководителей, имеющих стаж работы в руководящей должности менее от 30 до 40 лет – 15,8 %. Уровень профессионального образования директоров выше в городах области и заметно ниже в сельских населенных пунктах.

Подавляющее большинство директоров учреждений сферы культуры (79,2 %) из общего числа опрошенных проходили повышение квалификации в течение последних трех лет. 3,5 % директоров повышали квалификацию до 4 до 5 лет назад. Это свидетельствует о том, что в большинстве случаев требование законодательства об обязательном прохождении курсов повышения квалификации в установ-

ленные сроки соблюдается. Однако, как показывают данные опроса, в учреждениях культуры Иркутской области есть директора, которые повышали свою квалификацию более 5 лет назад (5,1 %, или 31 человек), среди них 21 чел. (67,7 %) – директора культурно-досуговых учреждений, 4 чел. (13,0 %) – директора театров, 4 чел. (13,0 %) – директора библиотек, 2 чел. (2,7 %) – директора музеев.

Число директоров, никогда не повышавших квалификацию, составило 73 человека, или 12,1 %. Из общего числа директоров, никогда не повышавших квалификацию (73 чел.), 61 директор (83,5 %) работает в культурно-досуговых учреждениях, 7 директоров (9,6 %) работают в библиотеках, 2 директора (2,7 %) – в театрах, 1 директор (1,4 %) – в концертной организации, 1 чел. – в музее и 1 чел. – в ДШИ.

Таким образом, исходя из установленных в настоящее время законодательных и нормативных требований для работников сферы культуры, повышение квалификации представляется актуальным для 60 % опрошенных директоров театров, 33,0 % директоров концертных организаций, 20,7 % директоров культурно-досуговых учреждений, 17,0 % директоров библиотек, 9,1 % директоров музеев, 1,1 % директоров ДШИ. Установлено, что полученные в данный момент знания устаревают примерно за 4–5 лет. Категории работников культуры, искусства, социальной сферы в силу творческого характера труда, его многофункциональности, изменчивости форм, методов и содержания более всего нуждаются в систематическом пополнении знаниями, идеями, свежими мыслями, инновационным опытом.

Среди муниципальных образований доля директоров сферы культуры, имеющих наибольшую потребность в повышении квалификации, выявлена в Слюдянском районе (45,5 % респондентов данного муниципального образования никогда не повышали квалификацию или повышали более пяти лет назад), Киренском районе (41,7 %), Ольхонском районе (40,0 %), Казанчинско-Ленском районе (30,8 %).

Следует отметить, что из 73 человек, которые никогда не повышали квалификацию, 45 чел. (61,6 %) имеют стаж работы менее 5 лет (43,8 % имеют стаж работы менее 3 лет и 17,8 % имеют стаж работы менее 5 лет). Анализ данных в разрезе видов учреждений культуры показал, что из 61 директора культурно-досуговых учреждений, никогда не повышавших квалификацию, 38 чел. (62,2 %) имеют стаж работы менее 5 лет, из 7 директоров библиотек – 6 человек (85,7 %) имеют стаж работы в сфере культуры менее 5 лет, 1 директор музея также имеет стаж работы менее 5 лет. Можно сделать вывод, что обязательное требование о повышении квалификации работниками культуры не

реже одного раза в пять лет нарушили 28 директоров учреждений культуры (1 директор государственного учреждения и 27 директоров муниципальных учреждений): 23 директора культурно-досуговых учреждений, 2 директора театра, 1 директор концертной организации, 1 директор библиотеки, 1 директор ДШИ.

Обратная ситуация наблюдается относительно тех директоров, которые не повышали квалификацию более 5 лет: 64,5 % директоров имеют стаж работы от 20 лет и больше.

Среди факторов, мешающих заниматься повышением квалификации, с которыми приходилось сталкиваться директорам, лидируют три фактора: территориальная отдаленность от учебных центров, загруженность работой и отсутствие материальной возможности пройти обучение. Причем в большей степени с данными факторами сталкиваются директора муниципальных учреждений культуры. Так, проблему «Территориальная отдаленность от учебных центров» отметил каждый второй директор муниципальных учреждений культуры и лишь каждый седьмой директор государственных учреждений культуры. С отсутствием материальной возможности пройти обучение сталкивался каждый третий директор муниципальных учреждений и всего два директора государственных учреждений культуры (или каждый тринадцатый). Загруженность работой, как препятствие, мешающее повышать квалификацию, указал каждый второй директор вне зависимости от формы собственности учреждения культуры.

Порядка 50 % от общего числа директоров муниципальных учреждений культуры отметили, что в той местности, где они проживают сложно получить дополнительное образование, повысить квалификацию в той сфере, в которой они заняты. Доля директоров государственных учреждений с таким же мнением составила 18,5 %. Наибольшие сложности с получением дополнительного образования испытывают директора концертных организаций (66,3 %), культурно-досуговых учреждений (55,3 %) и музеев (42,4 %).

Опрос позволил выявить, что только около 24,0 % руководителей не испытывают недостатка информации об учреждениях дополнительного профессионального образования в сфере культуры и искусства и услугах, которые они оказывают. Порядка 12,0 % руководителей испытывают явный недостаток информации об учреждениях дополнительного профессионального образования в сфере культуры и искусства и услугах и еще 67,3 % респондентов отметили, что в той или иной степени ощущают недостаток данной информации.

Директора как государственных, как и муниципальных учреждений культуры получают информацию о курсах повышения квалификации, профессиональной переподготовки по профилю своей деятельности из следующих источников: 1) органы управления культурой – 36,6 %; 2) интернет – 21,5 %; 3) учебно-методические центры в сфере культуры и искусства – 18,9 %; 4) коллеги – 7,8 %; 5) администрация учреждения – 5,2 %; 6) учреждения среднего профессионального образования в сфере культуры – 4,2 %; 7) научно-методические мероприятия (конференции, выставки) – 3,3 %; 8) предшествующий опыт обучения – 2,6 %.

Следующий вопрос был направлен на выявление учреждений, в которых руководители сферы культуры Иркутской области повышали квалификацию в последний раз. Было получено 507 ответов (принято за 100 %), группировка которых позволила сформировать список из 69 организаций. Из 69 организаций 41 организация (59,4 %) находится за пределами Иркутской области, в них прошел повышение квалификации каждый четвертый респондент, или 24,2 % (123 чел.) ответивших на данный вопрос.

Аналізу подверглись 15 ведущих учреждений, на базе которых прошли повышение квалификации от 1 до 18 % опрошенных. На остальные учреждения приходится менее 1 % респондентов в расчете на одну организацию. На базе данных 15 организаций повысили квалификацию 437 директора, что составляет 86,2 % от общего числа респондентов (рис. 1). На остальные 54 учреждения приходится 70 респондентов (13,8 %).

10 организаций из 15 рассматриваемых находятся на территории Иркутской области (г. Иркутск), 5 – за пределами региона, среди них: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» г. Улан-Удэ; НОЧУ ОДПО «Актион-МЦФЭР», г. Москва; ФГБОУ ВО «Красноярский государственный институт искусств»; Центры повышения квалификации в рамках федерального проекта «Творческие люди»; Центр повышения квалификации и профпереподготовки ООО «Развитие плюс», г. Новосибирск. 60,2 % директоров, прошедших повышение квалификации за пределами области, приходится на перечисленные выше пять учреждений.

Анализ учреждений, находящихся за пределами Иркутской области, на базе которых участники исследования прошли повышение квалификации, позволяет сделать выводы о том, что большая часть слушателей повышает квалификацию в других городах Сибирского федерального округа (г. Улан-Удэ, г. Новосибирск, г. Кемерово, г.

Красноярск). Всего в других городах Сибири повысили квалификацию 68 чел., или 13,4 % респондентов. Остальная группа респондентов прошла повышение квалификации преимущественно в г. Москве и других городах европейской части страны, в тех образовательных учреждениях, которые предоставляют возможности дистанционного обучения (рис. 2).

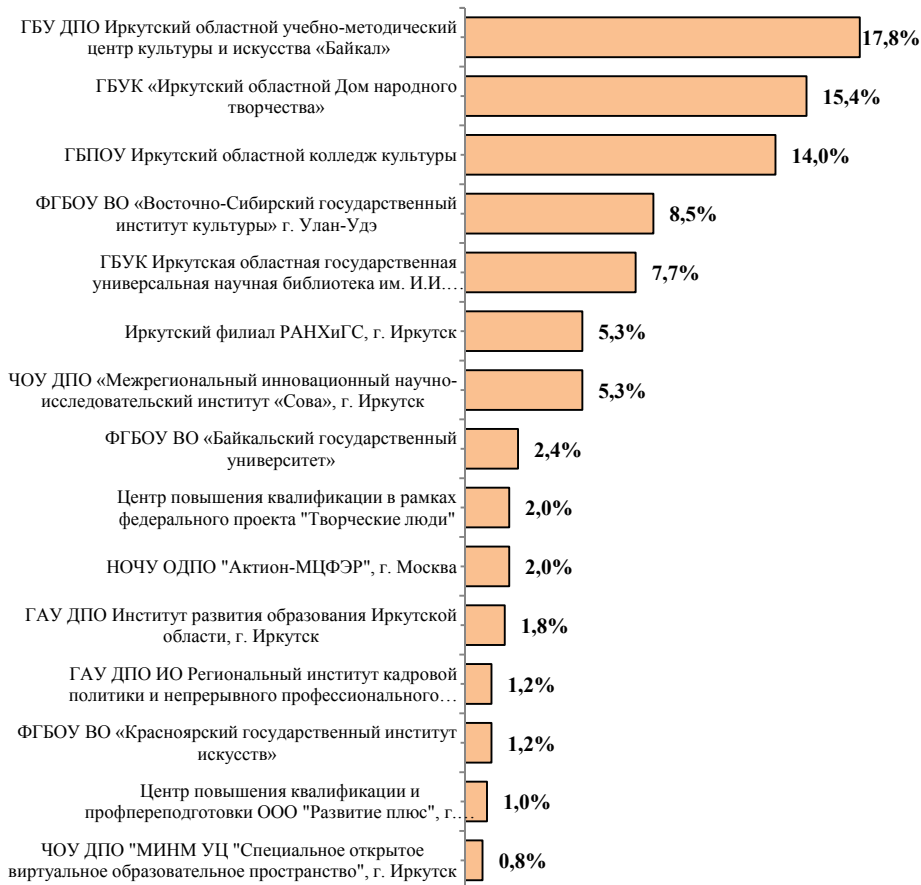

Рис. 1. 15 ведущих учреждений, на базе которых директора учреждений культуры Иркутской области повышали квалификацию в последний раз, в %

Рис. 2. Учреждения за пределами Иркутской области, на базе которых директора учреждений культуры чаще всего повышали квалификацию, в % от общего числа респондентов

Респондентам был задан вопрос: «Скажите, пожалуйста, когда Вы в последний раз повышали квалификацию, кто оплачивал Ваше обучение: Вы или организация?». Анализ данных показал, что 49,4 % директоров прошли последние курсы повышения квалификации полностью за свой счет, 18,7 % обучались за счет учреждения, 14,1 % – за счет учредителя, 3,8 % разделили расходы с учреждением. Доля респондентов, обучающихся за свой счет, значительно разнится в зависимости от формы собственности учреждения культуры. Из общего числа директоров государственных учреждений всего 8,7 % учились за свой счет, в то время как 51,4 % директоров муниципальных учре-

ждений самостоятельно оплачивали обучение. Среди профессиональных категорий самостоятельно оплачивали обучение, когда в последний раз повышали квалификацию, 52,4 % руководителей культурно-досуговых учреждений, 51,4 % директоров ДШИ, 37,5 % директоров библиотек, 29,6 % директоров музеев, 25,0 % директоров СПО, 12,5 % директоров театров.

Таким образом, данный блок вопросов позволил выявить, что большинство из опрошенных директоров сферы культуры Иркутской области повышали свою квалификацию в течение последних нескольких лет. Однако около 17,2 % респондентов нуждаются в повышении квалификации в ближайшее время, поскольку никогда не повышали свою квалификацию или повышали ее более пяти лет назад. Среди профессиональных категорий директоров сферы культуры вопрос повышения квалификации является наиболее актуальным для директоров театров, директоров концертных организаций, директоров культурно-досуговых учреждений. Также можно говорить о том, что 87,7 % респондентов нуждаются в профессиональной переподготовке, так как не имеют специального образования в сфере управления.

Исходя из установленных в настоящее время законодательных и нормативных требований для работников сферы культуры, повышение квалификации представляется актуальным для 60 % директоров театров, 33,0 % директоров концертных организаций, 20,7 % директоров культурно-досуговых учреждений, 17,0 % директоров библиотек, 9,1 % директоров музеев, 1,1 % директоров ДШИ.

Ответы на вопрос об учреждениях, на базе которых участники исследования проходили курсы повышения квалификации в последний раз, показывают, что ведущую роль играют те из них, которые расположены в пределах Иркутской области. В них прошли повышение квалификации 75,8 % руководителей сферы культуры. На втором месте по частоте посещения находятся курсы, проходившие в других городах Сибирского федерального округа (г. Улан-Удэ, г. Кемерово, г. Красноярск). На третьем месте – учреждения, расположенные в Европейской части России (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Ростов-на-Дону, г. Иваново) и предоставляющие возможности дистанционного обучения.

Список литературы

1. Рудакова Н. В. Анализ образовательных потребностей в повышении квалификации специалистов сферы культуры Иркутской области // Трансформация социального мира в современную эпоху: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; науч. ред.: Т. И. Грабельных. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 74–79.
2. Рудакова Н. В. Выявление образовательных потребностей и запросов на переподготовку и повышение квалификации в учреждениях культуры Иркутской области: Аналитический отчет по результатам социологического исследования. Иркутск : ГБУ ДПО ИО Иркутский областной учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», 2019. 45 с. *(на правах рукописи)*.

УДК 316.33
ББК 60.560

Анохина А. А., *Иркутск*

Современные образовательные и профессиональные тренды и их риски для российского общества

Статья посвящена современным трендам образовательной и профессиональной деятельности в виду распространения коронавирусной инфекции и применения мер по карантину и самоизоляции. Обозначается авторское понимание «образовательных и профессиональных трендов» в современных условиях. Рассматриваются положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения и удаленной работы. Рисками подобных «трендов» в российском обществе называется неуспеваемость обучающихся базовых навыков и профессиональных компетенций и сокращение возможностей для качественной профессиональной деятельности.

Ключевые слова: образование, профессиональная деятельность, современные тренды, российское общество, COVID-19, карантин, дистанционный формат, риски.

Anokhina A. A., *Irkutsk*

Modern Educational and Professional Trends and their Risks for Russian Society

The article is devoted to current trends in educational and professional activities in view of the spread of coronavirus infection and the application of quarantine and self-isolation measures. The author's understanding of "educational and professional trends" in modern conditions is put forward. The positive and negative aspects of distance learning and remote work are considered. According to the author, the risks of such "trends" in Russian society are the failure of students to acquire basic skills and professional competencies and the reduction of opportunities for high-quality professional activity.

Keywords: education, professional activity, current trends, Russian society, COVID-19, quarantine, remote format, risks.

Под трендом понимается «фишка» текущего времени, вектор развития общества, обусловленный различными факторами и условиями в современном мире. Мы живем в эпоху инфокоммуникаций, и в XXI в. большинство трендов включает в себя применение современных технологий. Это так же относится к образовательной и профессиональной сферам, в которых использование новейшей техники, сети Интернет и прочих ресурсов стало незаменимым. Более того, возможности для работы и коммуникаций, в том числе в дистанционном, удаленном формате, с каждым днем расширяются, появляется все больше ресурсов, которые делают любой процесс удобнее. Теперь для проведения, к примеру, собеседования не нужно ехать через весь город по пробкам – достаточно лишь выйти на видеосвязь со своими сотрудниками и вести переговоры, не выходя из дома. На первый взгляд складывается впечатление, что такие тренды довольно «удобные». Однако важно понимать, что полный переход в дистанционный

режим повлечет за собой огромные риски как для образовательной, так и для профессиональной сфер и не только.

В настоящее время весь мир столкнулся с глобальной проблемой – стремительным распространением пандемии коронавируса (COVID-19), в связи с чем были введены такие меры предосторожности, как карантин и самоизоляция. Стоит отметить, что подобные внешние факторы имеют прямое и достаточно сильное влияние как на профессиональную деятельность, так и на образовательный процесс всех жителей страны. Вследствие введенных мер «трендами весны 2020 г.» стали дистанционное обучение и удаленная работа. В силу цифровизации, глобализации и благодаря ресурсам инфокоммуникационного общества данный процесс на уровне всей страны прошел достаточно успешно. Более того, в настоящее время существует тенденция к закреплению такого формата для профессий, которые позволяют работу из дома, и обучения на всех уровнях образования. Однако необходимо проследить, как подобные современные тренды могут сказаться на качестве образования и профессиональной, в частности социологической и экспертно-аналитической, деятельности.

Последние несколько месяцев процесс образования на уровне всей страны стал дистанционным. Студенты и школьники учились не выходя из дома, используя при этом современные средства связи такие, как Skype, Zoom, другие порталы и сервисы для видео- и аудио-связи. В таком формате проходили не только лекции и семинары, но и промежуточные аттестации (сессии) у студентов. К такому формату работы довольно трудно привыкнуть, однако привыкая многие люди осознают удобства такого режима работы (сокращается время на дорогу от дома до школы/университета, появляется больше свободного времени, больше возможностей находиться дома, занимаясь параллельно с учебной другими делами, проводить время с семьей и т. д.) и желают, чтобы такая форма образовательного процесса стала постоянной. Тенденция к переходу на перманентное дистанционное образование действительно существует для многих организаций, также многие определяют ее позитивной. Так, в Педагогическом институте Иркутского государственного университета с целью анализа возможностей перехода на постоянную форму дистанционного обучения среди студентов было запущено анкетирование, в котором вопросы были сосредоточены на желании обучающихся перейти на такой формат образования, его плюсы и минусы и проч. Результаты данного исследования нам неизвестны, однако сам запуск такого опроса определяет сопутствующую тенденцию. Также Российский государственный гу-

манитарный университет нынешнюю ситуацию в стране называет «стресс-тестом» для проверки возможностей внедрения дистанционного образования на постоянной основе [2].

Дистанционное обучение регламентировано нормативно-правовыми актами. Так, были внесены изменения в Федеральный закон № 273-ФЗ, куда была включена ст. 16 [4]. В данном нормативно-правовом акте прописаны все меры по ведению качественного образовательного процесса в таких условиях и его особенности. Однако такой формат обучения не устраивает многих родителей школьников, особенно начальных классов, которые помимо собственной работы независимо от формата, вынуждены «заново учиться» вместе со своими детьми. Также подобным современным трендом образования остаются недовольны и студенты [1]. Многие студенты, обучающиеся на платной основе, не хотят отдавать такие большие деньги за процесс обучения, которые они могут устроить себе сами в формате самообразования или перехода на заочную форму обучения. Под угрозой при таком формате встает и внеучебная деятельность студентов и школьников, которая также играет важную роль в становлении личности и формировании будущих профессионалов.

Также стоит отметить, что подобный формат образования может негативно сказаться на освоении профессиональных компетенций, умений и навыков, в частности soft-skills, которые необходимы в любой профессиональной деятельности. Существует точка зрения, что коммуникации, обусловленные современными технологиями, играют положительную роль в современном обществе. Однако мы придерживаемся той позиции, что общение по видеосвязи и социальным сетям/мессенджерам никогда не заменит живого общения. Только взаимодействие с другими людьми вживую может способствовать должному формированию базовых навыков, в число которых входит умение общаться с людьми, работать в команде, решать проблемы, рассуждать, влиять на других и т. д. Без «живых» контактов с другими людьми, по нашему мнению, приобретение этих навыков невозможно или крайне затруднительно.

Современные профессиональные тренды кратко рассмотрим на примере профессиональной деятельности социолога. По нашему мнению, режим самоизоляции существенно затрудняет труд социологов и экспертов-аналитиков. Полевые исследования переносятся в режим онлайн, все методы исследователи вынуждены проводить в более сжатом формате, данные изменения могут существенно повлиять на результаты, однако при этом изучать обстановку в стране и влияние внешних факторов и угроз на население необходимо и крайне важно.

Согласно Профессиональному кодексу социолога [4], исследователь обязательно должен придерживаться всех предпринятых государством мер и регулировать в соответствии с этим свою деятельность. Однако при принятии современного профессионального тренда на удаленную работу, по нашему мнению, социологи обязательно должны быть включены в перечень профессий, которые не могут работать в дистанционном формате.

Таким образом, современные профессиональные и образовательные тренды на примере дистанционного обучения и удаленной работы «из дома» активно проникают в нашу жизнь и, возможно, смогут закрепиться на постоянной основе. Однако это внедрение, как мы заключаем, повлечет за собой большие риски для образовательного процесса, качества образования и для многих профессий помимо включенных в перечень работников организаций жизнеобеспечения, которым крайне необходимо живое общение и взаимодействие с людьми. Главный риск в формате постоянного дистанционного образования и ведения профессиональной деятельности – неуспеваемость даже базовых навыков, не говоря уже о профессиональных компетенциях, и сокращение возможностей для качественной деятельности многих специалистов.

Список литературы

1. Официальный сайт газеты «Коммерсантъ» // Как студенты относятся к дистанционному образованию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4328833> (дата обращения: 14.07.2020).
2. Официальный сайт Российского государственного гуманитарного университета // Ответы на часто задаваемые вопросы о дистанционном обучении в вузах. URL: <https://www.rsuh.ru/sveden/electronic-information-educational-environment/distance-learning/> (дата обращения: 15.07.2020).
3. Профессиональный кодекс социолога / Российское общество социологов. URL: https://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=73 (дата обращения: 15.07.2020).
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020). Статья 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/9ab9b85e5291f25d6986b5301ab79c23f0055ca4/#dst100265 (дата обращения: 14.07.2020).

УДК 364.4
ББК 60.94

Бухарова Е. А., Решетникова Е. В., *Иркутск*

Гуманистические основы в сфере социальной работы

Рассмотрены гуманистические основы в сфере социальной работы. Среди основополагающих концепций в области гуманизма в сфере социальной работы обозначены теории К. Роджерса, А. Маслоу, К. Юнга, В. А. Кувакина.

Ключевые слова: Гуманистические основы, социальная работа, принцип гуманизма.

Bukharova E. A., Reshetnikova E. V., Иркутск

Humanistic Foundations in the Field of Social Work

This article discusses the humanistic foundations in the field of social work. In turn, among the fundamental concepts in the field of humanism in the field of social work, the theories of K are considered. Rogers, A. Maslow, K. Jung, V. A. Kuvakin.

Keywords: Humanistic foundations, social work, the principle of humanism.

В современных условиях российской действительности, все большую актуальность в связи с возрастанием числа социально-значимых проблем и ростом числа нуждающихся в социальной помощи и поддержки, приобретает социальная работа. В данных обстоятельствах социальная работа выступает не просто в качестве вида профессиональной деятельности, но и как система знаний и навыков, необходимых для оказания комплексной помощи и поддержки нуждающимся и людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Ключевую роль в сфере социальной работы играют основы гуманистического характера. Кроме того, следует отметить, что основополагающим принципом социальной работы является принцип гуманизма, который выражается в уважительном и толерантном отношении к клиентам. В свою очередь гуманистические основы социальной работы заключаются в теоретико-методологических концепциях, представляющих собой фундамент для гуманизации социальной работы как системы научного знания.

Рассматривая гуманистические основы социальной работы необходимо отметить, что в целом экзистенциально-гуманистическая парадигма в сфере социальной работы основана на психологических теоретических концепциях. Среди них наибольший интерес представляют труды Абрахама Маслоу и Карла Роджерса, которые рассматривали гуманистические основы с точки зрения предоставления любому человеку возможности для личностного развития и самосовершенствования. В трудах К. Роджерса главной теоретической концепцией,

регламентирующей его взгляды, в рамках гуманистической психологии является теория личности. Основной идеей данной теории является собственные представления человека о себе в процессе жизнедеятельности и построение на их основании фундаментальной системы для полноценного функционирования. Кроме того, концепция Карла Роджерса раскрывает внутреннее состояние человека, которое он испытывает, в рамках процесса познания и принятия самого себя, осознания собственного жизненного опыта.

Пристальное внимание в рамках своей теоретической концепции К. Роджерс уделял опыту, который приобретается в течение всей жизни, так называемому феноменальному полю. Он вводит в своей теории понятие конгруэнтности как некой взаимосвязи между тем, что выражает человек во внешний мир, и тем, что происходило в его жизни и соответственно является личностным опытом, а также неким осознанием окружающей реальности. В свою очередь неконгруэнтностью К. Роджерс считал разлад и несоответствие в этом взаимодействии [2]. Другим фактором, оказывающим влияние на жизнедеятельность человека, К. Роджерс называл необходимость подчинения человека стереотипам, навязанным обществом и отречение от того каким человек является на самом деле, т. е. подавление внутреннего «Я». Социальные рамки, которые представляют собой способ контроля личности человека, лишают индивида возможности для самоактуализации и полноценной жизнедеятельности.

Карл Роджерс в своих работах называет самоактуализацию наивысшим ценностным ориентиром и наградой для любого человека, более того по его мнению стремление к самоактуализации является проявлением высокого развития психики человека. Другой неосценимый вклад К. Роджерса в области психологического знания и социальной работы это клиент-центрированная терапия, которая предполагает, что главным помощником и оценщиком самому себе будет являться сам человек. Кроме того, ключевую роль в совершенствовании теоретической и практической методологии социальной работы сыграла теория социального функционирования.

В рамках рассмотрения тематики гуманистических основ социальной работы, нельзя не упомянуть о вкладе А. Маслоу. В своих трудах он занимался развитием психологического направления, в рамках которого исследовались личностные проблемы, возникающие в ходе осуществления процесса самоактуализации. По мнению Абрахама Маслоу самоактуализация представляет собой реализацию личностного потенциала и раскрытие способностей человека. Кроме того, рас-

смаывая место его концепции в гуманистической психологии можно отметить, что она является основополагающей и занимает центральную позицию в научном знании данной области.

Не менее важными в вопросе изучения развития личности человека считаются работы К. Юнга. Он рассматривал данный процесс в рамках психоаналитической концепции и считал что личность – это уникальная система и первостепенная ее цель – самореализация.

Согласно Юнгу, полноценная реализация самого себя – это приобретение новых знаний и умений, а также достижение новых целей, а «обретение самости» – это жизненная цель индивида, которая представляет собой стремление личности к единству. Итоговой целью К. Юнг считает всестороннюю реализацию «Я», где индивид становится целостным и неповторимым. В свою очередь, стремление к интеграции и целостности является своеобразным лейтмотивом гуманистической и экзистенциальной концепциях личности [2].

В этом направлении человек развивается всю свою жизнь, и каждый процесс является уникальным. Этот процесс называется индивидуация и он подразумевает интеграцию внутренних противодействующих сил личности. Результатами успешной индивидуализации должны стать осознание уникальной психической реальности, а также выражение личностных характеристик человека. Итог осуществления индивидуализации К. Юнг назвал самореализацией и отметил, что его очень сложно достичь. По его мнению, достижения самореализации доступно лишь ограниченной категории людей, которые способны к развитию и самосовершенствованию.

В. А. Кувакин в своей работе «Гуманизм как инструмент моральной реконструкции» рассматривает гуманистические основы в качестве естественного фундамента любого общества. Гуманизм включает в себя общечеловеческие нормы морали и нравственности, при этом, не отрицая роль критического рационально-реалистичного мышления. Его приемлемость в качестве общечеловеческого взгляда на мир обусловлена тем, что он не задает человеку никакой конкретной философии, системы ценностей или верований. Единственная миссия гуманизма как общечеловеческого мировоззрения – обеспечить любого рода мировоззрение, за исключением человеконенавистнического и расистского надежной системой общих ценностей и инструментов, необходимых человеку для сознательной и ответственной выработки им самим своего собственного взгляда на жизнь, своей собственной конкретной системы ценностей и оценок [1].

Таким образом, следует отметить, что существуют определенные гуманистические основы, оказывающие непосредственное влияние на формы и методы оказания социальной помощи и поддержки нуждающимся в сфере социальной работы с ними. Гуманистические основы в сфере социальной работы представляют собой теоретико-методологические концепции психологического, социологического и философского характера. В целом же признание жизни человека в качестве высшей ценности, оказание помощи ему в трудной жизненной ситуации, помощь в саморазвитии и самореализации и является гуманистической базой социальной работы с любой социальной группой или отдельной личностью.

Список литературы

1. Кувакин В. А. Гуманизм как инструмент моральной реконструкции. // Официальный сайт Российского гуманистического общества. URL: <http://www.humanism.ru/professors/63-kuvakin/240-instrument.html> (дата обращения: 23.04.2020).
2. Мельник С. Н. Психология личности ; учеб. пособие. Владивосток : ДВГТУ, 2004. 96 с.
3. Решетникова Е. В. Гуманизм как ценностное основание профессиональной деятельности ; учеб. пособие. Иркутск : РИО НЦ РХВ ВСЦН СО РАМН, 2008. 144 с.
4. Фирсов М. В., Шапиро Б. Ю. Психология социальной работы. Содержание и методы психосоциальной практики : учеб. пособие. М. : Академия, 2002. 192 с.

УДК 377.5(37.062.3)
ББК 74.47

Даркина А. В., *Воронеж*

К вопросу об условиях гуманизации образовательного пространства ссуза в эпоху COVID-19

Статья посвящена изучению вопросов гуманизации образования в эпоху COVID-19. Показано, что эпидемия 2020 г. поставила на повестку дня новые версии педагогической деятельности, заменив традиционные постулаты виртуальными трендами.

Ключевые слова: гуманизация образования, педагогическая деятельность, эпидемия, виртуальное пространство, цифровизация.

Darkina A. V., *Voronej*

To the Question on the Conditions of Humanization of the Educational Space of College in the Era of COVID-19

The article is devoted to the study of the issues of humanization of education in the era of COVID-19. It is shown that the 2020 epidemic has put on the agenda new versions of pedagogical activity, replacing traditional postulates with virtual trends.

Keywords: humanization of education, pedagogical activity, epidemic, virtual space, digitalization.

С возвращением образовательного процесса в очный формат кардинально поменялись варианты учебной деятельности и само понимание работы педагога. Обучение и воспитание характеризуются гума-

низацией, где студент – основная ценность и цель. Эпидемия текущего года поставила на повестку дня новые тренды в педагогической деятельности образовательных учреждений всех уровней. Гуманизация образования отныне следует рассматривать комплексно: с одной стороны, внимание развитию способностей и самой личности обучающегося, с другой – взаимодействие по линии «преподаватель – студент – виртуальное пространство». Так, анализируя гуманистические принципы педагогики, Ю. П. Башаримов и В. А. Егоров указывают на неоднозначность данного понятия, что обусловлено комплексностью самого общественного развития: «...гуманизация – это многоплановое социально-нравственное явление духовной жизни общества. В педагогике – это социально-педагогический феномен, который выступает и как педагогическое явление, и как педагогический процесс, и как педагогический принцип, и как педагогическая практика, и как педагогическая проблема, и как направление исследования педагогической действительности» [1, с. 14]. Рассмотрим детальнее, каким образом формируются гуманистическое понимание, описываемое данными исследователями, в среднеспециальном учебном заведении в эпоху COVID-19.

По мере объективных общественных изменений пространство педагогического эксперимента становится все шире. Смена общественной парадигмы приводит к необходимости актуализации символов и смыслов на новых основаниях. Динамика образовательных инноваций может зависеть как от макрофакторов (указаний министерства и департамента образования), так и от микротрендов (локальных актов организации, сложившихся традиций в рабочем коллективе).

Педагогика во многом символична, она состоит из символов, создаваемых ее субъектами. Рабочие планы, пособия, методические указания являются абстрактными понятиями-символами, своего рода идеальной моделью, которые по мере роста числа случаев заражений все более удаляются от реальной картины образовательной действительности, заменяясь виртуальными инструкциями. Вся документация становится дополнением к учебно-воспитательному процессу, утрачивая первоначальные смыслы. Персонализация учебных планов может стать значимой и полезной практикой именно в эпоху пост-COVID, а чувство вовлеченности всех субъектов образовательного пространства предельно интенсифицируется.

Проникновение рынка в педагогику – тренд, дегуманизовавший образовательный процесс в доэпидемиологическую эпоху и расширяющийся еще более активно по мере возвращения на «уда-

ленку». Вынужденная коммерциализация образования, вызванная в первую очередь потребностями изменений в статусе педагога и представляющей его организации (аттестация педагогических работников), приводит в итоге к снижению основ системы «образование – воспитание». Существование в одном проблемном поле вещей, присущих разным статусам, позволяет утверждать о сходных траекториях развития как преподавателя, так и студента: количественная характеристика – объем необходимых для прохождения аттестации мероприятий педагогами – практически равен объему портфолио для студента. Негативным последствием данного явления мы считаем рост социальной дифференциации, а также формирование травм, связанных с невозможностью участия в платных конкурсах всем «действующим лицам». Мораль и рыночные отношения становятся в оппозицию, что субъективно ощущается как чрезвычайно трудная экзистенциальная задача. Кроме того, предельно упрощенные алгоритмические схемы дегуманизируют педагогическое пространство, уводя в сторону от решения насущных проблем.

Гуманизация педагогики заключается в том, что каждый субъект может свободно высказываться о сути происходящего. Традиционное обучение все менее склонно справляться с насущными проблемами, в этом суть преодоления авторитарных трендов данной сферы, к тому же выявляется ряд недостатков: педагогический процесс существенно искажится в случаях несанкционированного вмешательства и навязывания своих версий происходящего. Кроме того, вероятен конфликт традиций и новаций, так как все традиции невозможно виртуализировать, а формальный и неформальный социальный контроль не всегда выполняет прямые задачи и может отражать суть происходящего. Формализация теряет актуальность именно в виртуально-цифровом поле. Значимые Другие (педагог, куратор, директор) перестают существовать для обучающихся – значимым Другим становится виртуальность *per se*.

Контурсы цифровой трансформации меняются в сторону незавершенной индивидуализации образования: дистанционное обучение, проводившееся весной-летом 2020 г., предложило больший упор делать на персональные траектории образовательно-воспитательных практик (индивидуальные задания, внимание к отстающим/не имеющим технических возможностей студентам, сотрудничество преподавателя–родителей–кураторов), однако, принимая во внимание отсутствие предшествующего опыта как такового подобная деятельность была сопряжена с рядом трудностей и ограничений, именно по этой причине мы полагаем ее непроработанной. Корректно ли ставить знак

равенства между гуманизацией и цифровизацией применительно к педагогике [о цифровизации образования см. напр.: 5]? По-видимому, можно рассуждать о регуманизации, т. е. о гуманизации в новых условиях, где сам концепт гуманизма рассматривается как восстановление символической связи с «цифровыми» Другими: «О гуманизации образования и воспитания можно говорить лишь в том случае, когда обучаемый становится автономным субъектом собственного развития и соучаствует в ответственности за результат формирования своей индивидуальности. При этом он сам заинтересован в работе над собственным образованием, комплексно развивается в интеллектуальной и эмоциональной сферах развития личности, усваивает социокультурные ценности образования и воспитания, тесно связанные с жизнью и перспективами развития общества» [1, с. 14].

Несмотря на демократизацию образовательного пространства, существует ряд «побочных эффектов» для его участников. Так, статус педагога/учителя подвержен десакрализации: под сакральным в данном случае мы имеем в виду четкую иерархию статусов, при которой не имеющие отношение к образованию в советскую эпоху не имели возможности влиять непосредственно на деятельность учителя (только через обращения в РОНО) – сейчас пространство предельно десакрализовано, доступно для широкого круга лиц (возможности влиять на результаты офлайн и онлайн). Поиски смыслов идут через экзистенциальные вопросы соотношения реального и виртуального, образы Мы/Они имеют отношение к переходу от одной парадигмы развития к более совершенной: «...цели информатизации сферы образования, поставленные более двух десятилетий назад не потеряли свою актуальность, поэтому можно вести речь не о разнице в концепциях информатизации и цифровизации, а о линейной трансформации системы образования и социума в целом. Базисом этой трансформации служит технологический прогресс, который стимулирует смену эпох развития цивилизации, в результате чего информатизация плавно трансформировалась в цифровизацию» [4, с. 14]. Гуманизм здесь приобретает очертания нового экзистенциализма (однако на основаниях неомарксистской риторики), что реализуется через поиски себя и статусов в воображаемых полях образовательных ресурсов.

Авторитарный контроль информационного общества выглядит как забота обо всех акторах педагогического процесса и позволяет одновременно демонстрировать подобие развития цифровых технологий. На наш взгляд, таким образом происходит подмена понятий управления и контроля; управлять означает (вынужденно) контроли-

ровать на манер советского опыта, создавая одновременно сервисы по достижению обеих целей. Постмодерное управление по сути – тот же авторитарный контроль, а гуманизация становится синонимом технократизации: «Большой объем данных означает большое количество информации о миллионах обучающихся и тысячах учебных заведений. Эти данные накапливаются и порождают ранее небывалый объем информации, который может быть использован для эффективного управления учебным процессом» [2, с. 161].

Избавление от авторитарных трендов в педагогике как предвестник гуманизации образования – актуальная задача для всего педагогического сообщества. Противопоставление гуманизма и консерватизма в педагогике – проблема, которая будет дискутироваться длительное время, однако решение едва ли появится в ближайшее время: образование, как известно, достаточно консервативная сфера бытия, и существующие традиции, по-видимому, сохранятся и будут воспроизводиться несмотря на объективные потребности в новациях согласно духу времени. Все участники образовательного пространства продолжают так или иначе влиять и формировать конечный педагогический продукт несмотря на недостаток «сосредоточенности и глубины» [3, с. 138]. Иерархия акторов учебно-воспитательной деятельности (преподаватель–обучающийся–руководство) станет еще более размытой, жесткое детерминирование останется в прошлом, что поставит на повестку дня иные тренды гуманизации обучения и места каждого участника в нем. Молодежь как «поставщик» педагогических идей займет важные онтологические онлайн и оффлайн пространства, а сама гуманизация «в чистом виде» перестанет существовать, уступив место трендам де- и регуманизации, что ни в коей мере не снизит актуальность обозначенных проблем.

Список литературы

1. Башаримов Ю. П., Егоров В. А. Гуманизация образования: проблемы и перспективы // Вестник БГУ. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanizatsiya-obrazovaniya-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 11.10.2020).
2. Гребенникова В. М., Новикова Т. В. К вопросу о цифровизации образования // ИСОМ. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-tsifrovizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 21.07.2020).
3. Гусельцева М. С. Информационная социализация в транзитивном обществе: контексты дигимодернизма // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. ст. и материалов Междунар. конф. «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека», 14–17 февраля 2018 г., Коломна.
4. Москалюк В. С. Необходимость цифровизации российского образования // Наука и образование сегодня. 2019. № 10 (45). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neobhodimost-tsifrovizatsii-rossiyskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 22.07.2020).
5. Стрекалова Н. Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-vnedreniya-tsifrovyyh-tehnologiy-v-obrazovanie> (дата обращения: 22.07.2020).

УДК 37(470)
ББК 74(2Р)

Ершова А. Е., *Иркутск*

Основные тенденции развития непрерывного образования в России

Изучается проблема развития непрерывного образования в России. Раскрывается определение непрерывного образования, анализируются его особенности и функции. Особое внимание уделяется вторичному анализу социологических исследований, проведенных ВЦИОМ и ФОМ по теме непрерывного образования.

Ключевые слова: образование; ступени образования, функции образования, тенденции, непрерывное образование.

Ershova A. E., Irkutsk

Main trends in the development of lifelong education in Russia

The article is devoted to the study of the problem of the development of lifelong education in Russia. The author reveals the definition of the term, analyzes its features. Particular attention is paid to the secondary analysis of sociological research conducted by VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) and FOM on the topic of lifelong education.

Keywords: education; stages of education, functions of education, trends, lifelong education.

Проблема развития образования является актуальной в российском обществе. Только получив профессиональное образование (среднее специальное, высшее), став хорошим специалистом в определенной области, можно устроиться на желаемую работу. В современном мире развивается тенденция к непрерывному образованию, позволяющему получать знания, умения и навыки в течение всей жизни. Если обратиться к термину непрерывное образование, то, в целом, – это способ развития личности, приобретение знаний, навыков, обогащение умственных способностей благодаря системе институтов (семья, школа, университет), расширяя и углубляя профессионализацию при переходе из одной ступени образования в другую. Существует два способа получения образования: обучение и самообразование. Функции, которые заложены в образовании, – это воспитательная, культурная, экономическая, получение знаний, передача опыта, социализация и др. Среди тенденций можно выделить: непрерывность, интернационализацию (единую систему), демократизацию (общедоступность), гуманизацию (ориентацию на личность), гуманитаризацию, компьютеризацию. Кроме того, образование можно разделить на такие ступени, как: дошкольное, начальное общее, основное общее (9 кл.), среднее общее (11 кл.), среднее профессиональное, высшее. В ФЗ № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 прописаны следующие положения: равенство граждан в получении образова-

ния, культурное воспитание личности, непрерывное образование [6]. В 2019–2020 гг. были внесены поправки, затронувшие создание новой формы дистанционного обучения и обучение только с первой смены. Для педагогов был создан институт всеобщего повышения квалификации.

Ученые исследовали разные особенности непрерывного образования. Например, О. В. Зайцева останавливается на истории возникновения новой тенденции непрерывного образования и опирается на некоторые формулировки данного термина. При стремительном увеличении количества знаний, внедрении новейших технологий перед обществом появляется задача развития непрерывного образования. С помощью него на протяжении всей жизни индивид сможет обогащать свои знания. Эта тенденция появилась и начала распространяться практически по всем странам в середине 1970-х гг. и стала одним из главных ориентиров образовательных реформ. Первый раз понятие «непрерывное образование» было употреблено в 1986 г. [3].

Опираясь на мнение Н. В. Андрейчука, следует раскрыть суть двух видов образования: традиционного и непрерывного. Важно отметить, что традиционно сложилось так, что учащийся – это объект, а учитель – субъект. Но с развитием общества стереотип таких отношений переходит больше к типу субъект-субъект. То есть ученик теперь получает знания не только от учителя, но и сам, изучая всевозможную литературу, окружающий его мир и себя в том числе. Современная Россия переходит от «конечного» к «бесконечному» типу образования [1]. Так, И. А. Колесникова пишет о том, что культура такого типа образования в большей мере обоснована культурой управления и уровнем наследования стереотипов, которые становятся инструментом личного и профессионального роста. Это позволяет определить, что данная тенденция четко сформирована и структурирована. И ее развитие происходит не только на уровне всего общества, но и на уровне каждого индивида отдельно [5].

Обратимся к мнению Р. Р. Шахмаровой, которая подчеркивает, что непрерывное образование имеет такие функции как: «профессиональная, социальная и личностная» [8, с. 2]. Все эти функции играют равнозначно-важные роли, так как они влияют на развитие каждого индивида как личности. Этому также способствует разнообразие образовательных программ, благодаря которым человек получает знания. Такие изменения затрагивают все сферы жизни общества. «В качестве приоритетов выделяют активность личности в образовании и самообразовании, привитие интереса к знаниям через индивидуализацию и разнообразие образовательных программ, интеграцию формального, неформального и информального образования» [8, с. 2].

Следует отметить, что в пресс выпуске от 15.06.2020 г. «Ученые-свет» также затрагиваются вопросы о непрерывном образовании. В современном обществе получение второго, третьего образования стало привычным желанием многих. Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат) в 2015 г. проведен опрос, целью которого было выяснить, как население участвует в непрерывном образовании в Приангарье. В результате из всех жителей Иркутской области 42 % непрерывно обучаются. Данное наблюдение проводится каждые 5 лет. В нем учитывается любое получение знаний (от второго высшего и более до вязания крючком) [4].

Сравнивая и анализируя всероссийские опросы населения разных лет из базы результатов опросов россиян «Архивариус» и «Спутник» на официальном сайте ВЦИОМ отметим, что опросы, проведенные в 2004 г. «Ваше образование?» и в 2018 г. «Ваше образование?» имеют сходства результатов в том, что основная часть респондентов имеют среднее специальное образование (29,53 % и 32 % соответственно), но в опросе 2018 г. после среднего специального образования значительная часть опрошиваемых имеют незаконченное высшее (с 3-го курса) и высшее образование (43 % всех опрошенных). Это говорит о том, что в настоящее время число выпускников, заканчивающих высшие учебные заведения заметно увеличивается, вследствие чего растет и «образованность» россиян [2].

Исходя из данных всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ 15.09.2019 г. «Почему бы Вы не хотели, чтобы Ваши дети/внуки получили высшее образование за рубежом?» [2] можно сделать вывод, что равные доли опрошенных (по 39 %) считают, что в России достойное качество образования, и они хотят, чтобы их дети работали и учились дома (в России). К этому необходимо добавить сведения следующего анкетирования 10.09.2017 г. «Где больше возможностей для того, чтобы: получить хорошее образование» [2]. 57 % – в Москве, в других городах и странах – 8 %, примерно одинаково – 33 %. Еще один опрос, проведенный 08.07.2018 «Высшее образование обеспечивает человеку успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей?» [2]. По результатам опроса, социологам удалось выяснить, что 63 % респондентов согласны с этим утверждением, а 34 % не согласны (почти треть всех ответов). 12.02.2017 был проведен другой опрос «Молодежи сейчас непонятно, как добиться успеха, для чего получать образование, если по профессии невозможно устроиться» [2]. Больше половины участников опроса соглашались с этим утверждением (69 %). В большей степени это связано с тем, что в наше

время молодежь все больше привязывается к своим родителям, которые «все за них решают». Вследствие чего индивид не может принять какое-либо серьезное решение самостоятельно, в данном случае выбрать направление, на которое он желает поступить.

Обратимся к результатам всероссийского опроса, проведенного 13.08.2020 Фондом «Общественное мнение» о качестве высшего образования в Российской Федерации, результаты которого показали: 45 % респондентов считают его удовлетворительным, хорошим – 20 %, плохим – 22 % (обладающих им – 27 %); мнение о том, что оно отвечает сегодняшним потребностям, имеют 40 % опрошенных, не отвечает – 37 %; Россия входит в число передовых стран – 31 %, ее место в середине – 48 %, отстает – 10 % [7].

Подводя итоги можно заключить, что проблема непрерывного образования играет важную роль в жизни каждого человека. Благодаря его непрерывности, человек каждый день познает что-то новое, познает себя, мир вокруг. Основными тенденциями развития непрерывного образования являются – усовершенствование системы образования, рост образованности населения, доступность обучения для всех слоев населения. В XXI в. процесс непрерывного образования, несомненно, следует отнести к актуальной проблеме не только в России, но во всем мире, поскольку это век информационных технологий, в котором создана глобальная сеть Интернет, с помощью которой человек может получить практически любую информацию и учиться в течение всей жизни.

Список литературы

1. Андрейчук Н. В. Проблема непрерывного образования в контексте современной философии образования // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта 2007. № 8. С. 7–15. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9571048_41011330.pdf (дата обращения: 14.10.2020).
2. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://bd.wciom.ru/> (дата обращения: 08.10.2020).
3. Зайцева О. В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // Вестник ТГПУ. 2009. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-osnovnyeponyatiya-i-opredeleniya> (дата обращения: 14.10.2020).
4. Иркутскстат. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения: 09.10.2020).
5. Колесникова И. А. Культура непрерывного образования: к обоснованию понятия // Непрерывное образование: XXI век. 2014. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-nepreryvno-obrazovaniya-k-obosnovaniyu-ponyatiya> (дата обращения: 14.10.2020).
6. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 08.10.2020).
7. Фонд «Общественное Мнение». URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14436> (дата обращения: 09.10.2020).
8. Шахмарова Р. П. Непрерывное образование – основа развития личности в современном обществе // Мниж. 2017. № 5-2 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nepreryvnoe-obrazovanie-osnova-razvitiya-lichnosti-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 14.10.2020).

УДК 376.43
ББК 74.65

Маркова Е. А., *Иркутск*

Социальные изменения системы образования как часть формирования кредита доверия населения: социально-исторический анализ причин

Рассматриваются проблемы образования XX в. и современного образования, раскрывается их сущность. Делается акцент на взаимосвязи изменений между проблемами эпох с точки зрения цикличности по Тоффлеру.

Ключевые слова: проблемы, ученики, студенты, образование, цикличность Тоффлера.

Markova E. A., *Irkutsk*

Social Changes in the Education System as Part of the Formation of a Credit of Public Confidence: a Socio-historical Analysis of the Reasons

The article deals with the problems of education in the XX century and the problems of modern education. The essence of each problem is revealed. The article focuses on the relationship of changes between the problems of epochs from the point of view of Toffler cyclicity.

Keywords: problems, students, students, education, Toffler cyclicity.

В наши дни интеллектуальный потенциал становится одним из главных фактов, определяющих прогрессивное развитие общества, а также конкурентоспособность национальной экономики на мировом рынке [1]. Интеллектуальный потенциал формируется и накапливается в ходе развития человека как личности. То есть для создания прогрессивно-развивающегося общества, важную роль играет человек, а именно, развитие его личностных качеств. Мировое сообщество в конце XXI в. пришло к выводу о том, что от уровня и качества образования зависит положение личности в обществе, ее материальное и моральное благосостояние, а также возможность и реализации нравственных и материальных потребностей [1]. Мы можем заметить прямую связь между образованием и положительным развитием общества. Именно образование дает толчок к прогрессивному развитию общества, так как оно играет значимую роль в формировании интеллектуального потенциала.

Но, к сожалению, стоит заметить тот факт, что на сегодняшний день «кредит» доверия граждан системе отечественного образования практически исчерпан [5]. В нашей стране произошло резкое снижения качества образования. Данная проблема беспокоит как многих ученых, так и обычных граждан. Но что же произошло с образованием за несколько десятилетий? Ведь XX в. принес нам огромные до-

стижения в сфере образования, которые легки в основу не только колоссальных социальных преобразований, но и в основу научно-технического прогресса. Как ни странно, у каждого действия есть свои плюсы и минусы. Все эти достижения помимо своих колоссальных изменений сопровождались также различными проблемами, обоснование которых, позволили многим исследователям говорить о мировом кризисе образования. Поэтому проблемы образования оказались в центре внимания общества в целом.

Мы считаем, что для того, чтобы понять, что именно вызвало кризис образования, стоит подробно разобраться с проблемами, а также с ожиданиями, последовавшими после колоссальных достижений в сфере образования, в XX веке. Вообще, о кризисе образования заговорили в 1960 г. после выхода в свет книги Ф. Камбуса «Кризис образования в современном мире» [1]. Автор книги считал, что кризис связан с тем, что современная система не успевает адаптироваться к быстрым темпам развития научно-технического прогресса. Также не стоит забывать и том, что появлялись новые приоритеты в связи с изменениями социально-политического строя [7]. Все эти факты привели к понижению значимости ценностей образовательной системы. Таким образом, мы можем говорить о том, что к мировому кризису образования привела невозможность адекватно ответить на вызовы времени.

К проблемам XX в. также относится и все более значимое отличие в уровне образования между богатыми и бедными странами и внутри страны между социальными слоями [1]. Не стоит забывать и о социальных реформах, которые пережило образование XX в., но новые условия не позволяли в полной мере развиваться системе образования, вследствие чего, произошло падение качества образования. Первая мировая война, период экономической депрессии, социальный хаос конца 20-х начала 30-х гг., который закончился установлением диктатуры, Вторая мировая война, эпоха «холодной войны» и в конечном счете крушение Советского союза стали одними из главных факторов кризиса образования [1].

Как нам известно из истории, XX в. – это век развития промышленности. На смену человеческому труду приходят машины, и поэтому становится необходимым развитие отечественной промышленности, а, следовательно, возрастает и необходимость в усилении технической составляющей учебного процесса. Страна исключительно нуждалась в рабочем классе.

Помимо проблем, также стоит обратить внимание и на историю социальных изменений в сфере образования под натиском внешних

проблем. На наш взгляд лучше всего взять именно период после оттепели. В 70-е гг. из-за постепенно нарастающей массовизации высшего образования, постановок неправильных задач и невозможности их решения советская школа приходит в упадок, а также из-за научно-технической революции, вследствие которой объем информации начал расти слишком быстро, что привело к «старению» знаний. В последующие годы об упадке говорили открыто. Чаще всего объектом критики выступала некомпетентность органов управления, бюрократизм, сверхцентрализация в управлении и финансировании, а также нацеленность на создание заданного типа личности, игнорирование индивидуальности ученика. Таким образом, к 80-м гг. потенциал советской системы образования был исчерпан. В 1983 г. встал вопрос о необходимости реформ в сфере образования и в апреле 1984 гг. вышел закон, предусматривающий в течение десятилетия дополнить всеобщее среднее и профессиональное образование. Но, к сожалению, реализация данной реформы вновь столкнулась с рядом трудностей и проблем. Также во второй половине 80-х гг. происходит все большее несоответствие с общественными и образовательными потребностями, в данный период происходит снижения интереса к образованию. В данный период происходит идеологических кризис социализма, которые приводит к формированию общественных движений, которые опираются на различные нравственные ценности, в таких условиях школа уже не способна заниматься идеологической пропагандой.

В 90-е гг. происходят серьезные изменения в сфере образования России. Теперь в задачи образования не входит образовательных учреждений не входит идеологическая пропаганда, уходит принцип монополии государства на образования. Уже с конца 80-х гг. начинается дифференциация образования по склонностям и способностям детей. Появляются лицеи и гимназии, которые в творческом плане являются более сильными, чем школы. В лицеях происходит специализация предметов по отдельным дисциплинам. Также начинается практиковаться практика приглашения вузовских преподавателей в школе, чтобы ликвидировать разницу между уровнем подготовки школьников и требованием к выпускникам. В сфере общепрофессионального образования появляются учебные программы, целью которых является оглядывания наиболее современных и нужных специальностей. В системе высшего образования происходит изменение традиционного пятилетнего курса обучения – пятилетний курс обучения предлагается разделить на два – бакалавриат и магистратура. Во многих вузах применяется практика создания коммерческих направ-

лений подготовки. Таким образом, мы видим, что к концу XX в. сфера образования России начинается изменяться в лучшую сторону: уходит из системы образования идеализация учеников, большее внимание уделяется интересам личности, ее индивидуальности, ставится акцент на необходимости изменений учебных программ и внесение в них более усовершенствованных, более современных дисциплин.

В новом, информационном, обществе человек должен уметь находить и отбирать информацию, уметь анализировать, а также оценивать и выдвигать гипотезы. Также возрастает рост в сфере экономических услуг, что порождает необходимость в умении общаться с незнакомыми людьми.

В современном образовании имеется большой перечень различных проблем. В настоящее время мы до сих пор используем советскую систему образования, которая требует значительных изменений и корректировок. Как уже было сказано мы живем в век информации, поэтому необходимо в учебный процесс внедрять инновационные технологии. Из-за стремительного научного прогресса многие учебные материалы для образовательного процесса устаревают, вследствие чего требуется создание новых, ориентированных на реалии настоящего мира. Одной из проблем является неполное усвоение информации учениками, на наш взгляд, следует не заставлять учеников заучивать информации, а помогать ученикам в понимании и усвоении этой информации, чтобы в дальнейшем они могли применять на практике полученную информацию. Кроме того, модели обучения в школе и в вузе существенно различаются, что усложняет адаптацию первокурсников в социокультурном пространстве вуза.

Также одной из проблем является нехватка практики во время учебного процесса. Многие студенты после окончания вузов говорят о том, что не готовы приступить к работе из-за нехватки практических знаний. Это связано с системой образования, которая больше направлена на будущего ученого-теоретика. Теоретические знания очень часто не пересекаются с практической деятельностью, что на выходе дает соответствующие проблемы.

Острой проблемой современного образования является недофинансирование. Данная проблема касается все уровни российского образования. Эта проблема приводит к тому, что в учебных учреждениях нет нужного количества компьютеров, современного оборудования и учебников, соответствующих научному прогрессу. Помимо нехватки оборудования и соответствующих компьютерных оборудования, недофинансирование также порождает проблему нехватки об-

новленного педагогического состава. Молодые люди, двигатели научного прогресса, редко выбирают профессию педагога, так как данная профессия низкооплачиваемая.

Еще одной проблемой современного образования является сильная загруженность учеников и студентов. Ученикам и студентам приходится осваивать большое количество учебного материала. Такая загруженность часто не оставляет времени ученикам для саморазвития, хотя для нашего информационного века именно саморазвитие играет важную роль для формирования личности.

С появлением нового вируса возникла и новая проблема современного образования. Это проблема самоорганизации. После выхода на карантин многим ученикам и студентам пришлось контролировать себя самостоятельно. В этот период увеличилась роль самообразования и индивидуализации образования, т. е. в выборе содержания своего образования стали сами ученики. Столкнувшись с такой формой обучения, исследователи сделали вывод о том, что у учеников и студентов на данный момент довольно слабый уровень самоконтроля. Проанализировав данную ситуацию, можно сказать, что в какой-то степени благодаря новому вирусу, образование в эпоху глобализации в какой-то мере стало соответствовать ожиданием американского философа и социолога Элвин оффлера. Философ считал, что образование в эпоху глобализации измениться: увеличить необходимость индивидуализации обучения, а также возрастет роль домашнего обучения. Также Элвин Тоффлер говорил о принципе «сделай сам» и принципе производства для себя. Суть принципа заключается в том, что часть процесса обучения перекладывается с педагога на самих учеников. Принцип производства для себя означает, что каждый получает образование исключительно для своих нужд [8]. Таким образом, мы можем заметить, что наше образование может выйти на новый прогрессивный уровень, но только в том случае, если каждый поймет всю необходимость данных изменений.

Многие исследователи полагают, что существенных позитивных изменений в сфере образование в наши дни не происходит. Перекокс выделения мест, финансируемых из средств федерального бюджета, на социальные науки, в сторону естественных наук и педагогики, бессистемное внесение изменений в правила приема в вузы (менее, чем за один календарный год), преобладание требований развития науки над процессом обучения, бюрократизация сопровождения учебного процесса, перевод системы поддержки внеучебной деятельности в плоскость ответственности вузов и т. п. дистанцирует ожидания обще-

ственности от возможностей образовательной сферы. В сфере образования по-прежнему игнорируется необходимость внедрения инновационных идей и современных тенденций. К примеру, во многих вузах страны часто имеются только коммерческие места на современные и нужные специальности. Также можно проследить то, что мы до сих пор в большинстве случаев учимся по старой, неусовершенствованной учебной программе. Сейчас происходит тенденция сокращения учебных часов на специализированные предметы и факультативы, чтобы говорить о том, что обучающиеся получают гораздо меньше необходимой информации и нехватку практики, не анализируется эффективность предоставления повышенного числа часов на занятия физической культурой, что особенно сложно воспринимают обучающиеся по заочной форме (а дистанционное обучение это продемонстрировало в особой мере). На наш взгляд, сфера образования нуждается в системных стратегически выстроенных изменениях, начиная со школьного образования и заканчивая вузами. На наш взгляд, это повысит кредит доверия системе образования и привлечет в нее новые ресурсы.

Список литературы

1. Бодрова Е. В., Никитина С. Б. Кризис системы образования. Поиск новой парадигмы образования на рубеже XX–XXI веков // Сайт Московского гуманитарного университета. URL: <http://www.mosgu.ru/hauchnaya/publications/2009/professor.ru/Bodrova&Nikitina.pdf> (дата обращения: 08.09.2012).
2. Гриневич И. М. Реформирование системы образования в начале XX века // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-sistemy-obrazovaniya-v-nachale-xx-veka> (дата обращения: 17.10.2020).
3. Клячко Т. Л. Образование в Российской Федерации: проблемы и тенденции развития в начале XXI века // Мир России. Социология. Этнология. 2011. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-v-rossiyskoj-federatsii-problemy-i-tendentsii-razvitiya-v-nachale-xxi-veka> (дата обращения: 17.10.2020).
4. Найденова З. Г. Анализ проблем образования конца XX начала XXI века // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-problem-obrazovaniya-kontsa-xx-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 17.10.2020).
5. Сомкин А. А. Системный подход и Актуальные проблемы современного образования (социально-философский анализ) // ИТС. 2008. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnyy-podhod-i-aktualnye-problemy-sovremenno-go-obrazovaniya-sotsialno-filosofskiy-analiz> (дата обращения: 17.10.2020).
6. Шурьгина Э. И. Образование XXI века: проблемы и перспективы // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. № 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-xxi-veka-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 17.10.2020).
7. Мировой кризис образования: сущность и конкретные проявления. URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013556> (дата обращения: 17.10.2020).
8. Роль образования в эпоху глобализации по Тоффлеру. URL: [<https://poisk-ru.ru/s1366t3.html>] (дата обращения: 17.10.2020).

УДК 30.304.2
ББК С54.С 9

Меринова В. Н., *Иркутск*

Развитие личности детей-инвалидов как один из социальных институтов

Исследуется возникновение социокультурной реабилитации инвалидов с помощью средств культуры и искусства, способствующей ликвидации социальных и культурных барьеров, стоящих между инвалидом и обществом.

Ключевые слова: лица с ограниченными возможностями здоровья, социокультурная реабилитация, творчество, личный потенциал, интеграция, социум.

Merinova V. N., Irkutsk

Personal Development of Disabled Children as one of the Social Institutions

The article examines how the social and cultural rehabilitation of disabled people arose with the help of cultural and artistic means, which contributes to the elimination of social and cultural barriers between the disabled and society.

Keywords: persons with disabilities, socio-cultural rehabilitation, creativity, personal potential, integration, society.

В настоящее время подходы к пониманию инвалидности заметно изменились, соответственно меняются и приоритеты в деятельности, направленной на реабилитацию лиц с ограниченными возможностями здоровья. На протяжении многих лет задачей реабилитации было приведение инвалидов к «нормальному состоянию», т. е. сделать его как все, то на данный момент внимание уделяется на преодоление «социальных барьеров», которые мешают инвалиду максимально использовать в обществе имеющиеся возможности, оказать ему помощь включиться в жизненный процесс (такой подход называется инклюзивным).

В 2012 г. Российская Федерация ратифицировала конвенцию ООН о правах инвалидов, и изменилось отношение к ним, где инвалидность является результатом взаимодействия между лицом с ограниченными возможностями здоровья и барьерами, которые мешают их полному и эффективному участию в жизни общества. Создание условий для полноценной жизни и принятие мер для социализации инвалидов в общество позволяют осуществить процесс развития личности как отдельно взятого социального института.

Когда человек вычеркнут из всех социальных связей, нет друзей, связей, нет целей в жизни, то положительные результаты медицинской реабилитации сводятся к нулю. Поэтому необходимо отвлечь инвалида от его проблем, занять или развлечь чем-то, реализовать его возможности, получить качественное образование, найти достойную работу.

Особый интерес вызывает вопрос о становлении личности детей-инвалидов. За последний год число детей-инвалидов в России увеличилось на 4 % (20,3 тыс. чел.), а число обучающихся детей с инвалидностью составило 1,15 млн чел. Последнее десятилетие ведется работа по созданию условий, в которых дети-инвалиды могли бы быть включены как в общеобразовательный процесс, путем развития инклюзивного образования, так и в процесс дополнительного образования.

Увеличение числа инвалидов среди детей, быстрый темп развития общества делают вопрос об образовании актуальным и требующим больших усилий для успешной реализации и закрепления в образовательной системе. Дополнительное образование служит не только источником знаний и развития творческих способностей, но и выполняет функцию интеграции детей-инвалидов в социальную и образовательную среду.

По мнению многих ученых-педагогов, дополнительное образование компенсирует ограниченность школьного образования путем реализации досуговых и индивидуальных образовательных программ, дает возможность каждому ребенку удовлетворить свои индивидуальные познавательные, эстетические и творческие запросы. Дополнительное образование не только расширяет знания о творческих возможностях и творческом потенциале обучаемых, но и обеспечивает возможность успеха в избранной сфере деятельности. Тем самым способствует развитию таких качеств личности, которые важны для успеха в любой сфере деятельности, создает возможность круга общения на основе общих интересов, общих ценностей [1].

С 11 декабря 2018 г. педагоги дополнительного образования организуют и осуществляют образовательную деятельность в соответствии с утвержденным Министерством просвещения Российской Федерации приказом от 9 ноября 2018 г. № 196, в котором большое внимание отведено организации образовательного процесса по дополнительным общеобразовательным программам для обучающихся с ограниченными возможностями, детей-инвалидов.

Люди с инвалидностью очень различны по своему интеллектуальному развитию и социальным компетенциям, поэтому необходимо правильно ставить цель и создавать благоприятное социальное окружение.

Изучая возможности развития личности ребенка-инвалида нужно учитывать его личностный потенциал, т. е. его способность к умножению своих внутренних возможностей, в первую очередь – способность к развитию. В личностный потенциал входит: здоровье психи-

ческое, душевное, личностное и психологическое, смысловое наполнение жизни, общий и эмоциональный когнитивный аспект [3].

Для детей-инвалидов можно выделить несколько особенных факторов, которые затрудняют развитие личности, это социальная и биологическая среда. В социальной среде ребенку-инвалиду необходима помощь со стороны людей, а в биологической среде необходима помощь для создания жизненно необходимых условий. Личностный потенциал ребенка-инвалида, в силу его болезни, несколько ниже, чем потенциал здорового ребенка.

Условия, создаваемые вокруг ребенка, либо его социализируют, либо ресоциализируют, где возможны разрушения социальных связей и изменение прежнего социального статуса. Причем, ресоциализация возможна только в случае прерывания нормальной жизнедеятельности, в случае травмы либо серьезной болезни, мешающей вести ребенку прежний образ жизни. Поэтому для построения реализации личностного потенциала у детей-инвалидов нужно стремиться к созданию условий для их адекватной социализации в социальной среде [2].

Для полноценного развития личности детям-инвалидам необходимо особое воспитание, забота со стороны родных и близких, особые комфортные условия для полноценного развития личностных потенциальных ресурсов и способов совладания с трудными жизненными ситуациями, в том числе жизнестойкости как фактора развития личности.

Также остро стоит вопрос о государственной поддержке семьям с детьми-инвалидами. Создание системы ранней помощи в Российской Федерации соответствует положениям Всеобщей декларации прав человека и Конвенции о правах ребенка, в части создания комфортной и доброжелательной для жизни среды, обеспечения доступности и качества дошкольного образования для детей-инвалидов, детей с ограничениями жизнедеятельности, но не имеющих статуса ребенка-инвалида, детей из групп риска, включая детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся в социально опасном положении [1].

Существуют два фактора развития личности детей с ограниченными возможностями, в которых немало важную роль играет семья, с которой взаимодействует психолог [3]. Первый фактор связан с процессом воспитания в детях умения принять себя и свое физическое состояние. Для ребенка необходимо чтобы он чувствовал, что он любим и ценен, подтверждая это словами и поступками, подтверждать, что он не одинок и рядом с ним есть люди, которые всегда ему помогут в сложной жизненной ситуации.

Второй фактор также связан с умением воспитывать у детей-инвалидов адекватного восприятия окружающих. Изоляция ребенка-инвалида от общества не является верным путем решения проблемы. Дети с ограниченными возможностями также должны гулять, общаться со сверстниками, слушать музыку, читать книги, тем самым познавая для себя что-то новое. Ребенок-инвалид должен обладать способностью доверять людям, иметь возможность непринужденного общения с другими, а это способствует развитию себя как личности, верить в себя, что поможет в будущем осилить любые трудности.

Дети-инвалиды имеют различные ограничения здоровья, что в свою очередь сказывается на их психической и социальной жизни. Но комплексная работа родителей, психологов и педагогов создает условия для раскрытия и развития личностного потенциала детей и положительно влияет на их психологическое состояние.

Еще в конце 1990 г. в России стал формироваться подход, связанный с реабилитацией для лиц с ограниченными возможностями здоровья с помощью средств культуры и искусства. Так возникла социокультурная реабилитация для лиц с ограниченными возможностями здоровья, которая способствует ликвидации социальных и культурных барьеров, стоящих между инвалидом и обществом.

Социокультурная реабилитация представляет собой как комплекс мероприятий и процессов, имеющих цель оказать помощь лицам с особенностями в развитии, достигнуть оптимальной степени участия в социально-взаимосвязанных уровнях культуры, реализации их интересов и запросов, а также их дальнейшее поддержание. Решение проблем по социально-культурной реабилитации приводит к творческому развитию личности. Социализация детей-инвалидов также происходит через отдельные виды творчества.

В настоящее время появился целый ряд практик, основанных на различной методологии. Искусство как один из результатов творчества оказывает на организм не только лечебный эффект, но и влияет на активную жизнедеятельность индивида, что позволяет сохранить себя как личность, но и интегрировать в социум.

Творчество, в широком смысле, – это деятельность, направленная на создание нового и неповторимого. То есть по сути это деятельность, позволяющая в той или иной форме выразить свою неповторимую уникальную личность, ведь личность каждого человека уникальна. Это и есть не что иное как деятельность, раскрывающая потенциал личности.

В творческом порыве ребенок исследует мир и этот импульс любознательности, эта энергия дерзновения и деятельность под ее воздействием, развивает и обогащает гораздо больше, чем академическое обучение с самым сильным педагогом. Конечно, большая заслуга в приобщении ребенка к творчеству принадлежит коррекционным психологам, которые направляют ребенка, исходя из его личностных особенностей, создавая условия для развития.

Особое место социально-культурной реабилитации занимают инклюзивные танцы, где совместное танцевальное творчество людей с инвалидностью и без инвалидности. Данная технология осуществляется не только для детей-инвалидов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, в том числе и на колясках, но и для инвалидов с интеллектуальными особенностями, с аутизмом, с нарушением зрения, слуха. Это танец не просто «танец для инвалидов», а совместное творчество, где инвалиды и здоровые, являются творческими единицами одного процесса, стирающий барьеры взаимодействия, где инвалиды не выделяются и не рассматриваются отдельно, напротив он полноценный субъект танцевального творчества, где важны его двигательные особенности, его отношение к миру, рассматривается его творческий потенциал для создания чего-либо нового.

Танец рассматривается как укрепление психологического, физического и социального состояния личности, освоение элементов лечебной физкультуры, слушать музыкальный ритм, выполняя движения в такт. Для инвалидов-колясочников происходит не только обучение различным направлениям и стилям хореографии, а вживание в характер и образ персонала исполняющего танцорами, выражение собственного мнения. Такие ежедневные занятия позволяют развить максимальную социализацию и восстановить социальные и психологические функции организма [4].

Занятия в театральных студиях и других направлениях творчества детей -инвалидов также положительно влияет на развитие творческих способностей личности, где дети-инвалиды, имея общие интересы, устанавливают между собой дружеские отношения. Такие занятия дают возможность человеку проявить свою индивидуальность, реализовать свои способности, представить свое уникальное видение мира и свой внутренний мир, тем самым позволяя стирать барьер между людьми, так как творческий процесс одинаково сложен для каждого человека независимо от его физических и интеллектуальных особенностей.

Социокультурная реабилитация лиц с ограниченными возможностями здоровья через творчество позволяет приобрести новых друзей, происходит преодоление страха перед зрителями и сценой, улучшается самочувствие и настроение, повышается тонус, тренируется память, развивается мышление, вырабатывается концентрация, появляется уверенность в себе и возможность самовыражения.

Социально-культурная реабилитация инвалидов развивается в условиях межведомственного и межсекторного взаимодействия органов культуры и органов социальной защиты, медицины и образования. Это направление не обходится и без негосударственных коммерческих организаций, обладающих яркими творческими идеями и актуальными проектами, внедряя новые методы и подходы в реабилитации инвалидов. Только совместными усилиями можно добиться ликвидации социальных и культурных барьеров, стоящих между инвалидом и обществом.

Список литературы

1. Буйлова Л. Н. Работа с детьми с ОВЗ согласно «Порядку организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным общеобразовательным программам» // Журнал «Про ДОД». 2019. URL: <https://prodod.moscow/archives/13596>
2. Лебедева О. Е. Дополнительное образование детей : учеб. пособие. М. : Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. 256 с.
3. Суворов А. В. Совместно-педагогическая стратегия специальной школы. URL: <http://www.vevivi.ru/best/Sovmestno-pedagogicheskaya-strategiya-spetsialnoi-shkoly-ref21661.html>.
4. Тарасов Л. В. Сборник лучших российских практик социо-культурной реабилитации инвалидов. Подольск, 2018. 181 с.

Авторская справка

Аксёненко Игорь Александрович – студент 2-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: aia_ui@mail.ru

Ананьина Эльвира Дмитриевна – студентка 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: ananina.alvira@mail.ru

Анохина Анна Альбертовна – студентка 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: anokhinaa_anna@mail.ru

Апанина Алена Владимировна – студентка 3-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: aapanina7@gmail.com

Ардашев Роман Георгиевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель-методист отдела организации учебного процесса управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, г. Москва, e-mail: ardashev.rg@bk.ru

Артамонова Алена Сергеевна – студентка 3-го курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, г. Нижний Новгород, e-mail: alenkaartam@mail.ru

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Башкирского государственного университета, г. Уфа, e-mail: asadullina-guzeliya@yandex.ru

Бадейникова Елизавета Игоревна – студентка 3-го курса педиатрического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: lyvenochek@mail.ru.

Бардамова Яна Юрьевна – студент 2-го курса направления «Менеджмент организации», Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: yanabardamova@gmail.com

Бибердов Мансур Сар-Алиевич – студент 1-го курса, профиль «Физика и экономическое образование», Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный, e-mail: amirbespalov46@gmail.com

Битти Антонио Фернандес – доктор философии Университета Альгарве, г. Фаро, Португалия, e-mail: biiity@gmail.com

Бобков Александр Иванович – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: iab71@inbox.ru

Бобков Алексей Александрович – студент 1-го курса магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление» Института

социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: alesha.bobkov@inbox.ru

Богомолова Мария Иннокентьевна – студентка 1-го курса направления «Социальная работа», Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: mari.mari.bogomolova@mail.ru

Богорадникова Елена Анатольевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: lena.bogoradnikova@mail.ru

Бондарь Инна Викторовна – студентка 3-го курса направления «Практическая психология» Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь, e-mail: Innoentia506@gmail.com

Борисюк Иоан – протоиерей Благодичинный Саянского церковного округа, Саянской епархии РПЦ, студент магистратуры Московской духовной академии Троице-Сергиева лавра, г. Сергиев Посад, e-mail: ivan-zima93@mail.ru

Бурлимова Евгения Александровна – студентка 2-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: e_burlimova@mail.ru.

Бурмакина Наталья Алексеевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

Буханцов Владимир Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: bukhantsov2005@mail.ru

Бухарова Екатерина Анатольевна – студентка 1-го курса магистратуры направления «Менеджмент в образовании» Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: k.buharowa@yandex.ru

Вангаева Фатима Магометовна – студент 4-го курса направления «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профиль «История и обществознание» Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, diognafatima@gmail.com

Веселова Людмила Борисовна – студентка 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: veselova.Mila@yandex.ru

Волкова Рената Сергеевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук, Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: volkrenata@mail.ru

Гантимуров Василий Русланович – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: keronas@mail.ru

Гаськова Ирина Сергеевна – студентка 2-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: irinagaskova311@mail.ru.

Гильдебрандт Алиса Игоревна – магистрант 1-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук, Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: alisa-281999@mail.ru

Главинская Нина Владимировна – студентка магистратуры 2-го курса Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: nika664043@mail.ru

Гоголева Диана Вячеславовна – студентка 2-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: gogolevadiana72@gmail.com

Головчун Ксения Артёмовна – студентка 1-го курса направления «Социальная работа», Института социальных наук, Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: kseniagolovchun@yandex.ru

Голубош Олеся Сергеевна – студентка 3-го курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, г. Нижний Новгород, e-mail: o.golubosh@yandex.ru

Грабельных Татьяна Ивановна – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры социальной философии и социологии Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: tagr@bk.ru

Грошева Екатерина Константиновна – студентка 2-го курса Сибирско-американского факультета менеджмента Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: Daswegox@gmail.com

Гуринович Людмила Анатольевна – старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: milgur@mail.ru

Даркина Анна Владимировна – кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского юридического техникума, г. Воронеж, e-mail: ana_darkina@mail.ru

Деренко Николай Васильевич – доцент, кандидат физико-математических наук, заведующий кафедрой культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: derenko.n@gmail.com

Диггид Джон Дерин – профессор философии Университета Дж. Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд, США, e-mail: diggid@gmail.com

Дмитриева Анастасия Алексеевна – студентка 1-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: Dmitrieva880@mail.ru

Дружинин Глеб Викторович – преподаватель кафедры государственно-го и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, член правления Иркутского областного регионального отделения Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (ИОРО МАТГИП), г. Иркутск, e-mail: druzhinin93@mail.ru

Дубровская Людмила Дмитриевна – студентка 4-го курса факультета психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: mila.dubrovskaya.99@mail.ru

Ершова Анастасия Евгеньевна – студентка 2-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: ershovanastya01@mail.ru

Жданович Ольга Александровна – студентка 2-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: olga_aleksandrovna25@mail.ru.

Жигалова Ольга Алексеевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: zhigalova-olenka@mail.ru

Жуйкова Дарья Владимировна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: lena.bogoradnikova@mail.ru

Журавлева Ирина Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: irlend@mail.ru

Завьялов Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры клинической, социальной психологии и гуманитарных наук Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: zavialovandrijko@yandex.ru.

Зуева Екатерина Алексеевна – студентка 3-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: ka.zueva@mail.ru.

Иванов Роман Викторович – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: history2002@bk.ru

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», член Российского философского общества, Республика Татарстан, г. Казань, e-mail: sergei-zsk@mail.ru

Ирошников Денис Владимирович – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, истории права и международного права Российского университета транспорта, г. Москва, e-mail: dv-iroshnikov@mail.ru

Казарин Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и теории права Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: kazarinvik@yandex.ru

Кармадонов Олег Анатольевич – доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института соци-

альных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: karmado@yandex.ru

Ковалевская Анжелика Евгеньевна – студентка 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: angelika.k1278@gmail.com

Ковригина Галина Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск, e-mail: kowrigina.galina2017@yandex.ru

Комарова Марина Викторовна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: komarina2012@mail.ru

Король Мария Александровна – студентка 3-го курса направления «Практическая психология» Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь, e-mail: mariya.korol.2222@mail.ru

Легостаева Ирина Владимировна – ассистент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, e-mail: legostaevaiv@tyuiu.ru

Лелес Алина Сергеевна – студентка 3-го курса направления «Практическая психология» Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь, e-mail: nikaedko@yandex.ru.

Лещенко Ярослав Александрович – профессор, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Восточно-Сибирского института медико-экологических исследований, г. Ангарск, e-mail: yaleshenko@gmail.com

Линейцева Арина Александровна – студентка 3-го курса направления подготовки «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: a.lineytseva@yandex.ru

Литвинов Даниил Вадимович – студент 4-го курса направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, председатель Молодежной думы города Иркутска второго созыва, г. Иркутск, e-mail: dadaniil@mail.ru

Ляликова Анастасия Андреевна – студент 1-го курса магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, специалист-аналитик Фонда «Центр поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в Иркутской области», г. Иркутск, e-mail: nastya_lyalikova@mail.ru

Лященко Семён Максимович – лаборант-исследователь ФКУЗ «Иркутский ордена Трудового Красного Знамени научно-исследовательский противочумный институт Сибири и Дальнего Востока», ординатор 1 года обучения специальности «Эпидемиология» Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: ratonaldesign@gmail.com.

Магомадова Хава Асламбековна – студент 4-го курса направления «Профессиональное обучение по отраслям», профиль «Экономика и управ-

ление» Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, e-mail: magomadova_khava@bk.ru

Мадойкина Елена Викторовна – студент 5-го курса Института социальных наук направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: milgur@mail.ru

Малых Светлана Владимировна – доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: lana.malyx@bk.ru

Манзаров Ринчин Анатольевич – студент 2-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: manzarovrinchin2002@gmail.com.

Маркова Елизавета Александровна – студентка 2-го курса направления «Менеджмент организации» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: elizavetamarkova030101@gmail.com

Матвеева Ирина Андреевна – студентка 3-го курса медико-профилактического факультета Иркутского государственного медицинского университета, г. Иркутск, e-mail: ira4565@mail.ru

Медведев Павел Сергеевич – доцент, кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации Тюменского индустриального университета, Тюмень, e-mail: medvedevps@tyuiu.ru

Меньшикова Анна Андреевна – аспирант 3-го года обучения направления «Философия, этика и религиоведение» Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, e-mail: menanna1366@yandex.ru

Меринова Валентина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы института социальных наук Иркутского государственного университета, заслуженный работник социальной защиты населения Иркутской области, отличник социального обеспечения, г. Иркутск, e-mail: merinovavalentina@gmail.com.

Мехришвили Ламара Ленгизовна – профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, e-mail: lamara_m@inbox.ru

Митюкова Елена Владимировна – студентка 1-го курса направления «Социально-культурная деятельность» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, E-mail: elenamitikova6987@gmail.com

Мякотина Алина Сергеевна – студентка 3-го курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, e-mail: alinakarandash@mail.ru

Николаева Нина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Харьковского национального университета им. В. Н. Казарина, Украина, стажер департамента обменных программ Университета Альгарве, Фаро, Португалия, e-mail: nikolaevanina@gmail.com

Носырева Галина Вячеславовна – студентка 2-го курса Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: galka-nosyрева@mail.ru

Оканина Александра Федоровна – студентка 1-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, E-mail: Okanina2000@gmail.com

Олейник Евгения Анатольевна – магистрант 1-го курса направления «Инноватика» Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, e-mail: g2577k@yandex.ru

Осипов Тимур Алексеевич – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: otukeyofficial@gmail.com

Павлюк Мария Александровна – студентка 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: Mari.aleksandrovna.1999@mail.ru

Поджидаева Анастасия Юрьевна – бакалавр 2-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: sei135@mail.ru

Подковенко Александра Григорьевна – ассистент кафедры культурологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: alexstroveva@gmail.com

Полюшкевич Оксана Александровна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, e-mail: okwook@mail.ru

Попова Владлена Владимировна – доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: 900320@mail.ru

Попова Маргарита Евгеньевна – студентка 2-го курса Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: imargoropova@mail.ru

Попова Марина Владимировна – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, Иркутск, e-mail: bobrovskaya_marina93@mail.ru

Пружинин Александр Николаевич – аспирант направления «Социальная философия», ассистент преподавателя кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: alex.pruzhin@gmail.com

Пустобаева Анастасия Михайловна – доцент, кандидат социологических наук Харьковского государственного университета, Украина; стажер Университета Дж. Хопкинса, Балтимор, штат Мэриленд, США, e-mail: pusto-
baevz@gmail.com

Пьянкова Ксения Артемовна – студентка 2-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: k5enia.m@yandex.ru

Рангин Владимир Юрьевич – студент 2-го курса магистратуры направления «Государственное и муниципальное управление» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: rangin.vova2011@mail.ru

Решетников Владимир Алексеевич – профессор, доктор философских наук, директор Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: eresh80@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: eresh80@mail.ru

Рудакова Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, начальник отдела аналитики и мониторинга ГБУ ДПО учебно-методический центр культуры и искусства «Байкал», г. Иркутск, e-mail: rudakova_nv1@mail.ru

Рыбак Наталья Станиславовна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: nirk2k@gmail.com

Савицкая Юлия Петровна – старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, e-mail: savitskajap@tyuiu.ru

Сафонов Сергей Андреевич – студент 4-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: ssafonov36@gmail.com

Сизых Ирина Сергеевна – старший преподаватель, аспирант КГПУ им. В. П. Астафьева, Сибирский государственный университет имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск, e-mail: belezyak@mail.ru

Силвеев Илья Михайлович – аспирант 4-го года обучения Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: siliveev@mail.ru

Скуденков Владимир Алексеевич – магистр психологии, г. Иркутск, e-mail: vskudenkov@mail.ru

Спиридонова Анна Александровна – консультант отдела по работе с обращениями граждан управления губернатора Иркутской области и правительства Иркутской области по региональной политике, г. Иркутск, e-mail: annaalexandrovna@list.ru

Стифуткина Виктория Александровна – студент 1-го курса магистратуры направления «Консультативная психология, персонология» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, e-mail: vika.stif@gmail.com

Стрельцова Александра Антоновна – студентка 3-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: aleksandrastreltsova2907@gmail.com

Тайсумова Фатима Идрисовна – студент 3-го курса магистратуры Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, e-mail: vashstroy@mail.ru

Тайсумова Халимат Вахаевна – старший преподаватель кафедры экономики и управления в образовании Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный, e-mail: vashstroy@mail.ru

Терехова Татьяна Александровна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: terehovata@mail.ru

Титова Влада Олеговна – студентка 2-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: vladatitova53@gmail.com

Толстопятов Юрий Юрьевич – студент 1-го курса магистратуры направления «Психология» Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, e-mail: crt0pipeline@gmail.com

Трескин Петр Андреевич – старший преподаватель Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, директор МАУ ИЦ «Дзержинские ведомости» (СМИ «Дзержинские ведомости», общественно-политическая городская газета), г. Нижний Новгород, e-mail: treskin-ne@ya.ru

Трофимова Елена Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент базовой кафедры социальной, экстремальной и пенитенциарной психологии факультета психологии Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: trofimova-bgy@mail.ru

Туринцева Елена Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: e_turin05@mail.ru

Устинова Оксана Вячеславовна – доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменский индустриальный университета, г. Тюмень, e-mail: ustinovalov@tyuiu.ru

Фальковская Татьяна Юрьевна – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры культурыологии и управления социальными процессами Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: dear_dear@inbox.ru

Фейткевич Никита Александрович – студент 1-го курса магистратуры направления «Менеджмент в образовании» Педагогического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: feytkeovich@mail.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна – профессор, доктор социологических наук, кафедра маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, e-mail: haygullina@mail.ru

Чигринский Николай Сергеевич – аспирант 1-го года обучения направления «Конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право» Юридического института Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: tchigrinsky@yandex.ru

Шантанов Родион Викторович – студент 4-го курса направления «Социальная работа» Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: takhtinbek@gmail.com

Шарафеева Диана Салаватовна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Россия, г. Иркутск, e-mail: sharafeewa.diana@yandex.ru

Штогрин Анна Александровна – студентка 3-го курса факультета подготовки специалистов для судебной системы Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск, e-mail: Anna.as.888@yandex.ru

Штумпф Светлана Петровна – доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и религиоведения Института социально-гуманитарных технологий Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, e-mail: stumpf@kspu.ru

Щепина Екатерина Дмитриевна – студентка 3-го курса направления «Социология» Института социальных наук Иркутского государственного университета, Россия, г. Иркутск, e-mail: katidm01@mail.ru

Ярофеева Елена Романовна – психолог психологической лаборатории, ФКУ Исправительная колония № 31 ГУФСИН России по Красноярскому краю, г. Красноярск, e-mail: elenatelevataya27123@mail.ru

Яценко Татьяна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета педагогики и психологии Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь, e-mail: t.e.yatsenko@mail.ru

Научное издание

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТИНЫ

Материалы
II Международной научно-практической конференции
Иркутск, 30 ноября 2020 г.

Публикуются в авторской редакции

Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2020. Поз.100
Уч.-изд. л. 37,0.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Институт социальных наук – учебное подразделение ИГУ, которое объединяет специалистов четырех кафедр: социальной философии и социологии, социальной работы, культурологии и управления социальными процессами, государственного и муниципального управления.

В Институте ведется подготовка бакалавров и магистров по четырем направлениям: «Социология»; «Социальная работа»; «Менеджмент», «Государственное и муниципальное управление».

В структуру Института входят социальный факультет и факультет дополнительного образования. Действует аспирантура по трем специальностям – «социальная структура, социальные институты и процессы», «социология управления», «социальная философия».

На базе Института функционируют Иркутское отделение Академии социальных наук и Иркутское отделение Российской социологической ассоциации.

Научная деятельность Института развивается в соответствии с комплексными темами: «Современный гуманизм: история, теория и социальная практика» и «Социальная консолидация и социальное воспроизводство». Среди других приоритетных направлений научной деятельности – социальные трансформации, социология образования, политическая социология, гражданское общество, и др.

Институт активно сотрудничает со структурами Правительства Иркутской области и администрациями городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, а также с муниципальными органами местного самоуправления, различными специализированными центрами и организациями. Профессорско-преподавательский состав Института осуществляет экспертизу областных и федеральных социальных проектов и программ, участвует в разработке государственных докладов. На базе Института могут пройти переподготовку и повышение квалификации преподаватели российских вузов и ссузов, управленческий персонал социальной сферы, специалисты по социальной работе.

Институт социальных наук приглашает к сотрудничеству всех заинтересованных лиц для проведения совместных научных исследований, хоздоговорных работ по актуальным проблемам общественного развития.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

Почтовый адрес: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ИГУ, каб. 302

Адрес Института: 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 3, корпус 3, каб. 211

Телефон/факс: (3952) 243-748, (3952) 200-205

E-mail: vresh@socio.isu.ru